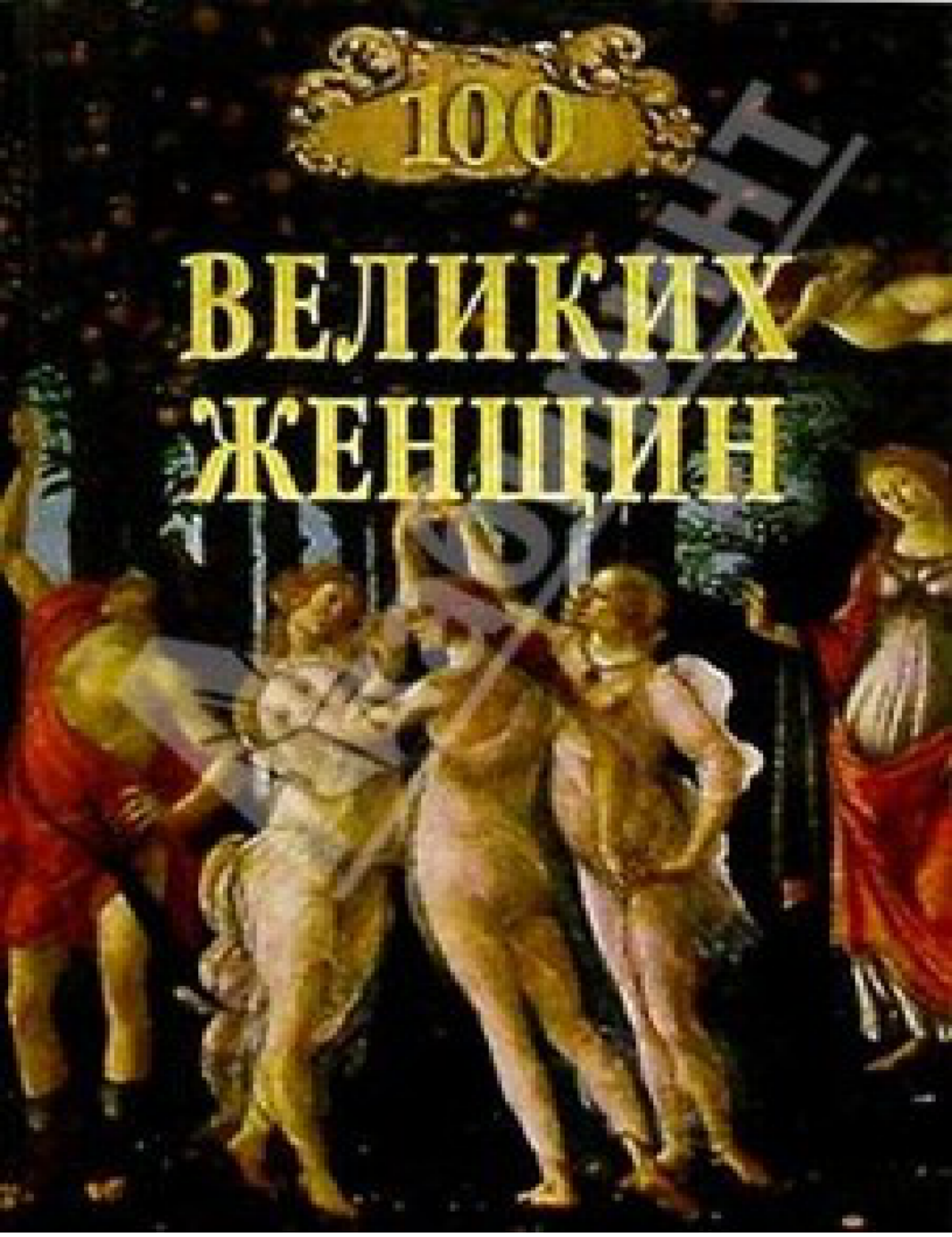
100 ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Героинями книги являются великие женщины, как хорошо известные российским читателям: Клеопатра, Нефертити, княгиня Ольга, Екатерина II, Жорж Санд, Майя Плисецкая, Маргарет Тэтчер, Ванга, так и малоизвестные; например, Камилла Клодель, Мурасаки Шикибу. Данная книга — не исследование женской психологии, не размышления о предназначении женщины, это целая галерея историй жизни самых выдающихся женщин, которые могут рассматриваться в качестве символов своего времени.

- Семашко Ирина Ильинична
  - ОТ АВТОРА
  - НЕФЕРТИТИ
  - САФО (САПФО)
  - КЛЕОПАТРА
  - ПАПЕССА ИОАННА
  - КНЯГИНЯ ОЛЬГА
  - МУРАСАКИ ШИКИБУ
  - ЭЛЕОНОРА АКВИТАНСКАЯ
  - ЦАРИЦА ТАМАРА
  - ЖАННА Д'АРК
  - ИЗАБЕЛЛА ИСПАНСКАЯ
  - МАРФА-ПОСАДНИЦА (БОРЕЦКАЯ)
  - ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ
  - ЕЛИЗАВЕТА ТЮДОР
  - МАРИЯ СТЮАРТ
  - БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА ФЕОДОСИЯ ПРОКОПЬЕВНА
  - МАРИЯ СИБИЛЛА МЕРИАН
  - ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА
  - СВЯТАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ
  - ЕКАТЕРИНА II
  - САЛТЫЧИХА (САЛТЫКОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА)
  - АНЖЕЛИКА КАУФМАН
  - ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА
  - КНЯЖНА ТАРАКАНОВА
  - МАТИЛЬДА ДАТСКАЯ
  - МАРИЯ-АНТУАНЕТТА
  - ЛУИЗА ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ
  - ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА КОВАЛЁВА-ЖЕМЧУГОВА
  - МАДАМ РЕКАМЬЕ
  - НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА

- ○ АВДОТЬЯ ИЛЬИНИЧНА ИСТОМИНА
- ○ ЖОРЖ САНД
- ○ МАРИЯ ТАЛЬОНИ
- ○ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ
- ○ СЕСТРЫ БРОНТЕ
- ○ ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА АСЕНКОВА
- ○ ДЖОРЖ ЭЛИОТ
- ○ КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ
- ○ ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЛАВАТСКАЯ
- ○ ЮЛИЯ ПЕТРОВНА ВРЕВСКАЯ
- ○ АДЕЛИНА ПАТТИ
- ○ САРА БЕРНАР
- ○ СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ
- ○ СОФЬЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ
- ○ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ЕРМОЛОВА
- ○ МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА БАШКИРЦЕВА
- ○ ВЕРА ФЕДОРОВНА КОМИССАРЖЕВСКАЯ
- ○ ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА ГЕССЕН-ДАРМШТАДСКАЯ
- ○ КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ
- ○ ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ
- ○ МАРИЯ КЮРИ
- ○ НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ
- ○ ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА ГИППИУС
- ○ ЛЕСЯ УКРАИНКА
- ○ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
- ○ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА
- ○ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ
- ○ АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА НЕЖДАНОВА
- ○ АННА ПАВЛОВНА ПАВЛОВА
- ○ ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ
- ○ КОКО ШАНЕЛЬ
- ○ НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ПЛЕВИЦКАЯ
- ○ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА
- ○ ЗИНАИДА ЕВГЕНЬЕВНА СЕРЕБРЯКОВА
- ○ ВЕРА ИГНАТЬЕВНА МУХИНА
- ○ ГАБРИЭЛА МИСТРАЛЬ
- ○ АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА
- ○ АГАТА КРИСТИ
- ○ ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА
- ○ МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА
- ○ ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА ХОЛОДНАЯ
- ○ МЭРИ ПИКФОРД
- ○ ЭСФИРЬ ИЛЬИНИЧНА ШУБ
- ○ ФАИНА ГЕОРГИЕВНА РАНЕВСКАЯ

- ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА ЧЕХОВА
- ГОЛДА МЕИР
- МАРИЯ ВЕНИАМИНОВНА ЮДИНА
- МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ
- ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА ОРЛОВА
- ЛЕНИ РИФЕНШТАЛЬ
- КЛАВДИЯ ИВАНОВНА ШУЛЬЖЕНКО
- АСТРИД ЛИНДГРЕН
- СИМОНА ДЕ БОВУАР
- ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА УЛАНОВА
- МАТЬ ТЕРЕЗА (АГНЕССА ГОНДЖА БОЯДЖИУ)
- ВАНГА
- ЭДИТ ПИАФ
- ИНДИРА ГАНДИ
- ЭЛЛА ФИЦДЖЕРАЛЬД
- ДЖУЛЬЕТТА МАЗИНА
- МАЙЯ МИХАЙЛОВНА ПЛИСЕЦКАЯ
- МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР
- МЭРИЛИН МОНРО (НОРМА БЕЙКЕР)
- АННА ФРАНК
- МОНТСЕРРАТ КАБАЛЬЕ
- ВИННИ МАНДЕЛА
- ФРАНСУАЗА САГАН
- ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ТЕРЕШКОВА
- ДЕВА МАРИЯ

- notes
  - 1
  - 2

Семашко Ирина Ильинична
100 ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

ОТ АВТОРА

Скажем сразу, мы выбрали задачу нелёгкую — женщин великих не так много, как нам бы хотелось. Известных, что называется «на слуху» — пруд пруди! А вот великих… Величественных… А главное, на века… Таких, может, 15—20 персон с уверенностью наберётся, а остальным предстоит ещё разбираться с историей, с её памятью. Конечно, имена Жанны д'Арк или Сафо сомнений не вызывают. Но кого можно поставить с ними рядом из наших современниц? Возможно, кому-то представленный в книге список женских имён покажется неубедительным и спорным.

Одним из критериев при выборе имён было желание как можно шире представить спектр деятельности, в котором представительницы слабого пола могут занять своё место среди сонма избранных. Знаменитые актрисы и писательницы, великие балерины и певицы — их бесконечное множество, и из их биографий свободно сложится не один том, но нам хотелось показать, что женская сущность чрезвычайно разнообразна, что женское начало неоднозначно, что в нём таится и лиризм творца, и страсть к разрушению, в нём заключено множество проблем и даже трагедий. Что заставляло девушек становиться террористками? В чём суть натуры кавалерист-девицы Надежды Дуровой?

Мы старались показать различные ипостаси, разнообразные виды деятельности, в которых женщина может реализоваться и оставить своё имя в истории. Не коснулись мы только извечного женского проявления — влияния на мужчину и утверждения слабого пола за счёт сильного. Просто, в этой серии уже вышла книга «Сто великих любовниц», где тема взаимоотношения полов рассматривается всесторонне и глубоко.

Данная книга, конечно, не исследование женской психологии, не философское размышление о предназначении женского и мужского, это всего лишь истории жизни. Но любую частную биографию можно рассматривать как символ времени, как квинтэссенцию тех глубинных человеческих тайн, которых нам дано лишь коснуться, но не дано познать. Разве есть у нас мужской символ жестокости? Гитлер? Сталин? Но это скорее реальные признаки общественной деградации. Зато существует полумифический нарицательный женский образ, с которым молва связывает особое жестокосердие — Салтычиха.

Автор хотел, чтобы читатель не только почерпнул в книге информацию, узнал даты и факты биографии, но и имел

возможность поразмыслить, сравнить такие разные судьбы, ответить на вопрос почему жизнь наших героинь складывалась так, а не иначе. Именно поэтому в основу составления тома положен принцип хронологии. Сюрпризы истории многолики — Салтычиха и Екатерина II родились почти в один год, Маргарет Тэтчер и Майя Плисецкая — ровесницы. Тем интереснее попытаться разгадать, что стоит за этими странными совпадениями, где истоки женской духовности и человеческого падения.

Географически женская популярность представлена не столь широко, как временной разброс. В книге — в основном европейские имена, приоритет отдан отечественным знаменитостям. Это и понятно. Книга предназначена для российского читателя и рассчитана на узнавание им представленных персон. Однако автор попытался представить и персоны, малоизвестные нашему читателю. Таковы Симона де Бовуар, Камилла Клодель, Мурасаки Шикибу.

Имена наших героинь расположились между двумя главными полюсами, между теми вечными сущностями, полпредом которых на земле является сугубо женщина — Красота и Материнство. Начинается том с имени Нефертити. Мало известно фактов её биографии, но самое главное о ней знает практически каждый — египетская царица была божественно красива. И растиражированный её профиль заставляет вглядываться ещё и ещё раз в таинство женского очарования, неопределимое ни разрезом глаз, ни размером носа, ни цветом волос. И само её имя — Нефертити — удивительно символично для начала. «Красавица грядёт» — означает оно в переводе с древнеегипетского. Красота — есть начало всех начал, а вершина предназначения женщины — Дитя. Вот поэтому единственный раз в книге нарушается хронология — заканчивается список великих женщин Девой Марией, подарившей христианскому миру самого великого младенца — Христа, богочеловека. И дело не в вероисповедании. Что бы ни говорили религии и идеологии разных толков, в какие бы заоблачные выси ни рванула философская мысль, судьба женщины всегда будет биться между этими двумя началами: красота во имя материнства и материнство во славу красоты. А любое другое достижение лишь дополнение к ним, потому что и ум, и талант, и самоотверженность женщины суть проявление красоты и материнства её души. Всё, что лежит между этими двумя полюсами — лишь тонкий слой человеческой культуры, ошибки и отступления природы, а подлинное величие женщины незыблемо и неоспоримо — красота, которую она несёт миру, и Ребёнка,

которого она дарит роду человеческому.

Мы старались строго относиться к достоверности излагаемых в книге фактов. К сожалению, есть персоны, о которых уже сложилось много легенд и о жизни которых существует множество версий. Так, не утихают споры вокруг личности Жанны д'Арк — некоторые историки полагают, что она не крестьянская дочка и даже не была сожжена на костре. В таких случаях мы придерживаемся общепринятых суждений, но представляем для ознакомления читателю и сенсационные предположения.

НЕФЕРТИТИ

(конец XV — начало XIV века до н.э.)

Древнеегипетская царица, жена фараона Аменхотепа IV, известного в истории под именем Эхнатона. В 1912 году в Амарне были найдены поэтичные, тонкие скульптурные портреты Нефертити, созданные мастером Тутмесом. Хранятся они в музеях Каира и Берлина.

Остаётся только удивляться необычности исторической судьбы царицы Нефертити. Тридцать три века её имя было в забвении, а когда гениальный французский учёный Ф. Шампольон в начале прошлого столетия расшифровал древнеегипетские письмена, то о ней упоминали довольно редко и лишь в специальных академических работах.

XX век, словно демонстрируя причудливость человеческой памяти, вознёс Нефертити на вершину славы. Накануне Первой мировой войны немецкая экспедиция, закончив раскопки в Египте, по обыкновению представила находки для проверки инспекторам «Службы древностей». («Служба древностей» — ведомство, основанное в 1858 году для контроля археологических экспедиций и охраны памятников прошлого.) Среди предметов, выделенных для немецких музеев, находился ничем не примечательный оштукатуренный каменный блок.

Когда его привезли в Берлин, он превратился в голову Нефертити. Рассказывают, будто археологи, не желавшие расстаться с замечательным произведением искусства, обернули бюст серебряной бумагой, а затем покрыли гипсом, правильно рассчитав, что незаметная архитектурная деталь не привлечёт внимания. Когда это обнаружилось, разразился скандал. Его затушила только начавшаяся война, после окончания которой немецких египтологов лишили на некоторое время права проводить раскопки в Египте.

Однако бесценное художественное достоинство бюста стоило даже этих жертв. Звезда Нефертити восходила столь стремительно, будто женщина эта была не древней египетской царицей, а современной кинозвездой. Словно много веков красота её ждала признания, и, наконец, пришли времена, эстетический вкус которых возвёл Нефертити на вершину успеха. Это её очаровательной головке, длинной стройной шее, прямому нежно очерченному носу мы обязаны стремительно возросшему интересу к египетскому искусству, к тому далёкому мистическому прошлому с его культом жрецов и таинственными

эзотерическими знаниями. А может, наоборот, наш иррациональный век, чувствуя какую-то бессознательную близость к египетской грандиозной культуре, выделил Нефертити как символ подлинной женской красоты?

Кем же в действительности была знаменитая Нефертити? По общественному статусу своего времени — всего лишь одной из жён многочисленного царского гарема. Египетские женщины владели секретами необычных косметических рецептов, которые в тайне передавались от матери к дочери, искусны они были и в делах любви, особенно если учесть, что учиться они начинали в совсем ещё юном — шести-семилетнем — возрасте. Словом, недостатка в красивых женщинах в Египте не было, наоборот, весь древний истеблишмент знал — достойную жену следует искать на берегах Нила. Однажды вавилонский правитель, посватавшийся к дочери фараона, получил отказ. Раздосадованный, он написал несостоявшемуся тестю обиженное письмо: «Почему ты так со мной поступаешь? В Египте есть достаточно прекрасных дочерей. Найди мне красавицу по твоему вкусу. Здесь (имелась в виду Вавилония. — Авт.) никто не заметит, что она не царской крови».

Среди такого количества достойных претенденток восхождение Нефертити кажется невероятным, почти сказочным. Она, конечно, происходила из знатного рода, являлась близкой родственницей кормилицы своего мужа, а ранг кормилицы в египетской иерархии был достаточно высок. Супруг кормилицы Эхнатона числился первым вельможей государства, был начальником колесничего войска, а после смерти фараона даже короткое время занимал пост правителя Египта. Однако в царском дворце в гаремы предпочитали брать самых ближайших родственниц — племянниц, сестёр и даже собственных дочерей, чтобы сохранить «чистоту крови».

Нефертити же стала женой фараона вопреки сложившимся традициям, да и все её царствование складывалось отнюдь не по канонам, освящённым древними культами. Видимо, где-то здесь и таится ответ на вопрос: почему в столь короткий срок рядовая наложница безраздельно завладела сердцем всесильного фараона.

Надо сказать, что и супруг Нефертити выделялся из длинного ряда царской династии. Правление Аменхотепа IV вошло в историю Египта, как время «религиозных реформ». Этот незаурядный человек не побоялся сразиться с самой мощной силой своего государства — жреческой кастой, которая посредством своих мистических, таинственных знаний держала в страхе и элиту, и народ Египта. Жрецы, используя сложные

культовые обряды многочисленных богов, постепенно захватывали лидирующее положение в стране. Но Аменхотеп IV оказался вовсе не из тех правителей, которые отдают свою власть. И он объявил войну касте жрецов.

Единоличным приказом он, ни много ни мало, отменил прежнего бога Амона и назначил нового — Атона, а заодно перенёс столицу Египта из Фив на новое место, построил новые храмы, увенчав их скульптурными колоссами Атона-Ра, и переименовал себя в Эхнатона, что означало «угодный Атону». Можно только предполагать, какие огромные усилия потребовались новому фараону, чтобы переломить сознание целой страны, чтобы выиграть эту опасную войну со служителями культа. И, конечно, как в любой битве, Эхнатону был необходим надёжный союзник. Видимо, такого союзника — верного ему, умного, сильного — он и нашёл в лице своей жены — Нефертити.

История не оставила нам прямых свидетельств помощи Нефертити мужу, но мы рискнём опереться на знание психологии человека. После женитьбы на Нефертити царь забыл свой гарем, он не на шаг не отпускал свою юную жену. Вопреки всяким правилам приличия женщина впервые стала посещать дипломатические приёмы. Эхнатон не стеснялся прилюдно советоваться с Нефертити. Даже выезжая проверять заставы вокруг города, фараон брал с собой жену, и караул теперь отчитывался не только перед владыкой, но и перед его супругой. Поклонение Нефертити превзошло все пределы. Её огромные, величественные изваяния украшали каждый египетский город.

Вряд ли только искусством любви и неотразимой красотой можно объяснить безмерное влияние Нефертити на фараона. Можно, конечно, предположить колдовство. Но мы предпочтём более реалистическое объяснение успеха египетской царицы — её поистине царская мудрость и фанатическая преданность мужу. При этом отметим, что по нашим понятиям всесильная Нефертити была по возрасту совсем юна, а проще сказать — совсем девочка.

Были, понятно, и интриги, и зависть, и козни тех, кто никак не мог взять в толк: отчего женщина управляет государством и заменяет фараону сановных советников. Однако большинство вельмож, как и во всякие времена, предпочитало не ссориться с женой властителя, и на Нефертити как из рога изобилия посыпались дары и подношения просителей. Но и тут прекрасная женщина проявила мудрость и достоинство. Она хлопотала лишь за тех, кто, по её мнению, мог принести пользу любимому мужу, кто мог оправдать доверие фараона.

Казалось, счастье Нефертити безмерно, но судьба не

благоволит бесконечно даже к редким избранникам. Беда пришла с той стороны, откуда её не ждали. Древнеегипетская женщина рожала, присев на двух кирпичах. Акушерки придерживали её за спину. Считалось, что родильные кирпичи помогут облегчить роды и принести счастье. На каждом из них высекалась голова богини Мешенит, которая помогала младенцу появиться на свет. Всякий раз, присаживаясь на кирпичики, Нефертити молила Атона даровать им наследника. Но в таком деле, к сожалению, ни горячая любовь к мужу, ни мудрость, ни всесильные боги помочь не могли. Шесть дочерей родила Нефертити, а долгожданного сына всё не было.

Тут-то и подняли голову завистники и враги несчастной царицы. Человеческий век в Древнем Египте был короток — 28—30 лет. Смерть могла унести фараона в любой миг, и государство тогда оставалось без прямого наследника власти. Нашлись доброхоты, познакомившие Эхнатона с красивой наложницей — Киа. Казалось, власти Нефертити пришёл конец. Но не так просто забыть свою прежнюю любовь, даже если хочется чего-то новенького, более острых ощущений.

Эхнатон мечется от одной женщины к другой: то и дело он из покоев Киа направляется к бывшей любимой и каждый раз его ожидает радушный тёплый приём. Но Нефертити, видимо, будучи волевой самолюбивой женщиной, не смогла простить предательства. Внешняя любезность не могла обмануть фараона, он-то знал, на что способна истинная любовь. И он снова возвращался к Киа.

Так продолжалось недолго. Болтовня новой наложницы вывела наконец Эхнатона из себя — ему было с кем сравнивать соперницу. Киа была возвращена в гарем. Она пыталась сопротивляться, призывала мужа вернуться, впадала, видимо, в обычные женские истерики. Только после того как евнух сурово наказал её плетьми, она успокоилась, поняв, что царским милостям пришёл конец.

Они уже больше никогда не будут в прежних отношениях — Нефертити и Эхнатон. Прошлую любовь склеить не удалось, но и в этой ситуации Нефертити придумала выход, продемонстрировав поистине государственный ум. Нам поступок Нефертити покажется, конечно, диким, но не забывайте, что речь идёт о Древнем Египте. Нефертити предложила в жёны Эхнатону их третью дочь — юную Анхесенамон и сама обучила её искусству любви, той любви, которая всегда так зажигала фараона.

История, конечно, грустная, но обстоятельства оказываются сильнее человека. Через три года Анхесенамон овдовела. Ей шёл одиннадцатый год, и её снова выдали замуж за великого

Тутанхамона. Столица вновь была возвращена в Фивы, страна опять стала поклоняться богу Амону-Ра. И только Нефертити, верная прежним пристрастиям, осталась в Ахенатоне, из которого медленно и постепенно уходила жизнь.

Царица умерла, город опустел окончательно, а похоронили её, как она и просила, в гробнице с Эхнатоном.

И через тридцать веков её образ словно восстал из пепла, тревожа наше воображение и заставляя ещё и ещё раз задумываться о тайне красоты: что это — «сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

САФО (САПФО)

(612? —572? до н.э.)

Древнегреческая поэтесса. Жила на острове Лесбос. Стояла во главе кружка знатных девушек, которых обучала музыке, слаганию песен и пляскам. В центре её лирики — темы любви, женская красота. Поэзия Сафо отличается метрическим богатством; один из введённых ею размеров носит название «сапфической» строфы.

Безусловно, ни одна писавшая женщина не может сравниться в литературной славе с «царицей поэтов» — Сафо. Как античная культура дала ростки всем современным направлениям искусства, всем философским течениям, так и Сафо словно обозначила контур души поэта на все последующие времена. С тех самых пор каждый слагающий рифмованные строки — «немножко Сафо», пусть слегка, но повторяющий изгибы её судьбы. Не зря Платон назвал поэтессу «десятой музой».

Биографические данные Сафо противоречивы и спорны, как, впрочем, и должно быть у полулегенды-получеловека. Жизнь поэта, разговаривающего с богами, не может быть прозрачной и понятной. Даже о внешности Сафо трудно судить. По свидетельствам одних, она не имела божественной красоты: была невелика ростом, очень смугла. Но её блестящие, живые глаза завораживали собеседника. Другие утверждали, что Сафо имела золотые кудри и привлекала холодной недоступной красотой. Вероятно, последние путали поэтессу со знаменитой куртизанкой Сафо Эфесской, которая жила гораздо позднее и ничего общего с поэтессой не имела.

«Страстная» Сафо, как называли её современники, родилась на острове Лесбос. Её отец Скамандроним, несмотря на аристократическое происхождение, занимался торговлей и нажил немалое состояние. Но девочка рано осталась сиротой и не успела вкусить прелестей счастливого детства. В семнадцать лет она вместе со своими тремя братьями вынуждена была бежать с родного острова, так как начались волнения, направленные против богатых аристократов. Только через пятнадцать лет Сафо смогла возвратиться на Лесбос. Она поселилась в городе Митилены, поэтому иногда в литературе встречается её имя как Сафо Митиленская.

Воспитывавшаяся в школе гетер, где развивали чувственность и склонность к искусствам, Сафо, видимо, рано проявила способности к поэзии. Греческая культура VI—VII веков до н.э. была культурой звучащего слова, понравившиеся стихи

передавались из уст в уста, да и сами рифмованные строки писались не для сухих свитков, а слагались на слух. Сафо с лирой в руках декламировала свои возвышенные строфы. Можно себе представить, что она покоряла слушателей не только красотой стиха, но и одухотворённым исполнением. Она писала оды, гимны, элегии, эпитафии, праздничные и застольные песни, словом, выполняла «социальный заказ». Но её живая, непосредственная строка отличалась от вирш других поэтесс. В историю мировой литературы стих знаменитой гетеры вошёл под названием «сафический».

Учитывая, что отдельные произведения Сафо были записаны спустя несколько веков после её смерти, можно предположить, что до нас дошли, конечно, жалкие остатки её поэзии. Однако о масштабах её дарования мы можем судить по воспоминаниям современников Сафо или её близких потомков. Она оказала огромное влияние на римских поэтов Горация и Катулла. Страбон называл её не иначе как чудом, утверждая, что «напрасно искать в истории женщину, которая в поэзии могла выдержать хотя бы приблизительное сравнение с Сафо». Сократ величал её своей «наставницей в вопросах любви», безусловно, имея в виду «теоретическую часть» знаний.

«Сафо воспламеняет во мне любовь к моей подруге! — восклицал Овидий и советовал: — Заучивайте наизусть Сафо, — что может быть страстнее её!» Ну а Солон, познакомившись с её поэзией, понял, что он «не желал бы умереть, не зная её на память».

Главным достоинством стихотворений Сафо стали их напряжённая страстность и обнажённое чувство, что только, собственно, и может пленить слушателя в поэзии, вне зависимости от всяческих изысков. Сафо на многие века вперёд поставила рекорд божественного экстаза, подняв планку на недосягаемую высоту.

Блаженством равен тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит, как в истоме тая,
Из этих уст к его устам
Летит улыбка молодая.
И каждый раз, как только я
С тобой сойдусь, от нежной встречи
Трепещет вдруг душа моя
И на устах немеют речи,
И чувство острое любви

Быстрей по жилам пробегает,
И звон в ушах… и бунт в крови…
И пот холодный проступает…
А тело, — тело все дрожит…
Цветка поблекшего бледнее
Мой истомлённый страстью вид…
Я бездыханна… и, немея,
В глазах, я чую, меркнет свет…
Гляжу, не видя… сил уж нет…
И жду в беспамятстве… и знаю —
Вот, вот умру… вот умираю.

Эти строки можно смело назвать эротическими. Сам воздух Лесбоса был напоён предчувствием удовольствий и их доступностью. Сафо, с её чувственной природой, не могла, конечно, устоять и против нравов, прославивших остров. Иногда даже говорят, будто чуть ли не сама поэтесса породила лесбийскую любовь, но это, несомненно, неправда. Разве можно себе представить человека, который изобрёл секс?..

У Сафо были романы с мужчинами. Так, поэт Алкей увлекался одарённой, богатой девушкой, однако мимолётная связь не переросла в сильное чувство. Вскоре Сафо вышла замуж и родила девочку, которую нежно любила и посвятила ей целый цикл стихов. Пожалуй, в мировой поэзии мало найдётся строк, воспевающих материнство с таким талантом. Но судьба жестока к поэтам — по неизвестным нам причинам, и муж, и ребёнок Сафо прожили недолго. Пытаясь заглушить горе, поэтесса всецело отдалась лесбийской любви.

В «Доме муз» — школе риторики и поэзии, которую основала Сафо, наряду с вдохновением, поселяются и вполне плотские привязанности великой гречанки. Никто из учениц Сафо не стал вровень со своей гениальной современницей, зато некоторым повезло быть любимыми ею и таким образом — прославиться. «Любовь, разбившая мои члены, снова обуревает меня, сладострастная и лукавая, точно змея, которую нельзя задушить». Это стихотворение посвящено некой Аттиде, которая к тому же ещё и вызывала приступы яростной ревности поэтессы, предпочитая Сафо хорошенькую подружку Андромеду. «Мои песни не трогают неба. Молитвы Андромеды услышаны, а ты, Сафо, напрасно молишь могущественную Афродиту».

Поэтесса не стесняется самых что ни на есть женских проявлений своих чувств и по-бабьи порочит соперницу «Неужели, Аттида, это она очаровала твоё сердце?.. Женщина,

дурно одетая, не знающая искусства походки, в одежде с длинными складками?..» Любовь была смыслом жизни Сафо. «Что касается меня, я буду отдаваться сладострастью, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!»

Благодаря Апулею до нас дошёл ещё один драматический факт из биографии великой поэтессы. В царствование фараона Амазиса в Египте жила красавица Родопа. Однажды её увидел родной брат Сафо, Харакс, который, занимаясь виноторговлей, часто отлучался из дома. Молодой человек влюбился в прекрасную куртизанку и, за огромную сумму выкупив её у прежнего хозяина, привёз на остров Лесбос. Вот тут и начались ссоры между родственниками, так как Сафо воспылала жгучей страстью к Родопе. Куртизанку, видимо, не прельщала женская любовь, но поэтесса была столь настойчива, что взбешённый брат вынужден был уехать из дома вместе со своим очаровательным «приобретением». Конец этой истории больше похож на красивую легенду, будто орёл принёс однажды фараону Амазису такую миниатюрную сандалию, упавшую с ног куртизанки, что властитель восхитился и приказал во что бы то ни стало найти обладательницу крохотной ножки. После долгих странствий придворные нашли-таки Родопу и увезли её в чертоги фараонского дворца. Харакс остался ни с чем. Не правда ли, история очень похожа на известную сказку Шарля Перро.

Смерть Сафо молва связывает с самоубийством и, как ни странно, с мужчиной. Как все происшествия у греков, последняя любовь поэтессы не обошлась без вмешательства богов. Жил на острове молодой перевозчик Фаон, который однажды под видом старухи переправил на азиатский берег Афродиту. Та в благодарность за услугу подарила юноше чудодейственную мазь, превратившую его в красивейшего мужчину. Сафо не могла не полюбить Фаона и, не встретив взаимности, бросилась вниз с Левкадской скалы.

«Я любила, я многих в отчаянии призывала на своё одинокое ложе, но боги ниспослали мне высшее толкование моих скорбей… Я говорила языком истинной страсти с теми, кого сын Киприды ранил своими жестокими стрелами… Пусть меня бесчестят за то, что я бросила своё сердце в бездну наслаждений, но, по крайней мере, я узнала божественные тайны жизни! Моя тень, вечно жаждущая идеала, сошла в чертоги Гадеса, мои глаза, ослеплённые блестящим светом, видели зарождающуюся зарю божественной любви!»

КЛЕОПАТРА

(69 до н.э. — 30 до н.э.)

Последняя царица Египта из династии Птолемеев. Умная и образованная Клеопатра была любовницей Юлия Цезаря, после 41 года до н.э. — его женой. После поражения в войне с Римом и вступления в Египет римской армии Октавиана (Августа) покончила жизнь самоубийством. Образ Клеопатры получил отражение в литературе (У. Шекспир, Б. Шоу) и искусстве (Дж. Тьеполо, П.П. Рубенс и др.).

Клеопатра, возможно, самая легендарная женщина мира, о которой известно многое и… неизвестно ничего. Ещё старик Шекспир пытался разгадать загадку «славной по отцу» — так переводится имя Клеопатры с греческого. Александр Сергеевич Пушкин также не остался равнодушен к прелестям египетской царицы и дал свою версию её неотразимости. Да разве перечислишь всех художников, чьё воображение волновал образ Клеопатры? Но вот ответить с ходу на вопрос — что же такое выдающееся совершила эта дама в истории, почему не даёт она о себе забыть уже добрую тысячу лет — совсем непросто.

Рискнём предположить, что её необыкновенный талант заключался в умении прожить блестящую, полную авантюр, опасностей и утончённых удовольствий жизнь. Одни люди наделены способностями к поэтическим упражнениям, другие без труда открывают законы природы, третьи отличились великими злодействами. Но трудно найти в истории личность, каждый день которой мог бы стать темой не одного занимательного романа. Она, что называется, умела сделать жизнь интересней, чем она есть.

Клеопатра происходила из замечательного греческого рода Птолемеев. Ближайший сподвижник Александра Македонского, друг его детских лет Птолемей I Сотер (Спаситель), очарованный красотами Египта, попросил себе в качестве воинской награды эту страну. Когда его великий властелин умер, то Птолемей забальзамировал труп Александра, отбыл в своё царство и обосновался в Александрии, названной так в честь Македонского. Здесь Птолемей основал знаменитую Александрийскую библиотеку, которая на долгие годы стала центром мировой учёности и благодаря которой многие труды учёных древности, а также бесценные факты жизни эллинского мира дошли до нас.

Не преминем отметить, что наша героиня, несмотря на прославленную в веках чувственность, также воспитывалась на

пергаментах этой сокровищницы знаний и, как видно, сумела сполна воспользоваться мудростью веков, став образованнейшей женщиной своего времени. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» попытался исследовать причины её воздействия на окружающих: «Красота этой женщины была не тою, что зовётся несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение её отличалось неотразимой прелестью, и потому её облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки её голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами…»

Портрет вполне чётко написан — обладая глубокими знаниями, тонким умом, сильной волей и будучи несокрушимо уверенной в себе, Клеопатра овладела редчайшим искусством очаровывать людей, а так как сила была всё-таки в руках у мужчин, то египтянка с успехом использовала свои таланты на поприще любви.

Клеопатра получила власть в ещё совсем юном возрасте. В шестнадцать лет она вышла замуж за своего брата, едва достигшего тринадцати, мальчика слабого умом и здоровьем. Клеопатра, несмотря на свою кажущуюся неопытность, хорошо понимала, что власть — это опасно для жизни, на таком поприще каждая ошибка чревата смертью. Ещё не остыла кровь казнённой по приказу Птолемея XII её сестры Береники.

После брака с малолетним Птолемеем XIII, казалось, власть сама пришла к Клеопатре, однако судьба уготовила ей нелепый казус. Воспитатель мужа Потин, умный проницательный царедворец, оказался не менее честолюбивым, чем царица, и мечтал править от лица своего недалёкого ученика. Незадача же заключалась в том, что Потин был евнухом, а значит, против него оружие Клеопатры не работало.

Тогда Клеопатра точно рассчитала, что её союзником в борьбе за власть может быть только всесильный сосед — Рим. С того времени все свои усилия она направляет на обольщение высокопоставленных римлян. Первым в её сети попадается сын тогдашнего правителя империи Помпея — Гней. Любовник пришёл в восторг, проведя несколько ночей с египетской царицей, однако политика — дело неблагодарное. Пока Клеопатра очаровывала Помпея-младшего, в Риме случился переворот и

власть перешла к Гаю Юлию Цезарю.

Невольной промашкой Клеопатры не замедлил воспользоваться коварный Потин, распустив слухи среди жителей Александрии, будто царица предала египтян и скоро в город вторгнутся римляне. Клеопатра вынуждена была бежать в Сирию. Положение её становилось день ото дня все более незавидным. Её защитник Помпей окончательно проиграл. Фарсальская битва (48 год до н.э.), призванная решить вопросы власти в Риме, прочно утвердила главенство Цезаря, а сам Помпей опрометчиво бежал в Египет, тщетно ища спасения, и угодил в лапы Потина. Тот с любезной улыбочкой преподнёс голову Помпея вступившему в Александрию Цезарю.

Надо сказать, сама благоволившая к Клеопатре судьба послала римского правителя в Египет. Формальным поводом для визита был денежный долг Египта Риму. Цезарь предполагал вернуть его, чтобы заплатить верным своим воинам. Кроме того, используя право сильного, он хотел вмешаться в распрю жены и мужа. Он приказал и Птолемею, и Клеопатре распустить свои войска и явиться в Александрию. Но хитрый Потин не передал царице приглашение, и только необыкновенная интуиция и самоуверенность Клеопатры привета её к решению отправиться к победителю. Переодевшись простолюдинкой, она, несмотря на козни Потина, проникла в город и…

Произошло то, чего, вероятно, так боялся умный Потин: Цезарь не смог устоять против любовных чар Клеопатры. Наутро римлянин объявил Птолемею, что он должен немедленно помириться с сестрой и разделить с нею власть. Тут неожиданно слабоумный мальчик проявил характер. С криками «Измена! К оружию! Измена!» он побежал по дворцу. Только редкое хладнокровие спасло практически безоружного Цезаря от рук придворной челяди. Римлянин смог убедить толпу, что Египту лучше не ссориться с сильным соседом.

Клеопатра снова приобрела власть, освободившись от своего врага Потина. Последний пал, став участником очередного неудачного заговора против Цезаря. Погиб и несчастный Птолемей XIII. Новый брак со следующим братом — Птолемеем XIV ничего не изменил в жизни Клеопатры и был необходим для решения политических целей. Египет лежал у её ног. Спустя несколько месяцев после отъезда Цезаря Клеопатра родила сына и назвала его Птолемеем-Цезарионом.

Притязания Клеопатры необыкновенно расширились: теперь, имея такого влиятельного любовника и прочное положение при нём, скреплённое рождением законного наследника, она могла требовать большего. В Риме, куда Клеопатра прибыла, ей был

устроен настоящий триумф. Среди пленниц, которые следовали за колесницей, Клеопатра увидела свою сестру Арсиною — её именем недовольные египтяне пытались отстранить от власти Клеопатру. Арсиноя бросила умоляющий взгляд на старшую сестру, но та отлично знала главный принцип земного властителя: «Горе побеждённым!» — а от своих принципов Клеопатра никогда не отступала.

Хорошо знала египетская царица и другое правило — нет ничего более зыбкого, чем власть, однако и она растерялась, когда 15 марта 44 года до н.э. Цезарь был убит в сенате. Снова ей пришлось бежать, снова высчитывать будущие ходы в политической партии.

Война в Риме длилась два года. Всё это время Клеопатра металась между двумя враждующими партиями. И сторонники, и противники Цезаря требовали от неё военной помощи. Египтянка удачно лавировала между Сциллой и Харибдой военного успеха, хотя с каждым днём ей становилось всё труднее.

Тем временем умер очередной законный малолетний муж Клеопатры. Поговаривали, что она отравила его, однако это было не совсем так. Замученный унижениями, Птолемей XIV сам принял яд. Теперь все честолюбивые надежды царицы устремились к маленькому Цезариону, теперь она уже вела игру не только ради себя.

Война закончилась победой цезарианцев, и правителем азиатских провинций Рима стал Марк Антоний. По крайней мере, с установлением мира Клеопатра вновь обрела уверенность в себе и решила, что делать дальше. Птичка вновь прилетела в сети сама — Антоний, как и Цезарь, хотел получить деньги от египетской царицы. В результате… Клеопатра получила от покорённого ею мужчины все — безраздельную власть в Египте, признание Цезариона наследником Римской империи, роскошную жизнь, полную удовольствий. О любовных утехах Клеопатры и Марка Антония рассказано бессчётное количество раз, поэтому отсылаем читателя к другим источникам. Скажем только, что в истории эти два имени навечно связаны друг с другом.

Любовников погубила излишняя самоуверенность и потеря бдительности. Привыкшие жить в своё удовольствие, ни в чём не знавшие отказа, они достаточно вяло прореагировали на угрозу, исходившую из Рима. Октавиан же, приёмный сын Цезаря, готовился к войне основательно. Ему было что терять — Клеопатра никогда бы не смирилась с его лидерством в империи.

Армия Антония и Клеопатры имела огромное численное превосходство. Наверное, как ни странно, это тоже сыграло свою отрицательную роль. Они слишком понадеялись на это и

проиграли битву ещё до начала, проиграли психологически. Антоний в 50 лет выглядел стариком, оргии сделали своё дело, его руки не слишком крепко держали меч. А Клеопатра, привыкшая к тому, что все доставалось ей легко, решила, что полководческий талант чем-то сродни победам в любви, она приняла на себя командование частью морского флота. Увы!.. В решающей морской битве при Акциуме 2 сентября 31 года до н.э. именно Клеопатра подвела Антония. Нервы у неё не выдержали, и в разгар сражения она со своими кораблями бросилась наутёк. За нею помчался Антоний, обезумев от любви, а Марк Випсаний Агриппа, лучший полководец Октавиана, наголову разгромил лишившийся командования флот.

Финал этой истории подлинно трагичен. Клеопатра ещё пытается быть на коне. Вначале она собирает нечто вроде «народного ополчения», записывает в него даже юного Цезариона. Одновременно она хочет подготовить пути к бегству. Наконец, она втайне надеется на последнее своё оружие — обольщение врага. Но ни первый, ни второй и ни третий план спасения не удаётся. Антоний полностью деморализован, из североафриканского города Кирена на Александрию идёт войско в помощь Октавиану, арабы сожгли все её корабли, которые она приказала перевести в Красное море на случай бегства. Ну а Октавиан, этот мрачный бесчувственный солдафон, не желает видеть стареющую царицу, имя которой за столько лет стало в Риме одиозным.

Отчаявшись, Клеопатра пытается купить себе жизнь ценой предательства Антония. Но и этого уже не нужно Октавиану. Он уже захватил самое ценное — детей Клеопатры. Теперь египетская развратница вместе со всеми несметными сокровищами была целиком в его руках. На переговорах с египетскими посланниками Октавиан обмолвился о своих планах — заковать Клеопатру в золотые цепи и провести по улицам Рима — «Горе побеждённому!».

Выхода не было. Она не знала жалости к проигравшим, не было у неё жалости и к себе — потерявший все должен достойно уйти.

Клеопатра велела принести ей лучшие одежды, затем взяла корзинку, где на дне, среди плодов сладких фиг, спала змея. Уколом иголки царица разбудила аспида. Мгновенно последовал безболезненный укус. Две верные служанки предпочли смерть у ног умирающей госпожи.

Клеопатру похоронили с почестями, рядом с Антонием. Завоеватель приказал убрать из Александрии статуи Антония, не тронув при этом мраморные изваяния Клеопатры. Цезарион, сын

Клеопатры и Гая Юлия Цезаря, был казнён, как вероятный претендент на власть.

Земной путь прекрасной египтянки завершился, а легенда только начала свой путь в бессмертие, в прекрасные произведения искусства:

…В моей любви для вас блаженство?
Блаженство можно вам купить…
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?..

(А.С. Пушкин «Египетские ночи»)

ПАПЕССА ИОАННА

(? —857)

Большая Советская энциклопедия данных о папессе Иоанне не содержит.

Действительное существование папессы Иоанны представляется весьма сомнительным, однако обойти вниманием это имя было бы несправедливым, потому что такого рода известность женщины уникальна. С другой стороны, если возникла и в веках жила подобная легенда, значит, «это кому-нибудь нужно», значит, разрешила история женщине присвоить самый высокий ранг — быть духовным пастырем народов.

Официальные папские хроники существование папессы отрицают решительно, но было бы по меньшей мере удивительным признание даже самой возможности узурпации папской тиары женщиной. Неслыханный позор для католической церкви!

Впервые широко заговорили о папессе в 1276 году по очень странному случаю: по смерти Адриана V новый папа принял имя Иоанна XXI, а не XX, как ожидалось по хронологии. По одним предположениям, «исчезнувший» папа тотчас же по избрании был немедленно смещён своими противниками, по другим, он оказался женщиной и потому о нём деликатно постарались забыть. Во всяком случае, Иоанн XXI по каким-то соображениям посчитал нужным восстановить истинную хронологию и ввести в список «недостающий номер».

Слухи о папессе распространялись с невероятной быстротой. До нас дошли многие подробности её биографии. Например, что звали её в миру Агнесса, что отец её был миссионером, в числе нескольких теологов присланный из Англии, чтобы обращать в христианство языческие германские племена. В Майнце теолог и прижил девочку, которой суждено было захватить самый заманчивый престол Европы. Мать Агнессы вскоре умерла, а ребёнок беспрерывно путешествовал с отцом, набираясь, видимо, христианской мудрости.

Профессия миссионера была не лишена опасностей, ибо варвары сопротивлялись христианизации. Проповеднику в один из несчастливых дней пробили камнем голову и сломали руку. Беспомощному отцу пришла на помощь восьмилетняя Агнесса, обладавшая феноменальной памятью и, по-видимому, незаурядными актёрскими дарованиями, ибо теперь она на постоялых дворах и в тавернах, стоя на столе, произносила

весьма удачные проповеди. Её недюжинное красноречие и детская непосредственность производили незабываемое впечатление на аудиторию. Чудо-ребёнок вскоре даже стал знаменит. Вероятно, уже тогда Агнесса вынуждена была играть роль мальчика, потому что сама мысль о переодевании в то богобоязненное время могла прийти в голову только человеку, с детства привыкшему к мужскому костюму. Вскоре идея эта стала единственно спасительной для Агнессы. Когда ей исполнилось четырнадцать, миссионер умер, пожелав, чтобы его похоронили в родном городе. Путь предстоял неблизкий, а девочке не на кого было положиться в дороге. Тогда она решила, что ей вполне по силам роль юноши, который, по крайней мере, будет избавлен от приставаний мужланов. Действительно, участь Агнессы, одинокой, брошенной без средств к существованию, бездомной, представлялась весьма печальной. Бродя по Европе, она попадала в монастырь, естественно, в мужской, под именем Иоанна Ланглуа. Это придуманное имя Агнесса сохранила навсегда.

Новый послушник оказался работоспособным и образованным. Агнесса сразу стала выделяться среди братии своими познаниями и умом. Но девушке исполнилось уже шестнадцать, и природа обратила её взор на красивого монаха, да и трудно было, наверное, устоять, находясь постоянно среди такого количества молодых мужчин. В такой странной ситуации Агнесса воспользовалась чисто женскими «штучками». Она начала с того, что откровенно рассказала молодому человеку всю свою жизнь, познакомила его со своими прелестями и постаралась стать его верной подругой. Монах не стал долго сопротивляться. Теперь братия видела двух своих сотоварищей неразлучными: на трапезе, на прогулках, в монастырской церкви. Вскоре нежная дружба молодых людей показалась подозрительной, так как никому в голову не приходило, что Иоанн Ланглуа — не мужчина. Слежка, однако, открыла истину, любовникам грозил костёр, но они бежали.

Новый этап путешествий приносит Агнессе новые знания и популярность. Несмотря на близость любовника, девушка уже никогда не откажется от мужского костюма, понимая, что, как личность, она сможет реализоваться, лишь играя роль противоположного пола. Во Франции Агнесса участвует в публичных теологических спорах и вызывает восторг «сильных мира сего» — герцогинь, аббатов, учёных. Налаживаются необходимые связи. Любимый вскоре умирает от болезни, а Агнесса, блестяще закончив философскую школу в Афинах, отправляется покорять христианскую столицу — Рим.

В «вечном городе» Агнессе ничего не стоило завязать

знакомства с представителями папского двора благодаря своему уму и изворотливости. Тем более что в своём большинстве священные особы были не очень хорошо образованы. Иоанн Ланглуа получает при римской курии место нотария, должность весьма почётную. Говоря современным языком, Агнесса занимала при папе должность ответственного секретаря: заведовала его кабинетом, финансами, поддерживала отношения с иностранными дворами, принимала прошения, словом, была душеприказчиком папы. В трудностях нового дела Агнессу выручали и преимущества женского характера, данного ей природой, и достоинства мужского, так удачно воспитанного ею самой. Папа Лев IV неоднократно выражал своё удовольствие деятельностью нотария Иоанна.

Аппетит, как говорится, приходит во время еды. Агнесса уже не видит препятствий, чтобы добиться самого высокого положения. Кардинальский сан, удачная служба и уважение всего Рима за блестящие богословские поучения указывали прямой путь к папскому престолу. Рассказывают, что перед смертью Лев IV представил Иоанна Ланглуа как единственного своего наследника. Конклав единогласно проголосовал за папессу.

Средневековые хроники со страхом доносят до нас, что якобы избранию папы Иоанна VIII предшествовали всевозможные знамения. В Италии землетрясения разрушали города и селения; во Франции саранча, появившаяся в необыкновенном количестве, уничтожила нивы, но согнанная южным ветром в море и затем выброшенная на берег гнила, распространяя зловоние, породившее эпидемии; в Испании тело св. Винченцо, украденное кощунственным монахом, желавшим распродать его по частям, явилось ночью на паперти церкви, громко умоляя о погребении на прежнем месте.

Царствование папессы Иоанны оказалось недолгим, хотя и отмечено оно всяческими достижениями и благоденствием. Правление Агнессы было мягким и гуманным, без жестокостей, пыток и инквизиции. Буллы нового папы были направлены против развращённого духовенства и полны справедливости и разума. В конце 855 года Агнессе даже удалось уговорить немецкого императора Лотара I постричься в монахи, чтобы искупить преступления, совершённые им за годы долгого правления.

Обман, наверное, так никогда бы и не раскрылся, если бы не странная случайность. Папесса забеременела. В это трудно поверить. Зачем женщине, достигшей такого положения и с таким трудом ведущей двойную жизнь, рисковать? Есть версия, будто Агнесса вступила в связь с капелланом латеранского дворца

(местожительство пап до переезда их в Авиньон), чтобы заставить его замолчать, так как молодой человек каким-то образом установил подлинный пол Иоанна VIII. Рассказывают, что однажды к папессе привели бесноватого, умоляя исцелить его. Когда после свершения обрядов, Агнесса обратилась к человеку, бившемуся у её ног с пеной у рта, скоро ли бес оставит несчастного, то услышала в ответ: «После того, как ты, отец отцов, покажешь духовенству и народу ребёнка, рождённого папессой».

Широкие складки сутаны, конечно, скрывали изменившуюся фигуру Агнессы, но на время родов нужно было спрятаться где-нибудь подальше. Помог её любовник. Он объявил о болезни папы и пообещал Агнессе позаботиться о будущей малютке. Однако провидение решило иначе. В начале девятого месяца, когда показываться публично стало совершенно невозможным, в Риме началась эпидемия. Народ требовал, чтобы папа совершил крёстный ход, надеясь молебном умилостивить Творца. Бедная Агнесса металась в ужасе, не зная, что предпринять. Она сколько возможно пыталась оттянуть действо, ожидая со дня на день разрешения от бремени. Но ропот римлян заставил женщину покориться обстоятельствам.

20 ноября 857 года с утра стояла чудесная погода, и жители высыпали на улицу, желая принять участие в торжестве. Когда шествие тронулось, люди увидели, что святой отец, поддерживаемый кардиналами, едва переставляет ноги. Агнесса двигалась машинально, с трудом понимая происходящее. Начались предродовые боли, заставлявшие папессу стискивать зубы, чтобы не закричать. Она дрожала как в лихорадке. Между тем грозовые тучи заволокли все небо, яркие молнии освещали процессию. Медленное шествие под аккомпанемент мощных раскатов придавало крёстному ходу какой-то зловещий оттенок. Внезапно поднялся страшный вихрь и сильный удар грома сотряс землю. Духовенство, участвовавшее в церемонии, в испуге бросилось врассыпную, побросав церковные реликвии. Послышались крики негодования, брань, чьи-то стоны. Толпа окружила папу. Изумлённым римлянам предстало ужасное зрелище: Иоанн VIII, со страдальческими стонами распростёртый на земле, бился в предсмертных судорогах, а рядом с ним лежал окровавленный трупик ребёнка.

Долгое время на месте смерти папессы стояла часовня, построенная благодарными римлянами за мудрое и спокойное правление Агнессы. Однако духовенство стремилось уничтожить память о самозванке, и со временем часовня была разрушена, а могильная плита с места упокоения папессы исчезла.

Трагическая история самозванки привлекла внимание Александра Сергеевича Пушкина. В его черновиках 1834—1835 годов обнаружен план произведения «Папесса Иоанна». Неизвестно, правда, в каком жанре поэт хотел рассказать о легендарной женщине — была бы это поэма или драматические отрывки в стиле «Маленьких трагедий». Короткие наброски позволяют лишь осторожно предположить замысел Пушкина. Вероятно, великого поэта привлекла сама возможность рассказать, сколь дерзкий вызов может человек бросить Богу, сколь могущественен демон познания и как соблазнителен плод его — свобода мысли и поступка. Но… вероятно, мистические силы сопровождали имя папессы и после смерти. Пушкин не осуществил своего замысла. И вообще, как странно! Такой, казалось бы, занимательный сюжет ни разу не нашёл воплощения в мировом искусстве и литературе. Писали про многих грешников и еретиков, остались запечатлёнными в истории убийцы и грабители, но имя папессы Иоанны не вдохновило ни одного творца, словно на нём в веках лежит какое-то таинственное табу.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

(? —969)

Жена киевского князя Игоря. Правила в малолетство сына Святослава и во время его походов. Подавила восстание древлян. Около 957 года приняла христианство.

Лишь немногие из святых жён христианской истории удостоились великой чести — лика равноапостольных. Всего-то их шесть, и среди них — единственная русская — княгиня Ольга. Ещё меньше найдётся в светской отечественной истории женщин, которые по мощи государственного ума, по организаторским способностям могут сравниться с нашей героиней — тут и пальцев на одной руке покажется многовато.

В летописных свидетельствах о ней немало хронологических неточностей и загадок, что, конечно, немудрёно, ибо если полагаться на «Повесть временных лет» знаменитого Нестора, то княгиня Ольга происходила родом из деревни Выбуты, которая раскинулась неподалёку от Пскова, — а значит, вряд ли наша героиня принадлежала к княжескому семейству. Вероятно, отличалась она лишь заметной статью, дальновидностью да необычайной силой характера. Немного найдётся девушек, способных обратить на себя серьёзное внимание всесильного правителя, но ещё меньше из них смогут противостоять вожделению сильного и красивого мужчины. Во всяком случае именно так подаётся легенда о замужестве Ольги летописцем Нестором.

Однажды великий князь Игорь отправился поразвлечься в дикие псковские леса охотой. Пожелав переправиться на другой берег реки Великой, он подозвал юношу, проплывавшего мимо на лодке. Каково же было его удивление, когда Игорь обнаружил, что везёт его удивительной красоты девушка. Князь немедленно воспылал похотью к чудесной незнакомке и стал склонять её к греху. Но Ольга отказала Игорю, причём сделала это столь искусно, воззвав к его княжеской чести, что умудрилась не только не обидеть Игоря, но и надолго запомниться ему. Когда пришло время князю выбирать невесту, то в Киев собралось несчётное количество претенденток на роль «первой сударушки», но Игорь вспомнил «дивную в девицах» Ольгу и послал за ней брата своего Олега. Так, разочарованным девушкам пришлось возвращаться в родные земли, а Ольге отправляться к великому престолу.

Неизвестно, стояло ли за решением князя Божье провидение, или случай, или сам Игорь был столь умён, только Ольга скоро

взяла все княжеское хозяйство в свои цепкие, белые ручки. Палаты жены на высоком берегу Днепра прозвали Ольгиным городком, и незаметно сюда из Киевского Игорева двора переместился центр государственной жизни древней Руси. Муж частенько отсутствовал, проводя время в боевых походах, а Ольга споро разбиралась в политических интригах, принимала послов, крепким кулаком собирала жалобщиков, наместников и даже дружинников. Игорь, как видно, не слишком противился сильной жене, а, скорее всего, и рад был переложить тяжёлое бремя власти на плечи супруги. Жили они счастливо, что называется, к вящему удовольствию друг друга «разделив сферы влияния»: на войне предводительствовал Игорь, а внутренней жизнью княжества заправляла Ольга.

Вернувшись из очередного похода на греков, Игорь стал счастливым отцом: родился сын Святослав. Но радость семейной жизни была недолгой: вскоре Игорь был убит древлянами. Боясь мести, убийцы решили умилостивить вдову новым замужеством: такой вид покаяния частенько практиковался в старину. Они отправили послов к Ольге с предложением вступить в брак не с кем иным, а с правителем древлян Малом. Сегодня трудно сказать, что в первую очередь руководило великой княгиней — скорбь по мужу, государственные соображения либо же просто желание отомстить, но она весьма жестоко обошлась с посланниками. Сделав вид, что она согласна вступить в переговоры по поводу замужества, Ольга встретила гостей ласково: «Мне приятна речь ваша. Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладию свою и, когда мои люди придут за вами, велите им нести себя на руках». А сама тем временем приказала выкопать на тюремном дворе, за городом, огромную яму.

Слаб человек в своём тщеславии… Кто же откажется быть доставленным на руках пред «пресветлые очи» красавицы-княгини? Кто лишит себя подобной чести?

Настало утро, и всё было выполнено по княжескому слову. Послы, не чуя худого, чинно восседали в ладье, плывшей на людских плечах. Когда же сбросили их в глубокую яму, спросила Ольга: «Хороша ли честь?» Заживо похоронила княгиня первое посольство древлян, а второе сожгла в бане.

Но и этих кровавых расправ показалось мало Ольге. Впервые она самолично предприняла попытку руководить военными наступлениями и, как многое другое, осада древлянской столицы Искоростеня удалась княгине. Пять тысяч вражеских воинов были убиты в день тризны по Игорю у стен столицы. А город Искоростеня она сожгла, по легенде, привязав к ногам птиц

горящую паклю. Так княгиня пресекла всякие попытки самовольства в родной вотчине и воцарилась полновластной хозяйкой в земле Русской.

Летописи, расписывая злодеяния Ольги в отношении непокорных, всячески отмечают мудрость и милость правительницы к своим подданным. На следующий год после древлянского похода великая княгиня отправилась на Север, в Новгородчину, учредила там государственные дани, разделила землю на «погосты», по-нашему области, и, как повествует Житие: «…управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твёрдо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов».

Русь росла и укреплялась. Строились города, окружённые каменными и дубовыми стенами. Сама княгиня, не пожелав больше выходить замуж и с кем бы то ни было делить власть, по-прежнему проживала в Ольгином городке, окружённая верной дружиной. Две трети собранной дани, по свидетельству летописца, она отдавала в распоряжение киевского веча, третья шла на военные цели. Ко времени правления Ольги относится установление первых государственных границ Киевской Руси. Богатырские заставы, воспетые в былинах, начинались с Ольгиных указов. Чужеземцы устремлялись в Гардарику (страну городов), как называли они Русь, с товарами. Скандинавы, немцы охотно поступали в русское войско. Русь именно при Ольге стала великой державой.

Укрепив государство новыми порядками и верными людьми, великая княгиня всё чаще стала обращаться к собственной душе. Известно, что, когда отходят внешние проблемы, с особенной силой подступают внутренние. И если первые — бренны, то вторые — вечны. «Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец её пред собою и чувствует суетность земного величия…» — писал Карамзин в «Истории государства Российского». Увещевания проповедника Григория из Византии легли, как видно, на благодатную почву. Отеческие языческие божки молчали и ничего дельного не могли посоветовать мятущейся Ольгиной душе, зато заповеди Христовы очищали сердце, давали успокоение, заставляли задумываться о законах существования.

Сделав свой выбор, великая княгиня, однако, и в вопросах веры оставалась прежде всего владычицей мощного государства. Поручив Киев подросшему сыну, Ольга отправилась с большим флотом в Константинополь. Древнерусские летописцы называли это деяние княгини «хождением», оно соединяло в себе и

религиозное паломничество, и дипломатическую миссию, и демонстрацию военного могущества Руси. С великой честью приняли Ольгу в Царьграде. Таинство её крещения совершил патриарх Константинопольский Феофилакт, а восприемником от купели был император Византии Константин Багрянородный.

В Киев Ольга вернулась с иконами, богослужебными книгами, а главное, — с твёрдой решимостью обратить свой народ в христианство. Она воздвигла храм во имя святителя Николая над могилой Аскольда — первого киевского князя — христианина. С проповедью веры она отправилась на родной Север. У реки Великой её посетило видение: будто с неба сходят «три светлых луча», после чего на этом месте Ольга повелела поставить церковь во имя Святой троицы. С именем великой княгини связано особенное почитание Пресвятой троицы на Руси.

Но обращать в свою веру, действуя, где убеждениями, где угрозами, посторонних зависимых людей оказалось куда легче, чем влиять на собственного сына. Святослав давно уже был «не мальчиком, но мужем». В его лице Ольга и встретила неодолимое препятствие для распространения христианства на Руси. Внешне почтительно выслушал он восхищённые рассказы матери о великолепии царьградского дворца, о чести, оказанной русскому посольству, о мудрости и праведной жизни патриарха Феофилакта, но подобные «бабские» глупости его интересовали мало. Святослав вырос добрым воином и его заботили ратные подвиги. Стоило ли тратить силы на пустяки, к которым склоняла его мать. Тем более что большая часть дружинников не поддержала бы Святослава, решись он переменить веру, а враждовать с собственными товарищами князю в условиях постоянной войны ох как не хотелось. Поэтому уклонился Святослав от брака с византийской царевной и отказал любимой матушке в восстановлении существовавшей при Аскольде митрополии в Киеве.

Некоторое время Ольга пыталась навязывать свою волю сыну. Она обратилась к королю Оттону, будущему основателю Священной Римской империи, с просьбой прислать епископа и священников. Хотим обратить внимание читателей, что во времена Ольги разделения христианских церквей на латинское и греческое вероучения ещё не произошло. Епископом Русским был поставлен Либуций, из братии монастыря святого Альбана в Майнце, но он вскоре скончался. На его место Оттон отправил, снабдив всем необходимым, Адальберта Трирского. Но этот святой отец недолго выдержал в Киеве, увидев, что все его старания по обращению русских язычников напрасны. На обратном пути в Германию проповедническая миссия была

разгромлена. Сегодня православные богословы видят в этих событиях божий перст — неудача святоримских епископов оградила Русь впоследствии от католического влияния.

Споры относительно веры, однако, не мешали добрым отношениям между матерью и сыном. По-прежнему с Ольгой считались в государственных делах, обращались к ней в случае принятия важных решений, а княгиня, как любящая мать и мудрая женщина, помогала Святославу в политике и утешалась его военными победами. Святослав же крепко держал удачу в руках — разгромил Хазарский каганат (сильнейшего врага Руси), сокрушил Волжскую Болгарию, взял восемьдесят городов по Дунаю. Но болело материнское сердце, чуя скорую беду. Святослав в своих мечтах вознёсся слишком высоко, вознамерясь создать Русскую державу от Дуная до Волги. Ольга понимала, что при всём мужестве и отваге дружинников сына им не справиться с древней империей ромеев. Но какой же сын, познавший успех, слушает старую мать?

В последние годы жизни Ольга нашла радость в воспитании внуков. Святослав за военными походами давно отошёл от воспитания детей, зато бабка всей своей мудростью вливала христианский елей в уши любимого мальчика Владимира. В 968 году Киев осадили печенеги, Ольга и малолетний князь подверглись смертельной опасности, но худа без добра не бывает. На помощь из Переяславца-на-Дунае, где поселился теперь Святослав, оставив город предков, поспешил «блудный сын». Печенеги были обращены в бегство, а тяжелобольная Ольга уговорила сына не покидать Киев до её кончины.

Святослав исполнил сыновний долг до конца. Он не только остался у постели умирающей, но похоронил её по христианскому обычаю — так как просила Ольга.

Дело бабки, как известно, завершил её любимый внук Владимир, крестив Русь. Он же перенёс мощи её в Десятинную церковь Успения Пресвятой Богородицы в Киеве. А сын Святослав был убит, в конце концов, печенежским князем Куреем. Курей отсек голову Святослава и из черепа сделал себе чашу, оковал её золотом и во время пиров пил из неё.

В 1547 году равноапостольная Ольга была канонизирована.

Рассказывают, что над гробницей святой Ольги было окно, и если кто с верой приходил, то видел через оконце мощи, а некоторым даже открывалось сияние над ними, ну а маловерующие, как ни всматривались, могли лишь разглядеть закрытый гроб.

Святая равноапостольная Ольга считается покровительницей России и духовной матерью русского народа.

МУРАСАКИ ШИКИБУ

(978—1030)

Японская писательница, прославилась исторической «Повестью о Генжи».

Странно, но русский читатель почти не знает этого знаменитого на весь мир имени. Между тем литературное значение женщины, скрывающейся под таинственным псевдонимом Мурасаки Шикибу, трудно переоценить. Ей принадлежит честь открытия жанра новеллы, а также введения в обиход многих литературных новшеств, которые до сих пор с успехом используют художники разных стран. И хотя она, как многие женщины-писательницы, выразилась по-настоящему лишь в одном произведении, свет её творчества нет-нет да и отбрасывает «блики» на культурную жизнь мирового сообщества.

Мурасаки создала нечто новое и уникальное для своего времени — героический роман в прозе, с действующими в реальных ситуациях достоверными героями. Все эти необходимые составляющие романа были продолжены и развиты в произведениях западноевропейских писателей уже в XVIII веке. «Повесть о Генжи» — это не просто историческое явление. Это произведение считается одним из наиболее выдающихся шедевров японской прозы и одним из величайших творений, созданных фантазией человека.

К сожалению, об авторе «Повести» известно очень мало. Даже имя её в силу восточных традиций покрыто мраком. Высокопоставленные японские женщины не имели право объявлять своё имя широкому кругу лиц. Скорее всего, «шикибу» означало название провинции, где отец писательницы являлся правителем. А «мурасаки» с японского переводится как «пурпурная». Предполагается, что этот псевдоним взят по имени одного из героев книги нашей героини.

Мурасаки воспитывалась в семье крупного японского чиновника, человека образованного, выходца из интеллигентной семьи. Будущая писательница выросла в атмосфере литературных интересов. Её дед сыграл определённую роль в создании первой имперской антологии японской поэзии, её отец был поэтом и учёным, изучавшим китайскую классику.

Мурасаки вышла замуж в 998 году за своего кузена, служившего в имперской гвардии. Её единственный ребёнок, девочка, родилась в 999 году, а в 1011 Мурасаки овдовела. В середине первой декады XI века Мурасаки поступила на службу

при дворе императрицы Акико, заняв, по европейским понятиям, место фрейлины. В этом качестве она прослужила до 1013 года. Что случилось с ней после того, как она покинула двор, и детали её смерти неизвестны.

Над «Повестью о Генжи» Мурасаки работала несколько лет. Писательница вряд ли задумывалась о потомках, о будущей славе. Повесть предназначалась для развлечения высочайших особ императорской крови и была написана для театрального представления при дворе. В тот период в японской литературе доминировали женщины, и талант Мурасаки, безусловно, сыграл свою роль в её карьере при дворе.

Из дневника Мурасаки следует, что она не была обременена дворцовыми обязанностями за исключением обязанностей компаньонки. У неё было время писать и, похоже, её занятия поощряли, как поощряют дворцового летописца. Дневник Мурасаки рисует наблюдательную и меланхоличную женщину, которая всячески избегала светской жизни, а также контакта и переписки с другими знаменитыми писателями своего времени.

«Повесть о Генжи» — солидное произведение, охватывающее почти 70-летний период японской истории и описывающее карьеру аристократа Генжи, незаконнорождённого сына императора. Уникальным это произведение делает то, что вместо ожидаемого рассказа о чудесных приключениях, повесть рассказывает о реальных людях в реальных ситуациях. Автор описывает любовные похождения и интриги Генжи в красивейшей поэтической манере, исполненной скрытого смысла. Этот приём затем с удовольствием использовали знаменитые новеллисты XX века, в том числе Марсель Пруст.

Шедевр Мурасаки Шикибу — величайшее достижение мировой литературы, которое и по прошествии 800 лет не теряет своего новаторского значения для человеческой культуры.

ЭЛЕОНОРА АКВИТАНСКАЯ

(1122—1204)

Королева Франции, жена Людовика VII. Затем королева Англии.

Прекрасно, когда женщина становится королевой, но уж, кажется, и пожелать лучшего нельзя, если это происходит с ней дважды. Но, как показывает история, никакие богатства, никакие троны не приносят с собой обычного женского счастья. И расскажи мы перипетии судьбы Элеоноры Аквитанской, не упоминая её регалий и примет времени, читатель и не догадался бы, что это происходило не в наше время, а почти десять веков назад.

Элеонора была единственной дочерью герцога Вильгельма Аквитанского, и если любящий отец когда-нибудь и сокрушался, что Бог не послал ему сына, то весьма недолго. Элеонору с детства всерьёз интересовали политические и военные вопросы. Грациозная и изящная, она слыла прекрасной наездницей и отлично стреляла из лука. Будучи ещё совсем юной, она стала наследницей влиятельнейшего герцогства Франции, и жители Аквитании охотно приняли правление Элеоноры.

До нас дошла красивая легенда, связанная с именем герцогини. Будто любила она, пятнадцатилетняя, мужественного рыцаря Ричарда, против брака с которым выступили влиятельные родственники девушки, так как считали слишком неравным этот союз. Однажды на глазах обезумевшей от горя Элеоноры рыцарь был убит, и её выдали замуж за другого. Завидной невесте — герцогине Аквитанской — и жених назначался «что надо» — французский король Людовик VII.

Прибыв в Париж, Элеонора была поражена скукой и пуританскими нравами, царившими при королевском дворе. Муж оказался очень набожным, замкнутым и даже холодным. Страной управляли два влиятельных церковника — Одо и Бернард. Королева попыталась переломить косность и чопорность парижской знати, чем, конечно, нажила себе серьёзных врагов. Она окружила себя поэтами-обожателями и музыкантами и развлекалась как могла. Людовик, несмотря на разницу взглядов, вынужден был мириться с женой, так как полюбил строптивицу с первого взгляда.

Королева была незаурядной, высокообразованной женщиной. В Париже она посещала лекции знаменитых философов, теологов, правоведов и очень огорчалась оттого, что ей не разрешалось

принимать участие в диспутах слушателей.

Наконец, в 1147 году судьба послала королеве приключение. Людовик VII, поддавшись уговорам советников, решил организовать крестовый поход в Палестину. Элеонора упросила мужа взять её с собой. И хотя её всегдашние враги Бернард и Одо были против участия женщины в походе, она смогла победить, в чём ей немало помогли аквитанские рыцари, не слишком охотно шедшие на службу в королевское войско. Только личное участие любимой правительницы в предприятии подвигло многих поступить на службу к Людовику.

Правда, Элеонора скоро поняла сомнительность подобного рода приключений. По ночам ей приходилось дрожать от холода в грязных палатках, да и пища готовилась не столь изыскано, как в мирное время. Конечно, женщины XII века не были избалованы ванными или маникюрами, но и им тяжеловато приходилось в многодневном походе, тем более что «королевские смотрители» позаботились удалить Людовика от жены. Встретились они лишь в Антиохии, где властвовал обаятельный дядя Элеоноры Раймунд Тулузский. Он хорошо принял королеву и её свиту, снабдил их новой одеждой. После трудного похода королева охотно принимала ухаживания дяди, чем вывела из себя мужа. Людовик приказал немедленно выступать в поход на Иерусалим. Напрасно его советники отговаривали короля, предостерегая Людовика, что армия находится не в боевом порядке. Муж проявил твёрдость и приказал королеве следовать за ним. Элеонора неожиданно стала сопротивляться, тогда ревнивец силой потащил жену в Иерусалим.

Попытка взять город приступом закончилась неудачей, и Людовик навсегда потерял расположение любимой. Она возвратилась-таки в Париж, теперь её задерживать было нельзя: королева забеременела. У супружеской четы уже росла девочка Мария, и нынче, конечно, ждали наследника, но и во второй раз Элеоноре не повезло.

После рождения второй дочери Элеонора и Людовик совсем отдалились друг от друга. Королеве опостылел мрачный французский двор, а набожность мужа внушала ей бесконечное отвращение. Она выступила с инициативой развода и получила его в 1152 году.

С радостью вернулась Элеонора в родную Аквитанию, словно желая взять реванш над унылыми годами, она устраивала грандиозные празднества в роскошном дворце. Женщина не очень расстроилась, потеряв высокий титул, зато она приобрела свободу. Элеонора всячески поощряла рыцарские традиции, культивировавшие возвышенное отношение к даме и поклонение

ей, оказывала покровительство поэтам, музыкантам, художникам. Вскоре её двор стал самым великолепным двором тогдашней Европы.

Не заставили себя ждать и поклонники. Один из них — весёлый, словоохотливый, страстный, словом, полная противоположность прежнему мужу Элеоноры — Генрих Плантагенет — зажёг в герцогине Аквитанской ответное чувство. Единственное, что смущало прекрасную даму — молодость претендента, всё-таки ему было 19 лет. Однако Генрих соблазнил Элеонору троном Англии, который должен был перейти к нему после смерти его дяди, короля Стефана. Через полгода после свадьбы Элеонора родила первенца, названного в честь деда Вильгельмом. Это событие словно специально совпало по времени со смертью английского короля, и 19 декабря 1154 года Элеонора получила второй высочайший титул.

Правление супружеская чета начала с большим энтузиазмом. Генрих тратил уйму времени на исправление законодательства в стране и вошёл в историю под именем Генриха Законодателя. Он много ездил по графствам Англии, занимался подавлением восстаний на границе с Уэльсом, редко бывал дома. Элеонора же занималась воспитанием детей, которых у неё уже было семеро. Король и королева с годами заметно охладели друг к другу.

Элеонора больше всего полюбила своего третьего сына Ричарда. Вильгельм умер в младенчестве, и королева-мать нередко думала: какая несправедливость, что наследник престола не Ричард, а его старший брат Генрих, личность куда более бледная.

Когда дети повзрослели, король наделил их графствами и титулами. Ричарду достался по настоянию матери самый лакомый кусочек — Аквитания. Элеонора с радостью сопровождала своего любимца на родину, а когда она вернулась в Англию, то с ужасом узнала, что Генрих, её муж, завёл себе любовницу. По преданию, Элеонора пожелала встретиться с пассией Генриха — Розамундой Клиффорд, но якобы девушка была столь красива, что королева приказала её тотчас же отравить. Доказательств этого преступления не существует. Достоверно известно лишь то, что Элеонора, узнав о неверности мужа, уехала от него в другой город. А в один прекрасный день Генрих заключил Элеонору в замок, чтобы она не могла вмешиваться в его личную жизнь.

Элеонора не простила мужу неверности и настроила всех своих сыновей против отца. Семейная ненависть дошла до того, что Ричард, молодой Генрих и Джеффри заключили с бывшим мужем Элеоноры Людовиком против отца союз. Остаток жизни

бедный Генрих II провёл в постоянной борьбе с непокорными сыновьями, расплачиваясь за свою супружескую неверность. Умер он совершеннейшей развалиной в 1189 году.

Поскольку молодой Генрих тоже уже покинул эту землю, на престол взошёл, как и хотелось этого Элеоноре, Ричард. Не зря мать так восхищалась сыном. Новый король был исключительно храбрым и талантливым воином. В память о многочисленных победах, одержанных им над турками, он получил прозвище Ричарда Львиное Сердце. По окончании третьего крестового похода его постигла неудача: Ричард попал в плен к австрийскому императору, который потребовал за него огромный выкуп. Мать немедленно заплатила требуемую сумму. Пять лет спустя, в 1199 году, Ричард был убит в Нормандии.

Официальным королём Англии стал последний сын Элеоноры — Иоанн. Это был жестокий, неумный человек, которого королева не любила, и тот платил ей тем же.

Но несмотря на старость и потерю близких, королева не теряла интереса к жизни. Ей было уже далеко за шестьдесят, но трубадуры по-прежнему славили в песнях её красоту, да и в делах европейской политики она оставалась значительной фигурой до самых последних своих дней.

Скончалась Элеонора Аквитанская в возрасте 82-х лет, что по тем временам составляло немыслимую продолжительность жизни.

ЦАРИЦА ТАМАРА

(около середины 60-х годов XII века — 1207?)

Царица Грузии. В её царствование Грузия добилась больших военно-политических успехов. Ей посвящена поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

От её живого образа мало что осталось потомкам — пороки и достоинства легендарной царицы время обратило в мифы и легенды, даты перепутались, а исторические источники противоречат друг другу. И всё же если бы сегодня в Грузии надумали провести опрос на предмет определения самого популярного человека в стране, то им, без сомнения, оказалась бы Тамара. Все старинные замки, мосты, перекинутые через пропасти, башни и монастыри, по мнению местных жителей, воздвигнуты именно этой царицей, будто кроме неё никто в Грузии не был способен к созиданию, будто вместе с её жизнью отбушевал, отцвёл в стране золотой век и никогда больше не возвратится. А может, великая Тамара стала символом творческих сил, что таятся в грузинском народе, и потому молва на всякий случай приписывает царице любые достижения, чтобы ненароком не ошибиться в авторстве.

Тамара не только создала мощную империю, простиравшуюся от Каспийского до Чёрного морей, — ни до ни после Грузия не имела такого сильного государства — но и стала «крёстной матерью» грузинской культуры. Есть женщины-правительницы — сильные, властные, подчинявшие своим желаниям ход истории, но очень немного найдётся личностей, сумевших сформировать целую нацию. При царице Тамаре генерировались все основные признаки грузинского менталитета, при ней родились гениальные поэты, великие зодчие, знаменитые богословы. При ней авторитет грузин в глазах мирового сообщества поднялся на недосягаемую высоту — путешествующие к святым местам соотечественники Тамары были освобождены от дани, султан турецкий и султан египетский почитали за счастье пригласить в свои элитные охранные войска горцев, о целомудрии и выносливости грузинских женщин складывались в Малой Азии песни.

А начиналась эпоха Тамары не совсем безоблачно и совсем уж беззаконно. Хотя прадедом её был сам Давид Строитель, никакого права на престол Тамара не имела. Дедушка её Дмитрий Багратион (а именно к этой династии принадлежала великая Тамара) имел двоих сыновей — младшего Георгия и старшего Давида, которому он на склоне лет и передал власть,

благополучно скончавшись в кругу любящих родственников. Однако спустя полгода Давид неожиданно умер, якобы от естественных причин, в чём вполне можно усомниться, зная дальнейший ход событий. Преемником последнего грузинского царя стал его малолетний сын Дмитрий, опекать которого, конечно, взялся дядюшка Георгий. Когда юный правитель подрос, он, понятное дело, постарался потеснить на престоле вольготно расположившегося там опекуна, но не тут-то было. Георгий III, как его теперь величали, без зазрения совести власть отдавать отказался. Началась обычная война, феодальная, гражданская — кто-то поддерживал молодого претендента, кто-то матёрого правителя. Победил опыт. Георгий III вырвал скипетр власти у старшей ветви Багратионов, Дмитрий же безвестно канул в Лету. По некоторым данным он был повешен, по другим ослеплён, изувечен и изгнан из страны. Грузинские книгочеи к этому факту относятся со здоровым историческим цинизмом. Дескать, туда ему и дорога. Некоторые, правда, пытаются подвести научную базу — отсталый был человек этот Дмитрий, ретроград, прогресс и смел его с лица истории, ничего не поделаешь. Одно-единственное утешает — не всегда справедливость человеческая смыкается с божеской правдой и не всегда то, что нам кажется хорошо, на деле оказывается по-настоящему хорошим.

Тамара, по-видимому, появилась на свет во время этого кровавого дележа власти. По исследованиям специалистов, она родилась между 1164 и 1169 годом. О детстве её мало известно — в основном слащавые рассказы, повествующие о богопослушности и святости. Например, как ткала бедная отроковица, не покладая рук, плащаницы для христианских храмов или как последней корочкой делилась с нищими. Доподлинно известно лишь, что девочка рано потеряла мать, которая происходила из осетинского княжеского рода, и отец, занятый «своими разборками», препоручил Тамару родственнице Русудан. Эта Русудан выплывает из исторического тумана тоже весьма расплывчатым пятном: то ли она тётка Тамары, то ли ещё кто, то ли она была замужем за султаном, то ли за русским князем, то ли она вдова, то ли «разведёнка» (тогда такое тоже случалось). Но кем бы ни являлась воспитательница будущей царицы, женщиной она была незаурядной — сумела-таки отшлифовать алмаз, который подарила ей судьба. Тамара получила прекрасное образование, да и характер, по-видимому, у неё был подходящий — даже в самые тяжёлые минуты душевное самообладание и выдержка никогда не подводили правительницу. А проявлять себя Тамаре пришлось в самом нежном возрасте. Не рискуем приводить даты (они разные в разных источниках), но,

судя по всему, отец короновал дочь, почувствовав, что жить ему осталось недолго. Сановники дарбази (так называлось собрание высшей духовной и светской знати, которое представляло своего рода парламент древней Грузии), вероятно, так боялись Георгия III, что и пикнуть не посмели, когда он предложил своим преемником существо женского пола. «Исчадие льва одинаково, будь то самец или самка», — льстиво заявили они тирану, но можно себе представить, как стремились отомстить чиновники девушке, когда она осталась одна. Известно, что Тамара стала единоличной правительницей в возрасте от 15 до 20 лет. Как смогла столь юная женщина обуздать варварскую феодальную страну и горячих восточных мужчин, остаётся тайной за семью печатями. Ясно одно, для этого надо было обладать незаурядными качествами и помимо силы характера иметь ещё и хитрость, и коварство, и ум. Первые свои государственные советы Тамара начала с жёстких «кадровых перестановок». В качестве помощника она призвала из Иерусалима умнейшего учёного-богослова католикоса Николая Гулабридзе, и, хотя ей ещё не по силам оказалось справиться с ненавистным патриархом Микеле, который к тому же занимал множество государственных постов, Тамара осторожно, исподволь выводила корабль своего правления в нужное ей русло. Она особенно не лютовала, знала меру, но, когда требовалось, умела проявить жёсткость — безжалостно лишала провинившихся, строптивых дворян званий и привилегий, конфисковывала имущество и передаривала имения. Она была молода и одинока и искала верных людей, на которых можно опереться. В такой ситуации самым дорогим должен был стать союз любящих сердец. Но с первым мужем Тамаре не повезло. Судя по великим строкам Шота Руставели, который, вероятно, был страстно влюблён в правительницу, наша героиня представляла собой совершенный образец женской красоты. «Бисер — очи у Тамары, стан её — хрусталик стройный, взгляд — страшнее Божьей кары… поступь, элегантность всех движений — грациозны, как у львицы, как у истинной царицы». И пусть вас не смущает сила взгляда (не физическое же безобразие царицы имел в виду поэт) Тамары, но её руки домогались многие властители — она была лакомым кусочком для любого венценосного жениха.

Почему она выбрала непутёвого русского князя? Теперь трудно установить истину. По одной версии замужество Тамары было продиктовано политическими соображениями, по другой — злостью Микеле, который мечтал навредить ненавистной царице и настоял на этом браке. Одно непонятно, какие выгоды можно было извлечь из союза с опальным и бестолковым князем? Юрий

был сыном знаменитого владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского, который окончил жизнь под ножом собственных подданных не без помощи молодой жёнки. После его смерти между родственниками началась обычная драчка за власть. Избранник Тамары в фаворитах этой борьбы не ходил, судьба-злодейка отправила его в долгие скитания и бега по чужим землям. Так, Юрий с небольшой дружиной и верными слугами оказался у кочевников-кипчаков на берегу Понта (Чёрного моря), где и отыскали его сваты царицы. Согласно хроникам, Тамара не торопилась замуж за незнакомого ей человека, но уступила настояниям государственных советников.

Два с половиной года брака принесли царице позор и страдания. Юрия, помимо пьянства и разгула, поразил ещё и грех содомии, что вынудило Тамару пойти на разрыв с незадачливым супругом. «Я не должна отдыхать под тенью осквернённого дерева», — заявила она и выдворила Юрия из пределов империи. Гонимый русский князь решил отомстить строптивой жене. Он отправился в Константинополь и собрал войско для похода на Грузию. В разгоревшейся войне к бывшему мужу присоединились враги Тамары — местные феодалы, жаждавшие отомстить царице за отнятые привилегии, однако мужественная женщина смогла выиграть этот спор. В память о неудачном супружестве она помиловала Юрия и снова выслала его за пределы страны, но князя проигрыш ничему не научил, а лишь подогрел амбиции. Он предпринял второй поход, который тоже закончился для него неудачей. Дальше его имя теряется в исторических дебрях. Возможно, он-таки надоел своей глупостью и назойливостью Тамаре и она нашла способ расправиться с ним.

Больше наша героиня с замужеством не экспериментировала. Она соединила свою жизнь с проверенным, знакомым ей с раннего детства человеком. Тамара и Давид воспитывались вместе у тётушки Русудан. Некоторые источники даже считают Давида сыном Русудан. Другие историки утверждают, что наша героиня с младенческих лет была влюблена в своего товарища по играм. Так или иначе, их брак оказался на редкость счастливым и конструктивным. Все самые громкие победы Тамары, все её великие дела связаны с именем Давида. Чего только стоит выигранная царицей битва при Шамхорах? Спустя несколько веков при взятии Казани Иван Грозный вспоминал блистательное сражение, как пример для подражания.

Персидский царь Абубакар придал походу религиозный характер, осенив своё многочисленное войско священным мусульманским знаменем. Тамара, как мудрая правительница, на собственные военные таланты не полагалась, зато она смогла

создать совершенную грузинскую армию. Вся страна была разделена на 9 округов. Каждый округ имел эристава (губернатора) и спасалара (военачальника). При дворе царицы на приличном жаловании содержалось хорошо обученное, постоянное шестидесятитысячное войско. Так что при необходимости ополченцы соединялись с профессионалами и в распоряжении царицы оказывалась одна из самых мощных армий того времени. А если прибавить к этому строжайшую дисциплину, которую Тамара установила в войсках, и то, что царица самолично выступала вдохновителем и организатором побед, то такую армаду можно считать непобедимой. Сама она, как было уже сказано, в битвах не участвовала — сражениями руководили верный фельдмаршал Захарий и любимый муж Давид, но вся слава побед по праву доставалась любимой народом правительнице.

Абубакар потерпел сокрушительное поражение. Поверженную мусульманскую святыню Тамара принесла в дар небесной царице, иконе хахульской Божьей матери и поместила в монастырь Гелати. Военные трофеи и огромная дань сделали Грузию богатейшей страной средневекового мира. Но Тамара не поддалась соблазну роскоши, она обратила полученные сокровища в новые крепости, дороги, мосты, храмы, корабли, школы. С особенным тщанием царица заботилась об образовании — она одновременно содержала 60 стипендиатов афонской обители. Качество преподавания в грузинских школах было необыкновенно высоким. Один только список обязательных предметов, которые штудировали ученики, вызывает уважение и восхищение — богословие, философия, история, греческий, еврейский языки, толкование стихотворных текстов, изучение вежливой беседы, арифметика, астрология, сочинение стихов.

Двор царицы представлял собой не традиционное сборище светских сплетниц, пустых красавиц и коварных интриганов, а небосвод, усыпанный «звёздами» поэзии, зодчества, философии. Тамара получала удовольствие не от ночных балов, не от рыцарских поединков, а от соперничества лучших поэтов, от долгих философских споров. Секретарём царица взяла себе выдающегося стихотворца Саргиса Тмогвели, во всех военных походах Тамару сопровождал монах-поэт Шавтели. Но лучшей жемчужиной в этом ожерелье был, конечно, гениальный Шота Руставели. По-видимому, он любил царицу, но не хотел быть частью любовного треугольника. Шота покинул Грузию и принял монашество.

Тамара умерла ещё нестарой женщиной, как свидетельствуют хроники, от какой-то тяжёлой и долгой болезни. До сих пор

грузины разных областей показывают приезжим гостям могилу великой Тамары. Но историки более вероятным местом упокоения царицы считают фамильный склеп Багратионов в Гелати. А по документам из архивов Ватикана выходит, что Тамара похоронена в древнем грузинском монастыре Иерусалима. Там же была найдена и фреска с изображением пожилого человека — Шота Руставели. По-видимому, поэт решил, что та, чья жизнь всегда принадлежала миру, суете государственных дел, в другом измерении должна соединиться с его Музой.

Буду петь про любовь — ты не станешь внимать.
Но клянусь! — на возвышенный голос любви
Звезды будут лучами играть.
И пустыня, как нежная мать,
Мне откроет объятья свои!
Удаляюсь — прости!
Без обидных наград
Довершу я созданье моё:
Но его затвердят
Внуки наших внучат —
Да прославится имя твоё!

Так написал о любви Тамары и Шота Руставели русский поэт Я. Полонский.

ЖАННА Д'АРК

(1412—1431)

Орлеанская дева, национальная героиня Франции. Возглавила борьбу французского народа против английских захватчиков, в 1429 году освободила Орлеан от осады. Её деятельность повлияла на результаты Столетней войны (1337—1453). В 1430 году попала в плен к бургундцам, те продали её англичанам, которые объявили Жанну д'Арк колдуньей и предали церковному суду. Обвинённая в ереси, была в Руане сожжена на костре. В 1920 году канонизирована католической церковью.

Пушкин писал, что «…в новейшей истории нет примера более трогательного, чем жизнь и смерть Орлеанской героини». Пожалуй, невозможно подобрать аналогии и в непостижимости подвига Жанны д'Арк, потому что всю её короткую жизнь, её поступки нельзя объяснить законами женской, да и вообще человеческой психологии. Всё время сталкиваешься с какой-то малообъяснимой причиной её действий, с какой-то таинственной силой, руководившей ею.

История Орлеанской девы является заключительным эпизодом Столетней войны между Англией и Францией, главной причиной которой была борьба за земли, захваченные Англией (с середины XII века) на территории Франции. Ко времени, о котором мы ведём речь, французский двор раздирали династические противоречия, которые привели к позорным вещам. Развратная супруга Карла VI — Изабелла Баварская, выдавшая дочь за английского короля Генриха V, поспешила передать ему и французский престол, лишив, таким образом, своего сына Карла VII власти. Англичане хозяйничали во Франции, грабя и разоряя страну, а рыцарство и дворянство, погрязшее в разврате и развлечениях, не в силах были защитить французов.

В доведённой до отчаяния разбоями и беззаконием стране стали распространяться слухи, что Францию может спасти в противовес плотскому греху только девственница. Нелепость этих слухов была очевидной, так как женщина вообще в средневековом обществе считалась не совсем полноценным человеком, ну а девственность предполагала совсем уж юный возраст, в котором девочка ещё и не очень соображала что к чему. Но чем абсурднее были слухи, чем невероятнее, тем сильнее в них хотелось верить, потому что Францию могло спасти только чудо. И чудо это пришло.

Зажиточная крестьянская семья д'Арк имела помимо Жанны ещё двоих сыновей и двоих дочерей. Жили дружно, по обычаям того времени, свято верили в Бога, пасли скот. Жанна ничем не выделялась из своих братьев и сестёр, может быть, была более жалостлива, более наивна, более склонна к мистицизму и очень набожна. Она любила часами простаивать в церкви, с умилением слушала проповедь священника.

Отстранение Карла VII от власти Жанна восприняла как личное несчастье. По-видимому, её отзывчивое сердце вообще было не в состоянии пройти мимо любой несправедливости. Этот божеский дар сострадания развился у крестьянской девушки до одержимости, до высот, которые уже недосягаемы простому обывателю.

Страдая о бедах родной земли, Жанна переносилась в мир видений. Однажды она услышала, что архангел Михаил, святые Маргарита и Екатерина призывают именно её на трудный подвиг во имя отечества. Вначале она рассказывала о своих видениях родным, те только удивлялись, насколько точно неграмотная юная дочка обозначила им свою цель: освободить Орлеан и короновать дофина в Реймсе.

Явление Богоматери окончательно убедило Жанну в своём высоком предназначении. Вместе с дядей девушка попадает в замок Вокулер, где в это время располагался двор опального короля Карла, и комендант замка доложил хозяину о странной посетительнице. С одной стороны, смешно, что король никак не прореагировал на посещение Жанны — находившийся в изоляции, оставленный всеми, Карл не каждый день получал предложения о помощи. С другой, смешно, если бы он прореагировал — что может предложить реально эта хрупкая, маленькая, безграмотная девушка.

Только чудесным можно назвать последующее везение Орлеанской девы. Силы Провидения действовали, конечно же, через женщину — девятнадцатилетнюю любовницу короля Агнессу Сорель. Благодаря её настойчивости 29 февраля 1429 года крестьянская девушка появилась в Шиноне — резиденции Карла VII. Весь двор и духовенство собрались взглянуть на «небесную посланницу». Карл стоял в толпе придворных, ничем не отличаясь от них, но, по преданию, Жанна, никогда его не видевшая, обратилась прямо к нему.

Девушка произвела сильное впечатление на придворных своими зажигательными речами. Казалось, её устами говорили какие-то другие, более влиятельные силы. Однако нерешительный, слабовольный Карл сомневался, справедливо боясь дальнейшего ухудшения своего положения. Решили

подойти к делу научно: собралась комиссия из авторитетных теологов, которая удостоверила, что Жанна вполне добрая католичка, а дамский комитет под предводительством тёщи Карла Иоланты Арагонской засвидетельствовал её девственную чистоту.

Наконец, король вручил д'Арк знамя с гербом французского царствующего дома и дал небольшой отряд, в котором находились знаменитые рыцари, а также братья девственницы Жан и Пьер. Первой победой боевой дружины стала доставка подкрепления и продовольствия в осаждённый Орлеан. Удача экспедиции сразу же составила славу Жанне. Со скоростью света по всей исстрадавшейся Франции распространились слухи о том, что появился, дескать, ангел небесный, призванный на спасение отчизны. Под знамёна Орлеанской девы стали стягиваться значительные силы со всей страны, необходим был только символ, который объединил бы всех патриотов. И он появился.

Прежде чем приступить к военным действиям, Жанна направила в лагерь осаждавших Орлеан англичан записку: «Англичане, вам, не имеющим никаких прав на французскую корону, Царь небес через меня приказывает снять осаду и вернуться на родину, иначе мне придётся начать войну, о которой вы вечно будете вспоминать…» Подписано: Иисус, Мария, Жанна-девственница.

18 июня 1429 года враги бежали в паническом страхе, и все среднее течение Луары было очищено от ненавистных британцев. В бою Жанна производила незабываемое впечатление. В блестящих рыцарских доспехах, на вороном коне, с развевающимися белокурыми волосами, со знаменем в руках, абсолютно уверенная в своей безопасности, она увлекала за собой воинов, всегда появляясь там, где ряды французов начинали колебаться.

Чувствуя всеобщий энтузиазм, и Карл, наконец, предпринял решительные поступки. Он двинулся в Реймс, где Жанна предполагала его короновать на французский престол. Все попутные крепости сдавались почти без боя — Карл с удовольствием пожинал плоды побед юной девушки.

16 июля во время торжественного коронования Жанна д'Арк стояла рядом с Карлом. После совершения обряда миропомазания, охваченная экстазом, девушка бросилась, рыдая, к ногам короля: «О благороднейший король, теперь свершилась воля Всевышнего, повелевшего мне привезти вас в ваш город Реймс и принять святое миропомазание, чтобы все узнали истинного властителя Франции».

Она исполнила возложенную на неё божественным

Промыслом миссию, и после этого её энергия словно иссякла. По одним сведениям, Жанна попросила Карла отпустить её домой, по другим — она сама вызвалась завершить борьбу за освобождение Франции. Так было или иначе, но известно, что энтузиазм не бывает продолжительным. У девушки больше не было сил держать в постоянном накале религиозно-патриотическое воодушевление тысяч людей. Начались неудачи. При осаде столицы Жанна потерпела первое серьёзное поражение и к тому же была ранена. Неблагодарная молва с той же скоростью, с какой бежала по стране её слава, разнесла весть о том, что Орлеанская дева вовсе не столь всесильна, как казалась.

Весной 1430 года девушка попала в плен. К стыду короля, ни он сам, ни его армия, если не считать горстки храбрецов, преданных своей вдохновительнице, не предприняли ни одной попытки спасти Жанну д'Арк.

Английские власти выдали Орлеанскую деву суду инквизиции, который обвинил её в колдовстве и пособничестве дьяволу. Но даже под пытками Жанна сохраняла ясность мысли и достоинство. Когда у неё спросили, верит ли она в своё призвание по милости Божией, то, конечно, хотели её смутить и поставить в тупик, ибо ответь она утвердительно — её можно обвинить в гордыни, в самозванстве. А если она ответит отрицательно, значит, признает за собой обман. Она ответила просто: «Если нет, да будет угодно Господу укрепить во мне эту веру, если же да, пусть Он её поддержит во мне».

Будучи не в состоянии уличить Жанну в колдовстве, её обвинили «в самовольном сношении с небесными силами и ношении мужского костюма», запрещённого соборными постановлениями. Девушка обратилась к папе, но пока от него шёл ответ, её сожгли на костре в Руане 30 мая 1431 года. Её родственники, братья Жан и Пьер, получили от короля в награду дворянский титул и земли, а имя Жанны стало обрастать легендами и слухами. Долго ещё появлялись на французской земле лже-Жанны, желавшие стяжать славу великой девственницы, но никому ещё не удавалось повторить подвиг самоотречения, на который чудесным образом оказалась способна юная девушка из французской провинции.

В конце заметим, что мы представили здесь классическую версию происхождения и жизни Жанны д'Арк. В настоящий момент некоторые французские историки не без основания утверждают дворянскую родословную девушки, а кроме того, доказывают, что вместо неё на костре сожгли подставное лицо, что якобы и породило множество легенд о том, что Жанна жива. Но, по-видимому, открыть истину уже не удастся.

ИЗАБЕЛЛА ИСПАНСКАЯ

(1451—1504)

Королева Кастилии с 1474 года. Брак Изабеллы в 1469 году с Фердинандом, королём Арагона с 1479 года, привёл к династической унии Кастилии и Арагона (к фактическому объединению Испании). Изабелла отличалась религиозным фанатизмом.

Эта женщина вошла в историю как создатель сильного испанского государства. Будучи фанатичной католичкой, Изабелла смогла утвердить христианство в стране, где долгое время сосуществовали разнообразные религии. Как многие сильные правители, королева Испании подчас проявляла жестокость, и некоторые деяния не украшали её царствования. Однако в целом Изабелла, маленькая противоречивая женщина, осталась в истории как чрезвычайно важная и влиятельная персона.

Изабелла родилась в семье Хуана II, короля Кастилии. В то время Испания представляла собой разрозненные, независимые королевства, причём, если Кастилия и Арагон были христианскими государствами, то соседняя Гранада принадлежала мусульманам — маврам. Изабелла воспитывалась в атмосфере ненависти к иноверцам и, по-видимому, ещё в детстве мечтала о том, чтобы изгнать их из Испании.

Отец Изабеллы был человеком добродушным и мягким, зато мать страдала приступами истерии. Девочка росла в маленьком городке Аревало в простой обстановке, потому что в четырехлетнем возрасте она потеряла отца, а мать вынуждена была уехать из дворца, так как на престол вступил её пасынок Генрих, корыстный и жадный человек.

Первым значительным событием её жизни стала помолвка с юным наследником арагонского престола — принцем Фердинандом. Изабелле столько рассказывали о женихе, что впечатлительная девушка полюбила своего избранника заочно. И действительность не обманула Изабеллу. Когда в 1469 году она увидела Фердинанда, то буквально задохнулась от восхищения: именно таким — высоким, обаятельным, уверенным в себе — представляла она своего принца.

Первые годы семейной жизни оказались очень счастливыми для неё. В 1470 году Изабелла родила первую девочку, а четыре года спустя умер Генрих, сделав, таким образом, принцессу королевой Кастилии. Два крупных государства Испании соединились. Появилась весьма благоприятная возможность для

борьбы против мусульманской Гранады. Изабелла использовала этот шанс с большой выгодой для своей власти. Интересы и ценности Фердинанда совпадали с её собственными, и с 1480 года Арагон и Кастилия начали успешно воевать против мавров.

Надо сказать, что Изабелла участвовала в этих войнах не по долгу, а из-за пристрастия к авантюрам и походам. Перенося наравне с мужчинами все тяготы военной жизни, она умудрилась родить десятерых детей, правда, пятеро из них умерли в младенческом возрасте. Причём внешне Изабелла не выглядела «амазонкой», наоборот, — современники рисовали её хрупким созданием, с нежной кожей и прелестными каштановыми волосами.

Дети Изабеллы и Фердинанда не знали никакой другой жизни, кроме походной. Одежонка, из которой вырастали старшие, порой изодранная, передавалась младшим — королевские дети роскоши не знали. Конечно, Изабелла могла бы оставлять их дома, но она считала, что самолично должна заниматься их воспитанием и в особенности религиозным. Из пятерых детей у супругов был только один сын Хуан, на которого королевская чета, конечно, возлагала особые надежды.

Изабелла сильно любила и свою дочь Хуану, которая напоминала ей нервную, истеричную мать. Королева много времени уделяла этой девочке, жалея её, но судьба Хуаны сложилась трагично. Выйдя замуж за Филиппа Австрийского и родив ему сына, Хуана потеряла рассудок. После смерти мужа её отвезли в отдалённый замок и забыли навсегда. Но Изабелле уже не довелось увидеть, как отправляют её любимицу в заточение.

Материнское счастье, в отличие от военного, отвернулось от королевы. В 1497 году ей пришлось пережить ещё одну трагедию — её сын Хуан скончался в возрасте 19 лет, и нестарая ещё женщина оделась в монашеские одежды, стала мрачной и раздражительной. Семейная жизнь тоже дала трещину. В первые годы супружеской жизни Изабелла и Фердинанд любили друг друга, но со временем в их отношениях появился разлад. Сильные и властные натуры, они с трудом уступали друг другу, то и дело вступая в конфликты. Смерть сына окончательно отдалила супругов. Фердинанд завёл любовницу, а Изабелла стала мужененавистницей и полностью посвятила себя религии.

Изабелла больше не оправилась от перенесённого горя и мгновенно превратилась в дряхлую женщину, не нужную своему мужу. Единственное, что могло утешить королеву — цель, поставленная ещё в детстве в романтических мечтах, была достигнута. 2 января 1492 года мавры сдали Гранаду, а победители — Изабелла и Фердинанд — торжественно переехали

в волшебный дворец в Альгамбре. Страна ликовала, с этого момента начала складываться единая испанская нация. Кроме того, королева достигла и самого главного — она уничтожила религиозное многообразие, закрепив католицизм. Изабелла подписала эдикт, в соответствии с которым всему нехристианскому населению её страны надлежало покинуть Испанию. Тысячи евреев, мусульман подверглись тяжёлым испытаниям испанской инквизиции. Самыми мрачными страницами царствования Изабеллы стало возрождение в 1480 году инквизиции. Именно при этой королеве Испания стала самой католически суровой страной, не одну сотню лет и после её царствования горели костры, сопровождаясь жестокими репрессиями.

А самым выдающимся деянием Изабеллы стала поддержка экспедиций Христофора Колумба. Имя его теперь навеки соединяется в исторической памяти с именем испанской королевы. Дело в том, что великий мореплаватель по месту рождения был итальянцем, но по духу являлся гражданином мира. Долгие годы Колумб пытался реализовать грандиозный план — доказать, что земля не плоский диск, а шар, а значит, можно отыскать другой путь в Индию. Путешественник объездил все дворы Европы, прося выделить деньги на экспедицию, однако венценосные особы не хотели тратиться на сомнительное предприятие. Очередь дошла идо Изабеллы. Впервые Колумб посвятил испанскую королеву в свои планы в 1485 году, но в то время война с маврами была в самом разгаре и её исход волновал Изабеллу гораздо больше, чем обещания открыть Испании новые земли и сделать её правительницу самой богатой женщиной мира. «Приходите, когда я выиграю эту войну, — сказала она Колумбу. — Тогда я подумаю над вашим предложением, но уже по-настоящему».

И он пришёл и снова просил деньги у испанской королевы, почувствовав, по-видимому, в ней родную душу авантюристки и искательницы приключений. Пока Колумб восторженно излагал королевской чете свои планы, Фердинанд подсчитывал в уме, во сколько может обойтись казне эта экспедиция. «Слишком дорого!» — заявил рациональный король Колумбу. Но Изабелла, привыкшая в последнее время даже по пустякам возражать мужу, грубо оборвала Фердинанда: «Если правителю Арагона не хватает фантазии, тогда я сама буду решать от имени Кастилии!» Фердинанд вздрогнул от подобной бестактности жены, но это только придало Изабелле уверенности. Так, банальные семейные разногласия послужили весьма благому делу.

Но одно дело «ляпнуть» что-то в пику мужу, а другое —

найти деньги в скудной послевоенной казне Испании. Теперь Изабеллу не оставляли сомнения в целесообразности финансирования экспедиции Колумба. Всё-таки мореплаватель просит выделить ему огромную сумму на оснащение кораблей и различные припасы. Могла ли страна позволить себе рисковать такими деньгами в нищенское время? Королева долго не могла ни на что решиться. Наконец, взбешённый Колумб пригрозил Изабелле, что он обратится к французскому королю, хотя к нему он уже обращался и ничего, кроме решительного отказа, не получил. Но наша героиня, к счастью, этого не знала.

Легенда говорит, будто Изабелла заложила собственные драгоценности, чтобы финансировать экспедицию, но, скорее всего, это всего лишь красивая легенда. Тем не менее 3 августа 1492 года Колумб благополучно на трех судах с экипажем в 90 человек отправился в плавание. Мы знаем, как дальше развивались события, и помним, что вместо Индии мореплаватель открыл Новый Свет.

Колумб возвратился в Испанию без обещанных сокровищ, зато его рассказы о новых землях потрясли живое воображение Изабеллы, и она согласилась организовать ещё три путешествия, разделив с Колумбом и славу новых открытий. На острове Эспаньола путешественник основал первую в Новом Свете колонию европейцев. Он назвал её Изабелла — в честь королевы, благодаря которой он смог осуществить свою мечту. Кстати, неизвестно, как сложилась бы мировая история, если бы Изабелла не поверила Колумбу.

МАРФА-ПОСАДНИЦА (БОРЕЦКАЯ)

Вдова новгородского посадника И.А. Борецкого. Возглавила антимосковскую партию новгородского боярства. После присоединения Новгорода к Москве в 1478 году была взята под стражу.

Вечевой колокол созывал новгородцев на Великую площадь. Здесь много веков творили горожане свою историю, полную славных подвигов и горестных испытаний. Во всей России XV века мало насчитывалось городов, избежавших ига татаро-монгол. Кичился своей вольницей и богатством Господин Великий Новгород, и породил он немало замечательных, свободных духом людей. Только в таком городе и могла появиться женщина, не испугавшаяся притязаний князя московского Ивана.

Подлинных фактов биографии Марфы известно немного. Вероятно, много таких славных, сильных женщин знавал Новгород но им не довелось испытать себя в лихие годы. Долгое время и Марфа была всего лишь верной, заботливой женой Исаака Борецкого, городского посадника. Она жила с ним счастливо, богато, семейство разрасталось и Марфа, вероятно, ничего не хотела менять в своей судьбе — только бы всё шло по-старому. Но время было тревожное, Новгород своими богатствами привлекал захватчиков из разных земель. Во главе войска, оборонявшего границы княжества, встал муж Марфы. Отправляясь в поход, он взял клятву с жены, что в случае его гибели она заменит мужа в Совете старейшин.

Трудно сказать, так ли это происходило в действительности. Марфе, конечно, политически выгодно было иметь легенду о прямом продолжении дела авторитетного в городе посадника. Да и как можно взять с человека клятву совершить подвиг или иметь ораторский талант?

Марфа принадлежала к числу сильных натур, которые, пережив смерть любимого человека, не только не ломаются, но обретают железную, нечеловеческую волю. Больше ничего не может их поколебать, заботы, сомнения частной жизни уступают место общественным ценностям, высоким идеям. Можно сказать Марфе повезло, ей вскоре представился случай не просто оспаривать таможенные пошлины в Совете, но вершить великие дела.

Известно, что Московское княжество к XV веку настолько окрепло, что начало собирать под свои знамёна все русские земли. Пришёл черёд и Новгорода. От князя Ивана прискакал в

город посланец, объявивший волю хозяина — добровольно пойти под руку Московы. Марфа не колебалась ни минуты, она приняла на себя идейное руководство в борьбе против посягательств Ивана.

Но она не только могла горячо и страстно убеждать, она обладала несомненным организаторским талантом. Марфа пригрела в своём доме юношу-сироту, которого отличал ещё Исаак Борецкий за воинские доблести. Так как сыновья посадницы не годились на роли полководцев, а известные в городе предводители по разным причинам не могли стать во главе оборонительной дружины, Марфа, тщательно все просчитав, решила доверить защиту Новгорода безродному Мирославу.

Понимая всю слабость и беззащитность города перед полчищами Московского князя, женщина написала просьбу о помощи к соседям в Псков, напомнив им, как много они пользовались благосклонностью новгородцев. Однако помощники из псковичей вышли плохие. Напугавшись князя Ивана, они ограничились советами и пожеланиями удачи Господину Великому Новгороду. Марфа с презрением разорвала ответ изменников и на маленьком клочке начеркала: «Доброму желанию не верим, советом гнушаемся, а без войска вашего обойтись можем».

К сожалению, бескомпромиссный характер не способствует удачной политической карьере. Отвергла Марфа и помощь нежданного радетеля — польского короля Казимира, отлично понимая, в какую ловушку хочет заманить её коварный чужеземец. «Лучше погибнуть от руки Иоанновой, нежели спастись от вашей», — отвечала гордая посадница.

Итак, оставалось надеяться только на собственные силы. Марфа, не жалея себя, проводит дни на Великой площади. Вдохновляя воинов на подвиг во имя отечества, она поддерживает патриотический дух горожан, запугивая новгородцев московским рабством. Историки потом скажут, что посаднице было что терять в случае покорения Новгорода. Что ж, подобные соображения ничуть не умаляют силы её личности и величия деяний. Чтобы поддержать уверенность горожан в успехе, Марфа решает сыграть свадьбу своей дочери Ксении с новоявленным полководцем Мирославом. Празднество было поистине всенародным. Ничего не пожалела посадница для демонстрации силы и довольства «главной» новгородской семьи.

На Великой площади накрыли столы для всех жителей свободного города, ударили в колокол, сзывая всех на торжество. Яства подавались роскошные. Мирослав и Ксения ходили среди

гостей и просили граждан веселиться. Главная цель Марфы была достигнута: новгородцы почувствовали себя одним семейством, в единстве которого и заключалась сила. В чаду пира никакой враг, казалось, уже не страшен. Вспоминали о чудесном рождении Марфы, якобы при битве, куда мать посадницы прискакала, чтобы произвести на свет достойную дочь, гражданку свободного города.

Наконец, вооружение было подготовлено, тактические ходы просчитаны, население пребывало в патриотическом восторге — можно было выступать, тем более что пришло сообщение: князь Иван спешит к границам земли — проучить непокорных новгородцев. Потянулись долгие дни ожиданий вестей с поля боя. Марфа приказала отворить все храмы города и непрерывно служить молебны во имя победы войска Мирослава. Сама посадница представляла собой образец оптимизма и уверенности — была непременно весела, энергична, выступала в Совете. Не уступала матери и Ксения, которая теперь ни на миг не покидала Марфу.

Вначале приходили скромные весточки от Мирослава, потом он стал передавать на словах: «Сражаемся!» Горе свалилось на горожан неожиданно. Войско вернулось разгромленным. Мирослав и два сына Марфы погибли. Рассказывают, что, когда улицы Новгорода наполнились причитаниями женщин и стонами раненых, посадница спросила воинов: «Убиты ли сыны мои?» — «Оба», — ответствовали ей. — «Хвала небу! Отцы и матери новгородские! Теперь я могу утешать вас!»

Проиграв первую битву, новгородцы снова стали перед решением своей участи. Многие растерялись, только для Марфы не было пути назад. Она ещё могла влиять на дух соотечественников. Женщина решила пойти на компромисс, понимая, что князь московский едва ли согласится на него. Новгород предложил Ивану выкуп — свои богатства, но у князя были далеко идущие планы, тем более что военная удача склонялась на его сторону. «Покорность без условия или гибель мятежникам!» — ответствовал Иван и с гневом отвернулся от послов.

Несогласие князя пришлось на руку Марфе, этот дерзкий ответ только оправдывал её агрессивность против захватчика, и вновь новгородцы сплотились вокруг своего вождя. Для верности Марфа обратилась к помощи своего деда по матери, пустынника Феодосия, который давно уже покинул город и жил отшельником на берегу озера Ильмень. Старец должен был вернуться в Новгород. Народ общим криком изъявил радостное удивление появлению Феодосия. «В счастливые дни твои, любезное

отечество, я молился в пустыне, но братья мои гибнут…» — начал свою речь старец. Народ в едином порыве избрал Феодосия посадником. Марфа который раз не обманулась реакции горожан. Люди лобызали руки Феодосия, подобно детям, которые были несчастны в отсутствие отца. И снова новгородцы сами обрекли себя на гибель, и снова Марфа устроила им всеобщее пиршество, чтобы горожане забыли ужас поражения и воспряли духом.

Но кольцо вражеской дружины все теснее сжималось вокруг Новгорода. Пришли страшные времена, в некогда хлебосольном городе начинался голод. Марфа ещё держалась, внушая жителям мысль что вот, дескать, придёт дождливая осень и москвичи потонут в обширных новгородских болотах, нужно только немного потерпеть. Но осень наступила тёплая и сухая, сама природа, казалось, обратилась против осаждённых. Не помогали ни моления Феодосия, ни раздача скудного пайка, ни долгие размышления Марфы у могилы мужа.

Наконец ужасы голода обрушились на город со всей беспощадностью. Люди, особенно женщины, стали обвинять Марфу в несчастьях. Борецкая поспешила на Великую площадь, но измученный народ впервые не хотел слушать посадницу. Тогда Марфа прибегла к способу, отчего-то столь любимому русскими властителями. Она упала на колени перед толпой и смиренно стала молить новгородцев о решительной битве. Некогда гордая, величавая, уверенная, она своим унижением произвела смятение в рядах горожан. Она смогла победить даже голодный бунт, смогла в последний раз подвигнуть новгородцев на защиту своих прав.

Но чуда не произошло. Московский князь снова одержал победу и теперь уже окончательную. Прежде всего он объявил дрожащим от страха горожанам, что с его стороны мести никому не последует. Друзья поспешили обрадовать Марфу заявлением врага. В ответ посадница лишь язвительно улыбнулась.

Когда московские дружинники ввалились в её дом, Марфа, как ни в чём не бывало, сидела с дочерью за прялкой, словно образцовая хозяйка. «Видите, что князь московский уважает Борецкую: он считает её врагом опасным!..» — засмеялась Марфа в ответ на угрозы.

Мужественная женщина была казнена на Великой площади. Последними её словами, обращёнными к притихшим соотечественникам, были: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!» Она так и не смирилась, не простила горожанам слабости.

А вскоре вечевой колокол сняли с древней башни и увезли в Москву. Народ долго шёл за скорбной процессией, словно

провожал гроб с телом своего отца.

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ

(1519—1589)

Французская королева с 1547 года, жена Генриха II. В значительной мере определяла государственную политику в период правления сыновей: Франциска II (1559—1560), Карла IX (1560—1574), Генриха III (1574—1589). Одна из организаторов Варфоломеевской ночи.

Об истории семейства Медичи написаны целые тома, но, пожалуй, самым прославленным представителем этого рода стала дочь герцога Урбино Лоренцо II — Екатерина, которой суждено было выше всех в своей семье подняться по лестнице общественного успеха. Без малого тридцать лет правила она самой влиятельной в XVI веке страной в Европе, с её именем связаны крупные события в истории, но на редкость мрачна и бессмысленна оказалась её женская личная судьба.

С самого рождения Екатерине не повезло, она осталась круглой сиротой, и семейство Медичи использовало крошку в качестве заложницы в борьбе за власть во Флоренции. В девять лет она попала в монастырь, а осаждённые в городе республиканцы предложили поставить девочку на крепостной стене под непрерывный огонь пушек её родственников. К счастью для девочки, вмешался папа и потребовал не трогать ни в чём не повинного ребёнка. Однако потерпевшие поражение горожане напоследок отдали маленькую Екатерину солдатам, чтобы те позабавились с наследницей великого рода.

Последствия психической травмы взялся залечить её дед, который в то время занимал папский престол в Риме — Климент VII. Вероятно, это было самое счастливое и беззаботное время для Екатерины. Наконец-то она получила настоящий дом, жила спокойно, её опекали и даже по-своему любили. Для Климента VII внучка представляла собой крупную козырную карту в политической игре. Живая, общительная девушка, с яркими выразительными глазами, невысокая, худощавая, с красивыми миниатюрными ножками, из богатого и знатного рода Екатерина становилась самой заметной невестой Европы, да и папа постарался, что называется, устроить внучке «пиар». Она редко появлялась в свете, о её красоте уже ходили легенды в светских кругах. Папа же вдумчиво раскладывал пасьянс из подходящих женихов.

Сама Медичи, по-видимому, рано стала понимать, что её желают повыгоднее продать, и вряд ли была против такой сделки.

Тяжёлое детство научило её холодному расчёту, недоверию к окружающим и скрытности. Многие, знавшие Екатерину ещё в папском дворце, отмечали во взгляде девочки острый, болезненный ум и металлический холод. Спустя много лет, узнав о смерти Екатерины, известный французский историк Жак Огюстен де Ту воскликнул: «Нет, умерла не женщина, умерла королевская власть».

В 1533 году состоялась наконец свадьба Медичи и Генриха Орлеанского, сына французского короля. Молодым было по четырнадцать лет. Едва успели отгреметь свадебные фанфары, как ветреный муж увлёкся всерьёз двоюродной сестрой своей жены, Дианой де Пуатье, которая была старше его на двадцать лет. Все двадцать лет, пока царствовал Генрих, при французском дворе фавориткой оставалась неизменная Диана, и все двадцать лет Екатерина вынуждена была терпеть козни соперницы и молчать. Особенно тяжело королеве приходилось первые годы супружества. Десять лет у супругов не было детей. А отсутствие наследников делало Екатерину до какой-то степени полузаконной женой короля, ибо над ней постоянно нависала угроза развода.

Официальная версия в истории известна: якобы Генрих имел некоторую патологию, потом согласился на операцию и почти через одиннадцать лет напряжённого ожидания дети посыпались как будто из рога изобилия. Екатерина родила, не много не мало, десять сыновей и дочерей. Некоторые историки в «чудесном исцелении» Генриха видят обычный женский обман и даже пытаются привести доказательства. Но как было на самом деле, мы, вероятно, не узнаем уже никогда.

На первый взгляд кроткая, приветливая Екатерина мало вмешивалась в жизнь двора. Однако в голове этой хорошенькой женщины теснились самые честолюбивые планы. Она понимала, что начисто лишённый честолюбия Генрих, поглощённый любовью к Диане, не станет сражаться за престол, тогда как старший сын Франциск имел прекрасное здоровье и собирался жить долго.

Исторические летописи французского двора, конечно, умалчивают о подлинных виновниках последующих событий, но факты таковы, что в жаркий августовский день принц выпил стакан воды со льдом и тотчас же умер. Отравления никто не отрицал, но подлинных виновников убийства установить не удалось. Понятно, что более всего смерть Франциска была выгодна семейству Медичи, а уж оно, это семейство, толк в ядах знало. Однако поведение Екатерины при дворе не давало ни малейшего повода к подозрениям.

К моменту коронования Генриха Екатерине было под сорок.

Она была уже зрелой дамой, понимающей толк в интригах двора, но престол не увеличил её власти. По-прежнему сердцем мужа управляла всесильная Диана. Изредка Екатерина одерживала мелкие победы над своей соперницей: пыталась её компрометировать в глазах короля, подыскивала ей замену — всё-таки фаворитке уже исполнялось шестьдесят лет, однако Медичи по-прежнему оставалась на задворках основной политической борьбы. Она могла только наблюдать, а вмешиваться у неё не хватало сил.

Надо сказать, что деятельная натура Екатерины проявилась в том, что королева собрала при дворе весь цвет европейского искусства. Она охотно покровительствовала талантам и протежировала начинающим. Увлекалась она и астрологией. Именно Екатерина пригласила во дворец знаменитого Нострадамуса, который, по преданию, и предсказал случайную смерть короля:

Молодой лев победит старого
В странном поединке в ратном поле
Он ему проколет глаз через золотую клетку.
Из одного станут два, затем умрёт,
Мучительная смерть.

Смерть Генриха действительно была нелепой. В рыцарском поединке с графом Монтгомери, раззадоренный молодой соперник нанёс Генриху сильный удар по голове. Король защищался копьём, древко его не выдержало, расщепилось на несколько лучин, и одна из них влетела в правое глазное отверстие шлема. На десятый день, в страшных страданиях Генрих скончался. Так благодаря трагической случайности Екатерина получила вожделенную власть.

Формально на престол взошёл её сын — шестнадцатилетний Франциск II, однако фактически Екатерина столкнулась с тем, что всем в королевстве заправляло семейство Гизов, которое благодаря Диане захватило все ключевые посты. С убитой горем соперницей Екатерина поступила милостиво — вновь в королеве говорила не обиженная женщина, а расчётливая властительница. Зачем сражаться с уже никому не нужной старой женщиной? Зато Гизам предстояло дать бой.

Она нашла себе союзника в лице верного друга Франсуа Вандома, которого искренне полюбила, однако честный, независимый Вандом проиграл войну с Гизами. Под страхом смерти Екатерина вынуждена была сначала отправить союзника в Бастилию, а потом на тот свет. Для неё существовал особый

кодекс чести — прав только победитель, а ради власти она всегда была готова пожертвовать кем и чем угодно.

Положение королевы осложнялось ещё и тем, что её правление совпало с обострением религиозного противостояния протестантов и католиков. С одной стороны, Екатерина, выросшая в папском дворце, благоволила, конечно, к католикам, но влияние Гизов можно было уменьшить, только поддерживая протестантов. Она незамедлительно приняла тактику лавирования и натравливания одних на других. В атмосфере жестокой грызни она укрепляла постепенно свою власть.

Тем временем умер Франциск II, но королеве его смерть ничем не грозила — она достаточно родила сыновей французскому трону. Престол занял десятилетний Карл IX. Екатерина заставила новоиспечённого короля написать письмо в парламент, в котором он просил мать взять на себя дела королевства. Так она стала единоличной правительницей Франции.

Имя Екатерины Медичи тесно связано с кровавым событием — резнёй гугенотов, известной в истории как Варфоломеевская ночь. Двойственная политика Екатерины привела к тому, что она начала терять нити управления происходящим. Решив выдать дочь Маргариту за протестанта короля Наваррского, Екатерина думала, что таким образом она подтачивает силы своих злейших противников Гизов. Однако, плетя интриги, она сама попала в ловушку, не заметив, как сердцем юного Карла завладел ярый гугенот Колиньи. Он с настойчивостью маньяка склонял мальчика объявить войну Испании, а главное, не побоялся открыто угрожать королеве. Этого Екатерина потерпеть не могла.

Она вызвала к себе Гизов и разрешила им обратить свои мечи против гугенотов, чего католики добивались уже давно. Через несколько дней после венчания Маргариты Валуа и Генриха Наваррского в ночь святого Варфоломея и произошла знаменитая кровавая резня. По-видимому, в глубине души Екатерина, как хитрый и коварный политик, надеялась, что вожди обоих лагерей перережут друг друга, но католики оказались энергичнее, сплоченнее. В ночь с 23 на 24 августа 1572 года только в одном Париже погибло 2 тысячи гугенотов. Адмирал Колиньи был смертельно ранен и вскоре умер.

Варфоломеевская ночь принесла Екатерине неожиданные политические дивиденды. Её приветствовал король испанский, а папа Григорий XIII приказал иллюминировать Рим, выбил медаль в честь великого события и отправил поздравление «христианнейшему королю и его матери» в Париж.

Но радость Екатерины была недолгой. Неожиданно против её

политики восстал король. Он открыто обвинил мать и брата в кровавой расправе, и в его словах пусть неумело, но сквозила угроза. Екатерина попыталась влиять на Карла лаской, принуждением, убеждением, однако всё было тщетно. Неприязнь Карла к жестокой матушке росла с каждым днём. Екатерина начинала понимать, что в ней больше не нуждаются, а этого сильная властная женщина допустить не могла. Она, стиснув зубы от боли, приняла решение. Через неделю Карл почувствовал себя плохо, слёг, пришлось вызывать священника.

Французская корона перешла к третьему сыну Екатерины — Генриху Анжуйскому. Королева из рода Медичи по-прежнему крепко сжимала в своих руках бразды правления. Однако и новый монарх принёс матери лишь одни огорчения. Вопреки желаниям Екатерины он решительно отказался от брака с английской королевой Елизаветой и женился на Луизе Лотарингской, дочери графа Водемона из дома ненавистных Гизов. Но свадьба была только прикрытием для Генриха, в женских ласках он не нуждался, а значит, и не мог произвести на свет наследников. Постаревшую Екатерину это обстоятельство серьёзно пугало.

В королевстве же назревал новый этап борьбы между протестантами и католиками. Превозмогая болезни и усталость, Екатерина готовилась к новой битве, когда пришло известие, что умер самый младший сын из рода Валуа — Франциск, герцог Алансонский и Брабантский. Это был страшный и последний удар по королеве. Маргарита жила отдельно от мужа и не имела детей от ненавистного Генриха Наваррского.

Судьба жестоко обошлась с Екатериной Медичи, словно мстя за её ненасытное властолюбие. Десять детей родила она, но, несмотря на это, на ней закончилась династия французских королей Валуа. Она как будто стала проклятием этого рода, принеся Молоху честолюбия и свою жизнь, и жизнь своих детей.

Генрих III даже не позаботился похоронить мать достойно. Тело её было брошено в общую могилу с нищими и бродягами. Сам же Генрих скончался спустя несколько месяцев.

ЕЛИЗАВЕТА ТЮДОР

(1533—1603)

Английская королева с 1558 года, дочь Генриха VIII и Анны Болейн. При Елизавете I были укреплены позиции абсолютизма, восстановлена англиканская церковь, разгромлена испанская Непобедимая армада (1588), широко осуществлялась колонизация Ирландии.

В истории любой страны были властители, правление которых отмечено великими преобразованиями, способствовавшими экономическому подъёму государства. С их именами обычно тесно связаны и имена гениальных людей того времени, ибо деятельность крупных реформаторов способна породить революцию в умах своих соотечественников. Для англичан таким правителем была Елизаветы I.

Королева произвела огромное впечатление на Шекспира:

Для счастия отчизны
Она до лет преклонных доживёт,
И много дней над нею пронесётся,
И ни один не минет без того,
Чтоб подвигом благим не увенчаться.

Но так думал о Елизавете не один Шекспир, скорее, это мнение большинства его современников. Елизавета ещё при жизни стала любимицей народа, сумев возбудить к себе сочувствие и интерес. Кроме того, её правление отличалось разумностью и радением о благе государства. Поистине она была рачительной хозяйкой, заботившейся о яркости домашнего очага.

Сластолюбивый король Генрих VIII, отец Елизаветы, внёс серьёзную путаницу в права престолонаследия. Он объявил её наследницей престола, но когда, спустя два года, Генрих увлёкся Иоанной Сеймур и казнил свою прежнюю жену Анну Болейн — мать Елизаветы, то бедная девочка, конечно, потеряла все права на корону. Однако перед смертью Генрих снова восстановил права дочерей. Таким образом, когда в 1558 году скончалась кровавая Мария[1] , старшая сестра Елизаветы, то наша героиня беспрепятственно вступила на престол.

Первым мудрым государственным актом новой королевы стало утверждение в стране англиканской церкви, что разом сняло, хотя и не уничтожило полностью, религиозное

напряжение. Елизавета была католичкой, в её дворцовой капелле постоянно находилось распятие, окружённое зажжёнными свечами, но противостоять сильной протестантской партии было равносильно самоубийству, и королева благоразумно решила примирить крайности. Новая англиканская церковь, родственная по своему учению протестантизму, а по обрядности — католицизму, удовлетворяла всех, кроме пуритан, но правительство смогло зажать им рты, издав закон, грозивший смертной казнью всякому, кто осмелится назвать королеву «еретичкой», оспаривать её права на корону или «приписывать эти права другому лицу».

Этим другим лицом стала для Елизаветы её племянница Мария Стюарт. Мало найдётся в истории имён, так тесно связанных друг с другом. Сколько толков, сколько домыслов, сколько великих произведений искусства породила эта «парочка»

Мария Стюарт была красива, и уже одно это может стать для женщины поводом для непримиримой ненависти. Елизавета не являлась исключением. Ревнивая, сластолюбивая, она не хотела допускать соперницу ко двору, где принимались только дурнушки. Но наиболее гибельным для Марии было то, что она обладала наследственным правом на английский престол. Кроме того, её поддерживал папа Пий V, видя в Марии примерную католичку.

Надо сказать, что обаяние воспитанной во Франции Марии Стюарт, к сожалению, не было дополнено благоразумием. Она отличалась склонностью к авантюризму и способностью «вляпываться» в неприятные истории. После очередного такого случая, будучи шотландской королевой, Мария настроила против себя сильную оппозицию, которая не простила ей убийства мужа и желания снова выйти замуж за его убийцу. Мария Стюарт вынуждена была бежать. А так как бежать ей было больше некуда, то она вынуждена была повиниться перед своей тёткой и просить убежища в Великобритании.

Елизавета оказалась в сложном положении. Наказывать Марию она не имела права; оттолкнуть несчастную было бы некоролевским поступком; освободить, чтобы она могла бежать во Францию или Испанию, значило бы дать ей в руки оружие против Англии. На помощь Елизавете пришла женская хитрость. Она отказалась от свидания с племянницей и приказала препроводить её в замок Фотерингей. На девятнадцать лет Мария Стюарт стала пленницей Елизаветы и лишила её покоя. Мало того что время от времени возникали смуты католического населения, которое поддерживало шотландскую королеву, Мария сама ввязалась в заговор, возглавляемый испанским послом. Когда

заговор открылся, Елизавета устроила настоящий судебный процесс. Естественно, в государстве, где Елизавета правила единолично, судьи не могли вынести другого приговора, кроме смертного, признав Марию виновной. Но английская королева, слишком хорошо понимая реакцию окружающих, долгое время не могла подписать смертный вердикт. Она, привыкшая всегда играть роль чистой, девственной, милосердной и любимой народом, оказалась заложницей собственной маски, в то время как обаятельная узница, привлекая на свою сторону все больше и больше приверженцев, становилась очень опасной.

Елизавета вручила документ суда государственному секретарю Дэвисону и в таких туманных выражениях объяснила его значение, что тот не знал, как поступить. Королева, не желая брать на себя ответственности, по примеру Пилата, умыла руки, предоставив взять на себя позор расправы над беззащитной женщиной своим подчинённым. В 1587 году Мария была казнена. Елизавета же до конца доиграла свою роль в этой трагедии. Узнав о смерти племянницы, она плакала, уверяя, что её приказания были ложно истолкованы. Несчастного Дэвисона засадили в темницу, а французскому послу Елизавета объявила, что никогда не простит своим министрам случившегося несчастья. Однако история расставила все по местам, и имя английской королевы навсегда осталось запятнанным убийством соперницы.

Между тем царствование Елизаветы отмечено крупными успехами Англии в экономике и политике. Королева поддерживала британскую промышленность, впервые установила торговые отношения с иностранными государствами, покровительствовала мореплаванию, основывала колонии в Новом Свете. Лондон обязан ей первыми благотворительными учреждениями.

Елизавета никогда не была замужем. Скорее всего её «мужененавистничество» было порождено нежеланием поделиться властью. Долгое время велись переговоры о бракосочетании Елизаветы с французским королём Генрихом III. Однако наша героиня и тут схитрила. Не желая ссориться с солидным соседом и обижать его отказом, Елизавета прибегла к помощи членов Тайного совета, чтобы отрицательный ответ исходил не от неё, а как бы от имени нации. Для «блага своего народа» королева смиренно согласилась остаться девственницей.

Но, конечно, Елизавета не отказывала себе в плотских удовольствиях. Долгое время она оказывала предпочтение фавориту, графу Лестеру, который тоже льстил себя надеждой стать мужем королевы. Однако «девственница» не торопилась под венец, и отчаявшийся любовник тайно женился на красавице

Эссекс. Бедной жене этот брак стоил жизни. Когда спустя восемь лет Елизавета узнала о предательстве возлюбленного, она пришла в бешенство. Испуганный Лестер убил свою жену, но расположения бывшей любовницы он этим поступком вернуть не смог. Тогда, чтобы спасти себе жизнь, граф решил стать сводником. В конце 1584 года он представил ко двору своего пасынка, Роберта Девере, графа Эссекса, семнадцатилетнего красавца. Ловкий малый не стал задумываться о смерти несчастной матери и по совету отчима «прыгнул» в постель пятидесятилетней Елизаветы. Его мальчишеская заносчивость нравилась ей одной и не знала границ. Однажды на совете он, разойдясь во взглядах с королевой, надулся и повернулся к ней спиной. Оскорблённая Елизавета, не долго думая, влепила юнцу пощёчину. Эссекс схватился за шпагу. Такие вот жаркие страсти разыгрывались в покоях царственной особы.

В Ирландии вспыхнули беспорядки на религиозной почве. Против мятежников стареющая королева послала войска под предводительством повзрослевшего графа Эссекса. Поход любимца оказался неудачным; ему пришлось вступить в переговоры с противником. Понадеявшись на своё влияние на королеву, он, не испросив её согласия, заключил договор с ирландцами в их пользу. Этот промах многочисленные завистники удачливого фаворита использовали в полной мере. Скрыть проступок Елизавета не смогла, и суд лишил графа всех должностей и чинов, составлявших источник его доходов. Поражённый этим ударом, Эссекс не терял надежды на личное объяснение с Елизаветой, однако враждебная ему партия не допустила свидания. Тогда у него родилось безумное намерение с оружием в руках двинуться во дворец и заставить королеву сместить всех её советников. С группой преданных друзей он пытался привести этот план в исполнение, однако был схвачен и уличён в государственной измене.

Руки королевы тряслись, когда она подписывала смертный приговор человеку, который целых 17 лет пользовался её исключительным расположением. По этому поводу родилась легенда о том, что однажды Елизавета подарила Эссексу драгоценный перстень: «Что бы с тобой ни случилось, в чём бы ты ни провинился, пришли мне этот перстень. Он напомнит мне сегодняшний счастливый день, и я все тебе прощу».

Говорят, граф пытался передать это кольцо королеве, но личный враг фаворита помешал ему это сделать. Не получив кольца да к тому же узнав, что её любовник тоже по примеру отчима тайно женился, Елизавета подписала роковую бумагу. Эссекс взошёл на эшафот 25 февраля 1601 года, уверенный, что

королева обманула его, а царственная особа рыдала в это время, убеждённая, что любовник пренебрёг ею.

Казнь графа не прошла для семидесятилетней старухи бесследно. Тень убиенного преследовала её повсюду, годовщины смерти Елизавета проводила в полном одиночестве. Угрызения совести преследовали женщину до такой степени, что она решилась умереть. Целые дни в глубоком молчании она лежала на подушках, отказываясь от лекарств. Когда с ней рискнули заговорить о престолонаследии, то Елизавета завещала трон сыну казнённой ею Марии Стюарт — королю Шотландии Якову.

Сорок пять лет процарствовала Елизавета Тюдор, оставив сильную страну и множество легенд, запечатлённых в прекрасных литературных и драматических произведениях.

МАРИЯ СТЮАРТ

(1542—1587)

Шотландская королева в 1542 (фактически с 1561 года) — 1567 годах, претендовала также на английский престол. Восстание шотландской кальвинистской знати вынудило её отречься от престола и бежать в Англию. По приказу английской королевы Елизаветы I была заключена в тюрьму. Замешанная в ряде католических заговоров, Мария Стюарт была предана суду и казнена. В художественной литературе образ Марии Стюарт, как правило, идеализирован.

Смерть этой женщины оказалась намного величественнее и значительнее её жизни. Словно весь недолгий путь Мария Стюарт стремилась к своему концу, казалось, в своей беспутной жизни она сделала всё, чтобы окончить его на эшафоте, будто в этом Бог увидел её высшее предназначение.

«En ma fin est mon commencement» — вышила в юности Мария Стюарт это, ещё не ясное ей в ту пору изречение, на парчовом покрове. «В моём конце моё начало». Трудно сказать, что побудило преуспевающую при французском дворе высокопоставленную воспитанницу обратить внимание на эти странные слова, но в них она пророчески определила свою историческую судьбу.

Она была дочерью шотландского короля Якова V и французской герцогини Марии Лотарингской. Пяти дней от роду Мария Стюарт стала королевой, лишившись отца, умершего от лихорадки. Пока горячие местные дворяне решали между собой вопрос раздела власти и влияния, девочку отправили на воспитание ко французскому двору. Да и как оно могло быть иначе при француженке матери, которая, получив регентство, едва держалась у трона при помощи земляков?

Двор, где выросла Мария, был самым великолепным, самым изящным, самым весёлым, но вместе с тем самым развращённым в Европе, поэтому трудно винить за беззаботность и сладострастность Марию, ибо привили их девочке не по её воле. Благодаря большой любительнице искусств — Екатерине Медичи, Мария получила хорошее художественное воспитание: сочиняла стихи, прекрасно музицировала, свободно изъяснялась на языке тогдашних интеллектуалов — латыни. Вскоре она стала настоящей жемчужиной при французском дворе, где блестящих женщин было предостаточно.

Когда принцессе исполнилось 15, король Генрих II стал

торопить её брак с дофином. Сказывались, конечно, прежде всего, политические соображения — Франция не хотела упускать своего влияния на Британских островах. Спустя 7 месяцев после свадьбы Марии с наследником Франциском II на английский престол взошла двоюродная сестра Марии Стюарт Елизавета. Однако, по мнению французского двора, Мария тоже была законною наследницей английской короны, поскольку являлась прямым потомком Генриха VII. С опрометчивой поспешностью Генрих II заставил Стюарт принять герб и соединить его с гербом Шотландии. Этим поступком он положил начало страшной борьбе между Елизаветой и Марией Стюарт.

Пока наша героиня устраивала свой династический брак во Франции, на её родине усиливалась религиозная борьба протестантов и католиков, французской и английской партий. За отсутствием королевы правил Шотландией парламент, который находился под сильным влиянием Англии. Члены парламента, не стесняясь, говорили: «Королева Елизавета позаботилась о безопасности и свободе Шотландии и потому королевство обязано ей более, чем своей собственной государыне». С более чем прохладным отношением пришлось столкнуться Марии в Шотландии, куда она вынуждена была вернуться после неожиданной и скорой смерти мужа в 1560 году. Заливаясь слезами, Мария простилась с любезной её сердцу Францией, где она познала любовь и счастье. Словно зная, что больше никогда не возвратится сюда, Мария долго стояла на палубе корабля, обратив свой взор на удалявшийся берег: «Прощай, Франция!..»

На шотландском престоле Марии пришлось столкнуться со многими сложностями. С трудом она привыкала к суровым, мрачным лицам своих вельмож, так отличавшихся от галантных мужчин французского двора. Тяжёлым испытанием для верной католички стало и господство протестантизма, которое она вынуждена была принять, выхлопотав, правда, для себя свободу вероисповедания. Постоянно в королевстве зрели заговоры высшего дворянства, принуждая молодую женщину вникать в подлые интриги и принимать жестокие меры к подавлению сопротивления.

В общем, королевство Марии Стюарт досталось не из самых приятных, но корону, как родителей, не выбирают. Положение усугублялось и её вдовством. Пылкость, с которой королева предавалась развлечениям, многими воспринималась как доступность. Настала пора подумать о новом муже. Многие влиятельные женихи домогались руки завидной невесты. Если бы Мария Стюарт смогла сделать верный выбор… Но она предпочла любовь политическим выгодам.

Лорд Дарнлей быстро, но ненадолго завоевал сердце прекрасной королевы. Не успели утихнуть свадебные фанфары, как непостоянная женщина разглядела, что её избранник недостаточно умён, не слишком нежен, да и вообще пустейший человек. Мария стала избегать мужа, а покинутый Дарнлей в раздражении искал причину охлаждения королевы и, конечно, нашёл её в воображаемом сопернике. В этот момент Мария отыскала себе друга в лице секретаря Давида Риччо. Итальянец пользовался уважением и доверием королевы, и ревнивец приходил в бешенство от мысли, что Риччо видится с Марией гораздо чаще, чем он. С помощью дворянства лорд составил заговор против строптивой жены и его секретаря.

В один из вечеров в покои королевы вломились вооружённые люди, возглавляемые Дарнлеем. Мария ужинала вместе со своими приближёнными. За столом сидел и ненавистный лорду Риччо. На глазах у беременной королевы произошло безобразное убийство, а саму её по приказу мужа посадили под домашний арест. Подобные сцены мало способствуют возвращению потерянной любви, и разгневанная Мария поклялась отомстить Дарнлею.

Оправившись от потрясения и разрешившись от бремени сыном, Мария снова влюбилась, на этот раз в дерзкого и опасного человека графа Босуэла. Он и погубил её. К сожалению, Мария не утруждала себя размышлениями о своих поступках, расчётливость была совершенно не присуща её характеру. Она любила поступать так, как подсказывали чувства. А чувства подсказывали ей, что сейчас нужно во что бы то ни стало избавиться от мужа. Она достаточно коварно использовала болезненную любовь Дарнлея к ней. Прикинувшись ласковой и послушной, Мария заманила мужа в ловушку и с помощью Босуэла составила заговор. Двое убийц, используя поддельные ключи, ночью проникли в комнату короля. Услышав шум, Дарнлей набросил на себя шубу и соскочил с кровати, чтобы спастись бегством. Но убийцы схватили и задушили его, а труп бросили в саду. Окончив преступное дело, один из заговорщиков зажёг фитиль, проведённый в бочку пороха, чтобы, взорвав дом, скрыть следы преступления.

Несмотря на усилия королевы скрыть своё участие в заговоре, вскоре на воротах городской тюрьмы появились афиши, открыто называвшие любовника Марии — Босуэла — убийцей. Подозрения возросли ещё более, когда королева открыто стала готовиться к свадьбе. История этого брака — целая бездна позора, в котором Мария позволила себя утопить, совершенно не задумываясь о последствиях. А последствия оказались ужасными.

Против «злодейской парочки» составился заговор видных дворян. Босуэл вынужден был бежать и окончил жизнь в датской тюрьме Мальмё, а королеву принудили отречься от престола в пользу малолетнего сына.

Королева была опозорена и унижена, но не считала себя побеждённой. Её тюремщица — леди Дуглас — воспылала лютой ненавистью к Марии, когда узнала, что восемнадцатилетний сын Джорж вошёл в сношение с пленницей и принялся искать способы её освобождения. Впрочем, не романтическая страсть, о которой так трогательно рассказывает Вальтер Скотт в своём романе «Аббат», руководила молодым человеком, а скорее корыстолюбие: посредством освобождения Марии он надеялся нажить деньги.

Бегство королевы счастливо осуществилось 2 мая 1568 года, но и оно не принесло ей удачи. Потерпев очередное военное поражение, наша героиня решила спасаться в Англии, проявив глупую самонадеянность. Она рассчитывала на сочувствие сестры, на принадлежность к королевскому роду, на королевскую солидарность и не понимала, как опасается её притязаний Елизавета, как не терпит рядом эта властительница женщин красивее себя, как различаются они во взглядах на жизнь.

Едва вступив на английскую землю, Мария сделалась пленницей Елизаветы, не захотевшей даже встретиться с несчастной сестрой. И хотя поначалу шотландке был предоставлен небольшой двор, расходы на который покрывались вдовьими французскими деньгами, Мария ни минуты не чувствовала себя комфортно. Девятнадцать лет Стюарт пришлось питаться тюремным хлебом. По прихоти Елизаветы её перевозили из одного замка в другой, часто в суровую зиму, не обращая внимания на её расстроенное здоровье, и отводили ей холодное и сырое помещение. Фотерингей был последним её пристанищем. Мария преждевременно состарилась, волосы её выпали, желудок отказывался переваривать пищу, и она с трудом держалась и ходила на своих распухших ногах. Самый сильный удар нанесла ей Елизавета, когда заключила негласный договор с единственным сыном Марии. Яков VI фактически продал мать за несколько тысяч фунтов стерлингов пенсиона, выплачиваемых ему Елизаветой, и обещание английской короны.

Мария, даже находившись в плену, представляла большую опасность для своей венценосной сестры. На шотландскую королеву по-прежнему уповали враги Елизаветы — французы, испанцы, поэтому, пока Мария была жива, англичанка не могла спать спокойно. Наконец представился случай обвинить опальную Марию в покушении на жизнь её величества. Заговор, раскрытый английскими министрами, позволил начать процесс против

пленницы. И хотя доказать юридическую вину Марии Стюарт было сложно, это не помешало судьям приговорить королеву к казни. Пожалуй, в истории суровый приговор для такого высокопоставленного лица был произнесён впервые, и, по-видимому, Мария не сразу поверила в возможность его осуществления, ведь она была кровной родственницей Елизаветы.

С подписания приговора начинаются подлинные муки совести английской королевы. Долгое время, более полугода, она не может ни на что решиться. Она ждала, что Мария обратится к ней с просьбой о помиловании, надеялась на чудо — может быть, ненавистная сестра умрёт как-нибудь без её непосредственного участия. Елизавета даже надоумила своих вельмож передать негласную просьбу властей о тайном убийстве Марии, однако тюремщик Паулет вовремя разумно умыл руки от такого грязного дела. Елизавете всё-таки пришлось совершить одно из самых громких злодеяний эпохи. Как бы она ни юлила, какую бы роль не пыталась разыграть, в истории Елизавета осталась убийцей Марии Стюарт, положив начало прецеденту лишения жизни особ королевских кровей.

О достойной смерти Марии Стюарт написано много. Наша героиня, прожив жизнь, полную ошибок и промахов, постаралась сделать свою кончину великолепной по силе духа. С. Цвейг в книге, посвящённой шотландской королеве, пишет, что Мария продумала заключительный аккорд жизни как талантливый театральный режиссёр, она не пропустила ни одной детали, тщательно обдумав даже исподнее одеяние. Когда чёрный плащ спал с её плеча, то свидетелям казни представилось незабываемое зрелище — пунцовая рубашка и огненные перчатки — кроваво-красное торжество смерти. Она умерла как королева, без тени бледности или растерянности на лице. Такой она и вошла в историю — гордой, независимой, несломленной.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА ФЕОДОСИЯ ПРОКОПЬЕВНА

(1632—1675)

Раскольница. Состояла в переписке с Аввакумом, оказывала помощь его семье. Вопреки угрозам и пыткам осталась верной расколу. Арестована в 1671 году, умерла в заточении в Боровске. Ей посвящена картина В.И. Сурикова.

Облик боярыни Морозовой в национальной памяти слит с любимой народом картиной В. Сурикова. Ещё писатель В. Гаршин, увидев сто лет назад на выставке полотно художника, предсказал, что потомки будут не в состоянии «представить себе Феодосию Прокопьевну иначе, как она изображена на картине». Современнику трудно быть беспристрастным, но мы понимаем — Гаршин оказался хорошим пророком. Многие наши сограждане представляют себе боярыню Морозову суровой, пожилой женщиной, как на полотне, которая фанатично взметнула руку в двоеперстии. Что ж, Суриков отлично знал историю и в главном не пошёл против правды, ну а детали вымысла потребовались ему ради символических обобщений.

Феодосия Прокопьевна не была стара — взгляните на даты её жизни. Арестовывали Морозову за четыре года до смерти, тогда ей не было и сорока, но мученицу за идею народная память могла запечатлеть лишь пожившей, мудрой и чуждой всяческого легкомыслия.

Отчего же слава боярыни Морозовой перешагнула века? Почему среди тысяч страдальцев за веру именно этой женщине суждено было стать символом борьбы раскольников против «никонианцев»?

На картине Сурикова боярыня обращается к московской толпе, к простолюдинам — к страннику с посохом, к старухе-нищенке, к юродивому, ко всем тем, кто и вправду представлял социальный слой борцов против новых обрядов. Но Морозова была не рядовая ослушница. Чудов монастырь, куда везли боярыню, находился в Кремле. Неизвестно, глядел ли царь Алексей Михайлович с дворцовых переходов, как провожал народ свою любимицу, как возглашала она анафему «нечестивцам», но в том, что мысль о Морозовой преследовала его, не давала ему покоя, нет ни малейшего сомнения. Феодосия Прокопьевна слишком близко стояла к престолу, слишком хорошо знала царя, а кроме того, род Морозовых был одним из самых знатных. Таких

высокопоставленных семей в России было меньше десятка, во всяком случае, Романовы, к которым принадлежал Алексей Михайлович, имели не больше прав на престол, чем любой из Морозовых. Можно себе представить, сколь неуютно чувствовал себя царь, отдавая приказ об аресте боярыни. Но были ещё и другие обстоятельства для беспокойства.

Братья Морозовы, Борис и Глеб, приходились родственниками отцу царя Михаилу и в юности служили у старшего Романова спальниками, что означало исключительное положение при дворе. Когда в 1645 году семнадцатилетний Алексей венчался на престол, Борис Морозов стал его ближайшим советником. Именно боярин выбрал для царя жену Марию Ильиничну Милославскую и на свадьбе играл первую роль — был у государя «на отцово место». Через десять дней Борис Морозов, вдовец и человек уже пожилой, женился вторым браком на царицыной сестре Анне и сделался царским свояком.

Из своего исключительного положения он извлёк всё, что можно. И если хорошее состояние для барина тех лет составляло владение тремястами крестьянскими дворами, то у Морозова их было более семи тысяч. Неслыханное богатство!

Карьера Глеба Ивановича, человека вполне заурядного, всецело зависела от успехов его брата. Младший Морозов женился на неродовитой семнадцатилетней красавице Феодосии Соковниной, которая очень дружила с царицей. Борис Иванович умер бездетным, и все его огромное состояние отошло к младшему брату, который тоже вскоре скончался, сделав свою вдову и отрока Ивана Глебовича самыми богатыми людьми государства Российского.

Феодосию Прокопьевну окружало не просто богатство, но роскошь. Современники вспоминали, что она выезжала в карете позолоченной, которую везли 6—12 лучших лошадей, а позади бежали человек триста слуг. В морозовском имении Зюзино был разбит огромный сад, где гуляли павлины. Учитывая всё это — удачное замужество Феодосии Прокопьевны, роскошную жизнь, личную дружбу с царской семьёй, — можно понять протопопа Аввакума, который видел нечто совершенно исключительное в том, что боярыня Морозова отреклась от «земной славы». Феодосия Прокопьевна действительно стала ярой противницей церковных реформ. В ней бушевал темперамент общественного деятеля, и она сполна смогла себя реализовать, защищая старую веру.

Дом богатой и влиятельной Морозовой превратился в штаб противников нововведений, критиков внесения исправлений в церковные книги, сюда приезжал, подолгу жил, получая приют и

защиту, вождь раскольников — протопоп Аввакум. Целыми днями Феодосия Прокопьевна принимала странников, юродивых, священников, изгнанных из монастырей, создавая своеобразную оппозиционную партию царскому двору. Сама Морозова и её родная сестра княгиня Евдокия Урусова были слепо преданы Аввакуму и во всём слушались пламенного проповедника. Однако было бы неправильным предполагать, что Феодосия Прокопьевна была фанатичкой и «синим чулком». Даже Аввакум замечал, что Морозова отличалась весёлым и приветливым характером. Когда умер старый муж, ей было всего тридцать лет. Вдова «томила» тело власяницей, но и власяница не всегда помогала усмирить плоть. Аввакум в письмах советовал своей воспитаннице выколоть глаза, чтобы избавиться от любовного соблазна. Уличал протопоп Морозову и в скупости по отношению к их общему делу, но, скорее всего, это была не просто скупость, а рачительность хозяйки. Феодосия Прокопьевна беззаветно любила своего единственного сына Ивана и хотела передать ему все морозовские богатства в целости и сохранности. Письма боярыни опальному протопопу, помимо рассуждений о вере, наполнены чисто женскими жалобами на своих людей, рассуждениями о подходящей невесте для сына. Словом, Феодосия Прокопьевна, обладая завидной силой характера, имела вполне человеческие слабости, что, конечно, делает её подвижничество ещё более значительным.

Феодосия Прокопьевна, будучи близкой подругой жены царя, имела сильное на неё влияние. Мария Ильинична, конечно, не противилась мужниным реформам церкви, но душою всё-таки сочувствовала обрядам своих родителей и прислушивалась к нашептываниям Морозовой. Алексею Михайловичу вряд ли это могло понравиться, но царь, любивший жену, не допускал выпадов против боярыни, хотя последняя становилась всё более нетерпимой по отношению к нововведениям и открыто поддерживала врагов государя.

В 1669 году царица умерла. Два года ещё Алексей Михайлович опасался трогать непокорную боярыню. Видимо, сказывалась печаль по безвременно ушедшей жене, но больше всего боялся царь возмущений старинных боярских родов, которые могли бы усмотреть в посягательстве на Морозову прецедент расправы с высокопоставленными семьями. Тем временем Феодосия Прокопьевна приняла постриг и стала именоваться инокиней Феодорой, что, конечно, усилило её фанатизм и «стояние за веру». И когда в 1671 году утешившийся, наконец, царь играл свадьбу с Натальей Кирилловной Нарышкиной, боярыня Морозова во дворец явиться не пожелала,

сославшись на болезнь, что Алексей Михайлович счёл оскорблением и пренебрежением.

Вот тут-то царь припомнил Феодосии Прокопьевне все былые обиды; сказалось, видимо, и то, что самодержец, как простой смертный, недолюбливал подругу любимой жены и, как всякий мужчина, ревновал к ней. Алексей Михайлович обрушил на непокорную боярыню всю свою деспотическую силу.

Ночью 14 ноября 1671 года Морозова в цепях была препровождена в Чудов монастырь, где её уговаривали причаститься по новому обряду, но старица Феодора ответила твёрдо: «Не причащуся!» После пыток их вдвоём с сестрой отправили подальше от Москвы в Печерский монастырь. Здесь содержание узниц было относительно сносным. Во всяком случае боярыня имела возможность поддерживать общение со своими друзьями. Её навещали слуги, приносили еду и одежду. Протопоп Аввакум по-прежнему передавал наставления своей духовной дочери. А она как раз нуждалась в тёплой, сострадательной поддержке — у боярыни умер её единственный, горячо любимый сын. Горе увеличивалось ещё и тем, что она не могла с ним проститься, да и каково ей, монахине Феодоре, было узнать, что сына причащали и похоронили по новым «нечестивым» обрядам.

Новый патриарх Питирим Новгородский, сочувствовавший сторонникам Аввакума, обратился к царю с просьбой отпустить Морозову и её сестру. Кроме соображений гуманности, в этом предложении была и доля политического умысла: заключение твёрдой в своей вере боярыни, её сестры и их подруги Марии Даниловой производило сильное впечатление на русский люд, и их освобождение скорее привлекало бы к новому обряду, чем устрашение. Но царь, нежестокий по своей природе, на этот раз оказался непреклонен. Снова напрашивается версия, что его жгла какая-то личная обида на Морозову, а может быть, он чувствовал себя неловко перед Феодосией Прокопьевной из-за женитьбы на молодой красавице Нарышкиной и хотел забыть о прошлом. Впрочем, чего гадать?..

Обдумав обстоятельства казни ненавистной Морозовой, Алексей Михайлович решил, что не стоит предавать узниц сожжению на костре, ибо «на миру и смерть красна», а повелел заморить староверок голодом, бросив их в холодную яму Боровского монастыря. Все имущество боярыни Морозовой было конфисковано, братьев её вначале сослали, а потом тоже казнили.

Драматизм последних дней Феодосии Прокопьевны не поддаётся описанию. Бедные женщины, доведённые голодом до отчаяния, просили у тюремщиков хотя бы кусочек хлеба, но получали отказ. Первой 11 сентября скончалась княгиня Урусова,

за ней 1 ноября умерла от истощения Морозова. Перед смертью она нашла в себе силы попросить тюремщика вымыть в реке её рубаху, чтобы по русскому обычаю умереть в чистой сорочке. Дольше всех, ещё целый месяц, мучалась Мария Данилова.

Великий когда-то род Морозовых перестал существовать.

МАРИЯ СИБИЛЛА МЕРИАН

(1647—1717)

Немецкая художница, натуралист, гравер и издатель. Совершила путешествие в Суринам (1699—1701). Первооткрывательница мира насекомых Южной Америки («Метаморфозы суринамских насекомых», 1705). Ценнейшую часть изданий, коллекций и акварелей Мериан приобрёл Пётр I для музеев и библиотек России.

Из XVII века до современников дошло немало имён блестящих женщин — любовниц королей, сластолюбивых властительниц, красавиц, покорявших сердца умнейших «мужей», но имя нашей героини, по непонятным причинам, скромно пребывает в тени ярких имён её современниц, более удачливых в посмертной славе. А ведь это совершенно несправедливо. Мария Сибилла, конечно, не вершила судьбы Европы и не отличалась искусством в постели начинать войны и заключать перемирия, однако её жизнь насыщена многими необычайными приключениями и весьма авантюрными поступками, а наследие Мериан — гораздо значительнее для культуры человечества, чем «эпохальное» для своего времени решение какой-нибудь правительницы.

Её имя знали и чтили коллекционеры и садоводы, художники и книгоиздатели, путешественники и учёные. Мария Сибилла была одной из первых женщин, дерзнувших посвятить себя научной деятельности, а из наук — избрать ту, которую многие презирали. Всю жизнь она изучала «омерзительных тварей» (как тогда называли насекомых), стремясь познать их и облагородить своим искусством. Ей принадлежала заслуга детального красочного изображения и популяризации явления метаморфоза насекомых. Она, пожалуй, впервые сумела соединить высокое искусство с целями биологической науки, заставить их послужить друг другу.

Три страны считают Мериан своей соотечественницей: она была дочерью голландки, училась у художников утрехтской школы и провела в Нидерландах двадцать пять лет жизни. Швейцарские искусствоведы и историки, не сомневаясь, называют её своей художницей: ведь её отец — выходец из Швейцарии. Но родилась Мария Сибилла в немецком городе Франкфурте-на-Майне, за два года до смерти отца, который скончался в весьма почтенном возрасте, оставив после себя многочисленное потомство от двух браков и славу одного из лучших

книгоиздателей и граверов Германии. Каких только книг с собственными иллюстрациями не выпустил в свет Маттеус Мериан! Это и гравюры на исторические и библейские темы, и объёмные фолианты с картами вновь открытых земель, и ботанические энциклопедии, и любимые Маттеусом архитектурные своды. До сего времени старинные тома со знаменитым «мериановым аистом» — эмблемой издательства — представляют собой непреходящую художественную и культурную ценность.

Фактически воспитанием и образованием Марии Сибиллы занимался второй муж матери — голландский художник Марель, который, впрочем, первым заметил талант своей падчерицы и стал учить её рисованию. Нидерланды середины XVII века с ума сходили по всему, что касалось цветов; луковицы редких тюльпанов ценились так же высоко, как чистые бриллианты, мастерицы самых лучших фамилий соревновались в вышивании композиций по флористике, а у художников в чести были цветочные натюрморты. Отчим Марии Сибиллы слыл в Германии едва ли не лучшим представителем «заморского» увлечения «цветочными картинками», и потому неудивительно, что наша героиня весьма успешно овладевала мастерством писания красочных букетов.

В доме, где подрастала Мериан, не знали беспорядка и суматохи. Педантичная мать Марии Сибиллы приучала дочерей к труду и рациональному ведению хозяйства. Ни о какой творческой богеме в их среде и не слышали, а художники того времени больше чувствовали себя мастеровыми и экспериментаторами, чем «гениальными творцами». Иоганна Сибилла, мать Мериан, устроила небольшую мастерскую по производству шелка. Это несколько экзотическое для европейца занятие нашло горячую поддержку всей семьи. В саду были высажены шёлковые деревья, а в просторном закрытом помещении содержались черви. Иоганна Сибилла поручила своей старшей дочери доставлять «шёлковым» питомцам корм и сортировать их при помощи бумажных кульков. Возможно, любая другая девочка с ужасом выполняла бы эти обязанности, но только не Мария Сибилла. Она уже имела дело с препарированными бабочками, тщательно перерисовывая причудливые извивы их окраски, и знакомство с миром насекомых живо увлекло её воображение.

Семнадцатилетняя Мериан вышла замуж за ученика отчима — Иоганна Андреаса Графа, который в пору «жениховства» казался талантливым и подающим надежды живописцем — сам император Леопольд I счёл возможным заказать молодому

художнику свой парадный портрет, — однако в семейной жизни обнаружил полную непрактичность, которая постепенно разрушила все его юношеские амбиции. По переезде в Нюрнберг, родной город Графа, несмотря на оставленные в наследство типографию и мастерскую, Мария Сибилла почувствовала, что тиски материальных затруднений все теснее сжимаются на «горле» их семьи. Обстоятельства вынудили юную мать семейства (Мериан имела уже дочь) взять на себя заботу о добывании средств к существованию. Тут ей и пригодились экзотические таланты и коммерческая смётка.

В нюрнбергский период Мериан создаёт невыгорающие и водостойкие красители и в своей мастерской принимается расписывать скатерти. Украшенные модными в то время мотивами — цветами, птицами, травами, деревьями — изделия Марии Сибиллы прекрасно смотрелись с обеих сторон ткани и благодаря фантастическим свойствам красок не смывались при стирке и не выгорали на солнце. В городе Мериан стала самым престижным мастером художественно-прикладных работ: дамы охотно демонстрировали скатерти её кисти, и считалось приличным заказать роспись в мастерской Марии Сибиллы.

Любая другая особа, достигнув таких значительных успехов, удовлетворилась бы этим и продолжила бы идти по проторённой дороге, но Мериан одолевала жажда чего-то большего. Просьбы жительниц Нюрнберга научить их искусству вышивания навели нашу героиню на мысль, вполне естественную для неё — дочери потомственных издателей и граверов — выпустить пособие цветочных узоров, так называемый флориегиум. Так появилась первая «Книга цветов» с раскрашенными ручным способом гравюрами чудесных цветов. Оглушительный успех этой работы побудил художницу продолжить издание, и исполнению этого решения не помешало даже рождение второй дочери в 1678 году — Доротеи Марии. Спустя много лет великий Гёте назвал Мериан одной из самых крупных голландских флористов.

Одновременно у Марии Сибиллы формировались склонности натуралиста-наблюдателя. «Цветочки» занимали Мериан постольку, поскольку они приносили весомый финансовый доход, но тайной страстью молодой женщины стали насекомые. Возможно, флюиды Нового времени с его неожиданно пробудившимся интересом к живой природе проникли в душу Мериан, возможно, тут подействовало нечто, что попросту зовётся «даром», но Мария Сибилла, имевшая лишь традиционно женское домашнее образование, постепенно становилась заправским учёным-энтомологом.

В саду Мериан собирала гусениц и приносила их в дом для

наблюдений, а однажды она взяла в дом мёртвую мышь, чтобы изучать червей и личинок в её тушке. В своём дневнике она записала: «Однажды в Нюрнберге мне принесли трех молодых жаворонков, которых я умертвила. Через три часа, когда я стала их потрошить, я нашла в них семнадцать толстых личинок. У них не было ног. На другой день они превратились в коричневые яйца. 26-го августа из них вышло много синих и зелёных мух. Мне очень трудно было их поймать. Я поймала только пять, остальные улетели». Согласитесь, что только научный азарт может заставить женщину стать столь небрезгливой.

В 1674 году Мериан приступает к систематическому исследованию насекомых. Она независимо от крупнейшего учёного-натуралиста Сваммердама приходит к идее метаморфоза. С удивлением Мария Сибилла открывает, что все в мире — и растения, и животные, и человек — подвержены неожиданным превращениям. Она начинает готовить новую работу — «Книгу о гусеницах». Задача Мериан была грандиозной. Часами художница наблюдала изменения, происходившие в ящике с гусеницами, и спешила зарисовать их. Не следует забывать, что в XVII веке многие бабочки не только не имели названий, но никто не знал, какая из них развивается из той или иной гусеницы и каким растением питается. Мериан, используя свой живописный талант, фиксировала словно на фотографическую плёнку все перипетии жизни гусениц, что являлось уникальным для Нового времени. Из этого кропотливого труда и родилась книга, получившая длинное название: «Удивительное превращение гусениц и необычное питание цветами прилежно исследовала, кратко описала, зарисовала с натуры, гравировала и издала Мария Сибилла Граф».

Издав «Книгу о гусеницах», наша героиня проявила незаурядное мужество и самостоятельность. Конечно, ей не грозила инквизиция или остракизм, но суеверные современники считали занятия, которыми увлекалась Мериан, не просто низменными, но греховными и опасными для души. Даже по прошествии шестидесяти лет после появления книги художника, продолжившего дело Марии Сибиллы, мужчину — заметьте! — друзья убеждали «не заниматься этими ужасными существами, несомненно созданными дьяволом».

Мериан попыталась защититься от невежества обывателя предисловием, в котором уничижительно просила не упрекать её, скромную домохозяйку, за соблазны. На всякий случай она украсила обе части книги вдохновенными стихотворениями Х. Арнольда, больше похожими на духовные гимны, надеясь, что мироощущение самой Мериан станет понятнее читателю. Земное

бытие бренно, человек ничтожен перед всесильным Абсолютом, он всего лишь червь, подверженный смерти, но в круговороте природы, в постоянном превращении, рождении к новой жизни — вечность и красота Бога.

Дочери подросли, Мериан становилась все равнодушнее и равнодушнее к семейным радостям, развлечениям и удовольствиям. Между супругами Граф наступило отчуждение. Обычная история: мужчине не нравится самостоятельность жены, не хочется чувствовать себя на вторых ролях. Уже современники заметили, что в книгах Мериан рисунки, выполненные её мужем, менее выразительны, чем её собственные. Какому же человеку захочется, чтобы его сравнивали подобным образом?..

Все чаще взоры Мериан обращаются в Голландию, где обосновываются изгнанные из других краёв еретики, учёные, философы, да и просто бунтари. Познав вкус свободной мысли, наша героиня стремится найти единомышленников и перестать тратить свою жизнь на обыденную суету. В 1685 году Мериан вместе с дочерьми решает поселиться в лабадистской общине — одной из многочисленных сект, порождённых Реформацией. Как бы ни отличались взгляды одного проповедника от другого, режим подобных организаций всегда схож — проникновенные молитвы, упорная работа в обширном хозяйстве и возможность погружения в себя. Мериан использовала пребывание в замке Валта на западе Нидерландов для углубления своего образования. Она ничего не издала за пятилетний период пребывания у лабадистов, но зато получила редкую возможность подумать, оценить своё место в этом мире, понять свой путь. И, конечно, она по-прежнему рисовала, фиксировала на бумаге своим тончайшим карандашом занимательные сюжеты природы.

Через год после отъезда жены в Валту приехал Граф. Он предложил Марии Сибилле вернуться в семью, даже согласился, на крайний случай, вступить в общину, но получил отказ и вынужден был вернуться в Нюрнберг. Эта неудачная попытка примирения вылилась в окончательный разрыв между супругами. Отныне наша героиня все свои работы стала подписывать девичьей фамилией, посчитав, как видно, что и перед Богом брак их разрушен.

Как во всякой замкнутой секте, вскоре в общине начались финансовые неурядицы, склоки и борьба за власть. Мериан в этой «мышиной возне» не участвовала, но ей наскучила размеренная жизнь, идеи лабадистов больше не казались столь чистыми и возвышенными, как поначалу. Мария Сибилла не порвала с бывшими единомышленниками, она просто ушла в мир, сохранив за собой право общения с сектой. Мериан настолько плавно и

бесконфликтно удалось избегнуть претензий, что проповедник лабадистов сделал исключение из правил: ей вернули часть её имущества, она смогла увезти в Амстердам гравировальные доски и этюды.

Мысль о поездке в Южную Америку овладела Мериан, по-видимому, ещё в замке Валта. Лабадистам покровительствовал губернатор Суринама — крупнейшей нидерландской колонии. Не раз Мария Сибилла с завистью естествоиспытателя разглядывала коллекции необычных бабочек, привезённых с далёкого континента. Но решиться на путешествие оказалось не так уж просто. В море было отнюдь не безопасно — помимо штормов, кораблям грозили пираты. На одних только Малых Антильских островах нашли пристанище до тридцати тысяч разбойников.

К сожалению, о Мериан-путешественнице известно очень мало. Поездка в Новый Свет поставила нашу героиню в ряд с выдающимися и отважными первопроходцами её эпохи. Даже сегодня её дерзкое предприятие представляется подвигом, особенно если учесть «комфортабельность» судна XVII века и то, что Мериан было уже за пятьдесят.

Путешествие в Южную Америку оказалось весьма плодотворным с научной точки зрения. Мария Сибилла вместе с дочерью поселилась на самом опасном берегу, в верховьях реки Суринам. Белым колонистам постоянно угрожали так называемые мароны — нефы, бежавшие с плантаций и селившиеся по берегам рек. К тому же климат Суринама — влажный и жаркий — делал пребывание европейцев на материке крайне затруднительным.

Но Мериан, казалось, не замечала проблем. Её ошеломило обилие насекомых. Уже в день своего приезда она расставила по всему дому ящики. Индейцы, прослышав про странную особу, каждое утро толпились у её дверей, зная, что она скупает пойманных животных. Из мешков и сумок местные жители извлекали змей. Цена зависела от длины. Индеанки приносили гусениц, уверяя каждый раз, что «из этого червяка вырастет красивое насекомое».

За два года пребывания в Суринаме Мария Сибилла собрала бесценную по богатству коллекцию насекомых, гусениц, бабочек. Её работа долгое время являлась наиболее полным этимологическим обозрением по Южной Америке.

Умерла Мериан в Амстердаме, разбитая параличом. Но её дело ещё долгое время продолжали дочери, горячо любившие свою мать и ставшие для неё единомышленниками. Младшая Доротея Мария после смерти Мериан по приглашению императора Петра I переехала жить в строившийся Петербург. Видно, и в потомках ещё долгое время играли авантюрные «гены»

матери. Доротея Мария привезла в Россию некоторые книги Мериан и её бесценные коллекции, многие из которых, к сожалению, погибли.

Гравюры Мериан по точности и красоте зарисовок и по сей день не знают себе равных в этимологической литературе.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

(1657—1704)

Русская царевна, правительница Русского государства в 1682—1689 годах при двух царях — её малолетних братьях Иване V и Петре I. К власти пришла с помощью В.В. Голицына. Была свергнута Петром I и заключена в Новодевичий монастырь.

Порой случается, что сильным, оригинальным личностям не везёт со временем или обстоятельствами рождения. Царевна Софья могла бы стать великой правительницей, могла бы прославиться на весь мир, подобно Екатерине II, но судьба сыграла с ней злую шутку — она опоздала появиться на свет, а история уже начинала благоволить её противникам и стремительно вела к власти великого реформатора — Петра I. Софья оказалась обречённой.

С самого детства её судьба, казалось, дразнила, манила иллюзиями, подталкивала к решительным поступкам и в конечном счёте обманывала. Софья рано лишилась матери. Среди своих восьми сестёр и четырех братьев она оказалась самой смышлёной, а главное — самой здоровой. К несчастью, царица Мария Ильинична была плодовита, но дети, особенно мальчики, рождались болезненными — и умом слабые, и боязливые, и хилые. Софья же быстро освоила грамоту, много читала, даже писала стихи, и учитель, приставленный к наследнику Федору, знаменитый Симеон Полоцкий, был весьма доволен ею. Но отец Алексей Михайлович без радости замечал, как резво опережает в развитии маленькая Софья будущего царя. К чему девице грамота? И почему Бог не дал ума наследнику? Кому же передавать трон?

Лишившись материнской ласки, Софья стала безрадостной среди скучных келий, тупоумных мамок и нянек, среди шёпота богомолок. Она ненавидела сплетни сенных девушек за монотонным занятием рукоделием и мелкие интриги женской половины палат. Душа её требовала широкой жизни, деятельности и борьбы.

Через два года после потери жены царь Алексей женился вторично на молодой, красивой Наталье Нарышкиной. Софья возненавидела мачеху с первых дней, сказалось и отчуждение отца к детям от первого брака и то, что новая царица, будучи почти ровесницей Софьи, по характеру являлась её полной противоположностью. Наталья Кирилловна была совершенной женщиной — мягкой, обаятельной, умеющей любить. Стройная,

черноокая, с челом прекрасным и приятной улыбкой, она пленяла и мелодичной речью и прелестью движений. От царевны же исходила энергия, на губах дёргалась нервная улыбка, лицо, старательно забелённое, всё-таки выдавало золотушный оттенок. Конечно, умные, проницательные глаза привлекали к Софье поклонников, но холодное эгоистическое расположение держало окружающих на почтительном расстоянии от царевны. Она с трудом приобретала верных друзей.

Алексей Михайлович умер неожиданно, практически безболезненно. Первым чувством, пронзившим Софью, было ощущение потери чего-то близкого, но вместе с ним явилось и предательское облегчение, словно струя свежего воздуха ворвалась в душную запертую комнату. Государем стал брат её Федор, моложе её тремя годами, больной, слабый и очень подверженный влиянию сестры. Софья постепенно, но с удовольствием вникала в дела государства, завела доселе не практиковавшийся порядок — она, женщина, присутствовала на царских докладах, а со временем без стеснения, прилюдно стала давать собственные распоряжения. Многие при дворе начинали понимать, кому принадлежит здесь реальная власть, но не многим это нравилось. В последние годы жизни царя Алексея сформировалась сильная партия Нарышкиных, тем более что у неё имелся сильный козырь — здоровый, умный царевич Пётр, который подрастал в семье. Правда, у Федора Алексеевича и Софьи имелся ещё младший брат Иван, но тот уж совсем был слабеньким.

Шаткость положения Софьи заставляла искать надёжных друзей. Она поставила на своего родственника Милославского и на понравившегося ей боярина Василия Голицына. Прошло время, и сердце холодной Софьи растопил Василий Васильевич — честный, умный слуга царевны.

27 апреля 1682 года в 4 часа пополудни народ толпами двинулся в Кремль для прощания с умершим государем Фёдором. Для Софьи наступил решающий момент. Нарышкинская партия не дремала. Из ссылки спешил в Москву первый помощник Натальи Кирилловны Артамон Сергеевич Матвеев, взбодрился и брат вдовствующей царицы Иван. Оппозиция Софье собиралась сильная, активная, умная. Заседание Государевой думы открылось речью патриарха Иоакима, который объявил, что царевич Иоанн Алексеевич от престола отрёкся в пользу своего брата. Вначале наступило молчание, а потом бояре, за исключением немногих приверженцев Софьи, размыслили, что здоровый, набирающий силу Пётр будет достойной надеждой русского престола.

Патриарх немедленно отправился в покои Натальи Кирилловны и благословил юного государя. Рушились самые заветные, золотые мечты царевны Софьи. Опять та же ненавистная мачеха стала на пути, и опять должна она вернуться в душные терема?.. Софья решила бороться до конца.

Ядром русской военной силы в XVII веке были стрельцы, которые не раз отличались на поле брани и в мирной гарнизонной службе, однако они к концу столетия превратились в «государство в государстве», в образования, мало подчинявшиеся правительству и представлявшие собой некий род «вольницы». На этих буйных, малоуправляемых людей и решила поставить Софья. С помощью приближённых бояр удалось разыграть классический русский бунт — «бессмысленный и беспощадный». Был распространён слух, будто «Ивашка Нарышкин издевался над царевичем Иоанном, примерял его корону, а потом несчастного-то и порешил».

Громадные толпы пьяных стрельцов ворвались в Кремль. Наталья Кирилловна бросилась к образам, губы её в отчаянии едва шевелились, и скорбные звуки никак не слагались в слова молитвы. Толпа на площади ревела о смерти Иоанна. Думные бояре, заседавшие в Кремле, решили немедленно показать обоих братьев разъярённым бунтовщикам. Доведённая до отчаяния царица в сопровождении патриарха вывела обоих сыновей на Красное крыльцо. Шестнадцатилетний больной Иоанн дрожал от испуга, его загноившиеся подслеповатые глазки моргали от напиравших слез. Пётр смотрел смело, и лишь подёргивание лицевого нерва указывало на сильное внутреннее потрясение.

Однако пьяную толпу легко спровоцировать на беспорядки, но трудно успокоить. После небольшого затишья агенты Софьи стали требовать выдачи изверга Ивана Нарышкина, который глумился над царевичем. Бунтовщики снова бросились штурмовать Красное крыльцо. Их попытался остановить князь Долгорукий, однако безумная толпа пронзила десятками копий грузное тело князя, и ручьи крови обагрили ступени. Это была первая жертва кровавого бунта. Два дня лютовали бунтовщики в Москве, убивая и грабя жителей. Нарышкины были разгромлены — страшной смертью погибли Матвеев, Иван Кириллович. Царица заперлась с сыном во дворце, дрожа от страха.

Любимый начальник стрельцов, Хованский, передал думе просьбу — видеть на престоле обоих братьев. Но по болезненному состоянию старшего царя и по малолетству второго управление передавалось Софье. По правилам приличия долго отказывалась царевна от оказанной ей чести, а потом не выдержала да и повелела имя своё писать с именами государей, ограничиваясь

титулом «великой государыни, благоверной царицы Софьи».

Трудно власть завоевать, но ещё труднее её удержать. Последующие пять лет прошли в борьбе со стрелецкой вольницей. Разбуженная самой Софьей, толпа долго не желала утихать, почувствовав свою силу. Снова царице пришлось пойти на хитрость, снова проливать реки крови, хотя образованная и неглупая, она понимала, что долго «сидеть на штыках нельзя». Её взоры уже устремлялись на Запад, Софья уже была близка к реформам, к желанию вытащить Русь из болота рутины, но руки у неё оказались связанными внутренней смутой.

Князь Хованский, испытывавший влияние крупного раскольника Никиты Пустосвята, требовал назначения прилюдных споров о вере. Для Софьи, выросшей на никонианских реформах, возвращение к старому было неприемлемо, но отказать впрямую всесильному начальнику стрельцов она не могла. Пришлось прибегнуть к провокации. С помощью верного Василия Голицына, роман с которым разгорелся с новой силой, она заманила Никиту Пустосвята в Грановитую палату, где и прошла дискуссия священника-раскольника с патриархом. Причём Софья грубо вмешивалась в разговор духовных лиц и в конце обвинила Никиту в рукоприкладстве. Через несколько дней священник был схвачен, обвинён в покушении на патриарха и казнён. Оставалось расправиться с «псом», который когда-то оказал Софье неоценимую услугу, возведя её на престол, — с Иваном Андреевичем Хованским.

С присущим ей коварством она осуществила ещё одно грязное убийство, которое могло стоить ей самой жизни. Под Новый год, а этот праздник в то время на Руси праздновался 1 сентября, царский двор укатил в Коломенское. Народ волновался, такого никогда не бывало, чтобы государи покидали своих подданных накануне торжественных дней. Софья же затаилась в Коломенском и пристально следила через верных слуг за Хованским. Ивану Андреевичу было предложено заменить царицу на традиционном молении в честь праздника — прекрасный повод обвинить князя в превышении власти. Однако Хованский учуял расчёт царицы, но уберечься всё-таки не смог. По её приказу он вынужден был выехать в Коломенское, где и нашёл свою смерть.

На место бывшего начальника стрельцов Софья назначила преданного, но очень недалёкого Федора Леонтьевича Шакловитого. Высокий, стройный, с выразительными чертами лица, он отличался именно той энергетической красотой, которая так нравится женщинам. Ради него Софья отвернулась от своего прежнего возлюбленного Василия Голицына, который, не в

пример Федьке Шакловитому, был мудрым и трезвым политиком. Не пылкая страсть связала князя Василия Васильевича много лет назад с царевной Софьей, а скорее тщеславие, желание обладать высокопоставленной особой. Но ум царицы, её сила надолго и прочно привязали Голицына, и теперь, когда Софья нашла себе нового любовника, Василий Васильевич искренне страдал. Трагедией обернулось для Софьи предательство единственного друга. Приближались решающие битвы за власть со взрослеющим Петром, а она осталась без опоры.

Наталья Кирилловна проживала в Преображенском. Изредка из села доходили сведения, что юный царь забавляется с потешными полками, много пьёт, дебоширит и вообще лишён всякой солидности, свободно сходится с простолюдинами. Софья все больше и больше убеждалась в том, что именно она, со своим умом необходима русскому государству.

Заговор, составленный царицей против Петра, не удался. Справедливости ради стоит сказать, что молодой Пётр вёл себя не слишком мудро, но в решающий момент возле него оказались опытные люди. Россия хотела видеть на престоле сильного энергичного правителя и с трудом смирялась с женской властью. Сказывались и многолетние русские традиции, и личное необаяние Софьи, неумение её ладить с приближёнными. Царицу постепенно предавали все — близкие бояре, стрельцы, патриарх. Когда Софья поняла, что поражение неизбежно, она решила запросить мира, но послы словно растворялись в Троицком, где Пётр спасался от провокаций царицы. Тогда Софья сама поехала на переговоры в монастырь, но её не пустили. Как бы ни была взбешена царица, оставшись совсем одна, она ясно увидела, что сопротивление бесполезно и поселилась в Новодевичьем монастыре.

Последний всплеск стрелецких волнений Россия пережила весной 1698 года. Софья ждала этих выступлений и, хотя не принимала активного участия, надеялась, что ненавистный Пётр не сможет удержаться у власти, что разочарованные и просветлённые соотечественники падут у её ног, призывая на трон. Однако и последнее восстание закончилось кровавыми расправами. А Софья не была забыта: перед её кельями царь повелел повесить 195 человек, из которых трём, висевшим перед самими её окнами, вложены были в руки показания о письмах, которые писала царица, подстрекая к бунту. И долго, целых пять месяцев, имела возможность царица любоваться на истлевающие человеческие тела и вдыхать едкий трупный запах.

Вскоре царица Софья стала инокиней Сусанной, имя всесильной владычицы было забыто. Россия вступила в

Петровскую эпоху.

СВЯТАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

(ок. 1719—1730 — ок. 1794—1806)

Святая русской православной церкви. Канонизирована в 1988 году.

Имя Ксения означает «чужестранка», или «странница». Когда-то богатая римлянка Евсевия, желая всецело послужить Богу, тайно ушла из семьи, чтобы стать монахиней. Своим подругам она сказала: «Вы знаете, что я странствую, оставив дом и родителей ради Бога. Отныне и вы зовите меня не Евсевией, а Ксенией, так как я не имею здесь постоянного жительства, но странствую вместе с вами в этой жизни, ищу будущего». Такой же «чужестранкой» в миру была и святая Ксения Петербургская, совершившая подвижнический подвиг во имя любви, во имя памяти своего рано умершего мужа.

К сожалению, не сохранилось никаких документов или свидетельств о дне и даже годе рождения Ксении Григорьевны Петровой. Можно только предполагать, что происходила она не из простого сословия, ибо известно, что до двадцати шести лет была она замужем за полковником Андреем Фёдоровичем Петровым, служившим при царском дворе певчим. По тем временам должность эта считалась высокой, да к тому же на неё приглашались люди одарённые, красивые — словом, из тех, о которых говорят: «Бог не обидел».

Повседневная жизнь молодой пары вряд ли отличалась от обычной светской петербургской суеты того времени. Никаких особенных деталей жизни Ксении Григорьевны, кроме того, что она неплохо пела и музицировала, не сохранилось. Её история начинается с внезапной смерти мужа, которая потрясла сознание двадцатишестилетней вдовы. Горе оказалось вдвойне тягостным, потому что любимый Андрей Фёдорович умер скоропостижно, без исповеди, покаяния и причащения. Можно только догадываться, что пережила молодая женщина, что передумала, только смерть мужа в корне изменила не только жизнь Ксении, но и её взгляд на окружающую действительность. Она решилась на труднопонимаемый мирскими людьми подвиг: задумала продолжить жизнь души любимого человека здесь, на земле, во имя его спасения на небе.

Ксения отрешилась от собственного имени, от собственного пола, от собственной индивидуальности. Она облачилась в мужской костюм и стала уверять всех, что муж её не умер, а воплотился в ней, Ксении. Как бы повели себя вы, оказавшись

рядом с подобным феноменом? Конечно, решили бы, что женщина от горя сошла с ума. Вот и родственники Ксении поспешили к начальству, прося не позволять лишившейся рассудка вдове раздавать своё немалое имущество. Однако высокопоставленные сановники, побеседовав с Ксенией, не смогли установить факт умопомешательства: она вела себя слишком разумно и последовательно. Нельзя же, в самом деле, лишать человека права выбора только потому, что земное, плотское потеряло для него то значение, которое цепко держит человека в тисках пресловутого материального благосостояния. Для Ксении мирские «блага» стали помехой в достижении иной, высшей истины, в которой земной путь любимого обретал прощение и смысл.

Она отписала большой богатый свой дом нуждающейся знакомой, молоденькой Параше. На вопрос Параши, чем же вдова теперь будет жить и кормиться, Ксения ответила: «Господь питает птиц небесных, а я не хуже птицы. Пусть воля Его будет».

Раздав своё имущество нищим, Ксения навсегда ушла из дома, выбрав крёстный путь «чужестранки». Она в любую погоду в мужском одеянии бродила по улицам Петербурга, и поначалу мальчишки глумились над бродяжкой. Изредка Ксения заходила к прежним знакомым, беседовала, обедала и отправлялась скитаться. Никто не ведал, где она проводила ночи, но однажды её выследили и выяснили, что в любое время года, несмотря ни на какую погоду, Ксения до восхода солнца молится в поле, кладя поклоны на все четыре стороны света.

Стоит заметить, что на Руси к юродивым, блаженным, странникам было всегда отношение особое. Православная вера определяет таких людей, как божьих, отмеченных оком Всевышнего. Само слово «убогий» означает, что «человеки сии» пребывают под защитой небесной. Издавна принято видеть в таких странниках не простых побирушек, а вестников божьих, в каком-то смысле посредников высших сил.

Постепенно Ксения в глазах петербуржцев становилась эталоном порядочности и совестливости. В её поступках и словах людям мерещился особый глубокий смысл. Принято стало обращать внимание: у кого блаженная берет копеечку — человек добрый, благочестивый; к кому в дом заходит — быть там миру и благополучию.

Только помощью высших сил или высотой духовного совершенства можно объяснить тот феномен, что босая, плохо одетая женщина в совсем не южном климате выдержала 45 лет подобной жизни. Конечно, окружающие изумлялись стойкости Ксении и объясняли это божественной благодатью, изливаемой на

неё. А народная молва соединила её имя с редким даром прозорливости. Известен случай, когда Ксения зашла к Параше и сказала: «Вот ты сидишь и чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!» Зная, что Ксения ничего не говорит просто так, а все больше с подтекстом, Параша со всех ног бросилась к указанному месту. У ворот Смоленского кладбища уже толпился народ: подвыпивший извозчик сбил с ног беременную женщину, которая здесь же на улице родила младенца, а сама скончалась. Так Параша, стараниями Ксении, обрела не только дом, но и ребёнка, который, по преданию, вырос достойным малым и холил старость не только своей приёмной матери, но и молился на блаженную Ксению.

Особый талант обратился у Ксении на устройство семейной жизни. Да и как могло быть иначе, коли сама святая, можно сказать, родом из разрушенного домашнего очага и потерянной любви. Десятки счастливых браков устроила она, посылая невесту туда, где она должна была встретить своего суженого, благословляла брак, предостерегала от ошибочного выбора.

Часто бывала блаженная в семье Голубевых, состоявшей из матери — вдовы и её семнадцатилетней дочери. Появившись однажды в проёме двери, Ксения закричала девушке: «Эй, красавица, ты тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда». Как не смутиться от таких слов девице, у которой не только мужа, но и жениха-то не было. Но не посмеялись Голубевы над словами Ксении, а побежали побыстрее на кладбище. И правильно сделали, потому что молодой доктор в то самое время хоронил скончавшуюся при родах свою вторую половину. От безутешного горя вдовец упал на могильный холм и лишился сознания, лишь подоспевшие мать и дочка привели в чувство молодого человека. Конец этой истории, как и предсказала Ксения, — идиллический. Брак доктора и юной Голубевой был долгим и благочестивым.

По сию пору к святой Ксении обращаются с мольбами несчастные в семейной жизни женщины. Она считается первой помощницей, коли муж загулял или пьёт не в меру. Бытует рассказ о том, как одному алкоголику во сне явилась незнакомая старая женщина с посохом, звери, что мучили его в ночных кошмарах, тотчас же разбежались, а пришелица, грозно стуча посохом, зарокотала: «Нет здесь жены твоей, она у меня. Слезы матери её затопили могилу мою. Брось пить! Встань! Твои дети горят!» Пьяница в ужасе проснулся, решив, что это галлюцинация, но не прошло и десяти минут, как раздался отчаянный крик: «Пожар!» Действительно, на кухне уже горела дверь, мужчина

успел схватить сонных детей и спастись. Позже муж узнал, что его жена ходила к могиле блаженной Ксении, и понял тогда, кто являлся ему во сне. Так, святая по-прежнему блюдёт земные дела и наставляет на путь истинный заблудшие души.

А к середине XVIII века Ксения стала едва ли не самой популярной и авторитетной женщиной Петербурга. Случалось иной раз, что делала она и судьбоносные для России пророчества. Накануне Рождества 24 декабря 1761 года блаженная бегала по городу и кричала: «Пеките блины, пеките блины!» Как известно, на Руси традиционно пекли блины в поминовение усопших, и на другой день неожиданно умерла императрица Елизавета Петровна. Но такие государственные происшествия случались редко, зато в людных местах то и дело судачили: если Ксения просила у человека что-либо, то вскоре его ожидала беда или утрата. Так сложилось мнение, что такое божественное лицо к простым смертным без особой цели не обращалось, только по эпохальным случаям.

Петербуржцы старались помочь страннице чем могли, и при той боязливой почтительной щедрости, что выказывали горожане Ксении, блаженная могла бы сделать солидное состояние, но она, как и положено, ничего себе не оставляла. А когда одежда мужа на ней истлела, переоделась она в наряд, который, вероятно, сама тщательно продумала. Ей предлагали тёплую шубу, добротные башмаки, а она неизменно выбирала красную кофту и зелёную юбку, либо наоборот — зелёную кофту и красную юбку. Неизвестно, сознательно ли Ксения предпочитала эти цвета или они были навеяны свыше, ведь в христианстве красный — цвет крови — есть символ жертвы Христа ради спасения мира; зелёный — цвет надежды.

Скончалась блаженная Ксения в конце XVIII — начале XIX века на 72-м году жизни и была похоронена на Смоленском кладбище, том самом, где она тайно помогала строить церковь. Дело было так: строители приходили утром, а кирпичи для кладки уже сложены на лесах. Проследили, кто делает доброе дело — оказалось маленькая женщина трудится без устали всю ночь. Вот и похоронили Ксению у стен храма в честь Смоленской иконы Божьей матери.

Но слава блаженной не только не угасла с её смертью, а наоборот, стала разноситься по всей стране. Если при жизни к «чужестранке» обращались лишь петербуржцы, то после её кончины потянулись к могиле Ксении со всех концов России. Множились истории чудесных исцелений, счастливого исполнения загаданного и даже разоблачения преступников. В одной семье невеста и её мать отслужили панихиду на могиле

Ксении — и, пожалуйста, — словно глаза открылись у незадачливой невесты: будущий муж оказался беглым каторжником, осуждённым за убийство.

Влияние Ксении после её кончины распространилось даже на императорскую семью. Александр III, будучи ещё наследником, заболел тифом. Его жена, пребывая в страшной тревоге, вняла совету кого-то из дворовых (да и кому в такой ситуации только не поверишь) и положила под подушку больного горсть песка с могилы Ксении. Молитва императрицы благополучно исполнилась. Ночью у постели Александра она забылась и почудилась ей женщина в странном наряде. «Твой муж выздоровеет, — молвила она. — Тот ребёнок, которого ты теперь носишь в себе, будет девочка. Назовите её в моё имя Ксенией. И она будет хранить вашу семью от всяких бед». Так и в императорской фамилии появилась крестница блаженной.

Поначалу могила Ксении была земляной, но холм за несколько дней таял, как снежный сугроб — люди растаскивали по горсти земли на свои горести и болезни. Тогда положили поверх могильной насыпи каменную плиту, но и её паломники разнесли по кусочкам. Тогда решили на пожертвования богомольцев возвести каменную часовню над могилой, а надпись на новой плите сделали следующую: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. На сём месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего, в ранге полковника, Андрея Фёдоровича. Осталась после мужа 26 лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год, звалась именем Андрей Фёдорович. Кто меня знал — да помянет душу мою для спасения души своей. Аминь».

Вполне светская эпитафия. По-видимому, тот, кто её составлял, не предвидел, какое почитание ожидает вдову полковника в XX веке. В июне 1988 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвящённом тысячелетию Крещения Руси, блаженная Ксения была причислена к лику святых. Причём канонизация произошла впервые после того, как 376 лет назад была прославлена последняя из святых жён Руси — святая София Слуцкая. Так град Петра обрёл свою небесную покровительницу — святую блаженную Ксению Петербургскую. День празднования вновь канонизированной установили — за неимением точной даты рождения Ксении Петровой — 6 февраля, день, отмечаемый христианами всего мира в честь той самой Евсевии, что когда-то решила стать «чужестранкой».

ЕКАТЕРИНА II

(1729—1796)

Российская императрица с 1762 года. Немецкая принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская. Пришла к власти с помощью гвардии Петра III. Оформила сословные привилегии дворян. При ней окрепло русское абсолютистское государство. Были присоединены: Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ, западно-украинские, белорусские, литовские земли.

Переворот, к которому долго готовились, произошёл неожиданно. Был арестован один из заговорщиков — Пассек. Рано утром, узнав об этом, императрица спешно покатила в Измайловский полк в сопровождении своего поклонника Алексея Орлова. Давно приготовленные солдаты присягнули Екатерине, целуя её руки, ноги и подол платья. Также принесли присягу и семеновские солдаты. Сенат и Синод беспрекословно согласились подчиняться императрице. Толпы народа на площади вторили войскам и членам государственных учреждений. Между тем наскоро составили краткий манифест, который возвещал, что императрица, по желанию всех верных подданных, вступила на престол, став на защиту православной русской церкви, русской победной славы и внутренних порядков.

Пётр узнал об этом, когда прибыл со свитой на двух кораблях (яхте и галере) к Кронштадту. Но в крепость его не пустили, а прислали извещение, что в России нет больше императора, а есть императрица Екатерина II, и что, если корабли Петра не уйдут с рейда, по ним откроют пушечный огонь. У Петра III оказать сопротивление не хватило духа. Можно было бы плыть за границу и встать во главе довольно большой русской армии, находившейся там, но император скрылся в нижней части корабля и, под рыдания своих придворных дам, отправился назад в свою резиденцию, в Ораниенбаум. Попытка вступить в переговоры с Екатериной тоже не удалась; предложение разделить власть осталось без ответа. Тогда Пётр принуждён был собственноручно подписать присланный ему женой акт якобы «самопроизвольного» отречения от престола. Так 29 июня 1762 года голштинская принцесса Софья-Августа из мелкого княжеского рода получила самую престижную корону Европы — Российскую.

Екатерина выросла в семье прусского генерала, была резвой, шаловливой и даже бедовой девочкой. Родители не отягощали её своим воспитанием. Отец усердно занимался службой, а мать —

неуживчивая и непоседливая женщина — время от времени колесила по всей Европе в поисках приключений по агентурным делам Фридриха Великого. Дочь, видимо, только благодарила судьбу за то, что матери часто не бывало дома, ибо в воспитании детей Иоанна-Елизавета придерживалась простейших правил и запросто могла залепить пощёчину. Домашние уроки не прошли даром, наша героиня научилась терпеливо сносить обиды и ждать своего часа.

Своим замужеством Екатерина была обязана императрице Елизавете, которая, не мудрствуя лукаво, решила поискать невесту в недрах собственной семьи. Софья-Августа приходилась по матери троюродной сестрой жениху, и Елизавета считала этот брак своим семейным делом. Однако родственные отношения не принесли при дворе русской императрицы счастья Софье-Августе. Во-первых, отношения с Петром III не сложились. Её семнадцатилетний супруг самозабвенно отдавался игре в солдатиков и мало интересовался женой. В их отношениях поначалу преобладало полное равнодушие: не было даже ненависти, но подлинной тиранкой Екатерины стала её обожаемая тётушка.

Стареющая Елизавета держала племянницу, как дикую птицу в клетке, усматривая, видимо, подсознательно в ней соперницу своей власти. Она не позволяла Екатерине выходить без спросу на прогулку, даже сходить в баню, не разрешала переставлять мебель и иметь чернила и перья. Во дворце за женой наследника следили неотступно, донося Елизавете о каждом шаге Екатерины, подсматривали в замочные скважины и распечатывали её письма родителям. Правда, иногда капризная Елизавета расщедривалась на богатые подарки, но изъявления благосклонности незамедлительно чередовались с грубыми выговорами, грозившими даже побоями. «Не проходило дня, — писала Екатерина, — чтобы меня не бранили и не ябедничали на меня». После одной из таких непристойных сцен она поддалась ужасному порыву: вошедшая к ней горничная застала её с большим ножом в руке, который, к счастью, оказался так туп, что не одолел даже корсета.

Это был минутный упадок духа. По большей части Екатерина обладала природным оптимизмом и умела сдерживать себя. Она отлично понимала, какая ждёт её награда, и терпела все ради власти. А она, несмотря ни на что, не сомневалась, что рано или поздно будет и на её улице праздник. «Всё, что я ни делала, всегда клонилось к этому, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть».

Екатерина выбрала единственно правильный путь,

рассчитывая на свой житейский ум. А в наличии у неё ума сомневался только её недалёкий супруг. Окружающих же в большинстве своём Екатерина смогла расположить к себе. Она обладала недюжинными дипломатическими способностями, умела всех внимательно выслушать или уж, на худой конец, сделать вид, что слушает; и умела в каждом человеке открыть ему самому его же собственные достоинства. Немудрёно, что когда Елизавета умерла и на престол взошёл вечный недоросль Пётр III, не способный ладить с людьми и мучивший собственную жену, то симпатии двора были на стороне Екатерины.

Однажды Пётр при всех оскорбил жену, она расплакалась. Он стал угрожать жене арестом. Тогда императрица впервые всерьёз задумалась о предложении своих друзей узурпировать власть. Пётр был принуждён подписать составленный для него текст об отречении. Затем его, уже в качестве пленника, отвезли в Петергоф, а позже в Ропшу.

В отличие от многих правительниц, попавших в подобную ситуацию, Екатерина неповинна в смерти своего свергнутого с престола мужа. Пётр III погиб в очередной попойке. Заспорив с одним из собеседников, он, по-видимому, забыл, что больше не «самодержец всея Руси». Поражённая его смертью, Екатерина, однако, решила: «Надо идти прямо — на меня не должно пасть подозрение». Было объявлено, что бывший император почил от «прежестокой колики». Екатерина по просьбе Сената на погребении не присутствовала.

Царствование Екатерины Великой вызывает самые противоречивые оценки историков, видимо, потому, что сама личность императрицы была очень противоречива и многие моральные и ценностные установки, которые она провозглашала, мало уживались с её похотливым непостоянным характером. Она старалась приспособиться ко всякой обстановке, в какую попадала, как бы она ни была ей противна. «Я, как Алкивиад, уживусь и в Спарте, и в Афинах», — говорила она, любя сравнивать себя с героями древностей.

При своей трезвой, практичной натуре Екатерина не чуралась лести, а с годами все прочнее увязала в тенётах придворного лицемерия. Смолоду она научилась знать цену людскому мнению, и её очень занимал вопрос, что о ней думают окружающие, какое она производит впечатление. Достигнув власти, она все болезненнее воспринимала всякую критику, даже свой вкус она стала считать обязательным для других. За это она один раз была даже наказана своим главным поваром. Екатерина любила и понимала архитектуру, живопись, скульптуру и совсем не воспринимала музыку. Весёлая и смешливая по природе, она

допускала исключение только для комической оперы. Однажды за обедом она спросила у повара, нравится ли ему фарс, так её увлекавший. «Да Бог знает, оно как-то грубо», — ответил простодушно несообразительный повар. Екатерина вспыхнула и постаралась сгладить конфуз: «Я желала бы, чтобы у моего главного кухмистера был такой же тонкий вкус (разумеется, кухонный), как тонки его понятия!»

Впрочем, если смотреть на престол, как на своего рода профессию, то Екатерина прошла бы все тесты на соответствие занимаемой должности. Приняв решение после некоторых колебаний, она действовала уже без раздумья. Самым сложным для императрицы было сомнение в чём-либо. «Для людей моего характера, — признавалась она, — ничего нет в мире мучительнее сомнения». Бодрость и энтузиазм были одними из самых счастливых свойств характера Екатерины, и она старалась сообщить их своим подданным.

Только раз, когда получено было известие, что турки объявили вторую войну, замечена была её минутная робость, и она, расстроенная, начала было говорить об изменчивости счастья, о непрочности славы и успехов, но скоро пришла в себя, с весёлым видом вышла к придворным и во всех вдохнула уверенность в успехе.

Екатерина подчёркивала в себе мужской склад характера и в свой сентиментальный, чувственный век ни разу не падала в обморок. До последних лет царствования, на седьмом десятке, и в счастливые, и в трудные дни она встречала являвшихся по утрам статс-секретарей со всегдашней улыбкой.

Как все великие люди, Екатерина отличалась огромной работоспособностью. Она во все вникала сама, хотела за всем уследить.

Находя, что человек счастлив только тогда, когда у него есть дело, она любила, чтобы её тормошили, не давали засиживаться на одном месте. Каждодневная, размеренная работа стала для неё привычкой. Когда необходимо было решить очень важные вопросы, она работала особенно усердно, по её выражению, суетилась, не двигаясь с места, как осел, с 6 часов утра до 10 вечера, до подушки, «да и во сне приходит на мысль всё, что надо было бы сказать, написать или сделать». Фридрих II, прусский король, дивился этой неутомимости и с некоторой досадой спрашивал русского посла: «Неужели императрица в самом деле так много занимается, как говорят? Мне сказывали, что она работает больше меня».

Екатерина была прекрасно образована. Ещё в годы томительного одиночества при елизаветинском правлении она

пристрастилась к сложным философским книгам и вначале с трудом продиралась через заумные выражения учёных мужей, однако склонная к преодолению трудностей сделала чтение сложной литературы своего рода увлекательным спортом и впоследствии уже не могла существовать без серьёзной книги. Интеллектуальные занятия входили в обязательный распорядок дня императрицы, причём интересы её были необычайно разносторонними. Она подробно изучала историю Германии, штудировала астрономию Бальи, торопила свою Академию наук с определением широты и долготы городов Санкт-Петербургской губернии, изучала работы английского законоведа Блекстона, обрабатывала русские летописи и даже увлеклась сравнительным языковедением. Когда умер один из её любовников, Екатерина опасно заболела, не могла ни есть, ни спать, не выносила общества. Её спас многотомный филологический труд Жебеленя. Увлёкшись мыслью автора о первобытном, коренном языке, императрица обложилась всевозможными книгами и принялась составлять сравнительный словарь всех языков, положив в его основу русский. В конце концов работа закончилась тем, что все материалы, собранные императрицей, были переданы академику Палласу, который и подготовил первый том издания.

Царствование Екатерины нельзя назвать спокойным. Она не дала благоденствия стране и сытости её гражданам. Однако, не трогая основ государства, Екатерина Великая смогла воздействовать на умы своих подданных. Не дав свободы и просвещения, она дала почувствовать русскому народу цену этих благ как лучшую основу личного существования.

САЛТЫЧИХА (САЛТЫКОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА)

(1730—1801)

Помещица Подольского уезда Московской губернии, замучившая более 100 человек крепостных. Была приговорена к смертной казни, которую потом заменили заключением. С 1768 года в монастырской тюрьме.

Случай в истории уникальный. Когда речь идёт о маньяках-убийцах, то само собой разумеется, что в этих рассказах фигурирует только сильный пол. Особа же, известная под именем Салтычиха, убивала без всякой мотивации, с «особенной», как бы сейчас выразились, «жестокостью», просто так, из любви к этому делу, не уступая самым отъявленным монстрам рода человеческого.

Мы не имеем психологического портрета этой дамы. Исследователи, шедшие по горячим следам её зверств, были настолько ошеломлены размахом преступлений и необъяснимостью их, что предпочитали лишь констатировать события, теряясь в догадках по поводу причин. Да и что могли они сказать? Вездесущих журналистов, интервьюирующих маньяка прямо на скамье подсудимых, тогда ещё не было, психологии, как науки, не существовало, а Достоевский ещё не написал своих гениальных прозрений. История её кровавых деяний скорее напоминает криминальные хроники, хотя кое-какие крупицы личной жизни Салтычихи всё-таки попали в анналы.

Она была третьей дочерью обычного дворянина, каковых много на необъятных российских просторах служило государю и отечеству. И фамилию она в девичестве носила самую что ни на есть банальную — Иванова. Но, кроме такого заурядного фона, нам больше ничего не известно о детстве маньячки. Наверное, сегодняшние биографы обязательно «докопались» бы до какого-нибудь фактика, который указал бы на сдвиги психики юной барыни — может, кошку она в своё время задушила или матушку ненавидела лютой злобой, а может, и папаша руку приложил к развитию в дочери подобных наклонностей. Оставим догадки для будущего фильма ужасов о Салтычихе. Мы же только знаем, что Дарья Николаевна в положенные ей сроки удачно (в смысле материальном) вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии конного полка Глеба Алексеевича Салтыкова, родила ему двоих сыновей и

овдовела двадцати шести лет отроду.

Со смертью мужа Салтычиха стала единоличной хозяйкой тысяч душ крепостных крестьян и огромных имений, которые находились, говоря языком современной географии, на юго-западной окраине Москвы. Постоянно барыня проживала на Сретенке, а к вящему «удовольствию» местных жителей отдыхать любила в поместье Троицком — красивейшем, благословенном месте Центральной России. Вот тут-то, среди этого благолепия, и разыгрывались основные акты душераздирающей трагедии.

Поначалу по окрестным деревням поползли слухи о лютой помещице, которая собственноручно забивает до смерти своих крепостных. Люди шептались о подробностях: бабы крестились, мужики крякали от удивления — о таких зверствах они ещё не слыхивали.

Потом мимо потянулись телеги с подозрительным, едва прикрытым рогожей грузом. Сопровождающие не слишком таились от невольных свидетелей — дескать, везём трупы в полицейскую канцелярию на освидетельствование, умерла очередная девка, царство ей небесное, сбежала, дурочка, а по дороге-то и отдала Богу душу, теперь нужно все, как положено, зафиксировать. Но случайно сползшая рогожа открывала взору жуткий обезображенный труп — обваренная кожа, струпья вместо волос, колотые и резаные раны.

Утечка информации шла и из тайных сыскных контор. Сюда проникали смельчаки, вырвавшиеся из Салтычихиного ада, с них брали показания и… отправляли назад, под надзор помещицы. Власти предпочитали молчать, а по Москве уже вовсю судачили об убийце.

Между тем один из её дворовых, который впоследствии и «сдал» свою барыню правосудию, справедливо потом заметил: «Когда б ей послабления не было, то она от таковых непорядков уняться могла».

Разоблачение Салтычихи началось с воцарением на престол великой государыни Екатерины II. Убийцу подвела крайняя её невежественность и смекалистость двух крепостных. Помещица грамоте не разумела и, что называется, политической конъюнктуры нового правления не поняла, зато простые дворовые отлично учуяли ветер перемен. Савелий Мартынов и Ермолай Ильин (у последнего Салтычиха умертвила трех жён) бежали в столицу и подали императрице жалобу на злодейку.

Молодая государыня, стремившаяся установить в отдельно взятой стране гуманистический рай, прореагировала немедленно. Для Дарьи Николаевны словно гром среди ясного неба грянул, когда к ней приехали высокопоставленные чиновники и взяли

помещицу под домашний арест. Но привыкшая к безнаказанности Салтычиха по недоумию решила, что ей снова всё сойдёт с рук. Она отрицала любые обвинения. Однако Екатерина лично взяла под контроль дело своей подданной. На запрос канцелярии о возможности подвергнуть непокорную пыткам в целях получения признания, государыня проявила поистине царское великодушие и приказала поначалу нечестивицу попробовать устыдить, для чего предписывалось определить в дом Салтычихи самого честного и знающего священника. Духовное лицо «работало» со злодейкой четыре месяца, потом с сожалением объявило, что «сия дама погрязла в грехе» и добиться от неё раскаяния невозможно.

17 мая 1764 года на Дарью Николаевну было наконец заведено уголовное дело. Два чиновника, отправившиеся на места преступлений — на Сретенку и в Троицкое — трудились около года, опрашивая сотни свидетелей. Многие местные крестьяне, запуганные чудовищем, соседи и знакомые предпочитали молчать, однако нашлись люди, рассказавшие правду о событиях, очевидцами которых они стали. Открывшаяся следствию картина леденила кровь количеством убитых и бесчеловечной жестокостью Салтычихи.

Делу дали законный ход: из тайников Сыскной полиции извлекли те самые показания, которые пылились там не один год. Признания беглых смельчаков, похороненные в полицейской канцелярии взятками Салтычихи, всплыли на поверхность и потопили многих чиновников-мздоимцев. Екатерина не жалела ни сил, ни денег, чтобы разоблачить убийцу и её пособников, с чьего молчаливого согласия совершались дикие преступления.

Документы следствия ничего не сообщают о том, с чего начинала свою кровавую практику Салтычиха. В них лишь бесстрастно перечисляются доказанные случаи убийства. Специализировалась Дарья Николаевна в основном на женщинах — то ли силёнок на мужиков не хватало, то ли до такой степени ненавидела свой пол.

Рискнём сделать предположение, которое может показаться на первый взгляд странным. Серийные убийцы-маньяки, как известно, совершают преступления на сексуальной почве. Возможно, в действиях кровожадной дамы также присутствовала сексуальная подоплёка. Обычно стих на Салтычиху находил тогда, когда девка мыла пол. Это незатейливое действие приводило барыню в состояние крайнего возбуждения. Она набрасывалась на жертву и принималась колотить её поленом, скалкой, раскалённым утюгом, словом, всем, что попадалось под руку. Затем несчастную передавали в руки подельников Салтычихи. Гайдук сёк девку на дворе, а Дарья Николаевна

бегала от одного окна к другому и кричала: «Бейте до смерти, бейте сильнее!» После истязаний жертву снова заставляли мыть полы, чего обычно обессилевшие девки делать были не в состоянии.

Часто садистка прибегала к особо изощрённым зверствам, как-то: привязывала девку голой на морозе, морила её сутками голодом, обваривала лицо кипятком. Так, убивая крестьянку Ларионову, Салтычиха в экстатическом порыве схватила свечу и поднесла пламя к волосам девушки. А крестьянку Петрову загоняли палкой в пруд и заставляли стоять по горло в воде по несколько часов, хотя на дворе был ноябрь.

Все эти зверства оправдывались лишь недобросовестным мытьём пола в хозяйских апартаментах. Била Салтычиха ногами в живот и беременных женщин, до смерти замучила двух двенадцатилетних девочек.

В отличие от убийц-одиночек Дарья Николаевна, выражаясь современным языком, сколотила бандитскую группировку — два-три гайдука, всегда готовые прийти на помощь атаманше, когда та устанет мучить человека, конюх и девка Аксинья Степанова. Двое последних выполняли роль гробовщиков — выполняли приказ кровожадной хозяйки не без удовольствия, с некоторой даже долей самодеятельности. Так, на тело Ларионовой они уложили грудного ребёнка убитой, и младенец умер на морозе прямо на трупе матери. Но даже эти нелюди приходили в ужас при виде монстра в человеческом обличье.

Есть в кровавом списке Салтычихи и имена двух мужчин. Неизвестно, чем вызвал гнев помещицы Хрисанф Андреев, только после традиционной порки, которую осуществлял один из её подельников — Богомолов, Салтычиха приказала беднягу привязать на несколько часов на морозе. Когда измученного Андреева втащили в тёплую избу, Дарья Николаевна набросилась на Андреева и стала избивать палкой. Потом она схватила раскалённые щипцы и принялась вырывать у жертвы уши, лила ему горячую воду на лицо и пинала. Когда Андреев перестал подавать признаки жизни, она приказала Богомолову везти умирающего в Троицкое, так как дело происходило в Москве, в собственной резиденции Салтычихи. Естественно, несчастный по дороге скончался. Богомолов, не зная, что предпринять, попытался договориться со старостой имения Михайловым, чтобы тот похоронил убитого. Однако без церковного благословения труп придать земле законным путём было невозможно: покойник отошёл в мир иной без причащения, да ещё и при таких странных обстоятельствах. Михайлову вовсе не улыбалось быть крайним в преступлениях хозяйки, поэтому он довольно грубо осадил

Богомолова, дескать, это твои проблемы. Гайдук растерянно пристроил труп на кухне в подполье и поехал… в Сыскной приказ. Неизвестно, то ли ужас обуял Богомолова от содеянного, то ли взыграла родная кровь — Андреев приходился Богомолову родным племянником, — но подельник Салтычихи предал хозяйку. Однако подкупленные ею ревнители порядка заключили изменника под стражу и быстренько доложили Дарье Николаевне о шатаниях в её рядах.

По-видимому, предательство верного сообщника напугало убийцу, и она немедленно послала в Троицкое нарочного с приказом — труп выбросить. Но Михайлов, тоже струсивший, отказался выполнить приказ барыни. Тогда нарочный прихватил тело назад в Москву, а староста тем временем был вызван для объяснений с помещицей. Когда Михайлов вошёл в горницу Дарьи Николаевны, то увидел, что за столом чаёвничает известный чиновник полицейской канцелярии Иван Яров. Он-то и научил старосту что следует тому говорить, коли будет он спрошен высоким начальством. После чего Яров и Михайлов поехали в Кремль, где староста дал показания, опровергающие жалобы Богомолова — дескать, Андреев бежал несколько дней назад и найден был мёртвым в лесу. К данным Михайлова приложили и освидетельствование трупа, составленное в Сыскном приказе. Богомолову за навет выдали 25 ударов кнутом и отпустили в руки родной матушки Дарьи Николаевны, которая, вероятно, в знак прошлых заслуг сообщника убивать его не стала, а посадила на цепь и приказала заковать в кандалы. Несчастного Андреева снова отвезли в Троицкое, где и похоронили после стольких мытарств.

По данным государева следствия, Салтычиха обвинялась в 38 доказанных убийствах. В списках ходило 75 имён жертв маньячки. Медицинского заключения здоровья обвиняемого тогда, конечно, не давали, но, думаю, многие согласятся — Дарья Николаевна была всё-таки психически ненормальной и реализовывала своё возбуждение таким кровавым способом.

Интересно, что указом Екатерины от 12 июня 1768 года Салтычиху не только лишили дворянского сословия, материнских прав, всего имущества, но и постановили впредь именовать «сие чудовище мушиною».

Впрочем, нельзя сказать, что Дарья Николаевна после смерти мужа была обделена мужским вниманием. Длительные интимные отношения связывали вдову с землемером Николаем Андреевичем Тютчевым. Правда, в тот самый год, когда Салтычиху взяли под домашний арест, любовник надумал жениться и оставить надоевшую пассию. Никто не утверждает,

что Николай Андреевич решил бросить Дарью Николаевну потому, что она попала в немилость властей.

Может, так совпало, но не зря же говорят, что несчастье не приходит одно. Салтычиха, услышав об измене Тютчева, поступила как заправская бандитка. Она накупила горючих веществ и приказала двум гайдукам подпалить дом обидчика, да так, чтобы непременно в огне погибли и неверный любовник, и его невеста. Но для сообщников одно дело было забивать беззащитных крепостных девок, а совсем другое — погубить дворянина. Они несколько раз отправлялись на задание, но возвращались ни с чем; в конце концов, слезливо взмолились — дескать, не вели, Дарья Николаевна, казнить, вели миловать — приказ ваш невыполним.

Салтычиха прослышав, что бесстыжий Тютчев будет проезжать со своей невестой по дорогам её имения, выставила пикеты с целью убийства, но операция снова сорвалась — то ли кто-то опять «сдал» Дарью Николаевну, то ли Николай Андреевич, зная «крутой» характер бывшей любовницы, поостерёгся.

Шесть лет длилось следствие по делу Салтычихи и закончилось в 1768 году. Екатерина озадачилась сложной проблемой. С одной стороны, помещица Салтыкова принадлежала к весьма уважаемому дворянскому роду, и прецедент наказания отпрыска аристократических кровей мог вызвать недовольство в некоторых кругах. С другой — царица хотела превратить судилище над преступницей в показательный, политический процесс, который призван был всему миру продемонстрировать намерение императрицы создать новое правовое государство.

Екатерина приказала лишить всех званий, имущества и отправить в ссылку всех мздоимцев и взяточников, покрывавших убийцу. Подельники Салтычихи приговорены были к публичной порке и последующей каторге. Не избежал наказания даже Богомолов, который перед этим содержался Салтычихой в кандалах. Ну а для виновницы 17 ноября 1768 года назначена была на Красной площади гражданская казнь. Екатерина так заботилась о воспитании подданных, что даже распорядилась прислать горожанам специальные приглашения.

Народу, конечно, собралось видимо-невидимо. В то утро шёл крупный, хлопьями снег. Салтычиху привезли на площадь и приковали цепями к позорному столбу, повесив ей на грудь табличку со словами «Мучительница и душегубица». То-то отвели душу народные мстители: они плевали в нестрашную теперь маньячку, кидали в неё дерьмом и грязью.

Салтычиха была пожизненно заточена в яму под Соборной церковью Ивановского монастыря. По мистической казуистике

истории этот храм был выстроен в честь рождения другого маньяка и изверга Ивана Грозного. Два раза в день решётка в склепе отодвигалась и Салтычихе просовывали еду. Выводили узницу только раз в сутки, чтобы она послушала издалека колокольный звон и посмотрела церковь. Доступ к священному алтарю убийце был запрещён.

Тридцать три года просидела Салтычиха в яме и умерла дряхлой старухой. Её имя стало ругательным у русского народа.

АНЖЕЛИКА КАУФМАН

(1741—1807)

Немецкий живописец и график. Представитель классицизма. Писала портреты («Гёте», 1787), сентиментально-чувствительные, мифологические, исторические, религиозные и бытовые сцены («Вышивальщица»).

Когда женщина одарена столькими талантами и красотой, как наша героиня, то ей редко удаётся добиться чего-то путного. Однако имя Анжелики Кауфман многое говорит подлинным ценителям живописи, ибо в своё время она была очень знаменитым художником, заказать портрет которому считалось престижным.

Девочка родилась в семье немецкого художника Иоанна Иосифа Кауфмана на захудалом постоялом дворе в маленьком французском городке Туре, ибо отец был склонен к перемене мест. Одиннадцати месяцев Анжелику перевезли в Италию, где, наконец-то, семья осела надолго.

Богато одарённая натура девочки проявилась очень рано. С шести лет Анжелика начала рисовать, да и трудно было удержаться от того, чтобы не взять в руки уголёк или кисточку, проводя целые дни в мастерской отца. Иоанн Иосиф Кауфман не отличался особыми талантами живописца и обделенность природой стремился восполнить трудом, с детства он приучал и дочь к каждодневной изнуряющей работе.

Анжелика была чрезвычайно привязана к отцу, потому что он заменил ей и подружек, и детские развлечения, и учителей. Часами девочка упражнялась в живописи, а иногда это маленькое красивое существо с папкой рисунков заходило на богатые виллы, чтобы продать свои работы и помочь семье. Трудно было отказать столь очаровательному ребёнку, и однажды даже местный епископ согласился позировать Анжелике.

Старый Кауфман отлично сознавал, что талант дочери позволит ей достичь гораздо большего, чем удалось это ему самому, и потому не жалел ни средств, ни сил для шлифовки таланта Анжелики. Во-первых, они предприняли длительное путешествие по Италии. По мнению отца, эта благословенная страна могла стать для девушки источником вдохновения, как и для великих мастеров Возрождения. Во-вторых, старик по-прежнему уповал на изнуряющую работу и не разрешал Анжелике ни часа развлечений. Девушка была покорной дочерью и только однажды её натура взбунтовалась. Безусловно, читатель угадает,

если подумает, что это была любовь. Странствуя по свету, но ведя замкнутый образ жизни из-за запретов отца, Анжелика всё-таки умудрилась познакомиться с молодым музыкантом. Девушка была одарена от природы удивительным голосом. Парень умолял Анжелику бросить живопись, отца-тирана и посвятить себя пению, уйти с ним. Для девушки наступили дни мучительных сомнений. Впервые она не могла посоветоваться с отцом, впервые в её размеренную жизнь вошли смута и нежелание работать. Решить сама эту жизненную проблему Анжелика не смогла и отправилась к духовнику. Конечно, тот посоветовал ей остаться с отцом, забыть о греховной карьере певицы и выбрать более благородную стезю живописца. От дней влюблённости в творчестве художницы осталась картина, на которой изображён Орфей, пытающийся увести Эвридику из Ада. Черты навсегда покинутого любимого она придала своему живописному герою. Есть и ещё одно полотно: сама Анжелика между двух муз — Музыки и Живописи, обе зовут её, но она склоняется ко второй.

Итак, выбор состоялся и больше, казалось, ничто не мешало таланту девушки. Действительно, она остро почувствовала веяния галантного века с его стремлением к игре, подражаниям, с его ленивым полумраком и уютными креслами, с его кукольными пастушками и золотистыми будуарами. Вскоре слава молодой художницы долетела до Миланского дворца, куда она и была приглашена. Двор был пленён мастерством Анжелики, желающие занимали очередь, чтобы заказать у неё портрет. Девушка, упоённая поклонением и славой, с успехом воспроизводила поверхностный и модный в то время стиль блестящего французского двора, работая с пастелью. Пастушье платье — писк сезона, атласные туфельки, шляпа с лентами на напудренном парике, куколка, окружённая массой поклонников — вот портрет Анжелики того времени.

Смерть матери заставила семью вновь покинуть насиженное место и отправиться на этот раз в родную Браганцу. Однако здесь отец с дочерью прожили недолго. Кому нужны были нарисованные пастушки, если вокруг полно настоящих. Анжелика едва успела закончить фрески для приходской церкви, как отец решил уехать ко двору графа Монфорта, где для девушки была работа. От весёлого двора Монфорта она отправилась в Рим. Здесь она познакомилась с Иоанном-Иоахимом Винкельманом, немецким историком искусств, который имел огромное влияние на современные умы. Анжелика тоже поверила его учению, наконец-то, у девушки появился первый сторонний учитель. Винкельман исключительно высоко отзывался об одарённой художнице: «Мой портрет для одного друга сделан

исключительной личностью, одной немецкой художницей. Она очень сильна в портретах… Её имя — Анжелика Кауфман». В Риме девушка познакомилась со многими лондонцами и, увлёкшись их рассказами о родном городе, решила попытать счастья в туманном Альбионе.

22 июля 1766 года Анжелика прибыла в Лондон, где её ждал настоящий успех. «Королева всего два дня как приехала. Лишь только ей будет лучше, я буду ей представлена», — писала девушка отцу всего лишь через месяц после приезда. На следующее лето старик Кауфман переехал к дочери. Почти двадцать лет прожила Анжелика в Лондоне. Здесь она написала портреты английской королевы, датского короля Христиана. От заказчиков не было отбоя. Окутанные дымкой загадочности лица на её картинах полны если не красоты, то во всяком случае очарования. Салонная художница, Анжелика Кауфман, имела успех и как женщина, покоряя мужчин прекрасной фигурой, свежим цветом лица и наивными живыми глазами.

Многие современники отмечали магический взгляд художницы и её оригинальность. На Анжелику даже обратил внимание президент английской Академии художеств — Рейнольдс. Он предлагал девушке разделить его судьбу, богатство и славу. Но Анжелика испугалась гениальности Рейнольдса, она понимала, что такому таланту жена должна принадлежать всецело, а в ней ещё не угасло желание собственного самоутверждения.

Женихи, однако, не убывали, и однажды мастерскую Кауфман посетил меценат, приобретавший картины художников за баснословно высокие цены, граф Хорн. Даже привыкшая к восторгам зрителей Анжелика не смогла удержаться от довольной улыбки, слушая лестные отзывы графа о своём творчестве. Вскоре Хорн сделал ей предложение. Казалось, личное счастье наконец-то улыбнулось знаменитой художнице — блестящий молодой человек, принятый в самых уважаемых домах Лондона, богатый, обаятельный светский лев. Только старик Кауфман сразу же невзлюбил жениха, но у него не было права второй раз встать дочери поперёк дороги, поэтому, скрипя зубами, он постарался промолчать.

Вскоре граф тайно явился к Анжелике и в полном отчаянии поведал ей, что его подозревают в серьёзном политическом преступлении, в котором он, конечно, не виноват, и ему грозит позорная смерть. Только невеста может спасти графа, немедленно с ним обвенчавшись, ибо только имя Анжелики Кауфман заставит королевскую семью, нежно любящую художницу, внимательно разобраться со случаем её мужа. Наивная девушка, не искушённая

в интригах, не сталкивавшаяся с подлостью, любила графа и поверила ему сразу.

Семейная жизнь, однако, не задалась. Граф требовал немедленно покинуть город, он часто не являлся домой и вообще вёл себя довольно странно. На вопросы Анжелики отвечал истериками и грубостью. Всё закончилось тем, что женщина вынуждена была переселиться обратно к отцу. Вскоре Анжелика узнала правду — муж её был авантюристом и жил под разными вымышленными именами. Последнюю свою фамилию он взял после того, как некоторое время служил у настоящего графа Хорна в Германии. На прощание муж выманил у Анжелики триста фунтов. 10 февраля 1768 года состоялся их развод. Пережив личную трагедию, художница замкнулась в себе и перестала бывать на светских раутах, только небольшой круг интеллигенции продолжал интересовать её по-прежнему. Клопшток писал одному из своих друзей: «С некоторых пор я почти влюблён в одну немецкую художницу в Лондоне — Анжелику Кауфман».

Наша героиня все больше думала о возвращении в Италию. Отец стал совсем стар и часто говорил, что хочет умереть на земле, когда-то взрастившей его. Только одно заботило Кауфмана — Анжелика оставалась совершенно одинокой. Отец сам позаботился о достойном человеке для своей дочери. По настоянию старика Анжелика вышла замуж за посредственного венецианского художника, которому к тому времени исполнилось пятьдесят — Антонио Цукки. В Италии в 1783 году Кауфман умер, а Анжелика с мужем поселились в Неаполе при дворе королевы Марии-Каролины. Но и здесь ей тяжело было жить, бесконечно эксплуатируя своё мастерство и создавая похожие один на другой портреты придворных.

Новое местожительство — Рим — подарил ей встречу с главным человеком своей жизни — с Гёте. Великий поэт по достоинству оценил оригинальность и богатый внутренний мир художницы. Долгое время их связывала нежная дружба. Анжелика писала портрет Гёте но он не удался и остался незаконченным. Мастерства Кауфман не хватило, чтобы передать гениальность немецкого титана.

Уходил в прошлое галантный век. Вместе с ним старилась и медленно угасала Анжелика Кауфман. Одинокая, забытая всеми она умерла на руках своего дяди 5 ноября 1807 года.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА

(1744—1810)

Княгиня. Участница государственного переворота 1762 года, приведшего на престол Екатерину II. С 1769 года более 10 лет жила за границей, встречалась с Вольтером, Д. Дидро, А. Смитом. В 1783—1796 годах была директором Петербургской Академии наук и президентом Российской академии. Автор «Записок».

Трубы исторической славы возвещали о ней, как об «учёном муже и президенте двух российских академий». И если кто-либо в самом приятном сне не мог грезить о большем возвышении, если кому-то приходилось карабкаться к вершинам земной славы, обдирая ногти до крови от напряжения, то Екатерина Дашкова, по иронии случая, больше всего желала для себя обычной женской судьбы: мужа, детей, семейного очага, где царствует любовь, только любовь… Как призрачная тень мелькнула в жизни нашей героини небесная благодать, поманила, подразнила и оставила в одиночестве.

Пятнадцатилетняя графиня Воронцова выходила замуж по большой любви. Она и слышать не хотела ни о каких «неприятных обстоятельствах». Жених Михаил Дашков, поручик Преображенского полка, красавец, увлёк одну из барышень многочисленного семейства Воронцовых, вступил с ней в связь, и дело едва не кончилось скандалом. Однако для влюблённой, напористой Екатерины подобная история не показалась достойным поводом отсрочить свадьбу. Злые языки в Петербурге поговаривали, будто на балу, когда Дашков неосторожно рассыпался в комплиментах перед молоденькой графиней, девица Воронцова не растерялась, позвала дядюшку-канцлера и сказала: «Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки».

Но чего бы ни придумывали сплетники, этот, казалось, не слишком удачный брак принёс радость обоим супругам. Екатерина с головой окунулась в омут безумной любви, а Михаил с радостью принял страстное обожание умной женщины. Наша героиня забросила свои прежние увлечения — книги, энциклопедии, словари. Надо сказать, что такая юная особа, каковой являлась Екатерина, успела сама собрать ко времени замужества одну из самых больших частных библиотек России. Да не просто собрать, а ещё и тщательно изучить многочисленные фолианты. И среди мужчин более почтенного возраста немного нашлось бы в России XVIII века столь широко образованных людей. Но семья, любовь заставили Дашкову понять, что есть

вещи гораздо более приятные, нежели корпение над книгами. От размышлений о Вольтере и Монтене она охотно отошла к заботам о дорогом муже и терзаниям низменной ревности. Однажды заболевший Дашков, чтобы не волновать родственников, не поехал домой после очередной командировки, а решил отлежаться у тётки. Узнав об этом, уже начавшая рожать Екатерина, превозмогая страшную боль, поехала к мужу и даже самостоятельно поднялась к нему по лестнице. Через час после встречи с Михаилом она уже стала матерью. По поводу этого случая можно сказать лишь то, что не зря верность и самоотверженность русских женщин стали темой для многочисленных литературных произведений.

В Москве, где прошли первые годы счастливого замужества, Екатерина с грустью вспоминала свою венценосную подругу, тёзку Екатерину. С первого знакомства они прониклись взаимной симпатией, выделили друг друга из довольно серой массы особ слабого пола — созданий мелких и пустых, интересовавшихся лишь «булавками» да свежими сплетнями двора. Дашкова понимала, что с возвращением в Петербург домашняя жизнь для неё закончится, зато она получит возможность вновь видеться с молодой императрицей, к которой она наряду с безграничным восхищением её умом испытывала и глубокую женскую жалость. Подруга страдала от глупости и деспотизма своего высокопоставленного мужа и часто рыдала на плече Дашковой, поверяя наперснице самые сокровенные свои чаяния. Курьёзность ситуации заключалась ещё и в том, что любовницей Петра III и, больше того, самым близким ему человеком была родная сестра Дашковой — Елизавета Воронцова. Однако даже это обстоятельство не помешало тому, что две Екатерины — «большая» и «маленькая» — были чрезвычайно близки друг другу.

В офицерском мундире, в лихо надвинутой треуголке, похожая на пятнадцатилетнего юношу — такой была Дашкова в самый незабываемый день её жизни — 28 июня 1762 года. Свершилось то, о чём мечтали подруги, шептались, беспрестанно оглядываясь на двери, в зловещей тишине царских покоев. Теперь они на конях, Пётр III отрешён от престола, а за ними — многотысячное войско, готовое в огонь и в воду. Рассказывали, будто Дашкова в этот день несколько раз выхватывала шпагу. Ситуация складывалась непросто, и Дашкова отчаянно рисковала, чтобы спасти подругу, чтобы подарить России сильную и разумную власть. Рисковала своими детьми, своим обожаемым мужем, который во время дворцового переворота находился далеко от Петербурга.

В невероятной сумятице событий, опьянённая восторгом

свершившегося, здравицами, возбуждением толпы, Дашкова не заметила, что венценосной подружке уже не очень приятно видеть рядом с собой умную женщину. Екатерина II слишком долго терпела, слишком мучительно шла к власти, чтобы с кем-либо разделить пришедшую славу. Царице казалась достаточной помощь братьев Орловых, а о «жалостливых» женских беседах с подругой ей хотелось поскорее забыть.

Возвращение мужа из командировки по приказу Екатерины II стало своеобразной и единственной наградой Дашковой за верность и мужество. Теперь характер общения нашей героини с императрицей изменился. Дашковы обязаны были посещать весёлые дворцовые приёмы, нравы которых становились все фривольнее. Нерасположенная к забавам Дашкова, с её влюблённостью в одного мужчину, чувствовала себя в атмосфере опьяняющей эротической игры екатерининского двора неуютно. Но отказаться от царской милости было нельзя, к тому же Михаил, муж нашей героини, весьма удачно вписался в озорной кружок властительницы.

Есть в воспоминаниях Дашковой фраза, которая позволяет о многом догадываться. Княгиня пишет, что лишь две вещи на свете были способны перевернуть в ней все, лицом к лицу столкнуться с адом: первая — это тёмные пятна на короне Екатерины, то есть убийство государя; вторая — неверность мужа. Дашкова в «Записках» лишь упомянула о несчастье, её постигшем (она предпочитала вспоминать о князе в восторженных тонах), а мы можем лишь предположить, кто стал причиной глубокой сердечной раны нашей героини. Дочь княгини, Анастасия Щербинина, рассказывала Пушкину, очень интересовавшемуся её знаменитой матерью, что семейная драма Дашковых была связана с увлечением князя Михаила императрицей. Правда, безоговорочно верить этой версии нельзя, однако, зная нравы Екатерины, её моральные принципы, легко представить — почему бы императрице и не увлечься красивым, стройным офицером, который к тому же достаточно прост, чтобы разделить незатейливые шутки двора. Если Щербинина права, то диву даёшься, как смогла Дашкова пережить двойное предательство, с каким чувством она стояла у колыбели второго сына, крёстной матерью которого вызвалась стать сама Екатерина.

Беда не приходит, как известно, одна. Вскоре Дашкова потеряла горячо любимого мужа. До последнего вздоха княгиня считала смерть Михаила катастрофой своей жизни, а ведь ей было всего двадцать два. Пятнадцать дней после получения известия о кончине мужа Дашкова находилась в состоянии комы. И лишь дети возвратили её к реальности. Михаил поставил семью

на грань полного разорения. Чтобы заплатить многочисленные долги покойного мужа, Дашковой следовало продать землю, но ради будущего своих чад наша героиня отправилась в деревню и экономила на всём, живя в крайней бедности. «Если бы мне сказали до моего замужества, что я, воспитанная в роскоши и расточительности, сумею в течение нескольких лет… лишать себя всего и носить самую скромную одежду, я бы этому не поверила».

Спартанское существование принесло свои плоды лишь спустя пять лет. Дети подросли, и собранную сумму денег Дашкова решила употребить на заграничное путешествие с целью воспитания и образования сына Павла и дочери Анастасии. Эта молодая ещё женщина, знатная, весьма примечательная, пренебрегла всем личным ради интересов собственных детей. В 27 лет она выглядела на сорок, для неё, пылкой, увлекающейся, страстной больше не существовало мужчин. Дашкова теперь методично изучала системы образования разных стран. Безусловно, что самой передовой школой Европы того времени являлась английская, но и она не совсем удовлетворяла требовательную Дашкову.

Княгиня составила собственные программы обучения Павла, больше похожие по точности на рецепты врача. Шотландские профессора получили от любящей матери эти рекомендации с требованием неукоснительного их исполнения. Восемь лет — столько длилось обучение сына за границей — Дашкова находилась рядом. Крайняя скудость существования не мешала Екатерине Романовне, заботясь о душевном комфорте детей, устраивать в Эдинбурге даже балы для молодёжи. Танцы, музыка, рисование, театры, верховая езда, уроки фехтования — расходы на это её не страшили.

Пожалуй, самые строгие педагоги не смогли бы обнаружить изъянов в системе воспитания «по Дашковой», оттого-то не укладывается в голове получившийся феномен — дети выросли на редкость никчёмными и бестолковыми. «Простак и пьяница», — скажет о Павле Дашкове крёстная его мать — императрица. Ну а скандальные истории, в которые попадала Анастасия, поражая общество своей сумасбродностью, обсуждал весь Петербург.

К возвращению Дашковой в Россию по прошествии многих лет императрица отнеслась благосклонно. За границей княгиня приобрела славу одной из самых просвещённых женщин Европы. Её принимали Дидро и Адам Смит, сам старик Вольтер, больной и дряхлый, сделал исключение для «северной медведицы» (так Дашкову называли в чужих краях) и нашёл время побеседовать с ней. В «прекрасном далеке» Екатерина Романовна принялась

сочинять музыку, в чём весьма преуспела. Сложные полифонические произведения, исполняемые хором, которым дирижировала русская княгиня, повергали публику в восхищение. Царица не могла пренебрегать мнением просвещённой Европы, да и былые обиды позабылись. Для обеих наступило время зрелости и мудрости. Дашковой исполнялось 37…

Однажды на балу бывшая подруга предложила Дашковой возглавить Академию наук. Случай в истории России неслыханный! Никогда ни до ни после женщина не занимала такой высокий государственный пост. Свободомыслящая Европа и та не удержалась от изумления. Джованни Казанова писал в «Мемуарах»: «Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно навыворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в учёных учреждениях, заведывают государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране недостаёт одной только вещи, а этим татарским красоткам — одного лишь преимущества, именно: чтобы они командовали войсками».

Зимним утром 1783 года Дашкова упросила знаменитого математика Леонарда Эйлера представить её уважаемым учёным мужам. Придирчивая академическая публика с первых минут увидела в Дашковой справедливого и мудрого директора: заметив, что на место рядом с ней пытается пробраться бездарный учёный, властным жестом остановила проныру, обратившись к старцу Эйлеру: «Сядьте, где вам угодно. Какое бы место вы ни избрали, оно станет первым с той минуты, как вы его займёте».

Императрица не ошиблась в своём выборе. Дашкова буквально возродила Российскую Академию из пепла. Наша героиня сразу отказалась от соблазна руководить наукой. Дашкова предпочла хозяйственную, издательскую и научно-просветительскую деятельности и преуспела во всех трех. Почти за 12 лет своего президентства Екатерина Романовна восстановила академическое хозяйство (начать ей пришлось буквально с заготовки дров, чтобы покончить с безобразной практикой, когда учёные мужи от холода кутались на заседаниях в тяжёлые шубы). Дашкова построила новое здание Академии, и, хотя, по свидетельствам современников, она попортила много крови архитектору Кваренги своим придирчивым характером, в памяти потомков княгиня осталась заботливой попечительницей науки и просвещения. Она восстановила деятельность типографии, с огромным трудом «выбивала» деньги на организацию научных экспедиций. Большое внимание Дашкова, следуя своим пристрастиям, уделила педагогике и образованию.

При её непосредственном участии и заботе составлялись новые программы обучения для гимназии при Академии. В критериях отбора талантливых юношей Екатерина Романовна была непоколебима и, несмотря ни на какие протеже, безжалостно отчисляла оболтусов из числа учеников.

По инициативе Дашковой Академия предпринимает первое издание сочинений Ломоносова с биографической статьёй, выпускает «Словарь Академии Российской» — выдающийся научный труд конца XVIII века, выходит вторым изданием «Описание земли Камчатки» профессора естественной истории С.П. Крашенинникова. С лёгкой руки нашей героини крупнейшие учёные начинают читать в Петербурге публичные лекции по математике, минералогии, естественной истории. Именно при Дашковой статус науки, знания поднялся в русском обществе на недосягаемую высоту. Радея об интересах страны, наша героиня запретила раз и навсегда сообщать открытия отечественных учёных за границей, «пока Академия не извлекла из них славу для себя путём печати и пока государство не воспользовалось ими».

Популярность Дашковой, как главы российской науки, тем ещё ценна, что официальным президентом Академии в то время считался граф К.Г. Разумовский. На этот высокий пост его назначила царица Елизавета Петровна, уважение к памяти которой Екатерина II всячески подчёркивала, чувствуя свою вину в смерти Петра III. Кроме того, Разумовский, командир Измайловского полка, выступил на стороне Екатерины во время переворота 1762 года, а таких услуг, как известно, правители не забывают, поэтому лишить графа высокого поста царица не решилась, зато изобрела для Дашковой должность директора Академии. Но в историю всё-таки именно Дашкова вошла как президент — да ещё и двух Академий. В 1783 году царица утвердила указ об открытии Российской Академии, созданной по инициативе Екатерины Романовны как центр наук гуманитарных.

Чем выше всходила «президентская» звезда Дашковой, тем печальнее складывалась её частная жизнь. Любящая мать не могла не замечать бездарность сына, и продвижение по службе давалось Павлу Дашкову лишь неусыпными хлопотами «президентши», к тому же сын женился на дочери приказчика, о чём Екатерина Романовна узнала совершенно случайно из обронённых слов встретившегося однажды знакомого. Скандал в именитом семействе удавалось скрывать недолго, и вскоре весь Петербург с удовольствием обсуждал на всех перекрёстках нелепую свадьбу. Злопыхатели получили возможность «уколоть» Дашкову в самое чувствительное место.

И всё же неурядицы с сыном были лишь «цветочками» по

сравнению с теми проблемами, которые создавала Дашковой её дочь Анастасия. Диву даёшься, отчего у такой умной матери и красавца-отца появилась девочка странная, ограниченная, да к тому же с физическим недостатком — горбом. Властная, заботливая мать, Дашкова поторопилась выдать незавидную пятнадцатилетнюю невесту за меланхоличного, безвольного алкоголика Щербинина, который «купился» на богатство и знатность Дашковых. Муж, естественно, с первых же дней супружества пренебрёг уродливой женой, уехал за границу, а Екатерина Романовна считала своим долгом опекать непутёвую дочку. Но пришло время — Анастасия повзрослела и отомстила за собственную несостоятельность не в меру заботливой мамаше.

К великому стыду Дашковой, за дочерью президента двух Академий потянулся длинный шлейф скандальных историй. Анастасия завела знакомства с сомнительными личностями, промотала деньги, влезла в долги. Сумасбродства Анастасии довели её до того, что она попала под надзор полиции. Екатерине Романовне приходилось писать униженные прошения, поручаться за непутёвую дочь, освобождать её под залог. Собственное же влияние на Анастасию у матери давно кончилось, они уже перестали понимать друг друга, но самое прискорбное — непонимание перерастало в непримиримую ненависть. Для Дашковой отношения с детьми, которым она посвятила свою жизнь, ради которых пожертвовала она личной, женской судьбой, стали настоящим крахом всех её ценностей. Она была близка к самоубийству.

После смерти Екатерины II карьера Дашковой закончилась. Для Павла наша героиня была сподвижницей ненавистной матери, а значит, врагом нового самодержца. Как многих соратников царицы, Дашкову сослали в глухую деревеньку, где в полном одиночестве ей надлежало доживать последние годы. 1807 год принёс Екатерине Романовне ещё один страшный удар. Проболев несколько дней, в Москве скончался её сын. На похоронах Павла Михайловича разыгралась безобразная сцена между матерью и дочерью. Скандал был таким громким, что священнику даже пришлось приостановить отпевание в церкви. Дочь билась в истерике, пытаясь оттеснить мать от гроба. Суть конфликта оказалась до обидного прозаической. Анастасия опасалась, что наследство бывшего президента перейдёт к воспитаннице Дашковой — мисс Вильмонт, которая приехала из Англии, чтобы скрасить старость княгини.

Дашкова действительно хотела удочерить Мэри и оставить её навсегда возле себя. Но мисс Вильмонт, похоже, тоже тяготилась обществом навязчивой княгини. И однажды, чтобы избежать

драматического прощания, Мэри ночью покинула дом своей опекунши. Вслед беглянке полетели душещипательные письма: «Что я скажу вам, моё любимое дитя, чтобы не огорчило вас? Я печальна, очень печальна, слезы текут из глаз моих, и я никак не могу привыкнуть к нашей разлуке…»

Менялись времена, монархи, нравы. Последней просьбой, обращённой к новому царю Александру, стала воля умирающей: дочери к гробу её не подпускать. В полном одиночестве, в бедности и запустении, брошенная всеми, среди крыс, ставших единственными собеседницами, закончила свою жизнь некогда известная всей Европе образованнейшая женщина своего времени.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

(ок. 1745—1775)

Выдавала себя в Париже за дочь императрицы Елизаветы Петровны, объявила себя претенденткой на русский престол. Была арестована в Италии и доставлена в Россию. В 1775 году заключена в Петропавловскую крепость, где умерла от туберкулёза. Предание о гибели княжны Таракановой во время наводнения не соответствует действительности.

Иногда бывает трудно понять, почему то или иное имя неожиданно прочно закрепляется в истории. Можно написать тома с объяснениями причин, можно искать научную подоплёку этому явлению, но тем не менее в подобном феномене популярности всегда скрывается какая-то тайна.

Авантюристка, о которой пойдёт речь, не изменила ход истории, не вмешалась существенно в политические события, не повлияла на общественное мнение, ничего значительного не создала в искусстве, и всё-таки её личность продолжает волновать умы новых поколений. Сколько книг написано о Таракановой, сколько исследований, сколько споров. А, собственно, о ком? Можно сказать, о колоссе на глиняных ногах.

Самое интересное в этой биографии — её запутанность. Никто так и не узнал правды — ни любовники авантюристки, ни следователи Екатерины II, ни придирчивые исследователи. Думается, что сама княжна Тараканова слишком мало знала о своём происхождении, чтобы что-то скрывать.

Эта нервная, экзальтированная и в своём возбуждении прекрасная особа впервые привлекла к себе внимание общества в 1772 году. Точный возраст её, по-видимому, тоже никто не знал. Сама она говорила, что ей 23 года, по некоторым документам, которые, наверное, были изготовлены лично их обладательницей, ей было 30. Да и современники имели разные мнения на этот счёт. Все, конечно, зависело от того, в каком состоянии они заставали нашу героиню, ведь женщине, как известно, столько лет, на сколько она выглядит. Теперь мы можем с определённостью сказать только, что княжне Таракановой было от 20 до 30 лет.

Подлинного имени авантюристки также установить не удалось, что, конечно, весьма удивительно, зная традиционную всесильность российского сыска и желание Екатерины докопаться до истины. Наша героиня именовала себя госпожой Франк, она же — Шолл, она же — Али Эметти, она же — княжна Волдомир с

Кавказа, она же — Азовская принцесса, она же — графиня Пиннеберг и, наконец, — царица Елизавета. Только имя, с которым авантюристка вошла в историю, по курьёзу человеческой судьбы, ею самой никогда не использовалось. Его нашей героине приписали исследователи, якобы исходя из того, что у потомков подлинной Елизаветы Петровны и графа Разумовского была фамилия Таракановы. Но как и настоящая жизнь авантюристки была соткана из недоразумений и случайностей, так и само её имя привязалось к ней весьма случайно.

Сказка, сочинённая княжной Таракановой, больше подходила для женских романов конца XVIII века. Наша героиня будто бы не знала своих родителей, но крещена была по православному обряду, будто бы девяти лет от роду её привезли в Петербург. Это случилось как раз в 1761 году, когда умерла Елизавета Петровна. Отсюда будто бы она попала к одинокой старушке, которая жила в полном забвении, осуждённая на поселение и отрезанная от мира уже два десятка лет. Девочка постоянно хворала, как она якобы впоследствии поняла, от отравы, которую ей постоянно сыпали в пищу. Бедная сиротка жаловалась старушонке, вопрошая, что же стало причиной такой её горькой участи. На что та шептала об особой роли Петра III в судьбе девочки. Наконец настала минута освобождения. Нянька переманила на свою сторону татарина из ближайшего села, сговорилась с ним, и вот ночью они втроём бежали. Они пробирались среди непроходимых лесов и пустырей, пока, обессиленные, не попали под покровительство богатого перса Гамета, в доме которого, конечно, находился в это время наследник шаха Али и которого, конечно, разжалобила судьба несовершеннолетней изгнанницы. Наша героиня, безусловно, стала сказочно богата. И при дворе персидского шаха с ней обращались как с наследницей великого престола, а потом она, конечно, случайно узнала, что является дочерью царицы Елизаветы и графа Разумовского.

Историки спорят, кто придумал эту биографию, кому впервые в голову пришли идеи выдать авантюристку за дочь Елизаветы. Дело в том, что сама по себе самозванка была выдающейся только в смысле безудержной фантазии по части прожигания собственной жизни в сплошных удовольствиях. Политика же, карьера её не интересовали, да и сил внутренних на такое дело, видать, было маловато.

Одно её занимало до чрезвычайности — деньги. Ради них она легко шла на любой подлог. По-видимому, княжна Тараканова придумала себе «русскую» историю, наслушавшись рассказов о Пугачёве. Как раз в это время из далёкой страны приходили интригующие известия о том, что в России неизвестный

бунтовщик объявил себя Петром III, а наша героиня была расположена получать средства у доверчивых кредиторов путём красивых обманов. Неизвестной бродяжке вряд ли кто ссудит порядочную сумму, а наследнице престола — весьма вероятно.

Интересно, что как раз накануне таракановской авантюры из Бельгии была выслана самозванка, которая выдавала себя за дочку императора Франциска I и жила в роскоши до тех пор, пока её не потребовала к себе императрица, разоблачившая обман. Приёмы подлога были слишком похожи на поступки нашей героини. Возможно, что очередной блеф с русским престолом увенчался бы ещё одним позорным разоблачением и очередным изгнанием из очередной страны, но «бог шельму метит», и несчастная стала игрушкой в руках польских конфедератов — непримиримых врагов Екатерины. Княжна Тараканова имела нескольких любовников в среде польских эмигрантов и удачно использовала их деньги, однако и сама попалась в ловушку политической игры. Вряд ли она задумывалась о последствиях, просто страстно любила сам процесс авантюры и охотно подхватила предложения своих покровителей.

С того момента, когда был заключён негласный союз претендентки на русский престол с польскими конфедератами, Тараканова начала действовать.

24 августа 1774 года она написала письмо турецкому султану, прося его покровительства и пытаясь использовать территориальные споры России и Турции. В этом послании она привела мотивы, которые замедлили её появление в обществе — тюрьмы в Сибири, отрава, ряд несчастий, уже известных и часто повторяемых авантюристкой. В письме она упомянула и Пугачёва, назвав его своим братом. По странному стечению обстоятельств именно в этот день «брат» потерпел решающее поражение под Царицыном и выкопал тем самым могилу своему предприятию. Но княжна Тараканова ещё не знала всего, и к воззванию она приложила покорную просьбу — помочь ей поскорее встретиться с Пугачёвым, который, по её словам, тоже был сыном Елизаветы.

Затем наша героиня вместе с подстрекателями прибыла в Венецию, якобы для того, чтобы здесь ожидать турецких паспортов, разрешавших отправиться за Балканы. Польские «друзья» княжны Таракановой устроили «высокородную» особу на жительство во французское посольство, и многочисленное общество, посещавшее дипломата, имело возможность наблюдать, какие царские почести оказываются претендентке на русский престол. Надо сказать, что иностранные политики не имели желания вмешиваться в династические распри далёкой страны, но на всякий случай некоторые выслушивали велеречивую, нервную

женщину, облегчённо вздыхая, когда она, получив небольшую сумму денег, покидала дом.

Письма турецкому султану благодаря хорошо поставленному сыску Екатерины до адресата не дошли, но княжна Тараканова об этом не знала и продолжала составлять разнообразные подложные документы. Авантюристка вошла во вкус и сочинила завещание придуманной матери, которое она показывала при первом удобном случае. Она бомбардировала своими претензиями на трон русского посла во Франции Панина. Иногда кажется, что княжна Тараканова действительно поверила, что она дочь царицы Елизаветы, и это и погубило её.

На её беду на рейде в Ливорно стояли корабли русского адмирала Алексея Орлова, который к тому же находился в опале у Екатерины II. Княжна Тараканова, словно лягушка в пасть удаву, сунулась к Орлову с копиями завещаний мамаши и письмами. На этот раз она страстно просила графа определиться в своём отношении к обстоятельствам и решить, сможет ли он поддержать претендентку. Между прочим, наша героиня сообщила Орлову, почему завещание матери составлено в её пользу, а не в пользу Пугачёва. «Слишком длинны мотивы, чтобы их изложить на бумаге, — доверительно писала она, — достаточно с него (имелся в виду „брат“) командования над людьми, которые всегда были привязаны к своим владыкам и владычицам».

Неизвестно, чем бы закончилась эта история, не желай проштрафившийся подданный помириться с государыней. Возможно, Екатерина не скоро ещё обратила бы внимание на соперницу. Орлов же понял, что такой хороший шанс выслужиться, не особенно затрачиваясь, ему вряд ли ещё представится. Княжна Тараканова, конечно, полагала, что она по-женски неотразима, и получила лишнее тому подтверждение, когда в её постели оказался бывший любимчик Екатерины. Она искренне верила, что обманывает очередного мужчину, с помощью которого ей, возможно, удастся добиться успеха.

Утром 22 февраля 1775 года адмирал пригласил будущую императрицу вместе с её верными помощниками — конфедератами — взглянуть на манёвры русского флота. Княжна Тараканова была на вершине счастья. Гремели громкие салюты, в воздухе носилось богатырское «Ура!», гостью приветствовали как царицу. Женщина не заметила, как фаворит неожиданно растворился среди свиты. Через несколько минут авантюристка вместе с сообщниками была арестована. Несчастная любовница требовала встречи с Орловым, гневалась, доказывала своё царское происхождение, но корабль «Исидора», где заточили узницу, уже

взял курс на Россию, а адмирал на всякий случай отделался формальным письмом, из которого княжна Тараканова наконец-то поняла, в какую ловушку попала.

Следствие, учинённое по распоряжению государыни, вскоре зашло в тупик. Екатерина понимала, что история с авантюристкой не стоит её сил и времени, но её раздражало упорство злоумышленницы. Она приказала отпустить женщину, если та откроет тайну своего происхождения. Однако наша героиня была столь напугана и растеряна, что так и не смогла понять, в чём её спасение. Княжна рассказывала сказки, сочинённые ею на воле, только теперь трактуя их как вовсе невинные забавы, при которых она никогда не претендовала на престол, а наоборот, стыдила всякого, кто осмеливался подталкивать её к каким-либо претензиям. К тому же авантюристка была уже смертельно больна и не отдавала отчёт своим действиям. Она умерла в одной из камер Петропавловской крепости от чахотки, так и не открыв тайну своего происхождения. Вполне можно допустить, что она и сама её не знала.

А слухи пошли гулять по свету. Особенно прочно в сознание обывателя вошла жалостливая история о том, что прекрасная женщина погибла, забытая в камере во время сильного наводнения. Екатерина, как видно, понимала главную опасность и не зря старалась получить признание: отсутствие точных сведений создало легенду, и до сих пор судят и рядят о незаконных детях русского престола — Таракановых, а авантюристка, которая и по-русски не знала ни слова, стала символической жертвой династических распрей и несчастной, коварно обманутой женщиной.

МАТИЛЬДА ДАТСКАЯ

(1751—1775)

Английская принцесса, выданная в 1766 году замуж за датского короля Христиана VII. Находилась у власти и фактически управляла страной с помощью фаворита Фридриха Струензее до 1772 года. Силой была разведена с мужем и покинула Данию.

В XVIII веке эта женщина была необыкновенно популярна. По-видимому, любая эпоха нуждается в страдалицах, которых жалеют, вздыхают об их загубленных жизнях, с горечью обвиняют злую их судьбу и доставшихся им дурных мужчин. Вот такой «невезучей» молва окрестила сестру английского короля Георга III — принцессу Каролину-Матильду. Конечно, несчастная женщина обладала всеми мыслимыми и немыслимыми добродетелями: она была красива, умна и непорочна.

Поздней осенью 1766 года Матильда, просватанная за датского короля Христиана, прибыла в Копенгаген. Интересно, что подчас даже детали её судьбы, словно нарочно, соединяются по железным канонам сентиментального жанра. Матильду, как и положено, у трона ожидала самая настоящая «злодейка». Дело в том, что отец Христиана, Фридрих V, был женат дважды. И мачеха Юлиания тайно ненавидела своего пасынка, который в ущерб её родному сыну должен был наследовать престол. Ещё больше вдовствующая королева возненавидела молодую невестку. За ней было будущее, а Юлиания вместе с сыном вынуждена была прозябать вдали от Копенгагена, вдали от двора, вдали от власти в замке Фриденсбурга.

Надо сказать, что Христиан, семнадцатилетний юноша, став королём, предался самым разнузданным забавам и женитьба была воспринята им как ничего не значащий политический эпизод. Он всерьёз считал, что между мужем и женой не может быть любви, и больше интересовался метрессами, чем хорошенькой Матильдой, которая, конечно же, стоически выдерживала испытание. Правда, пятнадцатилетней королеве удалось стать матерью наследника, чем её роль при дворе надолго ограничилась и чем она возбудила совсем уж лютую ненависть мачехи Юлиании.

Не прошло и года после рождения кронпринца Фридриха, как придворные датского королевства стали замечать странности в поведении Христиана. Его то и дело посещали приступы меланхолии и апатии, или, наоборот, он предавался буйной радости. Иногда король во время трапезы вскакивал из-за стола с

тем, чтобы помешать кому-нибудь принимать пищу. Бедная Матильда, видя болезненность нервной системы мужа, придумала чисто английский выход, решив, что путешествие отвлечёт Христиана и поправит своими впечатлениями его рассудок. Но ничего уже не смогло спасти царствующую особу от слабоумия.

Вернувшись из путешествия, во время которого брат Матильды, желая выказать родственнику своё уважение, присвоил сходившему с ума Христиану степень доктора права Оксфордского университета, король недолго пребывал в спокойном расположении духа. Вскоре из его покоев послышался звон разбиваемого оконного стекла, а из дверей полетели осколки дорогих фарфоровых ваз и головы от мифологических статуй. Христиан развлекался вместе со своими слугами — приставленными к нему мальчиком-нефом и чернокожей девочкой.

Король Дании, без сомнения, потерял способность править государством, однако он формально всё-таки оставался носителем верховной власти. Королева, воспитанная при английском дворе, не замедлила воспользоваться предоставившейся возможностью. Она обладала достаточной силой и умом, чтобы стать во главе страны. Её, правда, пугало одиночество и постоянное ощущение, что она «чужая» при датском дворе. И королева начала искать себе друзей среди вельмож.

И такой «сердечный» товарищ нашёлся. Им оказался лейб-врач короля Фридрих Струензее. Матильда долго присматривалась к нему, и он не замедлил воспользоваться интересом королевы. Их отношения вначале стали доверительно-дружескими, а когда Струензее, обратившись к новейшим открытиям в медицинской науке, удачно привил кронпринцу оспу, сердце матери было совершенно покорено. Расположение королевы выразилось в назначении лейб-врача главным руководителем воспитания наследника, а затем он получил должность секретаря Матильды. Из кабинета королевы уже было недалеко и до её спальни.

Современники недоумевали, чем мог надменный, сухой Струензее покорить красавицу. Английский посланник в депеше к своему правительству сообщал: «Струензее вовсе не обнаруживает любезности и привлекательности, которыми другие создают себе блестящую карьеру. Его манеры обращения неприятны, и все весьма удивлены, почему он мог приобрести такое безграничное влияние на короля и королеву». Далее посланник приписывает фавориту кое-какие познания, но не признает в нём государственных способностей. Единственное, чем обладал

Струензее, было огромное самомнение, переходящее порой в наглость. Возможно, этот напор и покорил бедную женщину.

Справедливость требует сказать, что Матильда со своим любовником составили достаточно удачный государственный тандем. Они вели мудрую, умеренную политику, которая способствовала подъёму экономики страны и авторитету Дании на международной арене. Однако увлечённые модными в то время идеями просветителей они решили провести реформы. Но призванием реформаторов обладают лишь немногие счастливцы, другим же не следует рисковать карьерой, а подчас и своей головой. Матильда бросилась в перемены, как в омут с головой, и нажила многих противников, которые уже давно косились на её фаворита, но пока королева никого не трогала, её власть казалась достаточно прочной. Струензее распустил государственный совет и заставил безумного Христиана издать указ, где подпись фаворита уравнивалась с подписью короля.

Пока Матильда устраивала личную жизнь, во Фриденсбурге затаилась, как рысь в засаде, коварная Юлиания. Эта женщина начала спешно действовать, как только поняла, что фортуна даёт ей шанс. Любовники совершенно потеряли бдительность и осторожность, поддавшись чувствам и уверовав в лёгкость достижения цели. С каждым днём они все быстрее сокращали путь к ловушке.

Спешные реформы вызвали недовольство не только знати, но и черни. Брожение выразилось повсеместно во вспыхивающих бунтах солдат и матросов. В центре заговора оказалась вдовствующая королева Юлиания. Не нужно было особенной мудрости, чтобы организовать придворный переворот при безумном короле. Положение нашей героини усугубилось ещё и тем, что она не очень хорошо разбиралась в людях. Один из высокопоставленных чиновников — Ранцау, живший какое-то время в России и принимавший, кстати, участие в перевороте на стороне Екатерины II, колебался, чью сторону — Юлиании или Матильды — ему принять. Наконец, он решился предупредить любовников об опасности в надежде, что ему удастся добиться некоторых привилегий для дворянства. На приёме у Струензее к Ранцау отнеслись пренебрежительно, и граф в бешенстве ускакал во Фриденсбург.

Вечером 16 января 1772 года в залах Копенгагенского королевского дворца гремела музыка. Красавица Матильда весело танцевала с сыном Юлиании — Фридрихом, не подозревая о нависшей над ней угрозе. В час пополуночи бал кончился и королевское семейство направилось в свои покои. Воцарилась полная тишина.

Катастрофа разразилась спустя час. Юлиания, её сын и Ранцау направились в апартаменты Христиана. Разбудив идиота, они у постели короля разыграли сцену, как хорошие актёры.

«В городе мятеж! — кричали вошедшие. — Народ требует суда над королевой и Струензее!»

Король от испуга протягивал руки к Юлиании и просил совета. Спешно подсунули ему заготовленные бумаги, но последний проблеск сознания остановил руку Христиана: он увидел имя своей жены и отказался подписывать листы. Только угрозы заставили его сдаться. У спальни Струензее уже ждали в полной боевой готовности военные заговорщики. Фаворит сопротивления не оказал, у него даже не хватило сообразительности потребовать собственной подписи на свой же арест, ибо эдикт о наделении Струензее особыми полномочиями ещё никто не отменял. Зато королева вела себя по-королевски, можно сказать, она оказалась единственным «мужчиной» среди своих сотоварищей. Она отчаянно физически дралась с пришедшими её арестовывать и требовала свидания с королём.

За победой последовало мщение жестокой Юлиании. К счастью, Матильду охраняло её родство с английским королём, и как бы соперница ни жаждала её крови, она не могла дотянуться до её головы. Единственное, что оставалось Юлиании для торжества — позор Матильды. И вдовствующая королева приложила все усилия, чтобы покрыть поношениями имя настоящей королевы. От Струензее под пытками выбили признание в любовной связи с Матильдой, но этого оказалось мало для разоблачения. Необходимо было получить подтверждение грехопадения от самой королевы. Следователи пошли на подлог, играя на жалости и привязанности Матильды. Ей объяснили, что признание королевой Струензее своим любовником спасёт последнему жизнь. Матильда колебалась недолго, она поступила как настоящая женщина. Не слишком веря обещаниям палачей, она всё-таки решила использовать даже такой шаткий шанс для помощи Струензее. Конечно же, её вероломно обманули, приговорив бывшего фаворита и его друга к страшной казни с отрублением сначала правой руки, а уж потом с отсечением головы.

Матильду, разведённую за неверность королеву, поначалу решено было оставить в Дании, чтобы она «не выносила сор из избы», но женщина воспротивилась, и благодаря усилиям брата Георга ей разрешили уехать в Германию. Здесь её, поруганную и измученную после заключения, встретили с восторгом, как мученицу жестокого рока и недостойных мужчин. Она умерла в совсем ещё юном возрасте от горя и тоски. Так завершилась

датская придворная трагедия.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

(1755—1793)

Французская королева, жена (с 1770 года) Людовика XVI. Дочь австрийского императора. Казнена в годы Великой французской революции.

Жертвы бессмысленной человеческой жестокости в истории надолго остаются в памяти людей, словно постоянно напоминая нам о собственном неразумии и несовершенстве. Конечно, в поведении Марии-Антуанетты можно найти промахи, которые якобы привели её к гильотине, но они кажутся вовсе несущественными перед роковыми обстоятельствами истории Франции, страны, где молоденькой австрийской принцессе выпало принять корону.

Мария-Антуанетта была младшей дочерью императрицы Марии-Терезии и Франца I, правителей Священной Римской империи. Когда девочке исполнилось десять лет, её отец умер, оставив жене империю и восьмерых детей. Мария-Терезия оказалась весьма деловой женщиной, она не только отлично управляла государством, но и устроила своим отпрыскам удачное будущее. Самую блестящую партию австрийская императрица уготовила младшей дочери. Мария-Антуанетта была помолвлена с наследником Франции — Людовиком.

Девочку старались воспитывать как будущую королеву. Она ни в чём не знала отказа, училась повелевать и чувствовала себя уверенной среди тысяч направленных на неё глаз. Вместе с тем по характеру Мария-Антуанетта росла беззаботной, весёлой хохотушкой, не слишком привлекательной, зато очень лёгкой в общении, с живым ярким темпераментом. Поскольку девочка была младшей, то её, конечно, баловали. Когда Мария-Антуанетта собралась отправиться во Францию, её, пятнадцатилетнюю, поддерживала неизменная убеждённость, что благодаря своему очарованию она всегда сможет добиться того, что ей нужно.

Итак, одетая в атласные одежды, украшенная драгоценностями невеста покинула отчий дом, чтобы больше уже никогда туда не возвратиться. При прощании мать подарила девушке маленькие золотые часики, которые навсегда остались талисманом Марии-Антуанетты. На границе невесту встречал великолепный свадебный поезд во главе с дедом принца, здравствующим королём — Людовиком XV. Последний, слывший большим знатоком по части слабого пола, остался доволен

собственным выбором для внука. Принцесса была само очарование, и она, несомненно, придётся ко французскому двору. Но жених Людовик несколько разочаровал Марию-Антуанетту. Неуклюжий малый, глуповатый юноша больше всего в жизни интересовался хорошей едой, однако не отказываться же теперь от французского престола, тем более что жених благоговел перед принцессой. Пройдут годы, но Людовик будет так же восхищаться женой, как в тот первый день их знакомства.

Свадьба состоялась 16 мая 1770 года. Украшенный кортеж следовал по улицам Парижа, восторженная толпа горожан кричала здравицы счастливой невесте. Каждая из девушек хотела бы оказаться на её месте. Но грандиозный фейерверк закончился печально: началось настоящее столпотворение — люди бросились к бесплатным угощениям, в давке многие погибли. Когда мёртвые тела отвозили для опознания, по городу поползли зловещие слухи, что кровавое предзнаменование не принесёт счастья молодым.

Но, несмотря на трагедию, первые годы жизни Марии-Антуанетты в Версальском дворце мало чем отличались от счастливых праздников детства. Людовик не желал принимать участия в светской жизни, потея и краснея при виде обожаемой жены. Принцесса, не особенно печалясь, собрала подходящий для себя кружок молодых людей, которые обожали проводить ночи напролёт в развлечениях. Они играли в карты, танцевали, высмеивали наследника. Особенно шутникам нравилось переводить стрелки часов во дворце, создавая тем самым неразбериху.

В 1774 году Людовик XV умер от оспы. Молодая чета получила всю полноту власти, однако это мало изменило их образ жизни. Новый король по-прежнему много ел, по вечерам засыпал в кресле и записывал в дневнике: «Сегодня ничего не случилось», а Мария-Антуанетта продолжала поражать парижан своим экстравагантным поведением. Она поменяла свой образ и из разукрашенной дамы превратилась в деревенскую простушку. Новый облик королевы гармонировал с небольшим дворцом загородного типа — Малым Трианоном, где жила королевская чета. Женщины сходили с ума от новой моды, введённой Марией-Антуанеттой, давая прекрасные заработки парикмахерам и портным. Мало кто понимал, что соломенная шляпка королевы стоит дороже целого дома рядового горожанина.

В двадцать три года Мария-Антуанетта впервые стала матерью, и за шесть последующих лет она родила ещё четверых детей, из которых выжили только двое: Мария-Терезия и дофин Людовик. Королева обожала своих малышек, но за

государственными делами и развлечениями у неё мало оставалось времени для детей. Впрочем, сами государственные дела составляли подготовку к развлечениям. Королева жила для удовольствий и не скрывала этого. Она тратила королевскую казну на друзей, наряды, выезды и балы. Король, человек смирный и терпеливый, мирился с любыми капризами жены, и когда советники стали настаивать на сокращении «карманных денег» королевы, то Мария-Антуанетта добилась их увольнения.

Пока королевская чета спокойно существовала в своём уютном мирке, в стране назревали катастрофические события. Историки находят множество причин, ведущих к социальным потрясениям. Мы не будем описывать нищету простых французов или философские мотивы свободомыслящих, не станем осуждать легкомыслие правящих классов. Скажем только, что Людовик XVI на просьбы снизить налоги отказался даже слушать предложения, назвав их «безумными». Естественно, злоба народа обрушилась на «эту иностранку», все, прежнее преклонение толпы словно переплавилось в ненависть. Теперь вместо восхищённого шёпота девушек на улице то и дело слышались грубые анекдоты про королеву: будто однажды Марии-Антуанетте доложили, что рядовым французам нечего есть — нет хлеба. На что королева ответила: «Так пусть едят торты и пирожные».

Мария-Антуанетта считала, что у неё есть природное право не обращать внимания на недовольство сограждан. Она сохраняла легкомысленное спокойствие, уверенная, что все это пройдёт. Но катастрофа всё-таки разразилась. 14 июля 1789 года весь мир содрогнулся от кровавых бесчинств в Париже — беспечной «столице мира». Неизвестно, чем руководствовалась королева — привязанностью к мужу, долгом, прежней самоуверенностью, но, имея возможность спастись бегством, она предпочла остаться с королём, хотя все приближённые покинули венценосных пленников. 5 октября разъярённая парижская чернь ворвалась в Версаль, и на следующий день королевская семья была привезена под арестом во дворец Тюильри.

Почти два года провели здесь в заточении Людовик и его семья. Вначале с ними обращались лояльно: дети жили с родителями и, наконец, королева получила возможность проводить с ними большую часть времени. 20 июня 1791 года королевская чета предприняла отчаянную попытку спастись бегством, но она закончилась неудачей, что и подтолкнуло революционеров заняться участью арестованных безотлагательно.

Они были переведены в мрачное здание в центре Парижа. Людовик XVI все никак не мог поверить, что подданные могут лишить его трона, и упорно отказывался выполнить требования

революционеров. В январе 1793 года начался судебный процесс, который привёл короля в недоумение: по приговору его лишали не трона — жизни. Перед смертью Людовик провёл последние два часа с семьёй, получив столько любви от жены, сколько никогда он не видел раньше. Мария-Антуанетта провела ночь без сна, следя по материнским золотым часикам, как время отстукивает последние минуты их царствования. Когда утром над Парижем поплыл звон колоколов, королева поняла, что её мужа больше нет.

После казни Мария-Антуанетта ещё какое-то время продолжала прежнее существование, но однажды ночью к ней пришли трое мужчин, чтобы увести сына. Королева бросилась к ребёнку с криком, что она не отдаст Людовика, пусть лучше сначала убьют её, но насильники были неумолимы. Через несколько дней Марию-Антуанетту перевели в тюрьму Консьержери. В маленькой сырой камере её ни на минуту не оставляли одну, даже во время утреннего и вечернего туалета, у неё отобрали все вещи, в том числе маленькие золотые часики — её талисман. Кое-как удалось отвоевать гребешок и пудру.

И потекли последние унылые дни в тюрьме. Мария-Антуанетта попросила иголки и нитки, чтобы занять себя вышиванием, но и в этой просьбе ей было отказано. Тогда она надёргала ниток из обтрёпанных занавесок, висевших в камере, и плела что-то вроде сетки. Однако дух её был не до конца сломлен, королеве удавалось вести переписку с французскими эмигрантами, она попыталась подкупить стражу и бежать из тюрьмы. Конвент и Комитет общественного спасения использовали членов королевской семьи как разменную карту, чтобы ликвидировать опасность интервенции — всё-таки Мария-Антуанетта была иностранкой. Некоторое время велись переговоры, но под давлением общественного мнения 16 октября 1793 года суд вынес смертный приговор королеве.

В день казни Мария-Антуанетта поднялась очень рано, часов не было, так что она не могла следить за временем. С помощью служанки королева надела белое платье. Охрана следила за каждым её шагом, и, наконец, осуждённая воскликнула: «Во имя Господа и приличия, прошу вас, оставьте меня хотя бы на минуту!» Вошедший в камеру палач отстриг роскошные волосы Марии-Антуанетты: это был его трофей. Её посадили в грязную телегу и повезли по улицам Парижа. Толпа грозно и оскорбительно улюлюкала ей вслед.

Гильотина находилась неподалёку от дворца Тюильри, на площади Революции. Когда Марию-Антуанетту подвели к плахе, она неосторожно наступила на ногу палачу.

«Простите меня, мсье, я не нарочно».
Это были последние слова французской королевы.

ЛУИЗА ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ

(1766—1817)

Французская писательница. Автор романов «Дельфина» (1802) и «Коринна, или Италия!» (1807), книг «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800), «О Германии» (1810).

До Жермены де Сталь ни одна женщина не сыграла такой роли в истории, какая выпала ей. Она не была королевой, императрицей, властвовавшей над людьми в силу наследственного права. Она добилась более высокого почёта — стала властительницей дум целого поколения, пережившего Великую французскую революцию. Жермена де Сталь подготовила почву для романтического бунта во Франции, её сочинения знаменуют собой переходную ступень от Просвещения к романтизму. Трудно найти женщину, которая в начале XIX века была бы столь известна в Европе и произведения которой считали бы своим долгом изучить самые достойные мужи. Высоко ценили дарование де Сталь Гёте, Шиллер, Шамиссо, братья Шлегели. Байрон, скептически относившийся к «учёным женщинам», для неё делал исключение. «Это выдающаяся женщина, — писал он в своём дневнике, — она совершила в умственной области больше, чем все остальные женщины, взятые вместе, ей бы родиться мужчиной». Ну а Онегин, мучимый жестокой хандрой и перечитывавший по сему поводу всё, что стояло на книжной полке образованного человека его времени, конечно, не мог пропустить труды французской писательницы.

Прочёл он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочёл скептического Беля,
Прочёл творенья Фонтенеля…

Согласитесь, что уже одно такое «звёздное» соседство по книжной полке говорит о нашей героине больше, чем любой панегирик. Однако, говоря о де Сталь как о писательнице, часто забывают, что она скорее была наделена не литературными дарованиями, а блестящим образованием и живым разносторонним умом. Она сочиняла пьесы, романы, но более успешным поприщем её деятельности стали политические

памфлеты, теоретические работы по эстетике, в которых Жермена де Сталь высказывала возмущавшие общественность мысли. Она оставила один из первых исторических трудов о своём времени — «Рассмотрение основных событий Французской революции», изданный посмертно в 1818 году.

Но талант Жермены проявился и ещё в одной, теперь совершенно исчезнувшей сфере. Швейцарский банкир Неккер, её отец, считался великим знатоком финансов. Людовик XVI трижды призывал его на пост министра, чтобы спасти экономику Франции от развала. По своему общественному положению супруги Неккер обязаны были жить открыто, держать, как тогда говорилось, салон, куда съезжались местные знаменитости. В начале восьмидесятых, когда швейцарец поселился в Париже впервые, завсегдатаи салона обращали внимание на постоянно присутствовавшую на собраниях девочку-подростка, с необыкновенно подвижным лицом и бойкими, умными глазами — дочку хозяина. И если позже Жермена прославилась своими салонными приёмами, то в этом нет ничего удивительного — с юных лет она спешила по вечерам занять «законное» место на табурете возле кресла матери и, едва начинались прения, — вся обращалась в слух. Ей, конечно, ещё не разрешалось «раскрывать» рта, но зато никто не мог запретить Жермене слушать, открыв рот. Казалось, её одинаково интересовали любые вопросы, обсуждавшиеся в салоне — политика, религия, литература. Но настоящим блаженством для Жермены становились беседы наедине с отцом. Когда в 1781 году министр Неккер издал свой знаменитый финансовый отчёт, пятнадцатилетняя дочь написала ему анонимное письмо, в котором высказала свои замечания по этой работе.

Как многие образованные молодые люди того времени, Жермена увлекалась Руссо. Сейчас трудно представить, отчего столько волнений пережили читатели «Юлии, или Новой Элоизы», столько слез пролили над историей любви интеллигентного плебея Сен-Пре к замужней Юлии, чей супруг Вольмир милостиво разрешал им общаться, уверенный в добродетели жены. Жермена тоже попала в число растроганных почитательниц Руссо. Однако она не принадлежала к тем, кто просто сочувствует переживаниям героев. «Общественный договор», проповедуемый Руссо, стал для Жермены политической Библией. Девушка имела слишком мощный аналитический ум, чтобы увидеть в «Новой Элоизе» только любовную историю. Руссо стимулировал мысль юной Жермены. В двадцать два года она написала «Рассуждения о сочинениях и характере Ж.-Ж. Руссо», проявив удивительную самостоятельность суждений.

Однако не следует думать, будто наша героиня, великолепно владея логикой, по-мужски умея облечь свои мысли в чёткие фразы, представляла собой тип сухой, рациональной женщины. Напротив, многие современники отмечали чрезмерную страстность её натуры, несдержанность и, если так позволено будет сказать, даже невоспитанность. Особа, хлопотавшая о заключении брака шведского посланника Эрика Магнуса де Сталя Гольстейна с богатой наследницей швейцарского банкира — девицей Неккер, писала после помолвки молодых королю Густаву III: «Я от души желаю, чтобы Сталь был счастлив, но, по правде сказать, плохо верю в это. Правда, его жена воспитана в правилах чести и добродетели, но она совершенно незнакома со светом и его приличиями, и притом такого высокого мнения о своём уме, что её трудно будет убедить в её недостатках. Она властолюбива и решительна в своих суждениях; она так уверена в себе, как ни одна женщина в её возрасте и положении. Она судит обо всём вкривь и вкось, и хотя ей нельзя отказать в уме, но тем не менее из двадцати пяти высказанных ею суждений разве только одно бывает вполне уместным. Посланник не дерзает делать ей какое бы то ни было замечание из боязни оттолкнуть её от себя на первых порах». Что ж, если супружество господина де Сталя омрачалось бестактностью и неосторожностью его пылкой жены, не придававшей большого значения светским приличиям, то замужество сделало Жермену по-настоящему несчастной.

Обременённый долгами, изрядно потрёпанный светский фат, женившийся ради приданого, Эрик де Сталь во всех отношениях «не дотягивал» до своей второй половины. Поэтические мечты молодой девушки, которые она проповедовала в своих трактатах — о слиянии в супружестве двух жизней в одну — рассыпались в прах. Единственное дитя их союза, Густавина, не дожила и до двух лет. Желая укрыться от разочарований, Жермена с ещё большим рвением предалась литературным занятиям и, по примеру своих родителей, открыла салон, в котором, будто переданные по наследству, собирались бывшие гости её матери. По рассказам современников, молодая хозяйка очаровывала собеседников блестящим красноречием, умением импровизировать и удивительным даром будить мысль. «Если бы я была королевой, — сказала одна из её почитательниц, — я бы заставила её всегда говорить со мной».

Революцию 1789 года де Сталь встретила с энтузиазмом. Оппозиционно настроенный к Людовику XVI салон восторженно приветствовал падение Бастилии. К тому же отец Жермены, которого она по-прежнему боготворила, дважды увольнявшийся королём в отставку, новой властью был призван к

государственной деятельности. Жермена поначалу принимала активное участие в революционных событиях, однако неограниченный террор заставил её перейти от «наступления» к «затяжной обороне». Лишь положение жены шведского посланника помогло де Сталь спасти многих своих друзей от гильотины. Однажды Жермена познакомилась с военным министром двора Людовика графом Нарбонном — блестящим кавалером и благородным рыцарем, словом, мужчиной её мечты. Романтическое бегство за границу, в котором деятельное участие принимала де Сталь, придало Нарбонну в её глазах ореол мученика. В конце концов, женщина последовала в Англию, где нашёл пристанище её возлюбленный, и, не очень-то считаясь с мнением света, не стала скрывать тесной дружбы с графом. Отношения с Нарбонном продолжались недолго, вскоре письмо мужа, в котором тот призывал неверную жену к семейному очагу, пробудило Жермену от романтических грёз. Правда, Жермена родила от графа Нарбонна двоих сыновей, которым она предусмотрительно оставила фамилию де Сталь.

Трудно сейчас сказать, как пережил граф потерю возлюбленной, но доподлинно известно, что время исцелило сердечную рану Жермены, и спустя два года они встретились в Париже как добрые знакомые, испытывая лишь лёгкие уколы самолюбия от взаимного равнодушия. Изменение политической ситуации позволило семье де Сталь вернуться во Францию. Первые победы молодого генерала Бонапарта восхищали Жермену. Она писала ему восторженные письма. Де Сталь одна из первых заметила, что Наполеон стремительно шёл к диктатуре, и не посчитала нужным скрывать собственные наблюдения. Свободомыслящая натура писательницы взяла верх над женской увлечённостью. И мстительный Бонапарт никогда не простил ей этого. К Жермене Наполеон испытывал прямо-таки патологическую ненависть!

«Он терпеть не мог знаменитую г-жу де Сталь ещё до того, как разгневался на неё за оппозиционное политическое умонастроение, и возненавидел её за излишний, по его мнению, для женщины политический интерес, за её претензии на эрудицию и глубокомыслие. Беспрекословное повиновение и подчинение его воле — вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала», — писал Е.В. Тарле в своей книге «Наполеон».

Однако нашлись мужчины, которые увидели в ней идеал. В 1794 году Жермена познакомилась с Бенжаменом Констаном, весьма заметным политическим и литературным деятелем того времени. В то время ей было около тридцати. Она не была

красавицей; черты лица её были слишком крупными. Главную её прелесть, по отзывам современников, составляли большие чёрные глаза, становившиеся необыкновенно выразительными, когда Жермена воодушевлялась разговором. Своим матово-бронзовым цветом лица, своими глазами она походила на турчанку, о чём, по-видимому, знала, и потому стремилась усилить сходство головным убором, похожим чем-то на восточный тюрбан. Констан же был поразительным красавцем. Своими пронзительными голубыми глазами, своими рассыпавшимися по плечам русыми кудрями и своим фантастическим плащом он представлял тип романтического мужчины, входившего тогда в моду, тем более что меланхолический, пресыщенный, усталый взгляд на окружающее довершал картину скучавшего, несколько демонического юноши, носившего на себе печать пережитой трагедии. На самом деле всё было совсем наоборот — настоящим «дьяволёнком» в их союзе стала Жермена. Волевая, энергичная, властная женщина покорила Констана. В дневнике он написал: «Я никогда не видел лучшей женщины, более грациозной, более преданной, но я не видел также женщины, которая предъявляла бы столь настойчивые требования, сама не замечая этого, которая до такой степени поглощала бы жизнь всех окружающих и которая при всех достоинствах обладала бы более деспотической личностью; все существование другого человека, минуты, часы, годы, должны быть в её распоряжении. И когда она отдаётся своей страсти, происходит катастрофа вроде гроз и землетрясений. Она — избалованное дитя, этим всё сказано»

Что ж, Жермена знала себе цену и не намерена была под кого-то подстраиваться. Конечно, любовь де Сталь и Бенжамена Констана достойна описания в серьёзном психологическом романе, но в жизни любовники немало «попили друг другу крови». Жермена настояла на фактическом разводе с прежним мужем, оставив себе лишь фамилию де Сталь, родила Констану дочку, но страстное чувство, продолжавшееся целое десятилетие, вылилось в результате в бесконечные нервные сцены. Даже когда они расставались, Жермена умудрялась смутить покой Бенжамена письмами. В дневнике Констан специально отмечал редкие дни, не ознаменованные выяснением отношений. Какими же сложными должны быть отношения, чтобы, не имея сил их прекратить, в конце концов воскликнуть: «Боже! Освободи нас друг от друга!».

Вероятно, читатель догадался о финале романа нашей героини. «На таких, как Жермена, не женятся». Действительно, Констан наконец, насытившись страстями, обручился с хорошенькой, простенькой немкой Шарлоттой. И… тотчас же

начал скучать по брошенной любовнице. Как истый донжуан, он терзал сердца обеих женщин — талантливой и умнейшей де Сталь и бесцветной, безвестной простушки.

Между тем конфликт Жермены с Наполеоном достиг апогея. В январе 1800 года Констан произнёс речь о рождавшейся тирании. Наполеон пришёл в бешенство, он не без основания считал де Сталь вдохновительницей этой речи. Писательнице было предложено покинуть Париж. В апреле 1800 года она ответила на этот приказ изданием книги «О литературе», в которой Бонапарт увидел прямой выпад против его власти.

Полное название этой работы «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» точно определяло её основную идею. Тяготея к солидным исследованиям, Жермена попыталась сделать обзор европейской письменности от Гомера до французской революции, объясняя характер литературы каждого народа условиями его общественной и политической жизни. Этот глобальный труд де Сталь положил начало культурно-историческому методу в истории литературы.

Первым художественным романом, принёсшим Жермене известность, стало произведение, навеянное сюжетами собственной борьбы за свободную любовь. Образ героини Дельфины, несчастной, даровитой женщины, перекликается с чертами характера самой писательницы. Де Сталь вообще мало полагалась на фантазию и предпочитала переносить на страницы своих творений самые животрепещущие проблемы времени. Оттого её романы чаще всего напоминали политические или социологические трактаты, манифесты против попрания человеческих прав. Они были напыщены и затянуты, но в них пульсировала столь напряжённая мысль, что не познакомиться с новыми произведениями мадам де Сталь считалось в просвещённой Европе неприличным.

Громкая слава ждала самый значительный роман писательницы «Коринна, или Италия». Узнаваемые перипетии её любовной драмы с Констаном перекликаются в книге с серьёзными обобщениями.

В 1811 году, устав от гонений, Жермена решила уехать в Америку. Однако новым планам помешала новая любовь. Будучи проездом в Швейцарии, де Сталь познакомилась с молодым и красивым французским офицером, который залечивал там раны, полученные в испанской войне. Жермена приняла горячее участие в судьбе страдальца, и, как следовало ожидать, к моменту выздоровления офицер уже не мыслил своего будущего без нашей героини. Правда, Жермена ни за что не желала «смешить народ»

и выходить замуж за человека, который был младше её лет на двадцать, поэтому она… согласилась на тайный брак.

После падения Наполеона де Сталь с триумфом возвратилась в Париж, где её ожидала напряжённая политическая жизнь. Писательница понимала, что возвращение Бурбонов на трон неприемлемо для Франции, поэтому со свойственным ей чутьём она сама выбирала претендента на власть. Однако победители Наполеона восстановили династию прежних королей. И всё же пятнадцать лет спустя, в 1830 году, претендент, которого поддерживала Жермена, стал королём Луи-Филиппом. Но случилось это уже после смерти де Сталь.

21 февраля 1817 года Жермена отправилась на приём, устроенный главным министром Людовика XVIII. Она упала, когда поднималась по ступеням. Произошло кровоизлияние в мозг. Жермена де Сталь скончалась в знаменательный день начала Великой французской революции — 14 июля.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА КОВАЛЁВА-ЖЕМЧУГОВА

(1768—1803)

Русская актриса, певица (сопрано). До 1798 года была крепостной. С 1779 года выступала в театре Шереметевых.

Многие биографы этой женщины сокрушаются по поводу несчастной судьбы бедной крепостной актрисы, сочувствуют её подневольному положению, делают её едва ли не символом страдальческой участи художника на Руси, забывая почему-то при этом, что Параша Жемчугова имела в своей жизни все — любимое дело, в котором была вознесена на пьедестал славы, любимого человека, который души в ней не чаял, и наконец — богатство и неограниченную власть над всеми, кто находился в неволе у её мужа. Жемчугова, безусловно, была талантлива, но сколько их прекрасных, гениальных русских актрис канули в Лету только потому, что в отличие от удачливой Параши не смогли обрести всесильного покровителя. Так что, если и считать Жемчугову символом, то скорее, почти чудесным — как может повезти женщине, от рождения имеющей только неплохие природные данные.

Фамилия Шереметевых принадлежала к числу самых богатых и знатных семей России. Её отпрыски сорили деньгами, роскошествовали и привыкли ни в чём себе не отказывать. Так что, когда дворянская среда после петровской эпохи заболела театроманией, граф Шереметев Пётр Борисович отдался новому увлечению с размахом хорошо обеспеченного человека.

Поначалу в доме графа устраивались любительские спектакли, в которых не стеснялись представлять роли самые знатные вельможи екатерининского двора. Так, посетившую Шереметева императрицу «угостили» постановкой с участием самого Петра Борисовича и его юного сына Николая. Вероятно, уже тогда молодой граф «заболел» театром.

Средств для оформления спектаклей не жалели. Представления своей роскошью не уступали дворцовым. Участники и особенно участницы их демонстрировали со сцены свои лучшие фамильные драгоценности. Как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», во время одного из спектаклей у Шереметевых на четырех великосветских любительницах «одних бриллиантов было на два миллиона рублей».

Постепенно лёгкое увлечение Мельпоменой переросло у

Шереметьева в подлинную страсть, и он занялся устройством домашнего театра в своём подмосковном имении Кусково. Но серьёзное дело требовало профессионального подхода, и прежде всего необходимы были настоящие, занимающиеся сценой не время от времени, а постоянно, актёры. Благо, Шереметев имел в собственности около тысячи крепостных душ. Им-то и предстояло решить проблему графского театра.

Восьми лет отроду была взята в барский дом Параша Ковалёва, живая востроглазая девочка с утончёнными не крестьянскими манерами.

Трудно сказать, по каким параметрам отбирали кандидатов для обучения актёрству, но Парашу почему-то сразу выделили и отдали на воспитание одинокой, скучавшей княгине Марфе Михайловне Долгорукой. Сытая барская жизнь после безрадостного раннего детства показалась Параше чуть ли не сказкой. Граф любил устраивать в великолепном кусковском парке, что называется, народные гуляния. Московская публика в назначенные дни валом валила в имение гостеприимного «креза старшего» — так называли в аристократических гостиных Петра Борисовича Шереметева.

В такие дни дворовых тоже звали в парк. Девушек и молодух обряжали в шёлковые русские сарафаны. Молодым мужикам и парням выдавали разноцветные кафтаны и персидские кушаки. Когда же господа и гости выходили после обеда на балкон — холопы должны были петь и плясать, дуть в рожки и играть на балалайках и деревянных ложках. Параше же разрешалось беззаботно бегать среди веселящихся и играть в пятнашки.

Пышные гуляния, роскошь обстановки не могли не впечатлять, не поражать воображение. Девочка с восторгом и завистью наблюдала за крепостными актрисами, мечтая о том дне, когда она в нарядном платье так же выйдет на сцену и будет петь арии. Надо сказать, что Параша получила в доме княгини Долгорукой прекрасное образование — она много читала, обучилась французскому, музицировала и овладела правилами этикета. Теперь её уже мало что связывало с бедным родительским домом, где «воевал» пьяница-отец.

Пока Параша подрастала и становилась настоящей барынькой, младший Шереметев набирался уму-разуму за границами. То, что он увидел во Франции, Голландии, посещение изысканных аристократических салонов, знакомство с трудами Монтескьё, Дидро, Руссо необычайно повлияло на мировоззрение молодого графа. Стоит только упомянуть, что его библиотека насчитывала более шестнадцати тысяч томов, причём значительную часть составляли книги о театре и музыке.

Четыре года, проведённые в путешествии, не прошли даром для Николая. Вернувшись домой и получив должность директора Московского банка, граф внимательно приглядывался к порядкам в Кусково. Театральные забавы отца показались молодому Шереметеву наивными, отставшими от времени. Он лично принялся за дело. Особенно много надежд возлагал Шереметев на «определённых к театру» детей, в них он видел будущее своей затеи.

Худенькая, с большими, немного испуганными глазами Параша Ковалёва вызвала у Николая восторг, смешанный с удивлением, «прекрасным даром органа». Её голос пленял необычайной глубиной и оригинальностью. Почувствовав в девочке сильное дарование, граф стал уделять ей все большее внимание: беседовал, играл на клавикордах, заставляя Парашу петь. Ему не терпелось скорее увидеть её на сцене, и потому он, не посмотрев на возраст, вскоре назначил одиннадцатилетнюю актрису на небольшую роль служанки Губерт в опере Гретри «Опыт дружбы».

22 июня 1779 года был, наверное, самым трудным днём в жизни Параши Ковалёвой. Она волновалась чрезмерно, выходя на сцену, но её благосклонно приняла публика, правда, не придав особенного значения появлению на сцене милого, обаятельного ребёнка. Зато граф Николай Петрович, по всей вероятности, был очень доволен дебютом Параши, потому что вскоре в опере итальянского композитора Саккини «Колония, или Новое селение» Шереметев поручил ей главную роль. Трудно себе сейчас представить, как двенадцатилетняя девочка справилась с ролью любящей и страдающей героини, но театральные хроники того времени говорят, что дебюту молодой актрисы сопутствовал огромный успех. Следует упомянуть, что именно тогда Параша впервые появилась в афише под новой фамилией Жемчугова. Шереметев решил заменить «мужицкие» фамилии своих актрис новыми, более благозвучными, по названиям драгоценных камней. Так появились на русской сцене Яхонтовы, Изумрудовы, Бирюзовы.

Настоящая жизнь крепостной актрисы началась с переселения Параши из ставшего уже родным дома княгини Долгорукой в специальный флигель, куда поселяли всех лицедеев шереметевского театра. Здесь ей назначили «верховую дачу», то есть питание с барского стола. День был расписан по часам и в основном заполнен репетициями и занятиями актёрским мастерством. Молодой граф явно предпочитал новую приму всем другим артисткам, и лучшие роли доставались ей, Параше Ковалёвой. Однако никаких интимных отношений между юной

актрисой и Шереметевым не замечалось. Его фавориткой долгое время была Анна Изумрудова.

Слухи о прекрасной игре Жемчуговой быстро распространялись среди любителей театра. Многие сокрушались, что не попали на то или иное представление. Молодой граф гордился своим детищем и вскоре решил строить новое здание театра.

Открытие его было приурочено к посещению подмосковного имения Шереметевых Екатериной II. 30 июня 1787 года императрица прибыла в Кусково. В программе увеселений центральное место отводилось театру. Екатерине II демонстрировалась лучшая постановка шереметевского театра — опера Гретри «Браки самнитян». Глубина новой, двадцатичетырехметровой сцены дала возможность широко развернуть эффектные массовые картины. Выписанные из Парижа театральные машины позволяли производить быстрые, почти бесшумные перемены. Все в новом театре выглядело не хуже, а может быть, даже и лучше, чем на придворной сцене Эрмитажа. Однако главное впечатление на великодержавную зрительницу произвела порывистая вдохновенная игра Параши Жемчуговой. Екатерина II пожаловала актрисе бриллиантовый перстень.

30 октября 1788 года умер старый граф Пётр Борисович Шереметев. Все его несметные богатства и более двухсот тысяч крестьян Перешли к сыну. На несколько месяцев Николай Петрович ударился в беспробудное пьянство и развлечения. Театр был заброшен, актёры томились неизвестностью своей судьбы и с тревогой наблюдали за вакханалиями барина. И нашёлся только один человек, который смог остановить графа. Это была Жемчугова. Вероятно, несмотря на свой нежный возраст, несмотря на многочисленных любовниц Шереметева, именно Параша имела неограниченное влияние на графа. Она почувствовала это не сразу, но когда тридцатисемилетний, сильный мужчина посмотрел впервые с детским преклонением и восторгом на свою крепостную, когда Параша увидела в его глазах одержимость любовным чувством, она поняла — судьба её определена навсегда.

Театр ожил. Хозяином его по-прежнему оставался Шереметев, но теперь ещё появилась и хозяйка — Прасковья Ивановна, как стали называть Парашу актёры и музыканты. Для Жемчуговой граф выстроил новый дом, значительно реконструировал театр. Казалось, жизнь нашей героини превратилась в рай. Однако радовала Парашу по-прежнему только работа. Впечатлительная, нервная, она не умела почивать на лаврах, её угнетало нестабильное, зависимое существование при графе. Любимый

души не чаял в своей Параше, не отходил от неё ни на шаг, но слухи о странной привязанности графа распространились уже далеко за пределы кусковской усадьбы. Родные, близкие да и просто знакомые Шереметевых судачили и рядили на все голоса. Параше эти голоса грозили мщением и ненавистью. Она боялась за себя, но ещё больше её сердце сжималось от страха за своего ненареченного мужа.

Для Шереметева и его возлюбленной «Кусково стало злобным». Убегая от пересудов и молвы, граф приказывает приготовить для их уютного гнёздышка имение в Останкино. Весной 1795 года Прасковья Ивановна с Николаем Петровичем, а вместе с ними и весь штат актёров, актрис, музыкантов, служителей сцены перебираются в новую усадьбу. Должно быть, эти дни были самыми счастливыми в жизни Жемчуговой. Ничто в Останкино не напоминало о подневольном положении крепостной актрисы, здесь она чувствовала себя полной хозяйкой, даже театр был построен специально для неё, Параши Жемчуговой. С большим успехом на новой сцене прошла героическая опера «Взятие Измаила», где вновь блистала несравненная Параша.

Однако счастье никогда не бывает долгим. Вскоре актриса тяжело заболела, у неё открылся туберкулёз. Она навсегда потеряла возможность петь и только самоотверженная забота графа помогла ей подняться на ноги. 15 декабря 1798 года, на фоне смертельной опасности, нависшей над жизнью любимой женщины, граф, наконец, решился дать вольную своей крепостной актрисе. Это событие вызвало новую волну толков. Вольную получила и вся семья Ковалёвых.

Много раз на шереметевской сцене шли сентиментальные пьесы, в которых простые крестьянки неожиданно оказывались дворянками и тем самым обретали права людей благородного происхождения. Граф мучительно обдумывал способы превращения своей «преступной» связи во вполне законную, и сочинённый им «спектакль» оказался последним в шереметевском театре. За большие деньги стряпчий подобрал из архивов необходимые факты, будто ведёт свой род Параша Ковалёва из древней дворянской польской фамилии Ковалевских и будто предок её Якуб оказался в 1667 году в русском плену и будто его потомки нашли пристанище в доме Шереметевых.

6 ноября 1801 года граф вступил в брак с Прасковьей Ивановной Ковалёвой, однако венчание проходило в строжайшей тайне. Решиться на огласку Шереметев не посмел.

Сына Параша рожала уже смертельно больная. 3 февраля 1803 года, когда ребёнок появился на свет, его немедленно

унесли от матери: боялись, что младенец заразится от больной. Бедная женщина ещё двадцать дней провела в мучительном бреду, просила, чтобы ей показали сына. Подруги подносили его к дверям спальни, она немного успокаивалась. В предчувствии кончины жены Николай Петрович занялся судьбой сына. Скрывать брак дальше было бессмысленным, и граф обратился со слёзным письмом к государю Александру с просьбой признать законность прав своего наследника.

В ночь на 23 февраля Параша Жемчугова умерла. Похороны её отличались пышностью и… полным отсутствием знатных господ. Аристократический мир и после смерти не признал простолюдинку.

В память о покойной Николай Петрович, преданно любивший свою жену, построил в Москве на Сухаревой площади «странноприимный дом». В уставе его говорилось о том, что дом должен «дать бесприютным ночлег, голодным обед и ста бедным невестам приданое». Ныне в этом здании находится знаменитый Институт скорой помощи имени Склифосовского. Поистине, неисповедимы пути господни…

МАДАМ РЕКАМЬЕ

(1777—1849)

Жена парижского банкира, салон которой был модным политическим и литературным центром, постепенно объединившим людей, оппозиционно настроенных по отношению к Наполеону I. По распоряжению Наполеона I в 1811 году была выслана из Парижа. Вернулась в 1814 году. В 1819 году переселилась в монастырь Аббе-о-Буа, где в её салоне собирались политические деятели, литераторы, учёные.

Сама эта женщина как будто бы ничего не сделала. Но, оказывается, можно быть просто хорошим человеком. На примере мадам Рекамье убеждаешься в правдивости известной поговорки — хороший человек — тоже профессия, да ещё и какая нужная. Во всяком случае эта блестящая женщина помогала многим художникам, поэтам, писателям, тратя богатства своего мужа, и осталась в памяти потомков благодаря своему знаменитому салону.

В её жизни многое очень запутанно и непонятно. Первая тайна, которая будоражит наше воображение, тайна её замужества. Девичья фамилия мадам — Бернар. Очаровательная мать Жанны-Франциски-Юлии-Аделаиды (таково полное имя нашей героини) передала дочери свою красоту и умение за ней ухаживать. Некоторые злые языки утверждали, что заодно дочка получила в наследство и маменькиного любовника. Во всяком случае банкир Рекамье не скрывал, что старшая мадам Бернар, замужняя женщина, вызывала его симпатию. Окружающие же выражались более прямо: якобы Жанна-Франциска — родная дочь банкира и он решился попросить её руки, чтобы богатство не уплыло из семьи, ибо одинокому мсье Рекамье некому было передать нажитое. Было ли это правдой, трудно сказать. Известно лишь одно — старый муж никогда не прикоснулся к своей избраннице как мужчина.

Свадьба состоялась в самый разгар политических потрясений во Франции в 1793 году. Невеста неожиданно оказалась счастлива, что видно из её писем, хотя сложно представить себе молодую девушку, у которой муж — всего лишь друг, счастливой.

Время смут быстро миновало, и нравы Франции после революции приобрели некоторую фривольность. Воспитание, полученное мадам Рекамье в юном возрасте, пригодилось теперь, когда мода стала эксцентричной, вызывающей. Жюльетта (так часто её называл муж) вспомнила, как мать учила её одеваться,

причёсываться, и её уроки не прошли даром. Мадам Рекамье блистала в прекрасных туалетах — всегда в белом платье, с обнажёнными ногами в котурнах и изумрудами на пальцах рук, она заставила Париж говорить о своей красоте и изысканности.

Жак Рекамье, гордый своей женой, купил ей замок, в котором молодая женщина получила возможность исполнить давнюю мечту — устроить салон для приёмов замечательных людей своего времени. Согласитесь, не каждый сможет удержать и даже заинтересовать знаменитостей. Мадам Рекамье сумела стать настоящим центром притяжения для культурной элиты. Причём делала она это не только в Париже, и не один десяток лет. К ней тянулись в любом местечке, где она волей судеб оказывалась, и длилось это паломничество в салон мадам Рекамье всю её жизнь.

Однажды на огонёк к ней заглянула мадам де Сталь. Это оказалась самая значительная встреча для Жюльетты. Начало их дружбы относится к 1798 году. Писательнице 32 года, мадам Рекамье 21. С этого дня их жизни сливаются в единое целое на двадцать лет. Они такие разные и так дополняют друг друга. Одна — сила и упорство, натиск и мозговой штурм. Другая — грация и понимание, слабость и прощение. Их связывала более нежная дружба, чем обыкновенно бывает у подружек. Мадам де Сталь ввела Жюльетту в литературный мир, и тем самым банальная жизнь хорошенькой женщины не затянула Рекамье. Она отклоняет ухаживания поклонников-мужчин. Хотя из писем видно, что увлекались Жюльеттой надолго и всерьёз. «Прелестную ленту, данную мадам Рекамье, генерал Массена носит на себе в боях при осаде Генуи. Она всегда с генералом и всегда дарит победу», — сообщает один из современников. Пылкие объяснения возлюбленных Жюльетта оставляет без ответа, потому что знает, что её холодность переведёт страсть в надёжную дружбу. И она не ошибалась.

Только любовью одного человека Жюльетта дорожит по-прежнему — это мадам де Сталь. В 1802 году Жюльетта вместе с матерью едет в Англию, где её ожидает успех в свете. Но и в туманной далёкой стране мадам Рекамье настигают письма её подруги.

"Итак, прекрасная Жюльетта, скучаете ли Вы о нас? Лондонские успехи заставили ли Вас забыть парижских друзей?.. Я уезжаю завтра на шесть месяцев. Все, кто Вас любит, разъезжаются. Дайте мне знать о себе. Я надеюсь, Вы потеряли уже ту странную застенчивость, какую Вы испытывали, когда писали мне. Разве Вы не видите, что я Вас люблю и что ум, в котором Вы меня обвиняете, служит тому, чтоб Вас лучше разгадать и найти новые причины быть к вам нежно привязанной.

Ничего нового в Париже в обществе нет…

До свидания, прекрасная Жюльетта. Мне кажется, что все в Париже скучают. С тех пор, как не о чём думать и говорить, с трудом заполняется время, и я вижу женщин и мужчин, медленно гуляющих рядом, без любви и без честолюбия… Всё, что хотите, но не любите ни одну женщину больше меня".

По возвращении в Париж Жюльетта возобновляет свои встречи в салоне, однако к власти пришёл Наполеон, который за излишнюю либеральность высылает мадам де Сталь из города. Рекамье, всегда чуждая политике, открыто переходит в оппозицию, возненавидев Наполеона: «Человек, который изгоняет женщину и такую женщину, который причиняет ей столько горя, не может быть в моём представлении ничем иным, как безжалостным деспотом. С этого времени всё моё существо против него».

В 1806 году Жюльетту постигают несчастья — умирает её горячо любимая мать и разоряется муж. Несмотря на это мадам Рекамье не покидают друзья. Мало того, оказавшись без денег и лишённая возможности помогать, как обычно она это делала, другим, Жюльетта приобретает все новых и новых поклонников. А сама она рвётся к подруге в маленький городок Коппэ, где теперь проживает мадам де Сталь. Здесь она встречает мужчину, искренне заинтересовавшего её — прусского принца Августа. Впервые, спокойное к мужской силе, сердце Жюльетты забилось неровно. Принц просит её руки, но как быть со старым, обедневшим мужем, который так или иначе поддерживал нашу героиню всю жизнь. Мучительные сомнения терзают душу Жюльетты. Она просит развода у Рекамье, потом сама же отказывается от него, она то отвечает Августу на пылкие признания, то пишет ему холодное письмо. Наконец, в 1808 году мадам Рекамье даёт решительный отказ.

Новое увлечение Проспером де Брабантом тоже было побеждено — на этот раз её сердечной подругой мадам де Сталь, приревновавшей Жюльетту к поклоннику.

Только одно продолжает поддерживать нашу героиню — неизбывный интерес к людям, молодёжи, которая постоянно собирается в домах, где хозяйкой становится мадам Рекамье. Дело дошло до того, что сын мадам де Сталь тайно влюбился в подругу матери. Но сама Жюльетта берет на воспитание юную племянницу своего мужа, и с тех пор девушка никогда не покидает свою названую мать, став для неё верной помощницей.

В 1817 году мадам де Сталь умирает на руках у Жюльетты. С трудом Рекамье переживает такую страшную потерю, но, как истинная женщина, она не может существовать без сильной,

властной руки. И тут на горизонте её жизни появляется Шатобриан. Когда-то его уже знакомили с Жюльеттой, но тогда, много лет назад, у неё была мадам де Сталь, теперь же она охотно ответила на ухаживания поэта. Непомерный эгоизм и жёсткость Шатобриана сделали его властелином Жюльетты. Поэту было уже 50 лет, и он был женат на красивой и порядочной женщине. Терзания мадам Рекамье только тешили его тщеславие. Много лет Жюльетта отдала своему неблагодарному поклоннику, по-своему, видимо, любившему её. Трудно с пониманием относиться к мужчине, который в одном письме пишет жене: «Как можете Вы верить этим сплетням насчёт мадам Рекамье?» А в другом Жюльетте: «Не отчаивайтесь, мой прекрасный ангел. Я Вас люблю. Я буду Вас любить всегда». Мадам Рекамье слишком долго терпела двуличие Шатобриана, она выхлопотала ему пост министра, потом посланника в Англию. Она охраняла его от политических недоразумений. Старые друзья мадам Рекамье отошли, потому что Шатобриан не любил общества.

Наконец, терпение Жюльетты иссякло. Не желая больше терпеть измен, мадам Рекамье под предлогом нездоровья воспитанницы уезжает в Италию. С ней следуют туда и её новые поклонники Баланш и Ампер. Вдалеке от возлюбленного её сердце успокаивается в кругу верных друзей. Через два года Жюльетта возвращается в Париж и выдаёт воспитанницу замуж. И вот уже совершенно седая, но по-прежнему в белом платье она вновь встречается с Шатобрианом. Но чувств больше нет, все отболело, и ничто уже не может смутить их дружбы. Да и остальные поклонники плавно перешли в статус хороших друзей, которые старятся и умирают вместе с неумолимо бегущим временем. И только принц Август по-прежнему шлёт слегка ревнивые и влюблённые письма: «Я слишком люблю правду, чтобы её осуждать, даже если она меня ранит, но я должен сознаться, что не достиг совершенства, нужного, чтобы переходить так быстро от одной симпатии к другой… Найдя такого любезного утешителя, как г. Шатобриан, Ваша тоска, я уверен, не будет долгой, и после того, как Вы обретёте г. Шатобриана, Вы займёте видное место среди миссионеров…»

Жизнь мадам Рекамье растворилась в тысячах голосов и лиц людей, знавших и любивших эту женщину. А ведь сама она вроде бы ничего собой не представляла.

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА

(1783—1866)

Первая в России женщина-офицер, писательница. В 1806 году, выдав себя за мужчину, вступила в кавалерийский полк, участвовала в войнах с Францией в 1807-м и 1812—1814 годах, ординарец М.И. Кутузова. Автор мемуарных произведений («Записки кавалерист-девицы», 1836—1839), приключенческих романов и повестей.

Двадцать четвёртого марта 1866 года на рассвете по тихим улочкам Елабуги следовала похоронная процессия. Хоронили отставного штаб-ротмистра Литовского уланского полка Александра Андреевича Александрова. В гробу покоилось старое-престарое существо в чёрном строгом сюртуке. Вслед за гробом поручик резервного батальона, квартировавшего в городе, нёс на маленькой подушечке солдатский орден Георгия пятого класса. Похоронили Александрова со всеми подобающими воинскими почестями. И только дородный священник в фиолетовой рясе, помахав кадилом, скороговоркой, невзначай, словно уличая в ошибке самого Бога, упомянул имя новопреставленной рабы божией Надежды.

Трудно сказать, чьей вины было больше в трагической судьбе Надежды Дуровой — природы, которая иногда любит неудачно пошутить, или родителей, особенно матери, которая с первого взгляда невзлюбила первую дочку.

Отец Андрей Васильевич, командир эскадрона гусар, был беден, простоват и добр. На одном из постоев в Полтавской губернии, — а гусар, как известно, городские кумушки привечали, — ему приглянулась красивая дочь помещика Александровича. Получив отказ вступить в брак, молодые бежали из родительского дома, и началось долгое нищенское скитание в армейских обозах. Молодая жена незаметно превратилась в сварливое, капризное существо, постоянно упрекающее мужа. По неразумию она угрожала несчастному Андрею Дурову покинуть его и вернуться в родительский дом.

Однажды на одной из стоянок женщина разрешилась от бремени дочерью, необычайно крупной девочкой, покрытой густым тёмным волосом. Когда акушерка передала младенца матери, та в гневе столкнула его с колен и отвернулась к стене. Женщина мечтала о сыне, прекрасном, как амур, а родилось нечто непонятное, пугающее своим безобразием. Только подчинившись уговорам командирских жён, мать решилась

покормить ребёнка, но девочка не взяла грудь, а когда женщина в досаде отвернулась и заговорила со случившейся рядом гостьей, младенец изо всей силы стиснул сосок незадачливой кормилицы. Мать в ужасе закричала и отбросила это дикое существо на руки няньки. С тех пор жена Дурова больше не подходила к дочке, поручив попечительство над ней горничной. На ночлегах Надежду передавали приходившей из деревни крестьянке, которая кормила младенца своим молоком. Таким образом, на каждом перегоне у ребёнка была новая кормилица.

Когда девочка стала подрастать, отец, видя глубокое отвращение матери к своему первенцу, сдал Надежду на руки фланговому гусару, татарину Ахматову. Едва научившись ходить, ребёнок, совершенно лишённый материнской ласки, оседлал коня, играл с пистолетом и целыми днями посверкивал саблей.

С рождением ещё двух дочерей Андрей Дуров понял невозможность дальнейшей походной жизни и выхлопотал для себя место сарапульского городничего. Потекла ещё более унылая провинциальная жизнь. Жена каждый год неизменно приносила по девочке, старела, пилила мужа и люто ненавидела Надежду, объявив ей настоящую войну. Целыми днями она тупо терроризировала ребёнка, заставляя Надежду зашнуровывать корсет, вышивать на пяльцах, вязать. Девочка с ослиным упорством отказывалась от женских занятий, часами сидела, уставясь в одну точку, за что, конечно, была жестоко бита. Иногда, по материнскому недосмотру, Надежде удавалось вырываться на волю и предаваться милым её сердцу мальчишеским забавам — лазать по деревьям, кататься на отцовском коне, прыгать с высокой крыши. Двойная жизнь становилась почти привычкой для юного существа.

Когда Надежде исполнилось семнадцать, в доме появились женихи. Хоть и не была девица хороша собой, мало, что рябая, а всё же лестно оказалось получить в жёны дочку городничего. Вот тут и началось настоящее мучение Надежды. Двоим она грубо отказала, отчего разразился такой страшный скандал, что несостоявшаяся невеста вынуждена была пересидеть два дня гнев матери в лесу. Наконец, отец уговорил измученную дочь принять предложение смирного, солидного человека, заседателя Чернова.

Семейная жизнь превратилась в сплошной кошмар. Провинциальный чиновник, конечно, не мог взять в толк, что за жена ему досталась, и по бессилию бегал жаловаться городничихе на злую и бестолковую дочь. Зимой 1803 года Надежда родила сына Ивана, а вскоре Чернов получил назначение в другой город, и супруги покинули Сарапул. Тут, вдали от семейства, Надежда устроила мужу совсем уж несладкую жизнь, и он облегчённо

вздохнул, узнав, что жена собирается вернуться к родителям. С тех пор Надежда больше никогда не видела своего супруга, никогда не интересовалась ни его судьбой, ни судьбой оставленного сына.

Мать и отец тяжело переживали позор непутёвой дочки, а для Надежды жизнь в родном доме стала совершенно невыносимой. Добрый старик-отец, чтобы скрасить существование дочери, подарил ей своего коня и тайком сшил костюм для верховой езды. Это помогло осуществить уже принятое ею решение. Летней ночью 1806 года она отрезала длинные локоны, облачилась в казачью униформу, надела высокую шапку с пунцовым верхом и покинула дом.

Под именем Александра Соколова Надежда была зачислена в один из казачьих отрядов. Начиналась война с Наполеоном в Пруссии и каждый воин был на вес золота, поэтому у новобранца не удосужились спросить документы, а через год Дурова уже приняла своё первое боевое крещение в битве у Гутштадта. Ей везло — пуля и штык обходили Дурову стороной, хотя она, боясь струсить, боясь разоблачения, всегда лихо выходила на самые опасные позиции. Конечно, с трудом себе представляешь, как среди походной жизни, когда человеку нужно мыться, справлять естественные потребности, никто даже не заподозрил женский пол кавалериста, но…

Служба Дуровой, однако, не складывалась достаточно успешно. Она постоянно получала выговоры, начальство было недовольно Соколовым. Однажды её вызвал сам генерал: «Храбрость твоя сумасбродна, сострадание безумно, бросаешься ты в пыл битвы, когда не должно, ходишь в атаку с чужими эскадронами. За всё это приказываю тебе, Соколов, тотчас же ехать в обоз».

Солдатская «лямка» в позорном обозе заставила Дурову приуныть. Война закончилась, перспектив никаких, к тому же она лишилась своего единственного друга — коня Алкида. Жизнь потеряла смысл.

В это время в Сарапуле умерла мать Дуровой и растерянный отец, оставшийся с кучей малолетних детей, не придумал ничего лучшего, как написать своему брату в Петербург о розыске пропавшей старшей дочери, которая могла бы взять на себя домашнее хозяйство. Дядя оказался крайне настойчив в своём желании помочь близкому родственнику и представил просьбу самому государю. Распоряжением Николая «кавалерист-девица», скрывавшаяся под именем Соколова, быстро была найдена. Он лично пожелал встретиться с Дуровой. Неизвестно, как сложился разговор царственной особы и необычной женщины, но Николай

повелел инкогнито Надежды не раскрывать и направить её на службу корнетом в очень приличный Мариупольский полк. Бытовые условия новой службы были непривычно комфортны для Дуровой, но она столкнулась с другими сложностями двойной жизни. Подвыпившие гусары пускались в амурные развлечения с местными кумушками, а корнет Соколов не мог найти приличной причины для отказа от приключений. Он лихо вытанцовывал на городских балах, ухлёстывал за местными красавицами и уворачивался от слишком назойливых невест.

Зимой 1809 года Надежда Дурова решилась наконец посетить семейство отца. Бедный папаша растерялся, увидев дочь вовсе превратившуюся в заядлого гусара. С испугом изумлённая горничная, жившая с отцом, смотрела на корнета, курившего трубку. Сестры, смущённые обличьем Надежды, не знали, как к ней обращаться. Сама же она говорила о себе исключительно в мужском роде и страшно свирепела, если кто-то, забывшись, переходил на женский. Только единственный брат Василий, надежда семьи, чрезвычайно радовался, все примеряя каску с султаном. Понятно, что никакой речи о роли хозяйки дома идти не могло. В конце побывки корнет расцеловался с домашними и укатил в полк, оставив потрясённых родных.

Самым вдохновенным этапом её жизни стала Отечественная война 1812 года. Казалось, сама история предоставила Дуровой возможность обрести смысл её странного существования. И «кавалерист-девица» не хотела упускать такой возможности. Она участвовала в Бородинском сражении, смело ходила в атаку, так как была уже опытным воином. Здесь на поле её ранило в ногу. Но счастье по-прежнему благоволило Надежде, и, немного подлечившись, она на собственный страх и риск явилась к легендарному Кутузову и предложила себя в ординарцы. Вначале полководец был удивлён странной дерзостью неизвестного поручика, но потом всё-таки согласился. Радости Дуровой не было предела: находиться всегда около Кутузова, героя, любимого народом, её идеала. Однако счастье оказалось изменчивым. Через два месяца ранение ноги дало о себе знать острой болью. Дурова не могла больше оставаться в действующей армии и вынуждена была возвратиться в Сарапул. А куда же ей было деваться, больной, одинокой и уже немолодой, без всяких перспектив, с тяжёлой, не понятной никому душевной травмой? Это была подлинная трагедия человека, природа которого никак не хотела принимать отведённого ему при рождении пола.

20 лет о «кавалерист-девице» никто ничего не знал. В полной безысходности влачила она своё горькое существование, и один только Бог знает, о чём думала она в горькие минуты. Но история

любит курьёзные выпады. В 1829 году Пушкин, возвращаясь из Арзрума, познакомился на Кавказе с неким Василием Дуровым, который привлёк поэта эксцентричным поведением и простодушием. Знакомец постоянно просил Пушкина научить его раздобыть 100 тысяч рублей. Поэт много смеялся, придумывая разнообразные способы приобретения такой огромной суммы, в том числе и криминальные. Однако проигравшийся на Кавказе Дуров ни убивать, ни воровать не хотел, а хотел получить деньги, выиграв какое-нибудь пари. В конце концов поэт привёз Василия в своей коляске до Москвы, где они и расстались.

Спустя шесть лет Пушкин получил письмо из Сарапула, в котором дорожный знакомый попросил оказать содействие его сестре, а также Александру Андреевичу Александрову (под таким именем проживала теперь Надежда Дурова) в издании записок. Пушкин, охочий до всякого живого дела, до сенсаций, с удовольствием согласился, понимая, какой интерес вызовет эта публикация у столичной публики. Дурова, приехав в Петербург, произвела фурор в модных салонах. На неё дивились, рассматривали как обезьянку, но общаться с нею было неудобно, непривычно. Она зло отдёргивала руку, если кто-то из мужчин, растерявшись, пытался её поцеловать. Сам Пушкин смущался и спешил сократить визит. Но «Записки» ему понравились. Это была странная, единственная в своём роде мистификация, обаянию которой поддавались читатели.

Уехала из Петербурга Дурова огорчённая, не понятая никем, по-прежнему одинокая. «Записки» увидели свет, но это принесло мало радости в её жизнь. Судьба уготовила ей долгий срок на земле, словно отмеренный на две жизни.

АВДОТЬЯ ИЛЬИНИЧНА ИСТОМИНА

(1799—1848)

Русская балерина. С 1816 года ведущая танцовщица петербургской балетной труппы. Первая исполнительница партий в балетах на пушкинские сюжеты.

Она была спутницей юности А.С. Пушкина, той богемной подругой, талантливой, искромётной, воспоминания о которой согревают в трудные, тоскливые минуты жизненных неудач. По выходе из Лицея молодой поэт становится завсегдатаем театра и страстным поклонником хорошеньких «актёрок». Это было для него беззаботное, весёлое время необязывающих влюблённостей и кутежа, время дружеских пирушек и застолий. И посреди их сумасшедшего мужского круга царила она — Дуня Истомина с огненными чёрными глазами, похожая на черкешенку, гибкая, как тростинка, непосредственная, с ярким, буйным темпераментом.

В среде блестящей молодёжи XIX века считалось непременным условием воздыхать по балерине, актрисе, певице, дарить цветы, волочиться и попадать в скандальные истории, но по Истоминой страдали многие, ох как многие молодые повесы. Дуня умела привлечь к себе внимание. Лёгкая в общении, обаятельная, что называется, «без комплексов», она запросто сходилась с мужчинами, но главным в ней было всё же то обаяние, талант, которыми безродная Дуня была щедро одарена от матушки-природы.

В театральное училище её, шестилетнюю девочку, привёл какой-то флейтист. Кем он приходился Дуне, отчего решился определить её в «артистки» — неизвестно, но то, что с таинственным музыкантом сама судьба постучалась в двери Истоминой, совершенно ясно. Девочка попала в класс крупнейшего педагога, постановщика, новатора балета Шарля Дидло. С ним русский балет вышел на путь новаций, получил европейское признание. Дидло одним из первых освоил романтические темы и образы в постановке танцев, создал новую балетную технику, привнёс новые сценические приёмы. Он ближе всех из современных ему балетмейстеров подошёл к пальцевой технике танца. Конечно, для осуществления своих творческих замыслов Дидло необходима была балерина, непохожая на прежних танцовщиц. Такой «музой», способной вырваться из канонов, довериться неизведанному, способной претворить на сцене самые дерзкие для того времени новации, и стала Истомина.

Дебют Авдотьи Ильиничны состоялся 30 августа 1816 года в балете «Ацис и Галатея». Семнадцать лет — возраст торжествующей юности, необыкновенная лёгкость, прекрасное лицо — такою предстала перед зрителями Галатея в исполнении Истоминой и надолго осталась властительницей дум «золотой» молодёжи того времени. Двенадцать лет эта роль актрисы пользовалась неизменным успехом. С нею в русский театр, в общественную жизнь России врывался свежий ветер перемен. Истомина, не помышляя о том, невольно становилась провозвестницей новой жизни. Уже в этом первом балете в маленькой нимфе жила прекрасная человеческая душа, доброе, готовое к самопожертвованию сердце, презрение к опасности. Пожалуй, здесь и намечалась основная тема, которая столь волновала русское общество и которую до последнего дня своей сценической жизни пронесла великая танцовщица — высокая человечность и героизм.

Это было время, когда ещё не существовало «Лебединого озера», не было «Жизели» и всех тех дежурных партий с их отработанными техническими приёмами, по которым отмечается мастерство танцовщицы. Это было время, когда балет ещё «путался» с пантомимой и когда авторы стремились прежде всего любыми путями рассказать историю. Это было время, когда от балерины обязательно требовался драматический талант, который невозможно было восполнить чисто танцевальными приёмами. Истомина идеально совмещала в себе редкую грациозность и мастерство комедийной и драматической актрисы.

Авдотья Ильинична уже в первые годы своей карьеры поражала современников способностью создавать живые и совершенно разные образы богатством мимики, точностью жеста, глубиной проникновения в характер. Виртуозность её танца — лишь одна из сторон большого, многогранного таланта. Превосходная комедийная актриса, она, по свидетельствам современного ей театрального критика, не только «танцует с величайшей живостью и проворством, она отличная балетная актриса для ролей резвых и хитрых девиц».

Нередкими в те времена бывали случаи, когда танцовщицы назначались на роли в драматических спектаклях. Так, крупнейший театральный автор той эпохи — Шаховской — написал специально для Истоминой образы героинь в двух водевилях. Зная блистательные способности Авдотьи Ильиничны в танце, естественно предположить, что автор решил использовать их в своей пьесе. Не тут-то было! Мало того, что персонажи Истоминой наделены многоречивым текстом, они ещё

и довольно сложны по характерам, попадают в самые разнообразные житейские ситуации. Обе Зефиреты из водевилей Шаховского почти не уходят со сцены, а Зарницкая — путешествующая танцовщица — роль не просто «ведущая» по нынешней терминологии, а заглавная.

Хоть Шаховской и создавал Зефирету для Истоминой, где-то в глубине его души таилась неуверенность — будет ли она так же прекрасна в водевиле, как и в балете. Умело и предусмотрительно он предназначал ей осторожную, извинительную фразу: «Ах, я привыкла изъясняться пантомимикой и чувствую, что мой язык не так меня слушается, как мои ноги». Предосторожность оказалась излишней. «Роль танцовщицы Зефиреты в комедии-водевиле кн. Шаховского „Феникс, или Утро журналиста“ Истомина играла прелестно, как умная и опытная актриса», — восторгается современник.

Балет «Кавказский пленник, или Тень невесты» навеки соединил имена Пушкина, Истоминой и Дидло. Постановки Дидло всегда были крупными событиями в петербургской жизни. Но этот новый балет приняли особенно горячо и восторженно — для общества он был тесно связан с именем опального Пушкина. А Истомина, казалось, была создана для образа Черкешенки. Легендарной славой овеяна эта роль в творчестве балерины. В «Кавказском пленнике» она была настолько «восточной», так был созвучен национальному колориту её внешний облик, что долгое время ходили слухи, будто она — черкешенка по происхождению: «Может быть, также, образ петербургской актрисы Истоминой, родом черкешенки, за которой Пушкин ухаживал и которую потом так блистательно вывел в „Онегине“, носился в его воображении, когда он писал „Кавказского пленника“».

Собственно, поэт и был «виновником» легенды о восточной национальности танцовщицы, именуя её в письмах Черкешенкой. По-видимому, отношения Истоминой и Пушкина в своё время были весьма фривольными, но лёгкими и ни к чему не обязывающими. Имя Дуни впервые встречается в озорных стихах, которые поэт писал тотчас по выходе из Лицея. По тону, нецензурности отдельных выражений можно заключить, что Истомина не являлась образцом нравственности. Однако весьма раскованную в поведении, практически неграмотную Авдотью Ильиничну с распростёртыми объятиями принимали в самых рафинированных салонах Петербурга.

Особенно охотно Истомина посещала квартиру Шаховского. Александр Александрович в ту пору был одним из самых противоречивых людей театрального мира. Драматург, режиссёр, начальник репертуарной части петербургских императорских

театров, он был влиятельным человеком, а обширные познания в области сценического искусства, умение вести оживлённую беседу привлекали к нему множество людей. Жил князь недалеко от театра, квартира его находилась на самом верхнем этаже дома и именовалась «чердаком» Шаховского. После спектакля именно сюда спешили те, кто не хотел расходиться по домам и кружиться в вальсах на великосветских балах.

Атмосфера в доме Шаховского была весьма демократичной. Здесь никто никого не встречал, не провожал и специально не потчевал. Посетители разбивались на отдельные группы, театральным спорам и беседам иногда предшествовал бильярд, по-домашнему уютное чаепитие, искусно сервированное гражданской женой князя, актрисой Ежовой. Ни в одном из салонов Петербурга не собиралось такое интеллектуальное общество, каким мог похвастаться «чердак» Шаховского. Здесь обсуждались последние спектакли, дебюты актёров, приёмы сценической педагогики, зарождались планы новых постановок. Однако возвышенные беседы не мешали великосветским волокитам заводить любовные интрижки, нескромно поглядывать (и не только поглядывать) на молодых актрис и воспитанниц Театральной школы, которых нередко приглашал Шаховской.

Ещё более вольная обстановка складывалась в доме Никиты Всеволожского, под его знаменитой «зелёной лампой». По субботам, когда в театрах не давали представлений, в квартире Всеволожского бывало особенно многолюдно: молодые офицеры, начинающие литераторы, записные театралы и молодые актрисы. Весёлый говор, звонкий смех, вино рекой, вольные шутки, замысловатые шарады с участием «сильфид» и, наконец, пир в зале, освещённом зелёной лампой.

Истоминой нравились эти шумные, далеко за полночь заканчивавшиеся вечера. Она была «богемной» девушкой и не спешила в свою одинокую квартирку. Но как знать, может быть, больше, чем комплименты, преклонение, влюблённость, увлекали её рассуждения Пушкина о театре, меткие и колкие замечания Баркока о спектаклях и актёрах, отрывистые фразы умного и угрюмого Улыбышева, автора трудов о Моцарте и Бетховене. Эти беседы заменяли ей книги, к которым она так и не приохотилась, давали пищу её неразвитому, но пытливому уму. Ни одна из актрис пушкинской поры чаще Истоминой не бывала в кругу поэтов, ни одна не слыла столь страстной любительницей вечеринок.

Порывистая, увлекающаяся и неотразимо увлекательная, она напропалую кокетничала со всеми, она умудрилась вскружить голову многим, и ей нравилось повелевать роем своих

многочисленных поклонников, снисходительно взирать на ссоры, возникающие из-за одной её ласковой улыбки. Однако легкомыслие кокетливой балерины не осталось безнаказанным, и вскоре Истомина «вляпалась» в некрасивую историю с полицейскими расследованиями и протоколами. В Авдотью Ильиничну имел несчастье влюбиться штаб-ротмистр Шереметьев, человек истеричный, жестокий. Своими сценами он измучил не привыкшую к запретам Истомину, и между влюблёнными произошёл разрыв. И тут граф Завадовский, которому наша героиня нравилась, умолил своего близкого друга Грибоедова, жившего с ним в одной квартире, привезти после спектакля на часок очаровательную Авдотью Ильиничну. Надо сказать, что Истомину и Грибоедова связывали долгие, тёплые отношения, по-видимому, весьма двусмысленные. Не раз они пивали чай вместе… почему бы не посидеть втроём, мило поболтать и полюбоваться прелестными чёрными глазами танцовщицы.

Интрижка закончилась трагически. Ревнивец, доведённый до безумия и следивший за каждым шагом своей пассии, увидев Истомину в санях с мужчиной, бросился к Якубовичу — приятелю, известному своим бретерством и любовью к дуэлям. На Волковом поле 12 ноября 1817 года состоялась знаменитая «дуэль четверых» — Шереметьев, Якубович и Грибоедов, Завадовский. Шереметьев был смертельно ранен. Графу Завадовскому пришлось покинуть Россию, да и в судьбе Грибоедова дуэль эта сыграла роковую роль: в известной мере она определила его жизненный путь и надломила душу. Долго Грибоедова преследовал образ умирающего Шереметьева, угрызения совести часто не давали покоя.

Истомина оказалась, что называется, «роковой» женщиной, но в своих романах она никогда не преследовала корыстных целей, никогда не была содержанкой.

Невозможно взять в толк, почему сегодняшнее время называют стремительным. Современный человек лишь к сорока годам с трудом достигает общественного успеха, а представительницы слабого пола лишь к «полтиннику» познают истинную радость любви. Сегодняшняя культура ориентирована на зрелость и долгожительство — будто у человека впереди ещё бессчётное количество лет и он не торопится реализоваться — актрисы в семьдесят играют Джульетт, богатые мужчины к шестидесяти заводят детей, а балерины ставят рекорды долголетия на подмостках.

Истомина сошла со сцены вместе со сменой эпох. Пушкинский период закончился и вместе с ним закончилась

слава нашей героини. Она больше не получала ролей, романтические балеты забылись и даже любимые нежные бело-голубые тона сценических костюмов сменились тяжёлыми малиновыми и синими цветами. А ведь Истоминой было всего лишь тридцать семь, когда состоялось её последнее представление…

Она доживала свой век тихо и неприметно, вдали от шумного света, со скромным мужем — безвестным драматическим актёром Павлом Экуниным, а умерла от холеры. «Литературная газета» с грустью известила о кончине «некогда знаменитой танцовщицы» маленькой статейкой, стыдливо притаившейся в неприметном разделе.

Современникам казалось, что Истомина осталась в прошлом, но они не знали, что сквозь эпохи прорвутся к потомкам слова:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина.

ЖОРЖ САНД

(1804—1876)

Настоящее имя Аврора Дюпен. Французская писательница. Проповедовала в многочисленных романах и повестях идеи освобождения личности, в том числе эмансипации женщин. Наиболее известны романы «Индиана» (1832), «Орас» (1841—1842), «Консуэло» (1842—1843).

Звезда этой женщины, скрывающейся под мужским именем, горит на литературном небосклоне необычайно ярко. Пожалуй, трудно найти писательницу, которая сравнялась бы славой и талантом с Жорж Санд. А в жизни она была земной женщиной и до обидного мало придавала значения своим литературным заслугам. Её истинным стремлением было движение к абсолютному — сначала к любви, а потом к природе, к Богу. Она во всём пыталась отыскать подлинные, нефальшивые ценности, и оттого её постигли все те огромные душевные муки, которые свойственны людям неординарным, наделённым каким-либо божественным даром.

Морис Дюпен, бравый адъютант наполеоновской армии, повстречал в Милане красивую, весёлую женщину, которой было уже за тридцать. Была она комедианткой, имела ребёнка от предыдущего любовника, да и, вообще, годилась только на роль легкомысленной подружки военного времени Но волею судьбы этот мимолётный роман перерос в серьёзное чувство, и как бы ни противилась мать Мориса — образованная добропорядочная аристократка, любовники поженились. А вскоре на коленях у бабушки уже лежала внучка, на лице которой госпожа Дюпен разглядела знакомые тёмные бархатные глаза её предков.

Детство Авроры прошло среди непримиримой вражды её матери со свекровью. Морис умер в 1808 году, а женщины продолжали всю жизнь выяснять отношения. Девочка, как победный вымпел, переходила от одной враждующей стороны к другой, пока, наконец, мать, занятая личными проблемами, не удалилась в Париж, оставив Аврору на попечение бабушки.

Когда Авроре было 14 лет, бабушка поставила внучку на колени возле своей кровати и рассказала всё, что она думала о себе, своём сыне и безнравственной, развратной снохе — «этой погибшей женщине». Бедная девочка пережила шок, услышав откровение бабушки. Аврора забросила учение, стала бунтовать, за что и была «сослана» в женский Августинский монастырь. Этому заведению девушка была обязана большими и счастливыми

переменами в себе. Здесь и проявились её способности к серьёзному осмыслению жизни. Здесь она приобрела экзальтированную набожность и веру в мистическое слияние с Богом, которая осталась в Жорж Санд навсегда. Здесь же, благодаря учтивости монахинь, изучение правил хорошего тона выработали у Авроры очаровательные манеры, которые в продолжение всей её жизни придавали дерзким выходкам изящество и лёгкость.

Бабушка умерла, когда Авроре ещё не исполнилось семнадцати, и в фамильное имение Дюпен — Ноан въехала торжествующая сноха. Она жаждала, наконец, восстановить свои попранные права не только на семейное богатство, но и на дочь. Весной 1822 года мать хотела принудить Аврору выйти замуж за человека, одна мысль о котором была девушке ненавистна. Конфликт едва не завершился трагически, дочь заболела: от непрерывно подавляемых вспышек гнева у неё начались спазмы желудка, она отказывалась от пищи. Вероятно, самодурство матери подтолкнуло Аврору к сближению с молодым человеком, который долгое время проявлял себя как задушевный друг, — с Казимиром Дюдеваном. Первые годы после свадьбы прошли относительно спокойно, Аврора превратилась в образцовую хозяйку дома в Ноане.

В 1823 году у супругов родился сын Морис. Однако семейная жизнь не принесла гармонии в мятежную душу Авроры. Романтическая мечта о принце таяла на супружеской постели, после того как утомлённый Казимир начинал храпеть, получив жалкую толику наслаждений, а женщина часами плакала, ощущая убогость их отношений и нереализованность собственных устремлений. Поначалу муж ругался, обзывал её «дурой и идиоткой», когда она беспричинно, казалось, впадала в истерику, потом всё-таки сжалился, и супруги отправились в путешествие.

Первое увлечение Авроры было чисто платоническим, она ещё была внутренне не готова к измене, однако этот роман подготовил её к разрыву с мужем. Аврора, наконец-то, решилась высказать претензии Казимиру. Конечно, господин Дюдеван не был дурным или непорядочным человеком, он был просто обычным человеком, недостойным своей талантливой жены. В какой-то момент он интуитивно осознал это, попытался даже что-то почитать, молча страдал и старался во всём угодить строптивой жене. Но было уже поздно. Аврора начала выходить на ту дорогу, которая вскоре принесла ей славу и новые приключения.

Мостиком к литературному труду стало её увлечение «маленьким Жюлем» — Сандо, красивым юношей, за которым она

и устремилась в Париж, бросив семью и детей. К тому времени Аврора родила ещё девочку — Соланж. Озабоченная добычей средств на жизнь, женщина придумала написать совместный с Сандо роман «Роз и Бланш», который был встречен довольно хорошо читателями и критиками. Аврора сразу обратила на себя внимание парижской богемы. В столице она сбросила с себя ненавистные женские платьица и переоделась в редингот из серого сукна. Серая же шляпа и плотный шерстяной платок на шее делали её похожей на студента-первокурсника. Но больше всего её приводили в восторг сапожки. Ах, как было приятно освободиться от остроносых туфелек, скользивших по грязи, как по льду.

Общительная, экстравагантная женщина, с неизменной сигаретой, стала центром литературного круга. У неё появились свои почитатели среди критиков и журналистов, ею многие восхищались: ради любви она смогла бросить семью.

Роман «Индиана» стал её первым самостоятельным произведением, на котором она поставила имя «Жорж Санд». Латуш, известный в то время издатель, мельком взглянув на новую книгу, недовольно промычал, что, дескать, она напоминает ему Бальзака. Однако уже на следующий день этот знаток, открывший французской литературе многие великие имена, познакомившись внимательно с рукописью, прислал автору записку: «Жорж, я приношу публичное покаяние; я на коленях. Забудьте мою вчерашнюю грубость; забудьте все резкости, сказанные мной за эти полгода. Я провёл всю ночь за чтением вашей книги. О дитя моё, как я доволен вами!»

Новое имя быстро стало популярным. Вместе с известностью росло и раздражение Жорж Санд своим прежним любовником. «Маленький Жюль», в отличие от сильной подруги, оказался никчёмным, слабым человеком. Он не мог себя заставить сесть за письменным стол, в то время как Аврора работала по 12 часов в сутки, он мог только жаловаться и ревновать свою удачливую возлюбленную. Противоречия натуры Жорж Санд сказались уже в этом романе с Сандо. В ней отчаянно боролись два начала — мужское и женское. Она была достаточно умна и самостоятельна, чтобы не позволить партнёру подавить её личность. С другой стороны, она бесконечно желала заботиться о слабом, по-матерински вкладывать в мужчину свои радости и печали, но не прощала ему малейших слабостей.

Разрыв с «маленьким Жюлем» подарил литературе один из самых откровенных романов Жорж Санд — «Лелия». Её проза даже сейчас, в век, когда, кажется, сняты все покровы с сексуальной жизни человека, читается не без эротического

наслаждения. Писательница обратила внимание на серьёзные женские проблемы пола. Она с вызывающей смелостью обнажила самое сокровенное в женской сексуальности. «Почему я так долго любила его… Это было лихорадочное возбуждение; оно рождалось во мне, потому что я не получала удовлетворения… Рядом с ним я испытывала какую-то странную, исступлённую жажду, которую не могли утолить самые страстные объятия. Мне казалось, что мою грудь сжигает неугасимый огонь; его поцелуи не приносили мне никакого облегчения. С нечеловеческой силой сжимала я его в своих объятиях и, теряя силы, в отчаянии падала рядом с ним».

Долгие годы за Жорж Санд следовало проклятие её героини — Лелии. Многие отождествляли их, но внутренняя суть писательницы, конечно, была многограннее и глубже придуманного ею образа.

Только перечисление всех любовников Жорж Санд заняло бы не одну страницу. В её жизни было и серьёзное увлечение женщиной — актрисой Мари Дорваль, которую она боготворила. Они часто встречались. Жорж не пропускала ни одного спектакля с обожаемой Дорваль. Дело дошло даже до того, что Санд готовилась отправиться в роли камеристки на очередные гастроли подруги. Их связи отчаянно сопротивлялся муж Мари, ревниво пытаясь изолировать жену от «этой Сафо». Однако безуспешно. Жорж прощала коварной актрисе даже откровенные предательства, наговоры, и дружба их сохранилась до самой смерти Дорваль в 1849 году.

Сложнее складывались отношения Жорж Санд с мужчинами. Роман с Шопеном вызвал многочисленные толки в обществе. Молодой польский композитор представлял собой нежное эфемерное создание, и был полной противоположностью мужиковатой писательнице. Когда Шопен впервые увидел Жорж Санд, она ему не приглянулась. Однако Жорж была слишком искушена в делах любви, чтобы сразу отказаться от понравившегося композитора. Она, как никто другой, смогла понять его мятущуюся душу. Кроме того, Санд, к тому времени уже разведённая с мужем, предложила Шопену реальную материальную поддержку.

Почти девять лет длились их отношения. Композитор обрёл в лице Жорж «вторую маму». Ради него, болезненного и слабого, Санд даже отказалась от плотских удовольствий. Она лечила Шопена, возила его вместе со своими детьми на отдых и называла их «мои три ребёнка». Она была хорошей слушательницей — композитор очень ценил вкус своей подруги. Кто знает, сочинил бы Шопен столько выдающихся произведений за свою короткую

жизнь, если бы не было на его плече поддерживающей руки Жорж? Кто знает даже, прожил бы он столько?

Они разошлись не потому, что разлюбили друг друга, просто жизнь оказалась сильнее их хрупкого чувства. И если в молодости Санд выступала за свободную любовь, то теперь, когда ей было 42, она с грустью признавала, что мелкие ссоры разрушают даже истинные союзы и только брак может спасти любящих. Шопен уехал из Ноана, потому что окружающие были недостаточно чутки к их отношениям, потому что подросли дети, особенно дочка Соланж, эгоистичная, высокомерная особа, и начались интриги. Шопен был далёк от мысли, что уезжает от Жорж навсегда, но Соланж и ученица Шопена — Мари де Розьер — смогли настроить доверчивого композитора против Санд. Они увиделись в последний раз в 1848 году у общих знакомых. Жорж пожала его холодную дрожащую руку. Она хотела говорить с ним, но Шопен скрылся. Он сбежал по лестнице и бросился прочь. Через год композитор умер.

Жорж Санд при жизни познала вкус славы. Без преувеличения можно сказать, что она стала для Франции XIX века законодательницей мод в убеждениях и идеях. Она испытывала безотчётную симпатию к бунтовщикам, да и сама по внутреннему зову души ломала всякие устои. В ней билось столько живого, трепетного естества, которое нельзя было заключить в рамки. Она не являлась феминисткой, никогда не требовала для женщины политического равенства, она говорила, что женское сердце должно навсегда остаться убежищем любви, милосердия и терпения. «В жизни, полной грубых чувств, именно она (женщина) должна спасать христианский дух милосердия. Мир, в котором женщина не играла бы этой роли, был бы очень жалким».

МАРИЯ ТАЛЬОНИ

(1804—1884)

Балерина. С 1828 года ведущая солистка Парижской оперы. В 1837—1842 годах выступала в Петербурге. Гастролировала во многих городах Европы. В историю театра вошла как выдающаяся романтическая балерина, впервые использовавшая в танце пуанты.

Едва ли кому ещё из артисток балета XIX века выпала на долю такая слава, такое единодушное поклонение, как Марии Тальони. Имя её гремело по всей Европе. У актёров той эпохи в строгом смысле родины не существовало, они по самой своей сути являлись космополитами, гражданами «всего мира» и свободно кочевали, преодолевая границы и страны. Семья Тальони не представляла собой исключения, с незапамятных времён её родственники обручились с Терпсихорой и верно служили этой музе. Филиппо Тальони актёрская судьба забросила в Стокгольм, где он влюбился в красавицу-дочку знаменитого шведского певца Карстена и немедленно женился.

Балет, в том виде, каком мы знаем его сегодня, многим обязан Филиппо. Именно Тальони реформировал устаревшие приёмы. До него балет по большей части состоял из пантомимы, Тальони же главным выразительным средством сделал танец. Филиппо первым вознёс танец на небывалую высоту и показал, что муза Терпсихоры легко может справиться со сложнейшими задачами настоящего искусства: сделать зримыми тончайшие движения души, передать нюансы самого интимного чувства.

Так получилось, что слава отца потонула в громком успехе его дочери, да и могло ли быть иначе — Мария стала зримым и совершенным воплощением романтического идеала своей эпохи, она всё-таки была артисткой, кумиром публики, всегда была на виду, а труд её отца могли понять лишь немногие посвящённые.

Вскоре после женитьбы Филиппо с молодой супругой отправились в Германию, где и родилась первая их дочка Мария. Воспитанием и образованием будущей знаменитости занимался, по-видимому, отец. Вероятно, Филиппо рано разглядел в своём чаде «искру Божью» и решил, что не стоит упускать такого подарка судьбы. Он оберегал дочку от любой напасти, но пуще всего заботился Филиппо о её реноме, ибо понимал, что для артистки в глазах поклонников подчас главным становится полное слияние с воплощаемым образом. Романтические, полумистические героини балерины требовали репутации непорочной девственницы, и отец усердно следил «за чистотой»

сего мифа. Уже в первом спектакле Мария поразила зрителя своим необычным костюмом, который, кстати, впоследствии никогда не изменялся. Она надела платье, прикрывавшее колени. Австрийский принц однажды спросил её, отчего она не носит коротких юбок. «Разве бы Вы позволили, — возразила Мария, — вашей супруге или дочери показаться в таком платье?»

Принц не нашёлся с ответом. Ну а какой бы настоящий мужчина нашёлся?..

Филиппо лично взялся учить дочь искусству танца. В 1822 году надежда семьи, Мария, дебютировала на сцене венской оперы в балете, сочинённом специально для этого случая отцом, «Приём молодой нимфы ко двору Терпсихоры». Юное дарование, как видно, пришлось ко двору привередливой музы. С первых шагов артистка поразила даже искушённых зрителей своей непосредственностью, виртуозной техникой, исключительной грацией, а самое главное — новшествами в хореографии. По преданию, Мария, выйдя на сцену, от волнения забыла всё то, что ей положено было исполнить и, под влиянием минутного вдохновения, стала импровизировать, да так удачно, что буквально на глазах породила новый балет. Но все эти измышления из области театральных легенд — ничего больше. В действительности Мария всю жизнь была гениальной исполнительницей гениальных замыслов своего отца. Для современников их имена сливались в одно понятие.

Однажды на престижном парижском приёме к Тальони обратился один высокопоставленный, но неловкий гость ответил: «Вы должны гордиться тем, что подарили свету такой талант; что же касается до жизни, то ею ваша дочь обязана самой себе».

Стоявшая неподалёку мать танцовщицы, оскорблённая, что её не замечают, несмотря на привлекательную внешность, вмешалась: «А меня-то, милостивый государь, считаете за ничто при создании этого шедевра!»

Слава Тальони распространялась по всей Европе так стремительно, что даже серьёзные критики не в состоянии были трезво оценивать искусство знаменитой балерины. В отличие от других великих Марии практически не пришлось проливать слёзы над газетами, сетуя на несправедливость журналистов. Общий тон высказываний по поводу Тальони чаще всего был восторженным. Композиторы посвящали балерине свои произведения, сохранилось множество рисунков, изображающих «живую Терпсихору», ну а поэты, конечно, старались пуще всех — десятки мадригалов, од, куплетов сложено в честь Марии. Автор, избравший себе псевдоним М. Поднебесный, издал в 1838 году брошюру в четыре листочка с одним-единственным

стихотворением, называвшимся: «Тальони — Грация».

Мы видим чудо из чудес!
Слетела Грация с небес,
Европу всю обворожила
Своей волшебною игрой,
Движений чудною красой,
И в танцах идеал явила.
Смотреть на Грацию — восторг!
Шаги, прыжки и все движенья -
Язык пленительный без слов,
Язык любви и вдохновенья.
Кто в танцах выразит живей
Восторг любви и пыл страстей?
Является ли дева рая
Гитаной, девою Дуная,
Качучей — дочерью степей,
Или волшебницей Сильфидой:
Пленительна во всяком виде!
Все Грацию мы видим в ней!..

Как всякое прославление этот опус гораздо объемнее, чем мы его тут привели, но общая влюблённость публики выражена в этих строчках достаточно недвусмысленно.

С именем отца и дочери Тальони связан такой известный сегодня сюжет «Сильфиды». В ноябре 1831 года на первом представлении оперы Мейербера «Роберт-дьявол» на сцене встретились две самые яркие звезды парижской Оперы. Тенор Адольф Нурри исполнял роль рыцаря Роберта, а партию предводительницы призрачных монахинь танцевала Мария Тальони (в те времена балет часто оживлял свою статичную «старшую сестру»). Опера, поставленная Филиппо Тальони, имела небывалый успех. Но чем бы ни занимался отец, он постоянно «прикидывал» новый репертуар для своей дочери. Ещё до премьеры образы третьего акта, где танцевала Мария, навеяли Филиппо замысел «Сильфиды». За неделю перед тем, как Мария начала репетировать роль аббатиссы Елены, Нурри сочинил и принёс её отцу сценарий этого балета. Так, известный тенор «переквалифицировался» в либреттиста. Нурри обратился к шотландским поверьям, взяв источником сценария десятилетней давности фантастическую повесть Шарля Нодье «Трильби, или Аргайльский колдун». Сюжет Нодье подвергся вольной переделке. Там, домовой Трильби соблазнял жену рыбака. Здесь, Сильфида заставляла крестьянина бросить невесту и уводила за собой в лес.

Перемену продиктовало стремление Нурри сделать свою волшебную партнёршу центром задуманного балета. Вместе с тем такая перемена закрепляла первенство танцовщицы на балетной сцене вообще.

Музыку «Сильфиды» написал Жан Шнейцгоффер. Он числился одним из хормейстеров Оперы, хотя и был уже автором четырех шедших там балетов. Репетиции начались сразу после премьеры «Роберта-дьявола». Роли исполняли лучшие актёры труппы, однако директор театра не верил в успех откровенно революционного балета и уповал на эффекты сценических полётов. В те времена, когда полёты можно было наблюдать лишь в балете, публика охотно «покупалась» на подобную зрелищность. «Сильфида» же обещала потрясти всех невиданными трюками. Балерины должны были кружиться над лесной поляной, а в конце подниматься группой с земли, унося в воздух свою мёртвую подругу. На генеральной репетиции все не клеилось: Тальони чудом уцелела, сорвавшись во время полёта в камин. Но на премьере всё прошло как по маслу. Триумфальный успех, конечно, обеспечили не только живописные декорации, но новизна поэтической концепции, блистательно воплощённая отцом и дочерью Тальони. В «Сильфиде» сегодняшние приёмы классического танца — пальцевая техника, затяжные прыжки — впервые получили «законную прописку». То, что ещё недавно казалось едва ли не пустым акробатическим трюком и осуждалось критикой как откровенный гротеск, теперь выражало поэтическую суть крылатого создания, неподвластного законам земного притяжения. Виртуозная сложность этого танца — скольжения, бег, замирания на пальцах одной ноги, был доступна одной Тальони. Кордебалет её подруг — сильфид — лишь аккомпанировал ей. И всё же «Сильфида» вскоре полетела над миром, покоряя балетные театры многих стран.

Наверное, и неискушённый в танцах читатель догадается, что знаменитая «Жизель» рождалась под непосредственным влиянием первенца романтического балета Филиппо Тальони. Поэтический сценарий Теофиля Готье перекликался с сюжетом «Сильфиды», а композитор Адан довёл до совершенства принципы симфонизации музыкально-танцевального действия, которые утверждались в хореографии Тальони.

В сентябре 1837 года Мария приехала в Россию и осталась здесь на пять сезонов, завоевав горячие симпатии не только записных балетоманов, но и широкой публики. Выступления Тальони послужили началом новых обычаев в зрительном зале: при ней впервые стали подносить артисткам цветы, ей первой стали аплодировать дамы, которые до тех пор считали это

неприличным; новшеством стали и многократные вызовы исполнительницы. «Марию Тальони нельзя называть танцовщицей: это художница, это поэт, в самом обширном значении этого слова. Появление Тальони на нашей сцене принесло невероятную пользу всему нашему балету, и в особенности нашим молодым танцовщицам», — писал один из критиков.

Общество, конечно, бурлило, обсуждая не только пируэты прославленной балерины, но и примеряя шляпки, туалеты «от Тальони». Мария являлась признанной законодательницей мод в Европе. Дело дошло и до смешного — богатые девушки жеманно обсасывали «карамельки Тальони». Её имя стало процветающей торговой маркой, а с помощью верного импресарио и «имиджмейкера» Марии — её отца — по-прежнему упорно насаждался миф о балерине, как о неземном создании.

С умильной улыбкой передавали обыватели друг другу слух о том, как будто бы родился «стиль Тальони». Якобы однажды звезда появилась в ложе большой парижской оперы в весьма странной шляпке на голове. Модистка пришла в отчаяние: «Я отогнула поля вашей шляпы, — рыдала она на следующий день, — для того, чтобы она не помялась в картонке, а вы её так и надели!» «Я думала, что это по новой моде», — отвечала артистка.

Рассказывают, будто на другой день все парижские дамы щеголяли в шляпках с отогнутыми полями.

Подлинная же причина триумфа Марии Тальони заключалась в том, что романтизм стал настоящим стилем жизни её современников, а она «бестелесным» его символом. Мария сделала из танца «почти бесплотное искусство» и сумела воплотить идеал женского изящества той эпохи. В честь Тальони назывались головные уборы и лёгкие ткани, а воздушный газовый туалет, который носила Тальони на сцене и в жизни, сделался любимым костюмом парижских модниц. В подражание ей дамы старались украшать платье множеством воланов, чтобы сделать туалет более воздушным.

Ну а наивность звезды не помешала ей вполне прилично устроиться в России. От брака с графом Воазеном балерина имела дочку и сына. Правда, вскоре граф растратил не только собственное состояние, но и прихватил часть богатства Марии. В 1835 году Тальони вынуждена была разойтись с мужем. Зато в северной столице она подыскала вполне приличную партию для дочери — отпрыска князей Трубецких. Так что пользу от посещения северной столицы получила не только русская балетная школа, но и пошатнувшееся материальное

благосостояние метрессы.

Петербургское общество буквально заразилось танцами. Сливки аристократии стремились брать уроки у знаменитой балерины. Немецкие газеты тех лет не без иронии сообщали, что Тальони во время своего пребывания в Петербурге написала музыку гавота, который исполнялся 120-ю девушками в розовых костюмах. По словам тех же газет, ноты этого гавота выдержали в Петербурге за 3 месяца 22 издания (!).

Сам император Николай, большой любитель балета и хрупких балеринок, приходил в восторг от танца Тальони и нередко заходил после спектакля за кулисы. К этим посещениям петербургский свет привык, но что потрясло местных сплетниц — сама императрица удостоила Марию личным приветствием. Николай не смог скрыть своего изумления: «Этого она не делала ни для одной артистки».

Знаете, что воскликнула в ответ Тальони? Ни за что не догадаетесь. Она тоже восхитилась, весьма искренне надеясь польстить: «Какая у императрицы очаровательная ножка».

Только актрисе, вероятно, можно было простить такую вопиющую фривольность…

В 1842 году после трогательного прощания Тальони оставила гостеприимную страну, навсегда завоевав сердца благодарных русских зрителей. А через пять лет она закончила выступать на сцене и поселилась в своём палаццо на озере Комо. Вторая половина её жизни была менее блестящей, чем первая. А если учесть её прошлую небывалую популярность и избалованность славой, то можно предположить, как тяжко Марии было переносить забвение. Во время войны 1870 года она получила сообщение, что убит её сын. Растерзанная горем мать вскоре узнала, правда, что, к счастью, он всего лишь тяжело ранен, но ложное сообщение стало лишь началом новых бед. В 1871 году умер Филиппе Тальони, с ним вместе для Марии ушла и вся её жизнь, её гений, она потеряла опору в этом мире. Свой долгий век великая балерина окончила в ужасающей бедности, зарабатывая на существование уроками танцев, а умерла она в день своего рождения — 23 апреля.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ

(1805—1863)

Княгиня, дочь генерала Н.Н. Раевского, жена декабриста С.Г. Волконского, друг А.С. Пушкина, который посвящал ей стихи. В 1827 году последовала за мужем в Забайкалье. Автор «Записок».

Славная аристократическая фамилия Волконских известна многим, особенно по женской линии. Вспоминается сразу Зинаида Волконская, имевшая литературный салон начала XIX века, где бывали Пушкин и Баратынский, и ещё одна Зинаида — уже эмигрантка, оставившая воспоминания о Набокове. Но, пожалуй, самой значительной представительницей этого семейства, превзошедшей по славе даже своего отца, известного генерала Отечественной войны 1812 года Раевского, стала Мария Николаевна.

Дело, вероятно, не в том, что она одной из первых отправилась за своим мужем-декабристом Сергеем Волконским в Сибирь. И не в том, что её боготворил Пушкин. И уж, понятно, не в том, что она оставила интересные записки, рассказывающие о ссылке и каторге. А может быть, разгадка её популярности в словах собственного отца о своей дочери: «Я не знал женщины более замечательной». Генерал Раевский был скуп на похвалы и сентиментальные чувства. Когда-то в памятном 1812 году он бросил совсем юных мальчиков, собственных сыновей, на самый опасный участок войны. Дочь тоже воспитывали в строгости и послушании…

Ю. Лотман однажды сказал, что необычайный всплеск русской духовности XIX века был подготовлен женщинами, дамочками, зачитывающимися любовными романами и грезившими жертвенными подвигами. Это они, невинные и неискушённые, создали рафинированные понятия чести, долга, совести; внушили эти понятия своим детям, но, к сожалению, под давлением практицизма и материализма тихо, без борьбы ушли в небытие. Мария Волконская из таких кристально чистых и высоких духом женщин. Она, возможно, воплощает неповторимый идеал, от которого сегодня сохранилось немного насмешливое и сожалеющее прозвище: «декабристка».

Марию выдали замуж без любви и без её согласия. Не принято было в семье «тирана» Раевского интересоваться мнением «соплячки». Само собой разумелось, что свадьба играется для блага девушки, а уж она потом оценит «подарок» родителей. Мария действительно внимательно отнеслась к воле

отца. Судя по всему, она ощутила себя свободной, став женой богатого помещика. И, видимо, решила, что принуждение к свадьбе будет последним принуждением её жизни. Но свободу Мария понимала не как случайную радость поступать по собственной прихоти, а как возможность в полной мере реализовать духовные ценности, о которых она имела вполне самостоятельное представление.

До декабрьского восстания 1825 года Мария видела мужа всего лишь три месяца из совместно прожитого года. Она не произнесла ни одного слова обиды, когда муж отвёз рожать Марию в «медвежий угол» к её родителям в деревню, где до ближайшего врача было 15 вёрст. Пережив тяжёлые роды, Волконская немедленно стала интересоваться судьбой своего супруга и, узнав, что он арестован, отправилась в Петербург. О силе её характера можно судить по тому, что она уехала с сильной болью в ноге и с младенцем на руках.

Её подвижничество тем удивительнее, что оно не было продиктовано никакой конкретной целью — Мария не испытывала большой любви к мужу, не разделяла и не понимала она и политических взглядов декабристов, с большим пиететом относилась к существующей власти и даже боготворила милосердие Николая I. Её самопожертвование продиктовано высочайшими ценностями, воспринятыми ею из книг и героических примеров. Не зря, приехав в столицу, первое, о чём она справилась у знакомых, — не был ли её муж замешан в заурядных махинациях или авантюрах с государственными деньгами. Она брезгала всем мелким, пошлым, нечистоплотным. Порядочность, честь, долг, возвышенные идеалы — вот её ценности. Вероятно, она подсознательно радовалась, что судьба дала её поколению испытание на прочность, что жизнь женщины их круга наконец-то вышла из тесного мирка балов, сплетен и пустых мечтаний.

Боялась ли Мария трудностей в Сибири? Конечно, невозможно себе представить человека, сколь романтичным бы он ни был, не страшащегося неизвестности и обречённости. Волконская же отправлялась на каторгу мужа надолго, скорее, навсегда, совершенно не представляя, что её там ждёт. На что она надеялась? Только на себя, на свои неопервшиеся ценности, на веру в доброту. Можно сказать, что она представляла жизнь гораздо лучше, чем она есть на самом деле. И чудо!.. Жизнь стала таковой.

Следом за отправившейся в путь Марией Николай I выслал гонца с бумагами, в которых предписывались самые строгие меры для жён декабристов. Власть хотела сломить строптивых.

Женщины теряли свои дворянские права, и государство более не отвечало не только за их безопасность, но и человеческое достоинство. Что было страшнее для этих моралисток? Может быть, только то, что тяжёлым бременем ложилось на их материнские плечи — дети, прижитые в Сибири, «поступали в казённые крестьяне».

Потрясённый Сергей, увидев жену в тесном каземате благодатского рудника, бросился к Марии, но она опустилась на колени и прежде, чем обнять мужа, поцеловала его кандалы. В этот поступок вместился весь смысл её жизни, смысл жизни женщин её поколения. Слабый пол переставал быть только тенью своих мужей, он вступал на путь общественного самосознания, на путь активного участия в происходящем. Можно спорить о пользе и необходимости свободы женщины, но то, что эмансипация в России начиналась со «слабеньких барынек — декабристок», не вызывает сомнений.

Женщины, приехавшие в Сибирь, скоро выросли из безропотно молчащих пленниц. Они с энтузиазмом отстаивали права не только своих мужей, но и вообще всех бесправных узников. Однажды Волконская увидела, что заключённые выходят из тюрьмы, едва прикрыв свою наготу: без рубашек, в одном исподнем бельё. Тогда Мария купила холста и заказала несчастным одежду. Начальник рудников, узнав об этой вольности, рассердился: «Вы не имеете права раздавать рубашки; вы можете облегчать нищету, раздавая по 5 или 10 копеек нищим, но не одевать людей, находящихся на иждивении правительства». Волконская парировала: «В таком случае, милостивый государь, прикажите сами их одеть, так как я не привыкла видеть полуголых людей на улице». Начальнику пришлось извиняться за слишком резкий тон. Мария настолько высоко несла чувство собственного достоинства, что среди отбросов общества, годами селекционированных в Сибири — убийц, пройдох, насильников — никто ни разу не позволил дурно обойтись с нею, хотя единственной защитой была только она сама, слабая бывшая княгиня.

С годами жены декабристов создали какое-то подобие общественного комитета, который распределял приходившие в частном порядке денежные средства, помогал хлопотать об амнистии или смягчении участи, заботился о неженатых, хоронил и женил товарищей по несчастью. Они стали огромной духовной силой. В Иркутске до сих пор не изгладилось это влияние. То и дело то там то тут вспоминают о добрых делах декабристской колонии.

В 1829 году из столицы пришла радостная весть:

заключённым разрешили снять кандалы. Это была первая ласточка надежды на послабление участи. Однако годы шли, а суровое наказание оставалось в силе. Вначале Мария думала, что государь смилостивится через пять лет, потом она ожидала амнистии спустя десять, слабый лучик оставался и через пятнадцать лет ссылки. Через 25 лет Волконская смирилась. Единственное, о чём она молила Бога — вызволить из Сибири её детей. Однако, когда маленькому Мишеньке исполнилось семь, Николай решил позаботиться о государственных преступниках и предложил по желанию матерей забрать детей на попечение царствующего дома. Волконская наотрез отказалась, решив, что дети во что бы то ни стало должны сохранить свои корни и память о родителях.

При всей силе духа Волконской поражает её стремление остаться женщиной. Порой доходило до парадокса, словно общественный долг велел поступать ей как бесполому существу, а природа расставляла все по своим местам. В Петровском Заводе они добились от начальства разрешения на проживание прямо в камерах мужей. Долго боролись (даже писали письма в столицу) за то, чтобы в стенах, наконец, пробили маленькие окошечки. Мария купила крестьянскую избу для своей девушки и человека, приходила туда привести себя в порядок — причесаться, помыться, одеться. В камере же она сама обтянула стены шёлковой материей, поставила пианино, шкаф с книгами, два дивана. «Словом, — писала она, — было почти что нарядно».

Волконским повезло, они всё-таки дожили до освобождения из ссылки. Из Сибири Мария Николаевна вернулась в 1855 году. Перед смертью она написала знаменитые «Записки», полагая своими читателями детей и внуков. Но молва о существовании воспоминаний распространилась быстро. Первым пожелал ознакомиться с записками Н. Некрасов, задумавший поэму о подвиге русских женщин. Он обратился к сыну Волконской, однако Михаил Сергеевич, не желая предавать огласке воспоминания матери, с трудом согласился прочитать поэту часть текста. Только в 1904 году «Записки» были опубликованы и поразили читателей глубокой порядочностью и скромностью автора.

СЕСТРЫ БРОНТЕ

ШАРЛОТТА БРОНТЕ
(1816—1855)
ЭМИЛИ БРОНТЕ
(1818—1848)
ЭНН БРОНТЕ
(1820—1849)

Английские писательницы, родные сестры: Шарлотта — псевдоним Каррер Белл — автор романов «Джейн Эйр» (1847), «Шерли» (1849), Эмили — автор романа «Грозовой перевал» (1847) и стихов, Энн — автор романа «Агнес Грей» (1847) и стихов.

Надо же такому случиться, что в семье пастора Патрика Бронте родились подряд три дочки, и все три были помечены божественной печатью литературного дара, и все были глубоко несчастны, потому что слишком отличались от окружающих, имели хилое здоровье и не имели детей — случай в истории уникальный. Чего только не понаписали критики и исследователи о сёстрах за сто с лишним лет, какими только способами не разгадывали они этот феномен — и к фрейдизму примеряли, и воспитательные методы в доме пастора детально анализировали, и даже географический фактор английского графства Йоркшир, где жили знаменитые сестры, не обошли вниманием. Но чудо семейства Бронте по-прежнему таит в себе какую-то возвышенную, недоступную и немного жуткую загадку.

Судите сами. Природа, как двуликий Янус, наделила сестёр Бронте щедрым писательским даром, но никому из шестерых детей пастора не дала она возможности иметь наследника. Род Патрика Бронте прекратился вместе с ним, ибо ему единственному дано было пережить всех своих многочисленных домочадцев. Сегодня в старинный дом в Хауорте приходят туристы, чтобы своими глазами осмотреть скромную обитель, в которой практически всю жизнь провели знаменитые сестры. Всё сохранилось, все на своих местах, словно древний, измученный одиночеством хозяин только что отлучился: софа, где умерла Эмили, серо-зелёное платье Шарлотты с узкой талией и широкой юбкой, её неправдоподобно маленькие чёрные туфли, миниатюрные, исписанные бисерным почерком первые самодельные книжки сестёр Бронте. На втором этаже ещё можно разглядеть еле заметные, нацарапанные карандашом по извёстке линии — остатки детских рисунков.

Окно самой тесной комнатушки выходит на кладбище.

Угрюмый пейзаж с поросшими мхом надгробьями навевает меланхолическую мысль о бренности земного бытия и суетности всего человеческого.

Скорбный список на каменной плите открывает хозяйка дома Мария Бронте. Старшей дочери было всего лишь семь лет, младшей Энн — несколько месяцев, когда в адских мучениях умерла мать. Чтобы дети не слышали стонов больной, их отправляли гулять под присмотром старшей сестры, а Патрик, стиснув зубы, заглушая крики умирающей жены, с остервенением пилил ножки стульев в своём кабинете. Понятно, что детские впечатления маленьких Бронте слишком далеки были от радужных, к тому же и пастор англиканской церкви, многодетный отец, не отличался добрым нравом. Оставшись с шестью малолетними детьми на руках (пятеро девочек и один мальчик), Патрик возложил заботу о малышах на сестру покойной — равнодушную, спокойную тётушку. Властный, эгоцентричный, превыше всего ценивший собственный покой, Патрик редко снисходил до общения со своими чадами, большую часть времени проводя в гостиной, где в одиночестве обедал или готовился к проповеди. Когда же тоска становилась нестерпимой, Патрик в припадке отчаяния выскакивал во двор и стрелял в воздух.

Детей в семье воспитывали пуритански, не оказывая ни малейших поблажек. Пища была спартанская, одевали их всегда в тёмное — однажды отец сжёг сапожки одной из девочек по причине слишком яркого цвета. Некому было задуматься и об их здоровье. Желая дать дочерям мало-мальское образование, Патрик отправил Марию, Элизабет, Шарлотту и Эмили в 1824 году в частный пансион Коуэн-Бридж. Здесь девочки столкнулись с изощрённой жестокостью и садизмом воспитательниц, прикрываемыми лицемерными заботами о благонравии детей. Голод и холод стали обычными спутниками пансионерок. Однажды больную старшую сестру заставили подняться с постели, когда она с трудом добралась до столовой, её за опоздание лишили завтрака. Вскоре Мария скончалась от скоротечной чахотки, едва дожив до десяти лет. И хотя директор Коуэн-Бридж, мистер Уилсо полагал, что ранняя смерть — самое лучшее, что может выпасть на долю человека (тогда он безгрешным ангелом предстанет перед Создателем), но когда слегла вторая Бронте — Элизабет, он всерьёз озаботился репутацией школы и поспешил отослать «хлипких» сестричек домой. Элизабет, правда, это уже не спасло.

После ужасов частного пансиона жизнь на просторах Хауорта показалась Шарлотте и Эмили раем. По крайней мере, во внутренний их мир никто не вмешивался, не было неусыпного

контроля воспитательниц. Ни тётушка, ни отец не посягали ни на эмоциональную сторону детских душ, ни на досуг своих подопечных. Между тем в пуританском, тихом доме Бронте разыгрывались жаркие, невидимые взрослым страсти, которые все стремительнее заполняли страницы первых самодельных блокнотиков детей.

Кто научил их писать, кто надоумил погрузиться в придуманные миры и общаться с вымышленными героями? Известно, что ещё до рождения детей Патрик Бронте издал два тома стихов, которые «предназначались главным образом для низших сословий», однако, обременённый семьёй, после смерти жены, пастор и думать позабыл о прошлых писательских опытах, да и литературные достоинства его поэзии представлялись весьма сомнительными. Скорее всего, дети взялись за перо, чтобы выпустить на волю свою фантазию, которую душили однообразные будни хауортского дома. Оказывается, иногда непредсказуемо благодатные плоды приносит и полное безразличие к своим чадам.

Поначалу сестры увлеклись сочинением пьес, причём первая «Молодые люди» — придумывалась и разыгрывалась во время игр в деревянные солдатики. Детское воображение работало мгновенно, роли и образы были моментально поделены. Шарлотте (теперь, после смерти двух сестёр, она стала старшей) достался самый красивый, самый высокий солдатик, настоящий герой, которому тут же было дано имя герцог Веллингтон. Воин Эмили получил прозвище Серьёза, самой маленькой Энн достался Пажик, а брат Брэнуэлл назвал своего солдатика Буонапарте. Драма «Молодые люди» успешно шла в хауортском доме (правда, без единого зрителя) целый месяц, пока не надоела, причём из нескольких десятков импровизированных вариантов был выбран самый последний и записан, после чего творение благополучно забылось, а вдохновение устремилось к новым художественным горизонтам.

Однажды декабрьским метельным вечером дети скучали у кухонного очага, поссорясь с экономной старой служанкой Табби, которая решительно не желала зажигать свечу. Долгую паузу нарушил Брэнуэлл, лениво протянув: «Не знаю, чем заняться». Эмили и Энн тут же присоединились к брату. Старуха посоветовала всем пойти спать, но какой же ребёнок послушно поплетётся в кровать, когда даже в такой однообразной жизни всегда есть для него что-нибудь интересненькое. Нашла выход из положения девятилетняя Шарлотта: «Что если у нас у всех будет по своему острову?» Игра быстро захватила всех, и вот уже в маленькой книжечке детским почерком расписываются новые

роли и коллизии — «Островитяне».

Забавы с драмами постепенно увлекли сестёр Бронте в особый, придуманный ими самими мир. Шарлотта и Брэнуэлл обрели страну грёз, Ангрию, где каждый день совершал геройские, а иногда и преступные деяния своенравный, жестокий и обольстительный герцог Заморна. Старшая сестра доверила брату войны героя, сама же занялась сложными любовными интригами Заморны. Сидя в маленькой спальне на втором этаже и глядя в окно, выходящее на кладбище, Шарлотта вряд ли видела серые каменные надгробья, погрузившись в мир придуманных страстей героя. Она, вероятно, уже сама не знала, что реальнее: скучная повседневность Хауорта или бурные события, происходящие в фантастической Ангрии. «Мало кто поверит, — записала она в дневнике, — что воображаемая радость может доставлять столько счастья».

Но Патрик Бронте по-прежнему был озабочен тем, что ему не удалось решить проблему образования дочерей. Эмили после ужасов частного пансиона наотрез отказалась покидать Хауорт, да и денег у сельского пастора было так мало, что даже на устройство одной Шарлотты в приличное заведение Маргарет Вулер пришлось разжалобить крёстную. Пансион в Роухеде, где старшая Бронте готовилась стать гувернанткой, славился в округе своими гуманными методами воспитания и хорошим образованием. Кроме того, Шарлотта обрела здесь подружек, которые впоследствии поддерживали её в трудные минуты всю жизнь.

Пока старшая сестра полтора года жила в пансионе, младшие, Энн и Эмили, очень сблизились. Брэнуэлл, чей статус единственного сына, а также бесспорный ум внушал девочкам уважение, не был склонен разделять игры сестёр. Тогда-то Энн и Эмили придумали своё соперничающее королевство Гондал. Это, конечно, было сродни мятежу, но мало-помалу Гондал приобрёл независимость от Ангрии, и когда возвратилась Шарлотта, младшие сестры уже вовсю фантазировали автономно. Гондал представлял собой огромный скалистый, обдуваемый холодными ветрами остров в северной части Тихого океана. Этот край сестры населили людьми сильными, свободолюбивыми, наделив их богатым воображением и бурными страстями. Здесь, как и в Ангрии, не утихала вражда, плелись интриги, зрели заговоры, велись войны, совершались великие подвиги и кровавые злодеяния. Это был мир, наполовину созданный буйной фантазией подростков, наполовину вычитанный из книг Вальтера Скотта и Анны Радклиф.

Со временем фантазиям сестёр стало тесно соседствовать

друг с другом. Подросшая Энн вскоре оставила своё королевство, Эмили придумала новый, расположенный в тропических широтах остров Гаалдин. Многие впечатлительные дети углубляются в придуманный им мир, но мало кто так и остаётся в нём пожизненно: Эмили превратила детский миф в почву и арсенал для своей поэзии. Она рано начала писать стихи, не помышляя быть услышанной: возможно, при её скрытности поэзия была единственным способом самовыражения. Значительная часть стихов Эмили связана с мифом о Гондале. Главная героиня — «роковая женщина» королева Августа Джеральдина Альмеда. Высокомерная, жестокая, деспотичная, она несёт гибель своим мужьям, возлюбленным, детям.

И если экзальтированная, нелюдимая Эмили осталась пленницей сказочных стран на всю жизнь, то для Энн путешествие в фантастический мир было интересной, увлекательной, но всё же детской игрой. Как и старшие сестры, Энн не отличалась крепким здоровьем, весёлостью и легкомыслием, но при всей своей нежности и склонности к рефлексии Энн в большей степени, чем другие, была наделена душевной силой и стойкостью. И если следующая попытка получить профессию гувернантки в пансионе мисс Вулер для Эмили снова закончилась неудачей (она не могла жить вне родного дома, «в чужих людях»), то Энн в 1838 году с отличием завершила обучение.

Идеальное представление о викторианской девушке включало безоговорочную жертвенность во всём, что касается семьи — именно так и воспитывались сестры Бронте. Шарлотта и Энн, едва достигнув совершеннолетия, отправляются на нищенские, унизительные «гувернантские хлеба» Однако даже здравомыслия Энн не хватает для того, чтобы прижиться в новой должности, столь тяжёлой представляется положение воспитательницы в богатом доме и столь неприспособленными к жизни выросли будущие писательницы.

Ещё более беспомощным, чем сестры, оказывается единственный сын Патрика Бронте — Брэнуэлл. А ведь он от природы был не менее одарён, чем его сестры — имел талант художника и писателя. Вероятно, возлагая на него много надежд, Патрик Бронте просто-напросто «перегнул палку» и впечатлительный юноша сломался под грузом ответственности. Попытка Брэнуэлла покорить Лондон своими рисунками не удалась, мало того, брат вернулся вскоре в Хауорт, растратив все семейные деньги, которые ему собирали по крохам сестры, и придумав красочный рассказ о собственном ограблении. Однако впечатления большого города неожиданно усилили амбиции

болезненного юноши, теперь он убеждал окружающих, что настоящее призвание его вовсе не живопись, а литература, и с самомнением провинциала Брэнуэлл написал письмо редактору знаменитого в то время журнала с предложением сотрудничества. Естественно, что ответом было презрительное молчание. Неудача постигла старшего Бронте и в создании собственной художественной студии. Место домашнего учителя в богатом доме Робинсонов брату выхлопотала Энн, которая, наконец, смогла прижиться в роли гувернантки у новых хозяев. Но Брэнуэлл разрушил и это хрупкое благополучие. Он влюбился в миссис Робинсон, признался ей в своём чувстве, домогался взаимности и после того, как та сообщила обо всём мужу, был выдворен из хозяйского дома. Вместе с ним хорошую работу вынуждена была оставить и Энн.

Несчастная любовь вывела болезненную натуру Брэнуэлла из равновесия. Он ударился в горькое пьянство, и жизнь в Хауорте превратилась с тех пор в сплошной кошмар: любимый брат с быстротой снежного кома катился с горы в пропасть, впадая в депрессию, и в конечном счёте — безумие.

Вообще, все семейство Бронте сопровождало фатальное невезение в личной жизни. Эмили ни разу не познала радости любви. Даже появление в Хауорте обаятельного священника Уильяма Уэйтмена, которое вызвало у обитателей женской половины дома весёлое возбуждение, так как молодой человек успевал оказывать равное внимание всем девицам, не тронуло души загадочной Эмили. В произведениях средней сестры Бронте читатель найдёт множество строк о любви, однако чувство это у неё хотя и пылкое, но умозрительное. У неё нет даже косвенного объяснения, что ей просто не в кого влюбиться, так как круг знакомств ограничен. Создаётся впечатление, что у Эмили не было потребности в любимом человеке или сексуальной привязанности. Отсюда вовсе не следует, что страсть чужда была её природе, но просто страсть эта не сосредоточивалась на конкретных людях, а пребывала, как и её душа, в заоблачных мирах вымышленного мифа. Зато Энн и Шарлотта весьма бурно прореагировали на нового помощника отца, стараясь обратить его внимание на себя. Несмотря на очень заурядную внешность, Шарлотта отличалась чрезвычайной требовательностью, и к тому времени уже отвергла притязания на её руку и сердце скромного брата своей подруги. Она честно объяснила ему, что её не привлекает брак без любви, и сама она, особа «романтически настроенная и эксцентричная», вряд ли сможет влачить скучные дни жены сельского священника. Однако подобная самооценка не помешала ей вскоре соперничать с младшей сестрой за внимание

Уильяма Уэйтмена, который также носил духовный сан. Но в отличие от прежнего претендента, молодой помощник преподобного Патрика Бронте был не только красив, но ещё и чертовски обаятелен и умён. Приятные беседы, прогулки по вересковым полям Хауорта, ужины при свечах сделали серую жизнь дома неожиданно наполненной и яркой. Увы, Шарлотта первой опомнилась, стараясь спрятать свои чувства как можно подальше, при этом горько поучая младшую: «Страстная любовь — безумие и, как правило, остаётся без ответа». К сожалению, она оказалась права — Уильям Уэйтмен был уже помолвлен. Однако в жизни Энн это чувство стало первым и единственным. По странному стечению обстоятельств рок, довлеющий над семейством Бронте, не обошёл и молодого обольстителя — через два года после встречи с сёстрами он скончался.

Весной 1841 года Шарлотта, как ей казалось, нашла выход из монотонного, скудного существования. А что если три сестры Бронте откроют свою школу, тогда придёт конец зависимости от чужой воли и капризов. Тётушка после некоторых колебаний согласилась субсидировать предприятие. Для усовершенствования познаний в феврале 1942 года Шарлотта и Эмили направились в Бельгию. Пансион Эгеров, куда они прибыли, производил благоприятное впечатление: уютные комнаты для отдыха и учёбы, прекрасный сад с розовыми кустами, в котором пансионерки, гуляя, непринуждённо внимали учителю.

Сама мадам Эгер, мать четверых детей, любила, сидя в цветнике и занимаясь шитьём для очередною младенца, принимать выученные уроки воспитанниц. Словом, после аскетического, жёсткого Йоркшира сестры Бронте с изумлением вдыхали тонкий, чувственный запах французских роз.

На самобытную Эмили, правда, никакие соблазны влияния не оказали. Она прекрасно училась, по-прежнему очень скучала по дому и, когда через полгода после начала учёбы умерла тётушка, с лёгким сердцем покинула гостеприимный пансион. Зато Шарлотту опьянила страстная романтическая любовь к своему наставнику мсье Эгеру. Впечатлительная, воспитанная на книгах Шарлотта в этой любви невольно воспроизвела популярный в середине XIX века сюжет Гёте. Преклонение Миньоны перед Майстером не только умиляло тогдашних читательниц, оно казалось идеалом отношений между женщиной и мужчиной.

Господину Эгеру, мужу хозяйки пансиона, человеку умному, вспыльчивому и очень требовательному, поначалу чрезвычайно импонировало преклонение английской девицы, её восторженность перед ним, тем более что девица-то оказалась

совсем не дурочкой, а её странная сестра и того более поразила степенного мсье Эгера: «Ей следовало бы родиться мужчиной — великим навигатором, — спустя годы написал об Эмили Эгер. — Её могучий ум, опираясь на знания о прошлых открытиях, открыл бы новые сферы для них; а её сильная царственная воля не отступила бы ни перед какими трудностями или помехами, рвение её угасло бы только с жизнью».

Пылкие чувства Шарлотты вскоре перестали быть тайной для многодетной супруги мсье Эгера. Незадачливый муж старался избегать влюблённой ученицы, а бедная романтическая девушка искренне страдала от того, что её чувство безответно. Её воображение питалось крохами воспоминаний о полувзглядах, кивках, обронённых фразах. Между тем у Эгеров родился пятый ребёнок, что давало право мадам держаться с покинутой соперницей холодно и отчуждённо. Заметно потеплело в её глазах только тогда, когда Шарлотта сообщила о своём непреклонном решении покинуть пансион.

Дома Шарлотту охватила страшная тоска по любимому. Её могли спасти только письма — иллюзорные беседы с желанным человеком, и она взялась за перо. Что ж, она ничего не придумала нового, кроме обычного женского вскрика, обращённого к уже «глухому» равнодушному человеку: «Мсье, беднякам немного нужно для пропитания, они просят только крошек, что падают со стола богачей. Но если их лишить этих крох, они умрут с голода. Мне тоже не надо много любви со стороны тех, кого я люблю… Но Вы проявили ко мне небольшой интерес… и я хочу сохранить этот интерес — я цепляюсь за него, как бы цеплялась за жизнь…» На полях этого письма её учитель записал фамилию и адрес своего сапожника и счёл разумным не отвечать своей экзальтированной корреспондентке.

К середине 1940-х годов жизнь сестёр Бронте стала особенно беспросветной, безрадостной и пустой. Ещё кровоточила любовная рана Шарлотты, умер молодой Уэйтмен, затею собственной школы пришлось оставить после смерти тётушки, но самым больным местом семейства Бронте стал Брэнуэлл. Пристрастие к опиуму и спиртному доводило его до исступления. Дни и ночи в Хауорте были отравлены ожиданием дикой выходки с его стороны, весь дом жил в невероятном напряжении. И вновь путь к свету указала старшая Шарлотта, единственная из всего семейства не утерявшая жизненной энергетики. Осенью 1845 года она случайно обнаружила тетрадь Эмили, в которой оказались стихи, чрезвычайно удивившие старшую сестру: они «не походили на обычную женскую поэзию… были лаконичны, жёстки, живы и искренни… Моя сестра Эмили была человеком необщительным, и

даже самые близкие и дорогие ей люди не могли без спросу вторгаться в область её мыслей и чувств. Несколько часов потребовалось, чтобы примирить её со сделанным мною открытием, и — дней, чтобы убедить, что стихи её заслуживают опубликования».

Идея Шарлотты оказалась проста: почему бы не объединить стихи, написанные всеми тремя сёстрами, в единый поэтический сборник. При этом согласие Эмили было совершенно необходимым, потому что именно её стихи представляли наибольший художественный интерес. Надо сказать, что Шарлотта уже имела некоторый опыт общения с литературным миром, несколько лет назад она послала собственные вирши знаменитому поэту так называемой «озёрной школы» — Саути. Мэтр ответил: «Праздные мечтания, в которых вы ежедневно пребываете, способны нарушить покой вашего ума, и, поскольку обычные дела покажутся вам пошлыми и никчёмными, вы почувствуете себя неспособной к их исполнению, не сумев стать пригодной к чему-нибудь ещё. Литература не может быть уделом женщины и не должна им быть. Чем больше женщина занята свойственными ей обязанностями, тем меньше у неё остаётся досуга для литературы…» Мысль Саути была прозрачна, как христова слеза: к чему женщине заниматься поэзией, когда природой она предназначена для другого. И так он уверился в непогрешимости своего мнения, что даже похвастался в письме одному знакомому, как наставил на путь истинный заблудшую девичью душу: «Кажется, она старшая дочь пастора, получила хорошее образование и похвально трудится гувернанткой в какой-то семье…»

К великому счастью, мир наш гораздо интереснее, чем людское представление о нём, и никто, даже знаменитый поэт, не знает, сколь «неисповедимы пути господни». Умиротворённое самомнение подвело Саути. «Бедная девица» не только занялась литературой вопреки мудрости житейской, но ещё и добилась успеха и славы.

Однако спустя почти десять лет после переписки с поэтом, Шарлотта, которой уже было тридцать, решила не афишировать то, что она женщина, чтобы не раздражать читателя. В мае 1846 года за её авторский счёт вышла первая книга сестёр Бронте: «Стихотворения Керрера, Эллиса и Эктона Беллов». «Братья», были отмечены в статье солидного литературного критика, но самой высокой похвалы удостоился, конечно, Эллис Белл (Эмили), «беспокойный дух» которого произвёл на свет «столь оригинальные» стихотворения.

Успех окрылил Шарлотту, и она решила теперь напечатать

книгу прозы «братьев Белл». Сама она предложила к публикации роман «Учитель», в основу которого, конечно же, положена история её несчастной любви к мсье Эгеру. У Эмили был написан «Грозовой перевал», а Энн заканчивала «Агнес Грей». Каково же было разочарование старшей Бронте, когда её роман не приняло ни одно издательство, зато работами младших заинтересовались. Особенно необычным, ни на что не похожим оказался «Грозовой перевал». Обратившись к миру английской провинции (другого она не знала), Эмили взглянула на него с непривычной точки зрения. Жизнь затерянной в глуши усадьбы предстала не патриархальной идиллией и не унылым стоячим болотом, а беспощадным поединком страстей. На диких вересковых пустошах, под хмурым северным небом писательница создала свой вневременной, мифический мир, в котором не было места мелким деталям, не было места частному "я". Презрев реальные страдания, реальные страсти, реального человека, Эмили обратилась к вымышленному сверхсуществу. Она и себя-то, по-видимому, считала свехчеловеком. Страдая психической неуравновешенностью, Эмили защищалась от окружающего враждебного мира бесконечным к нему презрением и отчуждением. Отношение её к другим людям в первую очередь характеризовалось тем, что она ни в ком, кроме, пожалуй, Энн, не нуждалась — тип характера практически совершенно не встречающийся среди представителей женского пола. Зато и творчество Эмили Бронте представляется совершенно мужским — глобальные проблемы поиска Абсолюта, частное отставлено в сторону. А в это «частное» попала и нормальная человеческая любовь. Отношения мужчины и женщины в «Грозовом перевале» не страсть, не нежная дружба, это мистический союз, который означает столь тесное единение двоих, будто они обладают общей душой. По-видимому, о такой нераздельной идеальной общности мечтала Эмили в глуши Хауорта. Но кто бы мог ответить на её притязания в далёкой сельской провинции, занятой сугубо практическими делами? Где бы ей пришлось встретить родственную душу?

Роман Эмили был по достоинству оценен только в начале XX века. Сомерсет Моэм, классик английской литературы, включил «Грозовой перевал» в десятку лучших романов мира. «Манифестом английского гения» назвал книгу критик Р. Фокс. Известный литературовед Ф.-Р. Ливис причислил Эмили Бронте к великим авторам традиционного английского романа, отметив при этом уникальность и неповторимость её дарования. Но всё это произошло позже, при жизни же почести, признание и слава не коснулись имени Эмили Бронте. «Грозовой перевал»,

опубликованный в 1847 году, остался почти незамеченным, более того, рискнём предположить, что он и вовсе бы оказался забытым, не будь ошеломляющего успеха старшей сестры Шарлотты с её новым романом «Джейн Эйр».

Потерпев неудачу с «Учителем», Шарлотта проявила незаурядную силу духа. В чём, в чём, а в своём литературном предназначении Шарлотта была непоколебимо уверена. В рекордно короткие сроки писательница создала новое произведение, а уже 16 октября 1847 года роман увидел свет. Успех был ошеломляющий: роман был написан с такой страстью, с такой искренностью, что не мог оставить читателя равнодушным. Главным открытием Шарлотты стал образ Джейн. Во многом автобиографичный, неброский, он разительно отличался от картинных романтических героинь того времени. История его создания начиналась в долгие, скучные вечера, когда весь дом в Хауорте отходил ко сну и ровно в девять Патрик Бронте запирал входную дверь. В такие часы сестры читали друг другу написанное за день, обсуждая все перипетии жизни, борьбы и любви своих персонажей. Рассказывают, что однажды Шарлотта заметила: почему героини романов нечеловечески прекрасны. «Но ведь иначе читателя не привлечёшь», — возразили Эмили и Энн. «Вы ошибаетесь, — сказала Шарлотта. — Хотите, моя героиня будет некрасивой внешне, но по-человечески настолько интересной, достойной и привлекательной, что её полюбят?»

Шарлотта знала, о чём говорила, — конечно, о себе, о своём затаённом желании любить, встретить близкого человека. А много ли красавиц ходит по земле, кому сие богатство досталось легко? Много ли этих счастливиц с роковыми глазами и неземными страстями, уверенных в себе и недоступных? Нет, Шарлотта прекрасно знала, с кем она будет делиться собственными чаяниями, к каким обиженным, тоскующим женским сердцам она обращается. И вот, прошло уже больше ста пятидесяти лет, а «Джейн Эйр» по-прежнему волнует читателей.

Биографическую подоплёку имеет и роман Энн «Агнес Грей». Написанный от первого лица, он рассказывает о событиях внешне малозначительных, о том, что пришлось пережить самой писательнице, будучи гувернанткой. В немногих дошедших до нас сведениях о характере и отношении к жизни Энн Бронте, как правило, подчёркивается её кротость, меланхоличность, религиозность. Энн, по-видимому, оставшись в младенчестве сиротой, стала предметом особой заботы домашних, даже суровость Патрика Бронте смягчалась при виде своей младшей дочери. Но в отличие от сестёр Энн была наделена большей стойкостью, практицизмом и трезвым взглядом на жизнь. Таковы

и две её книги, которые она успела написать за свою короткую жизнь.

Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» — семейно-психологический. Он построен как раскрытие тайны главной героини Хелен, поселившейся с маленьким сыном Артуром в мрачном, давно покинутом владельцами старинном доме елизаветинских времён. Появление прекрасной незнакомки, назвавшейся миссис Грэхем, привлекает внимание жителей округи. Её одиночество и независимость поведения разжигают интерес к её прошлому. История Хелен и обстоятельства её семейной жизни с Артуром Хандингдоном и положены в основу романа. В отличие от Эмили, Энн тщательно передаёт атмосферу среды, ощущение исторического конкретного времени путём воспроизведения мельчайших деталей быта, звучания речи, строения диалогов Это то неуловимо-определённое, что впоследствии будет воссоздано и передано как «викторианское», например, в таком близком нам по времени произведении, как роман Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта».

После ошеломляющей славы «Джейн Эйр» в Лондоне распространился слух, будто предприимчивый Керрер Белл продал все три романа в Америку вкупе с правами на ещё не написанное произведение. Когда обеспокоенный издатель Джордж Смит деликатно поднял этот вопрос в письме к своим авторам, то сестры решили наконец раскрыть подлинные имена. Было решено, что в Лондон отправятся Шарлотта и Энн, так как Эмили наотрез отказалась покидать Хауорт. Смит встретил сестёр недоверчиво. Увидев в руках Шарлотты своё письмо, он довольно резко пожелал узнать, каким образом оно к ним попало. Но его суровость вскоре сменилась неподдельным интересом и симпатией к сёстрам-писательницам — интересом особенно мучительным для застенчивой, закомплексованной Шарлотты. Обаятельный внимательный Джордж понравился влюбчивой, романтичной девушке.

Между тем приезд в Лондон, открытие литературному сообществу имён сестёр Бронте, яркие впечатления большого города после многолетнего пустынного Йоркшира стали последними маленькими радостями, доставшимися на долю наших героинь. В сентябре 1848 года от белой горячки скончался Брэнуэлл, и с его смерти началась череда событий, которые превратили Хауорт, по горькому замечанию Шарлотты, в «долину теней». На похоронах брата простудилась Эмили, но безнадёжно больная, она не желала признавать факта собственной слабости: слышать не хотела о врачах и лекарствах, каждое утро по-прежнему вставала раньше всех, гуляла по милым сердцу

окрестностям. Её бил озноб, она непрерывно кашляла и отхаркивала кровью, но не дай Бог было её кому-нибудь пожалеть. «Она выглядит очень-очень исхудавшей, — с тревогой писала Шарлотта подруге. — Но бесполезно расспрашивать её, ответа не последует. Ещё бессмысленней рекомендовать лекарства, она их категорически не принимает».

Утром 18 декабря 1848 года Эмили поднялась как обычно, а после завтрака взялась за шитьё, и только по прерывистому дыханию, мертвенной бледности и особому блеску глаз было заметно, что она с трудом держится на ногах. В полдень всё-таки послали за врачом, через два часа Эмили не стало.

Что мне богатство? — Пустота.
Любовь? — Любовь смешна.
И слава — бред и маета
Растаявшего сна
Ещё раз повторяю вслух
Перед концом пути:
"Сквозь жизнь и смерть свободный дух
Без страха пронести".

На полгода пережила любимую сестру Энн. Из последних сил девушка сражалась с чахоткой и за несколько дней до смерти попросила Шарлотту отвезти её на морской курорт в Скарборо — Энн верила в выздоровление. Но путешествие отняло её последние силы. Поняв, что умирает, Энн уговаривала оцепеневшую от горя старшую сестру: «Мужайся, Шарлотта, мужайся».

Страшным было возвращение Шарлотты в Хауорт. Трудно даже себе представить состояние писательницы, потерявшей за год троих самых близких для неё людей, трудно понять, как смогла она существовать в этих тёмных, мрачных стенах, в одиночестве и тоске. «Я чувствовала молчание дома, пустоту комнат. Я вспомнила, где, в каких узких и тёмных обителях нашли приют те трое, чтобы больше никогда не ступать по земле… Пришло то мучительное состояние, которое надо претерпеть, от которого нельзя уклониться. Я покорилась ему, проведя скорбные вечер, и ночь, и печальное утро». Нервное напряжение привело к тяжёлой болезни Шарлотты. Патрик Бронте, который был так убит смертью единственного сына, что, по-видимому, не ощутил горя последующих смертей, теперь не на шутку встревожился. Под угрозой была жизнь последней дочери, литературный успех которой до некоторой степени утолил горечь несбывшихся надежд, связанных с Брэнуэллом.

Вскоре после завершения «Джейн Эйр» воодушевлённая успехом Шарлотта начала писать новый роман «Шерли» и почти закончила его вторую часть до смерти брата, но домашние беды и болезнь надолго приостановили работу. С огромным трудом, большим усилием воли возвращается Шарлотта к жизни, к письменному столу, к листу бумаги. Теперь она, отлично сознавая бедность собственного личного опыта, понимает, что её спасение в воображении. Снова и снова на помощь приходит испытанный приём сестёр Бронте — если жизнь бедна внешними событиями, если она становится невыносимой, можно сбежать «на острова» фантазии, занять силы у богатства внутреннего мира.

Только придуманные герои, вновь и вновь проигранные судьбы могут отвлечь Шарлотту от страшных реалий окружающего.

Рецензии на роман «Шерли» появились неоднозначные, и всё же в целом книга была оценена положительно. Большинство знакомых и друзей гордились Шарлоттой. Правда, бывшая хозяйка пансиона, где училась писательница, мисс Вулер, узнав свою воспитанницу в авторе «Джейн Эйр», решила, будто этот факт повредит репутации Шарлотты, и поспешила её заверить, что она-то уж, во всяком случае, не изменит своего отношения к ученице. Зато крёстная была шокирована, что Шарлотта пишет. «Джейн Эйр» была воспринята ею как «дурная книга», и все отношения с крёстной дочерью были прерваны. Это, вероятно, огорчало писательницу, однако ей гораздо дороже было благоприятное мнение литературной среды о её творчестве.

Узнав о страшном горе Шарлотты, Джордж Смит приглашает Бронте в Лондон. Радушный приём издателя и его матери избавил от скованности Шарлотту. Теперь ей уже доставляет удовольствие общество лондонских друзей, она чувствует себя равной среди равных и впервые за полтора года ощущает себя спокойной и почти счастливой.

Смит и Уильямс (другой издатель) стремились сделать для неё пребывание в Лондоне приятным. Её вывозили в театр — посмотреть знаменитого актёра Макриди в шекспировских трагедиях «Макбет» и «Отелло». Макриди был идолом не только лондонской публики, он снискал большой успех и в Америке, где побывал на гастролях. Макриди Шарлотте не понравился, потому что, по её мнению, мало понимал Шекспира. Зато посещение Национальной галереи произвело на неё неизгладимое впечатление, особенно акварели Тернера. Бронте встретилась с известной лондонской писательницей Гарриэт Мартино, причём сама (что весьма удивительно при её застенчивости) попросила принять её. И, наконец, запоминающейся для Шарлотты стала

встреча с боготворимым ею Теккереем. «…Это очень высокий… человек. Его лицо показалось мне необычным — он некрасив, даже очень некрасив, в его выражении есть нечто суровое и насмешливое, но взгляд его иногда становится добрым. Ему не сообщили, кто я, его мне не представили, но вскоре я увидела, что он смотрит на меня сквозь очки, и когда все встали, чтобы идти к столу, он подошёл ко мне и сказал: „Пожмём друг другу руки“, — и я обменялась с ним рукопожатием… Думаю, всё же лучше иметь его другом, чем врагом, мне почудилось в нём нечто угрожающее. Я слушала его разговор с другими господами. Говорил он очень просто, но часто бывал циничен, резок и противоречил сам себе».

А она произвела на Теккерея очень благоприятное и даже трогательное впечатление: «Помню маленькое, дрожащее создание, маленькую руку, большие честные глаза. Именно непреклонная честность показалась мне характерной для этой женщины… Я представил себе суровую маленькую Жанну д'Арк, идущую на нас, чтобы упрекнуть за нашу лёгкую жизнь и лёгкую мораль. Она произвела на меня впечатление человека очень чистого, благородного, возвышенного».

Шарлотта вернулась из Лондона в середине декабря, к годовщине смерти Эмили. Но как бы печально ни провела она этот день, теперь она черпала силы и утешение в поддержке и симпатиях новых друзей. Зимы обычно были для Бронте тяжёлым испытанием. В восемь часов вечера отец и старая служанка Табби отправлялись спать, а Шарлотта доводила себя до исступления воспоминаниями. Ей чудились голоса сестёр, сквозь завывания ветра умолявшие её открыть дверь и позволить им войти.

Весной можно было отправляться в дальние прогулки по Хауорту. «В тишине этой холмистой местности я вспоминаю строки из их стихотворений… когда-то я любила их читать, теперь не смею, и часто у меня возникает желание забыть многое из того, что, пока мозг работает, я не забуду никогда».

Зато летом она снова побывала в Лондоне. Отношения между Смитом и Шарлоттой явно переросли дружеские, но так и не стали никогда любовными. Трудно сказать, почему так произошло. Они вместе ездили путешествовать, прекрасно понимали друг друга, но последнего шага, что отделяет друзей от любовников, сделать не сумели.

Новая симпатия придаёт Шарлотте силы, и снова в её памяти восстаёт та первая, самая яркая любовь к мсье Эгеру. Она начинает роман «Виллет» — так пренебрежительно называли французы провинциальный Брюссель в XIX веке. Снова она обращается к неудачной книге «Учитель», снова перед глазами

проплывают видения юности, преклонение перед её наставником, восхищение им. Снова она в плену единственного любимого, давно забывшего её.

Прочитав «Виллет», Теккерей писал одной из своих американских знакомых: «Бедная женщина, обладающая талантом. Страстное, маленькое, жадное до жизни, храброе, трепетное, некрасивое создание. Читая её роман, я догадываюсь, как она живёт, и понимаю, что больше славы и других земных или небесных сокровищ она хотела бы, чтобы какой-нибудь Томкинс любил её, а она любила его. Но дело в том, что это крошечное создание ну нисколько не красиво, что ей тридцать лет, что она погребена в деревне и чахнет от тоски, а никакого Томкинса не предвидится».

Но великий писатель ошибся. «Томкинс» у неё был. Шарлотта, измучившись от одиночества, дала согласие на брак преемнику своего отца по приходу Артуру Николлсу. Вероятно, Шарлотту, как и её близких друзей, этот брак несколько пугал. Безусловно, речь шла о полной перемене жизни, привычных занятий и, по-видимому, в конечном счёте об отказе от литературной работы. Но стареющая женщина выбрала эту кабалу, опасаясь ужасающей тоски и одиночества, она больше не могла спасаться в вымышленном мире своих героев.

Пять месяцев Шарлотта старательно исполняла роль преданной и хозяйственной жены, весь день её был заполнен приходскими делами и заботами мужа. Но в ноябре она заболела и больше не смогла подняться. На шесть лет пережила Шарлотта свою сестру Энн. Спустя шесть лет после кончины последней дочери умер и Патрик Бронте Словно жестокое проклятие тяготело над домом Бронте. Шестеро детей — и ни одного потомка.

Не убывает поток посетителей в музей сестёр Бронте. По-прежнему тайна дома в Хауорте будоражит умы людей, по-прежнему выходят книги Шарлотты, Эмили и Энн, по-прежнему потомки хотят понять, что же скрыто за судьбами этих женщин — обычные житейские обстоятельства или всё-таки некое необъяснимое предназначение рока и дара…

ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА АСЕНКОВА

(1817—1841)

Русская актриса. С 1835 года выступала в Александрийском театре. Прославилась в водевилях. Первая исполнительница ролей Марьи Антоновны («Ревизор» Н.В. Гоголя) и Софьи («Горе от ума» А.С. Грибоедова).

От неё почти ничего не осталось, только пересуды современников, несколько писем и догадки потомков. Она сверкнула в русской культуре словно промчавшаяся комета, никто не сумел даже понять, зачем имя Асенковой вспыхнуло так ярко на театральном небосклоне, что принесла она с собой, а главное, что она утаила, что унесла в могилу, так и не высказавшись до конца.

Бывают мистические случайности, преследующие человека и после его смерти. В 1941 году, спустя ровно сто лет после кончины актрисы, немецкий снаряд попал точно в могилу Асенковой, оставив после себя осколки памятника и глубокую яму, а на дне её — ничего, тёмная вода. Казалось, сам злой рок уничтожал последние следы присутствия легендарной женщины на этой земле. И всё же её незримое причастие к русской культуре ощущается до сих пор, её актёрская судьба до сих пор волнует души тех, кто хотел бы посвятить себя театру.

Она стала знаменитой буквально с первой минуты пребывания на сцене Александринского театра. Зритель не мог оторвать глаз от стройной, черноволосой семнадцатилетней девушки, нервной и подвижной, с прекрасным голосом и детской искренностью. Варвара пришла на сцену не из-за большой любви к театру: нужно было помогать матери, зарабатывать на жизнь. Отца девушка почти не знала. Подполковник Кашкаров был осуждён за неурядицы по службе, сослан на Кавказ и к жене больше не возвратился.

Александре Егоровне, матери Вари, горевать долго не пришлось, она блистала в театре в роли молодых кокеток, «невинных» служанок и занимала в этом амплуа первое место на столичной сцене.

Из театрального училища тринадцатилетнюю Варю выставили за неимением таланта, что девочку не очень огорчило. Занятия декламацией, пением и танцами не вызывали у неё восторга. История театральной школы знает немало случаев, когда педагоги ошибались, определяя способности своих учеников. Возможно, так было и в тот раз, но не исключено, что

директор императорских театров князь Гагарин преследовал корыстные цели, принимая на место Асенковой более обеспеченную ученицу.

После окончания обычного женского пансиона, где Варя получила довольно символическое образование, едва освоив французский язык и «хорошие манеры», наша героиня решила всё-таки, что ничего нет хуже безделья, и попросила мать договориться об уроках с корифеем русской сцены того времени Иваном Ивановичем Сосницким. Послушав Варю, известный актёр не стал медлить, и 21 января 1835 года Варя сыграла первые роли в бенефисе Сосницкого.

Асенкова, что называется, проснулась знаменитой буквально на следующее после спектакля утро. «И едва она заговорила, едва решилась поднять свои потупленные прекрасные глаза, в которых было столько блеска и огня, партер ещё громче, ещё единодушнее изъявил своё удивление шумными, восторженными криками „браво!“»

Вскоре на юную приму приехал взглянуть и сам самодержец всея Руси, первый кавалер Петербурга Николай I и, видимо, остался весьма доволен. По городу быстро разнеслась весть о подаренных Асенковой царём бриллиантовых серёжках. Отсюда, вероятно, и берёт начало та чёрная зависть, которая злобным облаком окружила молодую актрису и существенно укоротила её жизнь. Был ли Николай любовником Асенковой? Трудно сказать. Но то, что Варю окружало несчётное количество поклонников, это факт очевидный, и то, что ни один из них не стал её серьёзным романом, это тоже известно. Возможно, что Асенковой просто не хватало времени на увлечения.

Шутка ли сказать, она играла по триста спектаклей в год. А если ещё учесть, что утро она проводила в репетиционном зале, то о какой личной жизни можно было говорить. И всё-таки молодая актриса участвовала в жизни петербургской богемы. До нас дошли воспоминания об ужинах с шампанским в доме Асенковой, о пьяных кутежах офицеров, о глупых выходках её отвергнутых поклонников. Один из купцов, скупив первый ряд партера, высадил в него лысых мужчин. В зале начался хохот, представление было сорвано, и Асенкова в слезах убежала за кулисы. В другой раз слава в буквальном смысле едва не лишила жизни актрису. Когда она садилась в карету после спектакля, какой-то офицер, поджидавший её у выхода из театра, бросил в окно кареты зажжённую шутиху. По счастью, она угодила в шубу соседа Асенковой. Ревнивца схватили и, по царскому повелению, отправили, конечно, на Кавказ. Варвара Николаевна по-своему отомстила виновнику покушения. Когда офицера под арестом

везли мимо Ораниенбаума, где Асенкова в то время отдыхала, актриса в нарядном платье и модной шляпке, под руку с генералом и с целой свитой офицеров приветливо помахала проезжавшей коляске, едко улыбнувшись проигравшему.

Первые годы актёрской карьеры Асенкова блистала в незатейливых пьесках с переодеванием в мужской костюм. Ей удивительно шли офицерские мундиры, шпоры, начищенные сапожки. Она, практически ровесница водевиля, стала королевой этого жанра. Но силой своего таланта Асенкова смогла преодолеть пошлость дешёвых розыгрышей, банальные приёмы старого театра. Асенкова казалась на сцене резвящимся ребёнком, который даже в самых фривольных и раскованных водевильных куплетах не утрачивал детской наивности и чистоты. «Восхищённое дитя выпорхнуло на сцену», — сказал о ней один из критиков.

Но она никогда бы не смогла только славой водевильной актриски перешагнуть порог своего времени, не будь в ней заложен великий драматический талант. Её роли взрослели вместе с ней, органично переходя из амплуа инженю в амплуа трагической героини. Асенкова одна из первых сыграла на русской сцене Офелию, с таким неподдельным чувством и драматизмом, что стало очевидным даже для врагов: эта актриса, сыгравшая сотни водевилей с переодеванием, способна вызвать слезы у зрителей высокой трагедии.

В постановке «Гамлета» Асенкова проявила себя как зрелый художник, способный внести новаторскую мысль. Обычно уступчивая и покладистая, Варвара наотрез отказалась от мелодраматических эффектов, которые обычно сопровождали трагедию в старом театре. Так, она провела сцену безумия Офелии в полной тишине, хотя по традиции её обязательно должна была сопровождать пафосная игра оркестра. Удачно сыграла Асенкова и роль Марьи Антоновны в пьесе молодого драматурга Гоголя. На спектакле, конечно, присутствовал и сам автор. Серьёзной драматической ролью актрисы стала дочь мельника в пушкинской «Русалке».

Связанная контрактами, обещаниями, долгами собственной семьи, Варвара все чаще должна была соглашаться на роли в весьма посредственных пьесах. Нервная, обидчивая, Асенкова едва приходила в себя от больных уколов, которые, не щадя, наносили её самолюбию товарищи по сцене. Находясь на гастролях в Петербурге, знаменитый Щепкин посетил представления водевиля «Полковник старых времён». После спектакля Асенкова не могла не подойти к мэтру:

«Михайло Семёнович, как Вы находите меня?»

«Вы, конечно, ждёте похвалы, — жёстко ответил Щепкин. — Ну так утешьтесь: вы в „Полковнике старых времён“ были так хороши, что гадко было смотреть».

Знаменитый актёр, безусловно, желал продемонстрировать высокие претензии театру. Безусловно, не следовало талантливой актрисе размениваться на ничтожные роли с переодеванием. (Щепкин называл это амплуа «сценическим гермафродитизмом».) Но ведь и самому Михайле Семёновичу приходилось не раз появляться в пустых и ничтожных пьесках. Почему же он не пощадил «товарища по несчастью», молодую женщину? Что ж, нравы театра, как известно, всегда отличались особой жестокостью.

Скандал, разгоравшийся вокруг имени талантливой актрисы, с годами приобретал все больший размах. Не проходило и дня, чтобы в столичных газетах не появлялись карикатуры на Асенкову, намекавшие на двусмысленные связи и сплетни. Анонимные угрозы злопыхателей преследовали актрису на каждом шагу. Ядром заговора против Асенковой стала её собственная подруга детства, которая соперничала на сцене с Варварой и не желала терпеть рядом явной победительницы, а может, и фаворитки самого царя. Обычная история — уничтожить талант, чтобы успокоить гений посредственности.

В театре все чаще за спиной Асенковой раздавался злорадный шёпот:

«Она уже выдохлась! Не та, что раньше».

«Слышали, с ней больше не продляют контракт».

Актрисе, с её истерически нервным характером, трудно было не обращать внимания на провоцирующие сплетни. Ещё труднее было не читать заведомо заказанной жёсткой критики.

"Госпожа Асенкова до такой степени небрежна, до такой степени дурна в ролях своих, что признаюсь, мне редко случалось испытывать в театре такое неприятное чувство. Желая добра г-же Асенковой, как актрисе не без таланта, мы советуем ей поучиться, как держать себя на сцене — не у г-жи Аллан.

Нам до неё, как до звезды

Небесной далеко! -

но хоть у г-жи Самойловой…" (Г-жа Самойлова — та самая коварная подруга детства, которая не раз делила с Варварой одни и те же роли.)

«Однообразное, безжизненное, часто (в смысле грамматическом) неправильное произношение, манерность в игре… Мы бы очень боялись за русскую комедию и даже водевиль, если б не видели прекрасной надежды для нашего театра в лице г-жи Самойловой»

«У г-жи Асенковой заметили мы на этот раз особенную сторону таланта: лет через пять эта талантливая артистка может с полным успехом занимать роли г-жи Гусевой (пожилых дам)…»

Потоки грязи, обрушившиеся на Асенкову, доводили её до нервного исступления. Возможно, её соперница Самойлова и была более безупречна в плане обывательской морали и оттого не подавала такой пищи для сплетен, но ведь талант, как известно, меньше всего защищён. В этой ситуации не нашлось ни одного поклонника, который бы открыто выступил в защиту актрисы. Наоборот, её имя стало одиозным. Один из современников, проведших немало вечеров в обществе Асенковой, в её шумных компаниях, беззастенчиво писал: «Заходил в Летний сад, где был сконфужен встречею с Асенковыми, которым поклониться при всех было неловко, а не поклониться совестно».

Травля актрисы, вкупе с её непосильным семилетним трудом, запах скипидара и клеевых красок, которые в изобилии каждый вечер излучал театральный зал, постоянные сквозняки за кулисами и в артистических уборных — все это подорвало здоровье Асенковой. Она в буквальном смысле сгорела от чахотки, будучи ещё очень молодой. Но по слишком запоздавшим воздыханиям современников: «…Было что-то неуловимое в облике этого ангела, „что-то“, о чём нельзя рассказать ни в одной рецензии, никакими словами. „Что-то“, которое можно только почувствовать».

ДЖОРЖ ЭЛИОТ

(1819—1880)

Настоящее имя Мэри Анн Эванс. Английская писательница. Из философии позитивизма заимствовала идею постепенной эволюции общества и гармонии классов. Автор романов «Мельница на Флоссе» (1860), «Сайлес Марнер» (1861), «Миддлмарч» (1871—1872).

Под этим псевдонимом скрывалась женщина, причём женщина нового типа, поистине воплотившая эмансипированную даму XIX века. Элиот являла собой феминистку в самой крайней радикальной форме, и Жорж Санд, по сравнению с нею, представляется всего лишь романтически настроенной мечтательницей. В первое знакомство с произведениями Элиот кажется, что вряд ли кто из английских писателей отличался столь резко выраженными мужскими чертами, как эта романистка. Но позже понимаешь — как невозможно спрятать волчьи зубы под заячьей маской, так не упрячешь под позитивной философией и резкими суждениями женскую натуру. И чем больше будешь «подпускать» жёсткости и рационализма, тем очевиднее откроется человеческая слабость автора.

Впрочем, нельзя отрицать, что Элиот — самая образованная английская романистка XIX века, и в этом отношении превосходит и Диккенса, и Теккерея. Художественные достоинства её произведений могут быть оспорены, зато могучий аналитический ум Элиот не вызывает сомнений.

Мэри Энн Эванс происходила из небогатого, но очень почтенного буржуазного английского семейства, где традиции чтили неукоснительно. Её отец был мастером на все руки — работал управляющим в чужих имениях, сам хозяйствовал на ферме, знал тонкости всех сельскохозяйственных работ. Мэри была любимицей отца — мистер Эванс разглядел рано проявившийся мужской, глубокий ум дочери. Вот только внешностью природа её наделила непривлекательной. «Небольшая худощавая фигурка с непропорционально большою, тяжёлою головою, рот с огромными, выдающимися вперёд „английскими“ зубами, нос хотя и правильного, красивого очертания, но слишком массивный для женского лица, какая-то старомодная, странная причёска, чёрное платье из лёгкой полупрозрачной ткани, выдающее худобу и костлявость шеи и резче выставляющее на вид болезненную желтизну лица…» — такой нелицеприятный портрет Элиот даёт С. Ковалевская,

высоко ценившая жизненные позиции писательницы и её творчество. Правда, познакомилась Ковалевская с Элиот в те годы, когда Джорж уже было к пятидесяти, да и нужно сделать скидку, что вышеприведённый портрет написан женщиной, пусть и достаточно умной. Однако отзывы мужчин о внешности Элиот по общему впечатлению мало отличались от мнения Ковалевской. Большой ценитель женской красоты И.С. Тургенев отмечал, что ему редко приходилось встречать столь непривлекательную женщину, каковой показалась ему английская писательница, оговариваясь при этом, что Элиот была первой дамой, заставившей его поверить в безумное очарование некрасивой женщины.

Надо сказать, что обаяние Элиот, в отличие от её ума, вызревало долго. До 32-х лет Мэри оставалась старой девой и жила с отцом, зарабатывая на кусок хлеба. Она получила рядовое английское образование в частном пансионе, где особое внимание уделялось религиозным наставлениям, и долгое время представляла из себя ретивую пуританку. Однако пуританство сошло на нет под влиянием, по-видимому, чисто женского бунта против одиночества, скудости существования и недостатка тепла.

Мэри отказалась от посещения церкви, начитавшись книг радикально настроенных мыслителей. Только через девять месяцев гнев отца и мольбы родных склонили её к компромиссному решению — сопровождать мистера Эванса в церковь. Однако с окружающим миром девушка больше примириться не смогла. Замкнутая, чуткая до болезненности ко всякому диссонансу, Мэри всегда жила в своём, ею изданном мире. Закомплексованная, мучительно переживающая собственное несовершенство, она, возможно, никогда не поднялась бы над боязнью падения и ошибки, не сложись обстоятельства второй половины её жизни столь удачно.

Никто не знает, от какой точки отсчёта может быть дан старт жизненному успеху. Для Мэри бег к славе начался со смертью старого мистера Эванса. Свобода дала возможность оставшейся совершенно одной, перезрелой девушке обрести круг знакомых, равных ей по уровню образования и умственным запросам. Через философа Герберта Спенсера и издателя Чепмена, с которыми у неё установились тесные деловые контакты, Мэри познакомилась с Джоржем Генри Льюисом. С этим мужчиной наша героиня осознала, что и она может нравиться, что и ей судьба уделила «кусок от пирога» женского счастья.

Не обладая привлекательной внешностью, Мэри, однако, в совершенстве овладела ещё более мощным оружием, сражающим наповал мужские сердца. Она умела слушать, но не так, как

умеют растворяться в партнёре «душечки», а как умеют слушать только умные женщины. «Рассказчица она была плохая и в общем разговоре тоже мало выделялась, даже редко принимала в нём участие, — писала об Элиот С. Ковалевская. — Зато она в высшей степени владела искусством, так сказать, втягивать человека в разговор; она не только на лету ловила и угадывала мысли того лица, с которым говорила, но словно подсказывала их ему, как бы бессознательно руководила ходом его мысли. „Я никогда не чувствую себя таким умным и глубоким, как во время разговора с Джоржем Элиотом“, — сказал мне однажды один наш общий приятель…» Ну какой же мужчина устоит перед возможностью ощутить себя гением мысли?" Оказывается, первые феминистки вовсе не ставили своей целью морально уничтожить мужчину. Во всяком случае, восхищение Льюиса своей подругой дало Мэри уверенность в себе и способствовало её решению начать писать.

К началу знакомства Мэри и Льюиса последний являлся одним из вождей английского позитивизма, и хотя его главный труд — «Физиология обыденной жизни» (1859—1860) — ещё не был написан, Льюис пользовался известностью в литературных и научных кругах. Сложность их отношений заключалась в том, что Льюис был женат и имел троих сыновей, что, конечно, делало брак Мэри с любимым невозможным. В 1853 году, когда наша героиня стала открыто жить с Льюисом, вся родня Эвансов отвернулась от неё. Однако Мэри не посчиталась даже с гневом горячо любимого ею брата Айзека. Она скорее равнодушно воспринимала наносимые её самолюбию мелкие уколы, когда, уже будучи известной писательницей, её не принимали в светских салонах и когда её избегали знакомить со своими жёнами и дочерьми даже те, кто высоко ценил талант Элиот.

Зато в лице Льюиса Мэри обрела надёжного друга, буквально раскрывшего её талант. Свидетельства современников о личности Льюиса и даже о его внешности настолько противоречивы, что можно подумать, будто речь идёт о разных людях. Ясно одно, что человек этот был незаурядным, весьма общительным и обаятельным. Многие отмечают, что являлся он полной противоположностью своей подруге: весёлый, живой, прекрасный рассказчик, он собирал вокруг себя людей с лёгкостью и казался даже несколько поверхностным рядом с глубокомысленной, тяжеловесной Мэри. Во всяком случае, что бы ни говорили о Льюисе, — своей счастливой литературной судьбой, да, по-видимому, и женским благополучием, наша героиня обязана своему неназванному мужу. С его же лёгкой руки Мэри Эванс превратилась в Джоржа Элиота. Этим псевдонимом писательница подписала своё первое художественное произведение в январе

1857 года — новеллу «Печальная участь достопочтенного Эймоса Бартона». Возможно, не поддержи Льюис болезненного самолюбия своей подруги, не выставляй он напоказ даже с явным преувеличением её достоинств, не состоялось бы и триумфа нашей героини. Так что феминизм — всего лишь порождение хорошего отношения к умным женщинам.

Роман, который сделал Элиот знаменитой, был опубликован в 1859 году и назывался «Адам Бид». Критики её книгу сравнивали с произведениями Диккенса и Теккерея, которые и сами пришли в восторг от нового писателя и вместе с другими читателями сгорали от нетерпения узнать истинное имя «великого незнакомца». Надо отдать должное психологическим способностям Диккенса — он по каким-то нюансам догадался, что автор нашумевшего произведения — женщина, а ведь даже издатель её книг на первых порах и не подозревал этого, получая рукописи из рук Льюиса.

Но однажды Льюис пригласил издателя к себе на обед, обещая познакомить с «великим незнакомцем». Обед втроём продолжался весьма долго, и, когда гость выразил сожаление, что Элиот всё-таки не явился, Льюис со смехом представил озадаченному издателю свою жену. Так впервые был раскрыт псевдоним автора нашумевшего романа «Адам Бид». Нашлись самозванцы, которые пытались присвоить себе имя Джорж Элиот. Мэри Энн Эванс вскоре пришлось написать в «Таймс» письмо, раскрывающее секрет её авторства.

Роман «Мельница на Флоссе» (1860) тоже принёс Элиот славу, которая теперь возрастала всякий раз с выходом в свет новой книги. Наша героиня быстро стала знаменитой. Ей простили даже необычный брак. Теперь многие сами добивались знакомства с нею. На субботних приёмах в её лондонском доме можно было увидеть самых выдающихся писателей, философов, журналистов, английских и приезжих, причём многие не удостаивались даже разговора с писательницей. Душой общества по-прежнему был Льюис, а Элиот всегда сидела в стороне, в неизменном своём вольтеровском кресле, защищённая от лампы широким абажуром, и посвящала свой разговор лишь одному какому-нибудь избраннику.

Положение Элиот в обществе представлялось весьма курьёзным. С одной стороны, она нарушила нормы морали, деля постель с человеком, который не являлся её мужем, да ещё и при живой жене. С другой стороны, авторитет Элиот как писательницы был столь непререкаем именно в вопросах нравственности, что на неё в Англии взирали как на наставницу, учителя жизни, Сивиллу. Сама королева Виктория, славящаяся

строгими моральными принципами, была ревностной почитательницей Элиот и рекомендовала романы писательницы своим внучкам.

В 1878 году Льюис скончался. Казалось бы, Элиот, потеряв такого преданного друга, должна была впасть в отчаяние, однако, спустя несколько месяцев после кончины мужа, она, несмотря на преклонный возраст, вышла замуж вторично. И снова её брак потряс общественность английской столицы. На этот раз её избранником стал неженатый, свободный, но тридцатилетний Джон Уолтер Кросс.

С. Ковалевская, приглядываясь к союзу Элиот и Льюиса, находила, что Мэри сошлась со своим другом без страсти, а, скорее, по расчёту. Она сопроводила свои выводы тонкой психологической подоплёкой, указывая, что их брак не нашёл отражения ни в одном произведении Элиот, в то время как любая волнующая писательницу деталь немедленно освещалась на страницах её романов. Следовательно, рассуждала Ковалевская, роман с Льюисом не задевал души Элиот, да и вообще, судя по сочинениям Мэри, в ней много было рассудочности, логики и совсем немного — чувства. Союз с Льюисом был, наверное, хорошо обдуманным шагом, поступком, которым она определила свою будущую жизнь.

С последним законным мужем всё было, вероятно, не так. Постаревшая Элиот любила этого доброго, глуповатого красавца. «Больше всего поражали в нём… карие глаза, простодушные и преданные, как у большой ньюфаундлендской собаки, и рот, который по своему тонкому очертанию и нервному подергиванью губ скорее шёл бы к женскому лицу и как-то даже противоречил вполне здоровому, откровенному выражению всей остальной фигуры». Элиот по-прежнему выглядела старухой, не утруждала себя, чтобы смотреться молодящейся рядом со «свеженьким» мужем, но в ней не проглядывало и тени беспокойства или озабоченности мнением окружающих.

Никто так и не узнал истинного намерения молодого человека, женившегося на знаменитой писательнице. Он, кстати, был достаточно обеспечен, чтобы желать завладеть состоянием Элиот, да и наша героиня была достаточно умна и цинична, чтобы обещать молодому мужу часть своего богатства — она предусмотрительно завещала нажитое детям Льюиса от первого брака, искупая тем самым вину перед ними. Возможно, Кросс действительно любил свою жену и преклонялся перед её умом, возможно, он решал свои внутренние психологические проблемы. Жаль, что дальнейшей жизнью мужей знаменитых жён история не интересуется, и мы не знаем, как сложилась судьба Кросса после

смерти Элиот. Может быть, зная это, мы бы и приоткрыли тайну последних лет нашей героини.

Во многих своих романах Элиот любила разрешать труднейшие жизненные узлы смертью. Так было в «Мельнице на Флоссе», когда Магги, героиня, умирает, пожертвовав своей любовью ради кузины. В «Миддлмарче» мистер Казабон уходит из жизни, не дождавшись доведения конфликта до логического конца. Смерть в произведениях Элиот становилась примирительницей всех проблем, в которые затягивали её героев человеческие страсти. Когда однажды об этом сказали писательнице, она ответила: «Неужели вы не замечали, что в жизни действительно так и бывает? Я лично не могу отказаться от убеждения, что смерть более логична, чем обыкновенно думают. Когда в жизни положение становится чересчур натянуто, когда нигде не видать исхода, когда обязанности, самые священные, взаимно противоречат одна другой, тогда является смерть, внезапно открывает новые пути, о которых никто и не думал прежде, и примиряет то, что казалось непримиримым. Сколько раз случалось уже, что доверие к смерти придавало мне мужество жить».

Элиот знала, что говорила… Она скончалась неожиданно, так и не успев надоесть своему юному мужу, не пережив своей популярности.

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ

(1819—1901)

Королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.

Трудно найти в истории правителя, который продержался бы у власти дольше, чем Александрина Виктория (первое её имя дано в честь русского императора — Александра I). Целых 64 года из 82 лет жизни! И пусть Англия XIX века уже не была абсолютной монархией, а Виктория не имела полномочий диктатора, пусть казной государства распоряжались премьер-министры и банкиры, королева стала символом целой эпохи, в которую, ни много ни мало, уместилось почти все прошлое столетие Великобритании.

Виктория заняла трон, покрытый комьями грязи, которую «нанесли» в британский царствующий дом её предки, не слишком заботившиеся о репутации династии. Они полагали, что королям и королевам можно все, а потому не отказывали себе в сомнительных удовольствиях. Виктория за долгие годы правления смогла обесцветить многие пятна, в том числе и кровавые, украшавшие английскую корону; она полностью изменила мнение общества о монархии. Из вертепа, который терпели лишь по привычке, боязни перемен и почтении перед высоким происхождением, британская династия превратилась благодаря Виктории в оплот семейственности, дедовской стабильности и незыблемой морали.

Наша героиня смогла, что называется, вовремя перестроиться и создала совершенно новое представление о монархии — то самое, какое «сидит» в нашей голове и поныне. Современному человеку покажется просто кощунством утверждение, что царствующие особы несут в себе генетическую порочность или кровожадность предков. Мы верим, что в нашем суетливом мире единственная гарантия покоя и справедливости — не тронутая войнами, революциями и «всякими там авангардами» монархия. А ведь этому, казалось бы, прочному мифу человечество во многом обязано «старушке» Виктории, царствование которой вошло в английское искусство, прославилось литературой и до сих пор вспоминается с некоторой ностальгией. «Викторианская эпоха» — эпоха пуританства, семейственных ценностей, вечных, безвременных истин.

Нашей героине никогда бы не оседлать британский трон, будь многочисленное потомство больного Георга III более

плодовито. Из шести дочерей и шести сыновей короля кто-то был бездетным, а кто-то и вовсе не соглашался связать себя узами брака. Пытаясь исправить «гиблое» для и так хиреющей британской династии положение, трое последних сыновей в преклонных летах «рискнули» жениться. В один и тот же 1818 год они срочно обзавелись второй половиной, но повезло лишь одному — герцогу Кентскому, у которого родилась-таки дочь. Понятно, было «не до жиру» — не до сына — и торжествующей Англии предписали ликовать по поводу появления наследницы британской короны. Правда, сама Виктория о такой чести не ведала до 12 лет. А когда ничего не подозревающей принцессе сообщили о её блестящей перспективе, то она, как и полагается благовоспитанной девочке, воскликнула: «Я буду хорошей!»

Детство Виктории «королевским» можно назвать, имея в виду только происхождение, по сути же оно было, скорее, «монашеским». В Англии, как известно нам по литературе XIX века, детей не особенно баловали. Ситуация же в семье Виктории осложнялась тем, что, едва дочери исполнилось восемь месяцев, престарелый герцог Кентский, не отличавшийся примерным образом жизни и поведением, скончался, оставив жене многочисленные долги и финансовые обязательства. Будущую королеву воспитывали в страшной строгости, ей возбранялось спать отдельно от матери, беседовать с незнакомыми людьми, отступать от раз и навсегда заведённого режима, съесть неположенную сладость. Гувернантка Луиза Лецен внушала Виктории, что не следует плакать на людях, и часто девочка, едва сдерживая слёзы, убегала в комнаты, чтобы не подвести свою воспитательницу. Виктория, несмотря на суровость и замкнутость Луизы, любила свою гувернантку и слушалась её во всём. Надо сказать, что Луиза привила будущей королеве немало практических черт, которые потом так пригодились ей в запутанных дворцовых интригах. В качестве компаньонки бывшая воспитательница ещё долгое время сохраняла влияние у трона, пока законный супруг Виктории (как и следовало ожидать) не удалил от королевы чересчур прыткую особу.

Словом, к будущности властительницы Викторию подготовили ответственно. Кто-то, воспользовавшись молодостью претендентки, пытался проскочить на «хлебные» посты, заручиться её поддержкой, обмануть или понравиться неопытной принцессе. Накануне коронации один из придворных буквально насильно вручил девушке перо и бумагу, требуя от неё собственного назначения на пост секретаря. Однако, несмотря на тяжёлую болезнь (тиф), Виктория дала резкий отпор нахалу. В день занятия трона она записала в дневнике, что неопытность в

государственных делах не помешает ей проявлять твёрдость в принятии решений. За 64 года она ни разу не изменила обещанию, данному самой себе.

Виктория не отличалась ярким интеллектом или энциклопедическими знаниями, зато она владела завидным умением справляться с тем, что мешало ей выполнять своё предназначение — она не ныла, не рефлексировала, не изводила окружающих лишними сомнениями, а прагматически выбирала из многочисленных советов самые полезные, а из «трущихся» рядом личностей — по-настоящему верных. К королевству Виктория относилась, как к большому дому, которому нужна рачительная и спокойная хозяйка, «звёзд с неба не хватающая». «У меня каждый день столько бумаг от министров, а от меня им. Очень довольна такими занятиями».

Однако «железное» воспитание не убило в королеве женщину. Юная Виктория с тревогой следит за своей склонной к полноте фигурой, ненавидит раннее вставание и утомляющий дворцовый этикет. Первые годы правления прошли в балах и увеселениях: она словно навёрстывала время, потерянное за скучными наставлениями Луизы Лецен. Но что самое поразительное, вопреки расхожему мнению, будто династические браки, заключённые по расчёту, редко случаются удачными, наша героиня была счастлива в семейной жизни и радовалась взаимной любви.

Первые годы царствования, когда у ног молодой королевы всегда «крутятся» мужчины, желающие попасть в фавориты, Виктория обожала главу кабинета правительства, виконта Мельбурна. Однако дальше романтической дружбы и многозначительных взглядов их отношения не зашли. Королева была слишком неопытна в сердечных делах, слишком целомудренна, а Мельбурн — слишком умён, чтобы осложнять себе жизнь, и ему вполне хватало восхищения юной леди и влияния на королеву, которым он пользовался при всяком удобном случае.

Подобный расклад сил, похоже, устраивал всех, кроме герцогини Кентской, которая по праву матери хотела видеть себя первой советчицей дочери. Однако её топорная интрига против хитрого Мельбурна закончилась скандалом. Герцогиня обвинила главную придворную даму, протеже виконта, в беременности, что было немыслимо при британском дворе. При обследовании выяснилось, что фрейлина — девственница, да ещё и тяжело больна. Вскоре она умерла, что дало повод придворным устроить шумиху и упрекнуть королевскую семью в «бессердечии». Герцогиня Кентская с позором удалилась из дворца.

В 1840 году Виктория вышла замуж за принца Саксен-Кобургской династии — Альберта. Молодой человек имел весьма привлекательную внешность, слыл «ходячей энциклопедией», особенно в технических дисциплинах, любил музыку, живопись и отличался «в теннисе XIX века» — фехтовании, да ещё при всех этих достоинствах он не был «бабником», мотом, лентяем и легкомысленным. Виктория недолго ожидала благосклонности принца, она сама сделала ему предложение. Возможно, согласие Альберта стало для последнего выбором удачной карьеры и только… Однако даже завистники королевы побоялись бы утверждать, что брак королевской четы оказался неудачным. В конституции Англии не было и до сих пор нет формулы для определения мужа при царствующей особе, но для Альберта сразу поставили стол в «офисе» Виктории.

Поначалу обязанности принца были ограничены: он, что называется, вникал в дела государства. «Я читаю и подписываю бумаги, а Альберт их промокает…» — писала королева. Но постепенно влияние мужа на Викторию стало неоспоримым. Узнав, что королева, не посоветовавшись, отпустила на избирательную кампанию одной из партий 15 тысяч фунтов стерлингов, Альберт наставлял жену — монархия не должна поддерживать ни одну из политических сторон. Благодаря супругу, Виктория стала пользоваться железной дорогой, спровоцировав тем самым технический подъем в стране. С лёгкой руки принца в Британии все стремительнее распространялись рыночные отношения. «Делать деньги нужно из всего — неважно, какими способами», — учил супруг королеву. Англия из сельскохозяйственной страны превращалась в одно из самых промышленно развитых государств Европы.

С первых дней жизни в королевском дворце Альберт публично заявил, что его долг — погрузить собственное "я" в личность своей жены-королевы. В частных отношениях, в воспитании детей это не всегда получалось — первая же болезнь дочки вызвала такую панику у родителей, что их спор о методах лечения закончился крупной ссорой, после которой Альберт в своём кабинете настрочил послание Виктории, предупреждая, что гибель ребёнка ляжет на её совесть. Однако на страже интересов государства принц стоял намертво, и королева полностью ему доверяла. Их брак оказался, не в пример порочным предкам, и чрезвычайно плодовит — девять детей родила Виктория за двадцать лет совместной жизни, и все это между королевскими делами.

Удачная внутренняя и внешняя политика, победа в Крымской войне, процветание экономики Британии формировали даже у

степенных англичан культ королевы.

Беда случилась в 1861 году. Внезапно умер Альберт, и безутешная королева затворилась надолго в четырех стенах, отказывалась принимать участие в публичных церемониях. Но кто видел слезы королев? Толпа безжалостна к своим кумирам, стоит им оступиться или броситься в пучину горя. Положение бедной вдовы сильно пошатнулось, однако соотечественники рано хоронили Викторию. Такую твёрдую женщину невозможно было сломить даже безвозвратной потерей. Следуя основной политике умершего мужа, она ловко лавировала в сложной ситуации с Пруссией. Альберт ратовал за объединение Германии, но он не мог предвидеть развитие событий при Бисмарке, а королева, ненавидевшая прусского «деятеля» на словах, весьма хитроумно смогла установить с ним хорошие отношения. Лишь благодаря её личному обращению к Бисмарку Париж в 1871 году избежал массированного обстрела. Словом, Виктория постепенно и с блеском возвратилась «в большую политику».

Настоящий расцвет её царствования пришёлся на середину 1870-х годов, когда к власти пришёл лидер консерваторов Бенджамин Дизраэли. Мудрый премьер-министр подарил английской короне Суэцкий канал и Индию. Благодарная Виктория уговорила Дизраэли принять титул графа. В эти годы внешняя сторона монархии, её публичное представительство пережили второе рождение. Королева вместе со своими многочисленными детьми и внуками охотно показывалась на церемониях народу и с удовольствием устраивала празднества. Особенно роскошными получились торжества по случаю 50-летнего юбилея царствования Виктории. В Лондоне состоялась даже имперская конференция в честь Её Величества с участием заморских деятелей.

Последние годы жизни характер у Виктории испортился. Да и понятно: её все чаще и чаще близкие и министры воспринимали как выжившую из ума старуху, брюзгу и зануду. Она же считала, что окружающие несправедливы к ней, что её опыт ещё рано списывать с «корабля современности», поэтому Виктория по-прежнему вмешивалась в дела государства, писала злые и поучающие письма министрам и ворчала по поводу новых нравов. Обычный конфликт «отцов и детей»…

И как всегда старшее поколение находит поддержку во внуках. Сдержанная, несклонная к обычным женским сплетням, Виктория стала наперсницей внучки Алисы, сочувствовала её любви к наследнику российской короны Николаю. Виктория вспомнила, как была удивлена она странностями императора далёкой дикой страны — тоже Николая, только Первого, который

в 1844 году во время визита в Великобританию требовал стелить ему на ночь вместо перин солому из королевских конюшен. Но разве кто-нибудь, влюбившись, прислушивается к своим бабушкам? Виктория, в конце концов, сделала всё от неё зависящее, чтобы любимая внучка стала императрицей Александрой Федоровной. Она была старой и опытной, английская королева… Перед свадьбой Алисы Виктория пророчески заметила: «Состояние России настолько плохое, настолько прогнившее, что в любой момент может случиться что-то страшное». Но даже эта «мудрая черепаха» не могла себе представить, что отдала любимую внучку на эшафот в чужую, варварскую страну.

Кончину Виктории после короткой болезни искренне оплакивали миллионы её подданных. И неудивительно — для многих соотечественников Виктория казалась «вечной» правительницей, других они за свою долгую жизнь не знали. Виктория стала символом целой эпохи, именно при ней Великобритания стала империей, имевшей свои земли в Индии, Африке, Латинской Америке, именно при ней Британия пережила экономический и политический взлёт. Понятно, что многим в истерической скорби тех дней казалось, будто со смертью королевы на рубеже веков рушится мир, грядёт катастрофа.

Имелись, разумеется, и другие мнения. Пусть их было меньшинство, но упомянуть о них стоит. Один из современников писал: «Относительно личности королевы избегают говорить всё, что думают. Из того, что я слышал о ней, явствует, что в последние годы своей жизни она была довольно банальной почтенной старой дамой и напоминала многих наших вдов с ограниченными взглядами, без всякого понимания искусства и литературы, любила деньги, обладала некоторым умением разбираться в делах и некоторыми политическими способностями, но легко поддавалась лести и любила её… Впрочем, публика стала видеть в этой старой даме нечто вроде фетиша или идола…»

Но в конце концов о свойствах личности и чертах характера можно говорить бесконечно, имея при этом самые разнообразные мнения, однако о королеве благополучие её страны скажет больше самых красноречивых слов. А у детей и внуков Виктории были ещё более веские основания чтить умершую за бережливость, предприимчивость и те богатства, которые подарила она царствующему британскому дому. Более четырех десятков потомков оставила Виктория после смерти, почти во все династии Европы «проникли» её наследники. «Викторианство» до сих пор вспоминается в Англии как райское, благословенное

время. И если даже всё было вовсе не столь безмятежно, как теперь представляется, каждому государству нужна «своя Виктория», как миф о «теплом», «уютном» «времечке», в которое и погода была лучше, и женщины красивее, и дети не взрослели, и старики не старились…

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БЛАВАТСКАЯ

(1831—1891)

Русская писательница и теософ. Путешествовала по Тибету и Индии. Под влиянием индийской философии основала в 1875 году в Нью-Йорке Теософское общество.

Одна из самых закрытых для женщин областей деятельности — философия, рефлексивная мыслительная работа. Может быть, по-житейски дамы подчас и умнее сильного пола, однако в эмпиреи отвлечённого знания они поднимаются с большим трудом, да и то на уровне школьной программы. Пожалуй, единственной женщиной в мире, которая не побоялась проникнуть в дебри сложных умозрительных конструкций, была Блаватская. Да и то, изыскания Елены Петровны с большим трудом можно назвать чисто философскими, это, скорее, оккультизм, связанный с религией.

Соотечественникам остаётся только гордиться, что из обычной русской барышни выросла такая удивительно нестандартная личность. Среди предков Елены Петровны было много исторических личностей России, Франции, Германии. Девочка воспитывалась в основном в семье бабушки по матери, образованной, можно сказать, исключительной женщины. Она переписывалась со многими знаменитыми естествоиспытателями, один из которых даже назвал в честь неё найденную им ископаемую раковину — Venus-Fadeeff. Бабушка завела в доме загадочный кабинет, который воспламенял живое воображение маленькой Блаватской. Много диковинных вещей видела девочка, проникая за таинственную дверь — чучела разных зверей и птиц, яркие цветы на стене. Приходя в бабушкин кабинет, девочка садилась на чучело чёрного моржа, и в сумерках ей казалось, что зверь начинал шевелиться. Немудрёно, что именно здесь, как утверждала Блаватская, ей и являлся впервые её учитель — индус в белой чалме, всегда один и тот же.

Её мать занималась литературным трудом — довольно редкая для женщины профессия в середине прошлого века. Читающей публике она была известна под псевдонимом Елизавета Р-ва. Её называли русской Жорж Санд. Когда Лене исполнилось одиннадцать, её двадцативосьмилетняя мать умерла. С тех пор девочку стали преследовать «голоса» и с ней начали случаться странные необъяснимые происшествия.

Однажды когда она упала с лошади, то ясно почувствовала чьи-то руки, которые поддерживали её, чтобы она не разбилась.

Другой случай произошёл с Блаватской, когда она была ещё совсем крошкой. Высоко на стене висела картина, задёрнутая белой материей, которую девочка по детскому любопытству непременно хотела посмотреть. Она соорудила пирамиду из двух столов и влезла на неё, упираясь рукой в пыльную стену. В то мгновение, когда девочка отдёрнула уголок занавески, она потеряла равновесие. И больше она уже ничего не помнила. Очнулась она совершенно невредимая, на полу, столы стояли на своих прежних местах, занавеска на картине была задёрнута, и только след маленькой ручки на стене доказывал, что случившееся происходило наяву. Вот такие удивительные истории происходили в детстве с Еленой Петровной.

В восемнадцать лет она вышла замуж за пожилого непривлекательного господина Блаватского. Поговаривали, что она сама сделала ему предложение, а следующие три месяца после свадьбы отбивалась от мужа, который требовал от неё выполнения супружеских обязанностей.

Второй период жизни Блаватской известен мало. По официальной версии, почерпнутой из её биографии, изданной в России в 1997 году, Блаватская путешествовала: из Константинополя поехала в Египет, потом в Афины. Объездила Малую Азию и Северную Африку, изучала языки, общалась с бедуинами и африканскими колдунами. В 1851 году она встретила Махатму Мориа, главу эзотерической философской школы «Белое братство», которая базировалась в монастырях Тибета. Все последующие годы Махатма посылал Елене Петровне таинственные послания — письма в маленьких конвертиках, которые падали буквально с потолка, то есть материализовались прямо на глазах у изумлённых поклонников Блаватской.

Но есть и другая, семейная версия, которую изложил её двоюродный брат Сергей Витте (выдающийся русский политик). Елена, сбежав от мужа, поступила в Константинополе в цирк, вышла замуж второй раз за оперного певца Миштровича, занялась спиритизмом, давала фортепьянные концерты в Париже и даже родила сына Юрия. По слухам, ребёнок умер в младенчестве. Конечно, Елена Петровна решительно отрицала столь неприятные для неё факты и даже собиралась в последние годы жизни подать в суд на газету «Сан», опубликовавшую эти сведения, и представить доказательства того, что она девственница.

Последние 18 лет жизни Блаватская была на виду, и об этом периоде осталось множество свидетельств. Кроме того, в это время она написала все свои основные работы, в которых изложила сущность своей доктрины. Блаватская исходила из того положения, что человечество, достигнув современной

цивилизации, утеряло Мудрость своего детства, оно осиротело, когда Великие Посвящённые, дав возможность человеку самостоятельно развиваться, перестали направлять его развитие. Однако всякому понятно, что разум земной мало преуспел в разумном устройстве жизни и он по-прежнему нуждается в советчиках. Вот поэтому время от времени Учителя и посылают в мир с определённой просветительской миссией своих посредников.

Блаватская считала себя наделённой этими полномочиями, миссионером, способным принести людям свет эзотерической истины, которая откроет человечеству подлинные его возможности, прежде всего психологические. Елена Петровна неоднократно подчёркивала, что пером её водит некая мудрая сила, что жизнь и смерть её не зависят от её желания. Когда она заболевала, к ней всегда приходило чудесное и скорое исцеление. Последнее третье выздоровление было особенно необыкновенным. Два доктора нашли её положение безнадёжным и только удивлялись, как она ещё до сих пор жива с такими тяжёлыми недугами. Ночью у неё началась агония, но когда появились первые солнечные лучи, утомлённые сиделки увидели, что на кровати сидела спокойная, бодрая Елена Петровна. На вопрос, что же с ней случилось ночью, она ответила: «Учитель был здесь. Он предложил мне на выбор или умереть и освободиться, если я того хочу, или жить ещё и кончить „Тайную доктрину“. Он сказал мне, как тяжелы будут мои страдания и какое трудное время предстоит мне. Но когда я думала о тех людях, которым мне разрешено передать мои знания… я решилась пожертвовать собой». Удивление докторов было неописуемым.

А что касается отказа Елены Петровны от авторства своих сочинений, то один из её сподвижников, Олькотт, вспоминал, что Блаватская имела четыре совершенно разных почерка, в зависимости от освещаемого вопроса. И в стиле просматривались разительные несовпадения: некоторые страницы написаны были отличным английским языком, а другие требовали многих поправок.

В 1875 году Блаватская вместе со своими сторонниками основала Теософское общество, задачей которого стало преодоление конфликтов современной цивилизации: между материальностью и духовностью человека, между религией и наукой. Противоречию этих полюсов в новой культуре была противопоставлена гармония древних философов, умевших слить воедино эти, казалось бы, несовместимые вещи. Была учреждена библиотека, основная задача которой состояла в популяризации

тех знаний, которые утрачены современным человечеством. Резиденцией общества стали окрестности Мадраса, где на морском берегу, в местечке Адьяр, был куплен уютный дом с садом.

Конечно, вокруг имени Блаватской кипели нешуточные страсти. В 1884 году разразился скандал. Её верные слуги, супруги Куломб, опубликовали письма Блаватской, в которых она подробно излагала, каким образом производить «феномены». Это были инструкции, кому и как подложить записочку, когда постучать по стене. Выяснилось, что являвшиеся на заседание Теософического общества бестелесные образы гималайских мудрецов всего лишь — куклы, сшитые из кисеи.

Елена Петровна заявила, что претензии Куломбов, которые оказались хитрее самой хозяйки и хотели, по-видимому, выманить немного деньжат — грубый шантаж.

Лондонское общество психических исследований командировало в Индию своего эксперта Р. Горджонса провести специальное расследование. Он пробыл в Индии три месяца и привёз в Европу неоспоримые доказательства мошенничества Блаватской. Опубликованные письма Елены Петровны даже страстных её поклонников поразили откровенным цинизмом.

«Постарайтесь, — наставляла она госпожу Куломб, — если вы рассчитываете на успех, иметь других зрителей, кроме только наших домашних дураков».

Во время этого скандала Елена Петровна познакомилась со старшим братом русского философа Сергея Соловьёва, писателем Всеволодом Соловьёвым. Она была с ним довольно откровенна, желая привлечь в свою организацию: «Чтобы владеть людьми, необходимо их обманывать. Я уже давным-давно поняла этих душек людей, и глупость их доставляет мне громадное иногда удовольствие… Чем проще, глупее и грубее феномен, тем он вернее удаётся. Если бы вы знали, какие львы и орлы во всех странах света под мою свистульку превращались в ослов и, стоило мне засвистеть, послушно хлопали мне в такт огромными ушами!»

Соловьёв назвал Блаватскую «ловцом душ» и безжалостно разоблачил её в своей книге. В результате его усилий парижский филиал Теософического общества перестал существовать.

Тактика Блаватской по «поимке» душ была проста. Елена Петровна делалась другом очередной жертвы. Потом у этого человека неожиданно открывалась предрасположенность к теософии и прочим эзотерическим знаниям — ему являлся махатма. Далее свежепосвященному теософу Блаватская поручала особо важное дело: обычно уповалось на враждебный обществу

заговор. Состояние обороны сближало людей и делало их сообщниками.

Она, безусловно, обладала магнетическим обаянием, которому трудно было противостоять. Сергей Витте писал: «В ней было что-то демоническое… Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я ни у кого в жизни не видел. И когда она говорила неправду, эти глаза страшно искрились, меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на людей».

Специалисты Лондонского общества психических исследований объявили Елену Петровну «одной из наиболее совершенных, остроумных и интересных обманщиц эпохи». Наверное, её с полным правом можно назвать Калиостро в юбке. И всё же многие продолжают почитать в Блаватской величайшего мыслителя, человека, указавшего земному жителю истинный путь. После смерти Елены Петровны осталось 60 тысяч членов Теософического общества — движение существует и по сей день.

Блаватская открыла путь на Запад буддизму и медитации, кришнаитам и йогам, учениям о карме и инкарнации. Теософические идеи повлияли на творчество Г. Малера, Я. Сибелиуса, А. Скрябина, В. Кандинского, П. Гогена. «Американцы должны быть благодарны Мадам Блаватской уже за то, — писал в 1970 году Курт Воннегут, — что она поделилась с ними мудростью Востока, без которой они до сих пор не могут обойтись. Если она эту мудрость неправильно поняла или приукрасила отсебятиной, то все равно вреда от её учения не больше, чем от любого другого».

Повлияла деятельность Блаватской и на национально-освободительное движение в Индии. Махатма Ганди благоговейно говорил, что был бы счастлив коснуться края платья госпожи Блаватской.

Она скончалась, по легенде, за рабочим столом, как истинный воин духа, на посту. Тело её было сожжено, а пепел разделён на три части: одна часть хранится в Адьяре, другая — в Нью-Йорке, третья оставлена в Лондоне. А день её поминовения поклонники Елены Петровны во всём мире называют Днём Белого Лотоса.

ЮЛИЯ ПЕТРОВНА ВРЕВСКАЯ

(1841—1878)
Медсестра. Народная героиня Болгарии.

Наверное, мотивы её поступков можно понять, лишь прислушавшись к голосу эпохи, которая выпестовала её боевой характер. Говорят, что лучшие люди времени вбирают все проблемы, пороки и достоинства его в большей степени, чем простые смертные. Для молодёжи шестидесятых XIX века было необычайной смелостью принимать жизнь гораздо приземленнее, чем делали их восторженные, романтические дедушки. Любовь не представлялась этим юношам и девушкам единственным смыслом жизни, скорее, они относились к ней как к бесплодному слюнтяйству, призванному скрыть никчёмность характера. Шестидесятники преклонялись перед естественными науками, самые «продвинутые» публично проповедовали естественные человеческие отношения, не исключающие здравую выгоду и удовольствия; повсеместно входил в фавор естественный гуманизм, разумеющий прежде всего конкретную помощь нуждающимся. Они по своему воевали с ценностями отцов: отправлялись «в народ», малевали на живописных полотнах чумазых ребятишек и резали лягушек. Они искренне верили, что человечество с помощью паровой машины и всеобщего равенства обретёт-таки рай на земле. И если некоторые философы (например, В. Ильин) утверждают, что революция в России зарождалась в шестидесятые годы XIX века, то нашу героиню, вероятно, можно отнести к числу тех, кто «зажёг пожар» в родном доме — вольно или невольно.

Юлия Вревская утверждалась в обществе совершенно иначе, чем было принято для женщин её круга. «Кто виноват?» — этот вековечный отечественный вопрос, отнесённый к её судьбе, решить почти невозможно.

Юлия родилась в тот злополучный год, когда погиб Лермонтов, да ещё и неподалёку от того самого места, где состоялась дуэль, да ещё и по курьёзной случайности её муж Ипполит Александрович Вревский, боевой генерал, командовавший войсками на Лезгинской линии Кавказа, учился в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров с Лермонтовым. Не мятежная ли душа прославленного поэта коснулась юного прекрасного создания — дочки генерала Петра Варпаховского? Правда, справедливости ради стоит сказать, что, по данным последних исследований, наша героиня родилась в

Смоленской губернии, а на Кавказ была привезена в десятилетнем возрасте. Да и дата рождения Юлии вызывает споры, есть предположение, что это 1837 год, а не 1841-й.

Несмотря на кавказское детство, в котором всегда курился аромат войны, девочку воспитывали в лучших аристократических традициях — французские бонны, пасхальные разговения, розовые детские балы. И замуж её выдали, как обычную дворяночку — в шестнадцать лет, за человека нестарого, но лет на тридцать опытнее своей юной жены. И овдовела она через год, не успев понять сладости мужской любви, — обычная судьба русской барыньки, так восхищавшей Некрасова своей верностью и чистотой.

Муж скончался от раны, полученной при штурме лезгинского аула Китури, а Юлия отправилась в Петербург, где была принята и обласкана при царском дворе. Попутно она успела совершить доброе дело — почтила память мужа тем, что позаботилась о незаконных наследниках генерала Вревского. Её муж совершал подвиги, как известные нам по литературе лермонтовские герои, и имел детей от черкешенки. Наша героиня тоже вполне в духе того времени отказалась от имения и состояния супруга в пользу его детей, справедливо полагая, что с неё достаточно отцовского наследства и богатства, которое перепадало ей с императорского стола. В Петербурге Юлия пришлась весьма кстати — её полюбили за добрый, весёлый нрав и приняли как ещё одну миловидную «звёздочку» на небосклоне столичного бомонда. «…Я во всю жизнь не встречал такой пленительной женщины, — говорил о ней писатель В.А. Соллогуб. — Пленительной не только своей наружностью, но своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой…» Пленялись Юлией и другие знаменитости — поэт Я. Полонский, художник И. Айвазовский, а в Париже не остался равнодушным к русской красавице знаток женщин Виктор Гюго.

Однако самые близкие отношения связывали Вревскую с И. Тургеневым. Они познакомились в 1873 году и с тех пор встречались постоянно. Летом следующего года Юлия Петровна, невзирая на осуждение света, пять дней провела в имении Тургенева в Спасском. После этого дружба их настолько укрепилась, что Вревская позволяла себе давать советы прославленному писателю, как строить отношения с коллегами. Так, в одном из писем Юлия Петровна просила примириться Ивана Сергеевича с умирающим Николаем Алексеевичем Некрасовым. Тургенев оправдывался перед Вревской: «…перед смертью все сглаживается, да и кто из нас прав — кто виноват? „Нет виноватых“, — говорил Лир… Да нет и правых. Но я боюсь

произвести на него тяжёлое впечатление: не будет ли ему моё письмо казаться каким-то предсмертным вестником… Мне кажется, я не имею право идти на такой риск… Надеюсь, вы уверены, что никакой другой причины моему молчанию нету».

Всего писем Тургенева к Вревской, из которых видно, что писатель вполне считался со своей молодой корреспонденткой, известно сорок восемь. Трудно сказать, какой степени интимности достигли их отношения. Ивану Сергеевичу она, безусловно, нравилась. «Что бы Вы там ни говорили, — льстил он Юлии, — о том, что Вы подурнели в последнее время, — если бы поименованные барыни (в письме обсуждаются некоторые петербургские знакомые Тургенева и Вревской) и Вы с ними предстали мне, как древние богини пастуху Парису на горе Иде, — я бы не затруднился, кому отдать яблоко». Далее, в письме Иван Сергеевич обиженно замечает, что, впрочем, яблока у него все равно нету, да и Юлия Петровна ни за что не желает взять у него «ничего похожего на яблоко».

Строптивость её вполне можно понять: известный писатель и приятный во всех отношениях мужчина давно живёт в гражданском браке с Полиной Виардо, а беспокойную душу Вревской больше влекут истории о героических тургеневских женщинах, чем семейные узы. Она не стала женой писателя, зато запечатлённую в его книгах идеологию она воплотила с такой полнотой, какую, может быть, и сам писатель не предполагал. Недаром он напугался, когда Юлия Петровна решилась отправиться на театр военных действий в Балканы: «Моё самое искреннее сочувствие будет сопровождать Вас в Вашем тяжёлом странствовании. Желаю от всей души, чтобы взятый Вами на себя подвиг не оказался непосильным, и чтобы Ваше здоровье не потерпело…» Между тем, пятнадцать лет назад, не он ли в «Накануне» написал образ Елены Стаховой, которая покидает дом ради болгарина Инсарова, ведущего борьбу против турков. Только Юлию Петровну на необычную авантюру сподвигла не любовь, а желание обрести смысл жизни.

Много лет Вревская ощущала тоску — время бежало стремительно, но бестолково, никакие светские развлечения, никакие фаты не зажигали её сердца. Она самой себе казалась белкой в колесе, которая только и знает, что поглощать вкусные орешки. Между тем окружающая жизнь бурлила, звала к познанию, предлагала попробовать её на ощупь. Одно время Юлия Петровна всерьёз подумывала о путешествии в Индию. Правда, в то время в эту экзотическую страну попасть было весьма проблематично, а потому она продолжала скучать в холодном Петербурге.

Выход подсказала сама жизнь. В 1876 году на Балканах вспыхнуло восстание славян против турецкого владычества. Война отличалась чрезвычайной жестокостью. После зверских расправ турков с болгарами (в несколько дней было вырезано 15 тысяч человек и сожжено 79 деревень) многие россияне воспылали благородным гневом. Национально-патриотический подъем в защиту братьев-славян был столь силён, что даже такой рафинированный человек, как Тургенев, в эти дни разразился возмущённой тирадой: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства. Они только и живут во мне — и если этому нельзя помочь иначе — как войною — ну так война!»

Русско-турецкая война началась через год. Юлия Петровна спешно прошла курсы медицинской сестры и на свои средства организовала небольшой санитарный женский отряд. Надо сказать, что участие слабого пола в военных действиях по тем временам расценивалось как нонсенс. Мужчины XIX века справедливо считали, что для женщины фронтовые тяготы невыносимы. Тем не менее в Крымской войне 1853—1856 годов русская армия впервые в мире прибегла к помощи сестёр милосердия. Именно в это время широкую известность получили имена Даши Севастопольской, Е. Бакуниной и других. Однако спустя двадцать лет на женщину в полевом лазарете по-прежнему смотрели как на чудо.

В июне 1877 года баронесса Вревская во главе небольшого отряда прибыла в 45-й военный госпиталь в Яссах. Через два дня пришёл из Болгарии первый поезд с больными и ранеными. И началась изнурительная работа, без передышки, без сна. Дочь военного генерала, выросшая на Кавказе, она, конечно, представляла себе, что ожидает её на театре боевых действий. Однако реальность грязью, кровью, страданиями превзошла всякие представления. Эта война способна была помутить рассудок даже крепкого мужика. С передовой привозили покалеченные тела, которые мало напоминали человеческие, а ведь ещё вмешивались обычные бытовые проблемы. Ей, придворной аристократке, привыкшей к комфорту, должно быть, очень тяжело приходилось в избах с чадящими лучинами — ни помыться каждый день, ни побыть в одиночестве из-за постоянного присутствия любопытных хозяев. «Я, конечно, не спала всю ночь от дыма и волнения, тем более что с 4 часов утра хозяйка зажгла лучины и стала прясть, а хозяин, закурив трубку, сел напротив моей постели на корточках и не спускал с меня глаз, — писала Вревская вдохновителю своего подвига И. Тургеневу. — Обязанная совершить свой туалет в виду всей добродушной семьи, я, сердитая и почти не мытая, уселась в свой

фургон…»

В этом письме невольно прорвались эмоции Юлии Петровны. А большая часть её писем напоминает сухие, бесстрастные отчёты с редкими сдержанными горестными резюме. «…Больные лежат в кибитках калмыцких и мазанках, раненые страдают ужасно, и часто бывают операции. Недавно одному вырезали всю верхнюю челюсть со всеми зубами. Я кормлю, перевязываю и читаю больным до 7 часов вечера. Затем за нами приезжает фургон или телега и забирает нас 5 сестёр. Я возвращаюсь к себе или захожу к сёстрам ужинать; ужин в Красном Кресте не роскошный: курица и картофель — все это почти без тарелок, без ложек и без чашек».

Подвиг её напоминает, скорее, медленное самоубийство. Она словно все отринула для себя из той, прошлой жизни, словно прошла тот отрезок до конца и ни при каких обстоятельствах не желала возвращаться на прежний маршрут. К Рождеству ей дают отпуск, Юлия Петровна готовится к нему, мечтает провести его у сестры на родном Кавказе. Но в последний момент отказывается. Она отговаривается тем, что здесь слишком много дела, что сочувствие к солдатам удерживает её. Но позволим себе предположить — она просто не знала, что делать ей в мирной жизни, она единственный раз за многие годы обрела внутренний покой, смысл существования, прикаянность и она боялась это потерять. Так бывает со многими, слишком остро пережившими тяготы войны. Примечательна запись в её дневнике: «Императрица меня звала в Петербург. Князь Черкасский передал мне её слова: „Не хватает мне Юлии Петровны. Пора уж ей вернуться в столицу. Подвиг совершён. Она представлена к ордену“. Как меня злят эти слова! Они думают, что я прибыла сюда совершать подвиги. Мы здесь, чтобы помогать, а не получать ордена».

Да, свет неверно истолковал её поступок. Думали, что в экстравагантности Юлия Петровна превзошла самых смелых модниц двора, пора уж и честь знать, а она спасалась… Спасалась от бессмысленной жизни, от бестолковых разговоров и пошлых томных взглядов. Она была обречена остаться здесь. И она осталась…

Вревская умерла от сыпного тифа. В тот день стоял сильный мороз, необычный для болгарского климата. Могилу в промерзлой земле выкопали раненые, за которыми она ухаживала. Они же несли её гроб. Хозяйка дома, где квартировала русская барыня, покрыла покойницу ковром цветущей герани.

Пожалуй, Юлия Вревская, несмотря на обилие книг, статей, исследований о ней (в 1977 году вышел даже фильм), осталась одной из самых закрытых знаменитостей. Биографам так и не

удалось разгадать тайну её души: кого она любила, что ненавидела, чем жила её душа. И даже самый близкий для Юлии Петровны человек — И. Тургенев — в посмертном стихотворении в прозе, посвящённом Вревской, написал: «Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом её тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает».

АДЕЛИНА ПАТТИ

(1843—1919)

Итальянская певица, колоратурное сопрано. Пела во многих странах. Партии: Розина («Севильский цирюльник» Дж. Россини), Виолетта («Травиата» Дж. Верди), Маргарита («Фауст» Ш. Гуно).

Сами обстоятельства её происхождения, казалось, не оставили Аделе-Хуане-Марии Патти (полное имя нашей героини) никакого выбора будущего. Появление на свет четвёртого ребёнка в семье драматических певцов, итальянца-отца и матери испанки, принесло с собой не только радость. Мать Аделины, пользовавшаяся на итальянской сцене заслуженной популярностью под именем Барилли, совершенно потеряла голос, разрешившись последним ребёнком. «Аделина все взяла у меня», — говорила артистка, навсегда расставшись с театром.

Однако природа, как известно, пустоты не терпит: лишив мать голоса, она подарила гениальный дар дочери.

В семье, где всё было связано с музыкой, Аделина, конечно, не могла остаться равнодушной к гармонии звуков, однако даже для видавших виды актёров Патти ошеломляющим показался талант их последыша. В связи с денежными затруднениями семья вынуждена была перебраться в Америку, где в 1850 году юная певица и вышла впервые на сцену. Чувствуя себя уже настоящей артисткой, семилетняя Аделина наотрез отказалась появиться на сцене с куклой в руках, как того хотели устроители концерта, надеясь умилить американских слушателей.

Строптивость характера, проявившаяся у Патти в раннем возрасте, не раз испытали на себе антрепренёры, партнёры актрисы по сцене, служащие театра. Иной раз её вздорность помогала карьере, но чаще служила поводом для анекдотов о несносной диве. Аделина была так капризна, что её единственный учитель, он же — муж её старшей сестры, Морис Стракош, никогда не спрашивал Патти, расположена ли она сегодня заниматься. Во избежание ссор этот хитрый педагог садился за инструмент и начинал проигрывать ту оперу, которую необходимо было выучить. Через некоторое время дверь репетиционной комнаты распахивалась и на пороге появлялась бодро напевающая только что исполненный Стракошем отрывок ученица… К счастью, музыкальная память её казалась феноменальной: трех-четырех раз прослушивания Аделине было достаточно для точного воспроизведения своей партии.

Помимо голоса и прекрасных музыкальных способностей

природа наделила Патти редкой выносливостью. Родители, конечно, понимали, что частые выступления маленькой дочери могут отрицательно сказаться на её голосе, но поскольку другого выхода из отчаянной нужды у них не предвиделось, они разрешали Аделине отправляться на новые и новые гастроли. За четыре года странствий по городам Южной и Северной Америки девочка дала более трехсот концертов.

С юной Патти в этих путешествиях случались самые настоящие приключения: в Сантьяго девятилетнюю артистку настигло сильнейшее землетрясение, разрушившее весь город; в плавании к берегам Кубы она едва не погибла во время шторма. Говорят, что маленькая Аделина выказала при этих катаклизмах невозмутимое присутствие духа. В Пуэрто-Рико, где никогда не видели иностранных артистов, зрители, очарованные серебряным голосом Патти, серьёзно решили, что перед ними на сцене — сверхъестественное существо и прозвали Аделину «маленькой колдуньей».

Но современному человеку стоит больше всего подивиться тому, как при таком колоссальном напряжении (фактически девочка давала по концерту через каждые четыре дня) Патти сохранила свой неповторимый голос. В 1855 году стараниями все того же «ангела-хранителя», Стракоша, Аделина прекратила выступления и начала готовиться к карьере оперной певицы. За четыре года Патти освоила девятнадцать партий. Её учитель смог объяснить девушке всю ответственность возвращения на сцену «бывшего вундеркинда». Слишком часто способные дети вырастали в серые посредственности, поэтому Патти обязана была ворваться на оперную сцену с особым шиком, превзойти соперниц своими данными, как когда-то маленькая Аделина превосходила сверстников.

24 ноября 1859 года явилось знаменательной датой в истории исполнительского искусства. В этот день аудитория нью-йоркской музыкальной академии присутствовала при рождении новой выдающейся оперной певицы: Патти дебютировала здесь в «Лючии ди Ламермур» Доницетти. Редкой красоты голос и исключительная техника артистки вызвали бурю оваций. Уже в первом сезоне она с огромным успехом пела в четырнадцати операх и совершила турне по американским городам.

Однако в отличие от сегодняшнего понимания престижа, когда любое закрепление успеха связано с признанием в США, в прошлом веке порядочной артистке необходим был восторг европейского зрителя. В Старом Свете молодая Патти предполагала сразиться за звание первой певицы мира. Надо сказать, что ситуация для завоевания оперного Олимпа

сложилась весьма подходящая. Единственная певица, которая могла бы поспорить с Аделиной за сердца обожателей классического пения — Бозио почила в бозе на тридцать третьем году жизни. 14 мая 1861 года Патти уже срывала первые листки лаврового венка перед лондонцами, заполнившими театр «Ковент-Гарден», в роли Амины («Сомнамбула» Беллини) Этот первый триумф, по-видимому, так поразил певицу, что Англия стала настоящей любовью Патти. На берегах туманного Альбиона Аделина провела большую часть жизни, а с конца 1890-х годов она окончательно обосновалась в этой стране.

Но наиболее экзальтированных поклонников Патти обрела в Париже, куда впервые приехала в 1862 году. Черноглазая, грациозная Аделина сделалась любимицей французов, поэты слагали в честь неё оды, её привычки и манеры стали основой всех светских сплетен Парижа. Трудно было устоять девятнадцатилетней девушке перед лестью и преклонением. Избалованная восхищением Патти даже перестала появляться на репетициях, предоставляя возможность подавать реплики своему импресарио Стракошу. Бедному Морису приходилось распевать любовные дуэты Розины, Лючии или Сомнамбулы. Большого труда стоило добиться согласия артистки хоть на одну репетицию, разве только она внимала уговорам, чтобы разучить новую оперу. О тирании дивы стали даже ходить анекдоты.

Много сплетен родилось в Париже и по поводу чрезмерной страсти Патти к роскоши. Она соглашалась выступать лишь за баснословные гонорары и только с теми постановщиками, которые одевали её в фантастически дорогие костюмы, сшитые по последней моде. Естественно, что головокружение от триумфа не способствовало шлифованию мастерства Аделины. И вскоре среди восторженных дифирамбов газетчиков появились нотки разочарования серьёзных критиков. В одном из отзывов на исполнение Патти роли Розины в «Севильском цирюльнике» рецензент отмечал, что певица внесла в партию множество украшений, совершенно несоответствующих характеру музыки Росини. «…Поневоле говорится об одной лишь Аделине Патти, о её грации, молодости, чудном голосе, изумительном инстинкте, беззаветной удали и, наконец… о её мине избалованного ребёнка, которому было бы далеко не бесполезно прислушаться к голосу беспристрастных судей, без чего ей вряд ли удастся дойти до апогея своего искусства».

Надо сказать, что безмерное честолюбие помогло Патти в испытаниях «медными трубами». Она-таки смогла заставить себя работать и, вступая в полосу творческой зрелости, отказаться от прежних дурных привычек. Патти медленно, но неуклонно

взрослела, становилась личностью, не дав дурному воспитанию возобладать и погубить её уникальный талант.

Большой успех способствовал Аделине в России. В книге «Моя жизнь в искусстве» К.С. Станиславский с восхищением вспоминал «о сверхъестественно высоких нотах чистейшего серебра» Патти, об её необыкновенной колоратуре и технике. В его памяти, уже на склоне лет, ярко воскресала её «точёная небольшая фигурка, с профилем, точно вырезанным из слоновой кости». Молодой, только начинающий свою карьеру П.И. Чайковский слушал певицу в московском Большом театре. Она пела Розину. Сохранились строки, написанные великим композитором о Патти: «В чарующей красоте её голоса и в соловьиной чистоте её трелей, в баснословной лёгкости её колоратуры есть что-то нечеловеческое. Да, именно нечеловеческое…»

Восемь лет, из года в год, Петербург и Москва испытывали наслаждение, видя и слушая Патти. В 1873—1877 годах Лев Толстой писал «Анну Каренину». Помните, в одной из глав пятой части романа он отправляет свою героиню в театр на представление с участием Патти. Наверное, Аделина Толстого не читала, хотя она была очень способной к языкам и знала французский, английский, испанский, итальянский. Но необходимости учить русский, по-видимому, у неё не было, так как в России окружающие певицу люди спокойно общались на одном из перечисленных выше языков. Интересно, что и великий писатель Патти никогда на сцене не видел, просто он описал атмосферу её спектакля по рассказам очевидцев.

1 февраля 1877 года состоялся бенефис артистки в «Риголетто». Никто не думал тогда, что в образе Джильды она последний раз предстанет перед петербуржцами. Так случилось, что именно в северной российской столице Патти мучительно, с тяжелейшими истериками расставалась с первым мужем. Подробности скандала со сладострастием смаковались петербургской публикой. Для Аделины воспоминания о разводе стали поводом для того, чтобы надолго забыть дорогу в северную столицу.

Через двадцать семь лет после своих последних гастролей в России Патти приехала по просьбе императорской семьи в Петербург, чтобы выступить в благотворительном концерте в 1904 году в фонд помощи раненым русским воинам, участникам русско-японской войны. Шестидесятилетнюю актрису встречали с восторгом, но с опасением. Она держалась за руку своего молодого мужа и выглядела рядом с ним молодящейся старухой, с жидкими крашенными рыжими волосами. Но когда она запела,

слушатели были ошеломлены её звонким, по-прежнему серебристым голосом. Долголетие Патти на сцене, не искусственное, не растянутое поклонением бывшим её заслугам, было феноменальным — шестьдесят лет продолжалась её сценическая деятельность. Верди однажды определил явление Патти, как «исключение в искусстве». Современники находили голос певицы, хотя и не отличавшийся особой силой, уникальным по мягкости, свежести, гибкости и блеску, а красота тембра буквально гипнотизировала слушателей. Патти был доступен диапазон от «си» малой октавы до «фа» третьей. В лучшие свои годы ей никогда не приходилось «распеваться», чтобы войти в форму, — с первых же фраз она являлась во всеоружии своего искусства.

Патти дожила до появления первых грампластинок, и её по-детски восхищала возможность услышать собственный голос. Говорят, что, когда ей как-то проиграли одну из записей, артистка не смогла сдержать слёз от радости: ведь теперь будущее поколение будет судить о её искусстве не только со слов современников.

20 октября 1914 года Аделина Патти навсегда простилась с публикой на концерте, организованном в целях помощи Обществу Красного Креста. Шла Первая мировая война, и знаменитая певица смотрелась на сцене словно осколок ушедшего XIX века. Её последним сольным номером стала любимая англичанами простая песенка «Дом, мой милый дом».

САРА БЕРНАР

(1844—1923)

Французская актриса. В 1872—1980 годах в «Комеди Франсез», в 1898—1922 годах возглавляла «Театр Сары Бернар» (Париж). Играла трагедийные и мелодраматические роли в пьесах Гюго, Дюма-сына, Ростана и др.

Трудно в анналах женских биографий разыскать более скандальную, более эксцентричную личность, чем Сара Бернар. Она довела своё «актерствование» до полного логического завершения не только на сцене, но и в жизни, исполнила эту невероятно тяжёлую роль от начала до конца с такой чистотой и безупречностью, с таким волевым усилием, что просто диву даёшься: чего было больше в этой позе — природной склонности или приобретённого честолюбия, врождённой силы или воспитанной привычки сокрушать все вокруг. И хотя сама актриса в мемуарах лукаво, прикидываясь «бедной овечкой», списывает невероятные слухи о себе на счёт «жёлтой» прессы и зловредных журналистов, подкупленных врагами, однако никто больше Сары не постарался намеренно окружить собственное существование непроницаемым облаком слухов. А едва прикрытая выдуманной добродетелью вольность нравов вызывает ещё большее любопытство обывателя, как «розовая» невинность куртизанки привлекает сильнее явной вульгарности. Вероятно, Сару Бернар можно признать первой «звездой» сцены, которая «сделала» себе имя на скандале.

Трудно сказать, какая доля оригинальности исходила непосредственно из её натуры, но актриса очень рано поняла, как выгодно можно применить эту самую непохожесть ни на кого. Ещё в детстве Сара страдала приступами дикого гнева, которые она ловко объясняла состоянием здоровья. Но именно буйные припадки, устраиваемые девочкой периодически, позволяли Саре добиваться своего у вечно занятых делами взрослых. Возможно, имей Сара заботливых, нравственных родителей, — лишился бы мир удовольствия лицезреть великую артистку и копаться в сплетнях о ней, но, к счастью, представления общества о добропорядочности никогда не воплощаются дословно.

Сарины родители плохо вписывались в привычные отеческие идеалы. Мать, голландская еврейка Юдит Харт, в биографиях великой артистки обычно значится, как учительница музыки, но в действительности она была прекрасная, высокопоставленная, элитная содержанка, которой по роду деятельности

предписывалось в первую очередь лелеять собственную персону. Незаконнорождённая дочь Сара появилась на свет болезненной, предрасположенной к туберкулёзу, и хотя мамочка питала к чаду какие-то чувства, дальше умильности Пеночкой (это было единственное имя, на которое откликалась пятилетняя Сара) они не простирались. Личность отца у исследователей вообще вызывает сомнения. Обычно принято называть отцом артистки инженера Эдуарда Бернара, однако никаких точных доказательств этому нет и по сей день.

В конце концов после некоторых неудачных попыток пристроить дочь в приличное воспитательное заведение, отец якобы (по словам самой Сары) придумал отдать девочку в пансион при монастыре Гран-Шан. Так, в биографии великой актрисы появилась первая парадоксальная страничка, которую Сара будет потом с удовольствием использовать — будто страстно хотела она стать монахиней, да случай не позволил. Заведение, куда попала наша героиня, отличалось гуманными методами и заботой о своих воспитанницах. Сестры монастыря заменили маленькой Саре несуществующую семью. Непокорную болезненную девочку искренне любила и баловала настоятельница, мать Софья. Однако и эта добрая женщина с трудом сдерживала необузданное Сарино бешенство, которое время от времени давало о себе знать. Покинула Гран-Шан Бернар со скандалом, из-за своего фантастического упрямства и вызывающего стремления к публичности.

Сара схватила кивер солдата, перебросившего свой головной убор через забор монастыря, и взобралась на высокую спортивную площадку, подразнивая шутника. Добившись восторга «товарок», Сара поняла, что игра зашла далеко, лишь тогда, когда она попыталась втащить лестницу, по которой вскарабкалась, на площадку, но тяжёлое деревянное сооружение упало и с грохотом раскололось. В результате девочка оказалась отрезанной от земли. Немалые хлопоты нарушили размеренную жизнь монастыря. После этого приключения Сара заболела, а кроме того, стала явственно видна вся неуместность пребывания «этакой бестии» среди благообразных монашенок, и девушку отправили домой.

Дальнейшая её судьба была определена на семейном совете. Так как богатого наследства для Сары не ожидалось, а выходить замуж за состоятельного торговца кожей, по мнению матери, было чем-то постыдным и поскольку Саре не суждено было стать монахиней, то тогдашний любовник Юдит — граф де Морни, единокровный брат Наполеона III — решил, что девочку нужно отдать в консерваторию, благо у высокопоставленного друга

семьи связей было предостаточно. Что помогло графу так верно определить будущее Сары, сегодня наверняка не знает никто, но, вероятно, не последнюю роль сыграла фанатичная самовлюблённость и редкостная внутренняя свобода девочки.

Успешно сдав вступительные экзамены, Сара сразу же обратила на себя внимание педагогов. На ежегодном конкурсе консерватории девушка получила две премии — вторую за трагическую роль и первую — за комическую. Необычайно красивый голос, пластика кошки, выразительная внешность — все эти особенности заставляли приглядываться к юной актрисе, и вскоре Сара получила предложение сыграть разовые спектакли в самом престижном французском театре «Комеди Франсез». Однако, отправляясь на приём к директору для обсуждения первого своего договора, Сара прихватила с собой свою младшую сестру, которой к тому времени было пять лет. Девочка, столь же «благовоспитанная», как Сара, в кабинете директора принялась карабкаться на стулья, прыгать через табурет, разбрасывать бумаги из мусорной корзины. Когда же уважаемый мсье сделал сестре артистки замечание, маленькая проказница, не много задумываясь, ляпнула: «А про тебя, сударь, если будешь приставать ко мне, я всем расскажу, что ты мастер давать пустые обещания. Это моя тётя говорит!»

Сару едва не хватил удар. Она тащила по коридору глупую сестрёнку, которая истошно выла, а в фиакре у неё начался тот страшный приступ гнева, который едва не привёл к убийству простодушного ребёнка. Но несмотря на неудачу первых переговоров, спустя год, в 1862 году, Сара Бернар успешно дебютировала в «Комеди Франсез» в роли Ифигении в трагедии Расина «Ифигения в Авлиде». Один из критиков, Франсиск Сарсэ, впоследствии даже прославился тем, что первым заметил юное дарование, предсказав ему блестящее будущее.

Но в прославленном театре Сара задержалась недолго. В скандале, происшедшем на этот раз, снова была виновата её маленькая сестрёнка. Ну просто «злой ангел» бедной Сары! Сама Бернар рассказывала, что в день рождения Мольера (а «Комеди Франсез» называют домом этого великого драматурга), согласно традиции, все артисты театра подходили с приветствием к бюсту своего патрона. На церемонии якобы маленькая сестра Сары наступила на шлейф примы сцены, так называемой «сосьетерки», Натали. Старая, злая, сварливая женщина резко оттолкнула виновницу, и девочка, будто бы, в кровь разбила лицо о колонну. С криком: «Злая тварь!» — Бернар набросилась на коллегу. Драка проходила при явном перевесе сил в пользу молодости. Сара вскоре вынуждена была с позором покинуть прославленную

сцену. Согласитесь, не слишком ли много скандалов по вине бедной маленькой сестрёнки…

Казалось, после такого конфуза актриса оправится не скоро, однако уже на следующий день после разрыва контракта Сара посетила театр «Жимназ» и была принята в труппу.

Наступил сложный период в её жизни — похожие один на другой будни, репетиции, читки пьес, посредственные спектакли. Для деятельной натуры Сары подобная тишь и гладь стали невыносимой пыткой. Никто не хотел признавать в ней гениальную актрису, никто не восхищался ею, а в такой обстановке она могла завянуть, как цветок без воды. Испуганная мрачными перспективами Сара в момент отчаяния решила заняться коммерцией и для этого подыскала подходящий кондитерский магазин. Лишь неодолимая скука, которой на неё повеяло с прилавков, заполненных жареным миндалём, конфетами и сладким пирожным, удержала Бернар от опрометчивого шага.

Но не стала бы она великой артисткой, если бы не была склонна к неожиданным, авантюрным поступкам. После очередного прескверного представления Сара в разгар сезона тайком исчезла из Парижа. Её искали с полицией чуть ли не по всей Франции. А она уехала в Испанию, ела там мандарины и наслаждалась отдыхом. Спровоцировав очередной скандал, наша героиня с лёгким сердцем рассталась с ненавистным театром и тут же получила новое приглашение в «Одеон».

Именно этот императорский театр открыл Бернар путь к славе. Сара считала, что первое счастливое упоение сценой она ощутила на сцене «Одеона», да и первый восторг зрителей от её игры пронзил именно зал «Одеона». У Сары появилось много поклонников, особенно в студенческой среде, она становилась популярной, её полюбила молодёжь за смелость и раскованность, за то, что актриса декларировала идеалы новой Франции. Сара Бернар становится актрисой нарождающегося романтического направления в театре. Её эффектность и горячность захватывают зрителя, она — божественный символ романтической красоты Ростана, Гюго, Дюма-сына. Один русский критик сравнивал игру французской актрисы с прелестными статуэтками, которые с удовольствием хотелось бы поставить на свой камин.

Любившая роскошь и удовольствия Сара сама стала тем предметом, который включался в обязательный список роскошных светских развлечений. Ещё при жизни артистка сделала себя объектом культа. Восхищённый Виктор Гюго встал перед Сарой Бернар на колени прямо на сцене после премьеры одной из своих трагедий. Но не только экзальтированные

художники падали перед актрисой ниц. Наперебой демонстрировали свою любовь к знаменитости и сильные мира сего. Сара обладала магическим воздействием на мужчин и на женщин, и весь высший свет обожал её. В брошюре «Любовь Сары Бернар» было высказано смелое предположение, что она соблазнила всех глав государств Европы, включая папу римского. Конечно, это обычная гипербола, но существуют доказательства того, что у неё действительно были «особые отношения» с принцем Уэльским (позже Эдвард VII) и с принцем Наполеоном, племянником Наполеона I, с которым её познакомила Жорж Санд. Что касается остальных лидеров, то если она и не занимала их постели, то завоёвывала их сердца. Её осыпали подарками император Австрии Франц-Иосиф, король Испании Альфонсо и король Италии Умберто. Король Дании Кристиан IX предоставлял в её распоряжение свою яхту, а герцог Фредерик позволял ей пользоваться своим родовым замком.

Наверное, объективно Сара Бернар не была самой талантливой актрисой своего времени, но она стала самой яркой личностью сцены той эпохи. Исполнение роли Маргариты Готье в «Даме с камелиями» Александра Дюма-сына приводило зрителей в истерический экстаз. Вряд ли кто-нибудь из восторженных почитателей задумывался об истинном искусстве, скорее, в фанатичном поклонении «звезде» угадывался обычный инстинкт толпы, стремление быть причастным к «божеству».

Сара во всём стремилась выделиться. И единственно, чем Бернар действительно отличалась от всех — своей необыкновенно мощной энергетикой. Она умела делать сто дел одновременно. Никто не знал, когда она спала. Ростан так вспоминал об актрисе: «Несётся на тёмную сцену; оживляет своим появлением целую толпу людей, зевающих и томящихся здесь в полумраке; ходит, двигается, зажигает всех и все, к чему она прикасается; садится перед суфлёрской будкой; начинает ставить пьесу, указывает жесты, интонации; вскакивает, как ужаленная, требует, чтобы повторили, рычит от ярости, садится, вновь пьёт чай; начинает репетировать сама…»

Одной из первых среди знаменитостей Бернар поняла, что благотворительность и небольшая доля сочувствия обездоленным придадут её имени дополнительный флёр. Во время войны 1870 года артистка остаётся в осаждённом Париже и даже устраивает (благо, её имя действует безотказно и на чиновников) в театре «Одеон» госпиталь для раненых. В этом поступке Сары было и стремление помочь, и неодолимое самолюбование.

В госпитале к артистке, несмотря на военное положение, «ломились» обожатели. Бернар с удовольствием раздавала

автографы. Однажды она подарила свою фотографию пылкому девятнадцатилетнему юноше, которого звали Фердинанд Фош. В 1915 году Сару Бернар в поездке по фронтам Первой мировой сопровождал маршал Фердинанд Фош.

«Забыв» о контракте с «Одеоном», артистка, соблазнённая астрономическими гонорарами, вновь возвращается в «Комеди Франсез», где успешно работает до 1880 года. Не было, вероятно, ни одного дня, чтобы газеты не писали об очередной сенсации, связанной с Сарой Бернар. То актриса приобретёт пантеру «для личного пользования», то «летает» на воздушном шаре, то, наконец, принимает интервьюера, полулёжа в гробу. О последней странности «звезды» много судачили. Одна из злопыхательниц даже утверждала, что Сара предпочитает заниматься любовью на этом похоронном ложе, чем сводит с ума мужчин. Сама же виновница с детской непосредственностью объяснила существование гроба в своей комнате стеснённостью в квадратных метрах. Дескать, сестрёнка умирала, а гроб поставить было некуда — вот и «запихнули» его в Сарину комнату. Ну а с больной в одной постели, ясно, спать не будешь, вот и пришлось бедной артистке постелить себе в гробу. Иногда она и роли тут же разучивала. В общем, никого шокировать Сара не желала, просто стремившиеся заработать на её имени журналисты такой прозаический факт сделали прямо-таки зловещим.

Окончательно рассорившись с дирекцией Дома Мольера, в 1893 году Бернар приобрела театр «Ренессанс», а в 1898 году — театр на площади Шатле, который получил название «Театр Сары Бернар».

Это любимое детище артистка не покидала уже до самой смерти. Даже когда в 1914 году ей ампутировали ногу, Сара продолжала играть с протезом. Зрелище это, видно, представлялось не для слабонервных. Бернар, всегда кичившаяся своей «скелетной» худобой, щеголявшая хрупкой фигурой и успешно использовавшая обмороки для разрядки ситуации, в старости растолстела, обрюзгла, да и здоровье демонстрировала отнюдь не слабое. Она решительно презирала прагматические мнения о том, что ей пора уйти со сцены, что ничего в ней не осталось от прежней прелести. Она считала себя выше сочувственных шепотков, выше общепринятых норм, выше, наконец, самой природы. Сара продолжала играть. Марина Цветаева, стремившаяся в Париж в ранней юности, чтобы увидеть воочию легендарную Сару, была потрясена. Бернар играла в «Орлёнке» Ростана роль двадцатилетнего юноши. Актрисе исполнилось 65, она передвигалась на протезе. «Играла в эпоху корсетов на китовом усе, подчёркивавших все округлости

женской фигуры, двадцатилетнего юношу в облегающем белом мундире и офицерских рейтузах; как ни величественно было… зрелище несгибаемой старости, но оно отдавало гротеском и оказалось тоже своего рода гробницей, воздвигнутой Сарой и Ростану, и ростановскому „Орлёнку“; как, впрочем, и памятником слепому актёрскому героизму. Если бы ещё были слепы и зрители…» Цветаева назвала это «эгоцентрическим мужеством».

И всё же она добилась своего — непомерное честолюбие небывалая энергетика переплавились в подлинное признание. Сара вошла в историю театра, в историю культуры как самая великая актриса XIX века.

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ

(1850—1891)

Русский математик, первая женщина член-корреспондент Петербургской академии наук (1889). Жена В.О. Ковалевского. Работала в области математического анализа (дифференциальные уравнения и аналитические функции), механики (вращение твёрдого тела вокруг неподвижной точки), астрономии (форма колец Сатурна). Автор беллетристических произведений.

Софью Ковалевскую называли принцессой науки. Вместе с тем эта была, наверное, самая несчастная принцесса, похожая на героиню из сказки, которую добрые феи при рождении наделили всеми возможными дарами, но которой эти дары не принесли пользы, потому что действие их было почти совершенно нейтрализовано завистливой феей, преподнёсшей последний несчастный дар. Скорее всего, этот несчастный дар выражался принадлежностью Ковалевской к женскому полу. Если всякий крупный учёный — странный, чудаковатый фанатик, то его приспособлению к реальному миру способствует рядом существующая женщина. А если женщина — сама крупный учёный, тогда это подлинное несчастье и полное одиночество.

Сестры Корвин-Круковские, Анюта и Соня, с детских лет были девочками неординарными. Отец их Василий Васильевич был военным, и в силу его службы семья много путешествовала. Поначалу детьми занимались мало, особенно Сонечка росла вольно, как деревце в поле, болезненно ощущая своё одиночество. Ей часто казалось, что в семье её не любят, что она лишняя. При этом самолюбие её ещё в детстве развилось до невероятных размеров.

Однажды в гости к Корвин-Круковским заехали соседи с дочкой Олей. Сидели общим кругом в гостиной. Сонечкин любимец — дядя, брат матери, обратился к ней: «Ну, Софа, полезай ко мне на колени!» Но девочка имела дурное расположение духа, чувствовала себя обиженной, обойдённой вниманием. Она отказалась. Тогда дядя, чтобы подразнить племянницу, обернулся к Оле: «Что ж, если Соня не хочет, садись ты ко мне на колени!» Этого маленькая капризница никак не ожидала, она бросилась к сопернице и укусила ей руку до крови. Когда же родители бросились исправлять недостатки характера дочерей, нанимать им строгих гувернанток, следить за каждым их шагом, то было уже поздно. Девчонки росли независимыми, дерзкими, напористыми и эмоциональными. Соня страстно

любила Анюту, старалась во всём походить на неё, ревновала ко всем.

Первой стала доставлять хлопоты родителям, конечно, старшая сестра Анна. В доме начались сцены: Аня требовала отпустить её в Петербург учиться, что по тем временам было просто немыслимо для незамужней девушки, она демонстративно покупала труды Аристотеля и «Историю цивилизации», словно издеваясь над папой-генералом. Наконец, однажды отец вскрыл письмо, адресованное их экономке. Оказалось, что в конверте были большие деньги — 300 рублей — гонорар, присланный Анюте за рассказ, напечатанный в журнале «Эпоха», самим Достоевским. Разразился страшный скандал. Разъярённый генерал кричал: «Теперь ты продаёшь свои повести, а придёт, пожалуй, время, и себя будешь продавать».

Соня в этой войне с родителями оставалась пока тайной союзницей сестры. Но и она уже начала пописывать стишки, за что ей основательно попадало от гувернантки. А кроме того, девочка обнаружила невероятное пристрастие и способности к математике. Часами она рассматривала угол, на который не хватило обоев и где в странном хороводе кружились таинственные значки. Тогда она не знала, что стены были оклеены листочками из учебника по высшей математике Остроградского.

Много лет спустя Софья Васильевна удивлялась, что, узнавая новую формулу, она не могла отделаться от мысли: все это она уже видела, да и многие учителя её удивлялись тому, как быстро она схватывала труднейшие вещи, будто не овладевала ими впервые, а припоминала. Скорее всего, это обычное свойство гениальности человека. Но возможно, будь ремонт в доме подоброкачественнее — не получил бы мир крупного математика в лице Софьи Ковалевской.

Когда младшей исполнилось 15 лет, мать наконец-то собралась отвезти дочерей в Петербург. В России 1860-х годов начинало зарождаться мощное феминистское движение, женщины стремились к получению высшего образования, стали активно участвовать в общественной жизни. Особенно модным считалось занятие естественными науками: Дарвин нашумел своей теорией эволюции, материализм захватывал умы молодёжи. Это было счастливое, наивное время в России, верилось, что все проблемы человечества можно решить просто и красиво, с помощью разума.

Соня и Аня создали нечто вроде кружка девушек, которые мечтали учиться. У них уже были «светочи» — женщины, которые полулегальными путями осваивали медицинскую науку. Во время

Крымской войны уже действовали первые женские бригады Красного Креста, появилась даже знаменитая медсестра — Даша Севастопольская, но общественное мнение никак не могло решиться нарушить понятие о женском целомудрии и разрешить слабому полу изучать анатомическое строение тела, в том числе мужского. Нужно было ехать за границу, в Швейцарию, хотя и там их никто не ждал с распростёртыми объятиями. Для выезда необходим был «вид на жительство», который давался только девушкам с родителями или замужним дамам. Так как родители никогда бы не согласились отправить сестёр учиться, то они, объединившись небольшой артелью, решились обратиться к знакомым «прогрессивным» мужчинам: не захотят ли они жениться на одной из них.

Тем временем Соня, послушав лекции знаменитых естественников — Сеченова, Мечникова, окончательно поняла, что её призвание — математика. Она брала уроки и много часов проводила за расчётом формул и изучением теорем. Окружающие поражались её работоспособности. Она могла двенадцать часов кряду не поднимать головы от листа бумаги, не слыша окликов, и чувствовала себя при этом абсолютно счастливой.

Однажды Анюта пригласила Соню с собой на свидание, посмотреть фиктивного жениха. Владимир Онуфриевич Ковалевский, начинающий учёный, сразу же согласился жениться, но… на Соне. Это было удивительно, однако раздумывать не приходилось. Дело, несмотря на нежелание родителей Сони, сладили, и теперь перед сёстрами открывались перспективы свободной жизни.

Втроём они уехали за границу. Соня рвалась в Гейдельбергский университет, славившийся своим образованием, однако всё было не так просто, как казалось в России. Допустить женщину на лекции привыкшие к порядку и традициям немцы не желали. Они изумлялись стремлению женщины изучать математику и физику, вежливо переадресовывали от одной инстанции к другой, но ничего решать не хотели. Но эти люди мало знали Ковалевскую, с её упорством, с её честолюбием. Она не умела проигрывать, не умела отступать, она не могла себе даже представить, что какие-то цели ей могут быть не по силам. В конце концов девушка, прорвавшись к проректору университета, приступила к занятиям и изумила учителей своими способностями.

Казалось, что в свои восемнадцать лет Соня достигла всего, о чём мечтала. Однако назревала новая жизненная проблема, связанная с тем самым «подарком злой феи судьбы», который всегда вмешивался в её счастье. Владимир Онуфриевич неспроста

согласился жениться на младшей сестре в обход старшей, что, в общем-то, было не принято в приличных семьях. Ему положительно нравилась Сонечка, «воробушек», как он её называл. Видимо, в глубине души он лелеял мысль, что их брак недолго будет фиктивным, что Сонечка «перебесится» да и оставит науку. Модные увлечения проходят, а семья остаётся. По своей наивности Ковалевский не понимал, какая сила, какой талант скрыт в этой маленькой девушке с изящной фигуркой и немного косящими глазами. Самое печальное, что, будучи порядочным, честным, мягким человеком, Владимир Онуфриевич представлял собой смесь человека энергичного, бурлящего, но совершенно беспутного в делах. Его сентиментальная жалостливость мешала коммерции, непостоянство не давало ему достичь успехов в науке, необязательность приводила к тому, что даже очень выгодные должности он терял. Рядом с сильной женщиной Ковалевский представлял собой тип несостоятельного, малоинтересного мужчины. Конечно, в начале их семейной жизни это было малозаметным. Соня с головой ушла в науку и много размышляла о своих подружках, которых она, пользуясь положением замужней дамы, теперь вызывала к себе из России. Но отношения с мужем всё-таки постепенно стали создавать душевный дискомфорт. Она начала мучиться, осознавая, что муж провоцирует её на более интимные отношения, не предпринимая никаких решительных объяснений при этом. Соня ждала от Владимира Онуфриевича мужских поступков и искренне не понимала, почему их не последовало. При всей силе характера она была совершенно не искушена в делах любви и наивно полагала, что инициатива должна всегда исходить от мужчины.

Между тем окружающие давно шептались о том, что их брак фиктивный, сочувствовали то мужу, то жене. Родители пытались сблизить молодых, подозревая неладное. Но самый большой удар пришёл из Франции, куда уехала скучавшая в немецком Гейдельберге Анна. Она вышла замуж по большой любви. Это настолько потрясло ревнивую, не терпевшую малейшего невнимания Софью, что она, приехав в гости к сестре в Париж, не говоря ни слова, ещё на вокзале оставила недоумевающую чету на перроне и умчалась, едва сдерживая слёзы.

Следующий её шаг по смелости сравним разве что с первым прыжком с парашютом. Она едет учиться в Берлин к самому выдающемуся математику своего времени Вейерштрассу. Одинокий, замкнутый учёный уже давно общался только с избранным немногочисленным кругом, попасть к нему было практически невозможно. Но Ковалевская надеялась на своё обаяние. Многие знавшие её отмечали необычайный блеск глаз и

страстное одушевление, когда Софья хотела понравиться кому-то. Она, безусловно, владела даром убеждения, и ей никогда не отказывали. Не отказал ей и Вейерштрасс, хотя мало заинтересовался молодой русской госпожой. На всякий случай профессор выдал женщине блок самых трудных своих задач, справедливо полагая, что теперь у гостьи будет меньше поводов ему надоедать. Каково же было его изумление, когда через неделю девушка принесла решения, и не просто решения, а изящные, полные красоты и гармонии работы. Современники шутили, что немецкая научная общественность должна быть благодарна Ковалевской за то, что она вывела Вейерштрасса из состояния замкнутости.

В свою очередь, именно сотрудничество с великим математиком стало началом взлёта Ковалевской. В Берлине Софья Васильевна написала три самые значительные работы, которые дали ей возможность стать первой женщиной-профессором в Стокгольмском университете. Швеция на долгие годы стала второй родиной Ковалевской.

Но научные признания только усложняли её личную жизнь. На какое-то мгновение показалось, что вот теперь и у неё всё будет «как у людей». Наконец-то состоялось долгожданное ими обоими сближение. В октябре 1878 года родилась дочка, которую тоже назвали Сонечкой. Тут и обрушились на них тяжёлым прессом бытовые проблемы. Софья Васильевна, будучи талантливым учёным, начисто была лишена малейшего практического умения. Одна из её подруг писала, что Соне приходилось помогать абсолютно во всём: она не умела шить платья, рассчитаться за извозчика. В Стокгольме, где она прожила около пятнадцати лет, знала дорогу только от дома до университета, не могла договориться с прислугой, каждая бытовая мелочь ставила её в тупик и раздражала. Куда бы она ни попадала, первой заботой для неё становилось найти «няньку». Чаще всего это были её близкие знакомые женщины, поэтому Софья Васильевна всегда была окружена многочисленными подругами.

К несчастью, муж, как говорилось выше, оказался тоже совершенно неприспособленным человеком. Он не только не мог обеспечить семью, но прожигал в авантюрных коммерческих прожектах последние деньги из приданого Софьи Васильевны и из её прошлых заработков. Финансовое положение их стало настолько плохим, что им пришлось заложить все своё имущество. Жизнь становилась невыносимой. Когда Владимир Онуфриевич обвинял жену, что она плохая мать, никудышная жена, что женщины всё равно ничего значительного на поприще

науки ещё не сделали, то Софья Васильевна парировала — ей не нужен муж, который только мешает её успеху. Заметим, что Ковалевская отлично сознавала свою талантливость, свою высокую интеллектуальную силу, и мало кого считала равным себе. Правда, в повседневном общении об этом было трудно догадаться она предпочитала вежливое, приятное обращение с теми, кто, по её разумению, стоял гораздо ниже её. Только с немногими равными она была саркастична, остроумна, даже несколько цинична.

Измученная семейными неурядицами, Софья Васильевна снова едет в Стокгольм, где становится уже дважды профессором — помимо математики ей доверяют преподавание механики. Муж тем временем окончательно запутывается в финансовых делах. Ему грозит тюрьма и позор. 15 апреля 1883 года Владимир Онуфриевич, надышавшись хлороформа, покончил с собой. Трагедия больно ударила по душевному состоянию Ковалевской. Она, и в обычной жизни истеричная, экзальтированная дама, теперь совсем впала в депрессию. Мучаясь совестью, Софья Васильевна перестала принимать пищу, не могла спать, постоянно находилась в слезливом нервном напряжении. Чтобы спастись, она решает взяться за непосильную математическую задачу.

До Ковалевской задачу о вращении твёрдого тела пытались решить два математика — академик Эйлер и Лагранж. Они многое сделали в частностях этой проблемы, однако в целом открытие ожидало своего учёного. Насколько значительной считалась эта задача в научном мире можно было понять из того, что французская академия уже несколько десятилетий назад учредила премию за решение этой задачи. Вот за такого уровня проблему взялась Софья Ковалевская.

Именно в разгар работы над задачей вращения твёрдого тела к Ковалевская пришла первая и единственная любовь в её жизни. По странному совпадению фамилия этого человека тоже была Ковалевский. Ковалевский Максим, сильный, обаятельный мужчина, учёный-гуманитарий.

Софья Васильевна, зрелая страстная женщина, похорошела, преобразилась, сменила свои траурные чёрные платья, которые очень не шли ей, на голубые, яркие, праздничные. Теперь она большую часть времени отдавала любви, общению с мужчиной. Решение задачи было поставлено под угрозу. Ковалевской надо было выбирать. И она выбрала…

Мы всегда становимся рабами того, чему отдаём свои силы и душу, будь это человек или какое-нибудь дело. Софья Васильевна давно уже стала рабой математики, заложницей честолюбивых

научных успехов. Правда, она думала, что отказывается от Максима временно, пока не сделает дела, но любимый никогда не простил ей этого. Какой же мужчина сможет нянчиться с женщиной, даже если она гениальна?

В 1888 году в Париже Ковалевской в торжественной обстановке вручали премию. Она слушала восторженные речи и чувствовала себя опустошённой, одинокой и несчастной. У неё было всё, чего она хотела: признание, слава, поклонение, но она вдруг отчётливо поняла, что жизнь её заканчивается, сил больше нет. Новый 1891 год Ковалевская встретила с любимым Максимом в Генуе. В ночь на 31 декабря она потащила его на кладбище. Бродя между каменных плит, она остановилась у чёрной мраморной фигуры коленопреклонённой женщины и мрачно сказала: «Один из нас не переживёт этот год».

Спустя месяц Софья Васильевна скончалась от гнойного плеврита в Стокгольме, где и была похоронена. На средства русских женщин через пять лет ей был поставлен памятник от благодарных соотечественниц. Ковалевская показала миру, на что способен женский интеллект. Правда, ценою личного счастья.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ПЕРОВСКАЯ

(1853—1881)

Революционерка-народница. Член организации «Земля и воля», с 1879 года член исполкома «Народной воли», организатор и участница покушений на Александра II. Повешена в Петербурге 3 апреля 1881 года.

В глубине Инженерной улицы запылил снегом царский поезд. Первыми подскакали к углу всадники конвоя. Следом — карета. За нею — сани с охраной. Соня выхватила из муфты платок и не к лицу поднесла его, а взмахнула, как флагом. Вот сейчас поезд свернёт на канал!.. Верховые… следом — карета… Вот они уже мчатся по набережной.

Между верховыми и каретой мелькнула рыжая шапка Рысакова. Ну!.. И пушечным выстрелом рвануло под колёсами, дымным облаком заволокло все вокруг.

Когда дым рассеялся и унылый мартовский день обнажил происходящее, Соня, словно во сне, увидела разбитую карету. Секунду стояла пронзительная тишина. Вдруг дверца отворилась, и государь сошёл вниз на чёрный снег, и к нему бросились чины из охраны И все вместе они направились к Рысакову, которого цепко держали солдаты.

Теперь надежда была только на Гриневицкого. Но где же он? Откуда-то понабежало множество людей, все они сбились плотным кольцом вокруг государя. Гриневицкий стоял в стороне, прижавшись к решётке и держа руки за спиной. И только ей, Соне, с её места на другой стороне канала было видно, что он прячет за спиной белый свёрток, тот самый гибельный свёрток, который Перовская сегодня утром сама собрала в качестве пасхального «подарка» государю.

Александр II между тем возвращался к саням. Решится ли Гриневицкий? Времени совсем не оставалось…

И он шагнул. Оторвался от решётки и, по-прежнему держа руки за спиной, сделал шаг… и ещё… медленно…

Они сошлись почти вплотную. И взлетели вверх руки с бомбой! И грохнуло, рвануло, вздыбило, чёрной едкой тучей закрыло. И все…

1 марта 1881 года взрыв на канале потряс всю Россию. Император Александр II погиб мученической смертью. А для Софьи Перовской свершилось дело всей её жизни, дело, которому она отдала столько сил. Это было седьмое покушение на царя, и, наконец-то, оно удалось.

Изучая биографию Перовской, испытываешь недоумение: что заставило эту девушку избрать столь необычный путь. Она выросла в обеспеченной семье столичного губернатора, получила обычное для девицы домашнее образование и была скромной, ничем не выдающейся особой. Может быть, сказалось отчуждение между родителями? Отец, суровый служака, мало бывал дома, детьми почти не занимался и имел тяжёлый, подозрительный нрав, граничивший с самодурством. Соня рано начала самостоятельную жизнь, поругавшись с отцом. В шестнадцать лет она поступила на женские курсы при гимназии, где и повеяло на неё новыми ветрами эмансипации, нигилизма и материализма. Появились новые подруги, романтические мечты об изменении мира и презрение к «отцам». А потом было славное лето, когда родители уехали на заграничный модный курорт, оставив их вдвоём с братом. Тогда-то и появились в их доме друзья-товарищи из революционного кружка «чайковцев».

Отец по приезде, увидев, что дочь приобрела подозрительные знакомства, попытался было воспрепятствовать её вольной жизни, однако было слишком поздно. Соня ушла из дома. Конечно, многие в юности бунтуют против сложившихся порядков, которые кажутся им несправедливыми, многие проходят пору протеста. Но как человек становится убеждённым террористом? Как убийство может стать делом всей жизни? А особенно для женщины?! Этот феномен трудно объяснить, даже списывая часть причин на временную ситуацию.

Их было много — женщин-террористок, — некоторые даже прославились на всю Россию. Вера Засулич, например, самолично стреляла в генерала Трепова, и суд её оправдал, так как она мстила за поруганную честь своего товарища. Но мы решили рассказать только о Софье Перовской, потому что даже среди террористов-мужчин она отличалась редким упорством и убеждённостью. И ещё потому, что по-человечески хочется понять эту бедную жертву политических разглагольствований, так безоглядно бросившую свою жизнь в омут революционных идей.

Кружок «чайковцев» стал первой школой её нелегальной деятельности, но пока Соня мечтала лишь о том, о чём мечтали тогда многие в их среде — идти в народ, просвещать мужиков. Вскоре, однако, правительство начало проводить широкомасштабные акции по выявлению и пресечению деятельности революционных кружков. Вместе с друзьями в сети полиции попала и Соня, некоторое время она сидела в тюрьме, но потом её отпустили до суда. Четыре года шло следствие по знаменитому «делу 193-х». Перовскую в конце концов оправдали, но именно во время процесса девушку захватили революционные

идеи. Она со слезами на глазах слушала речи Петра Алексеева и бегала вместе с подружками в дом предварительного заключения, высказывая солидарность с теми, кто томился в камерах.

Чтобы получить возможность беспрепятственно посещать тюрьму, Соня назвалась невестой одного из приятелей, Тихомирова. Потом родилась мысль — а не обвенчаться ли им по-настоящему? Ведь если Тихомирова отправят в Сибирь, то в этом случае она сможет поехать с ним и заниматься устройством побегов. Любви, конечно, между ними пылкой не было, но для такого брака это не имело большого значения. Пока Соня писала письмо матери, пока они вместе придумывали план получения разрешения от отца, с которым Перовская не общалась, Тихомирова осудили и выслали на Кубань к родителям. Необходимость жертвенного брака отпала.

6 декабря 1876 года на Казанской площади произошла большая демонстрация. Здесь впервые было поднято знамя с вышитыми на нём словами «Земля и воля». Этот девиз и стал впоследствии названием новой организации, активным членом которой была Перовская. Волна убийств по политическим мотивам захлестнула Россию. С сочувствием следила Соня за разыгравшейся битвой между убийцами-одиночками и государственной машиной. Их организация замахнулась на самое трудное — физическое уничтожение царя. Трудно сегодня понять логику людей, которые поставили на карту собственную жизнь. Чего они добивались? Хотели ввергнуть общество в состояние страха? Добиться тайной власти и диктовать свою волю государству? Во всяком случае террористы разыгрывали опасную партию.

Александр II должен был возвращаться с юга. На этот случай убийцы продумали несколько вариантов преступления. Желябов готовился взорвать поезд в Александрове, а на случай неудачи в нескольких верстах от Москвы группа революционеров рыла подкоп, чтобы вложить в него мину. Хозяйкой квартиры, где в подполе начинался этот смертоносный тоннель, стала Софья Перовская. Когда узнаешь о тех трудностях, которыми сопровождалась работа террористов, не можешь избавиться от мысли, что взрослые люди либо сошли с ума, либо играли в какую-то нелепую игру. Яму затапливало водой, однажды в соседнем сарае случился обвал, и заговорщики были близки к разоблачению. Только находчивость Перовской, которая вышла с образами к толпе, пытавшейся проникнуть в дом, спасла положение.

Усилия оказались тщетными. В Александрове электрическая цепь, которая должна была привести в действие бомбу, не

сработала. А под Москвой помешала случайность. Царский поезд должен был пойти вторым после поезда свиты, а его пустили первым. Как всегда в таких случаях погибли ни в чём не повинные люди, а император только укрепился в уверенности, что его охраняет Господь Бог.

Перовская скрывается на конспиративной квартире в Петербурге, и вновь зреет план нового покушения. Но только теперь они разрабатывают его вместе со своим гражданским мужем Андреем Желябовым. Соня, безусловно, горячо любила Желябова, а кроме того, их соединяла общая цель.

На следующий год Перовская едет в Одессу, чтобы подготовить убийство Александра, когда тот отправится на очередной летний отдых. Однако провидение вновь спасло царя. Неожиданно умирает императрица, и поездка отменяется из-за траура в высочайшей семье.

Покушение Халтурина, осуществлённое прямо в Зимнем дворце, тоже окончилось неудачей. Было от чего прийти в бешенство и поверить в мистику, хотя террористы, конечно, исповедовали материализм. Царь действительно, словно заговорённый, чудом избегал смерти.

Но теперь их захватил азарт охотника, загоняющего свою дичь и почувствовавшего вкус крови. Они не могли остановиться.

Решающее покушение готовилось особенно тщательно. Перовская много дней лично изучала маршруты царя, разрабатывала план убийства. На случай первой осечки были заготовлены ещё три бомбы, а если бы и это, что совершенно невероятно, не сработало, тогда Желябов должен был выйти на императора с ножом. Но муж Перовской был арестован за несколько дней до покушения, и тогда Софья взяла на себя организацию террористического акта.

Спустя несколько дней после убийства Александра II Перовская была поймана и опознана. Её выдал соучастник Рысаков. Приговор по делу первомартовцев выносил прокурор Николай Муравьёв — товарищ детских игр Сони. В Пскове они жили в соседних домах и дружили семьями, теперь же из его уст она услышала слова: «…Подвергнуть смертной казни через повешение…»

На тюремном дворе приговорённых посадили в две позорные, чёрные колесницы. На первой к скамье, спиной к кучеру, были привязаны Рысаков и Желябов. На второй — Перовская, Кибальчич, Михайлов. Всю дорогу до Семеновского плаца их сопровождала надсадная, леденящая душу барабанная дробь. Сплошная тёмная, неподвижная масса людей глухо рокотала на площади. Виселиц было шесть, одна предназначалась для Геси

Гельфман, которую помиловали вследствие её беременности. Приговорённые попрощались друг с другом и со всеми.

Перовская взошла на эшафот третьей.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ЕРМОЛОВА

(1853—1928)

Русская актриса. С 1871 года играла в Малом театре. Крупнейшая трагедийная актриса. Прославилась в ролях Лоуренсии («Овечий источник» Лопе де Вега), Иоанны д'Арк («Орлеанская дева» Шиллера), в драмах А.Н. Островского («Таланты и поклонники» — Негина, «Без вины виноватые» — Кручинина).

Семья Ермоловых из поколения в поколение так или иначе была связана с театром. Правда, никто из генеалогического древа Марии Николаевны не занимал высоких постов при русской Мельпомене, никто не был отягощён славой, зато Ермоловы преданно и весьма бескорыстно любили сцену и готовы были за гроши служить ей. Дед Марии Николаевны служил в Малом театре гардеробщиком, а отец её стал суфлёром.

Гениальный актёрский дар Ермолова получила от отца. У Николая Алексеевича натура была артистическая. Он прекрасно рисовал, сочинял стихи, много читал. Написал даже пятиактную феерию из рыцарской жизни, несколько водевилей, и говорят, что его драматические произведения с успехом шли на сцене. Однако увлекающийся, даровитый, он не мог утвердиться как личность, поэтому с годами развивавшийся комплекс сделал Николая Алексеевича невыносимым для близких. Постоянные истерики, припадки необоснованного гнева, желчность и раздражение сопровождали детство великой актрисы. Прибавьте к этому строгие патриархальные нравы семьи — сестры, а их было трое, вплоть до замужества должны были испрашивать позволения отца по всякой мелочи — и вы поймёте, что суровый, малообщительный характер Мария Николаевна приобрела ещё в раннем возрасте.

Трудно поверить, но гениальная актриса, умевшая передать на сцене тончайшие нюансы чувств и растрогать самое каменное сердце, в жизни была на редкость эмоционально беспомощна. Она терялась при любой необходимости проявить радость, благодарность, любовь. Мария Николаевна рассказывала, что если отец хотел серьёзно объясниться с нею, то никогда не мог словами высказать, чего он хочет, а только безнадёжно махал руками и беспомощно восклицал: «Ах, Машенька… ах, Машенька… ах!» «Вот и я не умею никогда высказать всего, что чувствую», — прибавляла она.

Ещё в четырехлетнем возрасте Мария Николаевна жила уверенностью, что станет великой артисткой. Не просто

артисткой, а великой. Редко, но отец брал её с собой в суфлёрскую будку, и впечатления, полученные на спектаклях, воплощались в мечты, желания и игры ребёнка. Машенька облачалась в мамину юбку, бабушкину кофту, разбрасывала стулья и, став на колени, кого-то о чём-то умоляла — совсем как в настоящем театре. Благо, в семье Ермоловых подобные детские забавы не возбранялись, а, наоборот, приветствовались.

В те годы не существовало театральных школ, которые готовили бы актёров, поэтому Машу отдали учиться балету. Танец тяжело давался Ермоловой, душа не лежала к ежедневным однообразным занятиям. Зато в свободное от занятий время Маша не переставала устраивать маленькие спектакли, но теперь уже для своих подруг. Когда ей исполнилось тринадцать лет, отец решился выпустить девочку на сцену. В свой бенефис он предложил сыграть ей роль разбитной Фаншетты в водевиле «Десять невест и ни одного жениха». Ермолова вышла на сцену робко, неловко. У неё нарывал палец; он был завязан, и девочке казалось, что все это видят. Вдобавок отец не разрешил ей гримироваться, и она была бледна как смерть. Её глубокий низкий голос тоже мало годился для водевильных куплетов и, к глубокому огорчению отца, который уже понял, что дочь к танцам способностей не имеет, дебют Маши в театре провалился. Знаменитый актёр Самарин, видевший спектакль с юной Ермоловой, резюмировал: «Пускай пляшет себе у воды», имея в виду, что неспособных балерин всегда ставили на задний план.

Сегодня многие молодые актрисы уповают на счастливый случай, который в своё время чудесным образом буквально в один вечер сделал Ермолову примой русской сцены. Н.М. Медведева, в те времена первая артистка Малого театра, решила поставить в свой бенефис пьесу Лессинга «Эмилия Галотти», но исполнительница главной роли заболела и бенефициантка в спешке искала ей замену. Тут-то и заскочила в гости к родственнице сокурсница Ермоловой Семёнова, которая и рассказала тётке, что у них в балетной школе есть девочка, обладающая исключительными драматическими способностями. Медведева оказалась женщиной без предрассудков и не поленилась поехать посмотреть на юную танцовщицу. Угловатая, застенчивая девочка, тем не менее, вызвала интерес известной актрисы, и Ермоловой была дана роль с повелением её выучить. Когда через несколько дней Медведева слушала Машу, то после первого же монолога на глазах бенефициантки блеснули слезы: «Вы будете играть Эмилию!»

Дебют превзошёл все ожидания. Впечатление, произведённое Ермоловой на публику, было огромным. Что-то небывалое по

силе и таланту блеснуло на русской сцене, но увы… Машу в тот же вечер после спектакля снова увезли в ненавистную балетную школу. Однако главное состоялось. «Я счастлива… нет, я счастливейший человек в мире», — записала Ермолова в своём дневнике. Мечта её сбылась, надежда осуществилась — она стала актрисой.

Ещё долгих два года Маша училась балету, зато сразу же после окончания школы её приняли в труппу Малого театра. И потянулись месяцы, дни в ожидании ролей.

Оглушительный успех дебюта сыграл с молодой Ермоловой злую шутку. Перед ней — неопытной, не умевшей ещё владеть ни своим великолепным голосом, ни своими жестами, — вдруг побледнели остальные актрисы. И это не могло не устрашить их. С первых дней в театре Ермолову окружили сплетни, злоба, зависть. Даже Самарин не мог простить себе той, первой, ошибочной оценки её способностей, не мог смириться с тем, что на представлении «Эмилии Галотти» дебютантка затмила его, опытного актёра, своим талантом.

Мария Николаевна страдала невыносимо. Она, совсем ещё ребёнок, с трудом находила в себе силы сопротивляться интригам. Но более всего её убивали незначительные, второстепенные роли, противные её амплуа, её таланту, когда ей приходилось подыгрывать ненавидевшей молодую артистку Федотовой.

Ермолова нашла поддержку в доме Щепкиных. Митрофан Павлович, двоюродный племянник знаменитого актёра Михаила Щепкина, и его жена Калерия Петровна были центром кружка, который составлял цвет интеллигенции Москвы: профессора, журналисты, писатели. Сюда юная артистка шла за помощью и советами. Именно здесь в беседах об искусстве был подготовлен будущий триумф Ермоловой. Один из завсегдатаев кружка Щепкиных, Юрьев Сергей Андреевич, перевёл специально для Ермоловой пьесу Лопе де Вега «Овечий источник» и предложил ей роль Лоуренсии для бенефиса.

Театр в то время был одной из тех немногих трибун, на которой могли выплеснуться социальные и политические эмоции народа. Спектакль «Овечий источник» стал настоящим общественным событием: возбуждённые студенты, охваченные энтузиазмом, бросились к театральному подъезду, остановили карету, в которой Мария Николаевна ехала домой, выпрягли лошадей и сами повезли её, а затем на руках внесли артистку в квартиру.

С этого успеха и началась череда неизменных удач Ермоловой. Она не знала провалов. Были, конечно, роли менее

значительные, но никогда артистка не разочаровала своих поклонников. Необычайная сила воли и честолюбие не единожды не позволили Марии Николаевне выйти на сцену, что называется, «в плохой форме». Она была настолько требовательна к себе, так панически боялась неудачи и, по-видимому, весьма серьёзно ощущала на себе бремя «национального символа», которое ей безоговорочно присвоила публика, что, когда ей исполнилось пятьдесят, она решила перестать играть роли молодых героинь. Пример почти неслыханный для театра, где примы обычно с отчаянностью голодного волка цепляются за искусственную молодость, которую им позволяют продолжать снисходительные огни рампы.

В случае с Ермоловой драма заключалась ещё и в том, что амплуа Марии Николаевны, сугубо романтическое, воплощалось с наибольшей полнотой в образах возвышенных и, конечно, молодых, энергичных героинь. Ей было необычайно трудно перейти к новому репертуару, и Ермолова решила на год покинуть сцену. «…Я чувствую, что уже не в состоянии играть ни Медею, ни Клеопатру, силы мне изменяют. Да и понятно. 37 лет я отдала сцене — и утомилась. Теперь мне нужен год отдыха, чтобы отойти от театра, успокоиться и примириться с мыслью, что я уже более не „героиня“. Сразу, на глазах у публики, мне тяжёл этот переход: нельзя сегодня быть царицей, а завтра какой-нибудь почтенной старушкой. Больше всего мне не хотелось бы, чтобы публика начала жаловаться на мою усталость. Я не хочу разрушаться у неё на глазах, этого не допускает моя артистическая гордость».

Творчество Ермоловой, как и творчество любого актёра, чей талант не запечатлён на плёнку, — есть тайна, хотя о работе Марии Николаевны, о её маленьких секретах написано много. Некоторые считали её дарование стихийным, отвергающим «алгебру» ремесленных навыков. Действительно, Мария Николаевна потрясала зрителя бурей своих чувств, действительно, она всякий раз плакала настоящими слезами, но она умела и пристально наблюдать жизнь, умела кропотливо собирать материал для той или иной роли. Случалось, что кто-нибудь из знакомых удивлялся, каким образом при в общем-то внешне благополучной жизни Мария Николаевна с такой трагической ясностью обнажает на сцене пороки и страсти. Ермолова обижалась на недальновидность окружающих. К своему таланту Мария Николаевна относилась как к незаслуженному дару. Но она отдала ему всю себя, все силы, личную жизнь.

Ермолова рано вышла замуж и вышла по любви, однако молодые очень рано поняли, насколько они далёкие люди.

Однако консервативное воспитание и глубокая порядочность не позволили Ермоловой лишить дочку отца. Её девические слова в дневнике о том, что даже ребёнок не заставил бы её сохранить формы жизни, потерявшие внутренний смысл, на деле оказались всего лишь бравадой. Глубокое и постоянное чувство, упрятанное в самый сокровенный уголок души, связывало Марию Николаевну до конца дней с одним большим, известным в Европе учёным. Но их отношения Ермолова скрывала от всех, и никто, кроме самых близких людей, не знал, каких душевных сил стоила актрисе эта любовь.

Когда дочь выросла, любимый вновь поставил вопрос о перемене её жизни, но так как эту перемену он категорически связывал с уходом из театра, то великая актриса безоговорочно выбрала «свою музу», и, конечно, это не могло не сказаться на её душевном равновесии. Даже гениальная женщина не может безболезненно пожертвовать любимым ради карьеры. Депрессия сказалась, прежде всего, на общении с людьми. И так не богемная, её жизнь стала совсем монашеской — Ермолова предельно ограничила круг знакомых, она уже не в силах была растрачиваться на милое вечернее общение. Она чувствовала страшную усталость, сцена выпила её энергию до дна.

В декабре 1921 года великая Ермолова сыграла свой последний спектакль «Холопы».

МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА БАШКИРЦЕВА

(1860—1884)

Русская художница, большую известность получил её юношеский дневник, опубликованный в конце XIX века.

Феномен её очарования ещё долго будет вызывать споры и, по-видимому, так никогда до конца и не будет познан. Действительно, девушка, почти ничего не успевшая в жизни сделать, взволновала души поэтов и художников. Её обаяние незримо присутствовало в русском «серебряном веке», во французском экзистенциализме, воздействует оно и на современный авангардизм. Это таинственное притяжение искусства, возможно, связано с драмой невыраженности её души при необычайном таланте. Мария Башкирцева оставила потомкам всего лишь юношеский дневник, да несколько картин, да гениальную тоску по несбыточному.

Анастасия Цветаева вспоминала, что в 1910 году они с сестрой «…встретили в гостях художника Леви, и эта встреча нас взволновала: он знал — говорил с ней в Париже — Марию Башкирцеву! Как мы расспрашивали его! Как жадно слушали его рассказ!»

Марина Цветаева долго переписывалась с матерью Башкирцевой, и свою первую книгу стихов «Вечерний альбом» она посвятила Марии:

С той девушкой у тёмного окна
— Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.
Но почему она была печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей — и в небе счастья нет?

Для счастья здесь, на земле, Мария имела, кажется, все: знатное происхождение, богатство, красоту, заботливых и блестяще образованных родственников. Правда, спустя два года после свадьбы родители Муси (так её звали в детстве) развелись, что было большой редкостью для тех лет, но девочка воспитывалась в семье деда, поклонника Байрона и англомана, окружённая заботой и дружеским участием.

Болезненность Муси послужила причиной того, что Башкирцевы в 1870 году надолго уехали за границу. Они живут в лучших отелях, нанимают самые дорогие виллы, самые роскошные квартиры, но комфорт кажется Марии, которая уже стала вести свой знаменитый дневник, всего лишь золотой клеткой, где особенно остро чувствуется одиночество человека. Не было ни одного музея, ни одной картины в Европе, которые бы Башкирцева не осмотрела, она живёт в каждодневном общении с искусством, его сила одухотворяет любой порыв юной аристократки.

Дневник Башкирцевой с первых же страниц открывает главное желание, поглощавшее её всю без остатка — стать властительницей мира, добиться того, что выражалось в её исповеди одним словом — "прекрасным, звучным и опьяняющим «La Gloire» (слава). Английский критик Гладстон писал: «С её страстью к искусству могла бы соперничать… только её любовь к явному поклонению. Вечер в театре, хотя она смеялась беспрестанно, был для неё потерянным вечером, потому что в этот вечер она не занималась и её не видели».

В шестнадцать лет достижение цели было связано с прекрасным, редким сопрано Башкирцевой. Однако в судьбе Марии просматривается нечто мистическое, словно какой-то заранее предупреждённый рок сопротивляется проявлению её таланта. Как только девушка начинает достигать высоты, её останавливает сила, неподвластная разуму, будто Мария способна была возноситься туда, где непозволительно пребывать человеческому гению. В восемнадцать Башкирцева начинает глохнуть, а в девятнадцать теряет свой уникальный голос.

Но дарования её были блистательны и всесторонни. Языки она усваивала с поразительной лёгкостью, латынь и древнегреческий выучила самостоятельно, память имела уникальную: наизусть знала огромные отрывки из Гомера. Когда читаешь дневник Башкирцевой, то с трудом верится, что перед нами размышления совсем ещё девочки, почти подростка. Способность работать у неё была громадной, притом как будто все окружавшие предметы были пищей для её ума: из-за политики она могла лишиться сна.

В конце 1877 года Башкирцева пришла в частную академию рисования, и это увлечение полностью изменило её, стало одержимостью, чуть ли не сумасшествием, завладевшим сознанием: «Я хочу от всего отказаться ради живописи. Надо твёрдо помнить это, и в этом будет вся жизнь». И этот отказ от внешнего мира был настолько решительным и хладнокровным, что Анатоль Франс позже заметил: «Это было одно из тех

внезапных превращений, примеры которых мы встречаем в житиях святых».

Многие исследователи сегодня спорят о картинах Башкирцевой; что это — новое слово в искусстве, наивное отражение девического мира, гениальное озарение? К сожалению, в России сохранилось лишь несколько картин, зато во Франции Башкирцева представлена в музее Ниццы и в Люксембургской галерее. Здесь она добилась кратковременной славы: академические медали после выставок, отзывы Золя и Франса, её просьбы о встрече с Мопассаном. Признают, что её творчество созвучно работам Бастьена-Лепажа, художника с трагической судьбой, но довольно посредственного. Однако сегодня картины Лепажа лишь экспонаты в музее истории живописи, а полотна Башкирцевой продолжают волновать зрителя. Возможно, потому, что есть в них что-то необузданное, тайное, запретное, невысказанное.

Близость смерти Марией ощущалась особенно остро. Её мироощущение напоминает дурное предчувствие перед катастрофой. Собственно, так это и было. В культуру приходило декадентское искусство, в России расцветал терроризм, наступал XX век, век катаклизмов и бурь. По возрасту она могла бы дожить до 1917 года, но по тонкости понимания окружающего она должна была стать только провозвестником, предтечей перемен.

Насколько богатой была её душевная биография, настолько блеклой представляется её фактическое существование. Она так и не познала большой, земной любви, хотя вся её внутренняя организация, казалось, была подготовлена к этому чувству. Правда, был у Башкирцевой один не слишком страстный роман в Италии, но он закончился разочарованием, вся энергия которого была перенесена в живопись, в искусство, в любование собой.

Сложные отношения связывали Башкирцеву с её учителем Лепажем. Французский художник меньше всего походил на Дон Жуана. Он был прост и сдержан, маленький с невнушительной фигурой, молодой человек не мог, конечно, заинтересовать амбициозную, требовательную Башкирцеву. Но она была уже очень больна, чахотка прогрессировала, и встречи с Лепажем становились её единственной отдушиной в борьбе с тяжёлым недугом. Именно в этот период были написаны самые значительные работы Башкирцевой, приобретённые Люксембургским музеем.

Башкирцева, конечно, не любила Лепажа, но он дал ей возможность реализовать её желание о преклонении перед ней, о преданности, о беззаветной любви. Тяжёлая болезнь приковала Лепажа к постели, но и тогда, когда он не мог двигаться,

потребность видеть Марию каждый день вынуждала его близких приносить художника в дом Башкирцевых. Он неотлучно находился у постели девушки и в последние предсмертные месяцы. С обёрнутыми подушками ногами, пока не наступала ночь, Лепаж сидел у изголовья Марии. Они почти не говорили, но он не мог уйти и с тоской наблюдал, как умирает любимая женщина.

Образ Башкирцевой последних месяцев вспоминает подробно в предисловии к каталогу её картин известный в своё время критик Франсуа Коппе. Это была девушка небольшого роста, худая, очень красивая, с тяжёлым узлом золотых волос, «источающая обаяние, но производившая впечатление воли, прячущейся за нежностью… Все обличало в этой очаровательной девушке высший ум. Под женской прелестью чувствовалась железная, чисто мужская сила, и невольно приходил на память подарок Улисса юному Ахиллу: меч, скрытый между женскими уборами».

В мастерской гостя удивили многочисленные тома книг: «Они были здесь все на своих родных языках: французы, немцы, русские, англичане, итальянцы, древние римляне и греки. И это вовсе не были книги „библиотечные“, выставленные напоказ, но настоящие, потрёпанные книги, читанные-перечитанные, изученные. Платон лежал на столе, раскрытый на нужной странице».

Во время беседы Коппе испытал какую-то необъяснимую внутреннюю тревогу, какой-то страх, даже предчувствие. При виде этой бледной, страстной девушки ему «представлялся необыкновенный тепличный цветок — прекрасный и ароматный до головокружения, и тайный голос шептал в глубине души слишком многое сразу».

Как бы прощаясь с жизнью, Мария начала писать большое панно «Весна»: молодая женщина, прислонившись к дереву, сидит на траве, закрыв глаза и улыбаясь, словно в сладчайшей грёзе. А вокруг мягкие и светлые блики, нежная зелень, розово-белые цветы яблонь и персиковых деревьев, свежие ростки, которые пробиваются повсюду. «И нужно, чтобы слышалось журчание ручья, бегущего у её ног, — как в Гренаде среди фиалок. Понимаете ли вы меня?»

Что осталось от Башкирцевой? Книга в тысячу страниц, разошедшаяся в первые десять лет огромным тиражом по всей Европе… Картины, о которых мало кто может сказать что-либо внятное. И осталось самое главное — таинственное воздействие её личности через годы и расстояния. Впечатление от её дневника часто сравнивают с впечатлением от произведений Пруста.

Прустовская эпопея об отрезке бытия напоминает дневник вообще, а дневник Марии напоминает — вообще — рассказ об отрезке человеческого бытия. Причём оба автора продвигаются наугад, среди случайностей и непредсказуемых событий, пусть о чём-то догадываясь, но до конца всё же не зная своей судьбы.

Некогда Люксембургскую галерею в Париже украшала аллегорическая скульптура «Бессмертие»: молодой гений умирает у ног ангела смерти, в руке которого развернут свиток с перечнем замечательных художников, преждевременно сошедших в могилу. На этом свитке есть русское имя — Мария Башкирцева.

ВЕРА ФЕДОРОВНА КОМИССАРЖЕВСКАЯ

(1864—1910)

Русская актриса. На сцене с 1890 года. Работала в провинции, в Петербурге в Александрийском театре, в 1904 году создала свой театр.

Судьба великой русской актрисы словно вобрала в себя все боли и взлёты этой нелёгкой профессии, и если бывают жизни типичные, то Комиссаржевская стала совершенным «типом» Мельпомены, богини, ненасытно требующей души и плоти артиста. Не зря именно Веру Федоровну назвали «чайкой русской сцены», признав только за ней право неким тревожным символом распахнуть крылья на театральном занавесе. Удивительно, но даже незначительные детали её биографии какими-то незримыми нитями связаны с нашим представлением о настоящем актёре.

Федор Петрович Комиссаржевский, высокий, статный, обладающий прекрасным оперным голосом актёр, навсегда стал для своей дочери образцом для подражания и близким советчиком. Запах кулис девочка узнала с лёгкой руки отца, пропадая сначала на спектаклях, а потом и на репетициях. Он же стал и первым мужчиной, причинившим Вере и её родной сестре Наде острую душевную боль. Когда девочки подросли, отец ушёл из семьи и вновь женился. Мать Веры поступила благородно и при разводе всю вину взяла на себя, оплатив судебные хлопоты.

Оставшись без поддержки, сестры впервые серьёзно задумались о будущем. Образование их было никудышным. Отец, занятый театром, не задумывался о систематических занятиях дочерей, и Вера всю свою жизнь не могла восполнить эти пробелы в образовании, её спасала только феноменальная память и редкое упорство. Наконец, Надя решила стать актрисой, благо её пригласили в имение фабрикантов Рукавишниковых, где был устроен народный театр, а Вера решила устроить личную жизнь.

Кандидатур было несколько, но девушка выбрала молодого художника, пейзажиста, светского красавца и, видимо, знатного интригана Владимира Муравьёва. Страстная натура Веры с особой полнотой проявилась в любви — вся жизнь сосредоточилась на муже и доме. Но ликование продолжалось недолго. С первых же дней совместной жизни начались размолвки. Ловеласу Владимиру вскоре надоела нервная опека жены-домоседки, и он стал её обманывать, что вызывало бурные

сцены, а потом сладость примирения. Вскоре муж стал замкнутым, и они перестали говорить об искусстве, что было такой отдушиной в жизни Веры. Однажды Владимир раздражённо бросил: «Что ты понимаешь в искусстве? Наводи красоту в гостиной, занимайся своими туалетами».

В разгар выяснения отношений в доме появилась старшая сестра Надя, которой суждено было стать главной виновницей драмы. Разрушилась не только семья, Вера потеряла сразу двух близких людей, была поругана любовь и дружба. Вспоминая об этом непереносимом душевном горе, даже спустя многие годы актриса не могла сдержать дрожи в голосе. В первый же момент она потеряла самообладание и попала в сумасшедший дом. Когда наступило просветление, больная впала в полную апатию и депрессию. Только любовь младшей сестры Оли, её постоянная забота, разумное спокойное внушение — не отчаиваться, спасли Веру от деградации и смерти.

Муж, однако, хотел доиграть эту жестокую пьесу до конца. При последнем объяснении он клялся в вечной любви, но мысль о той, которая скоро должна была родить Муравьёву ребёнка, отрезвила Веру, и она, уже склонная поверить порочному любовнику, бросилась прочь. Пройдёт ещё много времени, пока после пережитой травмы Комиссаржевская сможет вернуться к полнокровной жизни, но полностью это душевное потрясение никогда не забудется и во многом станет лейтмотивом её пронзительного актёрского творчества. Этот скрытый трагизм, который так притягивал зрителя, берет своё начало из неудавшейся семейной жизни Веры Федоровны.

Желая найти себе хоть какое-то занятие, Комиссаржевская обращается к известному актёру Давыдову с просьбой заняться с нею актёрским мастерством. Владимир Николаевич согласился за мизерную плату, но даже этих денег в семье не было. К счастью, нашлись люди, пожалевшие Веру и давшие ей в долг. Вскоре Комиссаржевская отправляется к отцу в Москву, где 13 декабря 1890 года состоялось её первое публичное выступление в Охотничьем клубе. Она заменила заболевшую актрису в спектакле, поставленном Станиславским. Кстати, Станиславский, любимый ученик Федора Петровича Комиссаржевского, не забыл Веру и после того, как девушка выручила труппу в сложный момент, предложил ей сыграть в новой пьесе Л. Толстого «Плоды просвещения».

Роль Бетси оказалась счастливой для Веры Федоровны, её заметили, и она получила очень удачное приглашение в Новочеркасск, где в то время существовал довольно хороший театр. Комиссаржевскую пригласили на роль вторых инженю с

ежемесячным окладом в 150 рублей, что равнялось примерно окладу среднего чиновника, учителя гимназии, врача. Но актрисе необходимо было иметь свой гардероб для спектаклей, тратиться на гостиницу. А этих денег едва хватало, особенно если учесть, что Комиссаржевская поселилась в Новочеркасске вместе с Олей и матерью. Но сердце Веры Федоровны ликовало, потому что впервые она стала зарабатывать сама, да ещё и в качестве актрисы.

Первый сезон прошёл более чем успешно. Вера много играла, её полюбили зрители, и благосклонно отнеслись к ней коллеги, но контракт продолжен не был, потому что жена режиссёра Синельникова не хотела иметь сильную соперницу и конкурентку. Пришлось Комиссаржевской согласиться на предложение работать в дачном театре Озерков под Петербургом.

Дачные театры в то время актёрами воспринимались очень серьёзно, потому что публика приезжала из столицы знающая, избалованная, а среди зрителей встречались и опытные, авторитетные антрепренёры, искавшие новые талантливые имена. Здесь, в Озерках, Веру Федоровну заметили, здесь же она встретила своего самого близкого друга, всю жизнь безнадёжно влюблённого в Комиссаржевскую и всю жизнь ездившего вслед за ней — Казимира Бравича.

Полный успех пришёл к Вере Федоровне в театре Вильно, где расцвёл её самобытный талант. Здесь она сыграла роль Рози в пьесе Зудермана «Бой бабочек», которая на всю жизнь стала бенефисной ролью Комиссаржевской, здесь ей впервые устраивали шквальные овации и проявилась восторженная любовь публики. Отсюда начался её путь к славе в Александринском театре, куда она вскоре была приглашена. Ей был положен порядочный оклад и казённый гардероб.

На столичной сцене царила в то время Мария Гавриловна Савина, славившаяся сочной, яркой манерой игры, и, конечно, появление молодой соперницы вызвало резкую агрессию примы, что надолго отравило Комиссаржевской существование в театре. В отличие от Вильно репертуар Веры Федоровны в «Александринке» не отличался разнообразием, и сильная натура актрисы недолго смогла мириться с положением исполнительницы второго плана. Комиссаржевская выдвинула ультиматум: либо ей дают роль Ларисы в «Бесприданнице» Островского, либо она покидает театр.

17 сентября 1896 года театр был полон. Почтенная публика пришла посмотреть строптивую Комиссаржевскую в знаменитой пьесе. Первые два акта зрители недоумевали. Они привыкли к савинской Ларисе — хорошенькой мещаночке, ведущей

бесшабашную жизнь в материнском доме. И вдруг Лариса — Комиссаржевская: хрупкая, застенчивая, неяркая, говорит тихо, поначалу показалось — даже неинтересно. В антрактах публика разочарованно переговаривалась между собой о провале спектакля, но уже появились отдельные зрители, в основном с галёрки, которые начинали понимать, что перед ними актриса, воплотившая образ «раненой», глубоко страдающей женщины, что такого ещё не было на сцене русского театра. В третьем акте покашливание, шепоток, шуршание программок прекратилось. Комиссаржевская стала единственной властительницей публики. А когда оборвался последний аккорд гитары, публика боялась пошевелиться. В интерпретации Комиссаржевской Лариса звучала трагически. И это было новым рождением пьесы. «Бесприданница» на много дней заняла воображение театрального Петербурга. Достать билет на спектакль было невозможно. Это была настоящая победа нового таланта — Комиссаржевская привела в театр ту часть русской интеллигенции, которая долгие годы считала театр лишь местом пошлых развлечений.

С «Александринкой» у Веры Федоровны связана встреча с Чеховым. К сожалению, роман этот, как творческий, так и личный, не сложился. Чехов даже однажды пошутил, что их отношения преследуют сплошные недоразумения. Как известно, первое представление «Чайки» в Петербурге провалилось, и Антон Павлович в ужасе бежал, не дождавшись конца спектакля. И потом Чехов всю жизнь был связан обязательствами с Художественным театром, поэтому Вере Федоровне не удалось стать первой исполнительницей ролей, которые, казалось, написаны были специально для неё. Да и личные отношения складывались сложно. Чехов не решился пойти на прямые объяснения, а Вера Федоровна не могла изжить прежнюю душевную травму и не хотела проявлять инициативу, слишком ценя своё спокойствие, нужное ей для творчества.

В 1902 году Комиссаржевская покидает «Александринку», недовольная репертуаром театра, тяжело переживая ненависть Савиной. Её предупредили, что никого из тех, кто когда-либо ушёл из театра, назад не принимают. Но Вера Федоровна не боялась, она чувствовала свой недюжинный талант и верила, что ради него она должна искать новое. Она задумала создать свой собственный театр. Комиссаржевская все рассчитала: деньги для нового предприятия должны были дать гастроли по провинции, которые всегда проходили с аншлагами, репертуар и актёров она решила подбирать сама. Вера Федоровна не сомневалась в успехе и все силы направила на любимое детище. Однако актёрское

ремесло и поприще руководителя такого сложного организма, как театр, несовместимы.

Первый же сезон показал, что денег на достойное существование не хватает, актёрского ансамбля нет, достойных режиссёрских работ тоже. Положение спасали только спектакли с непосредственным участием руководителя. Отчаявшись, Вера Федоровна приглашает в театр молодого режиссёра, ученика Станиславского, Всеволода Мейерхольда. Но этот шаг только усугубил проблемы театра. Столкнулись два могучих таланта, ни один из которых не мог подстроиться под другой. Дело дошло даже до суда чести, когда Комиссаржевская уволила в середине сезона Всеволода Эмильевича.

Последней глобальной идеей Веры Федоровны стало создание школы искусств. Из собственного театра она ушла с тяжёлым разочарованием и с энтузиазмом занялась новым проектом. Андрей Белый должен был читать в школе эстетику, Вячеслав Иванов — лекции по древнеевропейской литературе и истории театра. Предполагалось привлечь к преподаванию Д. Философова и Д. Мережковского. Дело снова оставалось за малым — деньги! И Комиссаржевская прибегает к старому испытанному средству — полномасштабные гастроли по стране.

В Ташкенте Вера Федоровна заразилась оспой. Она почувствовала резкое ухудшение самочувствия сразу после представления. «Бой бабочек» — первый спектакль, принёсший Комиссаржевской славу, он же стал и последним спектаклем её жизни. Она умерла, умоляя своих знакомых сразу же после кончины уничтожить письма и не открывать в гробу её лица, обезображенного оспой.

ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА ГЕССЕН-ДАРМШТАДСКАЯ (СВЯТАЯ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИСАВЕТА)

(1864—1918)

Русская святая. Сестра последней императрицы России Александры Федоровны.

Эта женщина, рождённая не в России, крещённая не в православии, женщина, по какой-то иронии судьбы, а может быть, и по глубокой закономерности, стала последней в списке небесных покровительниц многострадального отечества, покровительниц, составляющих Собор святых жён земли Российской. Первая из канонизированных православной церковью — святая великая княгиня Ольга отличалась жестокостью и вероломством. Она не простила убийц мужа и жестоко покарала их. Почти через 1000 лет святая великая княгиня Елизавета будет перед своей мученической смертью молиться Богу за насильников, расправившихся с царской семьёй. Понятия о святости, оказывается, тоже изменяются — от умения мечом и кровью обратить народы в свою веру до желания протянуть руку помощи каждому страждущему и нуждающемуся.

Королевское происхождение нашей героини вовсе не означало роскошного, избалованного детства. Елизавета родилась в многочисленной семье великого герцога Людвига IV Гессен-Дармштадского, но все семеро чад немецкого аристократа воспитывались при дворе их английской бабушки, королевы Виктории, в том числе и две маленькие девочки, которым суждено было сыграть огромную роль в истории России. Пуританский нрав Виктории, её трепетное отношение к старым добрым традициям, ревностное служение христианству создавали в семье особую атмосферу благочестия. Каждый её член, какого бы возраста и здоровья он ни был, имел многочисленные обязательства перед роднёй и обществом. Елизавета и Алиса, даром что принцессы, преспокойно убирали свою комнату, топили в ней сами камин, ставили заплатки на собственные подштанники. Словом, вопреки расхожему мнению о «розовой» неприспособленности «голубых кровей» к быту, они могли заткнуть за пояс любую мещаночку своей домовитостью и аккуратностью.

Впоследствии, отвечая на удивлённые вопросы окружающих — откуда у неё, аристократки, столь ловкое умение управляться с кастрюльками и горшками, — Елизавета Федоровна поясняла, что всем этим она овладела в собственной семье при дворе великой королевы Англии, где малопочетный бытовой труд считался не только не зазорным, но и предохраняющим от заразы всякого соблазна.

Вторым незаменимым витамином в лечении бесовства Виктория считала веру. Одному американцу, осмелившемуся поинтересоваться у королевы — в чём заключается главная сила Англии, она показала Библию: «В этой небольшой книге». Лондонская придворная жизнь благодаря стараниям хозяйки славилась в Европе религиозным фанатизмом, правда, достаточно прагматичным, если, конечно, фанатизм бывает таковым.

На юные души сестёр Гессен-Дармштадских, поражённых к тому же особенной впечатлительностью и не лишённых художественных способностей, такой бабушкин уклад оказал особенное воздействие. Девочки росли склонными к мистицизму и экзальтации. В отличие от Виктории, внучки, несмотря на внешнюю приземлённость, душой улетали в небесные эмпиреи, а приспособленность к быту не помогала им приспособиться к светской суете, словом, бабушка не могла надеяться на них, как на продолжателей традиций. Девочки росли не королевами, хотя самим происхождением им предназначалось именно это поприще.

Трагедии в семье — на глазах матери в 1873 году разбился трехлетний брат Елизаветы Фридрих, смерть от дифтерита сестры и, наконец, гибель самой великой герцогини Алисы, — усиливали мистицизм сестёр Гессен-Дармштадских. А если учесть и одиночество, в котором прозябали принцессы, и их увлечение живописью и классической музыкой, то получится законченный портрет экзальтированных, не слишком общительных особ, которые большую часть своего времени проводили в молитвах и занятиях творчеством. Бабушкино воспитание особенно отразилось на старшей Елизавете, которая после смерти герцогини заменила младшим мать и стала опорой отца.

Однако царственное положение обязывало девиц подумать и о своём будущем. А оно тоже строилось по не нарушаемой никем схеме — особы королевских фамилий должны были из государственных соображений родниться с принцами других стран. Для ранимой и нелюдимой Елизаветы, не знавшей мужского влияния, подобная миссия — выбор жениха — стала нелёгким бременем. Предложения руки и сердца ослепительно красивой, завидной невесте одного из самых престижных царствующих домов Европы сыпались как из рога изобилия.

Однако Елизавета отказывала всем — её хрупкая душа трепетала перед кажущейся ей грубостью мужчин, перед греховностью плотской любви. И чем чаще она вынуждена была отклонять предложения женихов, тем плотнее сгущались над её судьбой тучи. Близился тот критический момент, когда принцесса уже не смогла бы увиливать от замужества, тогда бы её участь решали родственники по своему усмотрению. Всё это время девушка на выданье пребывала в полном смятении, пока случай не разрешил проблему ко всеобщему удовольствию.

Когда Елизавете исполнилось двадцать, она встретилась с великим князем Сергеем Александровичем, братом русского императора Александра III. Пятый сын Александра II по матери приходился роднёй Гессенам-Дармштадским и поэтому часто приезжал с императрицей Марией Александровной в Германию. Они познакомились тогда на светских родственных раутах. Возможно, воспоминания о невинных детских забавах расположили Елизавету к новоиспечённому жениху, тем более что великий князь, в отличие от прочих претендентов, не бросал на красавицу плотоядных взглядов, не стремился остаться с ней наедине, да и, похоже, мало интересовался её женскими прелестями. В благообразных жизнеописаниях святой мученицы Елисаветы подчёркивается, что после откровенной беседы между врачующимися, из которой девушка узнала, что Сергей Александрович якобы дал обет девства, союз их оказался делом решённым. «По взаимному согласию брак их был духовным, они жили как брат с сестрой».

Конечно, трудно себе представить, чтобы в агиографии высказывалась подлинная причина их девственного союза. Однако в отличие от своей жены Сергей Александрович отнюдь не отказывал себе в удовольствиях физической любви. Другое дело, что его интерес направлялся в сторону собственного пола, но вряд ли об этом до свадьбы догадывалась невеста великого князя. Скорее всего, она по своей неопытности и неразвращенности поверила в чистоту помыслов будущего мужа. Трудно представить себе, как переживала Елизавета Федоровна, узнав подлинную причину равнодушия к ней Сергея Александровича. Вряд ли, конечно, она сама оставалась равнодушной, однако она не помчалась разводиться с содомитом, не стала трубить на весь мир, что её обманули, не ославила позором свою вторую половину. Вероятно, великая княгиня решила, что брак — крест Божий, которым её наградил Господь, и, в конце концов, она сама стремилась к мужу, который не станет её домогаться, так что роптать не приходилось.

На свадьбу в Россию Елизавету сопровождала вся семья, и в

том числе двенадцатилетняя Алиса, которая познакомилась здесь со своим будущим супругом, цесаревичем Николаем Александровичем. Торжество стало поистине судьбоносным для России. Но тогда об этом никто не догадывался. После венчания для Елизаветы началась обычная светская жизнь — балы, рауты, обеды. Её редкая красота, неоценённая Сергеем Александровичем, не оставила равнодушными некоторых высокопоставленных знатоков женских прелестей. Блестящий, образованный светский фат великий князь Константин Константинович, к тому же талантливый поэт, посвятил Елизавете Федоровне стихотворение:

Я на тебя гляжу, любуясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Положение невестки царского дома не диктовало Елизавете обязательной перемены вероисповедания, но фанатичная преданность религии, желание делами своими прославлять Христа и невостребованность великой княгини в собственной семье побудили её перейти в православие. Елизавета долгое время не решалась сделать последний шаг по этому пути. Она не хотела огорчать родственников, знала, что её не поймут в семье отца, — никакой политической необходимости в перемене конфессии не было. В октябре 1888 года Елизавета вместе с мужем отправилась на «землю обетованную» для освящения нового русского храма святой Марии Магдалины, построенного в Гефсиманском саду. Россия в это время вела активную миссионерскую работу в Палестине — приобретала новые земли и памятники, создавала монастыри и церкви. Потрясённая красотой храма, высившегося на Елеонской горе, великая княгиня Елизавета в экстатическом порыве воскликнула: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». Тогда она не знала, что произнесла пророчество, которому суждено исполниться.

После посещения Иерусалима последние сомнения по перемене религии у Елизаветы иссякли. Она написала отцу письмо с просьбой понять свою «блудную» дочь и отпустить её на собственную дорогу. Великий герцог Людвиг Гессен-Дармштадский не одобрил самостоятельности дочери, но она уже не нуждалась ни в чьих советах. 13 апреля 1891 года совершилось таинство миропомазания великой княгини Елизаветы Федоровны. Теперь она могла сказать супругу словами Руфи из Библии: «Твой народ стал моим народом. Твой Бог — моим Богом».

Вскоре Сергей Александрович назначается московским губернатором. Вдали от царского пышного двора, переживая смерть отца и непонимание мужа, Елизавета становится всё более набожной, все быстрее стремится отойти она от светской суеты. Горожане скоро оценили её милосердие — губернаторша ходит по больницам для бедняков, помогает приютам для беспризорников, раздаёт одежду и еду нуждающимся. Трагические события первых лет царствования в России её родной сестры Алисы — смерть императора Александра и давка на Ходынском поле — лишь усиливают у Елизаветы желание душевного подвига во имя нового отечества. А поле деятельности в стране, где всегда находились тысячи обездоленных, открывалось перед нашей героиней необозримое, особенно когда началась русско-японская война. Елизавета Федоровна немедленно занялась организацией помощи фронту. Прямо под сводами Кремлёвского дворца великая княгиня устроила мастерские, где огромное число женщин трудилось над швейными машинами и рабочими столами.

Однако никакая благотворительность, никакое сострадающее сердце уже не способно было спасти Россию. Страна катилась в пропасть, и Елизавете Федоровне предстояло испить крёстную муку до дна.

5 февраля 1905 года Сергей Александрович бомбой террориста Ивана Каляева был разнесён на куски. Когда великая княгиня прибыла на место убийства, то власти уговаривали её не приближаться к останкам мужа, так как картина эта была не для слабонервных, но Елизавета своими руками собрала на носилки разбросанные взрывом куски тела супруга. Со смертью великого князя светская жизнь для неё потеряла всякий смысл. 10 февраля 1909 года Елизавета, собрав сестёр основанной ею Марфо-Мариинской обители, сняла траурное платье и облачилась в монашеское одеяние. «Я оставлю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир — в мир бедных и страдающих». Всю оставшуюся жизнь великая княгиня, превратившаяся теперь в настоятельницу обители, посвятила сирым и нуждающимся.

Марфо-Мариинская обитель представляла собой больницу для бедных, где сиделками выступали сестры-монахини и послушницы, а также приют, общежитие для бездомных и сирот. Процветал в Москве в то время знаменитый Хитров рынок — настоящий рассадник мелкой преступности, нищеты и беспризорности. Елизавета Федоровна, в сопровождении верных келейниц, сама обходила притоны, собирая сирот и уговаривая опустившихся родителей отдать ей на воспитание детей. Полиция

постоянно предупреждала высокопоставленную монахиню, что не в состоянии гарантировать при её обходах безопасность. В ответ на это Елизавета Федоровна ссылалась на волю Божию. Она говорила: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено».

Но то, на что не решились воры и грабители с Хитровки, оказалось вполне по силам революционному народу. Уже в феврале 1917 года к обители подошла толпа с винтовками и красными флагами, требуя выдать немецкую шпионку, сестру ненавистной императрицы, хранящую, по данным осведомлённых людей, в монастыре оружие. Елизавета не побоялась предстать перед озверевшей толпой, пригласила людей войти в церковь, предварительно потребовав оставить оружие у входа. Когда толпа нехотя проследовала в храм, настоятельница упала на колени и долго молилась. Времена наступали такие, о которых Елизавета Федоровна написала в одном из писем: «То, что мы живём — является неизменным чудом». Однако приехавшему в революционную Россию по поручению кайзера Вильгельма весной этого же года шведскому министру она на предложение ей помощи в выезде за границу ответила отказом.

Первое время после октябрьского переворота Марфо-Мариинскую обитель не трогали. Наоборот, два раза в неделю новые власти присылали к монастырю грузовик с продовольствием, перевязочным материалом и лекарствами первой необходимости. Уважение, как будто оказываемое сёстрам, усыпило бдительность Елизаветы Федоровны. Она даже позволила передать немецкому послу Мирбаху, дважды желавшему повидаться с великой княгиней на предмет её спасения, слова: «Я никому ничего дурного не сделала! Буди воля Господня!»

Но она сама не знала, что сделала черни, плебеям, ненавидившим её за один только отказ от роскошной жизни. Она обидела их в самом главном — отняла возможность измерять людей своими примитивными мерками. Она как была, так и осталась аристократкой, несмотря на то, что занималась с падшими. А они, как ни стремились наверх, всё равно не могли прыгнуть выше своего карликового роста. Вот что она им и сделала…

Спокойствие обители оказалось затишьем перед бурей Сначала, как водится, прислали анкеты — опросные листы для всех, кто проживает или находится на лечении. Потом для острастки арестовали кое-кого. Но вот дело, наконец-то, дошло и до главных действующих лиц. В апреле 1918 года Елизавету Федоровну арестовали и отправили в Пермь. Сестёр, которые

преданно сопровождали свою настоятельницу, привезли в Областной совет и предложили отпустить на свободу. Одна из келейниц, Варвара Яковлева, не пожелала покинуть матушку Елизавету и присоединилась к узникам — членам императорской фамилии.

Глубокой ночью 5 июля 1918 года великую княгиню и её верную подругу вместе с великим князем Сергеем Михайловичем, его секретарём, тремя сыновьями великого князя Константина и князем Владимиром Палеем сбросили в шахту на окраине города Алапаевска. Затем чекисты стали забрасывать несчастных гранатами. По свидетельству очевидцев, с места трагедии ещё несколько дней слышались душераздирающие крики о помощи. Мученики скончались в страшных страданиях от жажды, голода и ран. Елизавета Федоровна упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. Рядом с ней нашли тело Ивана Константиновича с перевязанной головой. Вся переломанная, с сильнейшими ушибами, она и в аду стремилась облегчить страдания ближнего.

Останки Елизаветы Федоровны и её келейницы Варвары в 1921 году были перевезены в Иерусалим и положены в усыпальнице храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании, туда, где великая княгиня и мечтала быть похороненной.

КАМИЛЛА КЛОДЕЛЬ

(1864—1943)
Французский скульптор.

На улице Варенн, перед входом в Музей Родена, стояла длинная очередь. Однако в тот день 1984 года столько народа собрал не сам великий и прославленный мастер, а его «подмастерье» — женщина, чьё имя, как ещё недавно казалось, поросло травой забвения… И всё же какая-то справедливость в этом мире существует. Женщина, заплатившая за свой неженский дар собственной жизнью, всё-таки нашла признание, пусть не в сердцах современников, так хотя бы — потомков.

Однако, согласитесь, позднее восхищение малоутешительно для живого, страдающего человека, человека, потерявшего надежду. А судьба Камиллы Клодель поистине страшна, вызывает ужас равнодушием и жестокостью её близких. Не имей Камилла божьего дара, её историю и тогда бы имело смысл поведать миру — в назидание чёрствости, как протест против подлости, — но эта женщина ещё к тому же была необыкновенно талантлива, что делает рассказ о ней по-настоящему трагическим.

Бог редко одаривает родителей талантливыми детьми, но представьте себе, что в одной самой обыкновенной семье, у людей без особенных амбиций и претензий к жизни, рождается целых двое гениальных отпрысков. Что тут можно сказать о случайности божьей благодати?.. Она, как видно, для человека непостижима.

Поль Клодель, знаменитый французский классик, поэт, драматург, писатель — любимый в родных пенатах, — уважаемый академик, посол. Но мало кто знает, что в детстве он с обожанием взирал на старшую сестру, бывшую ему примером во всём. До неё он пытался дорасти и внешне, и внутренне, ей первой поверял свои ещё зыбкие, юношеские мечты о славе и успехе. Она, Камилла, первая начала борьбу с консервативными родителями — отцом, лотарингским агентом по недвижимости, и матерью — домохозяйкой. Они и детям желали тихой провинциальной жизни в маленьком городке Вильневе. А дочь и сын Клоделей, словно по злому умыслу, словно они подкидыши, а не родные отпрыски, казались чужими в обывательском мирке родителей. Поль витал в придуманных замках, а Камилла так ловко лепила из глины, что приводила в замешательство отца столь необычным занятием и в бешенство мать, которая замучилась стирать дочкину одежду.

Отъезд Камиллы в Париж в 1882 году не разрешил её

проблем. Для девушек двери Школы изящных искусств были закрыты, но наша героиня оказалась неодинокой, и несколько особ, решившихся презреть запреты общества заниматься скульптурой, основали частные курсы, руководителем которых стал знаменитый в то время Альфред Буше. Поражённый работами Камиллы, педагог показал их директору Школы изящных искусств Полю Дюбуа. «Ваша подопечная брала уроки у господина Родена», — поставил диагноз авторитетный мастер. Фактически это оказалось неверным, но по сути Дюбуа верно усмотрел в начинающей художнице восхищение перед признанным скульптором и яркий талант, способный поставить её в один ряд с великими мастерами. А ещё было в этом восклицании нечто от мистического, случайного предвиденья. Они скоро встретятся — Камилла и Роден, встретятся, чтобы ввергнуть друг друга в пучину несчастий и разочарований.

Роден, подменивший однажды Буше на «девичьих» курсах, будучи тонким ценителем слабого пола и художником по призванию, не мог не обратить внимание на красивую девушку. «Прекрасный лоб над дивными глазами того густо-синего цвета, который часто встречается в романах и столь редко в жизни, большой, чувственный, но ещё и очень гордый рот, густая копна каштановых волос, спадающих до самой поясницы. Вид, впечатляющий дерзостью, прямотой, превосходством и весёлостью», — это описание принадлежит её брату, Полю.

Да, она была на редкость привлекательна, но не только это выделяло её среди остальных курсисток. На ней лежала особая печать, которая притягивает, манит и пугает, печать таланта. Роден пригласил Камиллу работать к себе в качестве подмастерья. Прошло немного времени, и Камилла стала не только ближайшей помощницей знаменитого скульптора, но и его натурщицей, его музой.

Это было начало её конца. Пылкая, уверенная, привыкшая всегда побеждать, быть первой и только первой, она органически не могла существовать рядом с Роденом, признанным мэтром.

В 1888 году Камилла завершает «Забвение» — своё первое большое произведение. Критики спешат увидеть в нём «перепевы» знаменитого роденовского «Поцелуя». Четыре года спустя, когда появляется «Вальс» Клодель, об этой скульптуре пишут, что она опять-таки по-роденовски динамична и экспрессивна. По поводу «Клото» со всех сторон раздаются ехидные ухмылки: "Заимствует, заимствует, заимствует… "

Может, для кого-то личная и творческая близость с великим мастером и была бы предметом гордости и покоя, но для бедной Камиллы она стала сущим мучением, оскорблявшим её

болезненное самолюбие. В порыве бешенства Клодель не слишком задумывается о собственных высказываниях: «Свои произведения я извлекаю лишь из самой себя, страдая скорее избытком, нежели нехваткой идей. Господин Роден, упрекающий других в подражании, лучше бы не обнародовал свой „Дух войны“, целиком скопированный у Рюда». А ведь она живёт с Роденом, она любит его страстно, безумно, с такой силой, которая свойственна только таким неординарным натурам. Но она никогда не сможет ему простить, что её считают роденовской тенью, жалкой подражательницей, что ей не удаётся заблестеть собственными гранями.

К конфликтному дележу творческих идей прибавилась и неприятная житейская история, которая формально и привела к разрыву. Несмотря на то что Камилла делит кров с Роденом, скульптор продолжает поддерживать связь с прежней возлюбленной, верной спутницей прошлых трудных лет — Розой Бере. Напрасно он пытается объяснить Камилле, что брошенная любовница всего лишь его друг, что она не соперница прекрасной молодой женщине, что она больна и он не имеет право её оставить. Клодель не желает ничего принимать в оправдание. Она слишком осознает собственную значимость, чтобы даже самую малость любви и внимания уступить какой-то особе. Камилла ставит условия Родену: или — или… Знаменитый скульптор растерялся как мальчишка: он жалуется друзьям, страдает от «непонятного» ухода Камиллы. Но возвратить он её не попытался. Какому талантливому мужчине нужна рядом такая беспокойная, одарённая женщина? А Камилла, вероятно, надеялась на другую реакцию возлюбленного… Да что надеялась — была уверена!

Получив наконец тягостную свободу, она набрасывается на работу. Пора разлуки родила сильные и выразительные образы. Из-под её рук в тот роковой 1895 год вышел первый вариант «Зрелого возраста» — юная коленопреклонённая женщина с мольбой пытается удержать за руку любимого, которого упрямо тянет к себе старуха-смерть. Их руки ещё не разомкнулись, герой ещё не принял окончательного решения. Во втором варианте, созданном через три года, старость властно уводит за собой покорившегося, смирившегося мужчину. Роден не пришёл за своей Камиллой, надежды все тают, а вместе с их исчезновением копится злоба против бывшего возлюбленного. Постепенно Роден превращается в злого гения Клодель. Проваливается выставка — происки Огюста, не на что купить материал — виновен Огюст, плохая пресса — коварство Огюста. В оправдание Камиллы, следует сказать, что Роден действительно вёл себя не слишком по-джентельменски: Камилла и впрямь могла бы ожидать

большего милосердия и понимания. Роден откровенно чинил препятствия заключению договора на покупку государством «Зрелого возраста», он не захотел помочь Клодель, когда она униженно упрашивала судебного пристава не выбрасывать её вещи из арендованной квартиры, за которую ей нечем было заплатить. Известный скульптор легко забыл прежнюю любовь, и его не мучила совесть, не заботило чувство долга.

Между тем, неприспособленная к жизни, не умеющая легко ладить с людьми, Камилла мечется в поисках выхода. Начинается тяжёлая нервная депрессия: ночами женщина бродит под окнами особняка, где живёт Роден все с той же Розой Бере, и выкрикивает угрозы, беспокоя соседей; днём окна квартиры Клодель плотно закрыты ставнями — Камилла боится дневного света. Она ещё борется — лепит удивительные вещи. Жанровая композиция «За разговором»: сплетницы в бане упоённо и деловито обсуждают чьи-то личные проблемы… Ещё в 1908 году она создаёт «Ниобиду» — девушку-дитя с теми же чертами лица, что у счастливой героини «Забвения», в той же самой позе, но теперь одинокую, смертельно раненную в грудь ядовитой стрелой. Но тьма душевной болезни сгущается над её рассудком.

Не помогли Камилле и родственники. Обожавший её брат Поль вырос, делал собственную карьеру, поставил на собственный успех, и ему не нужна была в биографии строчка о безумной сестре, выбившейся из колеи. В конце концов, она сама учила юного Поля добиваться успеха. 10 марта 1913 года к дому на набережной Бурбонов подъехала карета «скорой помощи», и дюжие санитары отворили дверь обитательницы квартиры на первом этаже. Камилла Клодель с разрешения и при помощи родственников была доставлена в психиатрическую клинику парижского пригорода Виль-Эврар. Оттуда её вскоре перевезли в другую лечебницу — в Мондеверг, забытый Богом угол на юге Франции, где ей предстояло провести 30 лет. Была ли она так больна, чтобы заточать её — пожизненно! — в одно из самых страшных в своём роде заведений, имевших прочную славу «загона для смертников»? Конечно, нет. Просто добропорядочное семейство Клоделей предпочло «похоронить» Камиллу в сумасшедшем доме.

Можно добавить, что сама Камилла до конца дней продолжала винить во всех своих муках Родена. Она не переставала взывать о помощи из адского приюта: «Не могу больше выносить крики всех этих созданий! Боже, как же мне хочется снова оказаться в родном Вильневе! Не для того же я так работала, чтобы закончить жизнь под многозначным номером в сумасшедшем доме! Я заслужила лучшего…»

«На днях несчастную лицейскую преподавательницу, тоже попавшую сюда, нашли мёртвой в постели — умерла от холода. Невозможно вообразить, до чего холодно в Мондеверге. И это длится семь месяцев в году…»

«Если бы я снова могла вернуться к нормальной жизни, то счастье моё было бы слишком велико, чтобы посметь хоть в чём-то вас ослушаться. Я так настрадалась, что не решилась бы и шага лишнего сделать. Ты пишешь, что за мной кто-то должен ухаживать. Но у меня никогда не было нянек…»

Стоны этого несчастного существа не доходят до почтенного Поля, он предпочитает не обращать на них внимания. Только после смерти академика, посла, литератора Клоделя, спустя 12 лет после кончины Камиллы, семья решилась-таки получить прах родственницы из мондевергского заточения. Местное похоронное бюро ответило: «Данный участок кладбища был использован для других нужд, и могила исчезла».

Но время Камиллы всё-таки пришло, её настигла посмертная слава, хоть малое, но утешение — справедливость восторжествовала.

Сбылось предсказание литератора Армана Дейо: «Меня крайне удивит, если мадемуазель Клодель не займёт однажды, внезапно, своё место среди крупнейших скульпторов эпохи».

ЭТЕЛЬ ЛИЛИАН ВОЙНИЧ

(1864—1960)

Английская писательница. В 1887—1889 годах жила в России, была связана с русским и польским революционным движением. С 1920 года жила в США. Самый известный роман «Овод» (1897). Переводила М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского.

Когда-то Лев Толстой говорил, что каждый человек может написать хотя бы одну книгу — книгу о своей жизни. Этель Лилиан Войнич такую книгу написала, только в ней изложены не факты собственной биографии — ничего выдающегося в её судьбе не было, — а пылкие мечты юности, жизнь её души.

Этель едва исполнилось семнадцать, когда она впервые приехала в Париж. Бродя по прохладным залам Лувра и размышляя о своём будущем, она наткнулась на портрет итальянского юноши, который приписывали кисти миланца, прозванного Франчабиджо. Девушка сразу поняла, что перед ней образ, который она вынашивала в своих детских фантазиях, тот романтический герой, который неотступно преследовал её в снах, не давал покоя в мятежном поиске смысла жизни. Это её принц — юноша в чёрном берете с мужественным взглядом и сжатыми губами.

Судьба отпустила Этель долгий срок пребывания на земле, и никогда с того памятного посещения галереи Лувра Войнич не расставалась с этим образом. Репродукция портрета итальянского юноши неизменно висела в любой комнате, где хотя бы недолго жила наша героиня. Само далёкое английское детство забылось, а его материальный символ продолжал жить рядом с ней, по-прежнему воспламеняя огонь в душе и поддерживая в трудные минуты.

Удивительно переплетаются во внутреннем духовном мире человека времена, страны и национальности. Для идеального нет ни расстояний, ни прошлого, ни будущего. Англичанка Этель всегда мысленно устремлялась туда, где шла борьба, где прекрасные мужественные люди отстаивали святые идеалы. Именно поэтому её влекло в Россию.

Своего отца Этель Лилиан не знала. Он умер, когда ей исполнилось всего полгода. Но это был замечательный человек. Имя его, как весьма крупного учёного, внесено в Британскую энциклопедию — «Джорж Буль, известный математик». Сиротское детство Этель оказалось нелёгким. На пять маленьких девочек уходили все скудные средства, оставшиеся матери после смерти

Джоржа. Мэри Буль переехала с детьми в Лондон и стала сама давать уроки математики, писала статьи в газеты и журналы. Когда Этель было восемь лет, она тяжело заболела, но мать не могла обеспечить девочке хороший уход и предпочла отправить её к брату отца, который работал управляющим на шахте. Этот мрачный, фанатически религиозный человек свято соблюдал пуританские британские традиции в воспитании детей. Никакой поблажки и суровые методы в борьбе с людскими пороками — таков был его девиз.

Однажды он обвинил Этель в краже куска сахара и потребовал, чтобы она созналась в преступлении, однако девочка отрицала вину, ей не в чём было сознаваться. Тогда дядя запер Этель в тёмном чулане, а через некоторое время пригрозил, что введёт ей в рот химическое вещество, которое достоверно установит, что она сахар съела. Пристально глядя на мучителя, Этель медленно, чеканя слова, произнесла: «Я утоплюсь в пруду». И столько силы было в этой фразе маленькой девчонки, что дядя понял — она говорит правду. Ему пришлось отступиться. Ночью у Этель случился нервный припадок. От природы она не была наделена большой внутренней энергией, но позволить кому-либо забраться в её устойчивый личный мир она не могла даже в раннем возрасте.

Самыми счастливыми и запоминающимися минутами детства стали рассказы матери о двух итальянских революционерах, которых Мэри приютила в юности у себя в доме. Фантазия девочки рисовала бурные романтические сцены, в которых она бывала самой активной участницей — она спасала молодых героев ценой собственной жизни или они со своим возлюбленным погибали, успев на прощание признаться друг другу в неземных чувствах. Впрочем, мало ли кто из девочек не мечтает. С возрастом это проходит. Однако Этель так и не смогла избавиться от сладостного образа детства.

В 1882 году девушка получила небольшое наследство и поехала в Берлин серьёзно заниматься музыкой. Окончив консерваторию, Этель поняла, что обычная карьера пианистки не привлекает её, девушке хотелось хоть на йоту приблизиться к тем героическим людям, которые есть, должны существовать в этом мире. И тогда её взоры все настойчивее обращаются к России. Оттуда приходят непонятные сообщения о террористах, молодых юношах и девушках, ради идеи жертвующих своими жизнями. В Англии ни с чем подобным ей, понятно, встретиться не придётся. Устойчивая буржуазная жизнь могла положить конец романтическим мечтаниям Этель.

С помощью знакомой журналистки девушка решила

познакомиться с кем-нибудь из русских эмигрантов. В декабре 1886 года Этель встретилась с бывшим террористом Сергеем Степняком-Кравчинским. Конечно, он сразу понравился Этель, он был героем её романа — весёлый, сильный, общительный, а главное, мученик ради идеи — таинственный пришелец из её детства. Биография Кравчинского потрясала девушку — он участвовал в итальянском восстании 1877 года, был приговорён к казни, но чудом избежал смерти, приехав в Россию, жил нелегально, готовя покушение на шефа жандармов Мезенцова. Среди бела дня этот герой на людной площади ударом кинжала зарезал Мезенцова и скрылся.

По закону жанра Этель должна была бы влюбиться в Кравчинского, но он был женат, а Этель не могла переступить свои нравственные принципы, да и в силу независимого характера ей всё-таки самой хотелось вдохнуть настоящей романтики, поэтому русский террорист стал её близким другом. Он же посоветовал девушке отправиться в Россию, снабдив её нелегальными письмами и рекомендациями к друзьям.

Больше двух лет провела Этель в России, зарабатывая на хлеб уроками музыки. Она жила в семье родной сестры жены Кравчинского и, конечно, постоянно сталкивалась с членами террористической организации, которая к тому времени уже была практически разгромлена. Возможно, появись наша героиня в Петербурге несколькими годами раньше, она стала бы рядом с Софьей Перовской или Верой Засулич, но в конце 1880-х романтической даме нечего было делать в России, только разве сокрушаться по поводу сосланных и жалеть их родственников. Самым запомнившимся событием русской жизни стали похороны Салтыкова-Щедрина, на которых была устроена настоящая манифестация демократически настроенной публики.

Так и не пережив желаемых острых ощущений, Этель возвратилась домой и вновь попала в тесный круг друзей Кравчинского. Последний считал себя писателем и даже пробовал творить на английском языке. Тут и пригодилась помощь образованной и влюблённой Этель. Девушка с удовольствием включается в работу «Общества друзей русской свободы» — так назвал свою организацию в Лондоне Кравчинский. В основном Этель занимается переводами опусов самого Сергея, но иногда она переключается и на других русских писателей и поэтов — Гаршина, Гоголя, Лермонтова. Так как Степняк родился на Украине, девушка интересуется и творчеством Тараса Шевченко, с удовольствием учит украинские народные песни и язык.

Этель видится с Кравчинским ежедневно и однажды в порыве откровенности она рассказывает ему о своих детских мечтах, да

так ярко, непосредственно, что Сергей, любимый друг, советует девушке писать, писать… Эта мысль долго не оставляла её. Этель потихоньку начинает обдумывать план своего романа, однако новые события отвлекли её от творчества.

Осенью 1890 года Сергей ожидал очередного беглеца из России, им оказался польский лихой революционер Михаил Вильфрид Войнич. Своими рассказами этот молодой человек покорил сердце англичанки, которую Кравчинский в шутку называл Булочкой. Войнич поведал ей истории из собственной жизни: как по верёвочной лестнице он бежал из тюрьмы, как с риском для жизни спасал товарищей, как втёрся в доверие к охранникам тюрьмы, но провокатор его выдал, и какие издевательства за этим последовали. Словом, наконец-то Этель могла безоглядно влюбиться. Назойливый, неуравновешенный, трудный в общении, Михаил плохо ладил с людьми, но это молодая жена разглядела гораздо позднее, а пока, пребывая в эйфории влюблённости к мужу, она выполняет его задание — едет с нелегальной литературой во Львов. Возвратившись оттуда, она наконец-то садится за роман.

«Овод» написан на одном дыхании, это выплеск влюблённости и романтических мечтаний детства. Этель прошла по каждой дорожке своего героя Артура. Она сочинила поэму его жизни, путешествуя по Италии, подолгу останавливаясь в тех местах, где, по разумению писательницы, проходила жизнь Овода. Ей оставалось самое сложное — перенести придуманное на бумагу. Она постоянно исправляла написанное.

Так случилось, что Степняк-Кравчинский, её любимый друг Сергей, не увидел «Овода». Перед самым выходом романа в свет в декабре 1895 года он погиб под колёсами поезда. Нечего и говорить, каким страшным ударом стала для Этель его смерть. После ухода Кравчинского жизнь Булочки изменилась. Постепенно уходит из неё революционная романтика. Странное мистическое совпадение — словно судьбоносное предназначение Сергея свершилось — роман написан, можно и умереть.

Теперь Этель Лилиан Войнич занимается сугубо изданием «Овода».

Первая книга вышла в Нью-Йорке в 1897 году и имела некоторый успех. Написанный в традициях английской мелодраматической литературы, роман понравился читателю своей искренностью и душевностью. За несколько месяцев в Лондоне он выдержал три издания, был даже перенесён на сцену. Войнич приобрела известность.

Успех, конечно, окрыляет, и Этель решает заниматься литературой, но сладостный порыв, который отличал её работу

над «Оводом», больше не посещает её душу. Она может только холодно и посредственно сочинять банальные сюжеты, да и то в русле оводовской тематики. Теперь что бы она ни писала — становится продолжением жизни Артура, даже если герой называется другим именем. Глубоко переживая свою несостоятельность, Этель принимается за оставленную когда-то музыку. Тридцать лет с тупой упорностью Войнич сочиняла ораторию «Вавилон» и умерла с уверенностью, что это единственное её творение в жизни.

А что же ей оставалось? Михаил давно перестал быть романтическим героем и довольно успешно занимался книжным бизнесом. Вместе они переселились в Америку из соображений выгоды и стали совершенно чужими людьми, детей не было, карьера писательницы не состоялась. Об «Оводе» вскоре забыли, а другие книги — «Прерванная дружба», «Сними обувь твою» — и вовсе прошли незамеченными.

И только на склоне лет, в середине пятидесятых, её нашла одна наша журналистка Евгения Таратута. Неожиданно на голову бедной старухи обрушилась слава и поклонение. Войнич не представляла, что её «Овод» выдержал более ста изданий и имеет невероятный, по понятиям Америки, тираж — миллионы экземпляров. Любимая и притягательная когда-то Россия ответила благодарностью Этель Лилиан Войнич, и даже в США на волне этого интереса появились сенсационные рассказы о забытой писательнице и её произведениях.

МАРИЯ КЮРИ

(1867—1934)

Физик и химик, одна из создателей учения о радиоактивности. Обнаружила радиоактивность тория (1898). Совместно с мужем, Пьером Кюри, открыла (1898) полоний и радий. Дважды лауреат Нобелевской премии — за исследование радиоактивности в 1903 году совместно с П. Кюри и А. Беккерелем; за исследование свойств металлического радия в 1911 году. Разработала методы радиоактивных измерений, впервые применила радиоактивное излучение в медицинских целях.

Ни одна женщина в мире не достигла такой популярности на поприще науки, какая досталась ещё при жизни Марии Кюри. Между тем, когда вглядываешься в детали её биографии, то создаётся впечатление, что не было у этого учёного резких всплесков и провалов, неудач и неожиданных подъёмов, какие обычно сопутствуют гениальности. Кажется, что её успех в физике всего лишь результат титанического труда и редкого, почти невероятного везения. Кажется, малейшая случайность, зигзаг судьбы — и не было бы в науке великого имени Марии Кюри. Но может быть, это только кажется.

А начиналась её в жизнь в Варшаве, в скромной семье учителя Иосифа Склодовского, где помимо младшей Мани росло ещё двое дочерей и сын. Жили очень трудно, мать долго и мучительно умирала от туберкулёза, отец выбивался из сил, чтобы лечить больную жену и кормить пятерых детей. Ему, вероятно, не слишком везло, на прибыльных местах он держался недолго. Сам он объяснял это тем, что не умел ладить с русским начальством гимназий. Действительно, в семье господствовал дух национализма, много говорилось об угнетении поляков. Дети росли под сильным влиянием патриотических идей, и у Марии на всю жизнь остался комплекс незаслуженно униженной нации.

За неимением заработков Склодовские часть дома отдали пансионерам — детям из близлежащих посёлков, которые учились в Варшаве, — поэтому в комнатах всегда было шумно, беспокойно. Рано утром Маню поднимали с дивана, потому что столовая, в которой она спала, нужна была для завтрака пансионеров. Когда девочке исполнилось одиннадцать, умерли мать и старшая сестра. Однако замкнувшийся в себе и сразу резко постаревший отец сделал все, чтобы дети в полной мере радовались жизни. Один за другим они заканчивали гимназию и все с золотыми медалями. Не стала исключением и Маня,

показавшая по всем предметам отличные знания. Будто предчувствуя, что дочери предстоят в будущем серьёзные испытания, Иосиф Склодовский отправил девочку на целый год в деревню к родственникам. Пожалуй, это был её единственный отпуск в жизни, самое беззаботное время. «Мне не верится, что существует какая-то геометрия и алгебра, — писала она подруге, — я совершенно их забыла».

Возвращение в Варшаву оказалось трудным, надо было приниматься за какое-нибудь дело. А что она могла с гимназическим образованием? Отец находился в подавленном состоянии духа. Желая увеличить свои сбережения, он вложил их столь невыгодно, что в течение месяца от 30 тысяч рублей (немалые по тем временам деньги) не осталось ни гроша. Он сам, своими руками, преградил девочкам путь к хорошему образованию и чувствовал себя преступником.

Мария стала зарабатывать уроками, что едва позволяло сводить концы с концами. Кроме того, труд этот сам по себе оказался столь унизительным и бесперспективным, что было от чего впасть в уныние. Целый день она бегала в разные концы города, мёрзла, экономила на извозчике, а богатые родители учеников не считали её за человека, расплачивались жалкими грошами. Нужно было искать выход, иначе через несколько лет репетиторство грозило превратить Марию в жалкую, рано постаревшую учительницу. Девушка предложила своей старшей сестре Броне, мечтавшей получить медицинское образование, заключить соглашение. Мария тщательно подсчитала все имевшиеся в семье средства и пришла к выводу, что Броня может сейчас уехать в Париж учиться, а она, Маня, будет работать и регулярно посылать сестре деньги. Когда же Броня станет врачом, она поможет вырваться из этого болота Марии. Конечно, это был не лучший выход из положения, но всё-таки это был хоть какой-то выход, и Броня, поколебавшись, согласилась.

Мария немедленно нашла себе место в семье богатых помещиков с оплатой в 40 рублей, бесплатным проживанием, питанием и уехала в деревню. Три долгих мучительных года прожила девушка без родных и близких, среди высокомерных, чужих людей. Единственной радостью стали для неё книги и учебники, над которыми она просиживала каждую свободную минуту. Здесь Мария определила своё призвание, поняла, что привлекают её физика и математика. Надо отдать должное силе её характера: даже тогда, когда надежда совсем угасала, когда одиночество было невыносимым, а время, казалось, остановилось, она, стиснув зубы, решала задачи и корпела над учебником физики.

Одно-единственное значительное событие произошло с ней за эти три года, да и то закончилось очень печально. Она влюбилась в сына хозяев, тот отвечал ей взаимностью. Решили пожениться, однако родители жениха устроили скандал, недовольные выбором юноши. Для гордой, самолюбивой Марии это стало трагедией, она решила никогда больше не обращать внимания на противоположный пол и ещё больше замкнулась в себе.

Но вот пришёл конец её заточению в деревне. Броня выходила замуж и приглашала сестру к себе. В Париже Мария, которой исполнилось уже 24 года, поступила в Сорбонну, и началась полная лишений жизнь. Она с головой ушла в учёбу, отказалась от всяких развлечений — только лекции и библиотеки. Катастрофически не хватало средств даже на самое необходимое. В комнате, где она жила, не было ни отопления, ни освещения, ни воды. Мария сама носила вязанки дров и ведра с водой на шестой этаж. Она давно отказалась от горячей пищи, так как сама варить не умела, да и не хотела, а денег на рестораны у неё не было. Однажды, когда муж сестры зашёл к Марии, она упала от истощения в обморок. Пришлось как-то подкармливать родственницу. Зато за несколько месяцев девушка смогла одолеть сложнейший материал престижного французского университета. Это невероятно, ведь за годы прозябания в деревне, несмотря на настойчивые занятия, она очень отстала — самообразование есть самообразование.

Мария стала одной из лучших студенток университета, получила два диплома — физика и математика. Однако нельзя сказать, что за четыре года она смогла сделать что-нибудь значительное в науке или кто-нибудь из преподавателей вспоминал позже её как студентку, показавшую выдающиеся способности. Она была всего лишь добросовестной, прилежной ученицей.

Весной 1894 года произошло, может быть, самое значительное событие в её жизни. Она встретила Пьера Кюри. К двадцати семи года Мария вряд ли питала иллюзии по поводу своей личной жизни. Тем более чудесной представляется эта неожиданно пришедшая любовь. Пьеру к тому времени исполнилось 35, он давно ждал женщину, которая смогла бы понять его научные устремления. В среде людей гениальных, где так сильны амбиции, где отношения отягощены сложностями творческих натур, случай Пьера и Марии, создавших удивительно гармоничную пару, редчайший, не имеющий аналогов. Наша героиня вытащила счастливый билет.

Мария пыталась стать хорошей женой. Она теперь бегала с

утра за продуктами на рынок, научилась готовить, но не хотела бросать лабораторию. Она не знала той душевной лени, которая обычно посещает вышедших замуж женщин: можно и расслабиться, общественного успеха пусть достигает муж, «а я уж как-нибудь за его спиной».

Мария начинает писать докторскую диссертацию. Просмотрев последние статьи, она заинтересовывается открытием урановых излучений Беккереля. Тема совершенно новая, неисследованная. Посоветовавшись с мужем, Мария решает приняться за эту работу. Она вторично вытаскивает счастливый билет, ещё не зная, что попала в самый пик научных интересов XX века. Тогда Мария вряд ли предполагала, что вступает в ядерную эпоху, что ей доведётся стать проводником человечества в этом новом сложном мире.

Работа начиналась весьма прозаически. Мария методично изучала образцы, содержавшие уран и торий, и заметила отклонения от предполагаемых результатов. Вот где проявилась гениальность Марии, она высказала дерзкую гипотезу: данные минералы содержат новое, неизвестное доселе радиоактивное вещество. Вскоре в её работы включился и Пьер. Необходимо было выделить этот неизвестный химический элемент, определить его атомный вес, чтобы показать всему миру правильность своих предположений.

Четыре года Кюри жили затворниками, они сняли сарай-развалюху, в котором зимой было очень холодно, а летом жарко, сквозь щели в крыше лились потоки дождя. Четыре года они на свои средства, без всяких помощников выделяли из руды радий. Мария взяла на себя роль чернорабочего. В то время, когда супруг занимался постановкой тонких опытов, она переливала жидкости из одного сосуда в другой, несколько часов подряд мешала кипящий материал в чугунном тазу. В эти годы она стала матерью и все хозяйственные заботы взяла на себя, так как Пьер был единственным кормильцем в семье и разрывался между опытами и лекциями в университете.

Работа подвигалась медленно, и когда основная часть её была закончена — оставалось только сделать точные измерения на новейших приборах, а их не было — Пьер сдался. Он стал уговаривать Марию приостановить опыты, дождаться лучших времён, когда в их распоряжении появятся необходимые приборы. Но жена не согласилась и, приложив неимоверные усилия, в 1902 году выделила дециграмм радия, белого блестящего порошка, с которым потом не расставалась всю жизнь и завещала его Институту радия в Париже.

Слава пришла быстро. В начале XX века радий показался

наивному человечеству панацеей от рака. Из разных концов земли супругам Кюри поступают заманчивые предложения: Академия наук Франции отпускает кредит на выделение радиоактивных веществ, строятся первые заводы для промышленного получения радия. Теперь в их доме полно гостей, корреспонденты модных журналов норовят взять интервью у мадам Кюри. И вершина научной славы — премия Нобеля! Они богаты и могут позволить себе содержать собственные лаборатории, набрать сотрудников и приобретать новейшие приборы, при том что супруги Кюри отказались от получения патента на производство радия, подарив своё открытие миру бескорыстно.

И вот, когда жизнь казалась налаженной, наполненной, уютно вмещающей в себя и личную жизнь, и милых крошек-дочерей, и любимую работу, всё рухнуло в один миг. Как зыбко земное счастье.

19 апреля 1906 года Пьер, как обычно, утром вышел из дому, направляясь на службу. И больше не вернулся… Он погиб страшно нелепо, под колёсами конного экипажа. Судьба, чудесным образом подарившая Марии любимого, будто пожадничав, забрала его обратно.

Как она пережила эту трагедию — трудно себе представить. Нельзя без волнения читать строки дневника, написанные в первые дни после похорон. «…Пьер, мой Пьер, ты лежишь там, как бедняга раненый, с забинтованной головой, забывшись сном… Мы положили тебя в гроб в субботу утром, и я поддерживала твою голову, когда тебя переносили. Мы целовали твоё холодное лицо последним поцелуем. Я положила тебе в гроб несколько барвинок из нашего сада и маленький портрет той, кого ты звал „милой разумной студенткой“ и так любил… Гроб заколочен, и я тебя не вижу. Я не допускаю накрыть его ужасной чёрной тряпкой. Я покрываю его цветами и сажусь рядом… Пьер спит в земле последним сном, это конец всему, всему, всему…»

Но это был не конец, впереди у Марии было ещё 28 лет жизни. Её спасли работа и сильный характер. Уже через несколько месяцев после смерти Пьера она читает первую лекцию в Сорбонне. Народу собралось гораздо больше, чем смогла вместить маленькая аудитория. По правилам полагалось начинать курс лекций со слов благодарности в адрес предшественника. Мария появилась на кафедре под шквал аплодисментов, сухо кивнула головой в знак приветствия и, глядя перед собой, начала ровным голосом: «Когда стоишь лицом к лицу с успехами, достигнутыми физикой…» Это была та фраза, на которой закончил свой курс в прошлом семестре Пьер. Слезы катились по щекам слушателей, а Мария монотонно продолжала

лекцию.

В 1911 году Мария Кюри становится дважды лауреатом Нобелевской премии, а спустя несколько лет эту же награду получает и её дочь Ирен.

Во время Первой мировой войны Мария создаёт первые передвижные рентгеновские установки для полевых госпиталей. Её энергия не знает пределов, она ведёт огромную научную и общественную работу, она желанный гость на многих королевских приёмах, с ней, как с кинозвездой, стремятся познакомиться. Но однажды одной своей неумеренной поклоннице она скажет: «Нет необходимости вести такую противоестественную жизнь, какую вела я. Я отдала много времени науке потому, что у меня было к ней стремление, потому что я любила научное исследование… Все, чего я желаю женщинам и молодым девушкам, это простой семейной жизни и работы, какая их интересует».

Мария Кюри была первым человеком на земле, умершим от облучения. Годы работы с радием дали о себе знать. Когда-то она стыдливо прятала свои обоженные, искорёженные руки, не понимая до конца, сколь опасно их с Пьером детище. Мадам Кюри скончалась 4 июля от злокачественной анемии, вследствие перерождения костного мозга от длительного воздействия излучения.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

(1869—1939)

Жена вождя большевиков В.И. Ленина. Член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с 1898 года. Секретарь редакции газет «Искра», «Вперёд», «Пролетарий», «Социал-демократ». Участница революций 1905—1907 годов и Октябрьской революции. С 1917 года член коллегии, с 1929 года заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1920 года председатель Главполитпросвета при Наркомпросе. Депутат Верховного совета с 1937 года. Имеет труды по педагогике, истории КПСС.

Кто бы вспомнил сегодня эту женщину, не будь она женой «вождя мирового пролетариата», человека, перевернувшего все течение XX века? Но в том-то и дело, что она не могла не быть его женой. И если бывают странные, нелепые человеческие предназначения, то Надежде Константиновне суждено было стать тенью, неотступной, необходимой тенью жестокого разрушителя мира. Их могло быть только двое — Он и Она, как от века, от сотворения повелось на Земле. Они могли зачать новый род, могли созидать, но они своими руками подготовили дьявольскую лабораторию катастрофы — Он и Она.

Жизнеописания Надежды Константиновны мало похожи на человеческую биографию. И дело не только в советских биографах. Даже в воспоминаниях её подруг редко проскальзывают тёплые, с изюминкой, нестандартные детали, нет никаких интересных случаев. Все ровно, скучно, спокойно. А ведь она прожила большую и, казалось бы, полную неожиданностей жизнь. Но… сплошь и рядом читаем: «Была спокойна», «ничем не выдала своих чувств», «молчала, и никто не видел ни слезинки». Словно речь идёт о роботе.

Многие отмечают внешнюю непривлекательность Надежды Константиновны, но присмотритесь к её юношеским фотографиям — ничего отталкивающего в них нет, а если вы прибавите к портрету и её статность, хорошую кожу и роскошную косу, то и вовсе вроде бы не стоило печалиться о внешности. Однако даже её мать чрезвычайно сожалела о будущем некрасивой дочери. А может, дело было в другом, в том неуловимом женском обаянии, при котором и дурнушка кажется богиней? Скорее всего эта аура женской привлекательности напрочь отсутствовала у нашей героини. Хотя, казалось бы, с чего Бог так обидел Крупскую?

Надежда Константиновна выросла в простой, небогатой семье. Отец, неудачник, увлекавшийся к тому же революционно-демократическими идеями, состояния вдове и дочери не оставил, но любовью и заботой девочка никогда не была обделена. Училась в хорошей школе, нужды особенной не знала, пользовалась относительной свободой. Мать Елизавета Васильевна, хлопотливая хозяйка, была крайне набожна, но, почувствовав, что Надя не склонна к религии, дочку не переубеждала. Молилась только о том, чтобы личная жизнь девушки сложилась удачно, и готова была к любому жениху, лишь бы любил и берег её дочь.

Надя же о мужчинах думала мало. Она заканчивает престижные Бестужевские курсы и поступает работать в вечернюю школу для рабочих. Внимательно изучает марксизм, для чего даже вызубрила немецкий язык. «Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала жизнь». И это были не просто слова, сказанные из идейных соображений. Чувства по сравнению с её целью казались мелкими и никчёмными. Она становилась фанаткой, а плоть в таких случаях лишь отягощает, поэтому никаких комплексов, страданий от недостатка личной жизни Надежда Константиновна не ощущала.

Ульянова она увидела в своей школе. Видимо, он поразил её решительностью и безапелляционностью суждений. Он с первых дней вёл себя как вождь, лидер. Надежда Константиновна, встретив однажды Ульянова в публичной библиотеке, не захотела терять такой великолепный шанс познакомиться и дождалась, когда же он отправится домой. Всю дорогу они говорили об общем деле. Надо сказать, что Крупская была достаточно образована и умна и, когда хотела, могла заинтересовать к себе человека. Ильич не отказался от приглашений девушки и в следующее воскресенье заглянул «на огонёк» к Крупским.

Можно предположить, как обрадовалась Елизавета Васильевна за дочь. Приятный молодой человек из хорошей семьи. Правда, брат замешан в покушении на царя, зато отец — инспектор училищ в Симбирске. Мать Надежды постаралась сделать всё, что было в её силах — лаской и пирогами привечала она потенциального жениха.

Когда Владимир Ильич уже из тюрьмы прислал Крупской предложение стать его женой, Надежда Константиновна ответила: «Что ж, женой так женой». Она знала, что уже никогда не расстанется со своим «богом», но теперь она получила законное право быть вечно с ним рядом.

Любила ли она его? Да, если любовью можно назвать несокрушимую верность и проникновенное понимание. Не следует думать, будто в трудах Ленина «нет Надежды Константиновны», она умела мудро и незаметно направить его руку, сделав вид, что она лишь помогает вождю. Ильич не терпел возражений, но она и не имела обыкновения возражать, мягко, исподволь она заставляла прислушиваться к себе. Один из соратников Ленина Г.И. Петровский вспоминал: «Мне приходилось наблюдать, как Надежда Константиновна в ходе дискуссии по разным вопросам не соглашалась с мнением Владимира Ильича. Это было очень интересно. Возражать Владимиру Ильичу было очень трудно, так как у него все продумано и логично. Но Надежда Константиновна подмечала „погрешности“ и в его речи, чрезмерное увлечение чем-нибудь… Когда Надежда Константиновна выступала со своими замечаниями, Владимир Ильич посмеивался и затылок почёсывал. Весь его вид говорил, что и ему иногда попадает». Не правда ли, симпатичная картинка, больше похожая на хорошо срежиссированную сцену? «Милые бранятся — только тешатся». Нет, Крупская не была ни «наседкой», ни «душечкой». Ей не нужно было славы, дешёвых утверждений, её Галатеей стал Владимир Ильич, и она удачно справилась с ролью Пигмалиона.

О любви к Инессе Арманд ходит много слухов. Сейчас документально доказано, что вождь был неравнодушен к этой революционной красавице. Но нигде мы не найдём свидетельств об отношении к Арманд нашей героини. Только равнодушная озабоченность её здоровьем, вежливая заинтересованность судьбой дочери соперницы присутствует в её письмах к Арманд. Втроём в пломбированном вагоне они возвращались в феврале 1917 года в Россию. Говорили, будто Надежда Константиновна, видя муки Ленина, предложила ему разойтись, чтобы освободить его для любимой Инессы. Мудрая женщина — ничего не скажешь. А может, просто знала — ей ничего не угрожает. Чувства чувствами, от их взрыва самый бронированный человек не застрахован, а спайка двух сообщников всё же сильнее. Недаром в последние годы жизни Ленин ни на шаг не отпускал от себя преданную подругу. В 1919 году Крупская просится у мужа остаться поработать на Урале и получает письмо: «…и как ты могла придумать такое? Остаться на Урале?! Прости, но я был потрясён».

Многочисленные труды Надежды Константиновны по педагогике сегодня имеют только историческое значение для тех, кто интересуется взглядами большевиков на проблему воспитания детей. Подлинное же значение Крупской — в работах

Ленина, её кумира и соратника. Она пережила своего «бога» на 15 лет, но это была уже не жизнь, для неё, стального борца революции, деятельной женщины, привыкшей к напряжённой работе. Сталин ещё при больном Ленине постарался «убрать старуху» с политической сцены. Он устроил ей скандал, когда она отказалась изолировать мужа от управления страной. Тогда ему пришлось извиниться, скрипя зубами от злости. Зато, когда вождь умер, Сталин вступил с Крупской в яростную борьбу. Он не собирался с кем бы то ни было делить власть, тем более с вдовой Ленина.

Начались мелкие склоки нового вождя с Крупской по поводу представления образа старого вождя народу. Надежда Константиновна оказалась в трагическом положении — с одной стороны, труп, мумия мужа, которого она умоляла похоронить, с другой стороны, умилительная биография, изготовленная по указу Сталина. Она теперь ни на что не имела право. Можно только представить её безвыходное положение, когда в течение пятнадцати лет она жила с мыслью, что тело её близкого человека не нашло достойного упокоения, а сама она никогда не будет похоронена рядом с ним.

В 1938 году писательница М. Шагинян обратилась к Крупской по поводу рецензии и поддержки её романа о Ленине «Билет по истории». Надежда Константиновна ответила автору подробным письмом, чем вызвала страшное негодование Сталина. Разразился скандал, ставший предметом обсуждения ЦК партии. Приведём любопытный отрывок из постановления Политбюро:

«Осудить поведение Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа на свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку. Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал…»

Документ, конечно, абсурдный. Но с другой стороны, не сама ли Надежда Константиновна когда-то запустила маховик этой машины, отдав органам партии преимущественное право на мыслительную деятельность. Идеал в его реализации оказался гораздо нелепее, чем она могла предположить.

Из жизни Крупская ушла как-то внезапно. Да, она была уже немолода и много болела, но в смерти её есть тайна. Пожалуй, самая большая загадка — это то, о чём она собиралась говорить на XVIII съезде партии. О своём решении выступать перед делегатами она делилась со многими соратниками. Не исключено, что эта речь могла быть направлена и против Сталина. Утром 24 февраля 1939 года Надежда Константиновна, как обычно, работала, а днём к ней в Архангельское приехали друзья — отметить приближающееся семидесятилетие. Стол был скромный — пельмени, кисель. Крупская выпила несколько глотков шампанского. Старики вспоминали свою молодость, сделали несколько фотоснимков на память. Надежда Константиновна была весела и оживлённо беседовала с друзьями.

В 7 часов вечера она внезапно почувствовала себя очень плохо. Вызвали врача, но он почему-то приехал через три с половиной часа. Конечно, чтобы добраться в февральские сумерки до Архангельского, требовалось время. Но не три часа, особенно если учесть высокий статус больной. Диагноз поставили сразу: «острый аппендицит-перитонит-тромбоз». Необходима была срочная операция, но её почему-то не сделали. Надежда Константиновна умерла в страшных муках 27 февраля, а в марте открылся XVIII съезд партии.

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА ГИППИУС

(1869—1945)

Русская писательница, идеолог символизма. Автор лирических стихотворений, рассказов, романа «Чёртова кукла» (1911). Критические статьи подписывала псевдонимом Антон Крайний.

«Она, несомненно, искусственно выработала в себе две внешние черты: спокойствие и женственность. Внутри она не была спокойна. И она не была женщиной». Сказано Н. Берберовой по обыкновению хлёстко, жёстко и язвительно. Однако формула известной писательницы, близко знавшей Гиппиус, выражает самое зерно характера и образа жизни нашей героини. Она не оставила ничего такого, что бы надолго запомнилось людям. Её писания можно ценить, с удовольствием следить за ходом размышлений, но любить их нельзя. Они бывали оригинальны, интересны, остроумны, порой блестящи, порой несносны, но они никогда не трогали сердца читателей, не восхищали той благодатной мелодией, которая под любой маской выдаёт то, что называется талантом. Её литературное творчество, в том числе и поэзия, построено на вызывающем эгоизме и каком-то колком электрическом разряде, способном вызвать раздражение, нервную возбуждённость, но упоение — никогда.

Однако это отсутствие щедрого, непосредственного дара с лихвой искупалось той личной «единственностью», которую отметил ещё Блок. Один из современников сказал о Гиппиус: «В небесной мастерской своей Господь Бог как будто удостоил её „ручной выделки“, выпуская огромное большинство других людей пачками и сериями, без особых индивидуальных различий». В ней был тот особенный шарм, который не даётся воспитанием, книгами, подражаниями, а кристаллизуется целой эпохой.

«Высокая, стройная блондинка с длинными золотистыми волосами и изумрудными глазами русалки, — писал один из первых символистов, публицист, критик П. Перцов, — в очень шедшем к ней голубом платье, она бросалась в глаза своей наружностью. Эту наружность несколько лет спустя я назвал бы „боттичелиевской“»… Но несмотря на классический ангельский облик, Гиппиус представлялась современникам, скорее, бесполым, демоническим существом, обряженным в нежные — розовые, голубые, белые — одежды — и оттого ещё более притягательным своей непознанностью, сатанинством и контрастом. Она вся словно была соткана из «декадентских» нервных, потрескавшихся красок и до конца жизни не изменила

себе, так и оставшись «непрерывным культом собственной молодости». Бунин, уже в эмиграции, смеялся над «старушкой» Гиппиус, что у неё в комоде лежит сорок пар розовых шёлковых штанов и сорок розовых юбок висит в платяном шкафу.

Наша героиня родилась в маленьком городке Белеве Тульской губернии, откуда происходили и корни Бунина. Однако семья Николая Гиппиуса — выходца из старинной немецкой колонии в Москве (в 1534 году один из его предков открыл в Немецкой слободе первый книжный магазин) — ненадолго задержалась в Белеве. После появления на свет первой дочери Зиночки кормильца семейства перевели помощником прокурора в Тулу. Вообще, в связи со служебными перемещениями Гиппиусы беспрерывно колесили по стране, нигде не задерживаясь надолго и не особенно привязываясь к месту. Может быть, эти первые и самые сильные, как известно, детские впечатления от впопыхах сооружённого, ненасиженного гнезда и сделали Зиночку вечной противницей «пуховых подушечек, занавесочек, кастрюлек», словом, быта как такового. Она всю свою жизнь демонстративно пренебрегала теми проблемами, которые именуются женщинами всего мира как «хозяйственные». Оказывается, если очень захотеть, то можно пролететь по жизни, не заботясь о завтраках и стирках — это сказала Зинаида Гиппиус, судьба которой среди войн и революций складывалась далеко не безоблачно.

Когда старшей дочери исполнилось всего лишь тринадцать, а младшие ещё ползали в колыбели, глава семейства скончался от туберкулёза в городе Нежине, городке прославленном великим Гоголем. Убитая горем мать Зинаиды перебралась в Москву, где девочка, наконец-то получила возможность поступить в гимназию. Девочка сразу же проявила незаурядные способности к наукам, однако учёбу вскоре пришлось прекратить из-за открывшегося у Зинаиды лёгочного кровотечения. Как водилось в те годы, больную повезли на юг, но поскольку Гиппиусы не могли себе позволить «заграницы», то девочка попала в Крым. В тогдашнем захолустном мирке полуострова честолюбивая, с живым умом, с богатейшим личностным потенциалом Зинаида страдала от невостребованности и скуки. Она читала толстые журналы, записывала в дневнике впечатления скудного событиями дня, пробовала набрасывать первые подражательные поэтические строки и с тоской воображала, что где-то собираются в кружки интересные люди, где-то загораются «звезды» новых талантов, а ей, Зиночке, так печально жить среди многочисленных тётушек и бабушек: матушкиной сибирской родни — богобоязненных, сердобольных и слезливых — с киотами икон, со свечками и молитвенными причитаниями.

К счастью, судьба переместила семейство Гиппиус в Тифлис. Там шестнадцатилетняя Зина попала в настоящее общество — офицеров, барышень, безусых гимназистов. Здесь-то и проявилась ненасытная «гиппиусовская» жажда общения. Её желание самоутверждения меры не знало: она могла танцевать, гарцевать на лошадях, гулять по горным тропинкам — лишь бы её слушали, лишь бы ею восхищались. И поклонники не замедлили явиться — редкий мужчина пропускал взглядом эту юную красавицу. Предложения руки и сердца сыпались, как из рога изобилия, но Зинаида для всех воздыхателей в личном дневнике припасла только один эпитет: «дурак». Конечно, она понимала, что собеседнику, благоговейно внимающему её разглагольствованиям, не стоит так с ходу объявлять своего мнения, однако потенциальные женихи отскакивали от Зиночки, как ударенные электрическим током.

Непонятно, как бы сложилась дальнейшая судьба строптивицы — и Гиппиус в зрелом возрасте это прекрасно понимала — коли бы не попался на её пути молодой, но уже очень уважаемый писатель Дмитрий Мережковский. Немного найдётся в богатой русской культуре людей, способных посоперничать с Мережковским в глубине и полноте знаний, в таланте осмысления сложных литературных, религиозных и общественных процессов. По-видимому, он был единственным мужчиной на земле, который мог обуздать заносчивость норовистой Зинаиды. И надо же, случаются чудеса на свете — именно он оказался летом 1888 года в Боржоми, где отдыхала и она. В воспоминаниях Гиппиус о знакомстве и браке с Мережковским почти нет обычных для такого случая трепетных сцен признания, полувзглядов, догадок, воздыханий, волнений. Скорее, сквозит в них деловая предназначенность друг другу и сдержанное уважение перед энциклопедическим умом жениха. Ещё бы! Какая другая девушка в двадцать лет способна оценить сожаление возлюбленного, что она до сих пор незнакома с трудами модного тогда философа Спенсера. Словом, Мережковский стал именно той оправой, которая была необходима такому «бриллианту», как Зинаида Гиппиус.

8 января 1889 года в церкви Михаила Архангела в Тифлисе состоялось венчание, более чем скромное и тихое. Гостей собралось немного — не присутствовали вопреки тогдашним традициям даже родители жениха. После обычного завтрака новобрачные удалились в покои Зинаиды дочитывать вчерашнюю книгу, а вечером, когда на чай случайно заглянула бывшая гувернантка-француженка, ей между прочим упомянули: «А Зина сегодня замуж вышла». Сама «молодая», разговаривая со

свидетелем, удивлялась: «Мне кажется, что ничего и не произошло особенного». Тот засмеялся: «Ну, нет, очень-таки произошло, и серьёзно».

Действительно, для русской культуры этот незамеченный никем день стал совершенно особенным — был заключён союз, сыгравший огромную роль в развитии и становлении литературы знаменитого «серебряного века». Дом Мережковского и Гиппиус стал оазисом русской духовности начала XX столетия. А. Белый однажды очень точно подметил, что в нём «воистину творили культуру. Все здесь когда-то учились».

В 1901 году Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич смогли добиться создания открытого официального общества, которое собиралось регулярно для свободного обсуждения вопросов религии, философии и культуры. Какие только вопросы не обсуждались на собраниях, о чём только не спорили, кто из знаменитостей того времени не побывал у четы Мережковских! И если «головой» этого союза был Дмитрий Сергеевич, то «шеей», безусловно, — Гиппиус. Мережковский, прекрасный собеседник, эрудит, мыслитель, представлял собой аскетический, замкнутый тип человека. Он редко раскрывался в мимолётном общении, не умел, что называется, «себя подать», не было в нём той лёгкости и «приятности», что обычно располагают к людям. Зато Зинаида Николаевна умела обаять гостей. Она не была «милой киской», нежно мяукающей в унисон любому, наоборот, многие считали её злой, самоуверенной и заносчивой и откровенно боялись. Она любила браваду, вызов. Беззастенчиво направляя свою знаменитую лорнетку в толпу, Зинаида Николаевна, словно кость, кидала зрителям кощунственные строки своих стихов. Она знала, что покорить общество можно лишь эпатажем, которого жаждут окружающие, а этого «добра» у Гиппиус припасено было предостаточно. Необычная «русалочья» красота, культурная утончённость, понимание психологии человека сочетались в ней с наглым самомнением, резкостью суждений. Её называли «сатанессой», «ведьмой», «декадентской мадонной», хотя по большей части опасались. Но, не получив «прописки» в салоне Гиппиус, никто не мог считаться полноправным членом культурного бомонда России, а потому сюда стремились как на «освидетельствование», как на анализ по «верной» группе крови. Мережковские до такой степени запугали бедных поэтов, что Брюсов в своём дневнике рассказывал, с каким страхом и трепетом московские символисты ожидали приезда именитых гостей, как они всячески «изукрашали» комнату, расставляли по углам цветы, искали диван для Зиночки. Всё должно было соответствовать «официальной» церемонии приёма, раз и

навсегда принятому этикету, словно маленький вассальный надел посещала великая повелительница. Брюсов писал, что, когда Мережковские отдыхали, хозяева принялись «чуть ли не плясать и ликовать, что всё сошло благополучно». Власть эта над умами современников тем более кажется непонятной, что сама Зинаида Николаевна стихи слагала весьма посредственные, а рассказы и эссе оригинальностью мысли не отличались. При этом Гиппиус твёрдо играла роль вечно недовольной особы, которая держалась так, будто — доверься человек ей — она бы вывела его на верный путь.

Кого только она не учила уму-разуму! В единственное своё посещение Ясной Поляны накричала даже на Толстого, да так, что Лев Николаевич очень вежливо успокаивал разбушевавшуюся посетительницу: «Может быть, вы правы, я всегда рад выслушать чужое мнение». В другой области земного величия — погрозила пальцем сербскому королю Александру, признавшемуся, что начинает забывать русский язык: «Вот это, ваше величество, совсем нехорошо… совсем нехорошо!» Король, по примеру Толстого, тоже предпочёл не обижаться.

Ну а с простыми смертными она и вовсе не церемонилась. Однажды Бальмонт прочёл Зинаиде Николаевне свои стихи. Гиппиус с лорнеткой, которая, по-видимому, служила родом психологического оружия, «ледяным» голосом, которым обычно говорила неприятности, процедила сквозь зубы: «Непонятно и пошло». Бальмонт вскипел: «Мне остаётся только приставить вам свою голову вместо вашей, чтобы вы поняли!» Зинаида Николаевна так же медленно, так же сквозь зубы ответила: «Не желала бы!»

Однако сила её заключалась не только в мужской безаппеляционности, она не отказывалась и от чисто женских приёмов игры и кокетства. «Ведьма» порой превращалась в прекрасную соблазнительницу.

Тот же Брюсов вспоминал, что к 12 часам дня, как было условлено, он явился к Гиппиус, дабы смиренно представить на суд собственные стихи. Он постучался, получил «войдите» и остолбенел на пороге. В зеркале, поставленном углом так, что в нём отражалась вся комната, поместилось розовое после сна, совершенно нагое тело Зинаиды Николаевны. Насладившись замешательством поэта, Гиппиус небрежно крикнула из угла: «Ах, мы не одеты, но садитесь».

Поговорив с напряжённо отвернувшимся Брюсовым, Зинаида Николаевна всё же накинула на себя одежды и вышла: «Я причёсываться не буду. Вы не рассердитесь?»

На самом деле, отмечал поэт, она если и не причёсывалась,

то всё же собрала свои волосы в очень искусный пучок.

"Стали говорить.

— Я не знаю ваших московских обычаев. Можно ли всюду бывать в белых платьях? Я иначе не могу. У меня иного цвета как-то кожа не переносит… В Петербурге так все меня уже знают. Мы из-за этого в театр не ходим, все на меня указывают…

Вечером мы были у Соловьёвых. Зиночка была опять в белом и с диадемой на голове, причём на лоб приходился бриллиант".

Между тем пикантность поведения Гиппиус не породила ни одного слуха о её романах, ни одной истории о какой-либо интрижке. Пятьдесят два года прожили Мережковские в браке до самой смерти Дмитрия Сергеевича и за полвека ни разу не расставались ни на один день. Между тем, когда Н. Берберову спросили о семье Мережковских, она ядовито усмехнулась: «Семья?.. Это было что угодно, только не семья»…

Что имела в виду современница? Может быть, то, что это был союз двух людей, совместное существование которых устраивало их полностью, как симбиоз двух различных природных особей помогает друг другу выжить. У них никогда не было детей, но почему-то никто не удивлялся этому обстоятельству, словно окружающие забывали, что Мережковские всё-таки не только возглавляли литературный процесс России, но ещё и состояли в законном браке. К слову сказать, три другие родные сестры Зинаиды Николаевны так никогда и не вышли замуж.

Литературное наследие Гиппиус огромно и разнообразно: пять сборников стихов, шесть сборников рассказов, несколько романов, драмы, литературная критика, публицистика, две книги мемуаров, дневники. Но для потомков Зинаида Николаевна всегда останется человеком, проявившим своё «сломанное», «манерное», «потерянное» время. При всей иронии к её вычурности и позёрству не следует забывать, что знаменитые стихи А. Блока посвящены ей, Зинаиде Гиппиус:

Рождённые в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

ЛЕСЯ УКРАИНКА

(1871—1913)

Украинская писательница. Настоящее имя Лариса Петровна Косач-Квитка. Автор сборников и циклов лирико-философских стихов, поэм, драм.

Печальны глаза этой женщины, её лицо, измождённое, суровое, напоминает аскетичные лики святых и фанатиков. Вся её жизнь стала непрерывной борьбой с болезнями, за право остаться полноценным человеком, невзирая ни на какие обстоятельства. Читая её биографию, трудно поверить, что все это успела женщина, которая с детства была обречена на медленное умирание.

Леся Косач — настоящая её фамилия — выросла в семье украинских интеллектуалов. Родственники её принадлежали к знатным фамилиям и имели польские, боснийские, казацкие и греческие корни. Дядя Леси — Михаил Драгоманов — известный учёный, общественный и политический деятель, который впоследствии оказал большое влияние на племянницу, долгое время жил во Франции, а потом в Болгарии. В Париже он познакомился с И. Тургеневым и В. Гюго. Мать Леси, Ольга Петровна, писала стихи и рассказы, которые публиковались преимущественно за границей, по-видимому, не без помощи брата. Творчество её никак нельзя назвать выдающимся, но Ольгу Петровну это обстоятельство остановить не могло, и вскоре она даже обрела нечто вроде популярности под именем Олены Пчилки.

Девочка поначалу росла здоровой и весёлой. Мать самонадеянно решила не отдавать детей в школу, она сама выстроила программу обучения, поэтому Леся получила хотя и всестороннее, но беспорядочное образование, о чём впоследствии сама очень жалела. Очень рано девочка обнаружила способности к искусству. Тонкая ранимая её душа тянулась к музыке и поэзии. Природа щедро одарила её талантами. Уже в пятилетнем возрасте Леся прекрасно музицировала, и, по-видимому, если бы не болезнь, она могла бы стать приличной исполнительницей. В восемь лет девочка написала своё первое стихотворение.

Словно дав блеснуть лучику надежды и показав, на что способна, природа почти одновременно начала губительное наступление на маленькую Лесю. В январе 1881 года девочка заболела, её нестерпимо мучила боль в правой ноге. Вначале решили, что у неё острый ревматизм. Лечили ваннами, мазями,

но безуспешно. В действительности это было начало той эпопеи, которую сама Леся однажды шутливо назвала «тридцатилетней войной» с туберкулёзом кости. Тогда в её глазах поселилась эта вселенская печаль, а все её творчество отныне было пронизано пессимизмом. После первой операции рука осталась навсегда искалеченной, и Леся поняла, что с музыкой, утешительницей и советчицей, ей придётся проститься навсегда.

Надо сказать, что родители сделали всё возможное, чтобы облегчить страдания больной дочери. Они ездили с ней к морю, обратились к народной медицине, наконец, отправились к немецким светилам медицинской науки, однако всё было тщетно. Болезнь ненадолго отступала, чтобы вновь заставлять Лесю отчаянно страдать. Месяцы она проводила в постели, не имея возможности встать. Но вместе с вынужденной неподвижностью росла её любовь к литературе, укреплялся поэтический талант, вызревали творческие планы. Её первое стихотворение было напечатано в 1885 году в журнале «Зоря» вместе со стихами Олены Пчилки, и называлось оно «Сафо». Да и о чём она могла писать, эта молодая девушка, проводившая свои дни на больничной койке и предающаяся романтическим мечтаниям над бесчисленными томами книг? Своей любви она ещё долго не узнает.

Знакомство с мировой литературой натолкнуло Лесю на мысль представить украинскому читателю выдающиеся произведения в переводе на родном языке. Сама она взялась переводить своего любимого Гейне, а по её инициативе несколько Лесиных знакомых объединились в творческую группу, которую назвали «Плеядой», с тем, чтобы заняться переводами. Девушка сама составила список из 70 имён, и хотя не все замыслы удалось осуществить, всё-таки их творческая группа многое сделала. Главное, из «Плеяды» вышли известные украинские литераторы.

В 1893 году во Львове появился первый сборник стихов Леси Украинки — «На крыльях песен». Это был общий праздник их семьи, особенно радовался отец, мягкий, добрый, любящий человек. Отношения с матерью у старшей дочери были напряжёнными. Можно себе представить, какие мучения испытывала больная девушка, желая любви, тепла, мужского участия. Однако Ольга Петровна ревностно относилась ко всякого рода дружбе дочери с молодыми людьми. Привязанность к матери усиливалась физической беспомощностью девушки, с другой стороны, всё возрастающая мелочная опека становилась невыносимой. И если можно было понять протесты матери против отношений Леси с Мержинским — молодой человек был сам смертельно болен и к тому же не слишком умён, — то совсем

непонятно повела себя Ольга Петровна, препятствуя другому замужеству Леси.

Поэтесса тяжело переживала смерть Мержинского, к которому привязалась, несмотря на протесты родителей. За одну ночь она написала драматическую поэму «Одержимая», посвящённую своему потерянному навсегда другу. Сюжет этого произведения, как обычно, был связан с притчей. На этот раз в обработке Леси предстала библейская история. Поэма получила известность, да и сама Леся считала работу удачной: «… признаюсь, что я писала в такую ночь, после которой, верно, долго буду жить, если уж тогда жива осталась. И писала, даже не исчерпав скорби, а в самом её апогее. Если бы меня кто-нибудь спросил, как из всего этого жива вышла, я бы могла ответить: „J'en ai fait un drame“[2] ».

Тридцати шести лет Леся встретила своего дорогого единственного друга Климента Квитка. Он везде сопровождал поэтессу, помогал ей переносить болезнь и вскоре просто стал необходим Лесе.

Квитка вырос в приёмной семье, куда постоянно приходила его родная мать с угрозами забрать ребёнка. По-видимому, психологическая травма детства всю жизнь не давала покоя Клименту. Он был недоверчив, малоразговорчив и потянулся только к Лесе, больной девушке, от которой, конечно, трудно было ждать обмана или измены.

Ольга Петровна не одобряла новой симпатии дочери. Она мотивировала свои чувства тем, что Климент не слишком приспособлен к жизни, не может стать опорой больной женщине, да и к тому же моложе Леси. В письме к сестре поэтесса писала: «Это уже, я вижу, начинается „материнская ревность“, но всё равно, быть может, для этой ревности, чем дальше, тем больше будет поживы, но своего отношения к Клёне я не изменю, разве только в направлении ещё большей душевной нежности к нему. Во всяком случае не мамины холодные мины могут нас поссорить. Только всё-таки это горько, и тяжко, и фатально, что ни одна моя дружба, или симпатия, или любовь не могли до сих пор обойтись без этой ядовитой ревности или чего-нибудь вроде этого со стороны мамы».

Недовольство Ольги Петровны на этот раз не остановило Лесю — она пошла своим путём, руководствуясь чувствами. Мать пыталась дискредитировать Квитка, пыталась внушить Лесе мысль, что молодой человек вовсе не из любви хочет жениться на ней, но дочь была непреклонна. Она заявила матери: «Надеюсь, что мы ещё будем одинаково понимать, что для меня счастье, а что горе — и этой надеждой утешаю себя».

Венчание всё-таки состоялось, и начались мытарства молодой семьи. Ольга Петровна оказалась права в одном — муж с трудом мог заработать нужные деньги. Лечение Леси требовало много средств. Поездки в Италию, Египет, к врачам в Германию и Австрию опустошали и без того скудный бюджет Квитка. Последние годы жизни Леся продавала всё, что могли купить, и всё же кредиторы одолевали супругов. Не спасала положение даже помощь матери. Однако несмотря на трудности, муж до конца жизни оставался преданным другом поэтессы. После революции он жил в лучах славы Леси Украинки и двадцать лет служил профессором Государственной консерватории имени Чайковского, председательствовал на собраниях, посвящённых памяти его жены.

К концу 1911 года здоровье поэтессы очень ухудшилось: к туберкулёзу прибавились больные почки. Но чем сильнее наступал недуг, тем яростнее сопротивлялась женщина, тем напряжённее она работала. Именно в последние годы жизни Леся создала самые лучшие свои произведения — драму-феерию «Лесная песня», поэму «Адвокат Мартиан», большую драму «Каменный хозяин, или Дон Жуан». Особенно Леся была довольна последней работой, в которой знаменитый сюжет был интересно переосмыслен. Дон Жуан в поэме Украинки женится на Анне и вместе с командорским плащом принимает и его каменную душу, отказываясь от своего естества, от всего человеческого, что делало его личность такой привлекательной. Когда же он осознал трагизм своего положения, все пути для отступления были уже отрезаны.

Она умерла в Сурами, где работал её муж в те годы, недалеко от знаменитой грузинской крепости, а похоронили её в Киеве, на родной земле.

Драмы Леси ставились и в наших театрах, и в театрах некоторых стран. На Украине любят её творчество и до сих пор читают её стихи. В Кливленде (США), где, как известно, много украинцев, Лесе поставлен памятник.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

(1871—1919)

Деятель германского, польского и международного рабочего движения. Один из организаторов «Союза Спартака» и основателей коммунистической партии Германии (1918). В годы Первой мировой войны занимала интернационалистские позиции.

Её путь в политику начинался в Варшаве, где революционные настроения были особенно сильны. Польша конца XIX века представляла собой окраину Российской империи, причём довольно опасную окраину, готовую всегда спровоцировать вооружённые выступления против русской государственности. Только ленивый варшавянин в 1890-е годы не посещал какой-нибудь политический кружок, где тайно изучалась подлинная история Польши.

Как и многие другие, Роза попала в кружок Архангельского ещё в гимназические годы, членом его, правда, не стала, но приходила на занятия регулярно. И если большая часть молодых людей, повзрослев, оставляла опасные политические игры, то Роза сделала революционную деятельность своей основной профессией. Истоки этого выбора коренились, по-видимому, в её характере: в болезненном самолюбии, в большом честолюбии, в упорстве и в способностях к общественным наукам. Она всегда удачно ориентировалась в настроении масс, умела подметить основные тенденции в политическом движении и, обладая прекрасными журналистскими способностями, завоевала себе славу яркого агитатора и публициста.

Семья — дружное, патриархальное еврейское гнездо, где трогательно любили своих детей и жили только ради них, с особенным теплом пестовала младшую Розочку. Она была тем «последышем», на которого возлагались все самые возвышенные нереализованные надежды — матери и отца. К тому же Розочка была инвалидом (родилась с вывихом тазобедренного сустава) и лет до десяти у неё продолжался какой-то костный процесс, заставлявший её страдать, на долгие месяцы приковывая её к постели. Такого ребёнка родителям вдвойне жалко. К юности болезненный процесс прекратился, но хромота осталась, и, чтобы скрыть её, Розе заказывали специальную обувь. Надо было ходить медленно, и тогда совсем ничего не было заметно, но стоило девушке заспешить, побежать или, не дай бог, снять туфли… Конечно, можно себе представить, какие душевные муки пережила начитанная, тонкая девушка по поводу своей хромоты,

какие комплексы развились у неё на этой почве.

Некоторое время после окончания гимназии родители ещё пытались уберечь дочь от политической деятельности — наняли ей хорошего учителя музыки в надежде, что одарённая девочка займётся искусством, но Роза не могла оставить заманчивый путь, который сулил ей реализацию честолюбивых планов. Среди друзей она была равная среди равных, никто из них не обращал внимания на её физический недостаток. Ей не нужно было задумываться о решении женской своей судьбы. У них была единая, высокая цель, ради которой стоило опустить досадные бытовые мелочи жизни и оправдать многие ошибки.

В конце 1880-х годов многие нелегальные революционные группы раздирали противоречия, связанные с выбором пути. Террор мало себя оправдывал, да и привлекал лишь фанатов, основная же часть молодых людей искала законные методы борьбы за власть. Роза пришла в революционное движение в период накала антитеррористического конфликта и тотчас встала на сторону тех, кто ратовал против убийств, за агитационную, пропагандистскую деятельность. Однако террористы не желали сдавать позиций, своими действиями предавая товарищей по партии в руки полиции. В конце 1889 года Роза Люксембург, спасаясь от ареста, вынуждена была эмигрировать в Швейцарию.

Годы, проведённые в этой тихой стране, были самыми счастливыми в её жизни. Она почувствовала себя здесь сильной и уверенной. Именно в Швейцарии она, в порыве восторга, написала однажды: «Если мне когда-нибудь захочется снять с неба пару звёзд, чтобы подарить кому-нибудь на запонки, то пусть не мешают мне в этом холодные педанты и пусть не говорят, грозя мне пальцем, что я вношу путаницу во все школьные астрономические атласы». Такой взрыв романтизма объяснялся удачным началом карьеры и, конечно же, любовью.

В Цюрихе Люксембург у одного из своих товарищей познакомилась с Лео Иогихесом, которым сразу увлеклась. Молодой человек тоже проявил интерес к девушке, но никаких решительных действий не предпринимал, так… — беседы о политической литературе, цветы, посещение библиотек. Розе пришлось самой объясниться в любви, проявить инициативу. Лео, убеждённый холостяк, сдался. Однако вскоре мужчину стал раздражать безумный напор Розы, её неуёмная энергия, всё-таки с такой женщиной было слишком хлопотно, особенно если учесть, что и деятельность самого Лео была не из лёгких. Начались конфликты. Особенно сильно они повздорили, когда Люксембург удачно защитила в Цюрихском университете диссертацию: «Промышленное развитие Польши». Розу распирало от гордости

— её расхваливали знаменитые профессора, её статьи печатали солидные социалистические издания, она стала известной в Европе. Лео не хотел больше этого терпеть… Но, раз попав под влияние сильной женщины, он не мог от него избавиться. Их сложные отношения затянулись на годы и годы…

Между тем Розу Люксембург приглашает социалистическая партия Германии для участия в выборах в качестве пропагандиста. Женщина едет заниматься агитацией в районы Верхней Силезии, где много поляков. Ей удаётся стать своей для немецких социалистов. Вскоре её подругой становится Клара Цеткин, в 1900 году на похоронах Вильгельма Либкнехта, соратника Карла Маркса, Роза тесно сходится с его сыном Карлом. Связывает Люксембург и крепкая дружба с видным теоретиком К. Каутским. В Германии в 1901 году Люксембург знакомится с Лениным.

Но политическая судьба Розе не благоволила. В 1906 году она попадает в варшавскую тюрьму, откуда, к счастью, освобождается через полгода. Помогло ей вовремя приобретённое с помощью фиктивного брака прусское гражданство. Затем она долгие годы работает преподавателем политэкономии в партийной школе социалистической партии Германии, при этом отчаянно сражается по теоретическим вопросам со своими же коллегами. Дошло до того, что один из них даже предпринял попытку лишить Розу права преподавания. Только единодушный протест слушателей расстроил эти планы.

Расцвет деятельности Люксембург падает на годы перед Первой мировой войной. Её несомненная заслуга в том, что она всячески пыталась остановить бойню, но её доводы были слишком непопулярны среди германских патриотов. За 1914 год Розу дважды привлекали к суду за антивоенные выступления.

1 августа 1914 года кайзер Вильгельм II объявил войну России. Парламентская фракция социалистов в полном составе проголосовала за военные кредиты. Люксембург была взбешена глупостью коллег, вместе с Рингом она создала антишовинистский журнал «Интернационал». Но едва Роза успела написать первую статью, как её арестовали в феврале 1915 года и заключили в берлинскую женскую тюрьму. Началась самая мрачная полоса жизни Розы Люксембург. После небольшой передышки, в 1916-м революционерку снова отправили в каземат, где Розу без суда и следствия держали в камере два с половиной года (сказалась обстановка военного времени). А она была уже далеко не молода, одинока и больна. Но, зная, что лучший лекарь — работа, Люксембург и в тюрьме много писала. Она неожиданно для себя увлеклась изучением естественных наук, переводила на

немецкий язык «Историю моего современника» В. Короленко, что в годы войны с Россией казалось безумием.

Когда в 1918 году Роза в очередной раз освободилась из тюрьмы, в Германии вовсю бушевала Ноябрьская революция. Общественная ситуация вышла из-под контроля, волны кровавого террора выплеснулись на улицу, реализовав всю злобу, накопленную за годы войны. В любой революции самое страшное то, что она не считается с личностями, она не разбирает правых и виноватых, сторонников или противников, она косит всех, кто попадается под лезвие её ножа. Роза Люксембург стала жертвой своих же бывших друзей по партии. Они старались побыстрее, под шумок избавиться от беспокойной коллеги.

В воскресенье, 15 января 1919 года, вечером Карл Либкнехт и Роза Люксембург были арестованы. Люксембург привезли в отель «Эден», где у входа большая толпа офицеров и солдат осыпала пожилую женщину бранью и оскорблениями. Её подвергли унизительному допросу, а потом под видом того, что Люксембург нужно перевести в тюрьму Моабит, повели на выход. Когда женщина шла через главный подъезд отеля, один из солдат нанёс ей два удара по голове. Арестованная упала. Тогда её внесли в машину и там продолжали избивать. Наконец, устав от измывательств, офицер выстрелил Розе Люксембург в голову. Труп выбросили по дороге следования в канал. На следующий день участники убийства в лучших садистских традициях сфотографировались вместе после попойки.

Лишь спустя четыре месяца, 1 июня, были обнаружены останки видной революционерки, политического деятеля Розы Люксембург.

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (ПРИНЦЕССА АЛИСА ГЕССЕН-ДАРМШТАДСКАЯ)

(1872—1918)

Российская императрица, жена Николая II (с 1894 года). Расстреляна вместе с Николаем II по постановлению Уральского совета в Екатеринбурге.

Мученическая кончина последней русской императрицы, её достоинство и сила духа перед лицом смерти, её преданность мужу, её спокойное приятие трагического жребия сделали Александру Федоровну в глазах потомков едва ли не героиней, святой, безвинно пострадавшей от рук убийц. Однако история медленно, но верно расставляет в житии сильных мира сего все по своим местам. Как ни импонируют кротость и смирение царицы в тягостные часы испытаний, как ни восхищают её слова, сказанные в заточении: «Нельзя вырвать любовь из моего сердца к России, несмотря на чёрную неблагодарность к государю, которая разрывает моё сердце» — нельзя не вспомнить, что Александра Федоровна была не только по судьбе последней русской императрицей, но и «по призванию», по той роли, которую она сыграла в разрушении великой государственности.

Молодая принцесса Алиса Гессенская, потеряв восьми лет от роду свою мать, воспитывалась у бабушки, королевы Виктории, в Англии. В 1886 году она приехала в гости к своей сестре, великой княгине Елизавете Федоровне, супруге великого князя Сергея Александровича. Тогда она и познакомилась с наследником, Николаем Александровичем. Молодые люди, состоящие к тому же в довольно близком родстве (по отцу принцессы они — троюродные брат и сестра), сразу прониклись взаимной симпатией. В России молодая экзальтированная девушка впервые знакомится с православной службой. После скромного протестантского богослужения торжественность и великолепие русского обряда произвели на неё чарующее впечатление.

Детский наивный флирт наследника престола и принцессы Алисы в следующий приезд девушки в Россию через три года стал приобретать уже серьёзный характер сильного чувства. Однако приезжая принцесса не пришлась по душе родителям цесаревича: императрица Мария Федоровна, как истинная датчанка, ненавидела немцев и была против брака с дочерью Людвига

Гессен-Дармштадтского. Сама же Алиса имела основания полагать, что начавшийся роман с наследником русского престола может иметь благоприятные для неё последствия. Вернувшись в Англию, принцесса принимается изучать русский язык, знакомится с русской литературой и даже ведёт продолжительные беседы со священником русской посольской церкви в Лондоне. Горячо любящая её королева Виктория, конечно, хочет помочь внучке и обращается с письмом к великой княгине Елизавете Федоровне. Бабушка просит подробнее разузнать о намерениях русского императорского дома, чтобы решить вопрос о том, стоит ли подвергать Алису конфирмации по правилам англиканской церкви, потому что по традиции члены царской фамилии в России имели право сочетаться браком только с женщинами православного вероисповедания.

Прошло ещё четыре года, и слепой случай помог решить судьбы двух влюблённых. Словно злой рок, витавший над Россией, соединил, к несчастью, молодых людей царской крови. Поистине этот союз оказался трагическим для отечества. Но кто об этом тогда думал…

В 1893 году Александр III серьёзно заболел. Тут и встал опасный для престолонаследия вопрос — будущий государь не женат. Николай Александрович же категорически заявил, что он выберет себе невесту только по любви, а не по династическим соображениям. При посредничестве великого князя Михаила Николаевича согласие императора на брак сына с принцессой Алисой было получено. Однако Мария Федоровна плохо скрывала недовольство по поводу неудачного, на её взгляд, выбора наследника. То обстоятельство, что принцесса Гессенская вступила в русскую императорскую семью в скорбные дни страданий умиравшего Александра III, вероятно, ещё больше настроило Марию Федоровну против новой государыни.

Обычно жены русских наследников престола долгое время находились на вторых ролях. Таким образом, они успевали тщательно изучить нравы общества, которым им придётся управлять, успевали сориентироваться в своих симпатиях и антипатиях, а главное, успевали приобрести необходимых друзей и помощников. Александре Федоровне в этом смысле не повезло. Она взошла на престол, что называется, попав с корабля на бал: не понимая чужой ей жизни, не умея разобраться в сложных интригах императорского двора. По правде говоря, и сама её внутренняя природа не была приспособлена для суетного царского ремесла.

До болезненности замкнутая, Александра Федоровна словно являла собой противоположный образец приветливой

вдовствующей императрицы — наша героиня напротив производила впечатление надменной, холодной немки, с пренебрежением относящейся к своим подданным. Смущение, неизменно охватывающее царицу при общении с незнакомыми людьми, препятствовало установлению простых, непринуждённых отношений с представителями высшего света, которые ей были жизненно необходимы. Александра Федоровна совершенно не умела покорять сердца своих подданных, даже те, кто были готовы преклоняться перед членами императорской семьи, не получали пищи для этого. Так, например, в женских институтах, Александра Федоровна не могла выдавить из себя ни одного приветливого слова. Это тем более бросалось в глаза, так как бывшая императрица Мария Федоровна умела вызвать в институтках непринуждённое к себе отношение, переходящее в восторженную любовь к носителям царской власти.

Последствия взаимной, с годами все возраставшей между обществом и царицей отчуждённости, принимавшей подчас характер антипатии, были весьма разнообразны и даже трагичны. Роковую роль в этом сыграло чрезмерное самолюбие Александры Федоровны.

Вмешательство царицы в дела государственного правления проявилось далеко не сразу после её свадьбы. Александру Федоровну вполне устраивала традиционная роль хранительницы домашнего очага, роль женщины возле мужчины, занятого трудным, серьёзным делом. Николай II, человек по натуре домашний, для которого власть представлялась скорее обузой, чем способом самореализации, радовался любой возможности забыть в семейной обстановке о своих государственных заботах и с удовольствием предавался тем мелким домашним интересам, к которым вообще питал природную склонность. Возможно, не будь эта чета так высоко вознесена судьбою над простыми смертными, она бы спокойно и благостно дожила бы до своего смертного часа, воспитав прекрасных детей и почив в бозе в окружении многочисленных внуков. Но миссия монархов слишком беспокойна, жребий слишком тяжёл, чтобы позволить укрыться за стенами собственного благополучия.

Тревога и смятение охватили царствующую чету ещё тогда, когда императрица с какой-то роковой последовательностью начала рожать девочек. Против этого наваждения нельзя было ничего сделать, но Александра Федоровна, усвоившая с молоком матери своё предназначение королевы-женщины, восприняла отсутствие наследника как своего рода кару небесную. На этой почве у неё, особы крайне впечатлительной и нервной, развился патологический мистицизм. Постепенно весь ритм дворца

подчинился метаниям несчастной женщины. Теперь любой шаг самого Николая Александровича сверялся с тем или иным небесным знамением, причём государственная политика незаметно переплелась с деторождением. Влияние царицы на мужа усиливалось и тем значительнее оно становилось, чем дальше отодвигался срок появления наследника. Ко двору был приглашён французский шарлатан Филипп, который сумел убедить Александру Федоровну в том, что он в состоянии обеспечить ей, путём внушения, мужское потомство, и она вообразила себя беременной и чувствовала все физические симптомы этого состояния. Лишь после нескольких месяцев так называемой ложной беременности, весьма редко наблюдаемой, государыня согласилась на освидетельствование врачом, который и установил истину. Но самое главное несчастье было не в ложной беременности и не в истерической природе Александры Федоровны, а в том, что шарлатан получил через царицу возможность влиять на государственные дела. Один из ближайших помощников Николая II записал в 1902 году в своём дневнике: «Филипп внушает государю, что ему не нужно иных советчиков, кроме представителей высших духовных, небесных сил, с коими он, Филипп, ставит его в сношение. Отсюда нетерпимость какого-либо противоречия и полный абсолютизм, выражающийся подчас абсурдом. Если на докладе министр отстаивает своё мнение и не соглашается с мнением государя, то через несколько дней получает записку с категорическим приказанием исполнить то, что ему было сказано».

Филиппа всё-таки удалось выдворить из дворца, ибо Департамент полиции через своего агента в Париже разыскал неоспоримые свидетельства жульничества французского подданного. А вскоре последовало и долгожданное чудо — на свет появился наследник Алексей. Однако рождение сына не принесло умиротворения в царскую семью. Ребёнок страдал ужасной наследственной болезнью — гемофилией, при которой стенки кровеносных сосудов лопаются от слабости и приводят к трудноостановимому кровотечению. Приблизительно ко времени появления первых приступов этого недуга судьба, к великому несчастью России, привела в Петербург Григория Распутина.

Об этом крупнейшем авантюристе XX века написаны тысячи страниц, поэтому трудно что-либо прибавить к многотомным исследованиям в маленьком очерке. Скажем только: безусловно, обладавший секретами нетрадиционных методов лечения, будучи незаурядной личностью, Распутин смог внушить государыне мысль, что он, Богом посланный семье человек, имеющий специальную миссию — спасти и сохранить наследника русского

престола. А ввела старца во дворец подруга Александры Федоровны — Анна Вырубова. Эта серая, ничем не примечательная женщина имела такое огромное влияние на царицу, что о ней стоит сказать особо.

Она была дочерью выдающегося музыканта Александра Сергеевича Танеева, умного и ловкого человека, занимавшего при дворе должность главного управляющего канцелярией его величества. Он-то и рекомендовал Анну царице в качестве партнёрши для игры на рояле в четыре руки. Сообразив, что пленить императрицу можно отнюдь не раболепством и не безукоризненным исполнением придворного этикета, девица Танеева прикинулась необычайной простушкой до такой степени, что первоначально была признана непригодной для несения придворной службы. Зато это побудило царицу усиленно содействовать её свадьбе с морским офицером Вырубовым. Но брак Анны оказался весьма неудачным, и Александра Федоровна, как женщина чрезвычайно порядочная, считала себя до некоторой степени виновной. Ввиду этого Вырубову часто приглашали ко двору, и императрица старалась её утешить. Видно, ничто так не укрепляет женскую дружбу, как доверительное сострадание в амурных делах.

Вскоре Александра Федоровна уже называла Вырубову своим «личным другом», особо подчёркивая, что последняя не имеет при дворе официального положения, а значит, якобы её верность и преданность царской семье совершенно бескорыстны. Императрица была далека от мысли, что положение друга царицы более завидно, чем положение лица, принадлежащего по должности к её окружению.

Вообще трудно в полной мере оценить ту огромную роль, которую сыграла А. Вырубова в последний период царствования Николая II. Без её деятельного участия Распутин, невзирая на всю мощь своей личности, достичь ничего бы не смог, так как непосредственные сношения пресловутого старца с царицей были чрезвычайно редки. По-видимому, он и не стремился видеться с ней часто, понимая, что это может лишь ослабить его авторитет. Наоборот, Вырубова была ежедневно вхожа в покои царицы, не расставалась с ней на выездах. Попав всецело под влияние Распутина, Анна стала наилучшим проводником идей старца в императорском дворце. В сущности, в той потрясающей драме, которую пережила страна за два года до крушения монархии, роли Распутина и Вырубовой настолько тесно переплелись, что выяснить степень значения каждого из них в отдельности нет никакой возможности.

Последние годы царствования Александры Федоровны полны

горечи и отчаяния. Общественность поначалу прозрачно намекала на прогерманские интересы императрицы, а вскоре открыто стала поносить «ненавистную немку». Между тем Александра Федоровна искренне старалась помочь мужу, искренне была предана стране, ставшей для неё единственным домом, домом самых близких её людей. Она оказалась образцовой матерью и воспитала четверых дочерей в скромности и порядочности. Девочки, несмотря на высокое происхождение, отличались трудолюбием, многими умениями, не знали роскоши и даже ассистировали при операциях в военных госпиталях. Это, как ни странно, тоже ставилось в вину императрице, дескать, слишком много она позволяет своим барышням.

Отречение Николая II от престола привело царскую семью в Тобольск, где она вместе с остатками былой челяди проживала под домашним арестом. Своим самоотверженным поступком бывший царь хотел только одного — спасти горячо любимую жену и детей. Однако чуда не произошло, жизнь оказалась страшнее: в июле 1918 года супружеская чета спустилась в подвал Ипатьевского особняка. Николай нёс больного сына на руках… Следом, тяжело ступая и высоко подняв голову, следовала Александра Федоровна… Расстрел в Екатеринбурге положил конец 300-летнему правлению дома Романовых в России.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА КОЛЛОНТАЙ

(1872—1952)

Советский партийный деятель, дипломат, публицист. Член КПСС с 1915 года. В 1917—1918 годах нарком государственного призрения. Коллонтай — первая в мире женщина-посол. С 1923 года полпред и торгпред в Норвегии, в 1926-м — в Мексике, с 1927 года — полпред в Норвегии. В 1930—1945 годах посланник, затем посол СССР в Швеции.

Бывают счастливые, самодостаточные люди, жизнь которых прошла в относительной гармонии с самим собой, да и судьба оберегала их как могла. По-видимому, Коллонтай принадлежала к числу этих баловней фортуны, иначе чем объяснить её поразительное долгожительство, многолетнюю активную, ничем не стеснённую жизнедеятельность, в то время как рядом погибали друзья, были репрессированы соратники, умирали в забвении коллеги. Только ли её обаянием или умом? А может быть, её способностью выжить?..

Шурочка Домонтович с детства отличалась от своих сестёр мятежной душой и редким честолюбием. Между родителями царили любовь и согласие. Мать Шурочки, Александра Александровна, разошлась с прежним мужем, ушла от него с тремя детьми, что было просто неслыханно в то время, и вышла замуж за порядочного честного человека — генерала Домонтовича. Риск оправдал себя сполна, родители Коллонтай, как в сказке, «жили счастливо, в согласии»… и действительно умерли практически в один день.

Трудно сказать, почему пример собственной семьи не вдохновил нашу героиню, но сама она с юности мало ценила домашний уют, тёплую заботу и добрый мир близких людей. Она вышла замуж по большой любви за офицера Владимира Коллонтая, который «не мог надышаться» на свою молоденькую супругу. Через год после свадьбы родился сын Михаил. Создавалась полная семейная идиллия — обеспеченный дом, здоровый милый ребёнок, всепонимающий муж. Но душа Александры начала томиться в тиши беззаботного существования. Она познакомилась с марксистами, усиленно штудировала их книги, посещала тайные кружки. Пока Владимир, заботясь о благе семьи, пытался делать военную карьеру, жена всё сильнее втягивалась в политические интересы, она как-то интуитивно

почувствовала тогда своё предназначение, поприще для личной реализации.

Не было никаких скандалов, безобразных сцен, Владимир с грустью, беспомощно наблюдал, как постепенно уходит его любимая женщина. Единственное, что мог сделать этот порядочный человек — отпустить жену с миром, предоставив ей полную свободу. «Как для тебя будет лучше, так ты и поступай». На склоне лет Александра Михайловна часто вспоминала своего первого мужа, ту боль, которую причинила ему при расставании, те редкие душевные качества, которыми уже никогда не одаривали окружавшие её люди — понимание, милосердие, прощение и, конечно, любовь.

Освободившись от семьи, Коллонтай почувствовала себя окрылённой. Она отправилась за границу, где посещала лекции по экономике и статистике, начала писать политические работы, завязала важные знакомства — с Лениным, Плехановым, Розой Люксембург. Центральной темой её политического интереса стал женский вопрос. В декабре 1908 года Коллонтай вынуждена была эмигрировать из России и не возвращалась на родину до самой революции. Все девять лет Александра Михайловна вращалась в кругу различного толка левых политиков. В Париже она попала в семью дочери Карла Маркса — Лауры. В Данию Коллонтай поехала по приглашению К. Цеткин на Международную конференцию социалисток, где, кстати, и было принято решение о праздновании женского дня — 8 марта. Она читала лекции на любые темы — от творчества Л. Толстого до положения женщины в семье. Жизнь её была бурной. Каждый день приносил новые встречи, новые споры. В 1915 году она отправилась в США, чтобы читать лекции — Новый Свет тоже хотел быть в курсе модных марксистских течений.

Правда, иногда Коллонтай посещали панические, упаднические настроения. Так было в начале 1917 года. С началом Первой мировой войны в Европе ослабел интерес к политической деятельности социалистов. Людям было не до дискуссий, народ устал. Коллонтай теряла почву под ногами, она начала метаться, тосковать. Что позади? Ни семьи, ни опоры, ни настоящего творческого дела. Что она умеет? Хорошо говорить, записывать не ею придуманные политические положения?.. «Вспоминаю маму. Она тоже в последние годы своей жизни… впадала в нервную меланхолию. Может быть, вступаю в „критический“ возраст?»

Возраст действительно был уже далеко не юный, и, возможно, не случись исторического революционного катаклизма, Коллонтай захирела бы от забвения в буржуазной Европе, умерев,

в буквальном смысле, от скуки. Узнав о том, что царь отрёкся от престола, Александра Михайловна спешно собралась в Россию. Остановилась Коллонтай в доме известной переводчицы Шекспира, подруги Александры Михайловны, Т.Л. Щепкиной-Куперник. На следующий день встретилась с бывшим мужем. Владимир Людвигович сильно болел, и это было их последнее свидание. Но Коллонтай было не до сердечных воспоминаний. Она воспряла. Полной мерой расцвёл её ораторский талант, умение нравиться толпе, вести её за собой. Она испытывала восторг и упоение, видя, как послушно люди верят её словам, как горят их глаза. Аудитории же стали огромными, это вам не кучка скучающих, сухих, критически настроенных социалисток. Тут огромные площади рабочих, солдат, моряков — и над всеми ними парит хрупкая, очаровательная женщина с сильным, звучным голосом. Коллонтай писала в те дни: «Мы русские, вернее — большевики, мы творим историю, мы пробиваем путь для мирового пролетариата. И от этого сердце всё время подъёмно и радостно. Ходишь как бы влюблённая в нашу партию и её борьбу».

Александра Михайловна помолодела, «отрешившись от старого мира», и однажды, выступая в Гельсингфорсе, познакомилась с мужчиной своей мечты — лихим моряком Павлом Дыбенко. По окончании митинга Дыбенко представил Коллонтай личному составу линкора, отметив, что она — первая женщина на его палубе. На катере Павел лично отвёз Александру Михайловну в порт, а затем на руках перенёс на берег. Она не могла не полюбить этого плечистого, высокого, бородатого моряка, в прошлом портового грузчика, сына крестьянина. Темперамент и сила характера сделали Дыбенко первым человеком на Балтике — председателем Центрального Комитета. Ничего, что ему было к тому времени всего 28, ничего, что она принадлежала к аристократическому роду, а он едва мог прочесть несколько слов, Павел выгодно отличался от тех интеллигентных революционеров, с которыми прежде Коллонтай имела дело. Дыбенко привлекал её неуёмной страстью, здоровыми эмоциями и романтической биографией. Летом 1918 года он попал в Севастополе в плен к немцам и ему грозила смертная казнь, только личная дружба Александры Михайловны с Лениным спасла жизнь Дыбенко. По просьбе Коллонтай любимого обменяли на немецких офицеров. Спустя год, когда они уже стали жить вместе, Павел привёл Александру Михайловну на ту площадь, где его должны были повесить: «Когда объявили о помиловании, я не поверил. А когда поверил, первая мысль, которая озарила меня, знаешь какая? Неужели вновь увижу

тебя?..»

Коллонтай, конечно, плакала.

В новом правительстве Александра Михайловна получила должность наркома призрения, что означало опеку заброшенных детей, инвалидов, старух. Скажем прямо, занятие не из самых приятных, да ещё помноженное на разруху, незнание дела и нежелание прежних специалистов сотрудничать с новой властью. Умения красиво говорить было явно недостаточно, и Коллонтай терпела поражение за поражением на поприще государственного деятеля. Оказалось, что критиковать было легче, чем самой делать что-то конструктивное. А проигрывать Александра Михайловна не могла, и решила предпринять чисто революционный штурм. Однажды она распорядилась занять Александро-Невскую лавру, чтобы устроить в священном монастыре дом инвалидов. Но когда вооружённые люди стали ломать ворота, раздался звон колоколов. Люди ещё не были запуганы советским террором и стали сбегаться со всех районов Петрограда. Если бы не вмешательство матросов Дыбенко, Александра Михайловна была бы растерзана взбешённой толпой. Манифестация в защиту Лавры религиозно настроенных жителей продолжалась ещё несколько дней. Едва удалось успокоить общественность. Ленин был недоволен самодеятельностью своего наркома: «Как вы могли предпринять такой шаг, не посоветовавшись с правительством?»

Помимо неудач на служебном поприще, начались недоразумения на личном фронте. Роман с Коллонтай, конечно, тешил самолюбие Павла. «Такая женщина — и его!» Однако серьёзно к сорокапятилетней женщине-политику мужчина с крестьянской психологией относиться не мог, он искал скромную, простую девушку, и, понятное дело, нашёл. Коллонтай испытала страшные мучения ревности, узнав об этом. Долгое время Дыбенко обманывал Александру Михайловну, и она, любя его, не в силах была прекратить отношения, веря словам неверного мужа. Куда улетучились все её теоретические рассуждения о свободной любви, о ревности как пережитке закабалённой женщины? Сколько раз она поучала несчастных подруг, советуя избавиться от болезненной любви, но собственную драму она пережила очень тяжело.

Её спасло назначение с дипломатической миссией в Норвегию. Так оказалось, что вторая половина жизни Коллонтай стала расцветом её общественной деятельности. 27 марта 1923 года Александра Михайловна возглавила полпредство РСФСР в Норвегии, став первой в мире женщиной-послом. Нигде её талант не раскрывался с такой силой, как на дипломатической работе.

Коллонтай в полной мере использовала своё обаяние, умение говорить, желание нравиться окружающим. За первые годы работы Александра Михайловна успешно налаживает экономические связи с норвежскими промышленниками, заключив договор на поставку сельди в Россию, добивается признания Норвегией Советской России. Её девизом становятся слова, которые она потом любила повторять молодым: «Дипломат, не давший своей стране новых друзей, не может называться дипломатом».

Любопытные журналисты с нескрываемым интересом следят за деятельностью Коллонтай. Во-первых, не следует забывать, что это было время расцвета феминистского движения, и наша героиня вполне могла бы сойти за его символ, единственное «но» состояло в принадлежности её к большевикам. Во-вторых, публику забавляло замешательство шефов протокола, которым приходилось перекраивать сложившиеся и выверенные веками детали церемонии. Об этом много писалось в газетах.

Надо сказать, Александра Михайловна умела производить впечатление. Однажды в связи со свадьбой норвежской принцессы и датского кронпринца во дворце состоялся приём. Гости — дипломаты — спускались по широкой беломраморной лестнице в зал парами: муж и жена. Но «когда мадам Коллонтай, — писали потом газеты, — одна, во всём своём величии спускалась по лестнице, по залу пронёсся шёпот восхищения». Она умела при высокой мужской должности (нет слова «посол» ни в одном языке в женском роде) использовать преимущества своего пола.

При вручении верительных грамот шведскому королю Густаву V семидесятилетний монарх, очарованный советским послом, шёпотом спросил Коллонтай: «А как вас принимал король Хокон (норвежский король)? Вы беседовали с ним стоя или сидя?»

Узнав, что сосед-монарх любезно предложил Коллонтай сесть, сказал: «В таком случае прошу вас сесть. Мне ещё никогда не приходилось принимать даму с такой высокой миссией. Церемониал ещё не выработан».

Оба посмеялись.

Со Швецией у Коллонтай был связан весьма серьёзный случай. В 1914 году Александра Михайловна за революционную деятельность была выслана из страны навсегда. Приказ был подписан самим Густавом V. Спустя 16 лет бедному королю пришлось издать указ, отменяющий прежний. Мелким, «стыдливым» шрифтом напечатали его всеведущие шведские газеты.

Больше 20 лет Коллонтай была на дипломатической работе.

Недолгое время она даже возглавляла советское полпредство в Мексике, но по здоровью вынуждена была вернуться в Европу.

Часто навещала Коллонтай и родные пенаты. По приезде Сталин предоставлял ей роскошный особняк на Спиридоновке и всячески стремился подчеркнуть своё расположение. Однажды он даже у Дыбенко спросил: «А скажи-ка мне, почему ты разошёлся с Коллонтай?» Павел начал, запинаясь, что-то объяснять. Сталин перебил его: «Ну и дурак. Большую глупость сделал».

Трудно сказать, как она относилась к репрессиям, как переживала гибель близких. Что, наконец, уберегло её саму, когда с таким рвением «чистили» наркомат иностранных дел, уволили Литвинова, уморили Чичерина? Может быть, наивность и чувства, которые она однажды выразила в наброске к так и не написанной повести: «Голова моя гордо поднята, и нет в моих глазах просящего взгляда женщины, которая цепляется за уходящее чувство мужчины. Не в твоих глазах я ищу оценки себя. Мою ценность отражают глаза тех, кому я даю богатство моего творчества, ума, души. Как хороша жизнь! Жизнь в работе, в преодолении, в успехах и даже трудностях. Хорошо просто жить. Я улыбаюсь жизни и не боюсь её… Хочу разработать тему об отрыве любви от биологии, от сексуальности, о перевоспитании чувств, эмоций нового человечества. И расширение самой чудесной эмоции — любви — до общечеловеческого обхвата».

Увы, даже самая прекрасная жизнь когда-нибудь кончается. Александра Михайловна Коллонтай скончалась в преклонном возрасте от инфаркта и похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА НЕЖДАНОВА

(1873—1950)

Русская певица, лирико-колоратурное сопрано, народная артистка СССР (1936). Доктор искусствоведения (1944). С 1902 года выступала в Большом театре. Выступала более 30 лет. Среди партий: Антонида в «Иване Сусанине» М.И. Глинки, Марфа в «Царской невесте», Волхова в «Садко» Н.А. Римского-Корсакова, Виолетта в «Травиате» Верди, Эльза в «Лоэнгрине» Р. Вагнера. Много концертировала. Профессор Московской консерватории с 1943 года.

Крупный музыкальный критик прошлого века Стасов однажды написал: «…почти все значительнейшие русские музыканты родились не в столицах, а внутри России, в провинциальных городах или в поместьях своих отцов, и там провели всю первую молодость…» Этими размышлениями Стасов, конечно, хотел подчеркнуть, что подлинная музыкальность рождается вместе с ребёнком на вольной природе, в народной стихии, вдалеке от академических школ. Наверное, все так и есть, особенно если принять во внимание, что наша героиня провела детство в деревне Кривая Балка, неподалёку от Одессы. Близость моря, долгое жаркое лето и благодатная земля с обилием даров создавали все условия для озорного, бесшабашного детства, но строгие родители — школьные учителя — с раз и навсегда установленными принципами жизни не давали юной Антонине целиком отдаться уличным забавам и строго следили за тем, чтобы приоритетными для дочери стали наивные и практичные ценности их поколения — семидесятников — долг, трудолюбие, скромность. Потому-то и характер Неждановой отличался двойственностью. С одной стороны, Антонина Васильевна в жизни казалась лёгким, весёлым человеком, не «зацикливающимся» на мелочах. С другой — она была до педантичности дисциплинирована; даже став примой, она не позволяла себе ни малейшей поблажки. В проявлении чувств была сдержанна, за что её часто укоряли, указывая на актёрскую «холодность». Однако именно родительское воспитание, а не прославленное народное пение, во многом помогло провинциальной девочке с красивым, но не сильным голосом добиться высот вокального искусства.

Правда, поначалу отец противился тому, чтобы Тоня

чрезмерно увлекалась музыкой, ибо верный настроениям того времени он по-базаровски прямолинейно считал, что искусство слишком эфемерно для реальной жизни, а артистическая деятельность не является трудовой. Дочери полагалось учиться, штудировать естественные науки, математику, и уж на худой конец — языки и историю. Ну а способности к пению можно реализовывать и по примеру собственных родителей: отец Неждановой, Василий Павлович, играл по-любительски на скрипке, а мать, Мария Николаевна, отлично пела в свободное от работы время.

Однако в силе характера уже маленькой Неждановой не откажешь. Поступив в Одесскую гимназию и освободившись от непосредственного контроля родителей, двенадцатилетняя Тоня около года посещает музыкальное училище по классу фортепьяно, а затем берёт уроки пения у сестры знаменитых братьев Рубинштейн — Софьи Григорьевны.

Надо сказать, что упорство и целеустремлённость Неждановой сделали её человеком высокообразованным, эрудированным, интересным в общении. К окончанию гимназии обаятельная девушка обретает интересных, интеллигентных и по-своему влиятельных друзей. Её как родную принимают в семье крупного чиновника Министерства народного просвещения Фармаковского. По-видимому, сказалось сильное увлечение Антониной сына Фармаковского Бориса. С искренним теплом относится к Неждановой и доктор Бурда, который окажет ей позже решающую финансовую помощь. Заканчивая гимназию, девушка оказалась на распутье — в ней боролись родительские наставления и собственные пристрастия. Нежданова ловила себя на мысли, что её влекут и точные науки (Антонина даже посещала лекции на медицинском факультете Одесского университета), и музыка.

Шестнадцать лет исполнилось Неждановой, когда умер отец. Теперь выбор сделали обстоятельства — нужно было помочь семье, и в память об отце Антонина становится преподавателем в городском женском училище.

Восемь лет она тащит постылую учительскую «лямку», а душа просит сцены, рампы, чарующих звуков романсов. Ни одной оперной премьеры не пропускает Нежданова в Одесском театре, и чем больше она слушает местных знаменитостей или заезжих гастролёров, тем сильнее растёт её желание петь самой, тем более что её нет-нет да и приглашают выступить в любительских концертах. Восхищение друзей её способностями подстёгивают честолюбивые мечты.

Когда младшие сестра и брат подросли, Нежданова решила,

что самое время подумать и о себе. В октябре 1899 года Антонина отправилась в Петербург с желанием поступить в консерваторию. Но столица с её прославленными педагогами в гостеприимстве Неждановой отказала. Прослушав девушку, экзаменаторы объявили ей, что её голос для карьеры оперной певицы недостаточен. Но Антонина не привыкла отступать, тут и понадобилась материальная помощь доктора Бурды, который обещал перевести деньги в оплату за учёбу в Московскую консерваторию.

Нежданова очень волновалась на прослушивании. Она пела точно, но с трудом взяла верхнюю ноту в «Колыбельной» Чайковского. Причина была простой и ясной: диапазон её голоса был развит недостаточно. Однако эта ошибка не помешала выдающемуся педагогу, итальянцу Умберто Мазетти, разглядеть в абитуриентке будущую большую певицу. Нежданову приняли в «избранный» класс.

Неизвестно, как бы сложилась творческая судьба певицы, не окажись у истоков её пути такого великолепного мастера, каковым был Мазетти. Можно с уверенностью сказать, что он «подарил» Неждановой её голос.

Мазетти проявил себя как тонкий и умный педагог. Первые четыре месяца он вообще не занимался с новой подопечной и, лишь присмотревшись к Неждановой, оценив её необычный, яркий голос, начал вокальные упражнения.

Диапазон певицы, по её собственному утверждению, не превышал полутора октав, но Мазетти сразу отказался от искусственного вытягивания верхних звуков и долгое время позволял Неждановой петь только те произведения, которые были построены на среднем регистре голоса. Мазетти как бы предоставил возможность постепенно проявиться самой природе, осторожно, без напряжения «подталкивая» голос к верхним регистрам. Таким образом, именно итальянский педагог заложил основы уникального мастерства певицы, в исполнении которой поражала прежде всего раскованность и лёгкость в партиях любой сложности.

Однажды в Киеве к Неждановой, уже признанной певице, после окончания спектакля «Лакмэ» подошёл антрепренёр и спросил, не пела ли она арию с колокольчиками, выпустив наиболее трудные места. Заметив недоумение Неждановой, антрепренёр пояснил, что выступавшая в партии Лакмэ незадолго до Неждановой певица невероятно мучилась, когда пела эту сложную арию, он решил, что Антонина Васильевна спела упрощённый вариант, поскольку её пение было очень лёгким. Антрепренёр не знал, что лёгкость исполнения — первый и самый

главный принцип, который она переняла у Мазетти.

Он же, Мазетти, научил Нежданову и трепетному, заботливому отношению к собственному голосу: петь не больше двух-трех часов в сутки — двадцать минут упражнений, потом обязательный двадцатиминутный отдых. Нежданова берегла свой голос пуще всего на свете, часто по этой причине отказываясь от выступлений, некоторых партий, гастролей. Она относилась к голосу свято, словно осознавала, что дан он ей не за какие-то особые заслуги, а просто так… случайно, и она не вправе распоряжаться им, как транжира. Зато до конца дней Антонина Васильевна сохранила нежный звонкий «колокольчик» своего природного инструмента и никто никогда не слышал старческого, плавающего дребезжания в её пении. А свой последний концерт Нежданова дала на радио 4 августа 1943 года.

Напряжённые занятия с Мазетти (они не прекращались даже в каникулы и выходные) дали свои положительные результаты. В экзаменационных листах против фамилии Неждановой на протяжении всех лет ученичества стояла оценка 5+, показатель исключительных успехов и особого места, которое занимала среди других учащихся Московской консерватории молодая певица.

26 февраля 1902 года в Большом театре проходила проба голосов. Как утверждали газеты, «свежестью и приятностью голоса произвела наиболее приятное впечатление А.В. Нежданова, спевшая партию Лючии». Однако в тот раз наша героиня в театр не попала. Принимая во внимание особые таланты дебютантки, ей предложили место в Мариинском театре, однако Нежданова отказалась. Во-первых, певица навсегда отдала своё сердце Москве, городу, который в неё поверил; во-вторых, она не хотела отказываться от уроков Мазетти. И надо заметить, что, несмотря на успехи в карьере, Нежданова никогда не изменила своему первому педагогу и до самой его смерти в 1919 году продолжала заниматься с ним вокалом.

Стать артисткой Большого певице помог «его величество» случай. Неизвестно, как сложилась бы судьба Неждановой, если бы однажды не заболели все три (!) исполнительницы партии Антониды в опере «Иван Сусанин». Дирекция императорских театров вспомнила о молодой певице и попросила её «выручить» спектакль. Сразу отметим, что Нежданова вошла в историю русской оперы как лучшая исполнительница труднейшей партии Антониды. День 1 мая 1902 года ознаменован началом творческого пути замечательной русской певицы Антонины Васильевны Неждановой.

Уже в первом сезоне она выступила в восьми операх. Но не

все предлагаемые ей партии были в пределах её лирико-колоратурного сопрано. Природа голоса, нежнейший тембр его не сразу были учтены руководителями театра. И какая же дебютантке нужна твёрдость характера, уверенность в себе и своих возможностях, чтобы отказаться от не подходивших её голосу партий драматического характера (например, Венера в «Тангейзере» Вагнера). Однако вскоре по распоряжению дирекции Большого театра Неждановой был передан весь репертуар тогдашней примадонны Эмилии Кристман. И посыпались блестящие рецензии, цветы от поклонников, признание критики. Успех!..

Тесное творческое общение связывало Нежданову с такими корифеями русской оперной сцены, как Собинов, Шаляпин, Рахманинов, Танеев. С.В. Рахманинов, будучи дирижёром Московского Большого театра с 1904 по 1906 год, с особой тщательностью корректировал исполнение певцов, борясь со ставшими привычными нарушениями ритма, интонаций смысловых и акустических. На вопрос Неждановой, почему же Рахманинов не поправляет её, он ответил: «Пойте так же прекрасно, как вы это делали до сих пор».

На одном из концертов композитор сидел в публике и слушал в исполнении Антонины Васильевны арии Франчески из собственной оперы «Франческа да Римини». Как же должно было взволновать Рахманинова пение Неждановой, если при его сдержанности, даже высокомерии, композитор вышел на эстраду и стал экспромтом аккомпанировать певице.

Однако самые тёплые чувства Нежданова питала к Леониду Витальевичу Собинову, который являлся практически постоянным партнёром певицы на оперной сцене. Собинов трогательно называл Антонину Васильевну в письмах: Нежданчик. Это он, ведя переговоры о гастролях, рекомендовал дирекции Миланского театра Нежданову для партии Амины в «Сомнамбуле» Беллини. Он утверждал, что Нежданова — единственная в Европе певица, способная спеть эту партию.

Интересной особенностью нашей героини было то, что она редко гастролировала, отказывала в ангажементах лучшим мировым театрам. В наше время трудно представить перспективную артистку, у которой не закружилась бы голова от оглушительного успеха, выпавшего на долю Неждановой. И совсем уж невозможно объяснить, почему Нежданова с таким упорством отвергала предложения «Ла Скала», оперного театра в Монте-Карло и Нью-Йорке.

В 1907 году Дягилев, устраивавший в Париже «Русские сезоны», предложил Неждановой петь Шамаханскую царицу в

опере Н.А. Римского-Корсакова при условии, что хореографически иллюстрировать известное произведение станет знаменитая балерина Карсавина. С возмущением певица отвергла «кощунственное», по её мнению, внедрение в знаменитую оперу. Н.Н. Римская-Корсакова, жена композитора, благодарила Нежданову за то, что она «оберегла честь русского искусства…»

Только дважды Антонина Васильевна согласилась на заграничные гастроли — в Париж в 1912 году, где партнёрами певицы были Энрико Карузо и Титта Руфо, и в 1922 году — в Западную Европу, — измучившись от постоянных лишений в послереволюционной России.

Но остаться за границей, жить там она так и не смогла. Она была так консервативна, так привязана к месту, к своей родине, что пожертвовала всемирной славой ради покоя и приверженности ко всему русскому, дорогому и такому понятному.

АННА ПАВЛОВНА ПАВЛОВА

(1881—1931)

Русская балерина, выступала в Мариинском театре. Участвовала в «Русских сезонах» в Париже. Гастролировала с собственной труппой во многих странах мира. Выступала в главных партиях классического репертуара; прославилась в хореографическом этюде «Умирающий лебедь» на музыку К. Сен-Санса.

Сказка иногда всё-таки становится былью, что бы там ни говорили скептики. История балерины, дочери прачки и отставного солдата, чудом вознесённой на вершину славы, богатства и успеха — чем не святочный рассказ, призванный дать нам надежду на милосердие и благодать Провидения. А ведь этот сюжет — подлинная схема жизни гениальной балерины Павловой. Схема — потому что все волшебное и простое бывает только в сказке.

О детстве Анны Павловой мало известно. Любимым воспоминанием балерины был сладенький рассказ о том, как в возрасте восьми лет на Рождество матушка Нюры (так звали девочку домашние) повезла дочку в Мариинский театр на балет «Спящая красавица». Безусловно, это было эпохальное событие не только в жизни бедной Нюры, но и, как выяснилось позже, в истории балета, ибо девочка немедленно решила, что она будет танцевать и непременно лучше всех.

Через несколько лет, когда Нюра подросла, а была она очень маленькой и худенькой по причине слабого здоровья, матушка Любовь Федоровна привела её в театральное училище. Суровые экзаменаторы, конечно, не сразу разглядели в девочке будущую звезду, но, понятно, нашёлся один-единственный прозорливец. Им оказался известный артист балета, тоже со сказочной фамилией, Гердт, который решительно защитил юное дарование. И 29 августа 1891 года Анна Павлова начала своё восхождение к вершинам танцевального Олимпа.

Внимание в училище на Анечку обратили сразу же — и не потому что выделялась она особенными техническими возможностями, не потому что преуспела в прилежании, а потому что была ни на кого не похожа, казалась особенной, не от мира сего. Худенькая, слабенькая, но не по-детски упорная, она отличалась нервностью, даже экзальтированностью, и необыкновенной подвижностью. Её взгляд часто становился отстранённым, словно Анечка улетала куда-то далеко-далеко, в

другой мир.

Русская балетная школа сложилась в училище к концу XIX века. Мариинское театральное училище славилось своими педагогами. Здесь выросла целая плеяда знаменитых актёров, и каждый ребёнок, прикоснувшийся к таинству искусства в стенах alma mater, мечтал остаться служить в Мариинском театре.

На выпускном экзамене Павлова вместе с тремя воспитанницами танцевала одноактный балет на музыку Пуни «Мнимые дриады». В первом ряду театра сидели члены жюри и пресса. Павлову невозможно было не отметить. «Тоненькая и стройная, как тростинка, и гибкая, как она же, с наивным личиком южной испанки, воздушная и эфемерная, она казалась хрупкой и изящной, как севрская статуэтка». Подобное восхищение трогательной женственностью, жалость и нежность перед незащищённостью и слабостью станут лейтмотивом зрительских чувств к балерине Павловой и её сценическому образу.

В театральный сезон 1899—1900 года Павлова стала актрисой прославленной «Мариинки», да не в каком-нибудь кордебалете — её зачислили в корифейки. Её партнёром оказался Михаил Фокин, с именем которого в русском балете связаны значительные преобразования. Фокин один из первых обратил внимание на то, что классические танцовщики не стремятся донести до зрителя художественный образ, а демонстрируют лишь техническую сторону балета да стараются в выгодном свете представить собственную персону. Последним двум обстоятельствам способствовали и принципы постановки спектакля, и настрой зрителя, усматривающего в балете лишь возможность продемонстрировать физическое совершенство человека, и костюмы — однотипные для любой роли. Фокин сам начал ставить танцы, и именно в Павловой он нашёл идеальную исполнительницу. Не то чтобы балерина на первых порах сознательно принимала идеи Фокина. Сам реформатор писал: «Павлова не выставляла никаких лозунгов, не боролась ни за какие принципы, не доказывала никаких истин, никаких, кроме одной. Она доказывала одну истину, что в искусстве главное — это… талант…» И всё же художественный вкус Анны, её безупречная органика, тонкое чувствование стали тем камертоном, который позволял Фокину выверять свои идеи.

Содружество двух гениев подарило русскому балету известный шедевр: «Умирающего лебедя». История создания этого номера проста. Павлова попросила Фокина поставить для неё танец для концерта в Дворянском собрании. Фокин как раз в то время учился играть на мандолине и вместе со школьным

товарищем разучивал никому не известное тогда произведение Сен-Санса.

«А может быть, „Лебедя“ поставить?» — предложил он.

Идея понравилась Павловой, она мгновенно представила себя в этой роли. Её тоненькая, вдохновенная фигурка словно была создана для Лебедя.

Фокин сочинил миниатюру за несколько минут. Это были мгновения величайшего вдохновения. С той поры прошло почти столетие, а номер по-прежнему живёт в танце великих русских балерин. Рассказывают, что Сен-Санс в Париже подошёл после концерта к Павловой: «Мадам, когда я увидел вас в „Лебеде“, я понял, что написал прекрасную музыку!»

Восхождение Павловой на вершину славы кажется неправдоподобно стремительным. Уже через год после дебюта Анна получает звание второй солистки, а успех в роли Никии в балете «Баядерка», поставленном Петипа, даёт ей престижное право называться первой солисткой прославленной «Мариинки».

Мир узнал о русской примадонне в 1907 году, когда Павлова впервые с небольшой труппой гастролировала в скандинавских странах. Это был триумф. Каждый вечер в новое здание шведской королевской оперы являлся монарх Оскар II, образованный человек, автор исторических трудов, поэт, драматург, литературный критик. Он собственноручно после последнего представления вручил Павловой орден «За заслуги перед искусством». Вечером за её экипажем до самого отеля молча шла толпа зрителей. Люди не аплодировали, не переговаривались. Никто не ушёл и тогда, когда балерина скрылась за дверями гостиницы. Павлова недоумевала, как ей поступить. Наконец она догадалась выйти на маленький балкончик. «…И меня встретили целой бурей рукоплесканий и восторженных криков, почти ошеломивших меня после этого изумительного молчания. В благодарность я могла только кланяться. Потом они начали петь милые шведские песни. Я не знала, что делать. Потом сообразила — бросилась в комнату, притащила корзины, подаренные мне в этот вечер, и стала бросать в толпу цветы: розы, лилии, фиалки, сирень…»

Подобное восхищение Павлова вызывала в каждой стране, которая её принимала «"Видели ли вы Павлову?" — эта фраза стала употребляться чуть ли не вместо приветствия, — писала одна из популярнейших английских газет, вскоре после дебюта Павловой в „Палас-театре“. — Где бы ни встретились два лондонца — за обеденным столом, в гостях или в клубе, — разговор тотчас заходил об Анне Павловой и Михаиле Мордкине…» 28 февраля 1910 года, по мнению известного

импресарио Сола Юрока, открывшего Новому Свету имена Шаляпина и Глазунова, следовало бы считать днём рождения американского балета. Гастроли Анны Павловой открыли заокеанскому зрителю настоящую красоту классического танца.

Достигнутые балериной вершины были так высоки, что ей, казалось, уже некуда было стремиться. Однако непомерное честолюбие, с годами превратившееся в нечто болезненное, сжигало Павлову. Она отказалась от участия в «Русских сезонах» Дягилева в Париже, потому что ревновала публику к звёздам — Нижинскому, Шаляпину, Карсавиной, не желая с кем бы то ни было разделить успех. Она рассталась с великолепным партнёром Михаилом Мордкиным, артистом огненного темперамента и редкостной красоты, потому что не могла ему простить восхищения публики. Она отдавала сцене все: не просто силы и талант, но всю жизнь, взамен же требовала только одного — божественного почитания.

Павлову больше не устраивало положение подневольной актрисы, пусть даже примы, в постоянном театре. Она набрала свою труппу, довольно серееньких танцоров, и стала единоличной хозяйкой собственного репертуара, собственной судьбы, собственного театра. Одновременно она купила прекрасный особняк в окрестностях Лондона в Айви-Хауз, где организовала балетную школу. Ещё на несколько сезонов Павлова приезжала гастролёршей в родную «Мариинку», но вскоре и эти редкие выступления на родине прекратились.

Теперь балерина мало заботилась о новациях в балете, она была не слишком разборчива в качестве балетных постановок, её не очень волновало мастерство кордебалета — зритель шёл только «на Павлову». Её завораживающее обаяние было поистине магическим. Ни до неё, да и, наверное, ни после балетный мир не знал такой обнажающей искренности, такого вдохновения, романтического полёта к самым сокровенным тайнам женственности. Даже присутствующие на репетициях Павловой не могли сдержать слёз.

Её нервная подвижность была необыкновенной, она могла моментально преображаться. То, на что обычному танцору требовалось несколько часов, Павлова осваивала за полчаса, уставая, правда, при этом до изнеможения. Рассказывали, как балерина показывала кому-либо придуманную ею комбинацию. Она молниеносно вскакивала со стула, проделывала разные па и падала без сил на своё место. Естественно, никто не мог уловить последовательности движений, но повторить Павлова уже никогда не могла. Новый показ сопровождался новым гениальным вдохновением.

Свою жизнь в Айви-Хауз Павлова организовала с редким для таланта порядком и благоразумием. Она увлекалась цветоводством и со всех концов мира привозила диковинные растения для своего роскошного сада. Любила лебедей и охотно позировала на фотографиях с собственным лебедем Джеком. В доме все соответствовало тонкому вкусу и английскому представлению о комфорте, тем более что особняк прежде принадлежал знаменитому художнику Джону Тернеру. В середине двухэтажного здания находился двухцветный зал со стеклянной крышей, а внизу и наверху находились жилые комнаты. Полуподвальный этаж Павлова отвела под театральную костюмерную. Нотная библиотека также заняла своё место в костюмерной. Все это богатство было расписано в картотеке с указанием места хранения. Театральным реквизитом ведали портниха, прачка, парикмахер и библиотекарь-музыкант. Когда Павловой срочно нужно было получить что-либо из своего богатейшего собрания, вещь ей доставляли в одно мгновение. Так что «научной организацией труда» великая балерина могла бы похвастаться не только перед своими современниками, но и перед потомками.

В частной жизни Павлова была тяжёлым человеком. С Виктором Дандре её связывала многолетняя дружба, но, поженившись, они, по-видимому, скорее стали деловыми партнёрами, чем супругами. Благодаря усилиям Дандре Павлова была избавлена от утомительных обязанностей разрабатывать маршруты гастролей, продумывать хозяйственные мелочи, заботиться о деньгах. В доверительной беседе с одной из своих подруг Павлова однажды сказала:

«Ах, вам меня не понять, не понять! Что такое моя жизнь? Я создана, чтобы любить, и хочу быть любимой. Но я никого не люблю, и меня тоже никто, никто не любит…»

«Вас обожают!»

«Да! Да! Все! Я всех обожаю, и все меня обожают! Но это не любовь! Точнее, не та любовь, о которой я мечтаю…»

Что ж, терзания гениального человека трудно понять простым смертным.

Смена настроений, притом как будто беспричинная, приводила даже близких людей Павловой в недоумение. Порой она казалась простым, милым и добрым человеком, но через миг могла стать вздорной, капризной, жестокой, невыносимой.

Слава Павловой облетела все континенты. Она была, если можно так выразиться, трудоголиком. Что заставляло великую актрису соглашаться на бесконечные турне в ущерб здоровью, безмерно уставать и, недомогая, выходить на сцену? Деньги не

имели для неё первостепенного значения, их было слишком много. Скорее всего её гнал неудержимый вихрь собственной гениальности, она словно боялась опоздать, чего-то недоделать, она боялась посмотреть этой бренной жизни в глаза, где балерины стареют. Страшнее самой смерти для Павловой представлялся уход со сцены. С замиранием сердца спросила сорокапятилетняя балерина у постаревшего друга юности Михаила Фокина о своей форме. Он ответил ей, что она поставит рекорд долгожительства в балете. Но он ошибся.

Бесконечные гастроли, переезды, нервная самоотдача подкосили силы Павловой. Она заболела воспалением лёгких и больше не смогла подняться.

Последний раз, приподнявшись на постели, как будто готовясь встать, Анна отчётливо и строго сказала: «Приготовьте мой костюм Лебедя».

ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

(1882—1941)

Английская писательница и литературный критик. Автор романов «Миссис Дэллоуэй» (1925), «К маяку» (1927), «Волны» (1931) и др.

В судьбе и творчестве Вирджинии Вулф словно скрестились два столетия, создав разряд необычной гибельной силы, гибельной для души, несущей противоречия двух противоположных эпох, гибельной для человека, парадоксально вместившего в свой характер викторианские нравы «старой, доброй Англии» и рафинированность пороков декадентства. С недоумением можно читать о перипетиях биографии Вирджинии Вулф — как же не взорвалась эта женщина раньше, как смогла терпеть шесть десятков лет, снедаемая таким острейшим душевным раздвоением. И за что, за какие грехи именно ей выпала сомнительная «честь» селекционирования «особи» XX века.

Леди Вулф, урождённая Стивен, происходила из элитарного, аристократического семейства Великобритании. Её отец — фигура заметная в общественной и литературной жизни Англии: радикал, вольнодумец, атеист, философ, историк, литературовед. Первым браком Лесли Стивен был женат на младшей дочери Теккерея, Харриет Мириэм. Она умерла молодой в 1878 году, и Лесли женится во второй раз — его избранницей стала близкая подруга Харриет, Джулия Дакворт. Вирджиния стала третьим ребёнком Лесли Стивена и Джулии.

Искусство для Вирджинии Стивен было такой же повседневностью, как для какого-нибудь ребёнка — шалости и игры. Она выросла среди постоянных разговоров и споров о литературе, живописи, музыке. В доме её отца получали благословение начинающие писатели, ниспровергались общепризнанные авторитеты. И хотя Вирджиния, согласно незыблемым викторианским принципам отца, получала сугубо домашнее образование, возможности иметь таких учителей, какие наставляли нашу героиню, могут позавидовать и оксфордские студенты. Однако если интеллектуальное воспитание в доме Стивенов стремилось к высшему уровню, то с душевным благополучием дело обстояло весьма тревожно.

В своём самом значительном романе «На маяк» Вирджиния до некоторой степени обнажает обстановку собственного детства — нервный резкий мистер Рэмзи, похожий на Лесли Стивена,

несёт в себе постоянное напряжение, поминутно ищет к чему бы придраться, проводит время в учёных разговорах. Этот холодный мир абстракций, логических построений, нетерпимости и самоутверждения, с одной стороны, стимулировал интеллектуальное совершенствование детей в семье, с другой — убивал живую душу, подавлял чувственность. Впечатлительной, талантливой Вирджинии отцовский рационализм стоил такого внутреннего напряжения, что она расплатилась за него душевным здоровьем и постоянными нервными срывами.

За фасадом внешней аристократической благопристойности скрывались, по-видимому, ещё и более сложные проблемы, с которыми столкнулась маленькая Вирджиния. По одной из версий, с шестилетнего возраста она подвергалась сексуальным домогательствам своих взрослых дядюшек. Эти детские впечатления принесли в мир нашей героини болезненный страх к физической любви. Во всяком случае, когда Литтон Стрэчи, один из близких друзей Вирджинии по литературному братству, сделал ей предложение, то она не посмотрела на то, что он слыл отъявленным гомосексуалистом, и согласилась. Правда, на следующий день новоявленный жених с ужасом отказался от свадьбы, но сама возможность вступить в брак с человеком, который нравился ей лишь за остроумие и интеллект, выдавала подлинное отношение Вирджинии к сексу с мужчинами.

И если не известно ни одного романа Вулф с представителями противоположного пола, то слухами о любви к женщинам пополнились многие рассказы и воспоминания о нашей героине. Уже в шестнадцатилетнем возрасте Вирджиния была увлечена своей подругой, близкой ей по литературным вкусам. А в двадцать страстный эпистолярный роман связывал девушку с тридцатисемилетней особой из аристократического дома. «Когда ты просыпаешься ночью, ты всё ещё чувствуешь, я надеюсь, как я тебя обнимаю», — поверяла Вирджиния подруге весьма интимные фантазии. Но всё-таки этот роман был только платоническим, хотя и продолжался целых десять лет.

После смерти отца семья переехала в Блумсбери — район в центре Лондона, где по традиции селились художники, музыканты, писатели. Этому месту суждено было сыграть немалую роль в истории английской культуры XX века. Дети Лесли Стивена сохранили дух эстетских разговоров и интеллектуального соревнования, царивший при жизни отца. Сыновья, Тоби и Андриан, дочери, Ванесса и Вирджиния, составили ядро кружка, или салона, который получил название «Блумсбери». В доме Стивенов собирались молодые люди, которые до хрипоты, засиживаясь за полночь, спорили об

искусстве. Одно лишь перечисление имён — завсегдатаев салона — говорит об уровне этих встреч: поэт Томас Элиот, философ Бертран Рассел, литературовед Роджер Фрай, романист Эдуард Форстер…

Новичку, впервые попавшему сюда, бывало не по себе. Молодому Дэвиду Лоуренсу, впоследствии классику английской литературы XX века, показалось, что он сходит с ума от нескончаемых бесед, вписаться в которые оказалось не так легко. В этом салоне почитали пророком Фрейда и изучали теорию архетипов Карла Юнга. По этим новым учениям получалось, что область подсознательного не менее важна, чем сфера сознательного, — здесь скрыты импульсы, неосуществлённые желания, сексуальные проблемы, здесь бытуют некие неизменные модели поведения и мышления, которые роднят современного человека с его древними предками. Все эти идеи брались на заметку молодыми литераторами, переплавлялись в художественные открытия. В салоне «Блумсбери» созревало творческое кредо молодой Вирджинии.

Её первые напечатанные рассказы вызвали взрыв недовольства критики, недоумение читателя и неуверенность автора. «Дом с привидениями», «Понедельник ли, вторник…», «Пятно на стене», «Струнный квартет» трудно даже было назвать рассказами за полным отсутствием сюжета, временной и географической определённости. Герои, как тени, скользили на периферии словесной конструкции. Это походило на стихотворения в прозе, заготовки для будущих произведений, лирическое эссе, и скорее описывало психологическое состояние автора, раскрывало анатомию мышления, чем представляло собой рассказ в классическом понимании слова. Вирджиния Вулф стояла у истоков той прозы XX века, которая сегодня получила претенциозное название: «поток сознания».

Она писала рассказы всё время. Если какое-нибудь событие или впечатление привлекали её внимание, она тотчас же записывала их. Потом не раз возвращалась к наброскам, и получалось законченное произведение, но из-за чрезвычайной закомплексованности и боязни критики она достаточно долго не отдавала свои вещи в печать, постоянно что-то переделывая, совершенствуя.

Пристрастным отношением к собственному труду объясняется и тот факт, что Вирджиния достаточно поздно опубликовала и свой первый роман, после написания которого она впала в тяжелейшую многомесячную депрессию со слуховыми галлюцинациями и принуждена была лечиться в психиатрической клинике. К тому времени она уже была замужем за Леонардом

Вулфом, мужчиной из круга «Блумсбери».

Наверное, обывателю трудно будет поверить, что, несмотря на отсутствие сексуального влечения друг к другу, эта семья прожила в гармонии почти тридцать лет. Леонард, как никто другой, понимал свою «трудную» жену. Когда после первой брачной ночи муж почувствовал, что Вирджиния испытывает мучительное отвращение к физической близости с ним, он навсегда прекратил с ней интимное общение, а писательница всю жизнь была благодарна ему за это. Не зря в предсмертном послании она написала: «Мне кажется, что два человека не смогли бы прожить более счастливую жизнь, чем прожили мы с тобой».

И всё же порой Вирджиния завидовала тем, кто своим талантом не обязан был в отличие от неё самой оплачивать самое простое женское благополучие. Она с тоской смотрела вслед родной сестре Ванессе — роскошной женщине с кучей ребятишек. О себе Вирджиния однажды сказала: «Я ни то, ни другое. Я не мужчина, и не женщина». Сначала она мечтала о материнстве, любви, страсти, о чём ей постоянно напоминал цветущий вид Ванессы, но Вирджиния так и не смогла избавиться от отвращения к сексу. «Этот туманный мир литературных образов, похожий на сон, без любви, без сердца, без страсти, без секса — именно этот мир мне нравится, именно этот мир мне интересен».

И всё-таки у Вирджинии были любовные связи. В сорокалетнюю Вирджинию влюбилась тридцатилетняя Вита Сэквил-Уэст. Это чувство стало взаимным. Вита неплохо писала и происходила из аристократической семьи. Их любовная связь продолжалась 5 лет. В жизни Вулф эта сердечная привязанность была, пожалуй, единственной, в которой присутствовал элемент секса. Леонард по этому поводу не имел возражений, так как связь между двумя женщинами не представляла угрозы браку. В письме Вите Вирджиния написала: «Как всё-таки хорошо быть евнухом, как я». Именно в годы связи с Витой Вирджиния написала лучшие свои книги.

Роман «Миссис Дэллоуэй» принёс известность Вулф в литературных кругах. Как и все её произведения книга писалась с невероятным напряжением сил, с множеством набросков и этюдов, переросших позже в рассказы. Вирджиния панически боялась оказаться просто формалисткой, которую могут обвинить в игре со словом. Она слишком трагически воспринимала своё миросуществование, чтобы кокетливо играть с литературными образами. «Я принялась за эту книгу, надеясь, что смогу выразить в ней своё отношение к творчеству… Надо писать из самых глубин чувства — так учит Достоевский. А я? Может быть, я, так

любящая слова, лишь играю ими? Нет, не думаю. В этой книге у меня слишком много задач — хочу описать жизнь и смерть, здоровье и безумие, хочу критически изобразить существующую социальную систему, показать её в действии… И всё же пишу ли я из глубины своих чувств?.. Смогу ли я передать реальность? Думаю о писателях восемнадцатого века. Они были открытыми, а не застёгнутыми, как мы теперь».

О чём роман? Да в общем-то, об одном-единственном июньском дне 1923 года. Светская дама, Кларисса Дэллоуэй, весь этот день проводит в хлопотах о предстоящем вечернем приёме. Её муж, Ричард, член парламента, завтракает с влиятельной леди Брути и обсуждает важные политические новости. Их дочь, Элизабет, пьёт чай в кафе с очень несимпатичной учительницей истории, давно ставшей её подругой.

Литературоведческая традиция не включила Вирджинию Вулф в число авторов, нарисовавших в своих произведениях драматический портрет «потерянного поколения». Но ощущение бессмысленности жизни, безумие, захлестнувшее мир накануне Второй мировой войны, находят в лице писательницы своего верного исповедника. Самоубийство сумасшедшего героя романа «Миссис Дэллоуэй» — Септимуса — метафора трагедии её поколения, раздавленного гигантскими потрясениями двух эпох. Для неё, как для англичанки, воспитанной в традиционном викторианском духе, особенно остро ощущается потеря дома-крепости. Значение дома Вирджиния понимает широко. Дом как материальный носитель жилища, и дом как хранитель души его обитателей.

Книги Вулф — предугадание сегодняшних женских судеб, а потому отчасти и предостережение. Мы не найдём у неё ответа на вопрос «Что делать?». Да Вирджиния в начале XX века и не представляла себе размаха феминистского движения и его возможных потерь. Но писательница была наделена даром слышать внутренние голоса своих героинь, а потому стоит вслушаться в её заветы. Уж она-то, своими душевными муками спалённая в огне, предназначенном для женщины, которая в силу обстоятельств отлучена от мужчины, от семьи, и в конечном счёте — от дома, знала, о чём говорила. Вулф говорила, что женщине надо быть мужественной, помнить, что брак — это каждодневный духовный подвиг, что отношения супругов очень хрупки, а потому надо учиться взаимной терпимости. И ещё: хотя XX век — век интеллекта, Вирджиния предостерегала от восприятия разума как панацеи. Чаще более действенной может стать красота. Вулф была художницей, вечно стремившейся и в жизни, и в творчестве к обретению гармонии, которую она так никогда и не

почувствовала.

Но не стоит делать вывод, что Вирджиния была мрачной, меланхоличной женщиной. Наоборот, она в любой компании становилась центром внимания. Остроумная, оживлённая, всегда в курсе всех литературных и политических событий, наконец, просто красивая женщина, она производила впечатление сильного, цельного человека. Мало кто знал, как страдает она от депрессий и галлюцинаций, как мучают её страхи, и как она терроризирует своих домашних. Все те, кто знал Вирджинию по литературным салонам, были потрясены её уходом. Самоубийство так не вязалось с её обликом женщины, ненасытно любившей жизнь.

Как шекспировская Офелия, она бросилась в реку, да ещё, заказав себе путь назад, положила в карманы платья камни.

КОКО ШАНЕЛЬ

(1883—1971)

Французский модельер. Создала силуэт женщины XX века. Придумала знаменитые духи «Шанель № 5». Была меценаткой.

Единственной из модельеров Шанель удалось создать не моду, а свой неповторимый стиль. Она произвела революцию в облике женщины XX века. Сняв с неё корсет, освободив тело, она раскрепостила душу и сознание. Явив в своём лице свободную, независимую женщину, Шанель подарила слабому полу ощущение собственной значимости, красоту свободы и независимости. Она всегда плыла против течения, жила, поступала, добивалась триумфов вопреки, разрушая традиции, прокладывая новые пути. Эта Великая Мадемуазель стала подлинным новатором, гением моды.

Сиротство и бедность стали для Шанель первыми «университетами» её жизни, но от своих предков, крестьян-горцев из Южной Франции, она унаследовала непреклонность и стойкость перед трудностями, веру в лучшее и стремление к совершенству. У неё был великий дар самоучки, так как семье бабушки, куда отдал маленькую Коко отец после смерти её матери, едва удавалось сводить концы с концами Так что здесь мало задумывались об эстетических категориях красоты. Но вскоре и этот уютный уголок девочке пришлось покинуть и переехать в приют при монастыре.

Всю последующую жизнь Шанель стремилась забыть о своём горестном детстве, сочиняла легенды, придумывала несуществующих тёток, в доме которых она якобы выросла. Она боролась с прошлым, с тем унизительным существованием, когда в отчаянии кричала воспитанницам приюта: «Я не сирота!» Уже тогда за убогим столом она поклялась побороть собственную бедность и обездоленность.

Пятнадцатилетняя Коко в Мулене знакомится с богатым офицером Бальсаном и, не долго думая, уезжает с ним в Париж. Любовник поселяет Шанель в своём замке, где ей долгие годы суждено исполнять роль жалкой содержанки: богатый хозяин не слишком считается с облагодетельствованной им девушкой. В замке на правах хозяйки царит «законная» любовница Бальсана — знаменитая в то время в Париже кокотка Эмильенн д'Алансон. Гордой, непокорной Шанель приходится выносить насмешки и пренебрежение счастливой соперницы, но она знает: ей идти некуда, она мучительно ищет выход, ищет хоть какое-нибудь

достойное дело. Но Бальсан не торопится помочь забавной подружке, да и чего может добиться эта непоседливая бродяжка.

Однако Шанель, закалённая в каждодневной борьбе за существование, не собирается сдаваться. Она находит второго любовника — англичанина Боя Кейпела. На этот раз судьба улыбнулась ей. Шанель смогла разбудить ревность Бальсана, и в этом соперничестве она выиграла себе средства, чтобы открыть модную шляпную лавку.

Её торговля шляпами очень быстро стала процветать. С Боем Кейпелом она приобретает известность в свете, появляются собственные деньги, наконец, парижские актрисы обращаются к Шанель, желая приобрести экстравагантный головной убор. Однако для неугомонной Коко этот бизнес слишком узок, её деятельная натура требует грандиозных свершений. Шанель уже тогда начинает понимать, что женский костюм связан с самоощущением её обладательницы, что одежда имеет свою логику, отвечающую потребностям времени. Её первое знаменитое платье было сшито из джерси, материала, который никогда женщинами не использовался до Шанель. Разрушая устоявшиеся каноны, Коко создаёт стиль, в котором мельчайший парадокс был связан с функциональностью, в котором роскошь отделки уступила главенство линии, изящество покроя облагородило недорогие материалы, сделав элегантность и изысканность костюма доступными большинству женщин. Парижанки решительно устремились по пути, указанному Шанель.

Её звезда восходит в годы Первой мировой войны. «Мне помогла война. При катаклизмах человек проявляет себя. В 1919 году я проснулась знаменитой».

Как приходит человек к гениальному озарению? Это практически невозможно проследить. Сама Коко вспоминала: «Однажды я надела мужской свитер, просто так, потому что мне стало холодно… Подвязала его платком (на талии). В тот день я была с англичанами. Никто из них не заметил, что на мне свитер…» Однажды племянник Коко приехал из британского колледжа на каникулы в тёмно-синем блейзере. Шанель ощупала материал. Эврика! Осталось только выкроить и сшить. Форма, вкус — всё это было в ней самой. Её великая идея заключалась в том, чтобы трансформировать английскую мужскую моду в женскую. Причём это она уже проделывала со своими шляпками и с таким вкусом, который исключал малейший намёк на двусмысленность. Она преображала все, к чему прикасалась. Жакеты, блузки с галстуками, запонки — всё, что она заимствовала у мужчин, благодаря ей превращалось в

ультраженское.

Платья кокоток начала века, не позволявшие девушкам работать, превращали их, живых людей, в дорогие безделушки, которыми играли богатые Бальсаны. Сняв с них их туалеты, Шанель спровоцировала вымирание социального типа, хотя, правды ради, следует сказать, что Коко, возможно, просто благодаря своей интуиции угадала запросы нового времени. Она была великим «философом моды».

Шанель никогда не рисовала свои модели, она творила их с помощью ножниц и булавок, прямо на манекенщицах. Этой кудеснице «достаточно было пары ножниц и нескольких точных движений рук, чтобы из груды бесформенной материи возникла сама роскошь». За очень редким исключением, она не любила своих манекенщиц. «Манекенщицы подобны часам, — говорила Коко. — Часы показывают время. Манекенщица должна показать платье, которое на неё надевают. Они красивы, поэтому и могут заниматься этим ремеслом, но если бы они были умны, то уже не занимались бы им». Шанель не понимала, как женщина может так неразумно распоряжаться богатством, подаренным ей природой. Счастье не в том, чтобы идти рука об руку с состоятельным мужчиной, оно не связано с минутным экстазом горячей страсти, оно — в деньгах и в независимости, в возможности помочь окружающим, в даре общения с искусством.

Как же сформировалась Коко — маленькая сиротка, сбежавшая из приюта? Как любовница Бальсана стала императрицей вкуса, законодательницей моды? Благодаря своему богатству и общительному характеру Шанель входит в круг художественной и артистической богемы Парижа. Она становится добрым гением русского балета, не только бескорыстно одевая исполнителей, но и постоянно помогая труппе средствами. Однажды в отель, где жила подруга Шанель — Мися Серт — ворвался перепуганный Дягилев. Мися для него была «единственной женщиной, какую он мог бы полюбить», и теперь он на коленях у неё просил совета. Дягилев сбежал из Лондона, разорённый постановкой «Спящей красавицы», не мог заплатить долгов, сходил с ума, не зная, что предпринять. Взволнованный, он не заметил сидящую в глубине комнаты Шанель. Когда Мися вышла, привлечённая телефонным звонком, то Коко стремительно встала навстречу мечущемуся Дягилеву. «Приходите ко мне. Не говорите ничего Мисе. Приходите сразу же, как уйдёте отсюда. Я буду вас ждать».

Шанель подарила Дягилеву чек на необходимую сумму, и с этой поры отель «Риц», где жила Коко, стал для русских танцовщиков кассой помощи. Как только у Шанель появились

деньги, она захотела платить за всех и за все. Но не потому, что когда-то платили за неё, а затем, чтобы забыть, что за неё платили. Говорят, Дягилев боялся Шанель — он никогда не встречал человека, отдающего деньги и ничего не требующего взамен. И когда он собирался к благодетельнице со своими протеже, то непременно заклинал их быть скромными, чистыми и хорошо одетыми.

В течение десятилетий дочь ярмарочного торговца Коко Шанель окружала художественная элита Парижа. Кокто и Пикассо, Дягилев и Стравинский, Бакст и Лифарь, Реверди и Жуве стали её друзьями. Она была возлюбленной великого князя Дмитрия Романова, однако самым дорогим её сердцу мужчиной стал герцог Вестминстерский. Он принадлежал к английской королевской семье и был одним из самых богатых людей Великобритании. «Моя настоящая жизнь началась, когда я встретилась с Вестминстером. Наконец я нашла плечо, на которое могла опереться, дерево, к которому могла прислониться». С Вестминстером Коко вела себя как маленькая девочка, робкая и послушная. Она повсюду следовала за ним. Есть немало историй, когда принц влюбляется в пастушку или проститутку, однако в данном случае речь шла вовсе не о том, чтобы поднять женщину до себя. Это был, наверное, первый союз свободной женщины нового времени и одного из последних могикан происхождения. Герцог Вестминстерский хотел жениться на Шанель, но брак этот не состоялся. Рассказывают, что однажды она сказала возлюбленному: «Зачем мне выходить замуж за тебя, ведь Коко Шанель единственная на свете, в то время как есть уже три герцогини Вестминстерские». (Герцог был разведён и у него было две дочери.) В этой фразе весь характер Шанель, она выбрала независимость и одиночество Она не захотела оставить Дом Шанель.

Всемирную известность Коко принесли её прославленные духи «Шанель № 5» Они стали, как и все, к чему прикасался творческий дар Коко, вехой в истории парфюмерии. Отказавшись от традиционных, легко узнаваемых цветочных запахов — гардении, жасмина или розы, — она создала состав, в который входило 80 ингредиентов. Он нёс в себе свежесть целого сада, но в нём нельзя было разгадать запаха ни одного цветка. В этой неуловимости чарующая прелесть её духов. Во время войны возле её магазинов стояла неизменная очередь сначала из немецких солдат и офицеров, а потом из американских. Каждый хотел преподнести своей жене или подруге необычный флакон духов знаменитой Шанель из Парижа.

Она первая, создавая украшения, смешала драгоценные

камни с фальшивыми, заставляя и те и другие сверкать в лучах света, играть с ними, подобно тому, как она это делала со своей жизнью, мешая реальное и воображаемое. Шанель считала, что подлинные драгоценности женщина не может приобретать сама, их ей должны дарить. Настоящие камни нужно надевать для удовольствия только дома, так же как наедине наслаждаются хорошей музыкой или книгой. А на людях стоит носить фальшивые драгоценности.

Создательница уникального стиля, Коко никогда не жаловалась на плагиат. Напротив, она испытывала удовольствие, когда её копировали. Среди её клиенток были миллиардерши и актрисы, жены президентов, но главной своей победой Коко считала то, что стиль её вышел на улицы городов. Она создала колоссальное состояние, но умерла в одиночестве, мучительно страдая от того, что ей некому передать накопленное. До конца своих дней она трудилась над новыми коллекциями, но однажды у неё вырвалось: «Даже не знаю, была ли я счастлива…»

Счастье, конечно, каждый понимает по-своему, и каждый хочет обрести то, чего ему не дано. Но что бы ни говорила о своей жизни Коко, истиной остаётся то, что по прошествии уже более двадцати лет стиль Шанель остаётся незыблемым, а её имя продолжает быть символом элегантности и безупречного вкуса.

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ПЛЕВИЦКАЯ

(1884—1940)

Эстрадная певица (меццо-сопрано). Исполняла русские народные, главным образом, городские песни. После 1920 года жила за рубежом.

Они вряд ли бывают «простыми» — простые, провинциальные девушки, многого добившиеся в жизни, отринувшие свою среду. Напрасно народные радетели пытаются представить нашу героиню этакой «доброй русской бабой», «матрёшкой», наивно распахнувшей голубые глуповатые глаза. Надежда Васильевна если и воплощает в чём-то русский характер, то уж вовсе не в открытости и слезливом сострадании встречному-поперечному, а, скорее, — в хитроватой смекалке, в желании не упустить «жар-птицу», в отчаянном, часто неоправданном риске — «пан или пропал»

В селе Винниково под Курском половина жителей носила фамилию Винниковы, что, понятно, указывало на их что ни на есть «аборигенское» происхождение. Да и уклад жизни, нравы не менялись уже, по крайней мере, лет пятьсот. На жатве полагалось работать до седьмого пота, потому что в поле собиралось все село, и исподволь шла «приценка» — какой жених посильнее да какая девка поздоровее, чтоб не стыдно было в дом привести.

Надя, как и все голенастые её ровесницы, старалась в грязь лицом не ударить, с тринадцати лет ворочала мешки в пять пудов, готовилась стать «сокровищем в доме».

Впрочем, детство у Дёжки (так звала девочку мать) было раздольное, с типичными деревенскими развлечениями и радостями — троицыными гуляньями, пасхальным куличом, безглазой от воды деревянной куклой, которую принёс ручей. В начальную школу Надю Винникову отдали по её слёзной просьбе, но особенно об учебных успехах не заботились — добро бы, удачно вышла замуж. Уж когда в её юную головушку вселилась мысль — сломать привычные каноны, изменить образ жизни, — неясно. Только в год смерти отца — 1897-й — упросила Дёжка мать отвезти её в монастырь. Чтобы постричься в монахини, нужно было прожить, неся послушание, не меньше трех лет. Поначалу Надя и не представляла себе другого будущего, усердно соблюдая монастырский устав. Но едва ей исполнилось шестнадцать, как «лукавый бес», так писала сама Плевицкая,

смутил её душу, и «душа забунтовала».

И забунтовала она до такой степени, что юная послушница сменила рясу на купальник цирковой артистки, причём сделала это так неожиданно и непосредственно, что никто из монастырских сестёр не успел опомниться. На пасхальной неделе Надежда забрела в балаган, да и осталась там навсегда.

Правда, в тот первый раз «беспутную» дочку всё же отыскала мать, а поскольку возвратить в монастырь богохульницу не представлялось возможным, Надежду водворили в родную деревню, попытались выдать замуж, да безуспешно. Во второй раз побег Дёжки удался — она приехала к родственникам в Киев и незаметно исчезла, поступив в ресторанный хор некой Липкиной. Петь её поставили в пару с голосистой, но вечно фальшивившей Любой, поручив, таким образом, Надежде следить за музыкальной чистотой романсов.

Учениц в хоре Липкиной держали в «ежовых рукавицах», не пускали самостоятельно гулять по городу, учили достаточно строго и после окончания программы, покормив, немедленно гнали спать. И хотя программа заканчивалась в два часа ночи, по-ресторанному это считалось рано. Как назло, хор вскоре отправился на две недели в Курск. Там и состоялась «историческая» встреча с родными (город всё-таки был маленьким), результатом которой стали причитания матери о «непутёвой» дочке, милостивое прощение и разрешение, в конце концов, стать «ахтеркой».

Началась новая жизнь Дёжки — кафешантанной певицы, и неизвестно, куда бы привели её ресторанные страсти, кабы руководительницу хора Липкину… не украли. Да-да, украли. Богач-перс увёз Липкину на своей яхте в Баку. А хор развалился. Надежда пристроилась в гастролировавшую в Киеве польскую танцевальную труппу, что расценивалось совсем неплохо. Сам Нижинский порой ставил с той труппой спектакли.

В письмах к матери Дёжка растолковывала, что такое балет и как она его «одолевает», а заодно в одном из посланий мимоходом попросила Надежда благословения на брак с солистом труппы Эдмундом Плевицким. Так и стала Надя Винникова носить звучную фамилию Плевицкая.

Польский ангажемент продлился недолго, в одну неудачную поездку по украинским городам директор прогорел и тайно скрылся, что само по себе не было такой уж редкостью. Артисты, как водится, разбрелись по другим коллективам, а Надежда с мужем поступили в труппу Манкевича, который ничем не прославился, но с его помощью Плевицкая, наконец, попала в Санкт-Петербург, правда, не на сцены «больших и малых театров»,

а на эстраду загородных ресторанов, но здесь появлялся шанс быть «увиденной», замеченной. Отсюда наметился прямой путь в Москву, где по тем временам имелся настоящий спрос на тот жанр, которым владела Плевицкая.

«Яр» — фешенебельное заведение, куда купцы приезжали порой с жёнами, — ресторан, ставший местом, где талант певицы оценили по достоинству. Устраивавший благотворительный концерт Леонид Собинов пригласил Плевицкую спеть на одной с ним сцене. Успех был грандиозный. С 1909 года, как считала сама Плевицкая, начался её «путь с песней».

Слава Плевицкой в России начала века была огромной. Ей стоя аплодировали переполненные залы консерваторий и театров. Её окружали толпы поклонников и море цветов. Однажды после выступления в Эрмитаже фанаты ринулись к певице, и она едва не заплатила жизнью за необычайную популярность. Только вовремя образованная цепь студентов вокруг Плевицкой спасла артистку от растерзания. Она кое-как добралась до автомобиля, где уже дрожала в самом жалком виде её помощница Маша, приговаривая: «Ужасти, какой у нас успех. Ужасти».

«Курским соловьём» её называл Николай II. Плевицкая была, что называется, придворной певицей. Мода на все народное, «мужицкое» воплощалась в том, что Надежду Васильевну не только часто приглашали на концерты прямо во дворец, не только щедро одаривали, но саживали как-то «запросто», по-домашнему, к царскому столу «за чаи», побеседовать с великими княжнами. Плевицкая, вероятно, должна была символизировать близость императорской фамилии к своему народу, а дети, считалось, получали достойное воспитание, знакомясь с талантливыми крестьянками.

Высочайшее признание открыло для Плевицкой двери многих элитных салонов. Меценат Мамонтов познакомил Надежду Васильевну с Ф. Шаляпиным. В первый же вечер великий певец выучил с Надеждой Васильевной песню — «Помню я ещё молодушкой была». На прощание Федор Иванович обхватил певицу своей богатырской рукой и сказал: «Помогай тебе Бог, родная Надюша. Пой свои песни, что от земли принесла, у меня таких нет, — я слобожанин, не деревенский».

Возможно, эти немного слащавые слова придуманы самой Плевицкой, поскольку они приведены в её воспоминаниях. Но то, что Надежда Васильевна заинтересовала своим пением многих людей искусства — факт неоспоримый. Даже такие потомственные художники, как А. Бенуа, не устояли перед соблазном растащить «народные приёмчики» Плевицкой в свои произведения. Бенуа, написавший либретто к опере «Петрушка»

Стравинского, включил номер «Ухарь-купец» в текст, находясь под непосредственным воздействием популярной песни Плевицкой.

Певица надолго вперёд определила манеру пения русских песен на эстраде, она на десятилетия стала единственным исполнительским образцом. Её прослушивали на пластинках, когда самой певицы уже не было в живых, анонимно использовали её репертуар.

Вокруг её имени, конечно, часто возникали споры. Некоторые считали, что у Плевицкой придуманная, кабацкая манера исполнения народных песен, уместная лишь под рюмочку крепкой водки. Но сила воздействия Плевицкой на музыкальную культуру России оказалась очень велика. Стоит только перечислить песни, которые Плевицкая первой принесла в массовое исполнение: «Дубинушка», «Есть на Волге утёс», «Из-за острова», «Среди долины ровныя», «По диким степям Забайкалья», «Калинка», «Всю-то я вселенную проехал», «Лучинушка», «Славное море, священный Байкал», «Липа вековая»… Не правда ли, это практически весь репертуар народных песен, которым владеет современный русский человек, не особенно интересующийся фольклором?

«Я артистка, и пою для всех. Я — вне политики», — не раз говорила Надежда Васильевна. Родись она в другое время, возможно, подобное заявление и было бы правдой. Но она была слишком знаменита, слишком многое получила от сильных мира сего и в силу характера слишком «публична», чтобы остаться в стороне от социальных передряг. По натуре своей Плевицкая была чрезвычайно активной женщиной, а иначе она не смогла бы приобрести такой высокий общественный статус, но эта же чрезмерность и сгубила её. Не сразу… Постепенно втягивалась она в катастрофу революционных потрясений. Ещё во время Первой мировой войны Плевицкая в порыве патриотизма оставила сцену и отбыла на фронт санитаркой. И в Гражданскую она прошла с белой гвардией крёстный путь до Крыма, потом 14-тысячная русская армия была вывезена на кораблях в Дарданеллы. Вместе с белым воинством покинула Россию и Плевицкая.

Рассказывают, будто однажды от расстрела большевиками Надежду Васильевну спас молодой генерал Скоблин и будто с тех пор между ними начались любовные отношения. Надо сказать, что с первым мужем Плевицкая прожила так недолго, что о нём можно было бы вовсе не упоминать, если бы у певицы не осталась на всю жизнь прославленная ею же фамилия и если бы Надежда Васильевна на долгие годы не сохранила бы с ним дружеские,

тёплые отношения. Вторым мужем Плевицкой в тяжёлые годы эмиграции стал Николай Владимирович Скоблин.

Они осели в Париже, растерянные, разорённые. Для исполнительницы народных песен, имевшей тысячную аудиторию, это была подлинная трагедия. Только обычная деловитость и хватка спасли Надежду Васильевну. Она-таки в отличие от многих, опустившихся на самое дно, смогла приобрести дом, смогла зарабатывать, смогла держаться «на плаву». Она даже организовала гастроли в Америку, где с радостью была встречена Рахманиновым, написавшим для Плевицкой аккомпанемент одной из песен и хлопотавшим о записи пластинки русской певицы.

Но она не избежала участи тех несчастных, которые ради привилегии вернуться в Россию вступили на скользкий путь шпионства, интриг, преступления. В истории Плевицкой многое неясно — своё слово ещё должны сказать исследователи, но ситуация складывалась, как дурная криминальная драма. Муж Надежды Васильевны входил в руководство Российского Общевойскового Союза (РОВС), организации весьма тёмной и доставлявшей французской полиции, как и прочие русские эмигрантские объединения, множество хлопот. В ночь с 23 на 24 сентября 1937 года он неожиданно исчез, вместе с ним пропал и «вождь» РОВС, генерал Миллер. Судьба этих двух белых генералов неизвестна до сих пор: были ли они убиты, бежали ли в СССР или работали на фашистскую разведку и пропали в Германии.

Спустя несколько дней по этому делу была арестована Плевицкая. В декабре 1937 года в Париже состоялся процесс, на котором бывшая русская певица была обвинена в соучастии в похищении генерала Миллера и, по-видимому, — в шпионаже. Приговор вынесли суровый — двадцать лет каторжных работ. Так, «курский соловей» стал узницей в чужом французском городе Рени.

В тюрьме Плевицкая впала в депрессию. Она почти не ела, иногда что-то писала и порой тихо, негромко пела. Молясь, она падала перед иконостасом и лежала, пока её силой не отрывали от холодных церковных плит. Какие грехи замаливала эта в прошлом великолепная победительница? Может, сожалела о том, что когда-то убежала из монастыря и вступила на суетливый путь мирского успеха?

Весной 1940 года она попросила пригласить к ней в камеру священника-духовника. А 5 октября она неожиданно, загадочно и странно умерла в своей камере. Франция к тому времени уже была оккупирована фашистами. И очень скоро немецкое гестапо

эксгумировало труп Плевицкой и подвергло его тщательному обследованию. Для чего понадобилось это? К чему нужен был химический анализ? Какая тайна скрывается за действиями гестапо? Государственная?.. Политическая?..

Известно одно: тело в ящике было отвезено на кладбище и вновь закопано, но уже в общей могиле.

В 1915 году, восхищаясь Плевицкой, одна из газет написала: «Сейчас в большую моду входит Н. Плевицкая, гастролировавшая в „Буфф“ и получившая имя певицы народной удали и народного горя. Карьера её удивительна… Прожила семь лет в монастыре. Потянуло на сцену. Вышла за артиста балета. Стала танцевать и петь в кафешантанах, опереттах. Выступала с Собиновым и одна… В „Буфф“ среди сверкания люстр пела гостям русские и цыганские песни… Какой прекрасный, гибкий, выразительный голос. Её слушали, восторгались… И вдруг запела как-то старую-старую, забытую народную песню. Про похороны крестьянки. Все стихли, обернулись… В чём дело? Какая дерзость… Откуда в „Буфф“ гроб?.. „Тихо тащится лошадка, по пути бредёт, гроб рогожею покрытый на санях везёт…“ Все застыли. Что-то жуткое рождалось в её исполнении. Сжималось сердце. Наивно и жутко. Наивно, как жизнь, и жутко, как смерть…»

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

(1884—1941)

Русский политический деятель, эсер. В 1906 году убила усмирителя крестьянского восстания Г.Н. Луженовского, приговорена к вечной каторге (Акатуй). В 1917—1918 годах была одним из лидеров партии левых эсеров, противник Брестского мира. Идейный руководитель левоэсеровского мятежа, после подавления которого была арестована, амнистирована ВЦИК, отошла от политической деятельности. Последние годы жизни провела в ссылке и тюрьмах. Расстреляна в Орловской тюрьме.

Судьба этой женщины ещё ждёт своего «Шекспира», ибо жизнь Спиридоновой была насыщена такими трагическими страстями, такими удивительными совпадениями, а кончина её столь символична, что все это так и просится в рифмованные строки великого поэта.

Она пришла в политику не для того, чтобы делать карьеру. Спиридонова была фанатиком, готовым пожертвовать всем ради идеи.

Её имя стало легендарным в 1906 году, когда девушка вызвалась лично осуществить казнь приговорённого к смерти местной организацией эсеров тамбовского губернского советника Луженовского. Как, каким образом в тихих патриархальных семьях провинций России рождались фанатички-террористки? Кто воспитал эту плеяду отчаянных, не сомневающихся женщин, способных идеалы поставить выше жизни любого человека, даже близкого? Над этим вопросом, вероятно, ещё долго будут биться историки, психологи, литераторы.

Отец Марии имел чин скромного коллежского секретаря в Тамбовском губернском учреждении, мать, как положено, занималась домашним хозяйством и воспитывала четверых детей. Мария в семье была второй и получила хорошее домашнее образование. В шестнадцать лет Мария тайно вступила в эсеровскую организацию и стала членом боевой дружины.

Спиридонова выслеживала Луженовского на железнодорожных станциях и в поездах несколько дней и 16 января 1906 года на перроне Борисоглебска увидела его из окна вагона. Вокруг не было обычного кольца из охранников. Мария начала стрелять с вагонной площадки из револьвера, который держала в муфте, потом спрыгнула со ступенек, продолжая вести

огонь. Когда Луженовский упал, она в нервном припадке закричала: «Расстреляйте меня!» Сбежавшиеся охранники увидели девушку, которая подносила револьвер к своему виску. Стоявший рядом казак ударил её прикладом по голове. Она упала…

Бестолковое, непродуманное покушение завершилось для Спиридоновой страшно. Допрос сопровождался избиениями и гнусными издевательствами охраны над раздетой донага Марией. В вагоне по пути в Тамбов она была изнасилована. Врач, освидетельствовавший Спиридонову в тюрьме, нашёл у неё многочисленные синяки и кровоподтёки, полосы от ударов нагайками на коленях и бёдрах, гноившуюся полосу на лбу, распухшие от ударов губы, сильно повреждённый левый глаз.

Спиридонова, по-видимому, от рождения не отличавшаяся спокойным нравом, после надругательства казачьей охраны стала и вовсе истеричной, экзальтированной и нервной дамой. Многие не любившие её люди, называли Марию «кликушей», зато другие видели в ней «новую, революционную святую — блаженную». Недаром молодёжь из уст в уста повторяла слова адвоката Спиридоновой Тесленко: «Перед вами не только униженная, больная Спиридонова. Перед вами больная и поруганная Россия».

Несмотря на почти легендарную популярность, Мария была приговорена к смертной казни через повешение. 16 дней провела девушка в ожидании казни, впоследствии она описала ощущения, которые ей довелось испытать в камере смертников: «Ни для кого в течение ряда последующих месяцев этот приговор не обходился незаметно. Для готовых на него и слишком знающих, за что умирают, зачастую состояние под смертной казнью полно нездешнего обаяния, о нём они всегда вспоминают как о самой яркой и счастливой полосе жизни, полосе, когда времени не было, когда испытывалось глубокое одиночество и в то же время небывалое, немыслимое до того любовное единение с каждым человеком и со всем миром вне каких-либо преград. И, конечно, это уже самой необыкновенностью своей, пребывание между жизнью и могилой, не может считаться нормальным, и возврат к жизни зачастую встряхивал всю нервную систему».

Трудно поверить, но Мария с разочарованием восприняла весть о помиловании. Долгие, растянувшиеся в безвременье две последние недели Спиридонова, просветлённая, готовилась принять мученическую гибель во имя революции. «Моя смерть, — писала она в письме на волю, — представляется мне настолько общественно-ценною, что милость самодержавия приму как смерть, как новое издевательство». Это же надо так ненавидеть окружающее, чтобы силой мести подавить физиологический

страх!

Но всё-таки девушка лукавила. Ей было страшно. По свидетельствам очевидцев, Спиридонова в те роковые для неё дни ожидания часами просиживала за тюремным столом. Соорудив из шпилек что-то наподобие виселицы, она повесила на ней на волосе фигурку из хлебного мякиша и, задумавшись, подолгу раскачивала «человечка». Бессрочную каторгу Мария отправилась отбывать в знаменитый Нерчинск. Надо сказать, что режим царских тюрем был весьма лояльным и в пределах каменных стен заключённые пользовались автономией. Обычным явлением были диспуты, лекции, кружки, газеты, книги. Спиридонова успешно восполняла недостатки своего революционного образования. Теперь то, что она воплощала в жизнь по наитию, получило весьма солидное теоретическое обоснование. На лекции руководителя боевой организации эсеров Г. Гершуни по истории русского революционного движения собиралась вся тюрьма, из-за ворот приходил надзор, и даже начальство позволяло себе интересоваться данным вопросом и уточнять у лектора кое-какие детали.

Конечно, десятилетнее пребывание на каторге не было сплошным самообразованием. Постепенно режим ужесточался. Были и очень тяжёлые годы с голодовками, беспросветным отчаянием и болезнями. Она, как все борцы, пыталась бежать, однако попытки заканчивались неудачно. Освободила Спиридонову Февральская революция в марте 1917 года.

Наверное, ей тогда казалось, что жизнь только начинается, что идеалы становятся реальностью, что наступило «второе пришествие» но в действительности это был всего лишь второй и последний акт трагедии.

За время каторги многое изменилось на воле, и о Спиридоновой позабыли, однако необыкновенное одухотворение и внутренняя сила помогли Марии вернуться к активной политике. Вскоре её неутомимостью уже начинают по-прежнему восхищаться, её революционный энтузиазм снова поставил её в число лидеров движения. Она, не зная усталости, ездит по стране, произносит пламенные речи, однако после эйфории всегда наступает момент, когда необходимо трезво разобраться в происходящем.

Поначалу Спиридонова, будучи левой эсеркой, поддерживает большевиков и даже часто встречается с Лениным, однако становление её сопровождается все большим неприятием позиции вождя. Она считала, что влияние большевиков на массы носит временный характер, поскольку у ленинцев «нет воодушевления, религиозного энтузиазма… всё дышит ненавистью,

озлоблением…» Да, революционного романтизма, преданности делу у них, вероятно, было мало. Зато Спиридонова, привыкшая к борьбе с открытым забралом, не предусмотрела откровенное политическое коварство и жестокость своих бывших собратьев по оружию. Стоило Марии выразить своё неприятие Брестского мира, как из «символа» она превратилась в непримиримого врага революции.

Впрочем, в те годы трудно себе представить Спиридонову «бедной, невинной овечкой». Она пытается смело воздействовать на обстоятельства, и даже при её непосредственном участии арестовывают Дзержинского. Однако удача не сопутствует эсерам. Сама Спиридонова вскоре попадает за решётку, но теперь уже большевистских тюрем. Вот когда она вспоминает «добрых» царских надзирателей.

Второй акт оказался гораздо тяжелее первого: во-первых, потому, что Мария стала старше и прежние ценности уже не казались такими безусловными, а прожитых лет уже не вернуть, во-вторых, новые соперники оказались гораздо мстительнее. В 1920 году Спиридонова была арестована в третий раз чекистами. Взяли её больную тифом, вначале держали их с верной подругой Измаилович в тюремном лазарете, а затем по причине «крайней неуравновешенности» перевели в психиатрическую лечебницу, причём сделали это, вероломно подсыпав Спиридоновой снотворное. Мария объявляет голодовку. Международный женский конгресс, который проводился в то время в Москве, обращается к Троцкому с просьбой разрешить Спиридоновой выезд за границу, однако большевики отказывают, мотивируя это тем, что эсерка опасна для Советской власти.

Она становится одной из самых популярных женщин тех лет. На митинге 1924 года в Берлине известная немецкая анархистка Э. Гольдман назвала Спиридонову «одной из самых мужественных и благородных женщин, которых знало революционное движение». А в Париже даже появился комитет, поставивший себе целью добиться переезда Спиридоновой во Францию. В Германии были выпущены открытки с её фотографией.

А для Марии начинался последний виток «кругов ада». Она отправилась в ссылку в Самарканд. О чём думала стареющая революционерка, живя с подругой на скудные заработки на окраине «Советской империи»? В ней вдруг просыпаются давно забытые пристрастия: она с увлечением читает французских классиков в оригинале. Но большевистская власть не желает оставить в покое своих врагов, пусть даже они давно отошли от всякой активной деятельности. В начале тридцатых Спиридонову снова арестовывают и высылают в Уфу.

А последний, заключительный удар, конечно, был нанесён в роковом 1937-м. В уфимской тюрьме с ней обращались жестоко и цинично, примерно так же, как в охранном казачьем отряде. Рассказывают, будто она заявила одному из следователей: «Молокосос! Когда ты только родился, я уже была в революции». Но эти слова казались смешными «сталинским соколам», былые заслуги никого не волновали, а возраст, как известно, не смягчал наказаний. Молох терроризма, который она сама когда-то с таким азартом запускала, теперь добрался и до неё. Её расстреляли в сентябре 1941 года в Орловской тюрьме, когда фашистские войска подходили к городу. Революция пожирала своих детей!

ЗИНАИДА ЕВГЕНЬЕВНА СЕРЕБРЯКОВА

(1884—1967)

Русская художница. Дочь Е.А. Лансере. Член «Мира искусства». С 1924 года жила во Франции.

В 1910 году никому не известная Зинаида Серебрякова представила на выставке Союза русских художников ряд портретов, пейзажей, этюдов крестьянского быта. Её выступление, столь неожиданное, вызвало восторженные отклики, но настоящий фурор произвёл автопортрет «За туалетом». Картина, казалось, была выполнена с необычайной лёгкостью и быстротой. С полотна на зрителя смотрела счастливая, гармоничная женщина, своей красотой и уютом дома защищённая от сурового внешнего мира. За окнами царит зима (что удалось передать талантливой художнице с помощью света), а в комнате, среди причудливых безделушек, духов, свечей — тепло и празднично. Как сильно не хватает в жизни человеку этого внутреннего покоя и удовлетворённости, порядка, без педантичности, просто естественного душевного порядка и здоровья.

В 1910-е годы, когда искусство декларировало ломаные линии и изломанные судьбы, в предчувствии катастроф, картина Серебряковой поразила современников своей детской непосредственностью и восторженностью перед будущим.

Авторитетный критик и крупный художник Александр Бенуа писал о художнице: «Ныне она поразила русскую публику таким прекрасным даром, такой „улыбкой во весь рот“, что нельзя не благодарить её… Автопортрет Серебряковой несомненно самая… радостная вещь… Здесь полная непосредственность и простота, истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное…»

Не станем подозревать Бенуа в пристрастности, но заметим, что молодое дарование приходилось критику родной племянницей. В доме, где выросла художница, горделиво отмечали: «В нашей семье все от рождения с карандашом».

Действительно, дед Серебряковой Николай Леонтьевич Бенуа — профессор, председатель Петербургского общества архитекторов. Все его сыновья — художники, деятели искусства. Екатерина Николаевна, мать Зины, тоже училась в Академии. Да и по отцу нашей героине было от кого наследовать

художнический дар. Евгений Александрович Лансере — известный русский скульптор, получивший признание не только на родине, но и за границей, был мастером малой пластики и с особенной любовью лепил лошадей. К сожалению, Зинаида почти не знала отца, он умер от туберкулёза в 1886 году, и воспитывалась она в семье деда, Бенуа.

Девочка росла на редкость нелюдимой и замкнутой, что резко контрастировало с общительными, весёлыми домочадцами семьи Бенуа, зато в рисовании она проявляла недетское упорство и трудолюбие. Зинаида могла часами повторять на листе бумаги одну и ту же фигуру, предмет, добиваясь совершенства. По вечерам, когда каждый в большом доме занимался своим делом — читал, писал, готовил стол к ужину, — девочка рисовала ту или иную комнату. Летом, когда семья уезжала в деревню, Зинаида целыми днями работала над пейзажами, писала акварелью цветы и домашних животных. Её мало видели с книгой, она редко играла со сверстниками и не интересовалась учёбой. Такое самозабвение, несомненно, свидетельствовало о незаурядном даровании девочки, — попробуйте заставьте ребёнка заниматься постоянно каким-то одним делом, если в нём нет внутренней потребности, внутреннего огня, который принуждает человека к творчеству.

Зинаида рано научилась работать акварелью в два-три цвета, пользоваться размывкой, добиваться чистоты цвета и тона. Да и грех бы было талантливому ребёнку в семье, где жили интересами изобразительного искусства, не научиться секретам мастерства. Особенное влияние на становление Серебряковой оказал дядя Александр Николаевич. Энциклопедически образованный, он, казалось, знал о художниках и картинах все, он всегда имел своё мнение, был даже деспотом и свой вкус считал непогрешимым. Зинаида безоглядно поверила ему и покорно последовала в живописи за дядюшкой.

Созданное вокруг Бенуа объединение «Мир искусства» стало для Серебряковой её художественными университетами. Александр Николаевич открыл в 1890-х годах Венецианова, почти забытого художника, и Зинаида со всей силой души отдалась изучению манеры этого мастера. Многие полотна Серебряковой напоминают картины Венецианова, да и Зинаида не намеревалась скрывать этого. Бенуа был настолько увлечён своим открытием, он с таким волнением рассказывал о художнике, о его этюде «Старая няня в шлычке», что Зинаида немедленно скопировала этот этюд.

В молодости она много работала в имении Нескучное и по примеру Венецианова писала крестьянок, сельский труд,

необозримые просторы полей и всегда с натуры, как учил её Бенуа. И хотя дядина школа, как видно, оказалась самой авторитетной для Зинаиды, были у неё и другие, официальные учителя — Осип Иммануилович Браз. У него художница проучилась два года. Известный портретист Браз мало занимался учениками, направив все свои усилия на заказы и заработки, и всё же в мастерской Браза Зинаида заметно усовершенствовала свой рисунок. Учитель ввёл специальный предмет «Копирование картин Эрмитажа», что позволило студентам не только изучить приёмы письма старых мастеров, композицию, колорит, но и вникать в суть творческого замысла художника.

Осенью 1905 года в личной жизни Зинаиды произошли радостные перемены. Она по большой любви вышла замуж за Бориса Анатольевича Серебрякова, оканчивавшего Институт путей сообщения, и вместе с ним решила уехать во Францию, чтобы продолжать там изучение живописи.

Париж начала века… Место паломничества многих деятелей искусства, Мекка художников. Наверное, для нашей героини это было самое счастливое время жизни — молодая, влюблённая, все ещё впереди: слава, главные художественные открытия и что-то неизвестное, заманчивое.

Серебрякова по-прежнему много работала, она уже не могла жить без карандаша в руках, это уже было вроде болезни. В Париже она освоила сложнейший нюанс живописи — движение, несколько изменилась и манера рисунка Зинаиды. На смену чёткой штриховке пришла более мягкая, контурная линия стала менее жёсткой. Однако если к импрессионистам Серебрякова отнеслась более благосклонно, то разного толка современные течения вызвали у неё резкое неприятие. Её сердце было навсегда отдано старым мастерам, древним скульпторам.

Пребыванием в Париже закончилось, по существу, художественное образование Серебряковой. Впоследствии, когда её спрашивали о годах учения, она отвечала: «У меня не было ни одного „учителя“ рисования, но были занятия… в мастерской». Действительно, художественное образование Зинаиды Евгеньевны было достаточно бессистемным, однако собственный упорный труд позволил ей приблизиться к совершенству, и через четыре года после возвращения из Парижа художница создала главную свою картину, лучшую за всю жизнь.

Вот как Серебрякова вспоминала историю создания автопортрета «За туалетом»: «Мой муж Борис Анатольевич… был в командировке… Зима в этот год наступила ранняя, всё было занесено снегом — наш сад, поля вокруг, всюду сугробы, выйти нельзя — но в доме на хуторе тепло и уютно, и я начала рисовать

себя в зеркале и забавлялась изобразить всякую мелочь на туалете». Чаще всего художник пишет автопортрет, пользуясь зеркалом. Но оригинальность композиции Серебряковой заключалась в том, что она написала само это зеркало и настолько точно передала взгляд человека, смотрящего на себя, что ни одному зрителю не придёт в голову отрицать наличие зеркала, хотя оно фактически, конечно, нигде не нарисовано. Эта была первая работа художницы, выполненная масляными красками, первая и самая значительная, её камертон. Серебрякова уже никогда не сможет повторить этого успеха.

Вскоре после революции скончался от сыпного тифа Борис Анатольевич. Серебрякова осталась в голодные и страшные годы в Петербурге с четырьмя детьми. В мясорубке революции не спасали ни слава, ни мастерство, ни авторитетные родственники. В отчаянии Зинаида Евгеньевна берётся за первые попавшиеся заказы — портреты, оформление большевистских плакатов, вывески новых учреждений.

От нервного напряжения и страха потерять от голода детей у Серебряковой все валится из рук, она раздражена, зло срывает на близких и по-прежнему по вечерам часами рисует при свече, рисует все подряд — спящих детей, прислугу, мать, виды из окна. Но это уже мало способствует повышению мастерства. Любимый дядюшка советует поступить по-мужски — отбросить заботы о куске хлеба и заняться серьёзной работой. Александр Николаевич считал, что рано или поздно настоящее искусство принесёт свои положительные плоды и создаст условия для нормального существования. Но разве мог понять «дядя Шура» мать, которая не могла видеть глаза голодных своих детей. Тут он оказался плохим учителем.

Отчаявшись, Зинаида Евгеньевна в конце августа 1924 года уехала в Париж искать достойной жизни. Невозможно без боли читать упоминания Татьяны Серебряковой об отъезде матери: «Я сорвалась, помчалась бегом на трамвай и добежала до пристани, когда пароход уже начал отчаливать и мама была недосягаема. Я чуть не упала в воду, меня подхватили знакомые. Мама считала, что уезжает на время, но отчаяние моё было безгранично, я будто чувствовала, что надолго, на десятилетия расстаюсь с матерью».

Почему Серебрякова не вернулась в Россию? В письмах 1930-х годов она высказывала такое пожелание. Во Франции она стала второсортной художницей, которая время от времени устраивала собственные выставки, собиравшие в основном узкий круг соотечественников. Пресса кое-как, тоже по большей части русская, откликалась на эти вернисажи, первое время появились даже меценаты. Барон Броуэр из Бельгии заказал Серебряковой

портреты жены и дочерей, оформление его дома, а позже даже организовал художнице поездку в Марокко, где она много и плодотворно работала. Но в целом искусство Серебряковой в Европе было никому не нужным. Зинаида Евгеньевна не могла изменить своим вкусам, она строго держалась реалистической манеры письма, и оказалась далеко на обочине художественной магистрали Европы. Она была слишком горда и нелюдима, чтобы суметь приспособиться к новой жизни, а любимый дядя Шура был слишком занят собственными проблемами, чтобы помочь сестре. Когда-то она подавала большие надежды, но ведь способности есть у многих…

С трудом, не выдержав разлуки, Серебрякова вызывает из России дочь Катю и сына Шуру. С другими детьми она увидится лишь спустя тридцать шесть лет.

Зинаиду Евгеньевну постигла типичная трагедия человека, лишённого родины. Она была уже слишком сформировавшейся личностью, слишком цельным человеком, чтобы менять пристрастия. Она ненавидела непонятное ей «буржуазное искусство», но вернуться домой, вероятно, боялась, напуганная сталинским террором. На долгие годы у неё остались лишь воспоминания о Нескучном да милые видения гостеприимного дома Бенуа.

Правда, заботами её детей, выросших в Советском Союзе, в 1965 году в Москве была устроена выставка её работ. Сама Зинаида Евгеньевна по старости присутствовать, конечно, не могла, но она бесконечно радовалась, что на родине её помнят, что в забытой уже стране её детства и молодости в школьных учебниках печатают её прекрасный автопортрет «За туалетом», что ученики пишут, глядя на него, сочинения, размышляя, о чём могла думать красивая девушка в далёком десятом году в натопленном жарко доме накануне нового времени.

ВЕРА ИГНАТЬЕВНА МУХИНА

(1889—1953)

Советский скульптор, народный художник СССР (1943). Автор произведений: «Пламя революции» (1922—1923), «Рабочий и колхозница» (1937), «Хлеб» (1939); памятников А.М. Горькому (1938—1939), П.И. Чайковскому (1954).

Их было не слишком много — художников, переживших сталинский террор, и о каждом их этих «счастливчиков» много сегодня судят да рядят, каждому «благодарные» потомки стремятся раздать «по серьгам». Вера Мухина, официозный скульптор «Великой коммунистической эпохи», славно потрудившаяся для созидания особой мифологии социализма, по-видимому, ещё ждёт своей участи. А пока…

В Москве над забитым машинами, ревущим от напряжения и задыхающимся от дыма проспектом Мира возвышается махина скульптурной группы «Рабочего и колхозницы». Вздыбился в небо символ бывшей страны — серп и молот, плывёт шарф, связавший фигуры «пленённых» скульптур, а внизу, у павильонов бывшей Выставки достижений народного хозяйства, суетятся покупатели телевизоров, магнитофонов, стиральных машин, по большей части заграничных «достижений». Но безумие этого скульптурного «динозавра» не кажется в сегодняшней жизни чем-то несовременным. Отчего-то на редкость органично перетекло это творение Мухиной из абсурда «того» времени в абсурд «этого».

Несказанно повезло нашей героине с дедом, Кузьмой Игнатьевичем Мухиным. Был он отменным купцом и оставил родственникам огромное состояние, которое позволило скрасить не слишком счастливое детство внучки Верочки. Девочка рано потеряла родителей, и лишь богатство деда, да порядочность дядек позволили Вере и её старшей сестре Марии не узнать материальных невзгод сиротства.

Вера Мухина росла смирной, благонравной, на уроках сидела тихо, училась в гимназии примерно. Никаких особенных дарований не проявляла, ну может быть, только неплохо пела, изредка слагала стихи, да с удовольствием рисовала. А кто из милых провинциальных (росла Вера в Курске) барышень с правильным воспитанием не проявлял подобных талантов до замужества. Когда пришла пора, сестры Мухины стали завидными невестами — не блистали красотой, зато были весёлыми, простыми, а главное, с приданым. Они с удовольствием

кокетничали на балах, обольщая артиллерийских офицеров, сходивших с ума от скуки в маленьком городке.

Решение переехать в Москву сестры приняли почти случайно. Они и прежде часто наезжали к родственникам в первопрестольную, но, став взрослее, смогли, наконец-то, оценить, что в Москве и развлечений-то больше, и портнихи получше, и балы у Рябушинских поприличней. Благо денег у сестёр Мухиных было вдоволь, почему же не сменить захолустный Курск на вторую столицу?

В Москве и началось созревание личности и таланта будущего скульптора. Неверно было думать, что, не получив должного воспитания и образования, Вера изменилась словно по мановению волшебной палочки. Наша героиня всегда отличалась поразительной самодисциплиной, трудоспособностью, усердием и страстью к чтению, причём выбирала по большей части книги серьёзные, не девические. Это-то глубоко скрытое прежде стремление к самосовершенствованию постепенно стало проявляться у девушки в Москве. Ей бы с такой заурядненькой внешностью поискать себе приличную партию, а она вдруг ищет приличную художественную студию. Ей бы озаботиться личным будущим, а она озабочена творческими порывами Сурикова или Поленова, которые в то время ещё активно работали.

В студию Константина Юона, известного пейзажиста и серьёзного учителя, Вера поступила легко: экзаменов не нужно было сдавать — плати и занимайся, — но вот учиться как раз было нелегко. Её любительские, детские рисунки в мастерской настоящего живописца не выдерживали никакой критики, а честолюбие подгоняло Мухину, стремление первенствовать каждодневно приковывало её к листу бумаги. Она работала буквально как каторжная. Здесь, в студии Юона, Вера приобрела свои первые художественные навыки, но, самое главное, у неё появились первые проблески собственной творческой индивидуальности и первые пристрастия.

Её не привлекала работа над цветом, почти всё время она отдавала рисунку, графике линий и пропорций, пытаясь выявить почти первобытную красоту человеческого тела. В её ученических работах все ярче звучала тема восхищения силой, здоровьем, молодостью, простой ясностью душевного здоровья. Для начала XX века такое мышление художника, на фоне экспериментов сюрреалистов, кубистов, казалось слишком примитивным.

Однажды мастер задал композицию на тему «сон». Мухина нарисовала заснувшего у ворот дворника. Юон недовольно поморщился: «Нет фантастики сна». Возможно, воображения у сдержанной Веры и было недостаточно, зато в избытке

присутствовали у неё молодой задор, восхищение перед силой и мужеством, стремление разгадать тайну пластики живого тела.

Не оставляя занятий у Юона, Мухина начала работать в мастерской скульптора Синицыной. Едва ли не детский восторг ощутила Вера, прикоснувшись к глине, которая давала возможность со всей полнотой ощутить подвижность человеческих сочленений, великолепный полет движения, гармонию объёма.

Синицына устранилась от обучения, и порой понимание истин приходилось постигать ценой больших усилий. Даже инструменты — и те брались наугад. Мухина почувствовала себя профессионально беспомощной: «Задумано что-то огромное, а руки сделать не могут». В таких случаях русский художник начала века отправлялся в Париж. Не стала исключением и Мухина. Однако её опекуны побоялись отпускать девушку одну за границу.

Случилось все как в банальной русской пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

В начале 1912 года во время весёлых рождественских каникул, катаясь на санях, Вера серьёзно поранила лицо. Девять пластических операций перенесла она, а когда через полгода увидела себя в зеркале, пришла в отчаяние. Хотелось бежать, спрятаться от людей. Мухина сменила квартиру, и только большое внутреннее мужество помогло девушке сказать себе: надо жить, живут и хуже. Зато опекуны посчитали, что Веру жестоко обидела судьба и, желая восполнить несправедливость рока, отпустили девушку в Париж.

В мастерской Бурделя Мухина познала секреты скульптуры. В огромных, жарко натопленных залах мэтр переходил от станка к станку, безжалостно критикуя учеников. Вере доставалось больше всех, учитель не щадил ничьих, в том числе и женских, самолюбий. Однажды Бурдель, увидев мухинский этюд, с сарказмом заметил, что русские лепят скорее «иллюзорно, чем конструктивно». Девушка в отчаянии разбила этюд. Сколько раз ей ещё придётся разрушать собственные работы, цепенея от собственной несостоятельности.

Во время пребывания в Париже Вера жила в пансионе на улице Распайль, где преобладали русские. В колонии земляков Мухина познакомилась и со своей первой любовью — Александром Вертеповым, человеком необычной, романтической судьбы. Террорист, убивший одного из генералов, он вынужден был бежать из России. В мастерской Бурделя этот молодой человек, в жизни не бравший в руки карандаша, стал самым талантливым учеником. Отношения Веры и Вертепова, вероятно,

были дружескими и тёплыми, но постаревшая Мухина никогда не решалась признаться, что питала к Вертепову более чем приятельское участие, хотя всю жизнь не расставалась с его письмами, часто вспоминала о нём и ни о ком не говорила с такой затаённой печалью, как о друге своей парижской юности. Александр Вертепов погиб в Первую мировую войну.

Последним аккордом учёбы Мухиной за границей стала поездка по городам Италии. Втроём с подругами они пересекли эту благодатную страну, пренебрегая комфортом, зато сколько счастья принесли им неаполитанские песни, мерцание камня классической скульптуры и пирушки в придорожных кабачках. Однажды путешественницы так опьянели, что уснули прямо на обочине. Под утро проснувшаяся Мухина увидела, как галантный англичанин, приподняв кепи, перешагивает через её ноги.

Возвращение в Россию было омрачено начавшейся войной. Вера, овладев квалификацией медсёстры, поступила работать в эвакогоспиталь. С непривычки показалось не просто трудно — невыносимо. «Туда прибывали раненые прямо с фронта. Отрываешь грязные присохшие бинты — кровь, гной. Промываешь перекисью. Вши», — и через много лет с ужасом вспоминала она. В обычном госпитале, куда она вскоре попросилась, было не в пример легче. Но несмотря на новую профессию, которой она, кстати, занималась бесплатно (благо дедушкины миллионы давали ей эту возможность), Мухина продолжала посвящать своё свободное время скульптуре.

Сохранилась даже легенда о том, что однажды на соседнем с госпиталем кладбище похоронили молодого солдатика. И каждое утро возле надгробного памятника, выполненного деревенским умельцем, появлялась мать убиенного, скорбя о сыне. Однажды вечером, после артиллерийского обстрела, увидели, что изваяние разбито. Рассказывали, будто Мухина выслушала это сообщение молча, печально. А наутро на могиле появился новый памятник, краше прежнего, а руки у Веры Игнатьевны были в ссадинах. Конечно, это только легенда, но сколько милосердия, сколько доброты вложено в образ нашей героини.

В госпитале Мухина встретила и своего суженого со смешной фамилией Замков. Впоследствии, когда Веру Игнатьевну спрашивали, что её привлекло в будущем муже, она отвечала обстоятельно: «В нём очень сильное творческое начало. Внутренняя монументальность. И одновременно много от мужика. Внутренняя грубость при большой душевной тонкости. Кроме того, он был очень красив».

Алексей Андреевич Замков действительно был очень талантливым доктором, лечил нетрадиционно, пробовал

народные методы. В отличие от своей жены Веры Игнатьевны он был человеком общительным, весёлым, компанейским, но при этом очень ответственным, с повышенным чувством долга. О таких мужьях говорят: «С ним она как за каменной стеной». Вере Игнатьевне в этом смысле повезло. Алексей Андреевич неизменно принимал участие во всех проблемах Мухиной.

Расцвет творчества нашей героини пришёлся на 1920—1930-е годы. Работы «Пламя революции», «Юлия», «Крестьянка» принесли славу Вере Игнатьевне не только на родине, но и в Европе.

Можно спорить о степени художественной талантливости Мухиной, но нельзя отрицать, что она стала настоящей «музой» целой эпохи. Обычно по поводу того или иного художника сокрушаются: мол, родился не вовремя, но в нашем случае остаётся только удивляться, как удачно совпали творческие устремления Веры Игнатьевны с потребностями и вкусами её современников. Культ физической силы и здоровья в мухинских скульптурах как нельзя лучше воспроизводил, да и немало способствовал созданию мифологии сталинских «соколов», «девчат-красавиц», «стахановцев» и «Паш Ангелиных».

О своей знаменитой «Крестьянке» Мухина говорила, что это «богиня плодородия, русская Помона». Действительно, — ноги-колонны, над ними грузно и вместе с тем легко, свободно поднимается крепко сколоченный торс. «Такая родит стоя и не крякнет», — сказал кто-то из зрителей. Могучие плечи достойно завершают глыбу спины, и над всем — неожиданно маленькая, изящная для этого мощного тела — головка. Ну чем не идеальная строительница социализма — безропотная, но пышущая здоровьем рабыня?

Европа в 1920-е годы уже была заражена бациллой фашизма, бациллой массовой культовой истерии, поэтому образы Мухиной и там рассматривали с интересом и пониманием. После XIX Международной выставки в Венеции «Крестьянку» купил музей Триеста.

Но ещё большую известность принесла Вере Игнатьевне знаменитая композиция, ставшая символом СССР, — «Рабочий и колхозница». А создавалась она тоже в символичный год — 1937-й — для павильона Советского Союза на выставке в Париже. Архитектор Иофан разработал проект, где здание должно было напоминать несущийся корабль, нос которого по классическому обычаю предполагалось увенчать статуей. Вернее, скульптурной группой.

Конкурс, в котором участвовали четверо известных мастеров, на лучший проект памятника выиграла наша героиня. Эскизы

рисунков показывают, как мучительно рождалась сама идея. Вот бегущая обнажённая фигура (первоначально Мухина вылепила мужчину обнажённым — могучий античный бог шагал рядом с современной женщиной, — но по указанию свыше «бога» пришлось приодеть), в руках у неё что-то вроде олимпийского факела. Потом рядом с ней появляется другая, движение замедляется, становится спокойнее… Третий вариант — мужчина и женщина держатся за руки: и сами они, и поднятые ими серп и молот торжественно спокойны. Наконец художница остановилась на движении-порыве, усиленном ритмичным и чётким жестом.

Не имеющим прецедентов в мировой скульптуре стало решение Мухиной большую часть скульптурных объёмов пустить по воздуху, летящими по горизонтали. При таких масштабах Вере Игнатьевне пришлось долго выверять каждый изгиб шарфа, рассчитывая каждую его складку. Скульптуру решено было делать из стали, материала, который до Мухиной был использован единственный раз в мировой практике Эйфелем, изготовившим статую Свободы в Америке. Но статуя Свободы имеет очень простые очертания: это женская фигура в широкой тоге, складки которой ложатся на пьедестал. Мухиной же предстояло создать сложнейшее, невиданное доселе сооружение.

Работали, как принято было при социализме, авралом, штурмовщиной, без выходных, в рекордно короткие сроки. Мухина потом рассказывала, что один из инженеров от переутомления заснул за чертёжным столом, а во сне откинул руку на паровое отопление и получил ожог, но бедняга так и не очнулся. Когда сварщики падали с ног, Мухина и её две помощницы сами принимались варить.

Наконец, скульптуру собрали. И сразу же стали разбирать. В Париж пошло 28 вагонов «Рабочего и колхозницы», композицию разрезали на 65 кусков. Через одиннадцать дней в советском павильоне на Международной выставке высилась гигантская скульптурная группа, вздымающая над Сеной серп и молот. Можно ли было не заметить этого колосса? Шума в прессе было много. Вмиг образ, созданный Мухиной, стал символом социалистического мифа XX века.

На обратном пути из Парижа композиция была повреждена, и — подумать только — Москва не поскупилась воссоздать новый экземпляр. Вера Игнатьевна мечтала о том, чтобы «Рабочий и колхозница» взметнулись в небо на Ленинских горах, среди широких открытых просторов. Но её уже никто не слушал. Группу установили перед входом открывшейся в 1939 году Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (так она тогда называлась). Но главная беда была в том, что поставили скульптуру на

сравнительно невысоком, десятиметровом постаменте. И она, рассчитанная на большую высоту, стала «ползать по земле», — как писала Мухина. Вера Игнатьевна писала письма в вышестоящие инстанции, требовала, взывала к Союзу художников, но всё оказалось тщетным. Так и стоит до сих пор этот гигант не на своём месте, не на уровне своего величия, живя своей жизнью, вопреки воле его создателя.

ГАБРИЭЛА МИСТРАЛЬ

(1889—1957)

Настоящее имя Лусиль Годой Алькаяга. Чилийская поэтесса. В 1924—1946 годах была на дипломатической работе. Её лирика соединяла традиции испанской поэзии с анимистической образностью индейской мифологии. Сборники: «Сонеты смерти» (1914), «Отчаяние» (1922), «Тала» (1938), «Давильня» (1954). Лауреат Нобелевской премии (1945).

Её и поныне называют «великой незнакомкой». Будучи всегда на виду, имея необычайно сильный общественный темперамент, Габриэла Мистраль, настоящая фамилия которой — Лусиль Годой Алькаяга — умудрилась остаться таинственной особой. Достоверное сплелось в её жизни с легендами, со множеством домыслов и догадок. Одна из легенд, обставленная самой поэтессой трагическими подробностями и кочующая по всем её биографиям — это история любви. Якобы в 17 лет Мистраль полюбила молодого человека всем сердцем (а сердце её, конечно, не знало измен), но счастье оказалось коротким, и её избранник по невыясненным обстоятельствам покончил жизнь самоубийством. Миф — о роковом, безграничном чувстве — взращён поразительными по трагической мощи «Сонетами смерти», в которых поэтесса истово оплакивала возлюбленного, добровольно ушедшего из жизни.

Твой прах оставили люди в кладбищенской щели -
Зарою тебя на залитой солнцем опушке.
Не знали они, что засну я в той же постели,
И сны нам придётся смотреть на одной подушке.
Тебя уложу я в землю так тихо и нежно,
Как мать — больного уснувшего сына под полог,
И станет тебе земля колыбелью безбрежной,
И сон твой последний будет спокоен и долог.

(Перевод с испанского О. Савича)

Этот цикл стихотворений осветил беспросветное существование провинциальной сельской учительницы первыми лучами славы.

В 1914 году на литературном конкурсе в Сантьяго произошло редкое, хотя, казалось, малозначительное событие: премия была

присуждена неизвестному поэту Лусиль Годой. Злые языки утверждали, будто жюри приняло своё решение в поисках наименьшего из зол: все представленные на конкурс произведения показались судьям очень слабыми, не дать премии значило сорвать праздник. Три вольно написанных сонета под общим заглавием «Сонеты смерти» жюри выбрало якобы только потому, что надо же было что-нибудь отметить.

Из области легенд и рассказ о том, что поэтесса не смогла прочитать свои стихи на празднике, потому что у неё было всего одно платье, не подходившее для роскошной обстановки, и она слушала исполнение «Сонетов смерти», сидя на галёрке. Но образ скромной сельской учительницы, «этакой Джейн Эйр», вовсе не вязался с реальной личностью Лусиль Годой — особы с тяжёлым, странным, скрытным и обидчивым до мелочности характером. История о единственном платье вполне могла произойти с поэтессой, потому что она в раннем возрасте потеряла отца и, испытывая нужду, лишь благодаря собственному нечеловеческому напряжению смогла получить хорошее образование, а вот миф о единственной, роковой страсти вскоре после смерти поэтессы был развенчан авторитетным биографом — Володей Тейтельбоймом. Собрав огромный документальный материал, он доказал, что это самоубийство, которое действительно произошло, никак не было связано с Мистраль, что «Сонеты смерти» имеют лишь косвенное отношение к самоубийце. Ну а любовь к нему — если и была — вовсе не первая и уж, во всяком случае, не единственная. Была другая — мучительная, долгая, странная — к малоизвестному поэту Мануэлю Магальянесу Моуре. И вновь тайна, вновь раздолье для толков и догадок. Мистраль, так одержимо писавшая о любви к мужчине, судя по всему, и в первую очередь по её письмам, так и не познала плотских радостей.

В её биографии словно все настроено на то, чтобы показать людям, будто большие поэты — существа неземного, потустороннего порядка, которым вовсе не обязательно переживать реальные чувства, чтобы вылить их лаву страсти на бумагу. Будто все это они познали в другой, прошлой жизни. Её стихи о детях и материнстве дали ей высокий титул Матери всех детей. Трудно найти в мировой поэзии строчки, посвящённые высшему предназначению женщины — материнству, — проникновеннее, чем у Мистраль. Между тем, она не имела своих детей, а чужих если и воспитывала, то лишь с учительской кафедры.

После победы в конкурсе Мистраль охотно печатали журналы и газеты, но первая книга поэтессы «Отчаяние» вышла лишь

спустя девять лет. Её обжигающие, слишком пессимистичные строчки, собранные под одной обложкой, производили впечатление стресса и долгое время не могли найти своего издателя. Решился же первым напечатать «Отчаяние» «Институт Испании» — Институт стран испанского языка в США, и лишь затем её переиздали на родине. Все эти годы, пока поэзия Мистраль пробивала себе дорогу к читателю, она делала педагогическую карьеру. Странную учительницу любили не все, но её общественному темпераменту мог позавидовать каждый. Даже в глухой провинции Габриэла чувствовала себя в центре Вселенной. В ней, несмотря на одиночество и непонимание, вызрело стойкое убеждение, что ей на роду написано стать Амаутой — нести свет мудрости не только детям, но и всему роду человеческому. В её программном стихотворении «Кредо» есть строки. «Верую в сердце моё… ибо в мечтанье причастно оно высоте и обнимает все мироздание». Она всегда хотела быть «больше, чем поэт», а предназначение своё видела в проповедовании. В своей «Молитве учительницы» она поставила цель, прямо скажем, посильную лишь божеству: «Дай мне стать матерью больше, чем сами матери, чтобы любить и защищать, как они, то, что не плоть от плоти моей».

Работая директором школы в городке Темуко, Габриэла обратила внимание на талантливого ученика, который впоследствии стал одним из самых прославленных в Чили поэтов. Пабло Неруда получил творческое «крещение» Матери Габриэлы. Впоследствии, когда Мистраль достигла вершины славы и занимала должность консула в чилийском посольстве в Риме, она, бросив вызов общественному мнению, принимала у себя опального Неруду, лишённого гражданства. Потребовавшему объяснений послу, она ответила: «Принимаю и буду принимать каждого чилийца, который постучит в мою дверь, и в особенности, когда речь идёт о моём старом друге и замечательном собрате Неруде».

В зрелые годы Мистраль обуревало желание скитальчества. По приглашению министра просвещения Мексики Хосе Васконселоса она приехала в эту страну. Министр, воплощавший в 1920-е годы революционные идеи в области образования, говорил, что Габриэла — «сверкающий луч, высвечивающий тайны человеческих душ». Вновь самоутверждение поэтессы происходит в чужой стране. Именно в Мексике Мистраль, не зная отдыха, со всей пылкостью отдаётся ниве просвещения: открывает сельские школы и библиотеки, читает лекции, купается в славе, ощущая себя на равных с Диего Риверой, Сикейросом, Пельисером.

В ней талант лирической поэтессы каким-то странным образом сочетался с бурным, дерзким общественным темпераментом. Это Мистраль бросила страстный призыв организовать испано-американский легион в Никарагуа, который должен был помочь «маленькой безумной армии, готовой на самопожертвование» (армии Сандино). Став лауреатом Нобелевской премии, она почувствовала себя гражданином Мира, писала статьи, произносила пацифистские речи — отсюда её знаменитый «завет» «Проклятое слово» (1950). «После бойни 1914 года слово „мир“ рвалось из уст с почти болезненной восторженностью, воздух очистился от самого тошнотворного запаха, какой есть на свете, — от запаха крови, будь то кровь убойного скота, раздавленных насекомых или так называемая „благородная человеческая кровь“»…

Однако если темперамента хватало на то, чтобы голос её был услышан во всех уголках земли, то лирической нотой её души оставалась Латинская Америка. Сказался незыблемый принцип любого таланта и успеха — всегда оставаться собой и не предавать своей «маленькой родины». Индейская кровь клокотала в Мистраль, делала её поэзию таинственной, закрытой для тех, кто воспитан в европейской культуре.

Знаменательна в этом плане история с предисловием Поля Валери к первому поэтическому сборнику Мистраль, переведённому на французский язык. Он появился как мост к Нобелевской премии. Само издание было оплачено чилийским правительством, справедливо считавшим, что присуждение премии Мистраль — вопрос чести всей нации. Но предисловие Валери вызвало у Мистраль резкое неприятие, она почему-то обиделась на прямодушное откровение французского поэта, знавшего Габриэлу лично. Валери писал, что его потрясает в творчестве Мистраль напряжение чувств, доходящее до варварской запредельности, что поэзия Габриэлы так же далека от Европы, как и южноамериканский горный массив Анды, что мистика Мистраль слишком физиологична и что ничего подобного Валери на своём веку не читал.

Габриэла рвала и метала, прочитав исповедь француза. Она обрушилась на бедного Валери со всей силой своего необузданного темперамента, обвинив его в недалёкости, поверхностности, европоцентризме. «Я дочь страны вчерашнего дня, метиска, и существуют ещё сто вещей, которые находятся вне досягаемости Поля Валери».

Французский поэт, вероятно, ранил Мистраль в самое сердце: стремясь воплотить идеалы «нашей Америки», представительствуя во всех уголках земли от имени своей

родины, она, тем не менее, «убегала» из Чили, чувствовала себя неуютно перед небольшой аудиторией соотечественников. Она мечтала сделать своей ораторской трибуной земной шар, весь Космос. Такие гигантские силы и небывалый темперамент подарила ей природа.

Смерть застала Габриэлу Мистраль в США. Оттуда её тело отправили в Чили. Ей были устроены национальные похороны. И неудивительно: она стала гордостью страны, одним из первых латиноамериканских литераторов, прославившихся на весь мир, и единственной женщиной на континенте — поэтессой такого масштаба. Она всю жизнь боролась со злом в глобальном смысле, шла напролом, кричала во весь голос, обращалась к человечеству в целом. В одном из своих поздних стихотворений она требовала, чтобы люди сломали двери, разделяющие их; но дверей собственного дома, который казался ей тюрьмой, дверей личной закрытости она так и не захотела, а может, и не могла сломать.

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

(1889—1966)

Настоящая фамилия Горенко. Русская поэтесса. Автор многих поэтических сборников: «Чётки», «Бег времени»; трагического цикла стихов «Реквием» о жертвах репрессий 1930-х годов. Много писала о Пушкине.

Кто-то из российских остроумцев, пройдя сквозь горнило войн XX века, сталинских лагерей, шутливо заметил в годы, когда чуть-чуть отпустило: «В России нужно жить долго». Ахматова, как оказалось, родилась в рубашке. Редкий баловень судьбы, она умудрилась дожить до седых волос и умереть в своей постели, обладая опасным для жизни даром — даром поэта. Словно какой-то ангел-хранитель задался целью пронести сквозь опалённые годы России эту «реликвию» потерянной навсегда прежней, уже почти легендарной культуры. И Ахматова постоянно ощущала эту «жизнь взаймы», жизнь «за кого-то».

Её жизнь казалась более длинной, чем у любой другой женщины, родившейся и умершей в одно с ней время, потому что она с лихвой была насыщена событиями, потому что не просто включила в себя, а сразила собой несколько исторических эпох, потому что Ахматова пережила многих своих близких, единомышленников, друзей и врагов. Весь цвет русской культуры сгинул, а она жила, словно была облечена великой миссией донести до поколения шестидесятых лицо своего времени. «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной так же как XIX начался Венским конгрессом. Календарные даты значения не имеют…» Возможно, она интуицией большого поэта, написав эти строки, прозрела — вместе с её смертью уйдёт целая эпоха закончится навсегда «серебряный век» русской литературы.

Первые воспоминания Ахматовой связаны с Царским Селом, куда большая семья Горенко переехала в 1890 году из Одессы. Этот пушкинский уголок, по словам нашей героини, был для неё то же, что Витебск для Шагала — исток жизни и вдохновения. Здесь одиннадцатилетняя Аня написала свои первые стихи, здесь же, назло отцу, выразившему неудовольствие по поводу первых публикаций дочери, она придумала звучный псевдоним Ахматова. «И только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы…» Сама Анна Андреевна много писала о своей матери, которая якобы имела предком хана Ахмата и на котором будто бы закончилось на Руси монгольское иго. Возможно, это всего лишь легенда, но восточная

внешность поэтессы и её царская стать могли служить весомыми фактическими доказательствами её рассказу.

Подруга Ахматовой В.С. Срезневская вспоминала: «… характерный рот с резко вырезанной верхней губой — тонкая и гибкая, как ивовый прутик, — с очень белой кожей — она (особенно в воде Царскосельской купальни) прекрасно плавала и ныряла, выучившись этому на Чёрном море… Она казалась русалкой, случайно заплывшей в тёмные недвижные воды Царскосельских прудов. Немудрёно, что Николай Степанович Гумилёв сразу и на долгие годы влюбился в эту, ставшую роковой, женщину своей музы…»

В начале десятых годов Ахматова вышла замуж за известного поэта Гумилёва. Она долго, целых семь лет, отвергала ухаживания пылкого влюблённого, но, наконец, всё же решилась на брак.

Николай Гумилёв, человек крайне деятельный, упорный, романтичный, сразу взял под опеку поэтическое дарование своей молодой жены. Он считался мэтром в литературных кругах, к его суждениям прислушивались, а у Анны к тому времени было напечатано всего лишь одно стихотворение в парижском журнале «Сириус», да и то заботами мужа. Под непосредственным руководством Гумилёва был собран и первый сборник поэтессы «Вечер», состоящий из 46 стихотворений.

Но ни общность интересов, ни горячая любовь не сделали этот союз счастливым. Они были слишком равновеликими личностями, слишком даровитыми, чтобы прощать друг другу и терпеть. Ахматова тяжело страдала от бесконечных измен мужа, он же не мог смириться с тем, что его хрупкая жена ничуть не уступает ему в поэзии, а может быть, даже и превосходит его, признанного поэта. Вскоре после рождения сына Левы они расстались. Надо сказать, что Ахматовой не везло с мужчинами, а вот сыном Анна Андреевна по праву могла гордиться. Лев Николаевич Гумилёв прожил долгую и очень насыщенную жизнь, оставив потомкам серьёзные труды по истории и этносу.

Творчество молодой Ахматовой тесно связано с акмеизмом, зачинателями которого, протестуя против символизма, стали, конечно, Гумилёв и Городецкий. Однако ещё Блок выделил Ахматову из узких рамок этого литературного течения, назвав её единственным исключением, не только потому, что она обладала ярким талантом — её любовная лирика была полна глухих предчувствий. Ахматовой словно дано было слышать поступь истории, подземные толчки глобальных землетрясений, которые улавливают лишь кошки и собаки, да аквариумные рыбки. Ощущение непрочности бытия является, пожалуй, определяющим

мотивом в лирике предреволюционных лет.

Прозрачная ложится пелена
На свежий дёрн и незаметно тает.
Жестокая, студёная весна
Налившиеся почки убивает.
Но ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на божий мир глядеть я,
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

Этот мистицизм с годами у Ахматовой развивался, создавались даже некие теории дат и совпадений. Октябрьским днём 1964 года, когда был смещён Хрущёв, Ахматова так прокомментировала это событие: «Это Лермонтов. В его годовщины всегда что-то жуткое случается. В столетие рождения, в 14-м году, Первая мировая, в столетие смерти, в 41-м, Великая Отечественная. Сто пятьдесят лет — дата так себе, ну, и событие пожиже. Но всё-таки, с небесным знамением…»

Катастрофы общественных преобразований уготовили Ахматовой и личные испытания. В 1921 году по обвинению в контрреволюционном заговоре был казнён Гумилёв. Тридцатые годы — время непрерывных арестов её сына, студента Ленинградского университета, и третьего мужа — Николая Лунина. Сама она тоже жила в постоянном ожидании «чёрного воронка». Из длинных и горестных тюремных очередей, в которых она провела семнадцать месяцев, родилась её знаменитая поэма «Реквием», опубликованная впервые спустя пятьдесят лет после её создания. А в те годы Ахматова даже не доверяла текст бумаге, только немногим избранным она в собственной квартире записывала обрывки стиха и тут же по прочтении сжигала листок. «Это был обряд: руки, спичка, пепельница — обряд прекрасный и горестный…» — вспоминала Лидия Чуковская о знакомстве с «Реквиемом».

В страшные годы испытаний стальной характер Ахматовой проявился во всю мощь. Именно тогда, не имея возможности не только печататься, но и просто писать, Анна Андреевна пережила настоящий творческий взлёт. Её лирика поднялась до истинно шекспировских масштабов. Ахматова не считала, что происшедшее в стране — временное нарушение законности, заблуждения отдельных лиц. Для неё это была катастрофа вселенская, основательное разрушение человека, его нравственной сути.

Живя под непрерывной угрозой меча, висящего на волоске,

Ахматова, однако, уцелела, по непонятным причинам не попала в застенок. Говорят, Сталин звал её «Эта монахыня». Видимо, он уловил суть её цельного характера. Ахматова была настолько внутренне сдержанна и самодостаточна, что мы не отыщем в её жизни бурных романов, срывов, объяснений. Все любовные скандальчики остались в предреволюционных годах. Роман с Борисом Анрепом, который в 1923 году отплыл в Англию, роман с Артуром Лурье, который тоже сбежал за границу с актрисой Ольгой Судейкиной, ставшей позже героиней «Поэмы без героя» под именем Путаницы-Психеи, нелепый, скорый брак с Владимиром Шилейко. О нём сама Ахматова, посмеиваясь, рассказывала, что в те годы для регистрации брака достаточно было лишь заявления о совместном проживании. Шилейко взял на себя эти пустые формальности. «Но когда после нашего развода некто, по моей просьбе, отправился в контору уведомить управдома о расторжении брака, они не обнаружили записи…» Последний муж Николай Лунин после сталинских застенков к Ахматовой тоже не вернулся. Вот, пожалуй, и все любовные истории знаменитой поэтессы. Никогда не растрачивала она свой пыл на мужчин, весь её трепет, чувства ушли в стихи.

Как-то уже в конце жизни при Ахматовой зашёл разговор о женщинах — дескать, куда девались нежные, неумелые, притягательные своей беспомощностью женщины, те самые — слабый пол. Ахматова достаточно грубо перебила светскую беседу. «А слабые все погибли. Выжили только крепкие». Она была порой несдержана, любила анекдоты, любила выпить, любила ввернуть в беседу образчики разговорного стиля. Однажды, когда по ходу разыгрываемой Раневской и ею сценки должно было прозвучать нецензурное слово, она предупредила его замечанием: «Для нас как филологов не существует запретных слов». И строчки:

Ты уюта захотела,
Знаешь, где он — твой уют? —

недвусмысленно отзываются интонацией «крепкого выражения».

Анна Андреевна, как отмечают очевидцы, не писала стихи, а их записывала, работала отрывками. «Непрерывность — обман», — говорила она; «все равно с чего начинать». Если строчка не рождалась, она её пропускала, через некоторое время вновь возвращаясь к трудному месту. Её лирика и напоминает по ритму как бы записи на клочках бумаги, начатые едва ли не с полуслова. Она писала будто бы без всякой заботы, то ли для

себя, то ли для близкого человека. Такая манера свойственна была ей всегда, но в позднем творчестве она усилилась.

Ахматова всегда гордилась, что не покинула страну в годы испытаний. Проникновенные строки она посвятила родине, народу. Она всегда осознавала своё подвижничество и воспринимала поэтический дар, как особую мученическую миссию. Когда разразилась травля И. Бродского, Ахматова с усмешкой промолвила: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то специально нанял». А на вопрос о поэтической судьбе Мандельштама, ответила: «Идеальная».

Однажды Ахматова прочла в книге одного американца, что в 1937 году она жила в Париже. Анна Андреевна быстро нашла отгадку этому заблуждению. «Кто-то рассказал ему про Цветаеву, которая действительно была тогда в Париже. А чтобы американец предположил, что на свете в одно время могут существовать две русских женщины, пишущие стихи… — слишком много хотите от человека».

АГАТА КРИСТИ

(1890—1976)

Английская писательница. Герой её многочисленных детективных романов и повестей — сыщик-любитель Пуаро, обладающий феноменальной интуицией и наблюдательностью: «Пуаро расследует» (1924), «Тайна каминов» (1925), «Убийство Роджера Экройда» (1926) и др. Автор пьес «Свидетель обвинения», «Мышеловка» и др.

Почти невозможно вразумительно ответить на вопрос: почему и как провинциальная английская девица, ничем не примечательная, не получившая к тому же настоящего систематического образования, толком никогда не знавшая «жизни», под которой обычно подразумеваются путешествия, невзгоды, приключения, стала одной из самых читаемых писательниц XX века, да ещё и была названа «королевой детектива»? За шестьдесят лет работы Агата Кристи издала 68 романов, более сотни рассказов и 17 пьес. Её произведения переведены на 103 языка.

А кто из солидных критиков возьмётся объяснить тот факт, что вот уже более сорока лет в Лондоне существует театр всего одной пьесы, где с 1952 года в неизменно полном зале, каждый вечер играется «Мышеловка» Кристи. Разве что сама писательница с присущим ей мягким юмором рассказала в «Автобиографии» версию небывалого в истории искусства долголетия пьесы. Оказывается, вначале была написана короткая инсценировка на радио, называвшаяся «Три слепых мышки». Позже она стала основой произведения для театра. Агата Кристи считала тогда, что «Мышеловка» продержится на сцене месяцев восемь. Её знакомый театральный деятель был более щедрым и предсказал четырнадцать месяцев. Оба оказались плохими провидцами.

Однако даже самые преданные поклонники писательницы признают, что сюжеты многих её книг надуманны, разгадки неправдоподобны, персонажи однотипны, а язык столь примитивен, что детективы Кристи рекомендуются для прочтения начинающим изучать английский. В чём же всё-таки секрет успеха Агаты Кристи, почему в любви к её книгам объединяются такие разные люди, такие разные национальности?

Жизнь писательницы, как уже было сказано, ни детективными, ни любовными, ни иными авантюрными интригами не отмечена. Скорее, наоборот, она может служить

примером жизнеописания добропорядочной леди. Впрочем, это и неудивительно — детство Кристи пришлось на конец «викторианской» эпохи с её культом долга, семьи, пуританских нравов.

Отец Агаты, Фредерик Миллер, был родом из Америки, но он так долго жил в Англии, что в доме, где воспитывалась будущая писательница, никаких следов «американизма» не осталось. В автобиографии Агата, отдавая должное доброму характеру отца, с сомнением заметила, что если бы ему даже ради хлеба насущного пришлось заниматься какой-либо полезной деятельностью, то вряд ли из этого вышло что-нибудь путное.

Как и положено викторианской барышне, Кристи никакого систематического образования не получила, с удовольствием читала Вальтера Скотта и Диккенса, училась музыке и пению и подумывала об исполнительской карьере. Однако ей помешала непреодолимая застенчивость — Агате никогда не удавалось спеть или сыграть без ошибок на публике. Любопытно, что свою застенчивость писательница так и не смогла преодолеть. Будучи с 1958 по 1976 год президентом Клуба детектива, она всегда отказывалась от тостов и речей. И ещё одна забавная деталь: Агата Кристи в весьма почтенном возрасте, чтобы восполнить недостаток образования и «соответствовать уровню», пошла в школу, где и обнаружила, что, оказывается, до сих пор она не знала о существовании прямого угла, как Шерлок Холмс не подозревал о круглой форме Земли.

В юные годы Агата о писательстве не помышляла. Она росла в среде, где к подобным занятиям серьёзно не относились, ну а девочке тем более следовало задумываться о будущем удачном замужестве. Семейные ценности так прочно были внушены Агате в детстве, что она спустя десятки лет, имея уже сотни изданий, в графе «род занятий» неизменно ставила — «жена».

Писать же будущая знаменитость взялась от скуки и косноязычия. Выражать свои мысли на бумаге оказалось для медлительной, мечтательной девочки легче, нежели произносить их вслух, прилюдно. Выздоравливая после болезни, Агата от нечего делать написала первый рассказ. Интересно, что старшая сестра Мадж к тому времени уже напечатала несколько своих рассказов. Она же и вызвала Агату на пари, высказав сомнение, что та сможет написать детектив. Наша героиня сочинила свой первый детектив играючи, но шесть издательств отказали будущей знаменитости и лишь седьмое взяло на себя смелость опубликовать «Таинственную историю». Тогда, в 1920 году, рождение «королевы детектива» прошло незамеченным: было продано всего около двух тысяч экземпляров, а гонорар

составил… 25 фунтов.

Такие скромные литературные успехи не обескуражили писательницу, она достаточно самокритично и иронично относилась к собственной персоне. Пожалуй, в этой мягкой трезвости, спокойной практичности и вызревало зерно будущего успеха. «Я всё ещё считала, что писать книги — это естественное развитие умения вышивать диванные подушки». С тех пор Агата Кристи, не считая себя профессиональным литератором, старательно создавала узоры своих детективов, словно по канве домашних вышивок: преступление — расследование — обнаружение преступника. И словно у трудолюбивого паука росла сеть её детективов.

Вначале, когда гонорары были маленькими, старалась писать побольше, чтобы свести концы с концами. Потом, когда пришли слава, уверенность в себе и большие гонорары — поменьше, чтобы не платить огромных налогов. И несмотря ни на что, нрав «викторианской» девушки остался неизменным — к писательству она относилась как к достойному человека ремеслу, которое, как всякое практическое дело, требует усидчивости, трудолюбия, терпения и, может быть, немного вдохновения. А о себе она никогда не говорила «писатель» — стыдилась…

Образ Пуаро, самого популярного сыщика XX века — наряду с Шерлоком Холмсом и инспектором Мегрэ, родился в воображении писательницы совершенно случайно. Она уже продумала сюжетную канву своего первого произведения, когда поняла, что для установления истины ей потребуется сыщик. И тут она его увидела — маленький плотный человечек с огромными усами, вечно все приводящий в порядок — и предметы, и факты. Поскольку в округе в годы Первой мировой войны было множество беженцев-бельгийцев, Кристи решила, что среди них мог быть и отставной полицейский инспектор. Не без иронии наделила она своего низкорослого героя звучным именем Геркулес — Эркюль — Пуаро.

Ну а мисс Марпл списана Кристи с горячо любимой бабушки. Правда, героиня детективов убеждённая старая дева, а миссис Миллер благополучно пережила трех мужей и в свои восемьдесят ещё не без интереса поглядывала на мужчин. Но взгляды обеих дам — придуманной и реальной — уклад жизни, полученное воспитание роднили их. Бабушка, как вспоминает Кристи в автобиографии, «будучи жизнерадостной, всегда ожидала от всех и вся самого худшего… она просто не доверяла людям». Сравните отношение к миру мисс Марпл: «Не в её характере было выносить виновному оправдание за недостатком улик, обычно она подозревала худшее и в девяти случаях из десяти оказывалась

права».

От бабушки, от её уютных, сложившихся канонов, которые стали символом размеренной, спокойной жизни, осталось у Агаты Кристи преклонение перед домом, помогающим человеку обрести смысл существования и дающим ей надёжность и защищённость от опасностей внешнего мира. Эта «домашность», по-видимому, и создаёт ту неповторимую ауру произведений Кристи, к которым невозможно быть равнодушным, как нельзя быть индифферентным к собственному детству.

И в жизни Агата Кристи имела единственную страсть — дома. Когда-то, на заре юности, она спасла свой родовой дом, который хотели продать после смерти отца. А став знаменитой писательницей, она приобретала столько недвижимости, сколько позволяли её гонорары. В лучшие времена она владела семью домами одновременно. Однако это не было простым коллекционированием, она любила дом, как любят произведения искусства. Агата по очереди перебиралась из одного дома в другой, пытаясь понять, какой ей больше нравится. А её агенты все продолжали составлять новые списки на просмотры недвижимости.

Образ дома — тот ключ, которым можно отомкнуть не только секрет успеха Агаты Кристи, но и приоткрыть завесу её частной жизни. Один из домов, как она считала, оказался несчастливым — Стайлс, названный в честь романа «Преступление в Стайлсе». До покупки семьёй Кристи он сменил нескольких хозяев и имел дурную славу. Три прежние семьи, жившие в Стайлсе, развелись. По мнению Агаты, виновато было внутреннее убранство, но едва она собралась перекроить его на свой лад, Арчибальд Кристи, муж писательницы, влюбился в другую женщину и оставил Агату.

Это случилось в декабре 1926 года, после выхода в свет романа, сделавшего Кристи знаменитой, «Убийство Роджера Экройда». Убитая горем писательница покинула дом и таинственно исчезла, а полиция обнаружила лишь оставленную машину. В дело даже включилась пресса — всё-таки пропала знаменитость, да ещё и «детективная». Правда, примерно через неделю Кристи нашлась — она жила в отеле под другим именем.

Но этот случай был единственным, когда Агата в отчаянии покинула дом. Больше она никогда не предавала родного очага, и дом благодарно отплатил ей за заботу о нём. Больше не было в жизни Агаты Кристи несчастливых домов — второе замужество принесло писательнице покой и благополучие. Востоковед, археолог, крупный учёный Макс Мэллоун был на пятнадцать лет моложе Кристи, и это обстоятельство долгое время вызывало в Агате опасения. Но союз их оказался прочным и безмятежным. По

свидетельствам очевидцев, они спорили лишь о том, по какой дороге ехать на машине и сколько это займёт времени.

А в одном из очередных домов Агата Кристи наконец завела даже собственный уголок. До этого она с юмором рассказывала, что фотокорреспонденты, желавшие сфотографировать знаменитую писательницу за рабочим столом, терялись, ибо долгое время Агата трудилась над своими листами где придётся — на уголке обеденного стола, на туалетном столике в спальне. Теперь же у неё появился настоящий кабинет с роялем и библиотекой. Дом этот, к сожалению, погиб во время бомбёжки. Другой, тоже счастливый, дом — Гринвей, основательный двухэтажный особняк в уединённом месте, понадобился военному ведомству для размещения офицеров. После войны дом вернули хозяйке не только в целости и сохранности, но даже с «приращением» в виде 14 добротных клозетов.

Помимо детективов, Агата Кристи создала шесть нравоописательных романов под псевдонимом Мэри Уэстмаккот. Первый вышел в 1930 году и назывался «Хлеб великанов», последний «Ноша» — в 1956-м. Большого успеха в этом жанре писательница не добилась, зато смогла высказаться, поэкспериментировать, вспомнить впечатления детства и юности.

Она любила жизнь и умела ею наслаждаться, и, видимо, это своеобразное «сладострастие» привлекает к её простым, но таким добрым книгам. «Один из величайших секретов существования — уметь наслаждаться даром жизни, который тебе дан», — написала она в своей автобиографии.

Она была «гурманом» жизни. И как поэтические строки читаются набросанные Кристи откровения о том, чего она терпеть не может: «Толпу, громкие голоса, шум, долгие беседы, приёмы, особенно приёмы с коктейлями, сигаретный дым и курение вообще, алкогольные напитки, мармелад, устриц, чуть тёплую пищу, серое небо… Более всего — запах и вкус горячего молока» Зато обожала она: «Солнце, яблоки, музыку, поезда, цифровые головоломки и вообще все, связанное с цифрами, морские купания, молчание, сон, мечты, еду, запах кофе, собак и театр». Что ж, в самоиронии писательнице не откажешь. Особенно, если вчитаться в итог, который подвела Агата Кристи на склоне лет: «Что мне сказать в свои семьдесят пять? Так много всего — глупого, забавного, красивого. Два исполнившихся тщеславных желания: ужин у английской королевы и покупка первого автомобиля — утконосого „морриса“».

ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА

(1891—1945)

Русская поэтесса. Автор сборников стихов «Скифские черепки» (1912), «Руфь» (1916); автобиографической повести «Равнина русская» (1924). С 1919 года жила в эмиграции, в 1931 году постриглась в монахини. Участвовала в движении Сопротивления во Франции. Казнена фашистами в концлагере Равенсбрюк.

И.С. Тургенев однажды написал: «…и когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! В ней нечего будет читать». Знаменитый писатель, конечно, не имел чести быть знакомым с Елизаветой Юрьевной Кузьминой-Караваевой, но он отлично представлял себе психологический тип человека, который в обычной жизни всегда стремится найти особенный смысл. Лишь немногие решаются разорвать привычную нитку мирского существования, но даже для этих избранных душевный путь к крёстному подвигу лежит через многие сомнения. Наша героиня, больше известная под именем монахини Марии, пришла к подвижничеству лишь к концу жизни, но по-другому и быть не могло, судя по её биографии.

Происходила Лиза Пиленко (девичья фамилия Кузьминой-Караваевой) из обыкновенной дворянско-интеллигентской семьи, глава которой кочевал по России, а больше — по окраинам империи, находясь на службе отечеству. Родилась Лиза в Риге, но вскоре семья переехала в Анапу, глухой захолустный городок, где для девочки в небольшом отцовском имении открылся целый сказочный мир — за длинными рядами виноградников высились древние курганы. Здесь Лиза часами наблюдала за археологическими раскопками. Впечатлительная девочка, почитательница Лермонтова и Бальмонта, увиденное шагала в стихи. И первый сборник начинающей поэтессы, вышедший в 1912 году и называвшийся «Скифские черепки», был навеян самыми острыми воспоминаниями детства.

В 1905 году семья переехала в Ялту, где отец возглавил Никитский ботанический сад. Его неожиданная смерть стала страшным ударом для экзальтированной, утончённой Лизы, повергла её в депрессию. После смерти мужа Софья Борисовна Пиленко уехала с дочерью в Петербург к своей сестре, фрейлине царского двора. Лиза очень тосковала по умершему отцу, вопрошала о справедливости самого Бога — «ведь эта смерть

никому не нужна».

Это был период взросления. Девочка становилась девушкой. Она часами бродила по туманному, загадочному городу, и в голове её непрестанно звучали стихи, которые она услышала на литературном вечере в каком-то реальном училище. А ещё её поразил автор — красивый, с безразличным лицом и странной фамилией Блок. Постепенно к Лизе приходила уверенность, что этот поэт — единственный человек на земле, который поможет унять её душевную смуту. Она нашла его адрес и пошла на Галерную, 41, в маленькую квартирку, не особенно представляя, зачем делает это. В первый раз Лиза не застала Блока дома, во второй — тоже, и когда в третий раз оказалось, что хозяин отсутствует, она решила не уходить до победного конца. И вот он появился — «в чёрной широкой блузе, с отложным воротником… очень тихий, очень застенчивый». Она залпом выкладывает ему о тоске, о бессмыслице жизни, о жажде все изменить в подлунном мире. И, о счастье! Поэт не гонит её прочь, не улыбается снисходительно. «Он внимателен, почтителен и серьёзен, он всё понимает, совсем не поучает и, кажется, не замечает, что я не взрослая…»

Воспоминания об этой встрече сохранились лишь со стороны Лизы. Ей, конечно, хотелось, чтобы Блок увлёкся ею, чтобы он испытал те же чувства, какими наполнилась она сама. «Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюблённость. На сердце скорее материнская встревоженность и забота». Эти слова написаны уже взрослой «матроной», таким Елизавете Юрьевне в 1936 году, вероятно, казалось её девичье увлечение или… она хотела так думать. Но есть ещё один свидетель их встречи. Это… сам Блок. Через неделю Лиза получила синий конверт, в который были вложены стихи: «Когда вы стоите на моём пути…» Сегодня эти строчки известны даже школьнику, но тогда они страшно обидели адресата. И действительно, вчитайтесь в первую фразу. Что значит — девушка «стоит на пути» мужчины? Да и тон всего послания менторски-холодный, больше о себе, чем о той, которая послужила поводом для стихотворения. А чего стоит совет «И потому я хотел бы, // Чтобы вы влюбились в простого человека, // Который любит землю и небо // Больше, чем рифмованные и нерифмованные // Речи о земле и небе, // Право я буду рад за вас…» Согласитесь, есть на что обидеться девушке, которая далеко не созрела ещё для материнской опеки мужчины. Лиза, конечно, нафантазировала себе после встречи с Блоком романтическую историю, а оказалось, что её просто не любят, заинтересовались ею, как очередной поклонницей… И немудрёно

— Блоку-то было всего двадцать шесть. Кто же в таком возрасте устоит против обожания юной красавицы? Словом, «сплетения душ» посреди несправедливости мира не получилось, и Лиза даёт себе зарок — никогда больше не встречаться с «предателем».

В 1910 году Лиза вышла замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева, юриста, друга поэтов и декадентов разных мастей. Молодых людей сблизила не любовь и не страсть, о чём говорит их недолгая совместная биография, в которой не нашлось места теплу, обычным семейным радостям, детям. Их объединило увлечение модными поэтическими и философскими течениями, а главным образом, стремление к богемному образу жизни. Дмитрия Владимировича принимали в самых рафинированных, эстетствующих домах Петербурга, он-то и ввёл свою жену в круг выдающихся представителей «серебряного века». Однажды во время дружеской встречи в знаменитой «Башне» Вячеслава Иванова муж, желая порадовать Лизу, предложил ей познакомиться с четой Блоков. Юная жена решительно отказалась, чем удивила Дмитрия Владимировича. Последний, по-видимому, не отличался особенной чуткостью и настоял на своём. Блок узнал Лизу. Для нашей героини начался самый смутный период жизни. Теперь она виделась со своим «богом» почти каждый день: общие застолья, развлечения, споры о поэзии, общие знакомые, которые как бы соединяли их, но «не хватало только одного и единственно нужного моста». Неразделённая любовь становилась тем мучительнее для Лизы, чем чаще они встречались. У Блока — законная жена, у Лизы — муж, их встречи всегда проходили на публике. Душевные страдания Лизы усугубились ещё и тем, что её первый сборник стихов решительно не понравился любимому. Он не захотел щадить несчастную женщину, сказал, что её поэзия откровенно подражательная и грешит профессиональной беспомощностью. Лиза снова обиделась и бежала из Петербурга. Бежала от непонимания единственного любимого человека, от той предреволюционной, предкатастрофической истомы, которая овладевала столицей, бежала от постылого мужа в своё имение, в Анапу. Она словно задумала последовать совету Блока, данному ей тогда, в далёкой юности — обратиться лицом к земным радостям и заботам. Здесь, на море, среди трудов на виноградниках (Елизавета Юрьевна занялась виноделием, и весьма деятельно) она даже как будто влюбилась в простого человека и даже родила дочку, которую назвала экзотически Гаяной, что означало — «земля». Но никакие даже совершенно новые впечатления материнства не в силах оказались заглушить в Лизе болезненное чувство к Блоку. Её письма к поэту напоминают исступлённый вопль души — клятвы

в вечной любви. «…Мне хорошо думать, что нет в жизни ничего, что бы могло удалить или изменить для меня Вас. Вы знаете, я бы не могла и Гаяну свою любить, если бы не знала, что Вы вечны для меня». «Только одного хочу: Вы должны вспомнить, когда это будет нужно, обо мне; прямо взаймы взять мою душу. Ведь я же всё время, всё время около Вас. Не знаю, как сказать это ясно; когда я носила мою дочь, я её меньше чувствовала, чем Вас в моём духе».

В Елизавете Юрьевне постепенно просыпалось стремление к самопожертвованию. Есть люди самодостаточные — в самом положительном смысле этого слова, а есть те, кому тесно в бессмыслице собственного "я". Таким обязательно необходим подвиг, полное отречение от себя, возможно, даже — сладость унижения. Кузьмина-Караваева не просто принадлежала ко второму человеческому типу, она была его совершенный образец. К сожалению, Блок, в котором она совершенно справедливо разглядела гения — существо трагическое по определению, — в её конкретной помощи не нуждался. Он отвечал ей сухо: «Елизавета Юрьевна, я хотел бы написать вам не только то, что получил Ваше письмо. Я верю ему, благодарю Вас и целую Ваши руки. Других слов у меня нет, а может быть, не будет долго…» И все…

Они снова встретятся в Петербурге, перед самой войной 1914 года. Кузьмина-Караваева передаст Блоку рукопись своей второй книги стихов «Руфь», наполненной мистическими предчувствиями, религиозной символикой и прежними несовершенствами. Любовь оказалась способной забыть прежние обиды. Но чем старше они становятся, чем настойчивее бьётся в окна их жизни ветер перемен, тем полярнее расходятся судьбы. Блок уходит в армию, а Лиза снова едет в Анапу. Она не сдаётся — снова письма не менее жаркие, чем прежде. От него приходит лишь несколько эгоистических строк, которые потрясли её: «…На войне оказалось только скучно… Какой ад напряженья. А Ваша любовь, которая уже не ищет мне новых царств. Александр Блок». Влюблённая разражается потоками коленопреклонённых восторгов: «Мне кажется, что я могла бы воскресить Вас, если бы вы умерли, всю свою жизнь в Вас перелить легко. Любовь Лизы не ищет новых царств! Любовь Лизы их создаёт… И я хочу, чтобы Вы знали: землю буду рыть для Вас…» И все далее в таком же духе. Но Блок больше не отвечает, ему уже не до экзальтированной поклонницы — слишком громадны собственные проблемы. Да и для Лизы период романтических грёз, в котором самым сложным была любовь к Блоку, заканчивался. Наступала пора суровых испытаний. В ней не предусматривалось места сердечным

воздыханиям. Последнее письмо к поэту датируется маем 1917 года.

На фронтах Первой мировой сгинул отец её дочери, тот самый земной мужчина, жизнью с которым она пыталась заглушить бездонную страсть к Блоку. Революция заставила вступить Елизавету Юрьевну в партию эсеров. Наша героиня даже какой-то период возглавляла городскую мэрию Анапы. В апреле 1918 года неисповедимые «пути господни» приводят Кузьмину-Караваеву в Москву, где она принимает участие в акциях против большевиков. В Анапе же, куда она возвращается в октябре этого года, её арестовывают добровольцы из белой армии, потому что для них её взгляды слишком «левые». Словом, идёт нормальная революционная катавасия. От смерти её спас председатель военно-окружного суда Д.Е. Скобцов. По-видимому, в пылу этих жарких лет у Лизы накопилась усталость, да и на пути её в самый тяжёлый момент испытаний появился человек, на которого она могла опереться. Она вместе с Гаяной и матерью отправляется за Скобцовым в эмиграцию. Из Новороссийска на переполненном теплоходе, в антисанитарных условиях, они попадают в Тифлис. Здесь у неё рождается сын Юрий. В Константинополе Елизавета Юрьевна и Скобцов вступают в законный брак.

Новая жизнь в чужой стране, да ещё и с тремя детьми (в Белграде появилась ещё дочка Настенька), оказалась нелёгкой. Елизавета Юрьевна, как многие эмигрантки, подрабатывала шитьём да изготовлением кукол, муж нашёл место таксиста. Однако относительный покой в её жизни продолжался недолго. Вскоре умерла Настя. После кончины дочери в душе Елизаветы Юрьевны произошёл перелом. Сама она рассказывала об этом так: «Я вернулась с кладбища другим человеком… Я увидала перед собой новую дорогу и новый смысл жизни: быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите. Остальное уже второстепенно».

Благодарность к Скобцову не переросла в любовь, рядом по-прежнему витала тень Блока, смерть которого Елизавета Юрьевна очень тяжело пережила вдали от родины. Стремление принести себя в жертву одному, пусть гениальному, пусть любимому человеку, переродилось у неё в жажду общечеловеческого подвига.

Она становится миссионеркой «Христианского движения» — религиозной организации, которая ставила своей целью помочь нуждающимся русским. Елизавета Юрьевна разъезжала по Европе, встречалась с соотечественниками, читала лекции, выслушивала обиды и нужды, часто сама принимала живейшее участие в их судьбах. Она не брезговала сама взять в руки тряпку и мыло,

чтобы убрать в доме больного или показать этим жестом, что терять человеческий облик не следует даже в самом безутешном горе. Она, как может, спасает от самоубийств и преступлений отчаявшихся, разуверившихся. Однако Елизавета Юрьевна понимает, что возможности её в основном ограничиваются лишь духовной помощью. Она разводится с мужем и в 1931 году принимает монашеский сан под именем Марии. Она снимает на улице Лурмель дом, где устраивает приют для сотен голодных, бездомных, туберкулёзных. Она научилась столярничать и плотничать, малярничать и писать иконы, доить коров и полоть огород. Дом матери Марии становится в Париже известным убежищем несчастных.

Её образ жизни суров и деятелен: она объезжает больницы, тюрьмы, сумасшедшие дома, она почти не спит, не отдыхает, а ей все кажется, что этого мало, что Бог требует от неё все больших трудов. Возможно, Всевышний действительно гневался на мать Марию, иначе зачем он посылал ей столь жестокие испытания. Летом 1935 года её дочь Гаяна, убеждённая коммунистка, возвращается в Россию. Меньше чем через два года она умирает в Москве от дизентерии. А возможно, сказалась всего лишь жестокость этого времени.

О смерти матери Марии сложена легенда. Её арестовали в феврале 1943 года, вместе с ней в гестапо попал и сын Юрий. Фашисты предъявили монахине обвинение в укрывательстве евреев и отправили в концлагерь. По воспоминаниям узниц, мать Мария никогда не пребывала в удручённом настроении, никогда не жаловалась, любое издевательство переносила с достоинством и всегда помогала другим.

Одна из узниц вспоминала эпизод, когда на мать Марию, пожилую женщину, набросилась надзирательница и принялась бить её за то, что та заговорила с соседкой во время переклички. «Матушка, будто не замечая, спокойно докончила начатую… фразу. Взбешённая эсэсовка набросилась на неё и сыпала удары ремнём по лицу, а та даже взглядом не удостоила». Когда-то Лиза Кузьмина-Караваева написала в первой своей поэтической книге, которая так не понравилась Блоку, строки:

Ну, что же? Глумитесь над непосильной задачей
И веруйте в силу бичей,
Но сколько ни стали б вы слушать ночей,
Не выдам себя я ни стоном, ни плачем.

Может быть, не слишком правильно с точки зрения стихотворной техники, но зато абсолютно точно с позиции её

жизненных идеалов, верность которым она пронесла через всю жизнь.

К ней, как и на воле, по-прежнему шли те, кто ломался, кто не в силах был больше терпеть мучений. А через два года, когда приближалось освобождение, мать Мария в женском лагере Равенсбрюк пошла, как утверждают, в газовую камеру вместо отобранной охранниками девушки, обменявшись с ней куртками и номером, мотивируя это тем, что ей самой все равно осталось жить считанные дни. Правда, ни один очевидец этого подвига монахини не подтвердил. Но, согласитесь, человек, заслуживший такую легенду, бесспорно, легендарен.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

(1892—1941)

Русская поэтесса. Наиболее известны сборники стихов: «Версты» (1921), «Ремесло» (1923), «После России» (1928). Писала также лирическую прозу, эссе о А.С. Пушкине, А. Белом, В.Я. Брюсове, М.А. Волошине, Б.Л. Пастернаке и др.

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я поэт…

Многие сборники Марины Цветаевой начинаются сегодня с этого стихотворения. В этих строках юная Цветаева выразила предопределение своей судьбы ещё с рождения, то, что не даётся образованием, воспитанием, трудом, а дарится как дар, будто бы даже незаслуженный, будто бы даже случайный — на кого укажет «перст рока гениальности». Марина оказалась в числе редких счастливчиков, и уж совсем редчайших среди женщин, которым Бог подарил истинный поэтический талант. Гений поэта — сама по себе штука весьма таинственная, странная, неуправляемая, подчас жестокая. Но от настоящего дара убежать невозможно, он, как рука или нога человека — болит, но и не избавишься, не отрубишь.

Мария Александровна Цветаева, мать Марины, записала в дневнике: «Четырехлетняя моя Муся ходит вокруг меня и все складывает слова в рифмы, — может быть, будет поэт?» Впрочем, это мимолётное признание вскоре забылось, а Марину мать с ранних лет учила музыке и, как видно, весьма успешно. Девочка проявляла незаурядное дарование, радуя своих родственников виртуозной игрой на пианино.

Её воспитывали по всем правилам порядочной, очень интеллигентной семьи конца XIX — начала XX века. Иван Владимирович Цветаев, профессор, заведующий кафедрой Московского университета, известный учёный-филолог, увлёкся идеей создания в Москве Музея изящных искусств, идеей почти безумной, невозможной, а потому и такой привлекательной. Ему было сорок шесть лет, когда родилась Марина, и он запомнился ей и её младшей сестре Асе добродушным, всегда жизнерадостным, не позволявшим себе распущенности быть дома усталым или раздражённым от работы, вечно погруженным в дела будущего музея. Жена, Мария Александровна, стала верной его

помощницей. Она прекрасно рисовала, музицировала, знала четыре языка, а потому не раз ездила вместе с Иваном Владимировичем в художественные центры Европы, вела деловую переписку, занималась бумагами. Замуж она, по сути дела, вышла без любви, как Татьяна Ларина — за «заслуженного перед отечеством генерала», за друга и соратника отца, и чтобы забыть, как водится, свою первую, страстную юношескую любовь, от которой в дневнике Марии Александровны остались только инициалы «С.Э.». По странному, почти мистическому совпадению эти же инициалы были и у суженого её старшей дочери Марины — Сергея Эфрона.

В их доме всегда чувствовалась атмосфера скрытой трагедии. Смерть от родов первой жены Ивана Владимировича, красавицы Иловайской, оставившей двоих детей — девочку Леру и младенца Андрюшу, сделала Цветаева безутешным вдовцом, и несмотря на то, что в дом пришла молодая жена, художнику был заказан огромный портрет умершей. Мария Александровна не могла справиться с горечью отравленного самолюбия, она была здесь второй, после той, дух которой витал в доме, и, заглушая боль, молодая женщина часами играла на пианино под портретом своей невольной соперницы. Мария Александровна, как человек умный, тонкий и благородный, пыталась увещевать свою ревность: «К кому же? К бедным костям на кладбище?» — писала она в дневнике. Однако подавить собственные дикие чувства порой труднее, чем понимать их, и отношения с падчерицей складывались чрезвычайно напряжённо.

И всё же семейные проблемы не омрачили раннего детства маленьких девчонок — детей Цветаева от второго брака. Они росли как настоящие московские барыньки — с маскарадами, ёлками, няньками, театрами и выездами на лето в деревню. Сто лет, без малого, русское дворянство воспитывало так своих дочерей. И когда любящая и любимая матушка заболела чахоткой, они, по всегдашней традиции приличных семейств, отправились в Италию на лечение. Были многочисленные пансионы в Швейцарии, Германии, России, было изобилие книг, интересных знакомств, лучшие музеи Европы. Но Марина жила всегда какой-то своей особой внутренней жизнью, не похожая ни на кого из окружавших её людей.

Она страстно, до болезненности влюблялась, причём пол предмета её увлечённости был неважен, неважно было также и его физическое присутствие. Она сгорала от любви к родственнице Наде Иловайской и оклеивала все стены портретами Наполеона. Однажды отец, зайдя к Марине в комнату, увидел в киоте иконы в углу над её письменным столом

Наполеона. Гнев поднялся в нём от это бесчинства! Иван Владимирович, всегда такой мягкий и интеллигентный, не выдержал, закричал. Но неистовство Марины превзошло все ожидания: она схватилась за подсвечник. Эти культы, эти влюблённости прошли через всю жизнь Цветаевой, она не знала меры в своей страсти, она хотела владеть всем и всеми, Вселенной, каждым человеком в отдельности и искала самовыражения в любви и не находила… Но остались гениальные строки — чувства, переплавленные в слова.

По-видимому, во всех своих увлечениях Марина проявлялась как поэт — странное существо, с неземными, непонятными простому человеку реакциями. Пожалуй, только к Сергею Эфрону, за которого она девятнадцатилетней вышла замуж, Марина испытывала вполне человеческие чувства. С ним Цветаева реализовалась, как обычная женщина. Её сестра Ася писала, что Марина была по-настоящему красива и счастлива в первые годы жизни с Сергеем. Они познакомились в Коктебеле, в чарующей южной беззаботности, в компании Волошина и его жены.

По воспоминаниям современников, Сергей Яковлевич был строен, с огромными серо-зелёными глазами, с добродушной улыбкой и сострадательным сердцем. Его любили в компаниях, к нему тянулись, он всегда был весел и непосредственен, легко увлекался. Правда, при внешней несерьёзности он всё-таки не был этаким безответственным «милашкой» и легкомысленным обаятельным повесой. Марина всегда подчёркивала порядочность и даже высокое рыцарство Сергея. Ему посвящены многочисленные строки цветаевских шедевров. И хотя Эфрону не позавидуешь — роль мужа при гениальной поэтессе очень непроста — тем не менее именно Марина увековечила его имя в сердцах потомков: «…Ты уцелеешь на скрижалях», — написала Цветаева в одном из своих стихотворений, обращённых к мужу.

А жизнь уготовила их союзу серьёзные испытания. После революции кипучая энергия Эфрона нашла применение в рядах белого движения. Сергей надолго исчез из семьи, где к тому времени росли уже две девочки. Цветаевой, неумелой и непрактичной в хозяйственных делах, пришлось в одиночку справляться со сложностями быта. Постепенно из Москвы исчезли её прежние друзья, и осень 1919 года застала Марину врасплох — надвигался голод. В отчаянии Цветаева решилась на страшный шаг: она отдала дочерей в приют. Но вскоре они тяжело заболели, и Марине пришлось принять ещё более жуткое решение. Она забирает из приюта старшую Алю в ущерб младшей Ирине и два месяца выхаживает дочь. Зимой 1920 года младшая умерла в приюте. Для Марины это было хождение по первым кругам ада.

Прошло всего лишь несколько месяцев, и голос Цветаевой-поэта резко изменился. Из её стихов навсегда ушла прозрачная лёгкость, певучая мелодика, искрящаяся жизнью, задором и вызовом.

Вечером 20 ноября 1920 года Марина присутствовала на спектакле в Камерном театре. В антракте на авансцену вышел режиссёр и объявил, что гражданская война закончена, белые разгромлены, остатки Добровольческой армии сброшены в море. Посреди шумного зала, грянувшего «Интернационал», Цветаева сидела как окаменевшая. Убит? Жив? Ранен? В эти тяжёлые для неё дни родились первые строфы «Плача Ярославны»:

Буду выспрашивать воды широкого Дона,
Буду выспрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет…

Спустя несколько месяцев Цветаева передала вместе с Эренбургом, выезжавшим за границу, письмо на случай, если Эфрон отыщется. «Если вы живы — я спасена. Мне страшно Вам писать, я так давно живу в тупом задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что живы, — и лбом — руками — грудью отталкиваю то, другое. — Не смею. — Все мои мысли о Вас… Если Богу нужно от меня покорности — есть, смирения — есть, — перед всем и каждым! — но отнимая Вас у меня, он бы отнял жизнь…»

Однако Богу, по-видимому, угодно было обрушить на Марину новые испытания.

Весной 1922 года Цветаева уехала вместе с десятилетней дочерью Алей к мужу в Берлин. За четыре года разлуки Цветаева, конечно, не могла забыть, что её семейная жизнь в предреволюционные годы уже была далека от идиллии, но издали казалось, что теперь, может быть, все сложится иначе. Цветаева искренне верила, что своими заклинаниями, своей верностью она спасла жизнь Сергею, но семейная жизнь оказалась очень непростой. Они переехали в красивейшее, но глухое местечко под Прагой, потому что жизнь здесь была дешевле, а самой постоянной проблемой их существования теперь на долгие годы стали деньги.

Неустроенный быт стал для Цветаевой настоящей Голгофой. Необходимо было стирать, готовить, выгадывать на рынках дешёвую еду, латать прохудившуюся одежду. «Живу домашней жизнью, той, что люблю и ненавижу, — нечто среднее между колыбелью и гробом, а я никогда не была ни младенцем, ни мертвецом», — писала она в письме одному из своих

корреспондентов. Но это было лишь начало. Жизнь в Чехии позже ей казалось счастливой. Здесь она пережила страстную и мучительную любовь к другу Сергея, Константину Родзевичу. Радостный, уверенный, земной Родзевич покорил Цветаеву, увидев в ней не поэта, а просто женщину. Он, по-видимому, мало понимал её стихи, не стремился быть тоньше и значительнее, чем есть на самом деле, всегда оставался собой. «Я сказала Вам: есть — Душа. Вы сказали мне: есть — Жизнь». Ему посвящена одна из самых пронзительных поэм Цветаевой — «Поэма конца».

Разразился настоящий скандал. Эфрон тяжело переносил очередное увлечение жены, для него стали настоящей пыткой метания Марины, её раздражение, отчуждение. Они слишком срослись, слишком многое было пережито, слишком одиноки они были в мире, чтобы он мог её оставить. Но и жить с неуравновешенной, не умевшей лгать, преувеличенно все воспринимавшей талантливой поэтессой становилось всё труднее. Чаша весов при решающем выборе Марины всё-таки качнулась в сторону Эфрона. Цветаева смогла отойти от Родзевича, но отношения с Сергеем никогда уже не стали прежними:

Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

У неё были и потом романы, но больше не на деле, а в письмах. Она просто не могла жить, не заполняя душу кумирами и восхищением. Когда этот источник иссяк, засохло и её творчество, а значит, и жизнь покинула её, ибо для Цветаевой земное бытие невозможно было без поэзии. Со своими корреспондентами, Борисом Пастернаком и Рильке, которым она писала потрясающие по интимной откровенности письма, она практически не встречалась. Несколько тягостных встреч с Пастернаком, и никогда — с Рильке. Тем не менее, читая сегодня её строки, трудно поверить в это обычному читателю, как не верила своему мужу жена Пастернака, запретившая однажды в порыве ревности переписку с Цветаевой. Сегодня много говорят о романах Марины, о её лесбийской любви, но часто забывают, что имеют дело с поэтом, которому очарованность тем или иным человеком нужна была так же, как обывателю еда и сон, нужна была, чтобы пребывать в высоком, самосжигающемся накале творческого вдохновения.

Франция, куда семья Эфронов, к тому времени состоявшая

уже из четырех человек (в 1925 году у Цветаевой родился сын), переехала, встретила русских эмигрантов неласково. Ещё сильнее сжимались тиски нищеты. Многие современники отмечали, как рано постарела Марина, как обносилась её одежда, и только на неухоженных, красных руках по-прежнему блестели, переливались дорогие перстни, с которыми Цветаева не могла расстаться даже по бедности. Её максимализм, несдержанность, неумение улыбнуться в нужный момент нужному человеку, полное отсутствие того, что называется «политикой», сделали Цветаеву одиозной фигурой в обществе русских писателей и издателей, которое уже успело сложиться к тому времени в Париже. Семья жила в основном на подачки друзей и на постоянно вымаливаемое пособие из Чехии.

Она устала от быта. Самое драгоценное для писания время — утро — она вынуждена была проводить в неблагодарных занятиях по дому. «Устала от не своего дела, на которое уходит жизнь»; «Страшно хочется писать. Стихи. И вообще. До тоски». К тому же то, что было написано, не печаталось, а если и печаталось, то с такими купюрами, унижениями, отсрочками, что это приводило Цветаеву в бешенство.

В семье тоже не всё было благополучно. Деятельный Эфрон сблизился с прокоммунистическими организациями. Он обратился в советское посольство в Париже с просьбой о возвращении на родину. Но сталинской машине нужны были жертвы, и доверчивый Сергей стал агентом НКВД. Тень неблаговидной деятельности мужа пала и на Цветаеву. Она, чуждая всякой политике, оказалась в изоляции. Дома она ещё пыталась сопротивляться, понимая интуитивно, в какую яму затягивает семью муж, но было слишком поздно. Подросшая, умная, талантливая дочь Аля заняла сторону отца, она считала мать безнадёжно отставшей от жизни мечтательницей, поэтессой, пережившей свою эпоху. Поистине, нет пророка в отечестве своём. И даже маленький сын Мур канючил об отъезде в Россию. Марина, отчаявшись убедить близких, только бумаге могла доверить свои сомнения:

Не нужен твой стих —
Как бабушкин сон.
А мы для иных
Сновидим времён.

* * *

Насмарку твой стих!
На стройку твой лес
Столетний!
— Не верь, сын!

Единственной верой, которая осталась у Цветаевой, была вера в своё предназначение, в свой дар, данный ей Богом. Она надеялась, что придёт время и сын, её наследник, будет «богат всей моей нищетой и свободен всей моей волей». Но даже этой надежды не пощадил злой рок. Троих детей родила Цветаева, и никто не уцелел в молохе войн и революций XX века.

Первой уехала в Москву Аля. От неё приходили восторженные письма, ей нравилось там все, она сотрудничала в журнале, правда, нештатно, но обещали вскоре взять и в штат. За ней тайно последовал и Сергей. В октябре 1939 года Цветаеву вызвали в полицию по делу об убийстве сотрудника НКВД Игнатия Рейсса. Во время допроса во французской полиции Марина все твердила о честности мужа, о столкновении долга с любовью и цитировала наизусть Корнеля и Расина. Вначале чиновники думали, что она хитрит, но потом, усомнившись в её психическом здоровье, вынуждены были отпустить поэтессу. Уходя, Марина бросила сакраментальную фразу о своём муже: «Его доверие могло быть обмануто, моё к нему остаётся неизменным». Что ж, в то страшное время идеи ценились выше человека и предавали самых близких людей по убеждению, а не из подлости. И нам перед ценностями Цветаевой можно только преклоняться. Поэзия стала последним убежищем человеческой духовности и достоинства.

Через несколько месяцев после приезда Цветаевой в Москву, на даче НКВД в Болшево, где поселилась семья, была арестована Аля, а потом Сергей. Это был последний круг ада, который Марина не могла пережить. Она ещё сопротивлялась долгие два года. Стихи, её драгоценные дети, больше не появлялись на свет. Она существовала ради ежемесячных передач дочери и мужу в тюрьму и ради подростка-сына. Когда в 2000 году будет открыт полностью архив Цветаевой, засекреченный до времени по желанию Али, мы узнаем, по-видимому, новые подробности гибели Марины Ивановны.

Она повесилась в Елабуге в последний день лета сурового 1941 года.

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА ХОЛОДНАЯ

(1893—1919)

Российская киноактриса. Снялась в фильмах: «Песнь торжествующей любви», «Позабудь про камин…», «Молчи, грусть, молчи», «Последнее танго» и др.

Такие лица в старину называли «колдовскими». Смоляные волосы, нежный и чистый профиль, печальные, глубокие глаза… Вера Холодная — целая эпоха в кинематографе, эпоха, длинною всего в четыре года. Именно в этот короткий срок она из обычной московской барышни превратилась в «королеву экрана», и славой с ней не мог помериться тогда никто. Удивительная судьба выпала этой женщине, и ещё удивительнее то место, которое заняла в истории русского кино Вера Холодная. Её имя известно даже людям, не видевшим ни одного фильма с её участием. О ней пишут книги, снимают кино, её образ по-прежнему будоражит воображение художников. Она олицетворяет идеал «смутного времени», пограничного рубежа двух эпох, идеал, так и не перешагнувший невидимую границу между двумя мирами.

Спустя несколько месяцев после смерти Веры Холодной был издан указ об организации советского кинематографа, но невозможно представить себе образ этой благородной красавицы в измерениях постреволюционной вакханалии. Она унесла с собой тайну «великого немого», тайну женского очарования ушедшего XIX века, успевшего к счастью, мелькнуть на экранах в лицах неотразимых кавалеров, недоступных дам, элегантных злодеев.

В её детской и юношеской биографии нет ничего яркого — сплошная прямая линия, по которой неторопливо двигались девушки из благородных, интеллигентных семейств. Вера была первенцем молодожёнов Левченко. По окончании учёбы (отец Василий Андреевич закончил словесное отделение Московского университета; мать Екатерина Сергеевна — Александро-Мариинский институт благородных девиц) супруги, не желая ни от кого зависеть, перебрались на родину мужа в Полтаву, где и родилась Верочка. Жили скромно, жалованья преподавателя гимназии едва хватало на троих, и вскоре пыл самостоятельности поугас, да и смерть отца Екатерины Сергеевны подтолкнула семью Левченко возвратиться в Москву.

За воспитание внучки взялась бабушка Екатерина Владимировна. Вера рано выучилась читать и тайком от строгой старушки выискивала книги о морских приключениях, пиратах и

разбойниках, роковых красавицах и мужественных моряках. Но, пожалуй, на большее непослушание Верочка не отваживалась — она росла тихим, послушным ребёнком, прилежно обшивавшим своих кукол и ласкавшим кошечек. У девочки рано обнаружился пластический талант, она явно тянулась к танцу. Выдержав огромный конкурс в балетное училище Большого театра, Верочка Левченко на целых два года становится подающей надеждой ученицей. И все эти годы родители Верочки ведут настоящую войну, которую бабушка объявила балетному будущему любимой внучки. Профессию танцовщицы Екатерина Владимировна считала неприемлемой для девушки из порядочной семьи. Не повлияли на бабушку ни уговоры педагогов, заметивших способности Веры, ни увещевания друга семьи, известной актрисы Лешковской. Девочке пришлось вернуться домой. Интересно, что бы сказала бабушка, увидев «ангелочка» Верочку, застывшую в страстном поцелуе на киноэкране?

А жизнь между тем шла своим чередом. В 1905 году, когда Екатерина Сергеевна ждала третьего ребёнка, скончался Василий Андреевич. Несмотря на страшное горе, в доме сохранялся заведённый порядок. Вера музицировала, участвовала в спектаклях, играла в теннис. И её, мечтательного, ещё угловатого подростка, тянуло на сцену, в театр, к актёрам.

В Москве в то время существовал знаменитый дом Перцова, который обихаживал режиссёр МХАТа Пронин. Этот человек неуёмной энергии, большой фантазёр, весельчак, собрал вокруг себя одарённую творческую молодёжь, которая регулярно наведывалась в дом напротив храма Христа Спасителя. Пронина по праву называли одним из создателей русского Монмартра в Москве На этих вечерах, вместе со своими подругами, приветливой хозяйкой была и Вера. Девушки создавали уют, придумывали детали интерьера, угощали гостей чаем. Казалось, что красивой, скромной Верочке уготована роль вечной салонной хозяйки, украшательницы мужской богемы, ибо при всей чудесной гармонии её образа ни один талант не расцвёл в ней пышным цветом. Все в ней было мило, именно мило — и больше ничего…

В 1910 году прямо из актового зала, где кружился выпускной бал женской гимназии, Верочка выскочила замуж. Её избранником оказался молодой юрист Владимир Григорьевич Холодный, юноша из приличной, можно сказать, учёной семьи, в которой все дети выделялись своими способностями (людям, изучающим ботанику, наверняка знакомо имя Николая Холодного — учёного с мировым именем, родного брата мужа Веры). Молодой человек весь вечер читал Верочке стихи входящего в то

время в моду Гумилёва.

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.

Эти пленительные, грустные строчки были, несомненно, про Верочку. Она словно воплощала собой рифмы поэзии русского «серебряного века», её неземной образ напоминал Прекрасных Незнакомок, Таинственные Полумаски, Коломбин Блока, Северянина, Гумилёва. Она уже тогда была «лицом» десятых годов, но пока это увидел лишь гордый рыцарь Холодный.

Когда Верочка станет знаменитой киноактрисой, их союз, конечно, вызовет множество сплетен и пересудов. «Звезду» будут «отдавать» в любовницы всем её партнёрам, режиссёрам, продюсерам. Дело даже дойдёт до того, что родится легенда — будто в её смерти следует винить французского посланника Энно, который якобы прислал неверной любовнице отравленные белые лилии. Но даже если знаменитая актриса и была в чём-то грешна перед своим мужем, то на крепости их семьи это никоим образом не отразилось — они до смертного часа оставались супругами и воспитывали собственную дочь Евгению, родившуюся в 1912 году, и приёмную Нонну.

После свадьбы Вера ведёт обычную жизнь замужней дамы, сибаритскую, несколько беззаботную. И во всём полагается на хозяина семьи. Она, может быть, чуть больше, чем другие, посещает кинематограф, восхищаясь любимой американской актрисой Астой Нильсен, да ещё с удовольствием принимает участие в новом увлечении мужа — автоспортом. Не один раз чета Холодных терпела аварию в лихих гонках, но судьба хранила рисковых молодожёнов, а Верочке после спокойного, размеренного быта семейных будней казалось, что в свистящем ветре всплывают из памяти детские фантазии о морских приключениях. Для Владимира же автомобили стали не просто хобби, в 1912 году он основал первый в России автожурнал «Ауто».

Вера впервые пришла на киностудию в поисках заработка. Началась война, Владимир Григорьевич был призван в армию, а на руках нашей героини осталась мать с двумя малолетними сёстрами и две собственные крошки-дочери. В 1915 году режиссёр В. Гардин работал над фильмом «Анна Каренина». К нему и обратилась Вера Васильевна с просьбой, чтобы тот её снял. Гардин включил Холодную в группу «гостей на балу», но Вера вдруг потребовала: «Я получила три рубля за сегодняшний день, но меня это совсем не устраивает. Я хочу роль. Дайте мне

возможность поглядеть на себя не только в зеркале».

Режиссёр, подумав, согласился исполнить просьбу строптивицы. Женщина была хороша собой, почему бы не украсить её привлекательным лицом свой фильм. Вера получила крохотную роль кормилицы сына Анны Карениной. Но резюме Гардина после съёмок было однозначным: «Из неё ничего не выйдет». Чтобы отвязаться от назойливой статистки, Гардин дал Вере рекомендательное письмо к режиссёру фирмы «Ханжонков и К» Е.Ф. Бауэру. Бауэру и принадлежит честь открытия самой яркой «звезды» русского кино. Первая их совместная работа «Песнь торжествующей любви» по «таинственной повести» И.С. Тургенева — отмечена точным выбором сюжета для начинающей артистки. Чутьё художника не обмануло Бауэра: не искушённая даже малым театральным опытом, актриса как бы слилась с обликом тургеневской героини. Эта роль принесла огромную известность молодой актрисе. «Г-жа Холодная — ещё молодая в кинематографии артистка, но крупное дарование, и даже большой талант выявила она с первым же появлением своим на подмостках кинематографической сцены, — писали о ней в прессе. — Роль Елены она проводит бесподобно; глубокие душевные переживания, безмолвная покорность велениям непостижимой силы, — яркие контрасты чувства переданы без малейшей шаржировки, правдиво и талантливо…»

Чтобы «не прогореть», ателье Ханжонкова, одно из крупнейших в Европе, вынуждено было гнать ленту за лентой. За год работы Вера Холодная снялась в 13 фильмах. Этот бешеный ритм способствовал тому, что зритель имел возможность приглядеться, привыкнуть к новой актрисе. Буквально в кратчайшие сроки Холодная стала не только самой часто появляющейся на экранах актрисой, но и самой популярной. Ленты с её участием приносили баснословный доход, люди ходили «на Холодную», словно она одна могла дать отдохновение в волшебных грёзах экрана.

Летом 1915 года муж Холодной был тяжело ранен. Не обращая внимания на уговоры и опасения близких, оставив денежную работу, Вера отправляется на фронт. В госпитале восходящая звезда не отходила от постели раненого, и хотя надежд на выздоровление было мало, Вера Васильевна помогла вырвать мужа из объятий смерти.

По возвращении в Москву Холодная вновь погружается в каждодневные съёмки. Свет юпитеров слепит глаза, делает воздух на студии спёртым — нечем дышать, грим оплывает на лице, но фабрика кино не знает передышки. «Звезда» обязана была поддерживать свою популярность, выдавая «на гора» все новые и

новые фильмы.

Одним из самых значительных режиссёров в творчестве Веры Холодной стал П. Чардынин. Ему принадлежит легендарная лента «У камина», идея которой навеяна одноимённым романсом. Сюжет её прост: верная, любящая жена, поддавшись минутной слабости, изменяет мужу и расплачивается за это жизнью. Популярность фильма была невероятной и необъяснимой, особенно если учесть тот факт, что демонстрировался он в самые напряжённые месяцы социальных катаклизмов 1917 года. В некоторых городах лента шла в переполненных кинотеатрах по 100 дней кряду. Авторы вынуждены были снять продолжение понравившейся истории. Но так как без Холодной этого делать не имело смысла, а героиня Веры Васильевны в конце прошлого фильма умерла, то сценарист придумал хитроумный ход. Князь Пещерский, погубивший несчастную женщину в первой ленте, встретит на кладбище её двойника. Конечно же, события разворачиваются ещё более трагические, чем в фильме «У камина», и, конечно же, зритель с удвоенной силой штурмует кинотеатры. В Харькове при демонстрации ленты «Позабудь про камин — в нём погасли огни» (так назывался второй фильм) публика в очереди за билетами едва не разнесла вдребезги здание кинотеатра. Только подоспевший отряд конных драгун спас администрацию от разъярённых поклонников Веры Холодной.

В последние годы своей творческой деятельности актриса часто участвует в концертах. Однажды в гости к Вере зашёл солдат, принёсший ей письмо с фронта от мужа. Так они познакомились — Вера Холодная и Александр Вертинский. С «подачи» знаменитости никому не известный молодой певец получил возможность выступать в Театре миниатюр. Да и Вертинский не остался равнодушным к обаянию Веры. Множество прекрасных песен посвящены «королеве экрана» — «Лиловый негр», «В этом городе шумном…», «Где вы теперь?». С Вертинским Вера Васильевна часто выступала в госпиталях и на благотворительных концертах. Словно предвидя скорый конец актрисы, певец написал удивительную песню: «Ваши пальцы пахнут ладаном». Конечно, при жизни он не решился посвятить эти строки актрисе, но едва он получил телеграмму о смерти Холодной, как тут же сами собой на листе бумаге, где была записана песня, родились слова: «Памяти Веры…»

Она умерла в Одессе, куда студийная группа выехала на натурные съёмки. Умерла, простудившись на концертах, от «испанки» — тяжёлой формы гриппа. В её послужном списке около 40 лент, но, по некоторым данным, многие фильмы были

вывезены за границу владельцем кинофабрики Харитоновым, и потому исследователи предполагают, что фильмография Холодной, вполне возможно, составляет восемь десятков названий.

Веру Васильевну похоронили в Одессе, вернее, её тело было забальзамировано и помещено в часовенку на Христианском кладбище с тем, чтобы при более благоприятных обстоятельствах перевезти его в Москву, но обстоятельства так и не стали благоприятными, самый верный её друг и почитатель Владимир Григорьевич Холодный скончался спустя несколько месяцев после смерти жены. А гроб оставался в часовне до 1931 года, пока на месте кладбища, по обыкновению большевиков, не решили разбить парк. Тело Веры Васильевны исчезло.

Так, из материальных свидетельств её существования на этой земле остались лишь несколько десятков метров затёртой плёнки, на которой всплывают словно из небытия пронзительные, чарующие глаза Веры Холодной…

МЭРИ ПИКФОРД

(1893—1979)

Американская киноактриса. Мировую известность получили фильмы, в которых Пикфорд варьировала сентиментальный образ скромной, добродетельной девушки-подростка: «Бедная маленькая богачка», «Длинноногий папочка», «Полианна» и др.

Ни одна актриса немого кино не обладала такой славой и не вызывала у кинозрителей всех стран такой любви, как Мэри Пикфорд. Наверное, некоторые исполнительницы очаровывали своей красотой сильнее, чем наша героиня, и потрясали больше, чем она своим талантом, но никто не был так близок, понятен зрителю и так любим, как Мэри. Она была «своей в доску», простая и доступная, ничуть не похожая на «звезду». Голливудская реклама (да и сама Пикфорд) часто подчёркивали, что актриса играет самое себя, роль Золушки, чистой и наивной, пережившей фантастический взлёт от нищеты и безвестности к мировой славе и миллионным доходам. Весь образ существования Мэри в Голливуде был принесён в жертву «розовому» имиджу — Мэри не имела права посещать рестораны, носить эффектные драгоценности, надевать декольтированные платья. Ей, согласно юридическому договору с кинокомпанией «Феймос Плейерс», запрещалось бывать в обществе актрис, исполнявших роли слишком самостоятельных и легкомысленных женщин. Звезда и её образ должны были слиться в единое целое.

Маска Золушки вознесла Пикфорд на вершину славы, но, как в хорошем средневековом романе, она же и погубила её. Ни одна кинознаменитость не утратила своей популярности так бесповоротно и быстро, как Мэри. Всё рухнуло буквально в один момент.

Мэри Пикфорд (настоящее её имя Глэдис Мэри Смит), если так позволительно выразиться, детства не имела. В пятилетнем возрасте мать отдала малышку за небольшую плату на сцену, так как сама после смерти мужа не в состоянии была прокормить троих детей.

На детей существовал тогда большой спрос в театре, ибо подмостки заполняли «викторианские» семейные мелодрамы. Глэдис Мэри обычно доставались роли доброго наивного ребёнка, который мирит родителей, наставляет на путь истинный грешников. Одновременно девочка училась актёрскому мастерству и проходила тяжёлую житейскую школу.

Условия работы в театре были для ребёнка, мягко говоря,

неподходящими. Глэдис часто приходилось ездить на гастроли без матери, жить в грязных, холодных помещениях, на попечении равнодушных, иногда опустившихся людей. Она не знала игр с ребятишками, традиционных кукол, практически не училась в школе. Её мучили постоянные страхи совершить какую-нибудь ошибку и остаться без работы, а ведь она кормила всю семью. Много лет спустя Мэри Пикфорд рассказывала, что её до сих пор терзают ночные кошмары из театрального детства.

Суровое детство закалило характер юной примадонны. Она рано почувствовала свою силу, однажды потребовала у режиссёра главную детскую роль и получила её. Девочка ещё не умела читать и учила все роли со слов матери, но уже умела владеть зрительным залом; если случалось, что зрители шумели и болтали, она гордо поворачивалась к ним спиной и молчала, пока не воцарялась тишина.

В тринадцать лет Мэри была вполне профессиональной артисткой, которая к тому же имела значительный опыт по части театральной «выживаемости». Благодаря своему упорству она пробивается к знаменитому режиссёру и драматургу Дэвиду Беласко на лучшую сцену Соединённых Штатов. Именно по совету своего шефа Глэдис меняет банальную фамилию Смит на более звучную Пикфорд.

Теперь она выступает в крупных городах, с известными актёрами, в пьесах хорошего литературного качества и имеет некоторый успех. Но большого заработка престижная работа Мэри не принесла, и мать уговорила девочку попробовать себя в кино.

Надо сказать, что «великий немой» на заре своей юности считался весьма неприличным занятием, тем более для актрисы, играющей у самого Беласко. Но в кино хорошо платили, и испуганная Мэри пробиралась к студии, оглядываясь по сторонам — не видит ли её кто-нибудь из знакомых.

Дебют состоялся, можно сказать, молниеносно. Так как Пикфорд была мала ростом, ей дали роль десятилетней девочки в фильме «Её первые бисквиты», который сняли буквально в два дня. Это произошло в марте 1909 года. Кинематограф переживал тогда пору детства. На студиях не принято было репетировать, фильмы состояли из одной части и демонстрировались всего десять минут. Но Мэри повезло. В первой же ленте она столкнулась с будущим великим режиссёром Дэвидом Гриффитом, который нарушал неписаные правила кинопроцесса того времени — он работал с актёрами. Молодая актриса нравилась Гриффиту своей свежестью, пластичностью, профессионализмом, но он требовал предельной правдивости

исполнения, особого экранного способа существования. При этом, добиваясь от актёра искренности, режиссёр не считал зазорным закричать или зло пошутить. Однажды, желая выжать из Мэри слезы, Гриффит стал её грубо трясти, приговаривая, что она не актриса, а пень. Оскорблённая Мэри, закалённая в театральных «боях», не заплакала, а укусила режиссёра и убежала со съёмочной площадки, заявив, что уходит из кино. Режиссёр бросился за пятнадцатилетней актрисой и трогательно извинился. Вот тогда она заплакала, Гриффит немедленно велел снимать, получилась великолепнейшая сцена.

С Гриффитом Мэри прошла интересный путь многих открытий в кино. Режиссёр любил импровизации прямо на съёмках, и в ней он нашёл блестящий и смелый талант. Работая над фильмом «Строптивая Пегги», в котором Мэри играла роль девушки, которую мать насильно выдаёт замуж за старика, наша героиня чистосердечно поделилась с Гриффитом, что задала бы такой родительнице хорошую трёпку. Режиссёр предложил попробовать — получилась живая сцена, ставшая одним из лучших эпизодов в фильме. Гриффит ломал и другие рамки, успевшие сложиться в кинематографе. Так, хозяева студии были возмущены, когда он в фильме «Друзья» (1911) показал Мэри крупным планом, что оказалось невиданным новшеством. Бизнесмены заявили: мы слишком много платим актрисе, чтобы показывать её не целиком, а по частям.

Элита искусства по-прежнему презирала кино. Сохранился интересный документ — письмо известного драматурга, актёра Уильяма Де Милля, написанное брату в 1911 году: «Я помню, как ты верил в её (имеется в виду Мэри Пикфорд. — Авт.) будущее… а теперь она выбросила свою карьеру в мусорный ящик и закопала себя в этом дешёвом виде развлечений, в котором я не вижу ничего достойного внимания. Эти скачущие картинки никогда не принесут настоящих денег, и конечно, нельзя ожидать, чтобы они превратились в нечто такое, что при самом буйном воображении можно было бы назвать искусством». Да, фантазия у театрального драматурга того времени оказалась небогатой.

Кинематограф взрослел не по дням, а по часам, Мэри становилась любимицей публики, и зарабатывала она теперь столько, сколько не снилось самому знаменитому театральному премьеру. К 1912 году Пикфорд окончательно порвала со сценой. В кино за нею закрепляется амплуа Золушки, наивной, благородной и очень юной. Первый ошеломляющий успех ей приносит фильм «Тэсс из страны бурь» (1914). Картина спасает фирму от банкротства, а Мэри Пикфорд получает странный, но почётный титул, который был придуман специально для неё —

«Возлюбленная Америки».

Тэсс — Мэри — юная девушка из очень бедной, простой семьи, смешно одетая. Но знаменитые локоны, прекрасные лучистые глаза и милое кукольное личико (этот тип красоты был очень популярен) придают Тэсс всепобеждающую прелесть. На её долю выпадают тяжёлые испытания. Она живёт одна-одинёшенька в бедной хижине, потому что отца несправедливо арестовали. Затем появляется красивый молодой адвокат, который обещает помочь отцу: молодые люди, конечно же, без памяти влюбляются друг в друга. Но Тэсс по доброте сердца спасает от самоубийства женщину, которая забеременела и, скрывая от сурового отца свой проступок, отдала Тэсс своего ребёнка. Соседи посчитали Тэсс матерью этого ребёнка, и понятно, что влюблённый адвокат не может простить Тэсс обмана. Несмотря на все страдания героиня продолжает преданно ухаживать за малышом и свято хранит доверенную ей тайну. Конечно, все завершает традиционный «хеппи энд» — отца оправдывают, а молодой человек возвращается к Тэсс.

По этой же слезливой схеме строился фильм «Длинноногий папочка» (1919), в котором Пикфорд играла сиротку, завоевавшую сердце красивого богача, «Полианна» и другие. Голливуд стремительно выкачивал деньги из понравившегося американцам образа.

В годы славы Мэри была одинакова во всех лентах. «Я всегда играю одну роль, эта роль — я, Мэри Пикфорд», — любила она повторять. Она также заявляла, что, поскольку была лишена детства, её привлекала возможность показать на экране непрожитое ею. Вместе с тем было бы неверным полностью отождествлять образ Золушки с действительным характером Мэри. Она отнюдь не была так наивна, как её героини, так романтична и безвольна. Она имела трезвый, расчётливый ум и если однажды поступила безрассудно, то лишь по молодости. В шестнадцать лет Пикфорд «выскочила» замуж за красавца-киноактёра Оуэна Мура, неудачника и большого любителя выпить. Брак этот вскоре закончился разводом. Но это был единственный опрометчивый поступок в её жизни.

Мировой успех Пикфорд становится поистине грандиозным. Когда осенью 1923 года Мэри прибыла в Англию, школьники потребовали прервать занятия, чтобы её встретить. В стране были отменены все спортивные состязания. Навстречу пароходу, которым она прибывала, был выслан правительственный почётный эскорт самолётов.

Мэри Пикфорд, несомненно, была хорошей актрисой, но не гениальной. Безмерную популярность ей принёс не редкий

талант, а банальный образ Золушки, в который она с блеском вписалась. Она стала «героиней своего времени», и ей пришлось расплачиваться за это.

После Первой мировой войны резко стали меняться вкусы публики, рушилась вера в незыблемые моральные ценности, идеализм теперь вызывал усмешку, а наивная добродетель — раздражение. Мэри стремительно теряла популярность, её образ Золушки в один миг превратился в старомодный. Кроме того, после двадцати пяти актрисе все труднее и труднее стало имитировать подростка. Пикфорд понимала: надо делать что-то другое. Она пыталась уйти от штампа, но маска приросла к ней уже навечно.

В 1918 году Мэри создала в картине «Звезда морей» два совершенно разных образа — обычную прелестную Золушку и некрасивую, жалкую, маленькую подёнщицу. Хозяин фирмы испугался, что зрители увидят актрису в столь непривлекательном виде. Его успокоили, что подёнщица умрёт в середине фильма. «Чем скорее, тем лучше», — сказал он и оказался прав. Зрители не приняли эту героиню, как не приняли они и другие многочисленные эксперименты Пикфорд по смене амплуа.

В годы творческого кризиса Мэри путешествует по миру вместе с Дугласом Фербенксом, который в 1920 году стал её мужем. Посетили они и Советский Союз, где их тепло встречали тысячные толпы. Сохранился даже комедийный фильм, где Пикфорд снялась с Игорем Ильинским, — «Поцелуй Мэри», рассказывающий о незадачливом билетёре, который стал знаменитым, так как на его щеке остался след поцелуя накрашенных губок знаменитой актрисы.

После целой эры блистательных успехов на Пикфорд обрушиваются несчастья. Особенно тяжёлым стал период конца 1920-х годов. От рака умирает горячо любимая мать Мэри, лучший её друг и помощник. Другой любимый человек, Дуглас Фербенкс, покидает её, это становится достоянием прессы и широко муссируется среди обывателей. В сорок лет Мэри остаётся совершенно одинокой и забытой после стольких лет славы и успеха. Однако маленькая женщина не зря столько лет провела на сцене и в Голливуде: она научилась бороться с провалами.

В 1937 году Пикфорд выходит замуж в третий раз за бывшего киноактёра, ставшего известным дирижёром, Ч.-Э. Роджерса. Она усыновляет двоих приютских малышей и становится доброй матерью и хорошей женой. Мэри не позволила обстоятельствам восторжествовать над собой, она не спилась, не заболела, не

опустилась. И хотя последний раз она снялась в фильме в 1933 году, всю последующую долгую жизнь Пикфорд не прекращает активной деятельности — она много читает, учится (прежде на это не было времени), выступает в радиопередачах, занимается коммерческими делами в кино и благотворительностью: благодаря ей создаётся фонд помощи престарелым киноработникам.

В своей автобиографии Мэри Пикфорд рассказала, что во время Второй мировой войны она была приглашена на родину, в Торонто, на встречу с учащимися авиашколы, которых отправляли на фронт. Восемьсот молодых людей, бывших детьми, когда она уже перестала сниматься, пропели «Позволь мне назвать тебя своей возлюбленной». Её поразило это свидетельство того, что легенда о Золушке — «возлюбленной Америки» — продолжает жить.

ЭСФИРЬ ИЛЬИНИЧНА ШУБ

(1894—1959)

Советский кинорежиссёр, заслуженная артистка РСФСР. Автор документальных фильмов «Падение династии Романовых» (1927), «Страна Советов» (1937), «Испания» (1939) и др.

"Вот мы видим стол разводов. Над ним, как насмешка, висит плакат: «Гигиена брака».

Пришёл хмурый мужчина. Его жена уехала с другим. Он требует развода.

Готово. Ей будет послано извещение.

Вот ещё пришли двое. Молодые. Беременна.

Готово. Какую фамилию сохраняете?"

Это не строки из фельетона советских времён, это эпизод из сценария так и не созданного фильма «Женщины» Эсфири Шуб, причём, заметим, фильма документального.

В тридцатые годы, уже будучи известным режиссёром, Эсфирь пытается осмыслить судьбу женщины в родной стране, средствами кинематографа она хочет нарисовать обобщённый портрет «девчат» её времени. Где-то внутри, подспудно её творческое начало требует глубокого осознания вечных человеческих проблем, настоящих ценностей, но увы… Из-под пера выходит очередной миф, схема идеального робота, призванного служить Великому Государству.

Эсфирь, как и многие «железные женщины», её современницы, была подлинной дочерью революции. Уроженка Черниговской губернии, она происходила из местечковой еврейской семьи и, конечно, испытала все тяготы подобного положения. Только личное вмешательство отца позволило Эсфирь стать слушательницей Московских высших женских курсов. В качестве будущей специальности Шуб выбрала русскую литературу. Вместо сердечных курсистки того времени занимались смутами общественными. Не стала исключением и юная Эсфирь, азартно ринувшаяся в назревающий революционный вихрь. С подружками они шептались о подпольных организациях, трепетно, но весьма неопределённо обсуждали «борьбу за свободу». «"Пуришкевич" — было самым обидным словом», — вспоминала позже Эсфирь. Её самым любимым поэтом стал Маяковский, необычный, такой «свой», такой современный.

После революции Эсфирь со своим гуманитарным образованием оказалась в затруднительном положении. Таковые

специалисты молодому социалистическому государству не требовались, и девушка от нечего делать стала исправно посещать занятия пролетарских поэтов. Было, конечно, интересно — стихосложение преподавал сам Андрей Белый, но вскоре Эсфирь поняла, что и здесь её способности и наклонности вряд ли пригодятся. Она не писала стихов, не интересовалась теорией искусства, не пробовала себя в критике. Было от чего впасть в уныние.

Эсфирь спасло только то, что столица решением новой власти переехала из Петрограда в Москву, и на этой почве, как грибы после дождя, стали множиться разнообразные бюрократические организации. В одну из них — Театральный отдел Наркомпроса (ТЕО) — и направила свои стопы Эсфирь в поисках работы.

Осенью 1918 года Шуб зачислили в штат ТЕО на должность секретарши. Каких только деятелей русской культуры не перевидала тогда Эсфирь! И Станиславский, и Маяковский, и Мейерхольд, и Есенин, и даже сам Федор Шаляпин пожаловал однажды в Наркомпрос в широкополой фетровой шляпе. Однажды в ТЕО заглянул и Сергей Михайлович Эйзенштейн. Он желал поступить художником в театр и стать учеником Мейерхольда. Эсфирь поделилась с молодым человеком своей мечтой о кинематографе. Эта таинственная муза постепенно все больше и больше притягивала к себе девушку. Эсфирь казалось, да так оно, вероятно, тогда и было, что кино — единственное искусство, которое может передать напряжённую динамику революции, что только оно утолит её жажду быть на переднем крае жизни, в гуще событий. Эйзенштейн слушал Эсфирь заинтересованно, хотя по-прежнему продолжал бредить театром. Последнее обстоятельство, правда, не помешало ему уже скоро изменить любимой музе, а с Шуб они стали друзьями на долгие годы.

Итак, в 1922 году Эсфирь пришла в фотокиноотдел, вскоре реорганизованный в Госкино, и попросилась на должность заведующей перемонтажом и редактором надписей фильмов. Она мало себе представляла новую работу, но на этот раз интуиция Шуб не подвела. Это, как оказалось впоследствии, для неё стало самым верным жизненным решением.

Пример Эсфирь Шуб, её жизненный успех, можно смело представить как иллюстрацию давно затёртого выражения: не место красит человека… Вот уж поистине, чего могла ожидать молодая женщина на такой скромной должности? Не актриса, не режиссёр, не оператор и даже не в съёмочной группе, где всё-таки сохранялись бы надежды обрести перспективные знакомства.

Эсфирь каждый день приходила в полутёмную комнатку с монтажным столом в углу, брала ножницы и в одиночестве или с напарницей принималась за плёнку. Прокатные конторы Госкино были полны отечественных и зарубежных фильмов, плохо, кустарно смонтированных в «ателье», либо с такими сюжетами, которые, по разумению советской цензуры, требовали значительных купюр.

Первым фильмом, подготовленным Эсфирь к прокату, был авантюристический американский детектив, чуть ли не в пятидесяти роликах — «Серая тень». В руках Шуб перебывали десятки ковбойских, комедийных, приключенческих, драматических лент, которые она с яростным азартом резала и склеивала по-своему, сочиняла заново сюжеты. В запасниках проката Эсфирь разыскала маленькие ролики с участием Чарли Чаплина. Массовый зритель в России в начале 1920-х годов почти не знал этого имени. Шуб с восторгом отсмотрела найденные кадры и собрала из разрозненных роликов сюжет, пародирующий оперу «Кармен», сама придумала надписи, и успех превзошёл все ожидания. Зрители много смеялись, валом валили посмотреть на новую звезду, и это был едва ли не первый фильм на советском экране с участием Чарли Чаплина.

Эсфирь настолько увлеклась новым делом, что принесла в собственную квартиру монтажный стол, маленький проекционный аппарат, короткие ролики из разных фильмов и по вечерам с энтузиазмом создавала новые этюды, причудливо склеивая кадры. Часто к Эсфирь захаживал и Эйзенштейн, который в то время служил в Пролеткульте театральным режиссёром, и тогда они сообща принимались кромсать плёнку, не замечая, за этим весёлым занятием как бежит время. Однажды они вместе с Сергеем Михайловичем перемонтировали многосерийный немецкий фильм «Доктор Мабузо», который с успехом пошёл в прокате.

Постепенно за монтажным столом Эсфирь Шуб становится признанным профессионалом, к ней идут за советом, она развила в себе феноменальную память на кадры, научилась видеть тончайшие переходы планов и слышать особую гармонию кинематографического ритма, но самое главное, она поняла магическую силу ножниц. В кино все ещё начиналось, ещё не были сняты фильмы великими итальянцами, ещё не изощрялись в спецэффектах голливудцы, — да что там! — ещё «великий немой» не заговорил. Сколько открытий ждало того, кто брал в руки съёмочную камеру и садился за монтажный стол! Эсфирь изучала неизведанную территорию кино с огромным интересом, каждый день изобретая что-то новое.

Она стала посещать лабораторные занятия мастерской Кулешова, который к тому времени уже был признанным в мире экспериментатором в монтаже, и вскоре Эсфирь перевели на новую работу в настоящую киностудию. Теперь она больше не собирала фильмы из разрозненных кусков. Впервые она держала в руках плёнку со многими дублями, снятую по сценарию, впервые она имела дело с режиссёрами, стремясь воплотить их замысел. Во время работы над фильмом режиссёра В. Шкловского «Крылья холопа» Эсфирь обратила внимание на выражение глаз артиста Леонидова, когда вспыхивала осветительная аппаратура. Обычно этот «рабочий» метраж отрезался в процессе монтажа, но взгляд Леонидова в этих кадрах потрясал своей достоверностью и трагической силой, и Эсфирь задумала использовать их для выявления смыслового рисунка роли Ивана Грозного. Предложение Шуб с восторгом принял режиссёр, с тех пор Эсфирь стали приглашать в павильон во время съёмок и советоваться с ней.

Наконец-то Эйзенштейн оставил театр и предложил Шуб работать над режиссёрским сценарием своего первого фильма «Стачка». Казалось, судьба Шуб в кинематографе определялась наилучшим образом, она могла бы удачно сотрудничать с талантливым режиссёром, самой снимать игровые фильмы. Но Эсфирь искала свой путь, её неудержимо влекло всё, что было связано с самой живой, горячей действительностью. Она познакомилась с Дзигой Вертовым, который в конечном счёте, и помог ей выбрать своё место в кинематографе. Этот талантливый новатор и изобретатель искал новые средства выражения в хронике, в кинодокументе, и именно документальное кино увлекло Шуб.

Надо сказать, что к неигровым фильмам в те годы было отношение весьма пренебрежительное. Конечно, уже все понимали, сколь бесценны кадры хроники, запечатлевшие великие исторические события или знаменитых людей, но нельзя же к документу относиться как к произведению искусства, нельзя же, в самом деле, с помощью документа выразить собственные взгляды. Но, посмотрев фильм Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин», Эсфирь, потрясённая, задумалась: а разве невозможно о той же истории рассказать художественно, без помощи актёров, с реальными действующими лицами. Шуб часами просматривала хоть и некачественные, но такие захватывающие хроникальные кадры дореволюционной России, Первой мировой войны, февральского переворота. Эти истёртые плёнки волновали Эсфирь, заставляли лихорадочно мыслить, придумывался сценарий о великой эпопее России в начале века. Неожиданно

Шуб узнала, что последний царь Николай II имел своего кинооператора и много снимался. Как найти эти хроники? Кто даст время на их поиск?

В сомнениях Эсфирь обратилась к директору студии Трайнину, объяснив ему свой грандиозный замысел. Но директор был человек трезвомыслящий. Он не представлял себе, как можно из разрозненных кусков хроники, снятых в разные годы, сделать осмысленный фильм. Это ещё никому не удавалось. И лишь благодаря упорству и настойчивости Шуб, Трайнина всё-таки удалось переубедить, разрешение было получено.

В конце лета 1926 года Эсфирь едет в Ленинград и с огромным трудом разыскивает киноархив бывшего царя. Шестьдесят тысяч метров плёнки за два месяца просмотрела она, пять тысяч выбрала для фильма. Готовая картина в семи частях имела тысячу семьсот метров. Директор студии сам дал название новому фильму «Падение династии Романовых» и сам же придумал большой плакат для рекламы: двуглавый орёл, накрест зачёркнутый двумя толстыми красными линиями.

Фильм, смонтированный только из хроникальных кадров, нёс в себе огромный эмоциональный накал, он стал началом мифологической летописи о Великом Государстве и имел колоссальный успех у зрителей не только в стране, но и далеко за её пределами. Эсфирь Шуб создала невиданный доселе в мировом кино жанр.

ФАИНА ГЕОРГИЕВНА РАНЕВСКАЯ

(1896—1984)

Советская актриса, народная артистка СССР (1961). В театре служила с 1915 года. В 1949—1955 годах и с 1963 года играла в театре им. Моссовета. Её героини — Васса («Васса Железнова» М. Горького), Берди («Лисички» Л. Хелман), Люси Купер («Дальше тишина» В. Дельмар) и др. Снималась в фильмах «Подкидыш», «Мечта», «Весна» и др. Лауреат Государственной премии СССР (1949, 1951).

Она всегда была не похожа ни на кого, всегда неповторима, необычна. Даже в юности. В пятнадцать лет. Когда девчонки-подростки стремятся подражать взрослым. Когда человек так незащищен, что по застенчивости старается не выделяться из общего фона сверстников. Фаина Раневская всегда была уникальна. И хотя стеснительность тоже одолевала юную Фаину, на девочку с огромными лучистыми глазами, длинной рыжеватой косой, непропорционально длинными руками и ногами трудно было не обратить внимания. И взрослые невольно останавливали взгляд на этом странном, покрасневшем от смущения существе. И какие взрослые!

В ранней юности Фаина подружилась со знаменитой актрисой Алисой Коонен, подолгу жила у прославленной балерины Екатерины Гельцер. Какой же силой обаяния, какой энергией нужно было обладать, чтобы заинтересовать таких избалованных славой и поклонением женщин! Но тем не менее ни в одну театральную школу Раневскую не приняли, как неспособную. Спустя много лет Фаина Георгиевна сказала: «Первое впечатление от театра — потрясение. А профессию я не выбирала: она во мне таилась».

Раневская начала свою трудовую жизнь на провинциальных сценах, не имея специального образования. Фаина Георгиевна не любила рассказывать об этом периоде жизни, но с удовольствием вспоминала о том, что, играя в Малаховке в паре со знаменитым Певцовым в спектакле «Тот, кто получает пощёчины», вместо «пощёчины» получила серьёзный аванс от актёра: «Она будет актрисой настоящей». Но самой большой удачей этих «провинциальных» лет стала для Раневской встреча с Павлой Леонтьевной Вульф, которая определила становление Фаины Георгиевны как актрисы. Вульф называли «провинциальной Комиссаржевской», очевидно, потому, что она переиграла в русских глубинках весь репертуар своей великой современницы и

подруги, и тем стала чрезвычайно популярной у провинциальной публики.

Чутьём большого художника Вульф, увидев нескладную, смешную, высокую Фаину на спектакле в Симферополе, угадала в ней талант и пригласила её к себе. Раневская явилась в номер к знаменитой артистке, не помня себя от смущения. Для начала Фаина уселась на журнальный столик вместо стула, но непринуждённое обращение, ласковый тон Вульф вернули девушке самообладание. Получив от Павлы Леонтьевны задание приготовить несколько отрывков пьес, идущих в театре, Раневская через несколько дней уже показывала свои заготовки. Вульф была довольна — она не ошиблась — девушка необычайно талантлива. Уроки у Павлы Леонтьевны стали, по сути дела, единственными «театральными университетами» Раневской. Несмотря на разницу в возрасте (шестнадцать лет), отношения ученицы и учительницы переросли в крепкую, верную дружбу на всю жизнь. Вульф до смерти оставалась самым авторитетным, строгим, да и, по-видимому, самым действенным критиком Фаины Георгиевны. Бывало, после очередной премьеры, разгорячённая успехом, Раневская радостно спрашивала, надеясь на похвалу: «Ну как, мама?» А в ответ слышалось суровое: «Ты можешь и лучше!»

Возможно, именно от аскетичной скромности старой русской актрисы передалось Фаине Георгиевне вечное недовольство сделанным, постоянные внутренние сомнения в своём таланте. Многие современники, работавшие вместе с Раневской, обязательно вспоминают её сокрушительные вздохи после каждого спектакля: «Сегодня я так дурно играла. Я никогда так плохо не играла». Обычно коллеги пытались утешить, да и восторг зрителей говорил об обратном, но она панически боялась уронить планку своего мастерства, она мучительно страдала от бесплодных опасений оказаться несостоятельной, и потому её метания не представлялись банальным кокетством, желанием напроситься на комплимент. Это было и не совсем честолюбие, скорее — обычная неудовлетворённость таланта и высокое, усвоенное ещё с молоком матери понимание предназначения и долга актёра. Хотя честолюбие ей, как и всякому творцу, было отнюдь не чуждо. Если кто-либо из молодых актёров простодушно соглашался: «Да-да, Фаина Георгиевна, сегодня, действительно, вы играли хуже», — она тут же сражала непутёвого гневным взглядом: «Кто это такой? Прочь его».

Уже не юной девушкой Раневская попала на столичную сцену, но дебют запомнился. Таиров пригласил неизвестную провинциальную актрису на роль Зинки в спектакле «Патетическая соната» и не ошибся. «Да, я испорчена

Таировым, — вспоминала Фаина Георгиевна. — Была провинциальной актрисой, служила в Ташкенте, и вдруг Александр Яковлевич пригласил меня на роль… Вся труппа сидела в зале, а я что-то делала на сцене — ужасно, чудовищно, по-моему, все переглядывались, пожимали плечами. Таиров молчал. Так было день, второй, третий. Потом вдруг в мёртвом зале Александр Яковлевич сказал: „Молодец! Отлично! Видите, какая она молодец, как работает! Учитесь!“ У меня выросли крылья…»

Феномен Раневской невозможно постичь. Вся её личность состоит из парадоксов и недоговоренностей. Её роли запомнились широкой публике в основном по небольшим эпизодам в кино, но слава её при этом была поистине всенародной. Она сама придумала знаменитую фразу в сценарии «Подкидыша» — «Муля, не нервируй меня», и очень гордилась этим. Конечно, Раневская понимала, что собственное её творчество уже становится фольклорным, почти безавторским, да и вся её жизнь вскоре превратилась в клубок ярких анекдотов, остроумных выражений, хлёсткого народного юмора. Фаина Георгиевна была искрометно талантлива в любой роли, но она и судьбу свою выстроила значительно, талантливо, как-то даже царственно-расточительно. Кому же в голову придёт говорить о Раневской в контексте времени? Кому в голову придёт писать о трагедиях сталинского террора, вспоминая актрису? А ведь она дружила с Ахматовой, первая пришла к поэтессе, когда вышло постановление 1946 года, позорящее Анну Андреевну. «Я испугалась её бледности, синих губ, — рассказывала Раневская о том страшном дне. — В доме было пусто. Пунинская родня сбежала… Молчали мы обе. Хотела её напоить чаем — отказалась. В доме не было ничего съестного. Я помчалась в лавку, купила что-то нужное, хотела её кормить. Она лежала, её знобило. Есть отказалась. Это день её и моей муки за неё и страха за неё». Помощь изгоям автоматически делала при сталинском режиме помогавшего «прокажённым», но за Раневскую почему-то не опасаешься, словно все эти страсти бушевали за толстыми стенами её королевского замка. Трагедия Ахматовой? — Да! Трагедия Цветаевой? — Да! Но имя Раневской не вписывается ни в какую трагедию, оно — вневременно. Но нельзя же в самом деле всерьёз обсуждать адаптацию Иванушки-дурачка в социуме, да ещё в конкретном. Так и Раневская жила, словно простоватая героиня сказки, забавная «городская сумасшедшая», как её героиня-домработница из фильма «Весна». Однажды она сказала: «У меня хватило ума глупо прожить жизнь». Именно эта кажущаяся неуязвимость в жизни, в кино, на сцене стала мощным

стимулом её популярности.

Пожалуй, лишь однажды в кино ей удалось обнаружить мощные трагедийные основы своего дарования. Роль Розы Скороход в «Мечте» Михаила Ромма, роль грубой, алчной хозяйки захудалого пансиона, жалкой в безмерной любви к своему сыну — подлецу и пустышке, принадлежит к числу шедевров мировых кинообразов. Ростислав Плятт, игравший вместе с Раневской в фильме, вспоминал, что Фаина Георгиевна была в то время молодой женщиной, с гибкой и худой фигурой. Но она представляла свою героиню массивной, тяжёлой. И актриса нашла «слоновьи» ноги и трудную поступь, для чего перед каждой съёмкой обматывала ноги бинтами.

В 1944 году один из американских журналов написал о фильме: «В Белом доме картину видел президент Соединённых Штатов Америки Рузвельт; он сказал: „„Мечта“, Раневская, очень талантливо. На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская — блестящая трагическая актриса“». По воспоминаниям жены Драйзера, известный писатель тоже был потрясён игрой Фаины Георгиевны. Словом, появись такое дарование в одной из западных стран, оно, несомненно, затмило бы своей славой саму Сару Бернар, но «железный занавес» Советов так и оставил гениальную Раневскую без должного восхищения, которого она заслуживала.

Известно, что Раневская взяла псевдоним героини «Вишнёвого сада» своего любимого Чехова. Однажды Фаина Георгиевна сказала: «Когда я теперь вспоминаю детство, ничего не вспоминаю радостного. Вспоминаю: „Умер Чехов…“». Известно, что семья актрисы уехала из России, и Раневскую часто спрашивали, почему же она осталась. Она отвечала, что не мыслит жизни без театра, а то что лучше русского театра ничего нет — в этом она была уверена. «Но не это главное. Возможно ли оставить землю, где похоронен Пушкин и где каждое дуновение ветра наполнено страданием и талантом твоих предков! Это ощущение Родины — моя жизнь».

Пушкин — целая глава её жизни. «Я уже давно ничего не читаю. Я перечитываю. И все Пушкина, Пушкина, Пушкина… Мне даже приснилось, что он входит и говорит: „Как ты мне, старая дура, надоела“». Портрет Пушкина занимал в комнате Раневской самое видное место. Томик поэта буквально сопровождал её всюду, он непременно должен быть под рукой, когда она направлялась завтракать, когда садилась в кресло у телефона. И ни один разговор с друзьями не обходился без пушкинской темы. Парадокс заключался в том, что великий поэт был для актрисы и недоступным солнцем и самым близким человеком. Она до боли,

до страсти любила русскую культуру, и Пушкин стал для неё олицетворением, живым воплощением всего гениального, что было на попранной, истерзанной родине. Рискнём сказать, что она «жалела» Россию так, как жалела все живое — собак, насекомых, людей.

Легенды рассказывают о её бескорыстии и расточительности. Получив однажды гонорар за фильм, Раневская напугалась большой пачки купюр и бросилась в театр. Она встречала своих знакомых за кулисами и спрашивала, нужны ли им деньги на что-нибудь. Тот взял на штаны, этот — на обувь, а та — на материю. Когда Фаина Георгиевна вспомнила, что ей тоже, пожалуй, не мешает что-нибудь прикупить, было уже поздно. «И ведь раздала совсем не тем, кому хотела», — огорчалась она потом.

В конце 1930-х Раневская, получив в театре зарплату, отправилась к Марине Цветаевой. Вытащив пачку, она хотела разделить её поровну, однако рассеянная поэтесса не углядела жеста и взяла всю пачку.

«Фаина, спасибо, я знала, что вы добрая!»

Однако дома Раневскую ждала куча нахлебников, поэтому она решила продать своё колечко. «Какое счастье, что я не успела поделиться пополам, что отдала все! После её смерти на душе чувство страшной вины за то, что случилось в Елабуге».

Все, кто бывал у Раневской дома, обязательно отмечали, как трогательно относилась старая артистка к своему подобранному на улице с поломанной лапой псу Мальчику. Соседка рассказывала, что, войдя к ней однажды, обнаружила её неподвижно сидящей в кресле — на открытой ладони лежала не подающая признаков жизни муха. Как выяснилось, муха залетела в молоко, и Раневская ждала, чтобы муха обсохла и улетела.

До обидного мало сыграла Фаина Георгиевна в театре. В конце жизни она страдала от невысказанности, невоплощенности. Режиссёры, директора театров, работавшие с Раневской, в один голос утверждают, что причиной тому была её несгибаемая требовательность. Она ни за что не соглашалась играть то, к чему не лежало её сердце. Некоторые упрекали актрису в несносном характере, в мелочных придирках, в несдержанности, но виной всему было её органическое неприятие распущенности, лености, равнодушия в театре. Сама она, легко относившаяся к неустройствам быта, в профессии демонстрировала чудеса педантичности, деловитости, ответственности. Никогда не позволяла переписывать для неё роль: сама аккуратно, медленно в школьную тетрадочку, скрупулёзно переносила слова автора. Кстати, не терпела, когда актёры вольно обращались с текстом, перевирая его. На спектакль неизменно приходила за два часа,

тщательно гримировалась, никогда не отвлекаясь на пустые шутки, никчёмные разговоры. Конечно, она была актрисой «от Бога», актрисой, о которых Станиславский говорил, что им его система не нужна, и всё же, какой поразительной самодисциплиной обладала Раневская, как уважала она публику. Фаина Георгиевна не работала, она служила в театре.

19 октября 1983 года Раневская навсегда оставила сцену, оставила буднично, без проводов и речей, просто уведомив о своём решении директора театра им. Моссовета.

Однажды её уговаривали публично отметить солидный восьмидесятилетний юбилей. «Нет, — решительно отказалась она. — Вы мне сейчас наговорите речей. А что же вы будете говорить на моих похоронах?»

ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА ЧЕХОВА

(1897—1980)

Артистка кино и театра. Работала в фашистской Германии.

Фамилия этой женщины, безусловно, создала вокруг неё неповторимый ореол причастности к самой высокой элите российской интеллигенции. Не будь этой магии великого писателя Антона Чехова и не менее великого актёра Михаила Чехова, которому наша героиня доводилась первой женой, возможно, для наших соотечественников Ольга Константиновна осталась бы навсегда всего лишь мелькнувшей на европейском экране заграничной довоенной звездой, и помнили бы о ней только киноведы. Но, к счастью, ей повезло с рождением. А впрочем, и сама она оказалась весьма достойной носительницей знаменитой фамилии — прекрасной актрисой, обольстительной женщиной и особой с сильным цельным характером. Человеком с загадочной, двойной жизнью…

Её отец, Константин Книппер, занимал пост министра путей сообщения и принадлежал к числу российских чиновников, которые гордились знакомствами с лучшими умами родного отечества. Как-то, перечитывая письма своего возлюбленного немецкого лётчика, погибшего во время войны, она заметила: «Когда я читаю эти строки, передо мной появляются картины моего детства. Я вижу Льва Толстого, как он посмотрел на меня во время той незабываемой прогулки. И сказал: „Ты должна ненавидеть войну и тех, кто её ведёт…“»

Но ещё более яркие воспоминания детства связаны у нашей героини с другим почитаемым русским писателем. Болен младший брат Ольги — будущий композитор Лев Книппер, автор песни «Полюшко-поле». Он лежит в затемнённой комнате в корсете, двигаться ему нельзя.

"Около кровати сидит врач. Он ласково говорит с Лео и показывает ему маленький граммофон, который принёс с собой. Лео улыбается радостно и благодарно, несмотря на боль. Он невероятно музыкален. Врач это знает. Граммофон является одним из средств терапии.

Доктор строен, его овальное лицо обрамлено тёмными волосами и красивой бородкой. Его глаза сияют необычайным блеском. Это мужественное сияние помогает пациентам больше, чем медицина. Он хорошо знает детское сердце и не прописывает таблетки, которые трудно глотать, но все любят принимать его капли…

Этот доктор — знаменитый писатель Антон Палович Чехов — мой дядя".

Но на самом деле, Чехов не был дядей Ольги — он всего лишь женился на её тётке — известной в русском театре актрисе Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой. Во время одного из приездов к обожаемой тёте в Москву, зимой 1914 года, семнадцатилетняя Ольга Константиновна обвенчалась тайком с племянником писателя — Михаилом Чеховым. Узнав об этом, Ольга Леонардовна, — её называли в семье «первой Ольгой», — женщина властная и капризная, разгневалась и бросилась в дом новоиспечённого жениха. «Ей открыла дверь племянница Оля. При виде её Ольга Леонардовна упала в обморок, — писала одна из очевидцев этой сцены. — Уж не знаю, действительно ли ей стало нехорошо, или она потеряла сознание „по системе Станиславского“ — так или иначе она упала тут же, на лестничной площадке. Оля, испугавшись за тётку, свалилась с ней рядом. Прибежавшая на шум мать Миши, Наталья Александровна, женщина слабая и нервная, упала тоже. И бедный Миша должен был перетаскивать трех дам в квартиру…»

В августе 1915 года у Михаила и Ольги родилась дочь, но их брак не был счастливым. Да и разве могло быть иначе, если оба очень честолюбивы и очень молоды?

Оленьку с детства тоже прочили в актрисы. Не без гордости, да и, честно говоря, почти на уровне легенды приводит наша героиня рассказ о посещении их дома гастролировавшей в то время в Петербурге Элеонорой Дузе. Якобы зарубежная звезда пронзительно посмотрела на маленькую Олю и тихо сказала, погладив девочку по голове «Ты будешь знаменитой артисткой, малютка…»

Девочка, конечно, заплакала, и тут Дузе произнесла судьбоносную фразу: «Почему ты плачешь? Разве ты боишься стать актрисой? Только ты должна знать — на сцену надо идти нагой…»

Лишь спустя много лет Ольга наконец поняла слова заезжей знаменитости. Оказывается, Дузе вовсе не имела в виду стриптиз, а выразила заветную мысль о том, что на сцене душа должна открываться «нараспашку».

Впрочем, в актёрской школе, которую прошла Ольга, об искренности и правде существования говорилось много и подробно — протеже Книппер-Чеховой посещала студию Московского Художественного театра, её учителем был Константин Сергеевич Станиславский, а первым партнёром в «Гамлете» — великий в будущем актёр Михаил Чехов. За роль Офелии Ольгу хвалили и поздравляли, но дальнейшее её

утверждение на сцене не состоялось. По молодости лет она потратила огромное количество времени на разбирательства со своим молодым, нервным, гениальным мужем; вынашивала и нянчила дочку, а потом начались войны и революции.

К 1921 году Ольга развелась с Михаилом, оставив, впрочем, себе его фамилию, и поехала в Германию: якобы для съёмок фильма по приглашению. Но кто в те годы выезжал из разрушенной страны лишь для работы? У кого не возникала в голове мысль — поискать там, подальше от родного пожара, жизни поспокойней? Да и кому нужна была актриса, не знавшая ни одного слова по-немецки? Но Ольга была красива, кино — немым, а наша героиня умела устраиваться. Она познакомилась на вечеринке с крупным продюсером Эрихом Поммером, который в конечном счёте и «пристроил» Ольгу Чехову в картину «Замок Фогелед».

Первое впечатление от съёмочной площадки она описала в книге мемуаров «Мои часы идут иначе» как совершенно ужасное. Ольга привыкла к вдумчивым, серьёзным, неторопливым репетициям, многомесячным изучениям драматургии. В кино же эпизоды снимались среди беспорядочной суматохи, в тесноте, под крики, ругань, смех, стук молотков. «Такая практика требует от актёра невероятной концентрации душевных и физических сил». Но Ольга недолго привыкала к новым методам работы, столь далеко отстоящим от почитаемой ею системы Станиславского. Когда срок визы закончился и нужно было что-то окончательно решать, Ольга осталась в Германии.

Уроки у профессора Даниэля, стоившие больших денег, и собственное усердие вскоре привели к тому, что наша героиня практически без акцента заговорила на немецком, а в середине 1920-х годов даже подписала контракт с берлинским театром «Ренессанс».

Предложения сниматься сыпались на Ольгу — яркую, жизнерадостную, волевую женщину, — как из рога изобилия. Она становится заметной актрисой в кино. Её приглашают в Париж: у режиссёра Эвальда Андре Дюпона она играет звезду варьете. Чехова вспоминает трагикомический случай, происшедший с нею на съёмочной площадке этого фильма. Актриса вынуждена была играть сцену… с питоном. Когда камера остановилась, сладострастного «партнёра» едва оторвали от испуганной, окаменевшей Ольги.

Дела отечественной звезды на зарубежном небосклоне шли так успешно, что вначале к ней из России приезжала мать с дочкой, а вскоре она помогла и Михаилу Чехову с его новой женой устроиться в Германии. Ольга даже сняла фильм «Раб

своей любви», где великий актёр исполнял главную роль. Она же познакомила бывшего мужа с самым крупным немецким режиссёром того времени Максом Рейнхардом.

С приходом в кино звука престиж Ольги возрос. Одним из самых серьёзных её успехов стало участие в фильме «Трое с бензоколонки», ставшим классикой мирового кинематографа. Раннее замужество дочери освободило нашу героиню даже от материнских необременительных обязанностей, которые до сих пор время от времени напоминали о себе (Ада в основном находилась на попечении бабушки). Теперь Ольга становится молодой преуспевающей «бизнес-леди», которая открывает собственную кинофирму. Она делает фильм «Диана» на экстравагантную по тем временам тему — тему лесбийской любви. Но картина, кроме растерянности и смущения, никакого интереса у зрителя не вызывает — в Европе грядёт новая война, и обывателя не волнуют проблемы сексуальных меньшинств. А Ольга вольготно пользуется кассой фирмы, но однажды, выписав очередной чек на кругленькую сумму для приобретения нового автомобиля, она с ужасом обнаруживает, что на её счёту осталось… тридцать марок. Лишь вмешательство богатого любовника, главы банка в Лейпциге, спасло кинозвезду от тюрьмы.

Мужчины в судьбе Ольги вообще играли немалую роль. Да и было бы весьма странно, если бы у ног красивой примадонны не оказались сотни поклонников. Но среди тех, кто занял особое место в её судьбе, нашлись такие одиозные фигуры, которые до сих заставляют спорить о подлинной личности Ольги Чеховой. Уже в 1933 году, едва придя к власти, Гитлер и Геббельс пригласили Чехову на официальный приём, где состоялось знакомство актрисы с фашистскими лидерами. Как бы пренебрежительно ни отзывалась спустя много лет Чехова о своих высокопоставленных друзьях, как бы ни хотела представить читателю своё нежелание общаться с ними, факт остаётся фактом. Она не пропускала ни одного официального и не слишком официального приёма; она приглашала на собственную персональную выставку картин Гитлера и долго потом в ответ рассматривала «высочайшую» мазню, мягко критикуя художества фюрера. Ольга сама с иронией рассказывала, как однажды, возвращаясь из Парижа во время войны, решила провезти через таможню запрещённое количество французской косметики. Зная подобострастность чиновников, она положила на мешок с товаром портрет Гитлера с его личной подписью и поздравлением. Расчёт хитрой актрисы оправдался: увидев такие недвусмысленные подарки, таможенники не слишком рьяно

досматривали груз пассажирки.

Нельзя было скрыть и тесную дружбу с Геббельсом и его женой. Известно, что министр народного просвещения и пропаганды не обходил вниманием ни одной хорошенькой дамы. В салоне госпожи Чеховой он легко мог знакомиться с привлекательными актрисами, видимо, оттого он и обожал посещать дом Ольги. Уже после смерти актрисы возникла версия, будто Чехова таким образом работала на русскую разведку. По слухам, её якобы завербовали, используя любовь к России. Один из авторов версии приписывает Ольге буквально все эпохальные донесения в сталинскую ставку: будто и дату начала войны против Советского Союза она назвала, и число выпускаемых в рейхе за год танков и самолётов узнала, и о Сталинградском наступлении предупредила. Просто чудо-разведчица…

Между тем в 1935 году наша героиня получает высокое звание «Государственной актрисы» Германии, Геббельс не пропускает ни одной премьеры с её участием, а фюрер дарит дорогие безделушки по ничтожному поводу — к какому-нибудь очередному юбилейному спектаклю. Настораживает в биографии Ольги Чеховой лишь тот, непроверенный, правда, факт, что она в 1945 году посещала Москву. После столь тесных совместных возлияний с верхушкой фашистского государства, вряд ли можно себе представить безнаказанное посещение родины. Лишь неоценимая агентурная помощь могла её извинить в глазах сталинского НКВД. Но документального подтверждения посещения России, кроме её собственного письма к родственнице в Москву спустя тридцать лет после свершившегося факта, не сохранилось.

После войны, после пролетевших кровавых бурных событий Ольга все чаще задумывается о том, что она стареет, что в кино и на сцене её время прошло. Её обожаемая дочь Ада гибнет в авиакатастрофе, и теперь внучка Вера становится смыслом существования нашей героини. Ни один мужчина не задержался надолго в её жизни, и на старости лет Ольга всерьёз подумывает о том, как обеспечить себе безбедное существование.

В 1955 году она с семью сотрудниками создаёт салон «Ольга Чехов Косметик». Фирма процветала. У нашей героини проявился настоящий косметический талант, она много училась в Институтах красоты в Париже, Брюсселе, но главное состояло в её богатом творческом потенциале, который она обратила на женскую гармонию и здоровье. Уже спустя несколько лет салон Ольги Чеховой стал одним из самых известных в Европе. До самой смерти он кормил нашу героиню и членов её семьи. Верочка также поступила на сцену, правда, не московского, а

Мюнхенского драматического театра. А бабушка Оля, пока могла двигаться, каждый год 15 июля приезжала в местечко Баденвейлер, где много лет назад скончался Антон Павлович Чехов.

ГОЛДА МЕИР

(1898—1978)
Премьер-министр Израиля в 1969—1974 годах.

В истории еврейского народа немало найдётся женских имён, которые произносятся с особым уважением, но имя Голды Меир стоит беспримерно высоко, ибо она принимала непосредственное участие в образовании государства Израиль. Вся её жизнь прошла в борьбе не просто за права евреев, а за создание полноценной сионистской государственности, уничтоженной два тысячелетия назад.

С детских лет перед глазами Голды стояли страшные дни еврейских погромов в Киеве, где она родилась. Беспомощные родители прятали детей под кровать, а сами, стараясь обмануть черносотенцев, спешно забивали дверь досками. Измученная постоянным страхом семья выехала в Америку и поселилась в небольшом городе Милуоки. Меиры жили в бедном еврейском квартале, но по сравнению с Киевом Голде казалось, что они стали богачами. Теперь у них был настоящий дом с двумя комнатами, кухней и верандой. Школу смышлёная, подвижная девочка очень полюбила, она быстро освоила английский и переживала только из-за того, что в семье Меиров учиться не считалось задачей первостепенной важности, особенно для женского пола. Мать часто говорила Голде: «Не стоит быть слишком умной. Мужчины не любят умных девушек».

Родители хотели вырастить достойную хозяйку и добропорядочную жену и потому уже пятнадцатилетней приискали солидного жениха для своей младшей дочери. Однако Голда оказалась девушкой с весьма самостоятельным и твёрдым характером. Она убежала из дому и стала жить в Денвере у своей замужней сестры Шейны. Здесь в Денвере она и встретила свою любовь — Мориса Меерсона, скромного умного парня, много читавшего, отлично знавшего поэзию, живопись, музыку. Голда сразу же потянулась к человеку, который многое мог дать любознательной девушке, и в 1917 году молодые поженились. В доме у сестры Голда впервые встретила людей, которые много говорили о необходимости создания национального дома для еврейского народа. Эта идея навсегда захватила Голду, и она решила, что посвятит этому всю жизнь.

В 1921 году Голда с мужем, сестрой и подругой отправилась в Палестину. Путешествие через океан на пароходике, который должен был доставить её в Яфо, оказалось кошмарным. Судно

никуда не годилось и едва двигалось, команда ненавидела капитана и без конца бунтовала. Пища была испорченной, а питьевая вода солёной. На борту то и дело вспыхивали драки. Матросы грозили затопить судно, и, наконец, перед прибытием в Неаполь капитан то ли был убит, то ли покончил с собой. Голда и её спутники уже не чаяли живыми добраться до места.

В Тель-Авиве Голда и Морис подают заявление о принятии их в члены кибуца. Молодой женщине объясняют, что она вряд ли годится для тяжёлой жизни в кибуце, однако Голда не хочет отступать. В конце концов, её упорство едва не стоило ей жизни. Через год она тяжело заболела, и супруги вынуждены были оставить кибуце и переехать в Иерусалим. В этом городе у Голды родились сын Менахем и дочь Сара. Жили тяжело, работы не было. Однажды Голде предложили стать секретарём женского совета рабочего профсоюза. С этого дня начинается активная общественная деятельность Голды Меир.

Жизнь в Палестине была очень сложной, постоянно происходили стычки с арабами, еврейское население жило практически в нищете, поэтому, памятуя о своём американском гражданстве, Голда решила отправиться в Новый Свет, чтобы попросить помощи у богатых евреев. Однако это первое путешествие оказалось не очень удачным. Мало нашлось людей, веривших в новое сионистское государство и желавших помочь. Суммы, которые Голде удалось наскрести в Штатах, были просто смешными. В одном городе она собрала 17 долларов и 40 центов, в другом — 76 долларов. И только в одном маленьком городишке на Среднем Западе Голде вручили более-менее приличную сумму.

«Как вы это сделали?» — удивилась она.

«Мы играли в карты и все проигрыши складывали в пользу Палестины».

По молодости Голду страшно возмутил подобный способ добычи денег, но, подумав, она пришла к выводу, что карты не самый худший способ заработать средства.

Угроза Второй мировой войны была более чем реальной, необходимо было принять все меры по организации иммиграции евреев. Англичане категорически отказывались впускать в Палестину тех евреев, которые бежали от Гитлера. Появляется идея создания своего флота. Голда Меир добивается от властей разрешения ввезти в Палестину сирот и детей до года, которые умирали в лагерях беженцев на Кипре.

Ко времени создания еврейского государства Голда Меир уже стала известной в еврейском мире общественной деятельницей. Она была одной из тех, кто поставил под декларацией независимости свою подпись. Однако вечер с песнями и

плясками, которым завершилась торжественная церемония провозглашения государства Израиль, не принёс радости и успокоения Голде Меир. Она понимала, что ровно в полночь, как только закончится мандат и британский верховный комиссар отплывёт на корабле, арабские армии перейдут границы государства и начнётся война. Для Меир была совершенно ясной основная задача: не допустить рассеяния евреев, хотя численность их в Израиле составляла всего лишь 650 тысяч.

Голда вновь едет в США. На этот раз здесь её приветствуют с особой теплотой. Она падает от усталости — встречи, выступления, рассказы об Израиле. Позже Меир вспоминала, что именно в Америке она с удивлением привыкала к новому слову «Израиль» и к тому, что у неё новое гражданство. Она смогла доказать богатым американским евреям, что государство не может прожить под аплодисменты, а войну не выиграть речами. Ответ был дан — невиданно щедрый и скорый, Меир собрала 150 миллионов долларов.

Два великих государства — СССР и США — признали Израиль практически сразу, и встал вопрос об организации посольств в этих странах. По-видимому, трудное детство Голды в Киеве стало достаточным основанием для назначения её послом в СССР. Русский она совсем забыла. Её секретарь Эльга Шапиро писала Голде в Тель-Авив: «Там, куда Вы едете, очень холодно, и зимой там очень многие носят шубы. Норку покупать не обязательно, но хорошая иранская цигейка очень пригодится… Вам понадобятся также несколько вечерних платьев, и ещё купите себе всякие шерстяные вещи: ночные рубашки, чулки, бельё…»

Поселились они всей своей миссией в гостинице «Метрополь» типично израильским способом: как кибуц, однако цены в Москве оказались невероятными, и Голде пришлось искать выход, чтобы уложиться в свой тощий бюджет. В гостинице решено было столоваться лишь раз в день, а чтобы поддержать нормальное питание Голда лично приобрела электроплитки; посуду и вилки пришлось одолжить в гостинице, так как купить их в послевоенной Москве было невозможно. Раза два в неделю израильский посол выезжала на рынок, чтобы закупить сыр, колбасу, масло, яйца, и все продукты за неимением холодильника раскладывались между двойными рамами окон, чтобы не испортились. По субботам Голда сама готовила большой второй завтрак для семьи и посольских холостяков. Позже она вспоминала, что эти регулярные походы на рынок ранним морозным утром были самым приятным из всего, что ей пришлось пережить в Советском Союзе.

Вручение верительных грамот прошло удачно, а потом в

честь организации израильского посольства в Москве был дан официальный приём. На одном из таких обедов к Голде подошла жена министра иностранных дел Полина Молотова. Для Меир оказалось приятным открытием, что она тоже еврейка и хорошо говорит на идише. Женщины беседовали довольно долго и расставались со слезами на глазах. Вскоре Полина была арестована.

Встречалась Голда и с писателем Эренбургом, который в то время активно проводил в жизнь официальный курс партии в отношении евреев. Рандеву с господином Эренбургом оказалось не столь тёплым и задушевным. Писатель был пьян и держался чрезвычайно агрессивно. Разговор состоялся примерно такой:

«Я, к сожалению, не говорю по-русски, — сказала Голда Меир. — А вы говорите по-английски».

Эренбург смерил посла презрительным взглядом и ответил:

«Ненавижу евреев, родившихся в России, которые говорят по-английски».

На что Голда парировала:

«А я жалею евреев, которые не говорят на иврите или хотя бы на идише».

Из Москвы Меир вернулась в Израиль, чтобы занять пост министра труда. Она достаточно успешно делала карьеру и в 1969 году стала главой государства, навсегда войдя в историю еврейского народа как мудрый и радетельный правитель.

МАРИЯ ВЕНИАМИНОВНА ЮДИНА

(1899—1970)

Великая пианистка. Концертировала с 1921 года. Преподавала в Ленинграде, Московской консерватории, Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных. Профессор с 1923 года.

Современники обычно редко знают гениев, с которыми живут рядом, — исторические, почившие в бозе знаменитости гораздо понятнее и милее. О них уже составлено мнение, они уже мирно заняли свою нишу в здании человеческой культуры, их авторитет незыблем. Иное дело — те, кто ушёл от нас недавно и в силу этого мало известен широкой публике. О них ещё нужно спорить, их имена ещё ждут своей очереди у иерархической лестницы. Однако есть среди претендентов в гении бесспорные личности. К таким необсуждаемым великим принадлежит и Мария Юдина. Её гениальный дар пианистки не вызывает сомнений, но Юдину ещё справедливо называют «художником эпохи Возрождения». Она была не только гениальным музыкантом-мыслителем, но и энциклопедистом в полном смысле этого слова, человеком сильным, страстным, не похожим ни на кого, на редкость смелым и энергичным. Конечно, Юдина блистала у рояля всеми теми качествами, которые требовались профессиональному пианисту, её техника впечатляла крепостью, чеканной пластичностью и так далее, и так далее. Но великим художником Марию Вениаминовну сделала не «набитая» рука, а уникальная личность, сложное мировоззрение.

Юдина выделялась во всём. По-своему формировала репертуар, одевалась не так, как другие, по-своему держалась на сцене, отличалась интерпретацией классиков, иначе обращалась с роялем. Игру Марии Вениаминовны характеризовали крайности. Она любила предельные темпы, вела медленные места медленнее, быстрые — быстрее обычных. Она могла иной раз начать «гвоздить» какой-нибудь музыкальный эпизод с таким беспощадным, не признающим меры упорством, которое отпугивало даже преданных её почитателей. Некоторые принимали это за оригинальничание, не беря в толк, что гениям оригинальность присуща по определению, как когда-то метко заметил один русский поэт, если бы кошка в зоопарке увидела кенгуру, то ни за что бы не поверила, что такое возможно, и решила бы, что это обыкновенная кошка, которая нарочно притворяется.

Возможно, свою незаурядность Мария унаследовала от отца,

который, несмотря на отчаянную бедность своего семейства, закончил медицинский факультет у Склифосовского, а вернувшись в родной город Невель, стал одним из самых уважаемых и известных врачей захолустной еврейской провинции. Вениамин Гаврилович представлял тот тип земского врача, который описан в русской литературе как образец настоящего интеллигента. Он не только лечил, но и беспрестанно хлопотал об общественной пользе — участвовал в открытии школ и больниц, строил артезианские колодцы, читал лекции. Энергией он обладал неумеренной, бескомпромиссность его не знала пределов — самого губернатора он однажды спустил с лестницы. Но если характером Мария вышла в отца, то музыкальные способности передались ей от матери. Одна из учениц Антона Рубинштейна, жившая тогда в Витебске, заметила талант Маруси и предложила свои услуги по обучению девочки. Эта блестящая пианистка — женщина обеспеченная — никогда не брала учеников и сделала исключение только для неё.

Юность Маруси пришлась на самые бурные революционные годы, но подобные катаклизмы, казалось, созданы именно для её натуры. Чем только не увлекалась молодая Юдина. Училась на трехмесячных курсах руководителей детских площадок, штудировала философию — вместе с М. Бахтиным и Л. Пумпянским они устраивали ещё в Невеле «философские ночи», — «ходила в народ». Один из таких походов едва не кончился для Марусиного таланта плачевно. На жатве она разрезала руку у основания большого пальца настолько глубоко, что палец держался на сухожилии К счастью, Юдина смолоду отличалась завидным здоровьем и каким-то чудом палец зажил настолько, что мастерство Марии не пострадало. В 1917 году Юдина даже была секретарём народной милиции в Петрограде. В консерваторию, где она училась, Маруся таскала с собой папки дел и вываливала их на стол рядом с партитурами. Один из уважаемых профессоров, глядя на революционную студентку, в ужасе восклицал: «Мария Вениаминовна! Что же, в конце концов, у нас здесь дирижёрский класс или милицейский стол?»

Однако бесовство эпохи не смогло сбить с пути истинный талант Юдиной. В 1921 году она закончила Петербургскую консерваторию в звании лауреата. Основатель консерватории Антон Рубинштейн завещал любимому детищу капитал, на проценты которого ежегодно приобретался рояль, присуждавшийся лучшему выпускнику. Но было обязательное условие — кандидат должен быть достойным и непременно… один. Впервые художественный совет консерватории счёл необходимым нарушить завет Рубинштейна и присудил два рояля

— Юдиной и Владимиру Софроницкому. Кстати, по мистическому совпадению после такого своеволия премии больше не выдавались — советская власть уничтожила традицию.

Преподавательскую деятельность Мария Вениаминовна начала в двадцатидвухлетнем возрасте, но несмотря на молодость, авторитет её в музыкальных кругах был большим. О ней говорили, как о выдающейся пианистке и талантливом педагоге. Она появлялась в консерватории в необычном длинном платье, напоминающем балахон, и, казалась, не артисткой, а скорее, монахиней. Её игра гипнотизировала властной убеждённостью и волей. Говорят, что в исполнении Юдиной никогда не прослушивалось ничего женственного, нежного или грациозного. В её руках были заключены нечеловеческие силища и энергетика: широкая пясть с большими расставленными пальцами походила при игре на хватку орлиной лапы.

Масштаб её личности воплощался не только в грандиозности исполнения, но и в обширности того немузыкального материала, который Юдина использовала. Она любила ассоциации со знаменитыми произведениями литературы, искусства, архитектуры. Высказывание: «архитектура — это застывшая музыка» оказалось настолько близким для неё, что Мария Вениаминовна совершенно серьёзно в годы гонений, когда вынуждена была уйти из консерватории, решила заниматься зодчеством. К счастью, её на время приютили тбилисцы.

Мощным стимулом творчества Юдиной стала вера. В юности Маруся, поступая вопреки революционной моде, окрестилась в православную веру и всю жизнь оставалась фанатично преданной христианкой. Однажды, увлёкшись философскими идеями отца Павла Флоренского, она написала ему письмо, на которое он ответил приглашением встретиться. Знакомство с выдающимся русским мыслителем продолжалось вплоть до ареста Флоренского, а потом закрепилось дружбой с его семьёй. Однако для Юдиной религия не стала лишь очередным теоретическим отделом человеческой культуры, христианское подвижническое служение составляло — как и музыка — соль её жизни. Мария Вениаминовна как-то подсознательно и простосердечно, не рассуждая, осуществляла на деле идеалы православной соборности — «общиной» был для неё, пожалуй, весь мир.

Она совершенно равнодушно относилась к материальному благополучию, раздавала страждущим свои гонорары, ссужала деньги на отправку в лагеря и ссылки, во время войны за счёт её пайка питалось несколько семей; бывало, не задумываясь, она занимала, чтобы этими взятыми в долг деньгами распоряжаться так, как ей подсказывало сердце. Она оделяла ими попавших в

беду и лишения. Художница А. Порет рассказывала, что однажды Юдина пришла к ней, ведя за руку существо с чёрными глазами, и, наскоро объявив, что девочке негде жить, — родители уехали в Сибирь — попросила оставить ребёнка на шесть дней. Шесть дней превратились в шесть лет.

О пренебрежении Юдиной к одежде и быту ходят легенды. Зимой и летом Мария Вениаминовна носила кеды, что приводило в ужас окружающих; в самую холодную погоду Юдина неизменно появлялась в лёгком, стареньком плаще. Нормальная же сезонная обувь немедленно дарилась. Купленная для неё митрополитом Ленинградским Антонием шуба принадлежала Марии Вениаминовне всего три часа.

Однажды она явилась на ответственный концерт в домашних меховых тапочках. Известный немецкий дирижёр Штидри выпучил глаза и долго смотрел то на лик, то на ноги пианистки, потом воскликнул: «Но фрау Юдина!» Пришлось на два часа выпросить приличные туфли у кассирши. До глубокой старости прославленная пианистка не имела своего угла. В снимаемых комнатах она обычно не уживалась. Платила хозяевам, переезжала, перевозила рояль и через три дня покидала квартиру. Жила в прихожих у друзей, спала, в буквальном смысле, в ванной. Она объясняла свою бездомность тем, что не желала мешать другим, у чужих ей неудобно было играть по ночам. Но её скитальчество объяснялось необъяснимым для простых смертных образом жизни гения.

Из всех городов Юдина больше всего обожала Петербург, она возила с собой везде маленькую картинку с изображением Медного всадника и непременно во время концерта укладывала на рояле носовой платочек и эту картинку. Но когда в её любимом городе началась страшная волна репрессий, один из «высоких хозяев» Ленинграда, её однофамилец, её поклонник, предупредил Юдину об аресте. Рано утром следующего дня она навсегда уехала в Москву.

О её личной жизни известно совсем немногое. Вероятно, потому что и не было никакой личной жизни. Сама Мария Вениаминовна рассказывала подруге, что в юности влюбилась в дьякона, а в зрелости будто бы повстречала талантливого авиаконструктора, с которым она была помолвлена. Но жених уехал в горы и не вернулся, а Мария Вениаминовна так и осталась одинокой. История эта очень походила на складный миф и представлялась особенно удобной для отпугивания потенциальных ухажёров. Любое проявление мужской нежности вызывало у Юдиной возмущение, что объяснялось якобы вечной верностью погибшему. Впрочем, женская гениальность и личная

жизнь — «вещи несовместные». Трудно себе представить Марию Вениаминовну, которая «приросла к роялю», обременённой многочисленным семейством.

Работоспособность Юдиной поражала. Ещё будучи студенткой консерватории, она настолько «переиграла» руки, что вынуждена была взять отпуск и на какое-то время прекратить занятия на фортепьяно. Правда, и тогда неутомимая Марусенька не смогла сидеть лентяйкой — она стала работать в детском саду и возвращалась по вечерам такой утомлённой, что всякий раз засыпала прежде, чем сестра успевала подать ей тарелку супа. Юдина вообще никогда ничего не умела делать вполсилы, «абы как». Та же А. Порет вспоминала, что однажды Юдина пригласила их с подругой к себе в гости и стала играть новую программу. «Мы сидели… на маленьком диванчике… и, не дыша, слушали… Она попросила зажечь лампу, закрыла её тёмным куском материи, и мы видели только её освещённый профиль и руки. Потом она вдруг прекратила игру и попросила дать ей платок или полотенце. Когда я подошла к роялю, то увидела, что клавиатура была забрызгана кровью. Оказалось, что пальцы у неё треснули на кончиках от холода и не заживали, так как она работала по много часов в день, иногда и по ночам».

Заслуга Юдиной перед русской культурой неоценима ещё и потому, что именно она познакомила отечественного слушателя со многими выдающимися композиторами Запада. Она (без преувеличения) приложила героические усилия в борьбе с косным советским чиновничеством, чтобы в России прозвучала музыка Хиндемита, Онеггера, Кшенека, Мессиана. Только благодаря Юдиной на родину вернулись произведения И. Стравинского. Не знавшая ни в чём меры, Мария Вениаминовна буквально боготворила этого композитора. В 1962 году, к восьмидесятилетию И. Стравинского, она организовала выставку, посвящённую его жизни и творчеству. Много энергии и напористости проявила Юдина, чтобы уговорить руководство поставить балет И. Стравинского «Орфей», для чего лично обеспечила дирижёра партитурой, но самое главное — она «пробила» приезд композитора в СССР. Когда 21 сентября 1962 года Игорь Стравинский — убелённый сединами старец — сошёл с трапа самолёта, Мария Вениаминовна грузно опустилась на колени, целуя руку своему кумиру. Многие увидели в этом поступке чудачество, в то время как это было искреннее преклонение равного перед равным. Движимая подобными порывами, Юдина, приехав в Лейпциг с концертами, шла босая, как паломники к святым местам, к церкви св. Фомы, чтобы преклониться перед надгробием Баха.

Можно сказать, что Юдина сосредоточила в себе все животворящие соки, которые смогла сохранить русская интеллигенция после погромов, ссылок, запугиваний. Одно лишь простое перечисление имён её друзей, знакомых и близких людей представляет практически всю культурную элиту советской страны. Она дружила с А. Ахматовой и Б. Пастернаком, А. Лосёвым и О. Мандельштамом, гостила у Маршаков и просила М. Цветаеву перевести Гёте. В 1960-е годы Мария Вениаминовна к своим блестящим концертам добавила лекции по истории искусства, причём рождались они, по большей части, спонтанно. Послушать Юдину приходило больше народу, чем на объявленные заранее концерты. Люди соскучились по глотку свободной мысли. «Знаете, я решилась на небольшой цикл лекций о высочайших точках нашей культуры, — рассказывала она. — Вчера в Малом заде (консерватории) комментировала и читала стихиры и отчасти канон Иоанна Дамаскина, посвящённые погребению. Нужно же, чтобы хоть немножко выходили из привычного мысленного стойла!»

Как и некоторые избранные, Юдина избежала преследований. В ней, по-видимому, была сконцентрирована та степень духовности, которая даже такое чудовище, как Сталин, приводила в замешательство. В связи с этим рассказывают почти фантастическую, но тем не менее правдивую историю о том, что вождь, услышав однажды по радио пианистку Марию Юдину, пожелал иметь запись этой передачи у себя. Поставленный в известность руководитель радио решил сделать Сталину сюрприз. Поздним вечером того же дня в студии были собраны симфонический оркестр и Мария Юдина. Под утро запись была готова, а уже в час дня пластинка лежала на приёмнике у Сталина. Вождь написал Юдиной записку с благодарностью за её игру и распорядился вложить в конверт 10000 рублей (по тем временам — деньги огромные). Конверт направили адресату с фельдъегерской почтой, а попросту говоря — с тремя офицерами НКВД. Мария Вениаминовна незамедлительно написала ответ, в котором тоже благодарила вождя за внимание и сообщала, что деньги передала православной церкви с просьбой помолиться за его, Сталина, грехи… Как на эту дерзость, вы думаете, прореагировал тиран? Никак… Он поразмыслил и оставил Юдину в покое.

Подруга Юдиной, Екатерина Крашенникова, в своих воспоминаниях написала так: «Говорят, беспросветные были годы. Какие же „беспросветные“, когда жили и творили в них такие светочи, как Мария Вениаминовна Юдина?»

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

(1900—1949)

Американская писательница. Прославилась романом «Унесённые ветром» (1936).

Роман «Унесённые ветром» был опубликован в 1936 году. С тех тор его перевели на 27 языков мира, он выдержал 185 изданий и переизданий, стал поистине мировым бестселлером. С обаятельными героями Маргарет Митчелл, попавшими в водоворот гражданской войны 1861—1865 годов, зеленоглазой Скарлетт, обольстительной, изящной, беспринципной, жизнестойкой, и Рэттом, явившим собой нарождающийся тип предприимчивого американского джентльмена — этими удивительными героями романа произошло то, что довольно редко случается с персонажами даже очень талантливых произведений, написанных очень талантливыми писателями. Перешагнув границы романа, они словно стали жить своей жизнью, влиять на судьбы читателей, стали дороги им как добрые знакомые. Такова сила жизненности созданных пером Маргарет Митчелл образов.

Самое удивительное, что перо это принадлежало не опытному писателю, добравшемуся на вершину славы по ступенькам многочисленных произведений. Нет, «Унесённые ветром» — первая и единственная книга, написанная скромной, безвестной домохозяйкой из Атланты, штат Джорджия, правда, одержимо влюблённой в историю американского Юга и блестяще её знавшей.

Феномен успеха «Унесённых ветром» интриговал и продолжает интриговать многих. В чём ключ этого внезапного вдохновения, озарившего обычную женщину? Откуда брала она захватывающие сюжеты романа? У кого научилась подмечать точные психологические оценки своих героев?

В биографии Маргарет Митчелл мало примечательного. Кокетливая, склонная к флирту девушка, рано потеряла мать и вынуждена была принять на себя обязанности хозяйки дома, очень её тяготившие. Но это не изменило её дерзкого, яркого характера, настроенного на риск и неожиданные, эксцентричные поступки. Вероятно, спустя много лет Маргарет описала собственную неуёмность в лице героини «Унесённых ветром», собственную непоследовательность. Иначе, как же можно объяснить столь правдивую характеристику Скарлетт, зная, что сама писательница в молодости «выкинула финт», приведший в

изумление всех родственников и знакомых.

В 1921 году Пегги (так звали Маргарет все близкие ей люди) познакомилась в Атланте, в чайной «Заячья нора», где собирались начинающие писатели, студенты, журналисты, с молодым человеком по имени Джон Марш. Мужчина, которому исполнилось к тому времени 26 лет, был настроен весьма серьёзно, да и характер его располагал к этому. Сдержанный, внутренне очень дисциплинированный, с невероятно развитым чувством ответственности, Джон как нельзя лучше подходил на роль мужа. К тому же «красотка с Юга» быстро завоевала его сердце. Девушка была не только привлекательна внешне, но обладала прекрасным даром рассказчика, искромётным остроумием и мечтала о журналистике.

Окончив университет в Кентукки, Джон перебрался в Атланту, чтобы быть поближе к Пегги. Но сумасбродной красавице такая быстрая победа казалась пресноватой, да и от внимания других поклонников отказываться не было желания. «Я хотела бы полюбить мужчину, — писала юная Маргарет, — и чтобы он любил меня больше всех других женщин. Я хочу выйти замуж, помогать мужу, растить здоровых детей. Но беда в том, что я не умею любить достаточно сильно…» Не бог весть какие высокие запросы для девушки — кому ума не доставало отдаться всецело семье и потомству, но у Маргарет сквозь пуританскую покорность судьбе проглядывает этакий «зубастый дьяволёнок», так хорошо знакомый читателю «Унесённых ветром».

Друзья были убеждены, что Джон и Пегги поженятся. Действительно, уже будущая невеста понравилась матери жениха, уже Маргарет читает по вечерам Джону свои рассказы, уже делится с ним заветными мечтами, уже… И тут происходит то, что привело в изумление всех, знавших их отношения. Пегги 2 сентября 1922 года выходит замуж за Реда Апшоу — неудачника, алкоголика, человека никчёмного, неспособного содержать семью, недалёкого и скучного. Эксперименты на себе не всегда кончаются удачно Совместная жизнь с Апшоу становится сущим адом: Пегги приходится терпеть оскорбления, унижения и даже побои, что приводит её к тяжёлой депрессии. Неизвестно, что бы с ней сталось, если бы не верность и неизменная поддержка Джона. Он самоотверженно заглушил ревность, отбросил мелкие обиды для спасения любимой и помог ей прежде всего состояться как личности. Это с помощью Джона Маргарет начинает публиковаться в местном журнале, берет интервью (одно из самых удачных — у Рудольфо Валентино), учится облекать мысли в слова.

Сила настоящей любви открывается для Маргарет в

преданности Джона. Эксцентрика и неординарность оказались хороши разве что для дешёвых «повестушек», а в жизни ничего не ценится так высоко, как истинное понимание и прощение. «Могу только сказать, — писала Маргарет матери Джона, — что я искренне люблю Джона, верного и сильного друга, которому я безгранично доверяю, и нежного, внимательного возлюбленного».

Наконец Маргарет развелась с Редом, и в 1925 году вышла замуж за Джона Марша. Постоянное напряжение и нервный стресс, сопутствовавший драматическим отношениям с возлюбленной, привели Джона к тяжёлой болезни. Её приступы — внезапная потеря сознания — мучили его на протяжении всей жизни, из-за чего он вынужден был отказаться от вождения автомобиля. Легкомысленность поступков не прошла даром и для самой Маргарет. На память об ошибках молодости у неё остались сильные головные боли, неприятности с глазами и приступы жесточайшей депрессии. Однако причинённые обиды не омрачили совместного существования, наоборот, наши герои чувствовали себя бесконечно счастливыми, обретя, наконец, друг друга. Первые годы супружества — безденежные и беззаботные — сопровождались весёлыми дружескими пирушками, вечерами в кинематографе, недалёкими путешествиями и музыкой Дюка Эллингтона. Всё было пронизано безоблачной радостью, лёгкостью отношения к жизни, антивикторианской жизнелюбивой моралью. Потом пришло нечто большее, неразрывное, превосходящее страсть и бурные порывы. «По природе своей мы во многом не совпадаем, — писал годы спустя Марш, — потому можно удивляться, как нам удалось справиться друг с другом, ведь, как это ни странно, мы успешно ладим вот уже много лет. Возможно, секрет в том, что она прощает мне мои качества, а я ей — её».

Но возможно, секрет их счастливого супружества был ещё проще — Джон всегда думал не о собственном самоутверждении, а прежде всего о том, чтобы помочь жене реализоваться, найти себя. Для него она была не собственной, хоть и драгоценной, вещью, а человеком, имевшим право на духовные радости. Это Джон убедил Маргарет после очередной депрессии взяться за дело, в котором жена может забыться, которое может её увлечь. Пегги выросла в атмосфере рассказов о гражданской войне, она досконально знала историю родной страны, и обидно было и дальше хранить эти знания «мёртвым капиталом». Маргарет начинала писать не для публики, не для успеха, а чтобы выжить, чтобы обрести внутреннее равновесие, понять саму себя.

Поворотным моментом в творческой судьбе Маргарет Митчелл можно считать её разговор с Джоном осенью 1926 года,

после которого он подарил ей пишущую машинку «Ремингтон», шутливо поздравив её с началом карьеры. И теперь вся жизнь нашей героини закрутилась вокруг этого стрекочущего аппарата. История о войне Севера и Юга становится ядром их совместного существования, их единственным детищем, их Ноевым ковчегом. Участие Джона в создании романа трудно переоценить: он хотел любить и быть любимым, в результате — придумал идею, прославившую его «Галатею».

Каждый вечер, возвращаясь с работы (Джон служил до конца жизни в «Электрокомпании» в отделе рекламы), муж садился читать страницы, написанные за день Пегги. Далеко за полночь обсуждались новые повороты сюжета, вносились поправки, дорабатывались трудные куски романа. Джон оказался блестящим редактором и деликатным советчиком — он не только помогал жене оттачивать писательское мастерство, но и искал нужную литературу, придирчиво занимался каждой деталью быта, костюма, описываемой эпохи.

В основном роман был написан к концу 1932 года, но дорабатывался до 1935-го. Казалось, игра, затеянная Джоном, успешно пришла к победному концу, однако произведённое на свет детище проявило строптивость и захотело освободиться от родительских пелёнок. Редактор американского отделения английского «Макмиллана» профессиональным чутьём уловил незаурядность замысла и убедил Митчелл в необходимости опубликовать её произведение.

После заключения договора супружеская чета поняла, за какое нешуточное дело взялась. Одно дело тешить друг друга по вечерам придуманной историей, другое — подготовить роман к публикации. Работа писалась не в строгой последовательности, с огромным количеством вариантов (одних только первых глав у Митчелл было шестьдесят). А какими напряжёнными были поиски названия! Чего только не предлагалось! Наконец, Маргарет остановилась на «Унесённых ветром» — строке из стихотворения Эрнста Доусона.

Мало сказать, что роман стал событием в американской литературе: в 1936 году он получил самую престижную с США Пулитцеровскую премию. Главное, Митчелл сумела воссоздать «американскую мечту», она подарила отечественному читателю некий образец поведения, некий символ «настоящего гражданина». Её героев можно сравнить с мифологическими персонажами древних легенд — именно такой смысл имели для американцев образы «Унесённых ветром». Мужчины воспитывали в себе предприимчивость и демократичный индивидуализм Рэтта. Женщины подражали одежде и причёске Скарлетт. Гибкая

американская промышленность оперативно отреагировала на популярность книги: в продаже появились платья, шляпы, перчатки «в стиле» Скарлетт. Известный кинопродюсер Дэвид Селзник в поте лица четыре года трудился над сценарием фильма «Унесённые ветром».

Премьера, состоявшаяся в Атланте — городе, в котором Митчелл провела большую часть своей жизни — 15 декабря 1939 года стала небывалым триумфом и фильма, и романа, и его автора. На вопрос: «Ну как, гордитесь вы женой, Джон?» — Марш ответил: «Я гордился ею уже задолго до того, как она написала книгу».

Испытание славой обрушилось на Митчелл неожиданно, и она не выдержала бы его, не будь с ней рядом верного друга. В одночасье Маргарет стала невероятно популярной: её приглашают на лекции, берут интервью, мучают фотографы. «Долгие годы мы с Джоном жили тихой, уединённой жизнью, которая была нам так по душе. И вот теперь мы оказались на виду…» Муж взял на себя часть тяжёлого бремени: он всячески старался оградить Маргарет от докучливых посетителей, помогал с перепиской, вёл переговоры с издательствами, наживал финансовые дела.

Оглядываясь на историю создания этой уникальной книги, можно с полным правом сказать, что перед нами редчайший пример, когда мужчина отдал приоритет личностного утверждения в семье женщине, когда он создал идеальные условия для успеха супруге ценой собственной карьеры и… не просчитался.

16 августа 1949 года Маргарет Митчелл погибла, попав под машину. Джон пережил её на три года. Один из журналистов, друг семьи, сказал: «"Унесённые ветром" могли быть и не написаны, если бы не постоянная поддержка со стороны того, кому посвящён роман: „Дж.Р.М.“. Это самое короткое и простое посвящение, какое только может быть…»

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА ОРЛОВА

(1902—1975)

Советская актриса, народная артистка СССР (1950). В 1926—1933 годах работала в Музыкальном театре им. Немировича-Данченко. С 1955 года в театре им. Моссовета. Снималась в музыкальных комедиях режиссёра Г.В. Александрова: «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга» и др. Лауреат Государственной премии СССР (1941, 1950).

За всю историю советского кино она — единственная подлинная звезда. Другой пока не было. И не потому, что Орлова была самая талантливая, самая красивая из русских актрис, а потому, что она больше других хотела стать звездой, потому, что в ней счастливо соединились все качества, делающие женщину сказочно неотразимой, потому, что она единственная поняла — звезда должна блистать высоко и быть недоступной для обывателя, звезда — это не звание, не профессия, это жизнь.

Орлова родилась и выросла в русской дворянской семье. Однако когда читаешь воспоминания о Любови Петровне, видишь её на экране, трудно отделаться от мысли, что перед нами западный тип женщины — внешне открытая, улыбчивая, доступная, она никогда не пустит в свою настоящую жизнь, не поделится паническими сомнениям, не предастся унынию на людях, она всегда в маске уверенности — «У меня все отлично!» Ни грана искренности, все эмоции выверены, просчитаны, все поступки срежиссированы, все костюмы отделаны, появления на публике отрепетированы. Обычная трагедия обычной несвободы звезды… Принадлежишь не себе, а собственному представлению о себе. Тут и сталинский режим ни при чём, так было и будет в любую эпоху.

Первыми в жертву звёздной легенде были принесены детство и юность нашей героини. Виданное ли дело, но о начале жизненного пути кумира практически ничего не знали поклонники. «Я начала свою творческую жизнь в театре Владимира Ивановича Немировича-Данченко», — так открывала свои встречи со зрителями Орлова. Далее следовал заученный, никогда практически не изменявшийся (не только для зрителей, но и для друзей) рассказ о том, как волновалась Любовь Петровна при встречах с «великим режиссёром», как заприметил он её, как поручил главную роль в оперетте «Перикола» Жака Оффенбаха и как подарил молодой премьерше свой портрет с надписью: «Талантливой актрисе и милому человеку Любови Петровне с

наилучшими пожеланиями Вл. Немирович-Данченко». Здесь Любовь Петровна неизменно вставляла: «Вы понимаете, конечно, что это был самый первый памятный я меня подарок…»

Орлова лукавила. В её шикарном «имении» (по-другому это трудно назвать) во Внукове скромненько хранились три главные реликвии детства: крохотная книжка издательства «Посредник» — «Кавказский пленник» Л. Толстого с дарственной надписью автора, блокнотный листок с профилем Шаляпина и чувствительным романсом — автограф великого певца, и его же фотография с напутствием первоклассницe: «Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно. Ратухино. 09 год». Что заставляло артистку скрывать от людей знакомства с вовсе не запрещёнными при Советской власти великими деятелями культуры? Почему Орлова наотрез отказала в просьбе дочери Шаляпина выступить на юбилейном вечере, посвящённом памяти отца со своими воспоминаниями о нём? Объяснялось все просто, смешно и трагично одновременно. Любовь Петровна боялась разрушить собственный образ, боялась своего возраста, боялась показаться своим пленникам «доисторической реликвией», знававшей «патриархов». Не способствовали ваянию легенды и годы юности, как раз пришедшиеся на революцию. Значит, и их долой из биографии! Почитатели и не догадывались, что Орлову в семнадцатом году приютила сестра матери, жившая тогда в Воскресенске, что будущая звезда возила в Москву молоко на продажу, что приходилось ей голыми руками зимой ворочать обледеневшие тяжёлые бидоны, что дрожала она от страха, возвращаясь одна с деньгами со станции. Потом была недолгая учёба в консерватории, тупая работа «иллюстраторши» кинолент в московских «иллюзионах» и «синематографах», первое замужество, на которое толкнула безвыходная житейская ситуация, второе замужество, столь же неудачное, как и первое.

Единственным артистическим образованием для Орловой стала скромная хореографическая студия Франчески Беаты, упоминания о которой Любовь Петровна тоже избегала, по-видимому, из-за непрестижности этого учебного заведения. Однако именно эта студия развила в Орловой немалый пластический талант, чуткость к ритму, а главное, стремление к непрерывному поддержанию в форме своего тела. До конца жизни Любовь Петровна не пропустила ни одного дня тренировки у станка. От этих студийных лет сохранился у Орловой и узенький кожаный поясок — эталон объёма талии — чтоб в тридцать, сорок, семьдесят лет, как в двадцать — не более сорока трех сантиметров.

Судьбоносная встреча со «своим» режиссёром у Орловой

случилась осенью 1933 года. Работая по-прежнему в театре, Любовь Петровна снялась уже в двух фильмах, её портрет уже раз-другой мелькнул на журнальных страницах. Но сколько их, дебютанток, подающих надежды. Тем более что один известный режиссёр, увидев фотографию Орловой, ткнул пальцем в её нос, где сбоку притаилась маленькая родинка, и вынес приговор: «На экране она будет ростом с автобус».

Перед концертом в «синематографе» «Арс», где Любовь Петровне предстояло выступить в программе, произошёл казус — на концертном платье окотилась кошка. Актриса разрыдалась, но её знакомая мудро оценила ситуацию: «Вам повезло, Любочка! К вам придёт небывалое счастье». Как оказалось, хорошие приметы тоже иногда сбываются. В антракте за кулисы пришёл высокий молодой человек в заграничном костюме, ослепительно улыбнулся и, слегка наклонив голову, представился: «Александров»…

Сорок лет их совместной жизни и работы вместили в себя и триумф, и неудачи. Бойкий, работоспособный режиссёр Александров, вернувшийся в начале 1930-х годов из путешествия по Америке, насмотрелся там весёлых, музыкальных лент и решил создать подобное на родине. Для выполнения замысла ему нужна была актриса западного типа, умеющая петь, танцевать, да и вообще быть раскованной. Идеал воплотился в лице Любови Орловой.

Поистине всемирная слава ожидала первый фильм Александрова. «До „Весёлых ребят“ американцы знали Россию Достоевского. Теперь они увидели большие перемены в психологии людей. Люди весело и бодро смеются. Это большая победа. Это агитирует больше, чем доказательство стрельбой и речами», — так писал Чаплин о советском шедевре. Не остался в стороне и Главный ценитель искусства в стране — Сталин: «Очень весёлая картина. Я как будто месяц в отпуске побывал». Ну а простой народ высказывал свой восторг полными залами кинотеатров, на просмотр ходили семьями, коллективами, парами и в одиночку по несколько раз. Песни «Весёлых ребят», фразы заучивались наизусть. Орлова стала лицом эпохи. Она, как любая звезда, казалась «своей», родной, близкой и вместе с тем недоступной, волшебной, она была безупречна, и в ней воплощался недосягаемый идеал красоты, молодости, лёгкости — чуда наяву.

Сталин быстро сообразил, как престижно иметь такую элегантную, талантливую, совершенную женщину в качестве звезды отечественного кинематографа, какой роскошной «визитной карточкой» может стать актриса в мире. На одном из

кремлёвских приёмов вождь, отечески оглядев звезду, промурлыкал сочувственно: «Какая маленькая! Какая худенькая! Почему худенькая? Почему бледная?» Желая отшутиться, Любовь Петровна кивнула на Александрова: «Вот виновник, замучил съёмками — ни дня, ни ночи…» Сталин сдвинул брови и поднял указательный перст: «Запомните, товарищ Александров! Орлова — наше народное достояние. Орлова у нас одна. И если вы её будете мучить, мы вас жестоко накажем. Мы вас повесим, четвертуем, а потом расстреляем из пушек».

Шутка из уст тирана не казалась такой уж неправдоподобной, но Сталин в этом зловещем монологе точно выразил исторические реалии, в которых зрел талант Орловой. Она «была одна», она «одна» за всех могла свидетельствовать неверящим, сомневающимся о лучезарности и светоносности советского образа жизни, «одна» могла демонстрировать полноту счастья и красоты. Она у Него была «одна»…

«Цирк» и «Волга-Волга», «Светлый путь» и «Весна» — вехи «большого пути» Орловой. Казалось, она получила в этой жизни все, чего может достичь женщина в советской стране — огромную славу, неслыханное богатство, любящего мужа, однако судьба словно опомнилась в щедрой раздаче подарков своей избраннице.

Заканчивается война, близится к концу жизнь вождя, и с его уходом проваливается в небытие и его эпоха — её эпоха. Ещё будут фильмы «Встреча на Эльбе», «Мусоргский», «Композитор Глинка», «Русский сувенир», но неумолимо подступающая зрелость, а следом и старость уносят былой энтузиазм, заставляют все тщательнее маскировать морщины. Особенно подводят Орлову руки, те самые руки которые когда-то прилипали к стылым бидонам с молоком — тёмная, тяжёлая, узловатая кожа. Никакие средства, ни доморощенные, ни заграничные, не помогали.

Ещё в 1947 году на Международном фестивале в Венеции Любовь Петровна за фильм «Весна» разделит с И. Бергман премию, присуждаемую лучшей актрисе года. Но творческий потенциал неумолимо таял, фильмы поскучнели, роли стали натужными, Орлова пережила своё время. Она будет ещё бороться — долгие тридцать лет. Будет играть в театре им. Моссовета, будет встречаться со своими поклонниками, будет путешествовать по странам, будет блистать в обществе знаменитых людей — Бернарда Шоу, Жан-Поля Сартра, Эдуардо де Филиппо. И на бестактный вопрос: «Сколько вам лет, скажите честно» — будет отвечать с ослепительной улыбкой: «Сколько дадите, столько и есть».

После провала «Русского сувенира» чета Орлова —

Александров, казалось, навсегда покинула кинематограф. Любовь Петровна тяжело переживала неудачу, при ней нельзя было упоминать даже название этого злосчастного фильма. Похоже, она понимала, что «Русский сувенир» оказался не просто срывом, а катастрофой. Агония их кинематографа разразилась прямо на глазах у прежних поклонников. И всё же они дерзнули на новую попытку, решили обратиться к жанру приключенческому. Расчёт был прост — уж если не мастерство, то обычный интерес зрителя к захватывающему сюжету сделает своё дело. Любовь Петровна сомневалась долго. Ей было под семьдесят, а играть предстояло роль в большом временном отрезке, едва ли не от двадцатилетней девушки. Орлова уже много лет с болью вспоминала неуклюжую похвалу газеты «Ферганская правда», высказанную по поводу работы в фильме «Русский сувенир»: «С годами не померк, не состарился талант выдающейся советской актрисы».

И всё же они решились на этот шаг. Александров предусмотрел, казалось бы, все: беспроигрышная для семидесятых тема — «борьба двух систем», авантюрные перипетии сюжета, такой близкий актрисе мотив Золушки, мотив рождения звезды. Казалось, фильму были суждены хорошая прокатная судьба и высокая оценка государственной прессы. Но… картина на экран не вышла. Она была закончена, по сметным расходам оказалась одной из самых дорогостоящих в советском кинематографе тех лет, и тем не менее зритель её не увидел. Долгие годы в «киношных» кругах ведутся споры, выдвигаются версии, почему «Скворец и Лира» (так назывался последний фильм Александрова) был положен на полку. Редактор картины утверждал, будто закрыли фильм по причине несоответствия политическому моменту, причём сделал это в день сдачи картины сам её главный консультант, высокий чин КГБ Цвигун. В этой версии остаётся невыясненным лишь один вопрос: почему консультант был так благодушен во время съёмок политически неблагонадёжного фильма, почему не предупредил сразу, а дождался, когда израсходовали народные денежки? Скорее всего, группе, работавшей на картине, не захотели объяснить подлинные причины изъятия фильма из проката.

По версии одного из чиновников тогдашнего Госкино, Орлова сама закрыла картину, увидев, насколько безжалостно экран выдаёт её старость. Это, конечно, похоже на правду. Любовь Петровна слишком отчаянно боролась за свой образ нестареющей, уверенной в себе примадонны. Не могла же она позволить развенчать себя столь беззастенчиво и откровенно даже ради прихоти любимого человека.

Ни одна из версий не доказана, но спустя годы и годы, в середине 1990-х, фильм «Скворец и Лира» показали по телевиденью. Это было мучительное и страшное, нездоровое и почти зловещее зрелище. Словно восставшие мертвецы силились восстановить давно умерший мир прежних мифов и символов, вызывая в памяти кошмарные ирреальные сны. Мир, в котором героиня Орловой пребывает «вечно молодой» во всех эпохах, пронизывает смертного человека ледяным холодом, как всякое чувство безвременья и бездны.

Что ж… Звезда может лететь только по своей орбите и только мгновенно, таков её закон от века. И никому ещё не дано было после угасания снова зажечь звезду.

ЛЕНИ РИФЕНШТАЛЬ

(1902—2003)

Немецкий кинорежиссёр, поддерживала нацистов, создала документальные фильмы о Нюрнбергском съезде фашистской партии «Триумф воли» (1934) и фильм об Олимпийских играх в Берлине в 1936 году «Олимпия». Автор семи художественных картин. В середине 1920-х годов снималась как актриса в фильмах режиссёра А. Фанка. С 1970-х годов занимается фотографией: фотоальбомы «Последние нубийцы» (1973), «Люди Кау» (1976), «Коралловые парки» (1978).

После окончания Второй мировой войны многие, сотрудничавшие с нацистами, были помилованы и прощены — режиссёр первого художественного фильма, прославлявшего фашизм; человек, снявший документальную картину о бомбёжке Варшавы; антисемит, печально известный картиной «Еврей Зюсс». Все они успешно работали в послевоенной Германии, спокойно дожили в своём уютном мирке и умерли в кругу обожавших их родственников. И лишь Лени Рифеншталь, работавшая на фашистский режим каких-то восемь лет из почти семидесятилетней своей деятельности, навсегда осталась обвиняемой, одиозной, спорной фигурой, которой ничего не простилось.

Аргумент прост: в глазах её защитников её талант искупал вину — Лени выпали дурные карты, но она смогла достойно сыграть; в глазах её противников именно Рифеншталь несёт ответственность — получив от природы необыкновенный талант, она использовала его на службе дьяволу.

А может, и впрямь эта женщина «продала» свою душу дьяволу?.. Иначе чем объяснить эту поистине мефистофелевскую энергию, которую до сего дня излучает Рифеншталь. Посмотрите на эту фотографию. Сколько лет вы дадите этой женщине с кинокамерой. Пятьдесят? Шестьдесят? Семьдесят? Но Лени здесь девяносто! Ещё десять лет назад она, скрыв свой возраст, получила разрешение на занятие подводным плаванием. Поистине, что-то дьявольское есть в её вечной молодости… Так просто не бывает — фотографироваться под водой в обществе огромного ската на восьмом десятке…

И всё же она реальна, и фильмы её, эти монстры искусства, — тоже реальность, в которой звучит извечный вопрос — совместимости гения и злодейства, таланта и совести, долга и красоты. Она, Лени, задала своим фактом существования

немалую загадку человечеству.

Дочь бизнесмена, владевшего фирмой по производству вентиляционного и отопительного оборудования, Рифеншталь выросла в типичной сытой среде немецкого буржуа начала века. Однако непомерно честолюбивая, яркая, цепкая девочка выделялась среди своих сверстников атлетическим сложением, желанием и умением везде быть первой и… запоминающейся белокурой красотой. Её страстью рано стал театр, но особенных успехов Лени достигла в танцах. В Германии трудно найти актёра начала XX века, который не испытал бы влияния Макса Рейнгардта. Не осталась в стороне от театральной империи этого знаменитого мастера и наша героиня. К 24 годам она уже гастролировала с компанией Макса по Европе с сольной танцевальной программой. Сильный ушиб колена вскоре заставил Лени поставить крест на успешно начатой карьере.

Трудно себе представить, в какое смятение повергла Рифеншталь эта подножка судьбы. Она, всегда ориентированная на победу, упрямая, не желающая приспосабливаться к обстоятельствам, была остановлена нелепой случайностью Но эта же «госпожа случайность» привела Лени к самому важному решению её жизни. Увидев один из «горных» фильмов Арнольда Фанка, она «заболела» совершенством сверхчеловека, своего романтического идеала. С присущим ей вероломством и отсутствием всяческих комплексов Лени отправляется к режиссёру в Швейцарию и вскоре становится ведущей актрисой «горного» жанра, который придумал Фанк. Она снялась в семи его фильмах.

Однако к 1932 году, посчитав, что она достаточно поработала на «любимого» режиссёра и теперь сама в состоянии воплотить собственные творческие замыслы, Лени дебютировала как постановщик и одновременно сыграла главную роль в своём «горном» фильме «Голубой свет». Это был тот случай, когда ученик превзошёл своего учителя. И уже в первом фильме она обнаружила ту демоническую ауру, которая её отличала. То, что у Фанка было разработано поверхностно — темы целеустремлённости и сверхсилы — у Рифеншталь приобрело аллегорический смысл. Гора предстала перед зрителем как нечто в высшей степени прекрасное, но опасное, обладающее волшебной силой пробуждать стремление к самоутверждению и вместе с тем к бегству от уничтожающей человека рефлексии в мужественное людское братство. Рифеншталь предназначила себе роль девушки, похожей на цыганку, по мнению местных жителей, связанной с нечистой силой. Но только она, Юнта, способна добраться до источника голубого света, ставшего символом

недостижимой для обывателя цели. Юнту убивает проза окружающего, слепой рационализм возлюбленного, благодушного горожанина — именно это толкает девушку в пропасть.

Она поставит ещё пять таких «горных» фильмов и её, эффектную энергичную актрису, конечно, заметят. Когда американский режиссёр Штернберг снимал в Берлине «Голубого ангела» с Марлен Дитрих, он подошёл к Рифеншталь и предложил ей поехать с ним в Голливуд: «Я могу сделать из тебя крупную звезду».

Но не суждено ей было стать Элизой Дулитл (так называла себя Дитрих) у профессора Хиггинса — Штернберга. Судьба распорядилась иначе: она стала женщиной-Фаустом у Гитлера-Мефистофеля.

Впервые голос будущего фюрера она услышала в 1932 году. «В тот самый миг мне представилось почти апокалиптическое видение, которое я уже не смогла забыть. Мне показалось, будто поверхность земли расстилается передо мной и вдруг трескается посередине и оттуда вырывается огромный фонтан воды, такой мощный, что достигает неба и заставляет дрожать землю».

Она была поражена, но, как в готическом романе, она — прекрасное видение, поразила своего совратителя. Гитлер увидел мистические танцы Лени ещё в фильме Фанка «Священная гора» и понял — эта та сверхженщина, которую придумал он, он сам. Королева на троне, недосягаемая для масс. Идол. Миф. Другими словами, все то, чем так хотел быть сам Гитлер, но на что ему катастрофически не хватало художнического таланта. Она была нужна ему, он словно чувствовал её тягу к нему, и они встретились…

Лени до сих пор скрывает то, что знает сегодня любой знаток кино: она начала съёмки пропагандистских фильмов не со знаменитого «Триумфа воли», а с небольшой ленты «Победа веры», рассказывающей о самом первом съезде нацистов, и с восемнадцатиминутной короткометражки «День свободы: наша армия», и именно поэтому, а не почему другому, была приглашена лично Гитлером в качестве «придворного» режиссёра для эпохального фильма, призванного запечатлеть программные речи фюрера. Рифеншталь была призвана, чтобы создать нечто новое в массовом искусстве XX века — имидж. И она его создала. Безусловно, «Триумф воли» — лучший пропагандистский фильм всех времён. Лени проработала до мельчайших деталей технику кинематографического воздействия на человека. Весь свой талант она вложила в демоническую манипуляцию бесстыдными инстинктами биологического существа.

Взявшись за сложнейшую задачу — воспроизвести на экране

нацистский съезд, она прежде всего подумала, как избежать однообразия и скуки, как заставить зрителя следить за событиями с тем вниманием, с каким обыватель смотрит детективы или «ужастики». Внедрить игровой сюжет? Но он будет придуманным, искусственным.

Рифеншталь решила опереться на динамику и красоту. Она заставила операторов освоить роликовые коньки, документальное кино до неё не знало движущейся камеры. Везде, где должны были состояться нацистские мероприятия, Лени велела проложить рельсы, на которых, как трамваи, разъезжали кинокамеры. Даже на флагштоке высотой 38 метров она приказала укрепить небольшой подъёмник, чтобы добиться оптических эффектов. Для съёмок речи Гитлера перед гитлерюгенд Рифеншталь придумала круговые рельсы у трибуны, чтобы оператор мог запечатлеть разнообразные живые ракурсы лица фюрера.

Защитники Рифеншталь сравнивают нашу героиню с Эйзенштейном — дескать, и тот и другой прославляли своим искусством кровавые режимы. Но дело в том, что фильмы Лени никакого отношения к искусству не имеют, в них нет и намёка на мысль, на мучительные идеи — в них есть идеал, понятный, точный, не допускающий возражений. Её фильмы — совершенное пропагандистское зрелище, Рифеншталь первая в мире освоила метод оболванивания масс, метод назойливого навязывания собственной позиции — за то и судима современниками.

Помимо новшеств, которыми в изобилии украшала свои произведения Лени, фильмы её несли титаническую энергетику её создателя. Было что-то жуткое в её одержимости, никакие жертвы не могли остановить её ради красивого кадра. И сегодня она оправдывается: «Кроме работы меня ничего не интересует». Она приводит в пример одну памятную стычку с Гитлером. Когда фильм был уже практически смонтирован и Лени предвкушала, какой эффект вызовут первые кадры — из моря облаков вырастает силуэт старого Нюрнберга — её пригласил к себе фюрер. Он выразил опасения, что фильм может обидеть тех, кто недостаточно полно показан в нём, и предложил, как ему казалось, весьма хитрый выход. «Я приглашу особо важных людей в киноателье. Мы станем в ряд, и камера медленно проедет перед нами. Таким образом, будут отмечены заслуги каждого. Это может стать прологом картины. И никто не будет уязвлён».

Лени вмешательство в её замысел привело в бешенство. Она кричала на обожаемого вождя, топала ногами и выбила-таки себе полную свободу.

Возможно, подобный фанатизм и создаёт героев, но весьма

сомнительно проявлять его в таком тонком деле, как искусство. Прекрасно верить в себя, но нельзя не давать своим оппонентам ни малейшего шанса.

В 1936 году Рифеншталь получила заказ Международного олимпийского комитета на фильм, освещающий события Олимпиады в Берлине. Эта картина в двух сериях не избежала нацистской ауры, хотя формально она рассказывает о спортивных состязаниях. В 1950-е годы Лени ссылалась на якобы нейтральность фильма «Олимпия», требуя признать первичность его художественных достоинств. Однако всякому беспристрастному зрителю ясно, с каким восторгом Рифеншталь и в этой ленте пропагандирует фашистские ценности — красоту арийской нации, поклонение вождю. В 1938 году, когда вся Европа была уже напоена ядом фашизма, на Международном кинофестивале в Венеции Лени получила за «Олимпию» Гран-при.

Успех опьянил Рифеншталь: в первые дни военных действий в Польше она вызвалась снимать грандиозные фильмы о победах Гитлера. Но она не смогла выдержать ужасов войны, нечеловеческого обращения фашистов с пленными и удалилась в горы Швейцарии. Благо, что теперь Гитлеру было не до пропагандистских фильмов.

Пока Европа истекала кровью под сапогом фюрера, Рифеншталь решила «отвлечься» очередным фильмом на «горную» тему. Завершённая в 1945 году лента «Равнина», по понятным обстоятельствам, связанным с долгими разбирательствами нацистского прошлого Лени, вышла на экран лишь в 1954-м. Эта работа породила очередной скандал: Рифеншталь обвинили в том, что в качестве статистов в своём фильме она снимала цыган из нацистских концлагерей.

В послевоенной части биографии Лени наряду с агрессивной самозащитой возникают жалостливые нотки. Она стала писать, что страдает от хронической болезни и вынуждена жить буквально на уколах. Однако этот образ полуинвалида мало совпадает с её же собственными фотографиями о путешествиях по Африке. Спасаясь от жестоких журналистов, которые своими вопросами загоняли её в тупик, Рифеншталь покинула Европу. Долгое время о её жизни ничего не было известно, но в 1970-х Рифеншталь вновь заставила говорить о себе в связи с прекрасным фотоальбомом «Последние нубийцы», рассказывающем о погибающем африканском племени.

Несмотря на прошедшие годы Лени по-прежнему декларирует ценности своей юности. С точки зрения эстетики её альбом безупречен, но по мысли он близок к нацистским фильмам. Рифеншталь с удовольствием отмечает, что попала в

Африку вовремя, пока славные нубийцы не успели развратиться деньгами, должностями и одеждой. Она культивирует борцовские поединки чернокожего населения, их коллективизм, силу, не запятнанную никакими моральными соображениями. Рифеншталь возрождает фашистскую риторику, восхваляя единство нубийцев и преклонение их перед родовым вождём.

Один из создателей документального фильма о Лени Рифеншталь — Рей Мюллер — сказал: «Её талант стал её трагедией… Она была слепа, потому что была одержима, всё время, подобно лазерному лучу, сосредоточивалась только на своей работе, не глядя ни налево, ни направо… Но в такое время, как тогда в Германии, человек обязан оглядываться по сторонам, а не быть простым лазерным лучом. От этого ничем не отговоришься, эту ответственность, этот груз ей придётся нести всегда».

P.S. Лени Рифеншталь ушла из жизни 8 сентября 2003 года.

КЛАВДИЯ ИВАНОВНА ШУЛЬЖЕНКО

(1906—1984)

Советская эстрадная певица, народная артистка СССР (1971). Выступала с 1929 года.

Пройдёт ещё, возможно, несколько десятков лет, и об этой певице почти забудут. Вместе с поколением фронтовиков уйдёт в небытие её живой голос, её обаяние, словом, то, что представляется ценным при непосредственном общении и кажется нелепым в телевизионных повторениях и старых трансляциях. Она уплывает в лодке времени все дальше и дальше в прошлое, и вряд ли что-либо сможет удержать её в сегодняшнем дне. Она безнадёжно устаревает.

И всё-таки, всякий, кто пожелает познать историю советского периода, не пройдёт мимо имени Клавдии Шульженко, потому что эта артистка была тем светлым началом, которое пробивается при любом самом жестоком режиме. В атмосфере официозности Шульженко сумела лавировать между Сциллой и Харибдой — лирическим обращением к человеческим чувствам и требованиями партийных чиновников. Она оказалась живучей эстрадной звездой, отлично чувствовавшей конъюнктуру, она была достаточно устойчива в абсурдной обстановке доносов и клеветы. Она смогла выполнить свою программу-максимум и выжать весь тот объём счастья, на который было способно её время. Оказывается, чтобы добывать счастье, тоже нужно быть профессионалом.

У харьковчанки Клавы Шульженко голос был поставлен от природы, да и музыкальными способностями Бог девочку не обидел, но самолюбивому подростку карьера певички казалась слишком мелкой. Она видела себя на сцене, покоряющей сердца зрителей трагическими монологами Офелии или Джульетты. Благо, отличный драматический театр Синельникова находился недалеко от дома Шульженко. Клаве ещё не исполнилось семнадцати, когда она вместе с подругой отправилась к режиссёру Синельникову на предмет поступления в труппу. Вероятно, мэтр был несколько ошеломлён наглостью девчонок, однако согласился посмотреть их программу.

Клава решила начать с песен, и подыгрывать ей на рояле попросили молодого человека с забавным именем «Дуня». Потом оказалось, что это был будущий известный композитор Исаак Дунаевский. Так сама судьба уже на первом серьёзном экзамене свела Клавдию с «нужным» человеком. В театр её тоже приняли с

первой попытки, очевидно, помогли вокальные данные, иначе трудно объяснить, почему Синельников зачислил в труппу совсем молоденькую девушку, да ещё и без всякого актёрского образования. Дебютом Шульженко стала оперетта Жака Оффенбаха «Перикола», где Клавдия пела в хоре — то среди уличной толпы, то среди гостей на балу.

Скоро выяснилось, что яркого драматического таланта у Шульженко не было. Конечно, она могла кое-чего добиться и в театре, особенно если учесть её поразительную работоспособность — однажды именно ей, начинающей, поручили заменить в гастролирующем театре заболевшую актрису, потому что нужно было за ночь выучить огромный текст — однако Клавдию все больше тянуло на эстраду, к песням, в которых не было сковывающих мизансцен, длинных монологов, сложных партнёрских отношений.

Она охотно принимала участие в концертах, дивертисментах, искала свой репертуар, и постепенно уже в Харькове круг её общения стали составлять композиторы, поэты, просто поклонники, которые сопутствуют любой звезде, пусть даже местного масштаба. Наверное, те, кто знают полублатную песенку «Кирпичики» и видели подчёркнуто приличную манеру исполнения Шульженко на сцене, удивятся, узнав, что написана песня была специально для молодой Клавы и с её лёгкой руки пошла гулять по городам и сёлам, превратившись практически в народную.

Настоящая карьера певицы началась для Шульженко в Ленинграде. На её счастье в то время практиковались концерты в кинотеатрах, и для начинающего актёра хорошей школой становились частые, короткие выступления. Бывали вечера, когда Клавдия пела по три концерта за вечер на разных площадках. У неё даже появилась своя публика — те первые фанаты, которые ходили «на Шульженко». Наконец, в 1929 году она попала на свой «самый главный» концерт, устроенный по случаю Дня печати — на сцене «Мариинки». Успех пришёл мгновенно — на бис её вызывали трижды.

Она стремилась закрепить схваченную «за хвост» удачу и подала заявление на участие в первом конкурсе артистов эстрады. Среди трех песен, обязательных для исполнителя, Шульженко выбрала популярную в то время кубинскую «Челиту». Каково же было удивление, когда она увидела, что по меньшей мере дюжина певиц включила эту же песню в первый тур. «Звёздный» характер человека проявляется именно в таких сложных для самолюбия актёра ситуациях. Шульженко решила не снимать из репертуара хорошо сделанную песню — она так сильно верила в себя, что

легко смогла убедить и окружающих в своей неповторимости. По условиям конкурса «бисы» были запрещены, но зрители не отпускали Шульженко, аплодисменты не стихали. В нарушение порядка она спела на «бис»…

Одна за другой вышли пластинки. Продавались тысячами. Кажется, не было дома, где бы не звучал голос Клавдии Ивановны. Она становилась кумиром, «соловьём» Советской России, любимой певицей, которой авторы почитали за счастье отдать свои новые произведения. «Дольше всего я репетировала „Руки“. Влюблённый Жак и Лебедев-Кумач написали её для меня. Подарили мне эти „Руки“! Они считали, что руки мои поют. Смеются, страдают. Ах, как я была горда! Но песня не получалась. Ну абсолютно. Василий Лебедев-Кумач предложил бросить, не работать над ней. Не включать в репертуар. Я же упрямилась. Искала выразительные движения, интонации. Как режиссёр, ставила свой мини-спектакль».

Шульженко вообще с большой охотой использовала те небольшие театральные навыки, которые успела освоить в мастерской Синельникова. Она любила эффектные паузы в середине песни, с удовольствием прибегала к реквизиту на эстраде, она знала, что песня — маленький спектакль, и гордилась своей «тайной», «подпольной» режиссурой. Драматургически раскладывая будущий номер, она достигла в этом совершенства — в соединении секретов театра и эстрады.

Она одной из первых на отечественной эстраде стала создавать концертные программы, объединённые общей темой. Так, в 1947 году состоялась премьера песенной сюиты Василия Соловьёва-Седого «Возвращение солдата», в которой воплотилась давняя мечта Клавдии Ивановны — единолично сыграть на сцене музыкальный спектакль.

Звёздным часом карьеры Шульженко стала Великая Отечественная война. Вот где буйный азарт, неуёмная энергетика певицы смогли выплеснуться до донышка. Буквально с первых дней войны Шульженко начала выезжать на фронт, она не знала отдыха и сна, пела на аэродромах, в цехах, под бомбёжками, пела в пыли от проезжающих танков и в двадцатиградусный мороз. Остаётся удивляться самоотверженности, даже отчаянной смелости Клавдии Ивановны — она словно ставила рискованные эксперименты над собственным голосом. В первый год войны Шульженко дала 500 концертов в совершенно нечеловеческих условиях. Сверхпопулярность давалась недёшево, но артистка готова была заплатить за неё любую цену.

Визитной карточкой Клавдии Шульженко на долгие годы стал «Синий платочек» — песня с необычной историей. Однажды

после очередного концерта к актрисе подошёл стройный молодой лейтенант:

«Михаил Максимов, — представился он. — Я написал песню для Вас. Долго думал, но все не получалось… Мелодию взял известную — „Синий платочек“, я её слышал до войны, а вот слова написал новые…»

Лейтенант протянул Шульженко тетрадный листок. Мелодия «Синего платочка» действительно была широко знакома. Её автора, польского композитора Иржи Петербугского, знали как создателя исполнявшегося чуть ли не на каждом шагу танго «Утомлённое солнце». Ностальгия по довоенному быту, запечатлённая в музыке, соединилась с суровыми словами лейтенанта Максимова, и подхваченная Клавдией Шульженко песня стала любимой для солдат войны. Пожалуй, редкой песне суждена столь долгая жизнь. Практически ни один концерт Шульженко уже не обходился без этого музыкального шедевра. «Синий платочек» соединил в себе лирический талант Клавдии Ивановны и её огневой, лихой характер, её непоколебимый оптимизм и веру в силы человека. Говорят, плохо, если актрису знают благодаря одной-единственной удавшейся роли, и всё же не так уж плохо, когда певицу связывают с одной «самой-самой любимой» песней. Шульженко навсегда останется «той», кто пела «Синий платочек», «той», кто победно взмахивала рукой и срывающимся голосом, словно из автомата, речитативом чеканила:

Строчи, пулемётчик, за синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

Они были очень нужны друг другу — фронтовики, с огрубевшими, запылёнными лицами, и эффектная, в неизменном концертном платье, несколько манерная, из другого мира женщина. Они видели в ней чудо райской, прекрасной жизни и готовы были многое отдать, чтобы только коснуться этого «божества». Много лет спустя Шульженко вспоминала, как поднесли ей девушки-связистки букет полевых цветов, собранных на нейтральной полосе, простреливаемой вражескими снайперами. Она пела для них долго, всё, что они хотели…

В личной жизни Клавдия Шульженко тоже была победительницей, но оказалось, что это штука весьма тонкая и гораздо менее прочная, чем карьера звезды. И победительница иногда приходит к одиночеству и обыкновенной «бабской нескладухе».

Он приехал из Одессы, её герой, Владимир Коралли —

обворожительный, весёлый, с улыбкой во весь рот, прекрасный конферансье-куплетист. И сама фамилия его, если вслушаться, была полна магии. В ней звучал рокот моря, сияли солнце и кораллы. Девчонки влюблялись в нового героя повально и страстно. Но Клаве стоило взглянуть — и одесский Коралли, король, был уже у её ног. Роман был стремительный, шумный, со скандалами поверженных соперниц, с недовольством родителей.

«Его мать была категорически против брака, — вспоминала Шульженко. — Считала меня ветреной, сумасбродной. И всё же… Всё же через полгода мы поженились. Прожито вместе четверть века. Конечно, бывало всякое. Но, главное, были единомышленниками. Родила ему Гошу. Сын рос — весь в него». Они действительно прожили, не расставаясь, практически 25 лет. Коралли успешно руководил джаз-бендом, который сопровождал Клавдию на всех концертах. Они вместе создавали «Шульженко» — тот имидж, который привёл певицу к всенародной славе. Но однажды ей все опостылело — семья, любящий муж, повзрослевший сын… И тогда появился Гриша… А может, опостылело потому, что появился Гриша — Григорий Епифанцев. Кинооператор. И она, как девчонка, потеряв голову, бросила все. И ушла к нему…

Конечно, из этого сумасшедшего брака, из этого вызова собственному старению ничего не получилось. Её ждала расплата за наваждение, за самовлюблённость, за страсть — одиночество. Всю последующую жизнь она желала лишь одного — прощения сына.

В послужном списке Шульженко 23 пластинки. Последняя её работа «Портрет», состоящая из одиннадцати произведений, заключалась все той же легендарной песней «Синий платочек». И спустя много лет постаревшая Клавдия Ивановна на своём творческом вечере вспоминала — где же тот добрый гений, стройный лейтенант Максимов, подаривший ей однажды лебединую песню её души, скромный «Синий платочек».

АСТРИД ЛИНДГРЕН

(1907—2002)

Шведская писательница. Автор повестей для детей «Пеппи — Длинный чулок» (1945—1952), «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше» (1955—1968), «Расмус-бродяга» (1956), «Братья Львиное Сердце» (1979), «Роня, дочь разбойника» (1981) и др.

Помните, как начинается повесть о Малыше и Карлсоне, который живёт на крыше? «В городе Стокгольме на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт обыкновенная шведская семья…» Наверное, вы думаете, что дом этот выдуман, что знаменитая крыша, где поселился сказочный шалун, всего лишь плод воображения… А вот и нет! Все те, кто живёт немножечко в фантастическом мире: взрослые и особенно дети — с восторгом замирают у дома № 46 по улице Далагатан, где ко входной двери прибита табличка «Карлсон, который живёт на крыше». Здесь с 1941 года на втором этаже разместилась квартира лучшего сказочника мира Астрид Линдгрен. А сказочник, по всем нашим детским представлениям, и должен быть старым, несуетливым, никуда не торопящимся человеком. Смерть потому, наверное, и щадит «маму Карлсона», что жить в мире, где существуют ещё настоящие сказочники, теплее и уютнее.

Может быть, судьба Астрид и не всегда оборачивалась к писательнице чудесной стороной, но Линдгрен всегда считала, что «детство не возраст, а состояние души». Человек формируется всю жизнь: меняет взгляды, привычки, принципы, и лишь детство остаётся неизменной константой на весь наш путь, и всякий несёт в себе собственную судьбу как крест или как яркий, весёлый фонарик.

Она могла бы стать добропорядочной шведской крестьянкой, ибо детство её прошло в краю, который до сих пор называют «мрачным». Её отец Самуэль Август Эрикссон не был состоятельным человеком, он арендовал кусок земли у местного священника и работал на ней до седьмого пота. Пожалуй, семья Астрид сегодня вызывает умиление у людей, живших простыми патриархальными ценностями. Они работали в поле, ухаживали за скотом, а в свободное от тяжёлого труда время гуляли по живописным, хотя и суровым хвойным лесам Смоланда (так называлась местность, где провела детство Линдгрен), сидели подолгу на покрытых сизым мхом валунах, а когда уж совсем было зябко и вьюга заносила двери хуторских жилищ,

рассказывали друг другу сказочные истории. Во всяком случае, сегодня воспоминания Линдгрен рисуют именно такую лубочную картинку. Мать и отец любили друг друга с девяти лет и столь нежно относились друг к другу всю долгую жизнь. О такой любви в сегодняшнем вовсе не сказочном мире и говорить не приходится: она растаяла вместе со свечами в тихие зимние далёкие вечера.

Во всяком случае, одно кажется нам, прагматикам, несомненной правдой — в семье Эрикссонов царил уют, взаимопонимание и доброе отношение к домочадцам. Астрид росла, вероятно, бойкой девчушкой, не чета своим увальням-братьям. В их крестьянскую усадьбу частенько захаживали бродяги и просились переночевать на скотном дворе или сеновале. В их необычном, беспорядочном облике девочке мерещилось нечто сказочное, и Астрид не слишком сдерживала себя, фантазируя напропалую — благо у будущей писательницы маленьких слушателей всегда было предостаточно, — братья и сёстры Эрикссоны благодарно внимали рассказчице.

Да и в школе Астрид поражала учителей своими яркими сочинениями. Она много и беспорядочно читала, а потому пугалась, когда ей пророчили славу известной шведской писательницы Сельмы Лагерлёф. С одной стороны, было бы неплохо померяться славой со знаменитостью, с другой — очень хотелось вкусить многие радости жизни, а оставаться книжным червём, писательницей, Астрид представлялось весьма скучной перспективой.

Начало взрослой жизни ознаменовалось для Астрид большим скандалом. Она забеременела, да ещё и отказалась выйти замуж за отца будущего ребёнка. И если первое событие лишь слегка шокировало спокойных шведских провинциалов, то своеволие согрешившей потрясло их до глубины души. Таких нравов Смоланд — родина знаменитой шведской спички — ещё не видывал. В силе духа Астрид, конечно, не откажешь, но неизвестно, как бы повернулась её судьба — не помоги своей любимице родители. Они отправили Астрид в Стокгольм, подальше от пересудов, и, надо сказать, дочка не подвела. Вначале она устроилась работать секретаршей в контору, потом уехала в Копенгаген, где и родился сын Ларс. Жизнь в большом мире оказалась непростой. Молодая мать вынуждена была отдать младенца няньке, а сама поселилась в пансионе. Сердце разрывалось на части от разлуки с сыном, но Астрид выстояла, а вскоре и весьма удачно вышла замуж за своего шефа Стуре Линдгрена, преуспевающего бизнесмена. Муж, если можно так выразиться, представлял собой обычный тип «нового шведа». Он

много работал: шутка ли, дослужился до директора Всешведского торгового автомобильного объединения; обеспечивал семью, лихо «закладывал за воротник» и предоставлял жене «счастливую возможность» просиживать вечера в одиночестве, проявляя себя в качестве примерной жены и заботливой матери. В одном из интервью Астрид сказала, что после смерти Стуре в 1952 году у неё никогда не возникало желания второй раз вступить в брак.

Существование Астрид напоминало жизнь многих и многих женщин всего мира, небедных, обременённых детьми и не обременённых мужниной верностью. Но Астрид не была бы Астрид, если бы однажды не посетила её великолепная идея. О начале своей писательской деятельности она любит рассказывать — ещё бы! — в этой истории есть где размахнуться её ироническому таланту. Когда дочке Карин исполнилось семь лет, она тяжело заболела и пролежала в постели несколько месяцев. Каждый вечер девочка просила у матери что-нибудь ей рассказать. «Однажды, когда я не знала, о чём повествовать, она сделала заказ — о Пеппи — Длинный чулок. Я не спросила, кто это, и начала рассказывать невероятные истории, которые соответствовали бы странному имени девочки». Конечно, Астрид и не помышляла, что эти «лекарственные» истории превратятся в книгу. Но… в сказке ведь всегда случается что-то чудесное, если даже сначала оно, чудесное, и кажется грустным. «Как-то вечером в марте 1944 года мне надо было навестить одного моего друга. Шёл снег, на улицах было скользко, я упала и сломала ногу. Некоторое время мне пришлось полежать в постели. Заняться было больше нечем, и я начала стенографировать свои истории о Пеппи, решив преподнести рукопись в подарок дочке, когда ей исполнится в мае десять лет…»

Любимая шутка Линдгрен заключает этот нехитрый рассказ «я имею обыкновение говорить, что как писатель я „продукт каприза природы“».

Как и почему Астрид всё-таки решила отправить работу в издательство — об этом история умалчивает. Известно лишь, что короткое сопроводительное письмо она закончила словами. «Надеюсь, вы не поднимете тревогу в ведомстве по охране детей…» Рукопись книжники вернули без ответа с молниеносной быстротой. Но Астрид не так просто было свернуть с намеченного пути. Издательство «Рабен ок шегрен» первым напечатало историю Пеппи. Мало того, рукопись Линдгрен признали лучшей на проводившемся в ту пору конкурсе детских произведений. И вот уже больше пятидесяти лет героиня Линдгрен проживает в 20 странах мира, восхищая малышей своей несообразностью, силой и добротой.

Популярность своих сказок Астрид объясняет умением вслушиваться в себя. Она утверждает, что никогда не сочиняет, рассчитывая на детей. «Если хотите знать, я вообще не думаю о них, когда пишу. Я думаю только о себе и моих героях. Я пишу такие книги, которые бы понравились детям, как если бы я сама сейчас была ребёнком».

Умение быть чуткой к окружающему миру отличает характер Астрид. Ну кому в голову придёт поселить персонаж на крышу, кто заставит обычную девчонку поднять лошадь? Но подобное не есть лишь плод её буйной фантазии, поражает в Астрид её умение слушать и слышать детей.

Идею «Карлсона, который живёт на крыше» тоже подсказала дочь. Но кому дети не «бросали» гениальные идеи? И только Астрид обратила внимание на смешной рассказ Карин о том, что, когда девочка остаётся одна, к ней в комнату через окно влетает маленький весёлый человечек, который прячется за картину, если входят взрослые. «Так появился Карлсон — красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Но тогда его звали Лильем Кварстен. В небольшом рассказе для шведского радио его уже звали Карлсоном, и он был очень положительным человечком, добрым настоящим другом Малыша. Он был великолепным мужчиной. Но когда я начала писать о нём книгу, он почему-то не захотел оставаться примерным и превратился в маленькое толстенькое ужасное существо, правда, с пропеллером».

Однако не следует думать, что сочинение сказок сплошное удовольствие, навроде душистого малинового чая при простуде. Астрид работает над своими произведениями долго и тщательно, отделывая каждую строчку. «Со времён моего секретарства я отлично умею стенографировать, и это оказало мне неизмеримую помощь в моём писательском труде. Поэтому пишу я быстро, но затем снова и снова перерабатываю каждое предложение, пока оно не становится таким, каким мне хочется его видеть. Всю эту переработку я осуществляю ещё в стенограмме. Причём каждую главу я обсуждаю сама с собой, пока не почувствую, что она совершенно готова. Тогда лишь я сажусь за пишущую машинку и с неимоверной быстротой перепечатываю все начисто, ничего не изменяя».

Линдгрен создала принципиально новый тип сказки. Её истории ничего общего не имеют с мистикой, они происходят среди нас с вами, в самой обычной жизни, прямо посреди бела дня, в нескольких шагах от привычной городской жизни, но только рассказаны все эти истории с такой добротой, занимательностью, юмором, что их хочется перечитывать даже

взрослым.

Сегодня Линдгрен одна из самых знаменитых женщин Швеции. Её книги переведены почти на 30 языков и никогда не залёживаются на прилавках. Она лауреат многих премий. А ещё она по-прежнему любит детей и считает, что самое прекрасное в её так быстро пролетевшей жизни — дети. К сожалению, её первенец, Ларс, уже умер. Но зато есть дочка, семь внуков и правнуки. До самого последнего времени Астрид собирала своё многочисленное семейство и выезжала с ним за границу, ещё совсем недавно она играла с детьми и вместе они сочиняли истории, но «старость — отвратительная вещь», — сказала она как-то. Линдгрен по-прежнему старается вести деятельный образ жизни: отвечает многочисленным корреспондентам, встречается с журналистами и даже пишет статьи на гуманитарные темы, но сказки больше не рождаются, книги — её самые близкие друзья — она теперь читать не может: почти совершенно потеряла зрение. И из Стокгольма она больше не выезжает.

И всё же рассказ о Линдгрен хотелось бы закончить на оптимистической ноте, потому что эта женщина прожила счастливую жизнь, смогла утвердиться как личность, родила и воспитала детей и подарила мировой культуре новую детскую книгу, которая благодаря Астрид стала «взрослой», так как ею зачитываются люди любого возраста.

P.S. Астрид Линдгрен ушла из жизни 28 января 2002 года.

СИМОНА ДЕ БОВУАР

(1908—1986)

Французская писательница. Жена Ж.П. Сартра. Автор романов «Гостья» (1943) «Мандарины» (1954), книги «Второй пол» (1949), повести «Прелестные картинки» (1966), автобиографической трилогии (1958—1963) и других произведений. Внесла весомый вклад в развитие философской мысли и феминистского движения XX века.

Имя Симоны де Бовуар мало известно российскому читателю, а если кому-либо оно и знакомо, то, вероятно, в связи с творчеством французского писателя-экзистенциалиста Жан-Поля Сартра. Между тем Симона де Бовуар одна из наиболее выдающихся представителей литературного мира своего поколения. Настоящий фурор в кругах интеллигенции Европы и Америки произвела её книга «Второй пол», представляющая собой весьма спорную и хлёсткую полемику по поводу положения женщины в современном мире. Эта книга, впервые опубликованная в 1949 году и частично переведённая на английский язык в 1953-м, считается одной из важнейших работ XX столетия по феминизму. Она стала настоящим символом сексуальной революции 1960-х годов.

Симона де Бовуар родилась в Париже. Она была первым ребёнком в многодетной семье Франсуазы и Джорджа де Бовуар. С раннего возраста девочка проявила свободолюбивый и непокорный характер, протестуя против католических ограничений, которых придерживалось добропорядочное семейство де Бовуар. В 19 лет Симона объявила своим родственникам: «Я не хочу, чтобы моя жизнь подчинялась чьему бы то ни было желанию, кроме моего собственного».

Джордж де Бовуар не в состоянии был обеспечить ни одну из своих дочерей приданым. Симону это побудило к усиленной учёбе. Вскоре замечательная студентка Сорбонны получила степень магистра и сделала успешную карьеру.

В середине 1920-х, на одной из вечеринок, Симона познакомилась с Жан-Полем Сартром, которого впоследствии описала в своей первой автобиографии «Воспоминания прилежной дочери». «Товарищ по душе, — определила она отношение с будущим знаменитым писателем, — в котором я нашла всю свою страсть. С ним я могу поделиться чем угодно». Эта пара действительно «делила» свои жизни в течение 51 года, до самой смерти Сартра в 1980 году. За исключением небольшого

периода, во время Второй мировой воины и ежегодных шестимесячных каникул в Риме, Бовуар и Сартр жили в разных квартирах, встречаясь по вечерам для того, чтобы обсудить свои идеи, а также читать и обсуждать работы друг друга. Их союз, который оба считали идеальным союзом мужчины и женщины, нарушал традиционные понятия о браке и детях и включал в себя по обоюдной договорённости договор «условных любовников». Однажды Бовуар сказала: «Мы открыли особенный тип взаимоотношений со всей его свободой, близостью и открытостью». Вместе Бовуар и Сартр сформировали центр послевоенного Французского левого движения интеллектуалов и экзистенциалистов, провозгласили «ангажированность» литераторов своего времени.

До 1943 года Бовуар преподавала философию в нескольких колледжах Франции, а затем она полностью посвятила себя писательской деятельности. Её первый опубликованный роман «Она пришла, чтобы остаться» (1943) описывает любовный треугольник между левым интеллигентом, его давнишней любовью и молодым любовником невесты — эмоционально болезненная ситуация, пережитая Бовуар в первые годы её взаимоотношений с Сартром. Другие известные работы Бовуар: «Все люди смертны» и «Кровь других» — так или иначе посвящены интерпретации экзистенциальной дилеммы. В своих произведениях писательница часто обращалась к собственным биографическим событиям. Так, в основу повести «Мандарины» положен её роман с американским новеллистом Нельсоном Альгреном. В повести есть тонко выписанные портреты Сартра, Альберта Камю и других французских экзистенциалистов. За повесть «Мандарины» Симона была удостоена престижной награды Прикс Конкорт в 1954 году. Другая работа Бовуар, «Женщина разрушенная», объединяет три коротких рассказа о трех женщинах, которые полностью подчинены судьбе.

Среди нехудожественных произведений Бовуар широко известны четыре автобиографии, а также «Этика и двусмысленность» — чисто экзистенциальная работа, демонстрирующая приверженность идее свободы выбора и созвучная великому произведению Сартра «Бытие и небытие», «Долгий Март» — исследование, посвящённое событиям в Китае, «Взросление» — монументальное произведение об отношении общества к престарелым в различных культурах.

Но мировое признание Бовуар получила благодаря философской работе «Второй пол». В ней Симона писала: «Человек не рождается, а скорее становится женщиной. Ни биологическая, ни физиологическая, ни экономическая судьба не

определяют роли, которую играет женщина в обществе, эту роль определяет цивилизация в целом, которая создаёт это существо — нечто среднее между мужчиной и евнухом, — которое и называют женщиной».

После публикации эта работа, как единственная в своём роде и весьма революционная, получила громадную известность, но и была разгромлена суровой критикой. Резкие высказывания Бовуар по поводу отношения полов спровоцировали нападки традиционалистов. Последние утверждали, что «Второй пол» — наиболее напыщенное и претенциозное произведение писательницы, что оно догматично и пессимистично. Некоторые критики считали, что взгляды Бовуар унижают женщину, как якобы содержащие в себе предположения о врождённом превосходстве мужчин. Однако в лице многих феминисток писательница нашла горячих поклонниц, которые впервые в произведениях Бовуар увидели своего подлинного глашатая, талантливого выразителя идей женского равноправия. До настоящего времени проблемы, затронутые Симоной де Бовуар, имеют самое актуальное значение.

Вместе с Сартром Бовуар выпустила несколько публикаций, участвовала в маршах протеста, демонстрациях и в других антиправительственных мероприятиях. Она писала манифесты, речи, лекции и статьи, отстаивая идеи независимости, безопасности фабричных рабочих, разрешения абортов. В 1981 году она опубликовала воспоминания о последних десяти годах жизни своего великого спутника «Прощание с Сартром». Однако тень знаменитого писателя нисколько не заслоняет собственного вклада Симоны в развитие философской мысли и феминистского движения XX века.

ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА УЛАНОВА

(1910—1998)

Балерина, народная артистка СССР (1951), дважды герой Социалистического труда (1974, 1980). В 1928—1944 годах выступала в Театре оперы и балета им. Кирова (Ленинград), в 1944—1960 годах — в Большом театре (Москва), затем работала там же балетмейстером-репетитором. Лауреат Ленинской премии (1957), Государственной премии СССР (1941, 1946, 1947, 1950).

В глазах обывателя люди публичных профессий имеют определённый имидж: они должны быть общительны, если не сказать — богемны, раскованны, эксцентричны, вызывающи, кокетливы, словом, они обязаны всем своим видом показывать, что пришли из другого, праздничного мира, где отношения экзальтированны и возвышенны, а серая скука обыденности никогда не посещает их дом. В общем, актёр, в наших глазах, — это не профессия, а образ жизни, склад характера, постоянное желание быть на виду.

Великая Уланова своей судьбой, своим отречением, подвижничеством развенчала этот устойчивый миф об артисте. Галина Сергеевна жила так, будто её род деятельности связан с затворничеством, высоким святым служением, куда неизбранным, суетливым пути нет.

Родители Улановой — балетный актёр и режиссёр С.Н. Уланов и М.Ф. Романова, классическая танцовщица и выдающийся педагог. Естественно, что Галина с детских лет начала понимать, как трудна жизнь артиста балета, тем более что росла она в тяжёлые послереволюционные годы. Отец и мать подрабатывали за пайку хлеба — танцевали в кинотеатрах перед сеансами. Через весь Петербург, пешком, в дождь и снег, они, подхватив под руки маленькую дочку, тащились в холодные кинотеатры, где Мария Федоровна, стуча зубами от холода, стаскивала валенки и ныряла в атласные туфельки. «Они танцевали с огромным увлечением, — писала Уланова в воспоминаниях, — танцевали так, что люди, сидевшие в нетопленом зале… улыбались, счастливые тем, что они видят красивый и лёгкий танец, полный радости, света и поэзии». Пока шёл сеанс, актёры отдыхали, отогреваясь в каморке киномеханика и готовясь к следующему выступлению, а Галя смотрела фильм, неизменно — с обратной стороны экрана, засыпая за этим «интересным» занятием. Ночью отец через весь замёрзший город нёс девочку домой на руках.

Первые балетные занятия Улановой также были связаны с холодными залами, голодными обмороками, потому неудивительно, что нашей героине балет никогда, даже «в розовом» детстве, не казался чем-то похожим на сказку. «Нет, я не хотела танцевать. Непросто полюбить то, что трудно. А трудно было всегда, это у всех в нашей профессии: то болит нога, то что-то не получается в танце…»

В балетной школе маленькая Уланова часто плакала и требовала, чтобы её взяли домой. Она ненавидела занятия, каждодневную балетную муштру. Думала ли тогда маленькая Галя, что нудный тренинг станет привычкой, без которой она не сможет прожить и дня? Тогда она просто страшилась той маминой суровости, с которой Мария Федоровна внушала девочке мысль: «Если ты не станешь заниматься, ты будешь ничем, у тебя не будет даже профессии, ты будешь никчёмной балериной… Надо, надо работать!» Остаться без профессии казалось самой страшной карой в семье Улановых, а в качестве профессии воспринимался лишь балет.

И она работала. Трудно было преодолеть усталость, болезненность (Уланова в детстве была крайне слабенькой), скуку и застенчивость. Страшная стеснительность мешала девочке во всём. Она не могла заставить себя отвечать на уроках, и, потупив голову, глотала слезы, когда учитель вызывал её к доске. Интересно, что подобный «речевой» зажим остался и у великой Улановой. Однажды после долгой болезни артистка появилась в театре, где товарищи по сцене устроили ей сердечную, тёплую встречу. Растроганная Галина Сергеевна стала думать, как ей ответить на это. «Завтра, перед началом репетиций, — советовали ей, — скажите всем несколько слов благодарности». Но это было свыше её сил, страх перед необходимостью сказать «речь» обрекал Уланову на безмолвие. Тогда она заказала в цветочном магазине маленькие букетики и на следующий день на пюпитре каждого музыканта, на гримировальном столике каждого актёра лежали цветы от Улановой.

В этом поступке вся Уланова, с её органическим неприятием пышного слова — «мысль изречённая — есть ложь», с её деятельной натурой, лучше сказать, — действенной. Её природа вся в действии, её мышление — действие, и ничего показного, придуманного. Ещё в балетной школе за уроки условной пантомимы Галя получала «кол». Как только дело доходило до изучения старых приёмов пантомимы с её вычурной и манерной жестикуляцией, столь далёкой от жизни, у девочки буквально опускались руки, она чувствовала себя одеревеневшей и бессильной. Так она бессознательно протестовала против

балетной фальши.

В семье Улановых решительно порицались искусственные улыбки, показные чувства, считалось, что жизнь и так слишком сложна, чтобы тратить силы на мелочи и истерические позы. Такая установка помогла девочке, рано попавшей в балетный мир, где красота часто мешается с красивостью, вдохновение — с фальшью и вычурностью, сохранить естественность.

«Это была балерина неулыбчивая, — говорил руководитель балетной труппы Кировского театра Ф. Лопухов, — лишённая даже тени кокетства, желания нравиться». А ведь балерина обязательно должна кокетливо и задорно улыбаться, так думают многие. Даже мать Улановой, стоя однажды во время спектакля дочери за кулисами, умоляюще шептала: «Галя, ну улыбнись, ради Бога, улыбнись, хоть разочек…» Но Галя не хотела улыбаться заученной улыбкой, жить придуманными чувствами. Она существовала в танце, как подсказывало ей сердце. С первых шагов по сцене Уланова жила в танце по-своему. И не потому, что была она строптива или желала казаться оригинальной, а потому, что не могла выражаться иначе. Это было прекрасное «своенравие» гения.

Уланова несла в танце тему каких-то строго затаённых размышлений о жизни, о человеке. Лопухов рассказывал, что, входя в зал, где занималась ещё юная Уланова вместе со своими сверстницами, он часто ловил себя на том, что смотрел только на Уланову: «…она привлекала внимание тем, что всегда танцевала, словно не замечая окружающих, как будто бы для себя самой, сосредоточенно погруженная в свой особый духовный мир».

Последние четыре года обучения в школе Уланова занималась у выдающегося педагога Агриппины Яковлевны Вагановой (она продолжала заниматься у неё и десять лет после окончания хореографического училища). Это была настоящая академия классического танца, причём к каждой ученице Ваганова искала индивидуальный подход, не снижая при этом требований к мастерству. То, что легко давалось балеринам виртуозного плана, не всегда подходило хрупкой Улановой. Агриппина Яковлевна чутко прислушивалась к органике своей не похожей ни на кого ученицы: «Тонкая, хрупкая, неземное создание…» — писала Ваганова впоследствии.

Её дебют в качестве профессиональной танцовщицы состоялся 21 октября 1928 года — в «Спящей красавице» Уланова танцевала партию Флорины. Выступление в «Лебедином озере» принесло ей уже настоящую известность. Её сравнивали с молодой, но уже знаменитой в то время Мариной Семёновой, отмечая в исполнении такую же чистоту и строгость школы и

указывая на особенности — «какая-то особая увлекающая скромность жеста». Но несмотря на очевидное признание балетной критики и публики, сама Уланова была крайне неудовлетворена собой, она продолжала мучительно искать, она жаждала достичь совершенства, ибо без него она не могла существовать на сцене. «Обещание самой себе выполнить то-то и то-то было моим принципом, основой всей моей жизни. Такое воспитание воли вошло в привычку и стало источником того, что называют моим успехом. То, что так таинственно называется вдохновением, творчеством, не что иное, как соединение труда и воли, результат большого интеллектуального и физического напряжения, насыщенного любовью…»

Она действительно не сразу стала великой и неповторимой. Ей долго мешали скованность и «закрытость». Подруга Улановой, балерина Вечеслова, вспоминала, что поначалу молодая актриса от смущения на репетициях не могла смотреть в глаза партнёру. «На спектакле было легче. Там я не видела зрительного зала, глаз зрителей, а на сцене мои партнёры, оставаясь самими собой, приобретали ещё и какие-то другие черты».

Первые выступления Улановой, красивые, чистые по линиям, пластичные, смотрелись несколько холодноватыми, анемичными. По словам одного критика, «первые ростки были слабыми… если говорить языком ботаники, им не хватало хлорофилла». Она обещала стать балериной строгих классических поз и отвлечённых образов. И может быть, она так и осталась бы строгой, правильной танцовщицей, если бы не проснулись в ней скрытые духовные силы. Только когда в молодой актрисе созрела творческая мысль, когда неустанный труд дал ей покой и уверенность, начался процесс её стремительного художественного роста, сделавший её той легендарной Улановой, которую мы знаем.

Она до конца использовала и развила свои природные возможности. Вся её деятельность — пример гармонического сочетания вдохновения с рациональным началом, гениальных озарений и «чёрного» труда. Говоря об Улановой, необходимо говорить о «рацио», об интеллекте балерины. Возможно, она была первой «интеллектуальной» танцовщицей балета. Непривычное сочетание этих слов и есть Уланова.

Анна Ахматова как-то сказала: «У каждой великой балерины было какое-то выдающееся качество, какой-то „дар природы“ — у одной редкая красота, у другой изумительные ноги, у третьей царственная осанка, у четвёртой сверхъестественная неутомимость и сила. У Улановой не было ничего этого, она была скромной и незаметной Золушкой среди них, но как Золушка

победила всех своих сестёр, так и она поднялась на особую, недоступную остальным красоту».

Поскольку вся правительственная программа развлечений в советские годы сводилась к балетным представлениям, в середине сороковых годов «двор» потребовал переезда великой актрисы в Москву. Непросто приживалась Уланова в Большом театре — сказывалась разница школ, при том, что даже маленькие нюансы способны были вывести педантичную балерину из равновесия. Галина Сергеевна долгое время приглядывалась к классам столичных педагогов, пока не остановилась на классе А.М. Мессерера.

«В Ленинграде я привыкла к довольно строгой, сдержанной манере танца. Московская школа танцев — более свободная, раскрепощённая, что ли, эмоционально открытая, — говорила Уланова. — Здесь и сцена больше, требующая большего размаха. Мне нужно было понять и освоить этот стиль, и я пошла не в женский, а в мужской класс Мессерера. Этот класс помог мне обрести большую полетность и широту танца».

В Москве Уланова станцевала одну из самых лучших своих партий в «Золушке». Работа над новой партией для Улановой всегда была серьёзным жизненным этапом, вехой, все её помыслы в этот период были заняты предстоящей ролью. Она недоумевала, как актёры могли забыть о работе, едва шагнув за порог репетиционного зала: «Это ремесленничество, так ничего не может выйти». У самой Улановой размышления над ролью продолжались практически беспрерывно: «Гуляя в лесу или заваривая дома кофе, разговаривая со знакомыми или читая роман, всегда готовишь роль. Приняв её в своё сердце, ты уже не освободишься от неё никогда…» Однажды, задумавшись о партии Жизели, она, минуя дом, случайно уехала в Детское Село (сейчас — Царское). Очутившись за городом, в тишине прекрасного парка, Уланова уселась на скамейку в одной из пустынных аллей и стала проигрывать в воображении роль Жизель. Очнулась она от аплодисментов окружающих её людей. Незаметно для себя Уланова показала импровизированный танец в пушкинском парке.

16 мая 1928 года Уланова на сцене Ленинградского театра оперы и балета танцевала свой выпускной спектакль — «Шопениану» М. Фокина. Все присутствовавшие в зале знали, что этот спектакль — начало артистического пути юной балерины.

29 декабря 1960 года Уланова тоже танцевала «Шопениану», и никто не знал, что это её последний спектакль. Между этими двумя «Шопенианами» — целая эпоха в истории хореографии, её золотая страница.

Уланова ушла тайком, ушла со сцены в легенду. Но миф Улановой продолжает занимать критиков, любителей балета. Один из них писал: «Расцвет балета в XX веке в немалой степени вызван интересом современного искусства к глубинам психологии. Не потому ли величайшей балериной наших дней признана не самая виртуозная, не самая театральная, но самая чуткая к этому подспудному брожению души Уланова?»

МАТЬ ТЕРЕЗА (АГНЕССА ГОНДЖА БОЯДЖИУ)

(1910—1997)

Основательница и настоятельница католического Ордена милосердия (Индия, 1950). В различных странах основывала школы, медицинские пункты, приюты для бедняков. Лауреат Нобелевской премии мира (1979).

«Господи Боже, да исполнимся мы достоинства служить братьям нашим, людям всего мира, живущим и умирающим в голоде и нищете. Дай же им, Господи, хлеб их насущный из наших рук, и любовь свою из наших душ, дай им радость и мир». Этой молитвой мать Тереза вместе со своими «миссионерками милосердия» начинала каждый день.

Подвижничество, благотворительность, жертвование всегда вызывали в обществе боязливое уважение, продиктованное непониманием — если жизнь единственна и неповторима, то как же можно всю посвятить другим, да ещё и незнакомым людям. На самом деле, кому до сих пор не удавалось сравнить степень «счастливости» тех, кто каждый день трясётся от страха за своё будущее благополучие или сытость собственного чада, и тех, кто, «живя как птичка божия», не имеет материальных благ и распределяет свои заботы между чужими людьми. Тревожась не об одном человеке, а о многих, подвижник оставляет своё сердце здоровым, ум ясным, а жизнь вполне осмысленной. Ему нет нужды просыпаться ночью от ужаса за судьбу покинувшего дом выросшего ребёнка или искать необычные замки для сундуков с барахлом. «Детей» у него — «тьмы и тьмы», а богатства и вовсе нету. И беспокоиться не о чём. И если захочется вам вспомнить хоть одну счастливую женщину, то не ошибётесь, назвав мать Терезу.

Её принцип жизни был прост: каждый человек воплощает в себе Иисуса, а раз так, — то всякий имеет право на милосердие и любовь. Те, кто эту любовь получал от окружающих с лихвой, нашу героиню не интересовали, она обратила свой взор на тех, кто по собственной слабости оказался выброшенным обществом. Лейтмотивом её учения и подвижничества были слова Христа: «Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне». Служение обездоленным мать Тереза воспринимала как служение Иисусу. Одно дело, зажав от отвращения нос, обмывать бродягу с помойки, другое —

вообразить, что твой подопечный — не простой пьяница, а Избранник высшей силы, которому нужно подарить тепло. Сразу забудешь о неприятных запахах, а жизнь обретёт ясный смысл. «И вот мы прикасаемся к Его телу, — учила мать Тереза своих подопечных миссионерок. — Вот голодный Христос, и мы его кормим; вот раздетый Христос, и мы его одеваем; вот бездомный Христос, и мы даём ему кров…» Словом, если любое, даже самое тягостное дело освятить любовью, оно из бремени превращается в радостную цель существования.

Желание «разобраться» с абсурдностью мира, в котором бренные люди стремятся лишь к ублажению собственной плоти, появилось у девочки Агнессы в весьма юном возрасте. К двенадцати годам дочь албанского бакалейщика из города Скопье (Македония) уже знала, что она каким-то образом должна посвятить свою жизнь Богу. Правда, сам путь служения — стать монахиней — вызывал у Агнессы страстный протест. Ей претило затворничество от людей за высокими стенами обители, а забота о спасении собственной души в тихих монастырских кельях казалась столь же эгоистичной, как и неусыпное бдение по охране собственного богатства. В восемнадцать лет она покинула тёплый, уютный, доброжелательный родительский дом и вступила в миссионерский орден «Лоретских сестёр». С тех пор её обителью становились уголки, где боль и страдания людей превышали привычный земной градус.

Прожив некоторое время в Дублине, она приступила к послушничеству в Индии — стране, известной своей невероятной нищетой и бедностью. Поначалу мать Тереза почти двадцать лет с 1929 года преподавала географию в Калькуттском институте св. Марии. За это время она многого добилась «по официальной части» — стала директором института, возглавила индийский орден «Дочерей св. Анны» и даже воссоединила его с «Лоретскими сёстрами». Однако вся эта размеренная, пусть и аскетическая, без излишеств, жизнь казалась ей неполной, ненастоящей. И однажды, в 1948 году, директор, завершив успешно очередной учебный год, вместо заслуженного отпуска решила радикально изменить свой образ существования. По легенде, рассказываемой учениками матери Терезы, наша героиня услыхала «призыв» оставить свою должность и последовать за Иисусом в трущобы, чтобы служить ему через беднейших, и приняла этот «призыв» без колебаний. Впрочем, другого, «нечудесного», объяснения внезапного вступления на дорогу подвижничества трудно ожидать от верных апостолов матери Терезы.

Она написала письмо лично папе Пию XII. Святой отец не

стал сдерживать подвижнический пыл своей корреспондентки и разрешил покинуть монастырь. Однако окончание официальной карьеры открыло для матери Терезы собственную дорогу к постижению Бога. Некоторые медицинские навыки, которым она наскоро обучилась у своих «лоретских сестёр», страстная решимость помогать самым падшим и пять рупий в кармане — с этим «капиталом» мать Тереза через четыре месяца возвратилась в Калькутту. Своим пристанищем она выбрала заброшенный дом в городских трущобах и стала собирать сюда уличных детей.

Постепенно школа благотворительницы приобретала известность. Слухи о том, что маленькая женщина без всяких средств к существованию, без всякой материальной поддержки решилась приютить десятки оставленных мальчишек и девчонок, поражали городскую общественность. Такая самоотверженность у кого-то вызывала злобу, у кого-то восхищение, а у кого-то и желание прийти подпитать собственные иссякшие силы. Наполненный бедами и страданиями дом матери Терезы становился пристанищем не только материально обездоленных, но и духовным «санаторием» разочаровавшихся и потерявших жизненные ориентиры людей. Здесь они могли возвратить веру в добро и справедливость, здесь они становились кому-то необходимыми. Сюда стекались благотворители со всего мира. Каждый, кто хотел отмолить собственные грехи, мог быть уверен — его денежки пойдут самым страждущим, самым неимущим.

Однако подвижничество матери Терезы не замкнулось лишь на уличных детях и организации школ. Женщина взяла на себя самую страшную, пожалуй, миссию — помогать умирающим уходить «в мир иной». Калькутта — город, на улицах которого умирают сотни бедняков, это конгломерат невероятной нищеты и болезней. Первая женщина, подобранная матерью Терезой прямо на залитой помоями мостовой, была объедена крысами и муравьями, но ещё жива. Этот полутруп никто не хотел принимать даже в самую скромную больницу. К чему? Бродяжке уже не поможешь, а дожидаться, пока она помрёт — слишком дорого, да и лучше лечить других, которые пребывают не в столь плачевном состоянии. Однако мать Тереза не отступила и заявила, что она не бросит несчастную, пока та не умрёт. Так было положено начало «Дому для умирающих бедняков», который открылся в 1965 году.

Она попросила муниципалитет выделить ей место, куда можно было бы свозить умирающих. Ей дали пустой храм, посвящённый индусской богине Кали, символизирующей Вселенскую Мать, подательницу жизни и смерти. Однако наша героиня оказалась женщиной без христианских предубеждений,

интересы благотворительности она ставила превыше всяких религиозных амбиций, и в двадцать четыре часа бывший индусский храм наполнился пациентами, большинство из которых находились при смерти.

Опыт подвижничества матери Терезы можно назвать уникальным для XX века, единственным в своём роде. Современные благотворители, обласканные в лучах славы, предпочитают ссужать разнообразные фонды и общества определёнными суммами денег, полагая, что материальная помощь — самое необходимое для бедняг, потерявших социальные ориентиры. Мать Тереза возвратила к жизни подлинно христианское понимание благотворительности — «сотворение блага» не деньгами, не излишками от богатства, а затратами собственной души. Она никогда не стремилась продлить жизнь умирающих, её единственная цель заключалась в том, чтобы окружить страждущего любовью и заботой, чтобы человек понял — он нужен кому-то. «Эффективность» работы своих «сестёр» мать Тереза проверяла весьма своеобразным способом. Если человек отходил в мир иной умиротворённым и радостным, принявшим свою судьбу без ропота и сопротивления, значит, миссия «Дома для умирающих» считалась выполненной. Каждого, даже самого последнего, уродливого, мало похожего на разумное существо, беднягу нужно принимать таким, какой он есть, и любить его таким, не стремясь исправить, — такова подлинная любовь Бога. Так считала мать Тереза.

"Как-то раз к нам принесли одного человека. Он вопил и стонал; он не хотел умирать. Его позвоночник был сломан в трех местах, все его тело было покрыто жуткими ранами. Его мучения были ужасны. Но он не хотел видеть сестёр. Он не хотел умирать.

Ему давали огромные дозы морфина и любви; ему рассказывали о страданиях Того, Кто любил его больше всех на свете.

Постепенно он начал слушать и принимать любовь. В последний раз он отказался от морфина, потому что захотел объединиться с Тем, Кто его спас".

Масштабы милосердия матери Терезы впечатляют. Если её понимание благотворительности возвращает нас во времена средневековья, то размеры её помощи представляются поистине космически глобальными. Одновременно в одной только Калькутте в реабилитационном центре для прокажённых лечились и обучались разнообразным надомным работам 10000 человек. А скольким больным она помогала своими мобильными клиниками, которые разъезжали по всей Индии. Проказа — страшный недуг, который лишает людей человеческого облика,

ставит их в положение изгоев. Даже родные и близкие стараются поскорее избавиться от таких больных. Именно поэтому мать Тереза требовала от «сестёр», чтобы к прокажённому они входили улыбаясь, чтобы человек почувствовал себя прежде всего человеком, необходимым кому-то.

Заслуга нашей героини состоит не только в личном подвиге, но и в том, что она сумела обратить в свою веру целую плеяду молодых женщин. Обучение тех, кто решил посвятить себя делу милосердия, длилось девять лет. Впрочем, это и понятно. Трудно без специальной подготовки сохранять душевное равновесие среди бесконечного потока грязи, страданий, жестокости, да ещё при этом и не уставать любить те осколки человечности, что с трудом удавалось разглядеть в этих отбросах. Обеты сестёр мать Тереза оформила в специальном списке:

"Телесное и духовное здоровье.

Способность получать знания.

Здравомыслие во всей его полноте.

Бодрость духа.

Бедность, невинность и покорность.

Покорность — это свобода".

Силу своим деяниям мать Тереза черпала в удивительном ощущении окружающего мира — жизнь сама по себе чудесный дар и использовать её в собственных целях бессмысленно и обидно. Нужно повиноваться жизни — слушать то, что тебе дают слышать, смотреть на то, что тебе показывают, понимать то, что думает другой, принимать то, что есть у него. Повиноваться — значит отбросить всякое эго, всякие личные интересы, которые обязательно грозят превратиться в мелкие, даже если сегодня они кажутся необычайно важными.

Каждое утро мать Тереза начинала с нескольких часов медитации, затем слушала мессу. Для неё эти процедуры были сродни обычному каждодневному гигиеническому правилу. Кто-то начинает день с чистки зубов, а мать Тереза не могла выйти к людям, не почистив предварительно свою душу от личных амбиций и людской злобы, что наслаивалась в атмосфере. Зато, когда она со своими верными «сёстрами» появлялась на улице, радость сочилась из их глаз и изливалась на жуткие, грязные улицы, на мерзкие, враждебные, пьяные рожи.

Сегодня орден матери Терезы разросся по всему миру, её сестры милосердия работают в Венесуэле, Риме, Танзании, Австралии, Иордании, на Маврикии, в Йемене, Перу, Нью-Йорке.

Уже у умирающей матери Терезы спросили: «Были ли в вашей жизни выходные или праздники?»

«Да! — ответила она. — У меня каждый день — праздник!»

ВАНГА

(1911—1996)
Болгарская прорицательница.

Каждый век порождает своих пророков, своих прорицателей. Наверное, самый известный из них — Нострадамус. В XX веке со славой известного астролога может помериться только знаменитая болгарская крестьянка Ванга. Трудно сказать, перешагнёт ли её имя через время, но на сегодняшний день нет ни одного предсказателя будущего, авторитет которого был бы столь же высок, как авторитет этой старухи из городка Петриче, что на границе Болгарии и Греции.

Жизнь Ванги, официально обнародованная её близкими родственниками, напоминает жития святых, ибо трудно себе представить, что смертный может вынести те испытания, которые выпали на долю бедной болгарской ясновидящей. Мать Ванги скончалась, когда девочка ещё не достигла разумного возраста, а отец — Панде Сурчев — был беден как церковная мышь, работал как вол и отличался кристальной честностью, как истинный народный герой. Девочка росла долгое время под присмотром соседок. Она сама придумывала забавы, любила играть в «лечение» — прописывала товарищам разные травы сочиняла интересные истории, и только одна игра вызывала у отца неприятные чувства — бывало, Ванга положит на улице или в доме какой-нибудь предмет, а потом закроет глаза и начинает его на ощупь искать, как слепая. И никакие запреты не могли остановить эту дурную забаву.

Вдовый отец наконец женился, взял в дом добрую хозяйку и заботливую мачеху для своей дочери. В 1923 году семья переехала к богатому брату Панде, чтобы не мыкать горе. Отец ухаживал за скотиной, а обязанностью Ванги было привозить из загонов бурдюки с молоком. И вот однажды поднялась страшная буря. Никто из свидетелей не понял, что же произошло: небо потемнело, задул ураган вырывал с корнями деревья. Комья земли, листья, ветви заворачивались в воронку. Вихрь поднял Вангу и отнёс её за два километра от родного села. Когда девочку нашли, она обезумела от страха, но страшнее всего была жуткая резь в запорошённых пылью глазах. Дома попробовали все доступные средства — настои из трав, компрессы, примочки, мази. Но глаза Ванги только налились кровью, а затем побелели.

Отчаявшийся отец, несмотря на бедность, разыскал врачей, которые мучили девочку бесполезными операциями. Был, правда,

момент, когда Ванга увидела смутные очертания предметов, но тяжёлые условия жизни, голод, лишения привели её к полной слепоте. В 1925 году Вангу определили в Дом слепых, где она пробыла три года. Режим в приюте был строгим, но зато кормили вдоволь, одевали опрятно и учили вязать, стряпать, готовить. А ещё изучали азбуку для слепых и много занимались музыкой. Пожалуй, это были самые спокойные и счастливые годы её жизни. Казалось, судьба смилостивилась над Вангой и подарила ей любовь. Родители слепого юноши, обеспеченные люди, не противились свадьбе, и девушка написала письмо отцу с просьбой о благословении.

Ответ не порадовал девушку. Умерла мачеха Ванги, родив третьего ребёнка, и обезумевший от горя отец умолял дочь вернуться домой, чтобы помочь ему ухаживать за братьями и сёстрами. С мечтой о личном счастье пришлось расстаться, в деревне девушку ждали оборванные, истощённые, испуганные дети, которым она на долгие годы заменила мать. Последующие десять лет стали для Ванги «хождением по мукам». Она зарабатывала, чем могла — вязала, шила, пряла, несмотря на свою слепоту, но денег всё равно не хватало, чтобы прокормить большую семью. В канун Нового года в общинной управе беднякам отпускались небольшие пособия. Ванга вместе с Любкой — младшей сестрой — за неделю до назначенного срока ждали этого подаяния. Чиновники, сновавшие в здании управы, с жалостью поглядывали на просительниц. Любка была обута хоть в деревянные башмаки, а Ванга стояла босиком на цементном полу, её ноги вздулись и покраснели от холода. Вскоре она заболела. Болезнь настолько иссушила девушку, что сестра в погожие дни укладывала Вангу в корыто и выносила во двор, как ребёнка. Сердобольные соседи стали собирать по округе деньги на похороны доброй девушки, но, по всем правилам жанра, произошло чудесное исцеление. Однажды, когда Любка вернулась домой с водой из источника, сестра подметала двор.

Сверхъестественные способности Ванги открывались постепенно, никто не зафиксировал дату их рождения, но многие потом вспоминали, как помогла она отцу найти пропавшую овцу, как в Георгиев день вытаскивала из кувшина предметы, оставленные девушками, и по ним предсказывала судьбу их обладательницам. Девушки, конечно, смеялись, но потом с удивлением и страхом обнаруживали, что все напророченное Вангой — правда.

Но талант её во всю мощь развернулся в годы войны. Оно и понятно: отчаявшимся, обездоленным, обезумевшим от горя людям не к кому было обратиться. Вот и шли они к женщине,

которая владела таинственной силой, даром ясновиденья, которая могла успокоить или хотя бы сказать, где сложил голову близкий человек.

Свои необычные способности сама Ванга объясняла присутствием вокруг неё особых прозрачных существ, происхождение которых она объяснить не могла. Они якобы посылали ей ту информацию о людях, которую она могла передать страждущим, причём расстояние и время не играли никакого значения. Жизнь любого человека, стоявшего перед прорицательницей, пробегала перед сознанием её, как на киноплёнке, от рождения до смерти. Но предотвратить того, что написано «на роду», Ванга была не в силах.

Однажды к ясновидящей пришёл парень, водитель грузовика, и предложил свозить её в церковь. По возвращении она ему сказала: «Что бы ни делал, смотри, 15 мая непременно приходи ко мне и будь у меня». Но в тот день друг парня попросил его об одной услуге: отвезти на грузовике стройматериалы для его дома. Именно в этот день парень был раздавлен на переезде поездом. Катастрофа произошла из-за того, что отказали тормоза грузовика.

Женщины, имеющие дело с таинственными мистическими силами, по нашим представлениям, не должны иметь своей семьи. Однако в самый разгар войны к Ванге пришёл солдат Димитр Гуштеров с просьбой указать убийц его брата. Ясновидящая отказалась. «Я скажу тебе о них, но не сейчас. Ты должен мне пообещать, что не будешь мстить, ведь это и не нужно. Ты доживёшь до того дня, когда своими глазами увидишь их кончину». Удивительные слова необыкновенной женщины поразили солдата, он приходил к Ванге ещё много раз и наконец решился сделать ей предложение. Двадцать лет прожили они крепкой семьёй, но последние годы Димитр много пил и умер от цирроза печени. Когда муж был уже в агонии, Ванга встала на колени у его кровати, из её слепых глаз постоянно текли слезы. Она что-то шептала, однако стоило Димитру испустить дух, как жена сразу уснула. Спала она до самых похорон, потом, проснувшись, сказала: «Я сопроводила его до того места, которое ему было уготовано».

Многие из очевидцев вспоминают о контактах Ванги с усопшими людьми. На вопрос одного посетителя, почему она говорит ему о его усопшей матери, что он привёл её тень за собой, Ванга ответила: «Это не ты привёл её. Они приходят сами, потому что я — дверь для них. Как только передо мной встаёт человек, умершие родственники окружают его, задают через меня вопросы, и я сообщаю услышанное от них живым».

Одного испанского профессора Ванга спросила, завещала ли его мать на смертном одре ему старинный фамильный перстень? Изумлённый посетитель подтвердил, что всё было именно так. Но недавно он отправился в загородную прогулку, перстень соскользнул с руки и упал в реку. Профессор долго пытался отыскать его, но так и не смог.

«Что же ты наделал, человече! Ты оборвал связь со своей матерью!»

Смущённый учёный признался, что такая мысль приходила ему в голову, потому что после потери перстня ему перестало везти, но он гнал подобные сомнения прочь.

Большое место в сверхъестественной практике Ванги занимала тема здоровья, диагностика и лечение болезней. Она считала, что почти все хвори можно уничтожить с помощью трав, причём, рекомендуя людям ту или иную траву, целительница советовала непременно обливаться настоем её, поскольку наиболее эффективное воздействие травы оказывают, проникая сквозь поры кожи. Для каждого больного Ванга прописывала индивидуальное лечение, потому что считала, что любой случай неповторим.

Пришёл к Ванге молодой человек, бульдозерист, поранивший колено во время осушения болота. С тех пор нога его стала отекать, гноиться, и врачи сказали, что её надо ампутировать. Целительница посоветовала найти лягушку, по возможности в той самой местности, где пострадал этот человек, содрать с неё кожу и приложить к больному месту. Бульдозерист последовал совету Ванги, и через неделю рана затянулась. Интересно, что наука утверждает, будто в коже лягушки действительно обнаружены дезинфицирующие вещества: если лягушку укусит даже самая ядовитая змея, она не умрёт, так как эти вещества нейтрализуют яд.

Ванга считала, что человеку прежде всего необходимо сохранить душевное здоровье, и всегда учила доброте, учила помогать людям. «Возьмём, к примеру, дерево. Наступает весна, и оно покрывается цветами, но не многие из них дают плод, остальные были пустыми, так, для виду. Хороший хозяин смотрит на него и говорит: „Это дерево дикое и ненужное, оно не приносит пользы, значит, надо срубить его!“ И мы не имеем права быть ненужными и не приносить пользы, потому что каждый человек — каким бы он ни был — пришёл на эту землю с определённой задачей: сохранять жизнь во всех её проявлениях, чтобы она могла развиваться во имя высших целей, о которых нам пока ещё неизвестно».

ЭДИТ ПИАФ

(1915—1963)

Французская эстрадная певица. Артистка яркой индивидуальности, мастер французской лирической песни-исповеди. Автор текстов и музыки песен, а также книг. Снималась в кино.

Она родилась, как воробышек,
Она прожила, как воробышек,
Она и помрёт, как воробышек!

Она пела эти куплеты на улицах Парижа, бледная, непричёсанная, в пальто с продранными на локтях рукавами. На городском арго «воробей» — значило «пиаф». И как бы высоко ни вознесла слава маленькую певицу Эдит Гассион, для мира она так и осталась навсегда лёгким воробышком, прилетавшим покормиться на бедные окраины блестящего Парижа. Какой же величины дар был дан этой уличной бродяжке, чтобы сквозь годы, сквозь роскошь и толпы поклонников, через лесть и собственную заносчивость пронести непосредственность чувства и свежесть восприятия, свойственные лишь бездомным детям и нищим, вынужденным каждую минуту бороться за существование. Она ни на одну минуту не изменила себе, а потому была так горячо любима.

Эдит родилась на улице и любила рассказывать историю о том, как её мать не успела добраться до больницы и принесла малышку прямо на плаще полицейского. И первой сценой Пиаф стал тротуар: Луи Гассион был бродячим акробатом, а в обязанности шестилетней Эдит входило собирать денежное вознаграждение.

«Теперь девочка обойдёт вас с тарелкой, — кричал папаша Гассион. — А затем, чтобы вас отблагодарить, она сделает опасный прыжок!»

Но прыжка Эдит делать не умела, зато однажды решилась спеть «Марсельезу». Слушатели были тронуты, и в шапку обильным дождём посыпались монеты. С тех пор репертуар бродячего цирка пополнился нетрадиционным жанром — песенным.

По сути, единственными детскими годами жизни Эдит с полным правом можно назвать только те три года, которые она провела в доме «у шлюх». Мать отдала её на попечение своих

родителей-алкоголиков. Когда Луи Гассион вернулся с фронта в 1917 году, то застал страшное зрелище: худая, оборванная, грязная малышка ещё и ослепла от перенесённого конъюнктивита. Тогда отец и отправил Эдит на воспитание к собственной матери, содержавшей дом терпимости. «Девушки» трогательно заботились о ребёнке — впервые, да, пожалуй, и единственный раз в жизни, Эдит почувствовала искреннюю ласку и любовь. Рассказывают, что именно молитвами девиц лёгкого поведения и обещанием бабушки пожертвовать на нужды церкви десять тысяч франков Эдит чудесным образом прозрела 25 августа 1921 года, в день Святой Терезы.

Около года девочка даже ходила в школу, но «приличные» люди были шокированы — ребёнок, живший в доме терпимости, не мог сидеть за партой с детьми из порядочных семей. Вскоре отец вынужден был забрать дочку, и для Эдит начались «университеты» бродячей артистки.

Когда девочке едва исполнилось 15 лет, она решила начать самостоятельную жизнь: сняла гостиницу и полностью положилась на заработки от уличного пения. Рассказ о своей жизни Эдит всегда начинала со встречи в хмурый октябрьский полдень 1935 года с человеком, изменившим её жизнь. Это был хозяин кабаре Луи Лепле, верно угадавший в маленькой грязной певичке огромный талант. Луи дал Эдит постоянную работу в своём заведении, он в буквальном смысле вывел её на настоящую сцену, он подарил Эдит имя, которое прогремело на весь мир — Пиаф. Луи Лепле учил её: «Никогда не делай уступок зрителю! Великий секрет заключается в том, чтобы оставаться самим собой. Всегда будь сама собой!» Сколько раз в своей жизни Эдит Пиаф, сжав зубы от боли и отчаяния, вспоминала эти слова первого дорогого покровителя, который словно выпустил из тёмной клетки «своего воробышка».

Не обошлось и без курьёзов. Эдит с детства любила и умела вязать, причём нужно заметить, что делала это даже тогда, когда в её шкафу уже пылились туалеты лучших кутюрье мира, — по-видимому, так она успокаивала нервы. В юности же вязание заметно пополняло скудный гардероб уличной певички. И в день дебюта Эдит сидела в артистической, повторяя текст песен, в руках у неё мелькали спицы, она лихорадочно пыталась довязать недостающий рукав. Представление уже началось, и наступила минута, когда откладывать выход стало невозможным, а одеть больше было нечего. Лепле силой натянул на незадачливую дебютантку свитер с одним рукавом: «Прикроешь другую руку шарфом. Не жестикулируй, поменьше двигайся — и всё будет хорошо!»

И все действительно случилось чудесным образом. Это магическое воздействие актрисы, которое многие пытались понять и описать, проявилось и тогда в заштатном ресторанчике когда Эдит начинала петь, и на больших, солидных сценах — все мелкие помехи, досадные детали исчезали. Зрители не замечали, что Пиаф не слишком представительна, что она уже немолода, что иногда она и нетрезва, что у неё всего лишь один рукав… Фея искусства превращала жалкую мышку в принцессу, гипнотизирующую публику.

Тяжёлые дни наступили для Эдит, когда папаша Лепле был убит. Газеты с удовольствием муссировали тему о причастности к преступлению ресторанной певички. Праздные зеваки собирались в кабаре, где выступала Пиаф, чтобы поглазеть на девчонку, связанную с «делом Лепле», а одни из знакомых артистов выразился совсем откровенно: «Твой покровитель умер. С твоим талантом ты скоро снова будешь петь на улице».

Вероятно, он был злым, а потому и глупым человеком, этот актёр. Помимо недюжинного таланта Эдит имела стальной характер, закалённый уличным воспитанием. Она умела идти напролом, мало рефлексировала, была довольно непосредственна, общительна и никогда не пребывала в одиночестве. Знакомство с Раймоном Ассо очень повлияло на формирование Эдит Пиаф как личности и как певицы. Однажды, ещё при жизни Лепле, Эдит заглянула к одному издателю. Господин, сидевший за роялем, попросил гостью послушать новую песню. Простодушная девушка откровенно выразила своё мнение о том, что музыка весьма посредственна, зато слова ей понравились. Автор текста, а им оказался Ассо, был польщён — так завязалось их знакомство.

Образованный, педантичный, умный Раймон задался целью превратить «гадкого утёнка» в прекрасного лебедя. Надо сказать, что до Ассо Эдит имела богатый опыт общения с мужчинами, но то были по большей части матросы, солдаты, портовые рабочие. От одного из таких знакомых совсем ещё юная Пиаф родила девочку, которая вскоре умерла. Однако можно с уверенностью сказать, что первым настоящим близким другом для Эдит стал Раймон. Он повлиял на Эдит, воззвав к её профессиональной чести. «Как ты можешь заставить что-то понимать других, если сама не знаешь смысла некоторых слов своих песен?» Этот аргумент Ассо действовал на Пиаф неотразимо, и она становилась послушной, как змея у дудочки.

Во-первых, Раймон взялся за образование Эдит, поскольку наша героиня с трудом умела читать по слогам. Во-вторых, он принялся сражаться с дурными манерами любимой. То и дело в

их семейном гнёздышке слышался строгий глас Раймона: «Не наливай стакан до краёв», «Не чавкай и не разговаривай с полным ртом», «Держи вилку правильно» — словно дом был полон детьми дошкольного возраста, в то время как Эдит минуло уже двадцать один.

Именно Ассо познакомил Пиаф с любимым композитором певицы — Маргерит Моно. Этот тройственный союз подарил публике немало песенных шедевров. Маргерит сыграла в жизни Эдит огромную роль. Она научила её тому, что такое песня, что музыка это не только мелодия, что в зависимости от того, как её исполнять, она может передать столько же чувств, сколько слова. До конца жизни Эдит будет говорить: «Самый чудесный подарок, который мне сделал Раймон, — это Гит!»

Но это была не вся правда. С именем Ассо связано и первое крупное выступление Пиаф перед публикой в самом знаменитом мюзик-холле Парижа — «АВС», которое закончилось потрясающим успехом. Когда она вышла на сцену, по залу пробежала волна. Маленькая угловатая женщина выглядела почти бедно в коротком платье (в то время на эстраде принято было выступать в длинном), но её вдохновенный голос мгновенно полонил зрителей. Она закончила петь, но зал буквально взревел: «Ещё! Ещё!..» Назавтра все газеты писали о ней: «Вчера на сцене „АВС“ во Франции родилась великая певица…»

С этого вечера в профессиональной жизни Эдит больше никогда не было ни спадов, ни простоев, ни остановок. Ей открылся путь к славе.

А с Ассо они разошлись. Самостоятельной, резкой Эдит наскучило играть роль «бедной овечки». Благодаря своему дару она быстро выросла из «коротких штанишек», которые «сшил» ей возлюбленный. Да и не умело горячее сердце Эдит Пиаф надолго привязываться к одному мужчине. В любви она требовала только непосредственности чувства, и как только этот восторг исчезал, певица без раздумий расставалась с предметом былой страсти. Говорят, что по-настоящему Эдит любила лишь Марселя Сердана, знаменитого боксёра, погибшего в авиакатастрофе. Но, может, он и был единственным непокинутым мужчиной лишь потому, что ушёл из жизни до того момента, как ушла из сердца Эдит любовь к нему. Вторым таким человеком был молодой муж Пиаф — Тео Сарапо. На его руках великая певица скончалась.

Дар Эдит, обращённый к душе каждого человека, её стремление помочь любому и понять любого — будь то бродяжка или королева Англии — проявились не только на сцене, но и в жизни. Отчаянная и смелая, Пиаф стала настоящим символом боровшейся против фашистского нашествия Европы. Её песни

были беспрепятственным пропуском даже в лагеря для военнопленных. Выступая однажды в таком лагере, Эдит выразила желание сфотографироваться с узниками, и немецкие власти не смогли отказать великой певице. В Париже Пиаф увеличила лицо каждого из ста двадцати пленных и приклеила фотографии на фальшивые удостоверения личности. Через некоторое время Эдит вновь обратилась с просьбой к оккупационным властям — побывать в этом лагере. В чемодане с двойным дном она провезла документы и раздала их сфотографированным узникам. Их было сто двадцать, кто благодаря Эдит получил свободу…

Не задумываясь, певица растрачивала свои время и силы на тех, кто был рядом, кто имел счастье понравится ей.

Именно Пиаф обязан своим головокружительным успехом Ив Монтан. Она поставила ему дикцию, придумала сценический образ, придирчиво оценивала его репертуар. Любовь не мешала Эдит заставлять Ива работать в поте лица. Она буквально истязала Монтана нечеловеческим напряжением, которое легко могла выносить сама. Спустя много лет Ив Монтан сказал, что всем в жизни он обязан Эдит. Но, конечно, они тоже расстались. Последний раз их имена появились рядом на афише фильма Марселя Блистэна «Безымянная звезда», в котором Пиаф исполнила главную роль.

Помимо музыкального таланта Эдит обладала значительным драматическим даром, да и могло ли быть иначе, коли Пиаф с такой потрясающей силой умела передать многочисленные образы своих лирических песенных героинь. Пьеса Жана Кокто «Равнодушный красавец» была написана известным французским драматургом специально для Эдит. В этой новой для Пиаф работе, где она не исполняла ни одной песни, со всей полнотой проявился актёрский талант великой певицы.

Она знала многих сильных мира сего — знаменитых, богатых, влиятельных. Эдит дружила с Марлен Дитрих, гордилась знакомством с Чарли Чаплиным, сидела за одним столом с наследными принцами. Она с пренебрежением относилась к деньгам, хотя зарабатывала их миллионы. Зато те, кто её окружал, легко пользовались её средствами; деньги уплывали прежде, чем она успевала даже взглянуть на них. Её дом был всегда полон, и часто случайные люди застревали в нём надолго и жили на полном её содержании. Она конфузилась, показывая норковую шубку, подаренную ей Марселем Серданом. И когда ей пытались объяснить, что это нормально, когда богатый влюблённый дарит своей подруге роскошные подарки, она вдруг хитро сощурилась, сказала: «Я в долгу не осталась» и заказала

ему у Картье рубашки, — наряднее которых не найдёшь.

Она так и осталась до конца дней уличной девчонкой, не привыкшей к милостям судьбы, «великой уличной девчонкой», о которой Кокто, обожавший Пиаф, написал: «Посмотрите на эту маленькую женщину, чьи руки подобны ящерицам. Взгляните на её лоб Бонапарта, на её глаза слепца, который обрёл зрение. Как она будет петь?.. Как вырвутся из её узкой груди великие стенания ночи? И вот она уже поёт, или, точнее, — на манер апрельского соловья пробует исполнить свою любовную песнь. Слышали ли вы когда-нибудь, как трудится при этом соловей? Он старается. Он раздумывает… Он задыхается. Устремляется вперёд, отступает. И внезапно, найдя то, что искал, начинает петь. И потрясает нас».

ИНДИРА ГАНДИ

(1917—1984)

Премьер-министр Индии в 1966—1977 годах и с 1980 года, министр иностранных дел в 1984 году. Дочь Джавахарлала Неру. Участница национально-освободительного движения. Один из лидеров партии Индийский национальный конгресс, а после её раскола в 1978 году — председатель партии сторонников Ганди. Убита террористами.

Погребальный костёр, зажжённый по древнему индийскому обычаю, догорел, и прах великой индианки был развеян в Гималаях — мёртвом царстве снегов. Власть в стране перешла уже к третьему поколению семьи Неро — сыну Индиры — Радживу Ганди…

Если политического деятеля можно выпестовать, готовя его на трудное поприще власти ещё с пелёнок, то дочь известного в стране адвоката Джавахарлала Неру, пожалуй, самый яркий тому пример. Молодой человек включился в борьбу за независимость Индии против англичан задолго до рождения дочери, и вся его жизнь и жизнь родных и близких с этой минуты подчинилась опасному расписанию политического деятеля. Жена его, Камала, по мере взросления дочери, стала верной помощницей в борьбе мужа и свёкра.

По индийским обычаям женщина рожает ребёнка в доме матери, однако семья Неру поступила вопреки традициям. Девочка появилась на свет в «Обители радости» — богатом доме деда, построенном к тому же на священном месте, и получила имя «Страна луны» — Индира — в честь своей родины.

Начало XX века в Индии отмечено небывалым подъёмом самосознания, появляются первые национальные газеты, формируется демократическая партия освобождения, получившая название «конгрессистской». Отец Джавахарлала — Мотилал избирается президентом нового политического объединения, а «Обитель радости» на долгие годы становится штабом индийского национализма. Маленькая Индира целыми днями пропадает в гостиной, слушая непонятные ей речи о колониализме, об актах протеста, о гражданском неповиновении. Уже в два года девочка познакомилась с «отцом нации», непререкаемым авторитетом Махатмой Ганди, а в восемь по его совету организовала в родном городке детский союз по развитию домашнего ткачества. Его юные члены в «Обители радости» ткали из грубой пряжи носовые платки и гандистские «топи» —

шапочки. Восьмилетняя Индира в перерывах между работой оттачивала ораторское мастерство, произнося пламенные речи перед мальчиками и девочками, играя в «отца и деда».

Если бы кто-нибудь в те далёкие годы озаботился предсказанием будущего Индиры, то ему достаточно было бы обратить внимание на один случай из её детства. В один прекрасный день из дома деда вынесли все вещи, купленные когда-то в Европе — всё, что принадлежало этому ненавистному в семье миру колонизаторов. Под окнами соорудили огромный костёр и демонстративно сожгли иностранные предметы роскоши — смокинги деда, тюки шифона и дорогие отрезы великолепной манчестерской шерсти. Полетели в костёр драгоценные безделушки и лакированная обувь, цилиндры и тончайший фарфор. Только любимая лондонская кукла девочки избежала общей участи. Индира с замиранием сердца до самой ночи следила за необычайной вакханалией, устроенной родственниками. Спустя несколько месяцев в гости к отцу приехала богатая тётя, не знавшая о нововведениях в семье. Она привезла в подарок племяннице красивое платье из Парижа. Камала наотрез отказалась принять его, объяснив, что Индира тоже придерживается взглядов родителей — носить только индийские одежды. Не поверившая матери тётка позвала девочку, и когда та подтвердила нежелание красоваться в иностранном платье, женщина в сердцах бросила: «Так почему же ты, святая патриотка, не сожжёшь свою заграничную куклу?»

Слова эти поразили Индиру. На следующий день девочка проникла на безлюдную террасу, где уже был подготовлен хворост для маленького костра. Она бережно положила свою драгоценную куклу на место «казни», дрожащей рукой запалила огонь и бросилась прочь от страшного места. К вечеру у Индиры поднялась высокая температура, она бредила, стонала, глаза её впали. Всю жизнь Ганди не выносила звука чирканья спички. Но первый свой поступок истинного политического деятеля — отказаться от всего, даже самого дорогого — она всё-таки совершила.

Дочь Неру получила прекрасное образование. Отец, несмотря на занятость и постоянные аресты, постарался вложить в Индиру всё, что он хотел бы передать сыну, который умер, едва появившись на свет. Джавахарлал написал дочери из тюрем в общей сложности около двухсот писем, и каких писем! Это настоящие эссе, в которых автор излагает и свои философские взгляды, и политические руководства к действию, и детали биографии, и глубокие душевные переживания.

В 1934 году Индира поступила в народный университет,

который создал знаменитый индийский поэт Рабиндранат Тагор. Обучение по его программам соединяло европейские и индийские традиции. Студенты много занимались языками, мировой историей и литературой, но при этом они чувствовали себя частицами единого коллектива, обязаны были посещать дом Наставника — Рабиндраната Тагора, который в располагающей уютной атмосфере вёл душеспасительные беседы.

Вскоре у матери начался рецидив туберкулёза, Индира вынуждена была, прервав учёбу, сопровождать Камалу в Швейцарию. В Европе девушка осталась надолго. После смерти матери в 1936 году неожиданно оказалось, что она крайне одинока и в Индию возвращаться, в общем-то, некуда — «Обители радости» давно уже не существовало — отец сидел в тюрьме, а дедушка и бабушка скончались. В тяжёлой ситуации рядом с Индирой был молодой человек. Он уже давно неприметно присутствовал в её жизни. Помогал ей, когда умирала мать. Он давно сдружился с Джавахарлалом и выполнял его поручения, он стал незаменимым в их семье. Фероз Ганди (однофамилец Махатмы Ганди) не заставлял Индиру страдать от приступов любовной болезни, не плакала она по ночам от ревности, но, видимо, это-то и устраивало честолюбивую девушку. Было и ещё одно обстоятельство, которое хоть и создавало определённые трудности, но при разумном подходе могло обратиться в благо. Фероз принадлежал к религиозной общине парсов — поклонников огня, которая презиралась индийской элитой, поэтому Джавахарлал хоть и не выступил открыто против выбора дочери — прогрессивные убеждения не позволяли — но и не поддерживал её. Зато Камала ещё при жизни благословила молодых. Она хорошо понимала, что жених из равной благородной семьи вряд ли составит счастье сильной, устремлённой к самоутверждению Индиры, вряд ли позволит ей быть достаточно свободной. Чувствовала это и сама девушка, поэтому, ещё раз хорошо поразмыслив, она поступила в Оксфорд, где в это время учился Фероз.

Началась Вторая мировая война, и домой молодые возвращались кружным путём через Атлантику и Южную Африку. В Кейптауне, где поселилось довольно много индийцев, дочь популярного политика Неру встречали с восторгом и надеждой — время было тревожное, и люди хотели слышать умное, авторитетное слово. Здесь на краю Африки Индира выступила с первой своей настоящей политической речью.

В Индии их приняли не столь радушно. Джавахарлал стал уже символом нации, её хранителем, «жемчужиной», как называл его Махатма Ганди. Тем более было непростительным его дочери

нарушать вековые индийские традиции и выходить замуж за неверного человека, с которым в былые времена и присесть рядом не полагалось. Каждый день Неру приходило сотни писем, телеграмм с просьбой воспрепятствовать «кощунству», в некоторых посланиях содержались даже прямые угрозы. В разгар страстей Индире помог давний друг семьи Махатма Ганди. Он публично выступил в защиту неравного брака, опубликовав во многих индийских газетах своё заявление. Его авторитет сделал своё дело. Свадьбу решили провести по самым древним индийским обычаям, чтобы не оскорблять религиозные чувства парсов и не дразнить индусов, чтоб, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы… Молодые семь раз обошли вокруг священного огня, произнося торжественную клятву верности. В 1944 году Индира родила своего первого сына Раджива, а через два года второго.

Пока дочь Неру устраивала свою личную судьбу, в стране произошли серьёзные перемены. 15 августа 1947 года Индия, наконец, добилась независимости. Джавахарлал сформировал первое национальное правительство. Вот тут-то и понадобилась премьер-министру помощь, потому что одно дело иметь внешнего врага и сплотиться с народом для борьбы, другое дело — оказаться один на один с властью.

Муж пытался воспротивиться отъезду Индиры в Дели, однако её час пробил и уже никто не мог остановить её карьеры. Индира стала личным секретарём отца, его неизменным советником, сопровождала Неру во всех зарубежных поездках, не оставляла главу государства во внутренних распрях. Индия получила тяжёлое наследие — сотни разных народностей, неграмотных, диких, голодных, с противостоянием индусов и мусульман. Первые годы независимости омрачились настоящей религиозной резнёй. Ни голодовки «отца народов» Махатмы Ганди, ни войска, ни экономические санкции ничего не могли изменить. В этот трудный для страны период талант Индиры проявился в полной мере. Она открыто шла к людям, врезалась прямо в гущу рассвирепевшей толпы, останавливала уже занесённый нож, заставляла замирать руку, державшую автомат. О её способности воздействовать на разъярённых людей ходят легенды. Возможно, она действительно обладала гипнотическими способностями, а может, сила её характера останавливала злобу.

В жестокой политической борьбе пролетали годы. Времени на семью оставалось мало. Своё женское предназначение Индира считала выполненным, родив двух мальчиков и устроив им уютное, тёплое гнёздышко. О муже заботилась мало. В сентябре 1960 года она находилась в деловой поездке по южному штату.

Переговоры прошли на редкость успешно, удалось найти компромисс между забастовщиками и администрацией. На аэродроме Индиру встретил помощник отца и сообщил о тяжёлом сердечном приступе Фероза. Всю ночь женщина провела у постели мужа, всматриваясь в родные черты умирающего. Индира испытала тяжёлое нервное потрясение, неожиданно потеряв Фероза, осознав наконец, какое место в её жизни занимал этот скромный, непритязательный человек. Она на несколько месяцев отошла от политической жизни, предпочтя уединение. Но уже в начале 1961 года её общественное реноме стало расти. Она, член Рабочего комитета Конгресса, одновременно возглавила несколько комиссий, снова выезжала в очаги национальных конфликтов.

В 1964 году умер её отец — Джавахарлал Неру. Начиналась сложная подковерная борьба за власть. Многие полагали, что Индира Ганди станет претендовать на место премьер-министра, однако она поступила, как мудрый политик. Понимая, что немедленное возвышение сделает её имя непопулярным — семейственность вряд ли будет приветствоваться общественностью, — она проголосовала за пожилого сторонника политики Неру — Шастри. Конечно, он не был достаточно сильной личностью, но зато за его спиной Индира могла проводить свою линию и укреплять свой авторитет. Её расчёт оказался верен. Смерть Шастри принесла дочери Неру победу. В сорок восемь лет, стройная, привлекательная, с обворожительной улыбкой, Индира Ганди добилась самого высокого поста в государстве.

Часто прийти к власти гораздо легче, чем удержаться у её кормила. Правление Индиры Ганди было далеко не безоблачным для страны. Индию раздирали национальные распри, она пребывала в тяжёлом экономическом положении, возникали конфликты с неблагополучным соседом Пакистаном. За 12 лет власти Индиры сформировалась мощная оппозиция, которая удачно переключала все недовольство народа на премьер-министра. Очередные выборы 1977 года принесли поражение бессменной Индире Ганди. Но несмотря на преклонный возраст, бойцовский характер не покинул мужественную дочь Неру. Она удивительно точно выверила свой каждый политический шаг. Прежде всего Индира Ганди объявляет о создании новой партии Индийский национальный конгресс, во-вторых, живя частной жизнью, она открывает свой гостеприимный дом для посещения всех желающих. В стране, где так сильны коллективистские традиции, где всегда уважительно относятся к гуру — учителю, это был шаг к победе. Через три года Индира Ганди снова

возвращается к власти, чтобы уже никогда не покинуть её руля при жизни.

Её расстрелял один из террористов-фанатиков сепаратистской организации штата Пенджаб. Обычная история — государство борется за свою целостность, отдельные народы требуют самоопределения. Вечный конфликт, жертвой которого стала великая женщина-политик. Что ж, жизнь политических деятелей слишком часто кончается трагически.

ЭЛЛА ФИЦДЖЕРАЛЬД

(1918—1996)
Американская джазовая певица. Автор песен.

Газеты писали: «Она может спеть даже телефонный справочник». Поклонники писали:

Огонь страстей в крови не гаснет
Ни днём, ни в сумраке ночей…
Ты, Элла, для мужчин опасней
Бриджит Бардо и Дорис Дей…

Музыкантам и любителям джаза и в голову не приходит, что есть ещё какая-то Элла. Элла — это имя «первой леди джаза» За кандидатуру Эллы на звание «Лучшей певицы мира» проголосовали Армстронг, Гудмэн, Эллингтон, Питерсон. На вопрос, кого представить к этому званию, Фрэнк Синатра ответил: «Зачем вы спрашиваете, конечно же, Эллу». Кросби сказал: «Только она! Не важно из кого выбирать — мужчин, женщин или детей…»

А первый крик девочки, родившейся в штате Вирджиния, никому не сказал ещё, что в мир пришло чудо. В этой бедной негритянской семье счастья не было. Спасаясь от нищеты, отчим с матерью Эллы переехали в пригород Нью-Йорка, где мать всё-таки нашла желанную работу в прачечной, а отчим перебивался случайными заработками. Но несмотря на ужасающую бедность, Элла росла неунывающим и добродушным ребёнком. Как и все негритянские девчонки её квартала, она увлекалась танцами, кино, песнями. Вечерами, оставшись дома одна, любила разучивать с пластинок песенки. Любимой исполнительницей Эллы стала Кони Босвел, у которой она переняла манеру пения и некоторые приёмы фразировки. Танцевала наша героиня превосходно, именно поэтому, когда ей предложили принять участие в любительском конкурсе, подружки были несказанно удивлены, что на этот раз Элла решила петь. И… выиграла первый приз! Интуиция четырнадцатилетнего подростка оказалась судьбоносной.

Эллу заметили — особенно заинтересовался ею джазист Бенни Картер, который предпринял первые попытки «устроить» чёрную «малышку». Слухи о талантливой девочке дошли до продюсера крупной звукозаписывающей фирмы «Коламбия».

Переговоры с фирмой ввиду несовершеннолетия певицы взялась провести мать Эллы. Казалось, успехи дочки скоро принесут ощутимые финансовые результаты, и семья выкарабкается из нищеты. Однако надежды рухнули в один момент. Мать неожиданно умерла, и лишь забота Бенни Картера спасла девочку от сиротского приюта и лишений.

Спустя много лет некоторые злопыхатели Эллы Фицджеральд вздыхали: «Конечно, голос ей дан божественный, но исполнение поверхностно, неглубоко… Она живёт слишком легко, никогда не знала невзгод и несчастья».

Элле, безусловно, в своём роде повезло — её подтолкнули к успеху, помогли. Но трудно назвать её путь из самых низов негритянской бедноты к вершине джазового Олимпа совершенно безоблачным. В 1935 году Бенни рекомендовал Эллу в популярный в то время оркестр Чика Уэбба. Теперь этого отличного музыканта вспоминают (и весьма незаслуженно) только в связи с именем его прославленной солистки. А тогда Чик и слушать не желал о протеже Бенни: «Мне не нужен подросток». Элла вспоминала позже: «Но Бенни нашёл выход. Он тайно спрятал меня в артистической уборной Чика и, когда тот пришёл, элегантный, подтянутый, выпустил меня. И буквально силой заставил его выслушать. Я спела три джазовые песенки, слышанные по радио. Собственно, это были те вещи, которые я только и знала всерьёз. Чик был хмур. Я его не убедила. Потом всё же сказал: „О'кей, возьмём её на завтрашнее выступление в Йель“. Девушки из его хора, переживавшие за меня в коридоре, на радостях побежали в складчину покупать первое в моей жизни платье для выступления. В Йеле пение моё понравилось, и Чик сказал, что будем выступать с ним в гарлемском танцевальном зале „Савой“…»

Когда певица появилась на джазовом небосклоне, здесь царил свинг с его чёткой мелодической линией. Когда же на смену ему пришёл более «развязный» би-боп, именно Элла ввела в джаз новые формы импровизационного вокала. Сама себя она считала ещё одним инструментом в оркестре и говорила: «Когда я пою, я мысленно ставлю себя на место тенора-саксофона».

На сцене, да и в жизни, Элла мало заботилась о внешнем виде, да и откуда у девочки из семьи прачки мог появиться вкус к нарядам и украшениям. Один из музыкантов оркестра вспоминал: «Каждый из нас не упускал тогда случая поддразнить юную Эллу то по поводу её нелепых нарядов, то причёски. Но она, трудяга, всегда была в хорошем настроении. Её невозможно было вывести из себя…» Лёгкий нрав, оптимизм создали Элле славу контактного, обаятельного в общении человека. У Чика Уэбба и

его жены не было своих детей. И они постепенно так привязались к Элле, что стали считать её дочерью, хотя девушка по возрасту годилась Чику в сёстры — Уэббу было немногим за тридцать.

Чик же не только материально опекал Эллу, но и воспитывал её, помогал взрослеть, становиться личностью. Однажды музыкант принёс солистке нежный романс. Разучивая его, Элла вдруг разрыдалась. Попросила переписать слова «на певца». Никто ничего не мог понять, и лишь мудрый Чик мгновенно сообразил: она стеснялась петь о высоких чувствах, ей нужно было «дозреть» до поклонения и восхищения.

Ты вне конкуренции, как в Риме Колизей.
Ты вне конкуренции, как в Лувре музей.
Ты как улыбка Моны Лизы
И как косая башня Пизы…
Ты перья страуса
И вальсы Штрауса…
Я ж — растаявший снег
И погашенный чек.
Я — бутылочка из-под эссенции.
Ты же — девушка вне конкуренции.

В 1935 году выходит (в нашей прессе иногда приводится другая дата — 1937-й) её первая пластинка «Любовь и поцелуи», которая принесла певице гонорар в 25 долларов, зато через три года «Жёлтая корзина», старинная народная песня, аранжированная в джазовом стиле, вышла тиражом, рекордным для того времени, — один миллион экземпляров.

«Её голос удивителен по широте диапазона. Стиль пения совершенно особенный. Она превращает хорошие песни в бессмертные, а отвратительные — в хорошие», — писали о молодой певице критики.

Теперь её наперебой приглашали работать в большие оркестры, предлагали высокую оплату, но она хранила верность коллективу «отца» — так она называла Чика. И вот, когда казалось, что жизнь обрела устойчивость и впереди ожидал неуклонный подъем, пришло горе: в июне 1939 года, пролежав неделю в больнице, скончался Чик. По трагической иронии судьбы именно благодаря дружбе и сотрудничеству с Уэббом появилась одна из наиболее известных её песен — «A-Tisket, A-Tasket» — импровизация на тему детской считалочки, певица сочинила её сама, чтобы развеселить больного Чика.

Вскоре по единодушному решению музыкантов оркестра Элла Фицджеральд возглавила коллектив. До 1942 года она была

единственной женщиной, руководившей джаз-бендами, которые во время войны выступали перед солдатами. Со своими оркестрантами она записала, в частности, одну из лучших интерпретаций песни Д. Гершвина «О леди, будьте добры». В 1946 году началось сотрудничество с Норманом Гранцем — знаменитым американским продюсером. По его настоянию артистка записала старые песни, принёсшие ей славу и популярность. Позже он говорил: «Я считаю, что исполнение Эллой „Танцев в Савойе“ Б. Гудмена — это самый невероятный, самый блистательный образец вокального джаза когда-либо выпущенный на пластинках».

Первая любовь пришла к Элле довольно поздно — в двадцать девять лет — зато она оказалась восхитительной, страстной, всепоглощающей. Неожиданное знакомство с контрабасистом Рэем Брауном переросло в серьёзное чувство. «Твои руки распахнуты мне навстречу, и я иду в твои объятия, — пела она в балладе „Нежно“. — Ты забираешь мои губы, моё сердце. И все это так нежно…»

Любовь стимулировала творчество певицы, подняла талант Эллы на недосягаемую высоту. В 1948 году она записывает знаменитую композицию «Как высока луна», где обращается к импровизационному пению, «скэту», в котором и до сих пор ей нет равных. И в этом же счастливом 1948-м состоялась свадьба Фицджеральд и Брауна.

Удивительно, но судьба любила баловать Эллу приятными сюрпризами, добрыми встречами, привязанностями, но почему-то делала радость всегда недолгой, мимолётной. Вот и семейное счастье продолжалось всего лишь три года. Когда младшему Рэю исполнилось три года, старший покинул Эллу. «Господь все управит, — пела Фицджеральд в одной из песен, — и главное не сколько ты проживёшь, а как…» Для певицы весь смысл жизни теперь сосредоточился на работе. Дискография Эллы весьма обширна, она сотрудничала на этом поприще с такими гигантами, как Каунт Бэйси, Луи Армстронг, Фрэнк Синатра. У неё было очень много концертных записей с «живой» аудиторией, где особенно остро чувствуется эмоциональный подъём, возникавший у певицы при встрече с публикой. Её удивительному голосу было доступно все — от безукоризненно точного исполнения негритянских баллад до невероятно сложных вокальных импровизаций.

В 1950-е годы ни один из концертов в Белом доме не проходил без участия певицы. Великий Эллингтон написал в честь неё сюиту «Портрет Эллы Фицджеральд». Вот как описывал он замысел и работу над этим произведением: «…я листал

семейный альбом фотографий дома у Эллы. Господи, сколько людей прошло передо мной — симпатичных, сильных, добрых, красивых… И все они были её друзьями. Они были верноподданными королевы! И первую часть сюиты я назвал „Ваше величество“. Потом я читал её дневниковые записи. И не нашёл ни одного дурного слова или сплетни ни о ком. Только тёплые и добрые слова в адрес друзей и близких. И потому вторую часть я назвал „От всего сердца“… Она величайший филантроп. Она отдаёт нуждающимся не только деньги, но и всю себя. Свою душу, голос и сердце… Её искусство заставляет меня повторять слова Маэстро Тосканини: „Или ты хороший музыкант, или ты — ничто“… Финал сюиты я назвал просто „Тотальный джаз“».

За свою жизнь Элла записала более 250 альбомов и продала более ста миллионов пластинок. В 1960-е годы, в период «разгула безумного рока», она выпустила пластинку с песнями «Битлз». И здесь проявился её удивительный талант, умение превращать обычную популярную мелодию в шедевр джазового искусства, а в песнях незаурядных находить новые нюансы и оттенки, как это случилось, например, с композицией Леннона — Маккартни «Эй, Джуд».

Несмотря на всемирную известность, Элла всю жизнь была застенчива и одинока, она не поддерживала отношений даже с теми музыкантами, с которыми успешно работала, встречалась с ними только на записях и концертах. «На репетициях была деликатна, — вспоминал гитарист Б. Кессель. — Любой промах оркестрантов готова была взять на себя: „Прошу прощения, друзья. Давайте повторим. Это моя вина“».

Преображалась она лишь на сцене, чувствуя себя абсолютно раскованной и свободной. Она не любила давать интервью, а после концерта, пока зал разрывался от аплодисментов, старалась незаметно исчезнуть.

Последние двадцать лет жизни Элла прожила в непрерывных мучениях и борьбе за жизнь. В 1971 году она едва не ослепла, и до конца жизни видела практически одним глазом. В 1985 было прервано концертное турне из-за проблем с лёгким. Потом сердечный кризис, обострение диабета и как следствие — ампутация обеих ног ниже колена.

Уединённо жила певица в Беверли-Хиллз вместе с сыном и племянником. Общалась только с женщинами, любимыми темами для разговора были кухня и музыка. Никаких контактов с поклонниками и почитателями. По-видимому, она не хотела оставлять о себе память вне сцены.

Полвека Элла отдала любимому искусству, во многом определив направление джазового вокала. Она была двенадцать

раз награждена самой престижной американской премией «Грэмми», двадцать два раза получала призы читателей журнала «Даун Бит». Впрочем, так ли уж важны эти цифры для людей, считавших, как великий писатель Хулио Кортасар, что джаз — «единственная универсальная музыка века, сближающая людей больше и лучше, чем эсперанто, ЮНЕСКО или авиалинии… музыка, которая объединяет и приближает друг к другу всех этих юношей с дисками под мышкой, которая подарила им названия и мелодии, особый мир, позволяющий опознавать друг друга, чувствовать себя сообществом и не столь одинокими, как прежде, перед лицом начальников — в конторе, родственников — в кругу семьи и бесконечно горьких любовей…»

ДЖУЛЬЕТТА МАЗИНА

(1921—1994)

Итальянская киноактриса. Присущие таланту Мазины соединение гротеска и лиризма, тонкий психологизм раскрылись в фильмах, поставленных режиссёром Ф. Феллини (мужем Мазины): «Огни варьете», «Белый шейх», «Дорога» (в отечественном прокате «Они бродили по дорогам»), «Ночи Кабирии», «Джульетта и духи», «Джинджер и Фред».

Когда-нибудь о ней, вероятно, напишут книги, снимут фильм и назовут их нечто вроде: «Двойная жизнь великой актрисы» или «Тайные страдания Джульетты». Многие женщины знают эту горечь двусмысленности существования в собственной семье, многие актрисы страдали от бремени популярности, но у Мазины эти два обстоятельства взаимно осложняли друг друга. Она всегда старательно скрывала свою личную жизнь, и иногда благодаря неимоверным усилия это ей удавалось — безупречная интеллигентность Мазины останавливала даже не знавших меры папарацци. Но интерес к великому Феллини, с которым Джульетта разделила пятьдесят лет жизни не оставлял надежд на тайну личной жизни. Маэстро был создан для публичности, скандалов, любовных приключений — этого требовало его яркое, искромётное творчество. Одна из актрис, Сандра Мило, откровенно раструбившая в прессе о «своём милом Федерико», позволила в собственной книге пофилософствовать о натуре Феллини. Она пишет, что «неутолимый голод, с каким грандо Фефе набрасывался на всякую доступную женскую особь», относится не к обычной похоти, а всего лишь к «кладоискательству».

Возможно, так оно и было: творчество тоже должно чем-то питаться, и благодарным потомкам совсем не важно, сколько женщин плакало в подушку, вдохновляя мастера на очередной шедевр. Но умной, тонкой Джульетте, которая сама представляла собой слишком значительную личность, измены мужа доставляли особенное, ни с чем не сравнимое страдание. Она-то знала, что за многие годы их совместной жизни именно в ней великий режиссёр нашёл «магический кристалл», шлифующий грани его недюжинного таланта. От плотских утех Феллини убегал в мир, где царствовала Джульетта, в мир духовности, в мир понимания и любви.

К чести Мазины надо сказать, что, несмотря на тоску одиночества (долгие томительные вечера, несмотря на

бесстыдные откровения многочисленных поклонниц режиссёра, Джульетта несла крест законной жены Феллини с ангельским терпением. Лишь один раз, когда актриса Сандро Мило опубликовала книгу, нахально обнажившую интимную жизнь Федерико, Мазина позволила себе взорваться. Пресса запестрела сообщениями, что самая великая пара Италии распадается. Но постепенно конфликт утих. По-видимому, угроза потерять Джульетту настолько напугала Мастера, что он предпочёл вообще на время уйти от светской жизни, спрятался от назойливых журналистов. А уже спустя несколько месяцев подтянутая, сдержанная Мазина на вопрос любопытного корреспондента: «Как чувствует себя жена почитаемого и обожаемого, как никто другой, женщинами человека?» отвечала всему миру улыбкой Кабирии — улыбкой сквозь слёзы: «Когда знаешь, что он по-прежнему с тобой, вновь дарит тебе розы и пишет нежные письма, то чувствуешь себя очень даже неплохо».

Что ж, Джульетта знала, ради какого счастья — быть любимой гением — жертвует она своим самолюбием. Он выбрал эту маленькую, худенькую, не фигуристую девушку как свою единственную среди многих претенденток в далёком военном 1942-м. Мазина приехала в Рим из провинциального городка, где в семье учительницы и скромного служащего она воспитывалась в аскетической, но душевной атмосфере. Поступив в университет, Джульетта прилежно изучала литературу и археологию, однако её открытый темперамент, деятельная натура, непосредственный восторг перед миром требовали выплеска гораздо более значительного, чем могут дать строгие учебные аудитории. Девушкой все настойчивее овладевает мысль об актёрстве. Ничего, что внешность подвела, ничего, что ростом не вышла, ничего, что «проскакивает» североитальянский акцент… Главное, у неё страстная жажда работы и искреннее желание сказать миру что-то своё, затаённое, то, о чём никто не сможет поведать.

Необычный, клоунский, мимический талант Мазины разглядели и в студенческом театре, и на профессиональных римских драматических сценах. Она получает первые роли, охотно хватается за подвернувшуюся возможность поднабраться опыта на радио. Здесь её удел — забавные скетчи, которые неведомый автор подписывал: «Федерико». Вскоре он явился сам — голенастый черноволосый красавец, имя которого уже было немного известно, в том числе и в «киношных» кругах. «Я всегда считал, что моя встреча с Джульеттой была предопределена самой судьбой, и не думаю, что все могло сложиться иначе…»

Они поженились в 1943 году. Но сколько раз Федерико вынужден был оправдываться перед друзьями, объяснять причину

этого брака. Окружающие не могли взять в толк, что соединило таких разных людей. Не понимали, как это Фефе, преклонявшийся перед пышногрудыми, рубенсовскими женщинами, замечавший в слабом поле лишь «пир плоти», выбрал в подруги жизни малозаметное существо, скорее похожее на сорванца-мальчишку. Разве такая женщина способна представлять в обществе человека публичной профессии, разве она может заинтересовать собой претенциозную богему? Однако Феллини уже знал — то, что его самого пленяет в Джульетте, не оставит равнодушным мир. Он чувствовал, что его собственного таланта хватит, чтобы показать всем настоящую красоту жены.

Для Джульетты, как всякой любящей женщины, мечты о карьере отошли на второй план. Теперь в её душе царил лишь Он, всесильный принц, который осчастливил бедную Золушку. «Она была хрупка и нуждалась в защите. Милая и невинная, добродушная и доверчивая. Я властвовал над нею, был рядом с ней великаном. Она всегда смотрела на меня снизу вверх — и была мной очарована». Остались в прошлом грёзы об актёрской стезе, юношеское честолюбие, желание преклонения. Ей стало достаточно преклонения лишь одного, желанного мужчины, который своим неотразимым обаянием, да и, чего греха таить, немалым опытом, сделал их ночи любви неподражаемыми. Теперь все умственные силы Джульетты, восхищавшие раньше её педагогов, направлялись на одного-единственного, её «дорогого гения». Они словно заключили тогда, в пылу страсти, немой союз — вывести друг друга к высотам творчества, вместе испытать экстаз духовный, несравнимый по силе восторга с физическим. Джульетта, желая помочь Федерико, оставалась в тени, она не помышляла о славе, считая кощунственным рядом с такой величиной «выпячивать» себя. Роль, которую она отныне предназначала себе, сводилась к двум простым понятиям — верная подруга и мать.

Первого младенца Джульетта не доносила, второй родился настолько слабеньким, что не прожил и месяца. Сама Мазина долгие недели находилась на границе жизни и смерти, а когда опасность миновала, врачи констатировали измученному страхом Федерико: детей у вашей жены не будет никогда. После этих слов для обоих супругов пространство брака стало неуклонно сужаться, смысл их совместного существования стремился к нулю. Только пережитое совместно душевное горение продолжало по-прежнему поддерживать их брак.

Желая вытащить жену из депрессии, Феллини взял её с собой на съёмки фильма Роберто Росселлини «Пайза». Здесь Джульетта «от нечего делать» впервые снялась в кино, правда, среди

статистов. Однако это незаметное для зрителей и кинематографистов появление на экране вернуло Мазину к жизни. Надо было бороться, бороться за себя, за любимого. В конце концов, сам Федерико, утешая однажды жену, сказал: «Мои фильмы — наши дети. Разве они не рождаются в муках? И разве их творец не любит их, как детей?»

Судьба уготовила ей другой удел, лишив материнства. В 1948 году режиссёр Альберто Латтуада, друг Феллини, пригласил Мазину сняться в его фильме «Без жалости». Роль проститутки Марчеллы — простодушной, импульсивной, непосредственной девушки, с доброй доверчивой душой — отнюдь не была главной в фильме, однако она сразу запомнилась, и Джульетту наградили премией «Серебряная лента», присуждаемой итальянскими кинокритиками. Это было приятно для начинающей актрисы, однако невыигрышная внешность Джульетты, словно дамоклов меч, повисла над её дальнейшей судьбой. Может быть, некоторые режиссёры и рискнули бы поработать с талантливой дурнушкой, да продюсеры наотрез отказывались вкладывать деньги в бесперспективную актрису. Кто же пойдёт в кинотеатры на фильм с такой неэффектной главной героиней?

Пока Мазина обивала пороги киностудий, Феллини вплотную подошёл к режиссёрскому дебюту. Первая лента, снятая совместно все с тем же Латтуадой, «Огни варьете» не принесла оглушительного успеха её создателям, зато Джульетта, сыгравшая в фильме небольшую роль странствующей актрисы, вновь получила «Серебряную ленту». Она могла бы продолжать собирать призы за второстепенные роли и по прошествии лет о ней написали бы престарелые критики, сокрушаясь о загубленном таланте, однако Мазину любил один великий человек, который хотел сделать эту любовь достойной. В конце концов, сколько мог этот обожаемый женщинами красавец объяснять знакомым, почему, даже теперь, когда выяснилось, что жена не принесёт желанного потомства, они продолжают жить вместе и поддерживать друг друга. Пора открыть все «кладовые» её личности.

Написанный Феллини сценарий фильма «Дорога» привлекал продюсеров, но как только они узнали, что главная роль предназначалась Джульетте, к предлагаемому проекту интерес сразу падал. Феллини настаивал, ругался, объяснял, что роль героини и, собственно, сам сценарий писались именно для Мазины. Ничего не помогало. Застарелые каноны не удавалось сломать даже такому настырному, темпераментному человеку, как Федерико. Разразился страшный скандал: Феллини метал чернильницы в продюсера, гнал его в ярости по лестнице и

топтал ногами ненавистный контракт на съёмки фильма. Потом Федерико рассказал в воспоминаниях, что подобные сцены повторялись практически перед каждой новой постановкой, потому что продюсеры по обыкновению пытались навязать режиссёру своих исполнителей, на что Феллини никогда не соглашался. Однако «битва» за Джульетту наверняка оказалась самой жаркой.

Феллини, конечно, победил. В качестве «отступного» он снял фильм без Мазины — «Маменькины сынки», а потом вновь вернулся к «Дороге». После долгих споров продюсеры, наконец, махнули рукой на сумасшедшего режиссёра, и Джульетта дождалась-таки главной роли.

Работа над фильмом была необычайно трудной. Феллини на площадке вёл себя как настоящий деспот, причём самые ядовитые стрелы он метал в собственную жену, не имея возможности выплеснуться без остатка на остальных членов группы. Здесь, на съёмках «Дороги», Джульетта приступила к постижению «науки терпения» и, надо сказать, преуспела в её «классах». Она молчала, когда Феллини методично искал прямо на её лице подходящий образу грим, стоически перенесла и издевательства на её голове, когда Федерико, схватив садовые ножницы, лично отстриг шевелюру жены и покрыл волосы обычным клеем, чтобы они выглядели выгоревшими на приморском солнце. «В течение трех месяцев съёмок они доставляли мне настоящие мучения: мыть их было нельзя, по утрам невозможно отодрать от подушки».

Какие бы цели ни ставили перед собой продюсеры фильма, они даже в мечтах не могли провидеть такой мгновенный, единодушный и, главное, массовый успех ленты. Причём, если по поводу работы режиссёра шли горячие споры, то творчество Мазины сомнений не вызывало. Её Джельсомина стала настоящей народной любимицей, каждый день на её имя приходили мешки писем со всех концов земли: к ней обращались за советом покинутые жены, к Джельсомине взывали многие обиженные в любви. Лицо клоунессы стало символом доброты и бунта против грубого, бесчувственного мира. Позже, осмысливая успех фильма, Мазина собрала полученные письма в уникальную книгу с названием: «Дневники других».

На популярности Джельсомины грела руки реклама всего мира: её имя получали рестораны, куклы, конфеты, даже пароход. Как только не называли Джульетту — и «муза Феллини», и «дитя-клоун», и «Чаплин в юбке»! А сам Чаплин впоследствии писал: «Этой актрисой я восхищён больше, чем кем бы то ни было». Мазина действительно блестяще воплотила чаплиновскую тему «маленького человечка» в женском образе. И хотя актриса всегда

протестовала против прямого отождествления её с образом Джельсомины, однако Феллини выразился недвусмысленно, что в основу этой роли легли наблюдения за женой, её индивидуальность. Расчёт великого мастера оказался верен — личность Мазины столь значительна, что она способна покорить сердца миллионов.

Фильмом «Дорога» чета Феллини подводила десятилетний итог совместной жизни, оказавшийся весьма урожайным — три десятка международных призов, «Оскар» и безоговорочное признание их творчества.

Этот «звёздный» фильм стал их визитной карточкой, стальными наручниками, навсегда сковавшими их имена в единую цепь. Потом ещё будут «Ночи Кабирии», не менее знаменитые и даже более трогательные, но «Дорогой» Феллини вознёс свою «музу» Джульетту на недосягаемую высоту. К «Оскару» за первый фильм прибавились премии, присуждённые Мазине за роль Кабирии на международных фестивалях в Канне, Сан-Себастьяне, Москве. Просветлённое лицо Джульетты стало символом итальянского кино 1950-х годов.

Маэстро сыграл на своей скрипке гениальную мелодию и понял — ничего больше в ней не прибавишь, не убавишь — потому она и гениальна, что совершенна. Феллини ещё дважды пригласил жену к себе на съёмки: «Джульетта и духи» и «Джинджер и Фред», однако больше никогда ему не удавалось повторить пронзительную музыку души Джельсомины и Кабирии. Мазина много и плодотворно работала у других режиссёров, но для будущего она навсегда останется актрисой Феллини и женщиной Феллини.

30 октября 1993 года должна была состояться золотая свадьба знаменитой пары, но 31 октября великий режиссёр скончался в королевской клинике Умберто от инсульта. Смертельно больная Джульетта, присутствовавшая на похоронах мужа, была похожа на зловещую маску той, которую знал и любил весь мир благодаря её «доброму гению» Федерико. Тайну своей двойной жизни Мазина унесла в могилу, лишь на полгода пережив горячо любимого супруга. Она никогда не высказывалась о своих отношениях с Феллини, для потомков остались лишь слова Мастера о своей «музе»: «Джульетта-актриса как нельзя более полно отвечает моим замыслам, требованиям моего вкуса, отвечает всем — и внешностью, и манерой держаться, выражать свои чувства, и характером. Она актриса мимики, интонации, клоунских повадок. И ещё, пожалуй, даже прежде всего, она — загадочное существо, способное вносить в наши отношения горячее стремление к чистоте, более высоким нравственным

принципам».

МАЙЯ МИХАЙЛОВНА ПЛИСЕЦКАЯ

(1925)

Балерина, народная артистка СССР (1959), Герой Социалистического Труда (1985). Поставила балеты, в которых исполнила главные партии: «Анна Каренина» (1972, совместно с другими балетмейстерами), «Чайка» (1980), «Дама с собачкой» (1985).

Наверное, балерины не стареют, или, может быть, они владеют каким-то особенным секретом борьбы со временем. Или этот секрет знают только великие балерины, великие женщины? Как знали его полумифические, полуисторические героини. Секрет «вечной молодости» возносил любую женщину в сонм божественных, недосягаемых, делал её предметом поклонения. И сколько дам отдало бы все сокровища мира, всех любовников, все блага ради одного — никогда не состариться. А сколько дам «полегло» на поле битвы с возрастом, сколько трагедий знает эта борьба, сколько разрушенных судеб, сколько драматического, да и комического в этой, в общем-то, неравной битве, потому что время неумолимо побеждает.

И всё же «наши» иногда прорываются. Взгляните на фотографии Плисецкой последних лет, ей-богу, она всё та же девочка, какой была пятьдесят, сорок, тридцать лет назад, иногда даже кажется, что она хорошеет год от года, появляется какая-то одухотворённая, глубокая красота. И хоть сама Майя Михайловна писала, что в двадцать лет женщина круглые сутки выглядит хорошо, после тридцати — три-четыре часа в сутки, а после пятидесяти — несколько минут, на неё это правило не распространяется. Она уже много лет на сцене и в жизни выглядит восхитительно. И она всё ещё танцует… Абсолютный рекорд в балете… Если в искусстве могут быть рекорды…

Когда Майя Михайловна выходила замуж за Родиона Щедрина, Лиля Юрьевна Брик, близко знавшая Плисецкую, пошутила в адрес жениха: «Ваш выбор мне нравится. Но один изъян у Майи велик. Слишком много родственников по всему белому свету». Действительно, в семье Михаила Борисовича Мессерера — деда Плисецкой по матери, зубного врача, было двенадцать детей, и все они, так или иначе, роднились, а некоторые связали свою жизнь с балетом, например Асаф Мессерер — виртуозный танцовщик и превосходный педагог.

Рахиль Михайловна, мать Плисецкой, тоже была не чужда искусству. Восточная её внешность привлекала режиссёров, и Ра

Мессерер снималась ещё в немых сентиментальных фильмах в ролях возрождающихся узбекских женщин. Лишь отец был далёк от изящного ремесла и занимал вполне земные администраторские должности. В 1932 году его назначили генеральным консулом и начальником угольных рудников на Шпицбергене. На этом суровом острове состоялся сценический дебют маленькой Майи в опере Даргомыжского «Русалка», которую смогли осилить обитатели местной русской колонии, коротая бесконечные зимние вечера. Роль Русалочки досталась рыженькой дочке генерального консула.

Трудно сказать, что в большей степени определяет выбор жизненного пути, особенно если дело касается совсем ещё юного создания, однако наша героиня буквально целыми днями изводила родителей просьбами о поступлении в хореографическое училище. Наконец, отцу дали отпуск, и по прибытии в Москву в 1934 году девочку определили в балетную школу в класс бывшей солистки Большого театра Евгении Ивановны Долинской. Однако первый «танцевальный» год Майи длился недолго, родители должны были возвращаться на Шпицберген, а дочку, несмотря на обилие родни, оставить в Москве было не с кем.

Новая полярная зима на острове длилась для девочки особенно медленно, Майя очень тосковала по, казалось бы, так легко приобретённому любимому занятию и так скоро отнятому. И как только наступила весна, отец, видя томление дочери, решил отправить девочку с первым ледоходом на Большую землю. Майя отстала от своего класса, и новым педагогом её оказалась Елизавета Павловна Гердт — человек славный, незлобивый, ровный — как пишет о ней сама Плисецкая. «Но аналитической мудрости, профессионального ясновиденья природа Гердт не отпустила. Она видела, что это правильно, а это нет, но объяснить, научить, что, как, почему, „выписать рецепт“ не могла». Всю свою танцевальную жизнь Майя Михайловна страдала от того, что не получила она полноценного, классического балетного образования, что многие открытия в школе пришлось делать самой ценой проб и ошибок.

Учёба в хореографическом училище шла своим чередом: плие, фондю, большие батманы, стёртые в кровь пальцы. А между тем тридцать седьмой неумолимо приближался, и пришёл он к двенадцатилетней Майе 30 апреля, за несколько часов до первомайской демонстрации, к которой девочка радостно готовилась, пришёл на рассвете, с чугунной тяжестью шагов и внезапным, пугающим звонком. Дальше — зловеще типичная череда событий тех лет. Арест матери, расстрел отца,

опечатанная квартира и некуда идти…

Майю приютила тётка Суламифь, артистка балета, отношения с которой складывались непросто. С одной стороны, девочка обязана была своей родственнице многим: что не сдали Майю в сиротский дом, что имела она возможность по-прежнему заниматься любимым делом. С другой стороны, Суламифь «…в расплату за добро каждый день, каждый день больно унижала меня». Семья Плисецких распалась, детство для Майи кончилось. Брат Александр остался жить у дяди Асафа.

Благодаря добрым людям — стрелочнице на станции, которой Рахиль под ноги выбросила из тюремного вагона записку, — удалось Майе узнать о судьбе матери. Бывшую киноактрису, жену бывшего генконсула сослали в Чимкент. О судьбе отца великая балерина Плисецкая узнала только в 1989 году из скупой справочки о реабилитации.

А балет жил своей, красивой, яркой жизнью, далёкой от реальности и ужасов ГУЛАГа. Ученики хореографического участвовали в текущем репертуаре Большого. Майя танцевала фею-крошку в «Спящей красавице» и цветы в «Снегурочке», охотно бегала на репетиции основной труппы и с замиранием сердца следила за отточенностью арабесок гастролёрши из Ленинграда — божественной Улановой. 21 июня 1941 года Майя Плисецкая удачно дебютировала в выпускном концерте училища в сопровождении оркестра Большого на сцене филиала с «Экспромтом» Чайковского. «Московская публика приняла номер восторженно. Может быть, это был — смело говорить — пик концерта. Мы кланялись без конца. Мать была в зале, и я сумела разглядеть её счастливые глаза, лучившиеся из ложи бенуара».

Да, перед самой войной судьба неожиданно улыбнулась их семье — из ссылки с маленьким братом, родившимся летом 1937 года, возвратилась Рахиль. После Чимкента она поселилась вместе с Майей у Суламифи. И каждый вечер Рахиль устанавливала раскладушку у самых дверей крохотной комнаты, в которой они жили вчетвером — среднего брата забрать у Асафа не было никакой возможности. Однако настоящие лишения пришли с войной. Благодаря хлопотам Суламифи Плисецким удалось эвакуироваться в Свердловск, где в тесной трехкомнатной квартире скромного инженера набилось 14 человек. Теперь основным родом деятельности Майи стали очереди — с трехзначными номерами на руках, с редкими, но яростными ссорами, с отрешёнными глазами товарок по длинному унылому ряду. И чем медленнее двигались бесчисленные очереди, чем быстрее летело время, тем сильнее Плисецкую охватывала паника. Уже год она жила без тренировки,

была без балета. Ещё больнее жалили Майю доходившие до Свердловска сведения, что занятия в родном училище продолжаются.

В отчаянии Плисецкая решилась на безумный по законам военного времени поступок — без пропуска она пробралась в Москву и, несмотря на пропущенный год, была принята в единственный выпускной класс Марии Михайловны Леонтьевой. Наградой за упорство и преданность балету для Плисецкой стала пятёрка на экзамене весной 1943 года и зачисление в труппу Большого театра.

Начинала она с кордебалета, с одной из восьми нимф в опере «Иван Сусанин». Конечно, честолюбивая дебютантша обижалась, переживала, пыталась обратиться к помощи родственников: «Я раньше не танцевала в кордебалете…» Однако дядя Асаф был неумолим и краток: «А теперь будешь».

«Ослушаться я не могла, но протестовать — протестовала. Вставала вместо пальцев на полупальцы, танцевала без грима, перед началом не грелась».

Чтобы поддерживать себя в надлежащей форме Плисецкая охотно участвовала в концертах в клубах Москвы. Тут она отводила душу, танцевала всё, что хотелось: «Умирающего лебедя», «Мелодию» Глюка, «Элегию» Рахманинова. Сцены бывали чаще всего тесными, узкими, холодными, но именно они, безымянные, похожие одна на другую, с тусклым освещением и поспешным одеванием, дали уверенность в себе балерине Плисецкой, да и средства к существованию они приносили немалые. Много лет, уже будучи признанной примой балета, Плисецкая обращалась к этим клубным сценам, когда наступали финансовые затруднения, и неизменно эти «левые» концерты выручали её.

Впервые успех в театре пришёл к Майе Михайловне в «Шопениане». Каждый прыжок молодой балерины, в котором она на мгновение фантастично зависала в воздухе, вызывал гром аплодисментов. Появились первые поклонники, уже некоторые балетоманы приходили «на Плисецкую». Однажды после «Шопенианы» к Майе подошла знаменитая Ваганова. Репетиция с прославленным педагогом преобразила Плисецкую, это был тот трамплин, с которого вознеслась на балетный Олимп наша героиня.

К концу войны, к тому времени, когда в Большой возвратились звезды театра, Плисецкая уже прочно утвердила своё имя в ряду наиболее перспективных артистов.

По-детски счастлива была балерина, когда после премьеры «Раймонды» её фотографии и маленькая заметка о новой

танцовщице появилась на страницах «Огонька».

Решающую роль в жизни Плисецкой сыграл балет «Лебединое озеро». На каких только сценах, в каких только городах не танцевала Майя Михайловна свою Одиллию-Одетту. Более восьмисот раз… Тридцать лет — 1947—1977-й… «Я считала и считаю поныне, что „Лебединое“ — пробный камень для всякой балерины. В этом балете ни за что не спрячешься, ничего не утаишь. Все на ладони… вся палитра красок и технических испытаний, искусство перевоплощения, драматизм финала. Балет требует выкладки всех душевных и физических сил. Вполноги „Лебединое“ не станцуешь. Каждый раз после этого балета я чувствовала себя опустошённой, вывернутой наизнанку. Силы возвращались лишь на второй, третий день».

Мировая известность пришла к Плисецкой ещё в те годы, когда она из-за всесильного советского КГБ считалась «невыездной». Пять лет Майю Михайловну вычёркивали из списков гастролёров, пять лет она ходила по кабинетам чекистских и партийных начальников, пять лет унижений, прошений и — неизменный отказ без объяснения причин. Но Сол Юрок, знаменитый американский импресарио, уже намечает репертуар будущих гастролей, уже всех высокопоставленных иноземных гостей водят «на Плисецкую», уже Арагон, известный французский поэт, в очередной приезд в СССР грозится поговорить о балерине и её злосчастьях с самим Хрущёвым. Но лишь в 1959 году, когда ненавистного руководителя КГБ Серова сменяет более лояльный начальник, Плисецкую наконец включают в семидесятидневный тур по США. Так начиналась всемирная слава русской балерины.

Со своим мужем Родионом Щедриным Плисецкая познакомилась в доме Лили Брик в 1955 году на одном из приёмов, устроенном в честь приезда в Москву Жерара Филипа. Но мимолётная встреча лишь спустя три года переросла в настоящую любовь. После премьеры «Спартака» Щедрин позвонил Майе Михайловне и попросился прийти к ней в класс. Ну а вечером было путешествие по Москве, летом — отдых в Карелии, а к осени — поездка на машине к морю, и с тех пор они не расстаются более сорока лет. В августе 1958 года наша героиня забеременела. Ей предстоял трудный выбор — родить от любимого человека и бросить балет либо продолжать танцевать. Она избрала второй путь.

С именем Щедрина связаны и балеты, которые Плисецкая называет «мои». Когда основательно поднадоел старый, вековой репертуар — «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Лебединое озеро» — Майя Михайловна стала задумываться о своих

пристрастиях — что бы такое ещё станцевать. «Мысль о Кармен жила во мне постоянно — то тлела где-то в глубине, то повелительно рвалась наружу. С кем бы ни заговаривала о своих мечтах — образ Кармен являлся первым…»

Поначалу Плисецкая хотела увлечь этой мыслью Шостаковича, но Дмитрий Дмитриевич отказался, мотивируя это тем, что музыка Бизе настолько сильна, что любая новая трактовка знаменитой истории о цыганке будет лишь раздражать. Тогда за дело взялся Родион Щедрин. Он нашёл единственно верный вариант. Памятуя слова Шостаковича, Щедрин максимально сохранил музыку французского композитора, приспособив её к хореографической интерпретации. Так появилась «Кармен-сюита». Балет, за который Плисецкая долго сражалась с власть предержащими, отстаивая своё право на творчество, был поставлен кубинцем Альберто Алонсо.

Первый опыт повлёк за собой новые. В 1971 году Плисецкая начинает репетиции «Анны Карениной», музыку которой тоже написал Щедрин. Идею этого балета подсказала, как ни странно, Жаклин Кеннеди. Восхитившись Майей Михайловной на гастролях в США, жена американского президента поразилась, насколько великая русская балерина похожа на героиню Толстого. За Толстым последовал Чехов — балеты «Чайка» и «Дама с собачкой».

Светской жизни Майи Плисецкой можно только позавидовать. Она была близкой приятельницей Лили Брик, дружила с сестрой Брик Эльзой Триоле и её мужем Арагоном. Портрет Плисецкой рисовал Шагал, для неё ставил балеты Морис Бежар, её наперебой приглашали на приёмы президенты, премьер-министры и короли. Роберт Кеннеди, узнав, что у Плисецкой день рождения в один с ним день, при жизни, каждый год, где бы в это время ни находилась великая балерина, присылал ей неизменно корзину цветов и подарок. Пьер Карден изготовил Плисецкой собственноручно и бесплатно костюмы для «Анны Карениной» и «Чайки». И за всем этим — любимое дело и любимый человек. Возможно, в этом и заключается секрет вечной молодости Майи Плисецкой.

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

(1925)

Премьер-министр Великобритании в 1979—1990 годах. Лидер Консервативной партии с 1975 по 1990 год. В 1970—1974 годах министр просвещения и науки.

Пройдут годы, и образ «железной леди» обретёт новые краски, появятся очертания легенды, исчезнут детали. Маргарет Тэтчер останется в истории XX века как один из самых сильных политиков. Не поддерживая никаких феминистских движений, она представила миру совершенно новый женский тип, её характер словно призван был показать человечеству, к чему пришёл слабый пол к концу второго тысячелетия. Она символизирует многолетний итог борьбы женщин за свои права, когда женщина, выйдя из-под опеки мужа или отца, оставшись одна, принуждена была не только выжить, но и обрести достойное место.

Уверенная в своих силах, Маргарет Тэтчер заставила по-новому посмотреть на возможности женщины в современном обществе.

Она родилась в тяжёлые послевоенные годы, когда Великобритания переживала сложный экономический период. Городок Грантем, прославленный когда-то Ньютоном и Кромвелем, в 1920-е годы медленно хирел. Основную часть его жителей представляли мелкие рыночные торговцы, мастеровые. Каждый, кто хотел чего-то достичь в жизни, спешил уехать отсюда. Отец Маргарет, Робертс, имел крохотную бакалейную лавку, в которой с детских лет помогали семье его дочери. Однако круг его интересов не замыкался на торговле. Альфред Робертс, человек серьёзный, любил одиночество и книжную премудрость. Поскольку Бог не дал ему сыновей, он воспитывал девочек, особенно младшую Маргарет, не слишком сообразуясь с её полом. По четвергам, когда лавка закрывалась раньше, чем в обычные дни, отец брал сестёр с собой на текущие вечерние лекции в университет. Если он задерживался, Маргарет должна была идти без него, потому что обязана была записывать лекции и пересказывать их отцу. В доме велись жаркие дискуссии о политике, в которых младшая дочь принимала участие, невзирая на чины, лица и возраст.

Порядок в доме установился суровый: никто не имел права отдохнуть во время рабочего дня, расслабиться, пошутить. Кино, мороженое, игры строго регламентировались. Много лет спустя

премьер-министр вспоминала до мельчайших подробностей те несколько фильмов, которые ей удалось посмотреть в детстве. По пальцам можно было пересчитать и совместные семейные праздники. В такой обстановке девочка росла серьёзной и одинокой. Она не понимала шуток, и многие, хорошо знающие Маргарет Тэтчер, отмечают, что и во взрослом возрасте она не научилась смеяться.

Начальник её генерального штаба рассказывал, что, если в программу приёмов или брифинга входила шутка, «мы предупреждали её, что сейчас последует шутка, и объясняли в чём её смысл». Обычной реакцией был озадаченный взгляд и удивлённое «О!» Ей приходилось во многом превозмогать себя, чтобы сделать свои речи хоть сколько-нибудь лёгкими и ненудными. При этом с ранней юности у Маргарет проявилось неодолимое желание быть на виду, фотографироваться, говорить, спорить. Одно время она даже подумывала стать актрисой, так велико оказалось её стремление убеждать, нравиться людям.

Однако отношения со сверстниками складывались поначалу непросто. Маргарет не интересовали мода, мальчики, обыденные сплетни — весь тот набор тем, который популярен в молодёжной компании. Она могла без стеснения говорить только о политике, да и то с таким максимализмом и безапелляционностью, что никто не решался ей возразить; спор с участием Маргарет перерастал в резкий, темпераментный монолог. Не зря многие из её школьных и университетских знакомых позже стыдливо признавались, что предпочитали не приглашать молодую Робертс на свои вечеринки.

Задача выбора жизненного пути у Маргарет усложнялась только невозможностью родителей содержать девушку, поэтому, крайне прагматичная, она решила приобрести хорошую профессию, а уж потом утверждаться в таком зыбком деле, как политика. Маргарет поступила в Оксфорд на факультет химии. Училась она не блестяще, хотя и добросовестно, сознавая, что диплом университета — всего лишь ступенька в её будущей карьере.

В студенческие годы Маргарет стала членом Консервативной Ассоциации, а вскоре её выдвинули на пост президента, что было совсем уж неслыханно, потому что впервые такой должности добилась женщина.

Фирма по изготовлению пластмасс не пришлась по душе молодому специалисту, Маргарет не могла найти общего языка с простыми рабочими, которых раздражал её безапелляционный, официальный тон. Если бы не общественная работа в партии консерваторов, жизнь девушки стала бы совсем грустной.

Энергичную, напористую Маргарет заметили коллеги и на конференции 1948 года выдвинули кандидатом в один неперспективный для партии округ. Девушка рьяно взялась за дело. У неё не было ни машины, ни денег на такси, и всё же она объездила каждый уголок округа. Она взяла за правило, которое, кстати, сохранилось у неё с тех пор на всю жизнь, вставать в шесть утра и ложиться далеко за полночь. Работоспособность Маргарет потрясала. Полуголодная, замёрзшая, невыспавшаяся, совершенно не интересовавшаяся мужчинами, она не отказывалась ни от одной, даже короткой, встречи.

Нет, чуда не произошло, но всё-таки результат такого нечеловеческого напряжения не замедлил сказаться: консерваторы набрали на выборах в округе, где кандидатом выдвигалась Маргарет, на несколько тысяч голосов больше против обыкновения. На одном из партийных собраний, которое окончилось поздно, к девушке подошёл молодой человек и предложил подвезти её на своём «ягуаре». Так Маргарет познакомилась со своим будущим мужем.

Относительно богатый бизнесмен Дэнис Тэтчер был на десять лет старше своей избранницы, но это не помешало Маргарет в браке иметь полную независимость и свободу. Наверное, некоторым эта семья покажется несколько формальной: их трехнедельное свадебное путешествие стало единственным совместным времяпрепровождением, впоследствии — каждый занимался своими проблемами и был доволен невмешательством партнёра в дела друг друга. Но для Маргарет такой союз, вероятно, был единственной возможностью не остаться старой девой. Мать и сестра Дэниса считали, что молодой человек мог бы подыскать девушку и красивее и богаче, но ловкий Тэтчер отлично понимал кого он «купил» за свои деньги. Любящий удовольствия, с ленцой, несколько легкомысленный, но не лишённый претензий, Дэнис видел в этой властной, несгибаемой женщине свою будущую гордость, и он не просчитался.

Получив возможность не работать, Маргарет осуществила свою давнюю мечту — занялась юриспруденцией. На пятом месяце беременности в мае 1953 года она сдала свой первый экзамен на звание адвоката. А уже в августе на семь недель раньше срока Маргарет родила двойню. Мать сама выбирала имена детям, и в этом тоже сказался прямолинейный характер будущего премьер-министра. Мальчика назвали Марком, а девочку — Кэрол. «Мы лишь хотели, чтобы имена у них были простые, которые невозможно сократить. Нам не нравились все эти уменьшительные клички».

Прямо в больнице Маргарет написала заявление с просьбой

допустить её к выпускному экзамену и к концу года готова была к продолжению карьеры. Статистика говорит, что женщины, имеющие детей, ни на йоту не отстают в профессиональном росте от бездетных. Тэтчер, конечно, попала в цейтнот — близнецы забирали много сил. Ночные бдения на предвыборных кампаниях так не изматывали Маргарет, как регулярные кормления детей. «Мне уж стало казаться, что я никогда больше не высплюсь», — говорила она. Однако в отличие от многих женщин Тэтчер была полна желания вернуться к работе. Начало было сложным, кое-как она нашла место на полный рабочий день и стала заниматься налоговыми вопросами. Малышам ещё не исполнилось и года, когда Маргарет предложила свою кандидатуру на выборах, а через четыре года Тэтчер уже заседала в парламенте.

Её восхождение на вершины власти не было быстрым и безоблачным. Но, конечно, ей везло. Два года заседания в парламенте представили Маргарет политикам разного толка и уровня, и неожиданно молодую женщину пригласили на работу в министерство по делам пенсий и страхований. Мать двоих детей жила за городом, муж был вечно в отъезде, многим казалось, что ей ни за что не справиться с новыми обязанностями, однако скоро все увидели, какая она работоспособная. Никто до этого не подозревал о её привычном распорядке дня: четыре часа в сутки — на сон, остальные двадцать — на работу.

Опыт члена правительства помог Маргарет при новом назначении, теперь уже на пост министра образования в 1970 году, когда консерватор Хит стал премьер-министром. Впервые Англия услышала это имя — Маргарет Тэтчер… и взбунтовалась. Свою деятельность в министерстве Тэтчер начала с отмены бесплатного питания молоком учеников начальных классов, сэкономив 19 миллионов долларов. Только для совсем малоимущих делалось исключение, остальные же, по разумению Маргарет, должны были сами заработать своим детям на молоко и не сидеть на шее у государства. Акция, безусловно, вызвала бурю негодования. «Тэтчер — милк снэтчер!» — кричали демонстранты. В парламенте и в печати её клеймили как мать, отнимающую молоко у младенцев. Тот факт, что эту политическую меру осуществляла женщина, ещё больше разжигал страсти. В Ливерпуле министра образования строители забросали мусором. И всё же она не побоялась повысить плату за школьные завтраки, которая не менялась годами. Теперь, когда Маргарет выступала с речью в парламенте, лейбористы-заднескамеечники начинали вполголоса скандировать: «Прочь, сукина дочь». Крупнейшая английская газета назвала Тэтчер «самой непопулярной женщиной в Англии».

Вскоре правительство тори пало, вместе с ним вынуждена была покинуть пост и Маргарет. Зато теперь она вступила в более перспективную борьбу — за право стать лидером консерваторов. Её положение было почти безнадёжным. Исторически сложилось так, что рассматриваемые кандидаты в вожди партии в прошлом обязательно занимали либо пост министра иностранных дел, либо министра финансов, либо министра внутренних дел. Это было вызвано тем, что глава партии выбирался как потенциальный премьер-министр страны. Непродолжительная же деятельность Тэтчер на административной должности, как мы знаем, особенным успехом не увенчалась, и теперь ей трудно было выдержать конкуренцию среди кандидатов. Однако Маргарет обладала одним серьёзным преимуществом — неистребимой уверенностью в себе, и нашлись люди, тоже поверившие в неё. Именно во время битвы за лидерство в партии тори пресса впервые назвала Тэтчер «железной леди». Газета «Дейли телеграф» писала, что даже «ямочки на щеках у неё — из железа».

В 1975 году Маргарет заняла один из самых престижных политических постов Англии, она стала первым лицом влиятельнейшей партии Великобритании — партии консерваторов. Тэтчер стала ещё более резкой в высказываниях, ещё более деловой. Она не праздновала победу, не почивала на лаврах, она тут же принялась создавать теневой кабинет министров, тщательно продумывая свой каждый шаг. В пятьдесят Маргарет выглядела прекрасно. Не потому, что она каким-то особенным образом следила за своей внешностью. Просто «железная леди» была озарена внутренне своей силой и уверенностью: ни капли напряжения, глаза сияют, шаг энергичный, порывистый — женщина на вершине успеха.

Самую высокую планку Маргарет одолела через три года. В 1979 году она стала премьер-министром Англии. Когда результаты голосования стали известны, Тэтчер поехала в Букингемский дворец для традиционной церемонии «целования рук по назначению». Сей древний ритуал сегодня ограничен одним-единственным вопросом королевы — готов ли новый премьер-министр сформировать правительство. После того как Тэтчер ответила утвердительно, пятидесятитрехлетняя королева жестом пригласила пятидесятитрехлетнюю дочку бакалейщика выпить чаю — беседа за чаем продолжалась сорок пять минут. Журналистам возбуждённая Маргарет сказала в первом интервью: «Всем, буквально всем я обязана отцу…» И это было действительно так. Вот уже девять лет Альфреда Робертса не было в живых, но это именно его идеалы помогли Маргарет

победить.

На посту премьер-министра Тэтчер училась быть более гибкой, однако главному она не изменяла. Она хотела вернуть Англии престиж и силу. А путь к этому она видела в том, чтобы заставить каждого работать. Она люто ненавидела безделье и слабость, не принимала социализм, отрицала всякие субсидии и помощь малоимущим. Первый законопроект Тэтчер вызвал бурю негодования общественности.

Всякое правительство начинало с того, что увеличивало налоги на предпринимателей и за счёт этого бросало подачки народу. Маргарет твёрдо решила, что ни один нахлебник больше ничего не получит от государства. Будучи сама сильной, трудолюбивой, она хотела сделать англичан такими же. Как рачительная, экономная хозяйка, Тэтчер покончила с дефицитом бюджета, заставив всю страну подтянуть пояса. Конечно, мало кому нравился капор «этой выскочки». Но Маргарет победила. Она спасла страну от экономической катастрофы. Впервые после Черчилля Великобритания стала играть заметную роль на мировой арене. Маргарет Тэтчер продержалась у руля власти три срока, что очень сложно для политика и особенно для женщины.

И если позволительно в изложение звёздной судьбы нашей героини внести маленькую «ложку дёгтя», то ею, наверное, может стать жизнь детей Маргарет Тэтчер. Их жизнь не сложилась столь удачно, как жизнь матери. Они принесли много огорчений удачливому политику Маргарет Тэтчер. Марк вырос избалованным, самонадеянным юнцом, слишком уповающим на положение матери. Кэрол, напротив, всё время пыталась избавиться от тени знаменитой родственницы и в зрелом возрасте все ещё пробавлялась жалкой участью внештатной журналистки. Мало кому из детей известных родителей выдавалась лёгкая жизнь. Конечно, вина за это лежит и на Маргарет. Одна из её приятельниц как-то сказала: «Она добилась невероятного успеха как политик, но потерпела неудачу как мать, и ей это известно».

МЭРИЛИН МОНРО (НОРМА БЕЙКЕР)

(1926—1962)

Самая популярная американская киноактриса 1950-х годов. Снималась в фильмах: «Как выйти замуж за миллионера», «Некоторые любят погорячее» (в отечественном прокате «В джазе только девушки»), «Неприкаянные» и др.

В XX веке нет, пожалуй, другого, помимо Мэрилин, имени, которое символизировало бы по негласному соглашению совершенную женственность. В свете юпитеров женственность все теснее смыкалась с сексуальностью, и хотя это последнее понятие так и не успело устояться до полной ясности, к актрисе Монро прочно прилепилась слава первой и самой знаменитой секс-звезды, секс-бомбы. Она казалась современникам необыкновенно красивой, она сделала свою внешность, довела её до совершенной кукольности. Потомки, безусловно, найдут в ней изъяны — эстетические идеалы быстро меняются, однако вряд ли когда-нибудь новые ценители сочтут образ Монро заурядным. В этой женщине сквозь бездарные фильмы, банальные роли, через надуманные позы и слабенький голос всегда проступал магнетизм какой-то тайны, которая даже не была создана ею самой. Эта тайна пульсировала в Монро помимо её воли. Вложенная в её тело и душу, тайна вела её к вершинам славы и в пропасть гибели. Не зря жизнь и смерть этой красотки, ничего особенного не внёсшей в мировую культуру, волнует сегодня и обывателя, и элиту.

Многие американцы, писавшие о Монро, не избежали соблазна объяснять все её беды и достижения обожаемыми в Новом Свете фрейдистскими мотивами. Дескать, не знала бедняжка Норма своего отца — вот и сложилась у неё нестабильная психика с вечными поисками сильного плеча. Да и с матерью будущей звезде не повезло. Двадцатичетырехлетняя Глэдис, оставшаяся одна с маленькой дочуркой на руках, не умела заработать на жизнь в годы экономического кризиса. Она лишь беспомощно уповала на чудесное будущее дитяти, валялась в кровати и иной раз выпивала с подвернувшимися собутыльниками. В конце концов Глэдис «загремела» в сумасшедший дом, где и сгинула бесследно. Шестилетняя Норма досталась подруге матери Грейс Мак Ки. Однако тётя Грейс не смогла сама обеспечивать девочку, и для Нормы начались годы скитаний по приютам, случайным семьям, которые зарабатывали свои гроши на пособии, выдаваемом государством для

воспитания сиротки. Одно из самых ужасных впечатлений, оставшихся у Монро из детства, — купание в грязной ванне. Воду в этом семействе экономили, и мылись все по очереди, не меняя её. Очередь Нормы была последней. Она ни за что не хотела ложиться в использованную чёрную жижу, тогда её насильно запихивали в ванну, держа за руки и за ноги. Этот почти культовый рассказ знаменовал собой невероятные издевательства, которым подвергалось тело будущей «всеобщей женщины Америки».

Аскетическое детство, однако, не помешало Норме уже в тринадцать лет неумеренно натираться кремами, малевать губы и раскрашивать лицо. Кокетства не смогли бы в ней убить ни скверные туалеты, ни нищенское существование, ни все ханжи мира, вместе взятые. Она рано начала встречаться с парнями, придумала себе искусственный смех, знаменитую виляющую походку. Но тётя Грейс напрасно беспокоилась за честь маленькой нимфетки, «лягушачья холодность» будущего секс-символа стала общей темой в рассказах об отношении Мэрилин с мужчинами. Об этом спорили даже кинокритики.

Первый муж — Джим Доуэрти мог гордиться — для «первой» женщины Америки он стал первым мужчиной. Однако это обстоятельство союза их не укрепило. Норма ненавидела хозяйство, предпочитала больше думать о сердце своего супруга, чем о его желудке. Она подбрасывала усталому Джиму, возвратившемуся с работы, дурацкие записочки с объяснениями в любви, но в ужине для любимого ограничивалась сэндвичами. Муж не оценил экстравагантности своей жены и попросился в армию. Для Нормы снова настали «чёрные» дни. Она поступила работать на завод. Родители Джима, неусыпно следившие за невесткой, радовались — каждое утро Норма, раскрашенная как рекламная красотка, облитая с головы до ног духами, отправлялась красить фюзеляжи самолётов. Они не знали, что жена и думать забыла о своём супруге, а в её хорошенькой голове зрел коварный замысел — стать фотомоделью.

Первые шаги в новом бизнесе принесли Норме моральный и денежный успех. Час позирования в агентстве по фоторекламе купальных костюмов стоил столько же, сколько целый месяц работы на заводе. От неё требовалось только выставлять перед объективом грудь, талию, бедра. Словом, делать то, чем овладела она ещё в юном возрасте. Впереди светила заветная мечта — выгодно показаться и стать знаменитой киноактрисой. Однако красивым телом зарабатывали тысячи фотомоделей, а пробиться к вершинам ей, бедной сиротке, казалось почти невозможным. Норма, не долго раздумывая, применила для атаки Голливуда

испытанный веками чисто женский приём. Она стала искать сексуальных знакомств с сильными мира сего. Но, лишённая всякой практичности и чутья, она напоролась на Говарда Хьюгса, босса крупной кинокомпании, который хоть и умело флиртовал с красотками, однако отчаянно боялся женской постели. Когда упорная Норма наконец добилась встречи с богачом, когда она закрыла глаза в роскошном кресле в фамильном замке Хьюгса, предвкушая новые завоевания, непутёвый любовник, запутываясь в словах, объявил гостье, что ему необходимо срочно улететь.

От полного краха Норму спасла, как ни странно, старая дева и пресловутая конкуренция фирм. Заведующая агентством, где позировала Норма, узрев интерес кинокомпании, возглавляемой Хьюгсом, познакомила молодую женщину с главой киностудии «XX век — Фокс» Беном Лайоном. Немедленно был заключён контракт. Так, Норма взяла штурмом толстые стены, ограждавшие Голливуд. Между прочим, именно этот скучающий продюсер придумал новенькой звучное имя — Мэрилин Монро.

Норма Джин Доуэрти, ставшая Мэрилин Монро, чувствовала себя опьянённой от счастья. Но крупные кинокомпании заключали сотни аналогичных контрактов, регулярно выплачивая некоторую сумму денег, чтобы пойманная жертва окончательно не впала в отчаяние. Долгие месяцы ожидания роли обычно заканчивались разочарованием и депрессией, надежда сменялась унынием. Через год после подписания контракта с «Фокс» Мэрилин поняла, что она забыта, а её мечты о сорока любовных посланиях, которые кинозвезды получают каждую неделю, окончательно разрушены. Она попыталась возобновить хлопоты о контрактах с другими кинокомпаниями, но безуспешно.

В ожидании лучших времён Мэрилин нанимает себе репетитора по актёрскому мастерству. Теперь под неусыпным оком опытной актрисы и некрасивой женщины Наташи Ляйтес Мэрилин ищет новые пути завоевания Голливуда. Ей кажется, что профессиональное совершенствование приведёт-таки к успеху. Однако не мучительные романы-однодневки, не самозабвенные занятия с Наташей Ляйтес, которая, кстати, на долгие годы станет единственным авторитетом Монро в кино, ни на йоту не приближают нашу героиню к заветному экрану. Она по-прежнему остаётся безвестной статисткой, которая проводит дни в артистическом кафе, изо всех сил делая вид, что у неё в жизни всё о'кей, подрабатывая дешёвой рекламой.

Лишь спустя четыре года после первого контракта судьба, казалось, улыбнулась ей. Мэрилин получила крохотную роль распутной блондинки в фильме «Асфальтовые джунгли». Друзья и знакомые рукоплескали дебютантке, но только глупец мог

поверить, что Монро повезло — сексуальных блондинок в Голливуде водилось видимо-невидимо. И всё же Мэрилин заметили и снова пригласили… на роль все той же пресловутой блондинки. Потянулись вереницы эпизодов в фильмах, которые мало чем отличались от рекламного позирования. Экран разочаровывал Мэрилин не столько своей недоступностью, сколько такой же бездумной демонстрацией открытых частей тела и хорошеньких губок. Она мечтала сыграть роли, а ей предлагали просто ходить, просто раздеваться, просто купаться в ванной, только уже не в той грязной из далёкого детства, а в отделанной золотом, с голубой водой, но попахивавшей все той же использованной вонючей жижей.

Часы безделья Мэрилин заполняла чтением, проглатывала книги без разбора и программы, представляя, как сыграет она понравившиеся образы. Но жизнь жестоко пресекала её разыгравшуюся фантазию, она катилась в чёрно-белом и плоском изображении. Тонкости психологии, которые потрясали детскую душу Мэрилин до основания, в окружающем её мире были сведены до простоты сексуальных желаний и материального достатка. Она мучилась.

К успеху Мэрилин привели обычная потребность в деньгах и война в Корее. В 1952 году, оставшись на мели и желая сохранить автомобиль, за прокат которого Монро необходимо было срочно заплатить, она согласилась сняться обнажённой для календаря. Оказалось, что этого и требовало общество. Её тело принесло пятьдесят долларов Мэрилин и миллион долларов тому, кто издал календарь. Ей стали приходить тысячи предложений на брачный союз, психиатрические больницы наполнились родителями Мэрилин Монро. Скандальный календарь сделал из Мэрилин то, чего не могли достичь десятки эпизодов на киноплёнке — вожделенную женщину Штатов.

И всё же Мэрилин обманула их, жаждущих получить послушную рафинированную куклу. То, что они принимали за сексуальный экстаз, оказалось всего лишь тенью страждущей напуганной души. На всю жизнь проклятием Мэрилин стало неумение создать дом, бесприютность её собственной внутренней жизни. Она искала опору, домашний очаг в тех людях, которые встречались на её пути — в мужчинах, по большей части. Бейсболист Джо ди Маджо окончательно завоевал её сердце лишь тогда, когда познакомил Мэрилин со своим многочисленным рыбацким семейством. Монро казалось, что союз с отпрыском такого дружного клана поможет ей самой стать частицей этого рода, где каждый нужен друг другу. Однако эта вера стала очередной иллюзией, за которой Мэрилин укрывалась от чужого,

враждебного мира.

1953 год стал для Монро годом, когда её слава достигла вершины. Она была провозглашена кинозвездой Америки. В связи с этим в её честь был устроен банкет. К своему апофеозу Мэрилин заказала вечернее платье, расшитое золотом. На высоких каблуках, ярко раскрашенная, в обтягивающих одеждах, она казалась сексуальной мечтой, она притягивала взгляды, вызывая обожание одних и лютую злобу других.

Вершина стала для Мэрилин всего лишь верхней точкой падения. Внутренняя дисгармония усилилась, вечные страхи обострились. Она уже не может заснуть без снотворного, она с ужасом возвращается в опустевший дом, она чудит на съёмках, её сумасбродство переходит всякие границы. В самый разгар съёмок, когда камеры нацелены на неё, когда вся группа с нетерпением приготовилась услышать: «Мотор! Начали!», Монро запросто может промолвить невинным голосом: «Мне необходимо в туалет». Она словно мстила всем окружающим, зарабатывавшим деньги на её внутренних мучениях. Наверное, вряд ли Мэрилин смогла бы внятно ответить, что мучило её душу, чего не хватало ей, такой богатой, окружённой поклонением множества великолепных мужчин. Но этот внутренний огонь неудовлетворённости сжигал её.

Брак Монро с известным писателем Артуром Миллером, казалось, наконец-то поместил «этот бриллиант» в достойную оправу. Писатель — значит всё понимает, думала она, значит, поможет её мятущейся душе осознать себя. Мэрилин размечталась, что муж напишет для неё настоящую большую роль, что психотерапия великого драматурга поможет ей обрести ускользающую из-под ног почву. Она искренне верила, что писатель чем-то сродни господу Богу. Наверное, поэтому трагедия их разрыва вылилась для Мэрилин в сумасшествие. Неудача фильма «Неприкаянные», где Миллер предназначил для Монро роль, привела актрису в психиатрическую клинику. Сам Артур с ужасом бежал от «этой порочной, безумной женщины» под защиту своих произведений, в благопристойную еврейскую семью, к обожаемым отпрыскам. Миллер навсегда вычеркнул из собственных воспоминаний годы жизни с Монро. Когда ему сообщили о самоубийстве Мэрилин, он пробормотал, что не знает такой женщины… Она так и не смогла обрести в этой жизни близкого человека.

Посмеем сделать предположение, что её совершенная женственность выразилась в полной внутренней бесформенности, и она мучительно искала оформления, но не нашла.

О её смерти ходит множество легенд. По официальной

версии, Мэрилин приняла снотворное и покончила жизнь самоубийством. Но сегодня уже написаны тысячи книг, растиражированы сотни рассказов о том, что актриса имела связь с братьями Кеннеди — высокопоставленным семейством Америки. Спасаясь от позора и истерических скандалов, они якобы расправились с Монро. Есть предположения, что Мэрилин была связана со шпионскими структурами — на чём и погорела. Все эти версии похожи на правду, но ни одна из них официально не доказана.

Кто только не пытался зарабатывать деньги на посмертной славе Монро. Даже горничная актрисы «нацарапала» книжонку об интимном туалете Мэрилин. Подглядывая за звездой, новоиспечённая «писательница» подробно излагает сцену, когда Монро обесцвечивала волосы на лобке, испытывая при этом невыносимую боль. Что ж, во внешности она стремилась к совершенству, полагая, по-видимому, чисто по-женски, что — ни единого тёмного пятнышка на теле — это и есть тот путь к гармонии, которой её обделила природа. А эту внутреннюю трагедию совершенной женщины никто так и не постиг.

АННА ФРАНК

(1929—1945)

Еврейская девочка, скрывавшаяся от фашистского террора в Нидерландах. Вела записки, которые были опубликованы под названием «Дневник Анны Франк» в 1947 году. Переведён на многие языки мира. Погибла в концлагере.

Пример этой девочки подтверждает мысль о том, что даже самая короткая жизнь может вызвать восхищение и стать примером для подражания, что даже в самых нечеловеческих условиях можно создать свой особый внутренний мир и достойно существовать в нём.

Когда утром 12 июня 1942 года Анна проснулась, то увидела на столе много цветов и разных цветных свёртков. Среди очень простых подарков на день рождения девочка обнаружила толстую тетрадь. Дневник. Она будет вести дневник.

И в тот же день на первой странице тетради появилась коротенькая запись: «Надеюсь, что я все смогу доверить тебе».

Тринадцатилетняя Анна Франк каждый день излагала подробности своей жизни. Она была обыкновенным ребёнком — ходила в школу, болтала с подружками, получала не самые прекрасные отметки. Но необычной и страшной была жизнь, которая окружала Анну, и она смогла запечатлеть сам дух этого ада.

«Когда мои родители поженились, папе было тридцать шесть, а маме — двадцать пять лет. Моя сестра Марго родилась в 1926 году, во Франкфурте-на-Майне, а 12 июня 1929 года появилась я. Мы евреи, и поэтому нам пришлось в 1933 году иммигрировать в Голландию. У нас в жизни было много тревог, как и у всех. Наши родные остались в Германии, и гитлеровцы их преследовали. После погрома 1938 года оба маминых брата бежали в Америку, а бабушка приехала к нам. После сорокового года жизнь пошла трудная: сначала война, потом капитуляция, потом немецкая оккупация. Вводились новые законы, один строже другого, особенно плохо пришлось евреям. Евреи должны носить жёлтую звезду, сдать велосипеды, евреям запрещалось ездить в трамвае, не говоря уж об автомобилях. Покупки можно делать от трех до пяти, и притом только в специальных еврейских лавках. После 8 вечера нельзя было выходить на улицу и даже сидеть в саду или на балконе. Нельзя было ходить в кино, в театр, никаких развлечений. Запрещается заниматься плаванием, играть в хоккей или теннис, словом, спорт тоже под запретом. Евреям нельзя

ходить в гости к христианам, еврейских детей перевели в еврейские школы. Ограничений все больше и больше».

Дневник Анны Франк со скрупулёзностью препаратора и детской непосредственностью фиксирует ужесточение гитлеровского режима. В начале июля Марго получила повестку из гестапо: явиться немедленно. Франки, не дожидаясь репрессий, перебрались в заранее приготовленное убежище. В самом центре Амстердама, позади конторского помещения, принадлежавшего прежде отцу Анны, была оборудована специальная квартира, где в течение двух лет скрывались восемь евреев — семья Франков, супруги ван Даан с сыном Петером и зубной врач Дуссель.

Положение этих людей было малоприятным, хотя по сравнению с другими евреями, вынужденными прятаться в чуланах, заброшенных шахтах, на чердаках, Франки жили по-королевски. В их убежище можно было мыться, читать, готовить пищу и даже в темноте постоять у раскрытого окошка. Но ощущение постоянного страха убивало душу, безысходность приводила к отчаянию. Анна изо всех сил пыталась сопротивляться. Когда-то она не выказывала должного прилежания в учёбе, теперь же поняла, что занятия по обыкновенным учебникам — её протест против рабского положения. Она много читает, решает задачи, методично ведёт классные тетради. Ни школы, ни класса уже не существует, большинства сверстников уже нет в живых, но Анна пытается сохранить в своём воображении мир таким, каким он был когда-то, не дать ему окончательно исчезнуть и распасться.

«Мне так хочется когда-нибудь снова очутиться среди друзей, радоваться вместе с ними, беззаботно и весело смеяться».

Постепенно в её дневнике проявляются качества настоящего писателя: она с большим мастерством и недетской наблюдательностью представляет читателю обитателей убежища, их привычки, смешные особенности. Восемь человек, собравшиеся в тесной квартирке, подавленные страхом, не были святыми или ангелами, они были самыми обыкновенными людьми, ссорились и отравляли друг другу и без того нелёгкую жизнь по пустякам. «Вот уже десять дней как Дуссель не разговаривает с ван Дааном». Анна же в отличие от взрослых проявляла необыкновенную мудрость: «Теперь надо сдерживать свои чувства, быть мужественными, стойкими, без ропота принимать свою судьбу, делать то, что в наших силах и надеяться на Бога. Кончится же когда-нибудь эта страшная война, станем же мы когда-нибудь опять людьми, а не только евреями!»

Анну все больше и больше захватывает её дневник. Она

начинает понимать, что в чудовищной действительности жить воображением — значит спасаться, значит оставаться собой, значит не дать насилию победить.

«Когда я пишу, все разрешается, горе проходит, мужество снова оживает во мне. Однако — и это для меня важный вопрос — смогу ли я когда-нибудь написать что-то значительное, стану ли я журналисткой или писательницей? Надеюсь, что да, всем сердцем надеюсь!..»

Однажды Анна увидела из-за оконной занавески девочку, которая спокойно разгуливала по двору. Познакомиться ей, еврейке, с соседкой было нельзя, зато никто не мог запретить разыграться воображению Анны. Так появился целый рассказ о жизни незнакомки, целиком выдуманный.

Конечно, порой Анна падала духом, теряла надежду. «Меня неотвязно преследует мысль: не лучше ли было бы нам не прятаться, не лучше ли умереть и не переживать эти ужасы? Тогда наши спасители не подвергались бы опасности, а это главное. Но мы боимся даже подумать об этом, мы слишком цепляемся за жизнь, в нас ещё звучит голос природы, и мы надеемся, надеемся, что все хорошо кончится. Пусть бы только что-нибудь произошло, даже если это неизбежно, пусть нас расстреляют, — нет ничего хуже этой неизвестности, она совсем нас измучила. Пусть уж придёт конец, хоть самый жестокий, по крайней мере будем знать — победили мы или погибли».

В тринадцать лет девочка уже сталкивается с предательством и с самоотверженностью. Она понимает, что есть люди, которым она обязана жизнью, и она чувствует себя перед ними в долгу: «Наши покровители, они помогают нам до сих пор и, надо надеяться, благополучно выведут нас на волю. Иначе им придётся разделить судьбу всех тех, кто спасает евреев. Никогда ни единым словом они не намекнули нам, какая мы обуза, а мы действительно обуза! Никогда мы не слышали жалоб на то, как им с нами трудно».

Страницы этого необыкновенного дневника интересны ещё и тем, что читатель видит, как взрослеет юная душа, как приходит она к важным обобщениям, как формируются ценности. Этот дневник — бесценное свидетельство рождения Человека.

«А теперь меня мучают сложные вопросы. Я поняла, что даже отец, как бы я его ни любила, не может заменить мне весь мой прежний мир… Почему есть на свете война? Почему люди не могут жить мирно? К чему эти ужасные разрушения? Почему ежедневно тратятся миллионы на войну, а на медицинскую помощь, на искусство да и на бедных нет ни гроша? Почему люди должны голодать, когда в других частях света гниют продукты?

Почему люди такие сумасшедшие? Не верю, что в войне виноваты только видные деятели, только правительства и капиталисты. Нет, и маленькие люди, очевидно, тоже находят в ней удовольствие, иначе народы давно бы восстали. Очевидно, в человеке заложен инстинкт уничтожения, заложена страсть убивать, резать, буйствовать, и пока все человечество без исключения не изменится, войны будут продолжаться».

Задаётся девочка и самым страшным и мучительным вопросом, на который у неё нет ответа: «Кто наложил на нас это бремя? Кто отметил нас, евреев, среди других народов? Кто заставил нас так страдать во все времена? Бог сотворил нас такими, и Бог нас спасёт. И если мы вынесем все страдания и всё-таки останемся евреями, то мы, может быть, из обречённого народа станем примером для всех. Кто знает, может быть, когда-нибудь наша вера научит добру людей во всём мире, и для этого, только для этого, мы теперь должны страдать. Мы не можем быть только голландцами, англичанами, вообще гражданами какой-нибудь страны, мы при этом должны ещё оставаться евреями, и мы останемся ими».

Надеждам Анны не суждено было сбыться, судьба не пощадила её, и она разделила участь миллионов и миллионов евреев. 4 августа 1944 года убежище было раскрыто. Ван Дааны, Франки и доктор Дуссель были отправлены в Освенцим. Вместе с ними забрали и бросили в тюрьму двух голландцев, которые помогали им два года скрываться. 30 октября Анну вместе с сестрой переправили в лагерь Берген-Бельзен. Первой умерла Марго, мечтавшая после войны стать медсестрой в Палестине. Анна не дожила до окончания войны всего два месяца. В Освенциме погибла мать Анны и семейство ван Даан. Из восьми человек в живых остался только отец Анны — Отто Франк. Вернувшись после войны в Голландию, он нашёл в разгромленном убежище дневник Анны и понял, что этот документ должен стать памятником тем маленьким мученикам, которые не вынесли ужасов лагерей, гетто и не оставили имён, нет у них могил, нет надгробий. Дневник Анны Франк вскоре после опубликования стал очень известным.

МОНТСЕРРАТ КАБАЛЬЕ

(1933)

Испанская певица, сопрано. Выступает во многих театрах мира. Прославилась в партии Нормы («Норма» Беллини). Мастер бельканто.

На исходе XX века можно с уверенностью, наконец, делить лавры столетия, расставить всех по местам, словом, раздать всем «сёстрам по серьгам». Пьедестал великих оперных див, во всяком случае, уже определился без сомнения — Мария Каллас, Рената Тебальди и Монтсеррат Кабалье. Один из рецензентов писал, что если Каллас был присвоен эпитет «Божественная», а Тебальди наградили неофициальным титулом «Изумительная», то Кабалье вполне достойна была бы носить звание «Непревзойдённая».

Действительно, вряд ли кто-либо из новых примадонн сможет до конца тысячелетия превзойти Монтсеррат по обширности репертуара, по количеству представлений, по неповторимости голоса и исключительной музыкальности, которая позволяет певице каждый вздох превратить в нежную чистую ноту. А ещё Монтсеррат на редкость благополучная, счастливая и весёлая женщина. За её именем не несётся шлейфа скандалов и сенсаций и от её солидной фигуры прямо-таки веет добротой, уверенностью в себе и спокойствием. Вряд ли кому-нибудь из артисток нашего века удастся обойти Кабалье и в полноте личного счастья, и в безоблачном удовольствии существования.

Трудно сказать, кто постарался больше, награждая Монтсеррат счастливой судьбой — «божий перст» или собственный её лёгкий характер, но сама певица верит в «чудо», которое уже однажды подарило ей, незаметной девчонке из Барселоны, «неземной» голос. 30-е годы XX века в Европе не предвещали, впрочем, особенно светлого, мирного, сытого будущего, поэтому можно понять Анн Кабалье, которая заручилась покровительством неба, посвятив свою дочку Богоматери и назвав её в честь Святой Девы Марией де Монтсеррат. Дело в том, что Монтсеррат — название местной каталонской горы, и девочка получила такое звучное имя совсем как в средние века или в эпоху Возрождения звались художники — по месту рождения. Однако, выбрав путь на сцену и решив, вероятно, не богохульствовать, певица полностью «посвятила» себя горе, оставив экзотическое имя из одного слова.

Семья Кабалье едва справлялась с нуждой, дела в школе у Монтсеррат шли неважно. «Дети меня не любили, потому что я

была молчаливой и всех дичилась. Приходила на занятия всегда в одном и том же платье. Дети бывают жестоки — они надо мною смеялись, меня это глубоко ранило…» В довершении всех бед, после рождения сына глава семейства тяжело заболел. Но тут, как случается в красивой истории, в борьбу с отчаянием матери вступила Монтсеррат. Она, несмотря на свой «розовый» возраст, успокаивала Анну: «Потерпи, придёт день, я стану знаменитой, тогда у нас будет все!» И видите, получилось!

Первое впечатление от оперы Монтсеррат запомнила на всю жизнь. Семилетняя девочка была так потрясена смертью мадам Баттерфляй, что рыдала всю обратную дорогу из театра, а потом взяла да и выучила арию героини, слушая старую пластинку с чьей-то записью. На Рождество 1940 года она исполнила арию перед родителями в качестве подарка. Так что матушка вполне имела основания поверить в радужные перспективы дочери.

Однако военное время, бесконечные бытовые мытарства привели Монтсеррат, почти как Кармен, работницей на фабрику, где будущая дива выделывала носовые платки. И, наверное, в этом нехитром занятии она достигла бы «степеней известных», радуя местных жителей по праздникам исполнением хабанеры, но нашлись в Испании супруги Бертран, которые жаждали помочь какому-нибудь юному таланту. Чтобы решить, стоит ли благодетельствовать незнакомой девушке, супруги пригласили на прослушивание Монтсеррат двенадцать человек, разбиравшихся в музыке и вокальном искусстве. В комиссии даже присутствовали «звезды» того времени — два оперных певца и известный пианист. Монтсеррат смело исполнила несколько арий и испанских народных песен. Мнение присутствовавших было, единодушным: молодому дарованию нужно срочно дать соответствующее образование. Так Кабалье попала в знаменитую барселонскую консерваторию «Лисео», где преподавательница Эугения Кеммени так сумела поставить голос начинающей певице, что он вот уже более сорока лет сохраняет поразительную чистоту и силу.

Эугения представляла собой тип уникального педагога и значительной личности — тут Кабалье снова несказанно повезло. Венгерка по национальности, бывшая чемпионка по плаванью, певица, Кеммени разработала собственную систему постановки дыхания, основой которой стало укрепление мускулатуры торса и диафрагмы. По сути говоря, Эугения подарила очаровательному голосу ученицы тот инструмент, которым Монтсеррат вскрыла все тайники оперного вокала. Каждый день великой певицы до сих пор начинается с дыхательных упражнений по системе Кеммени.

Учёба в консерватории не только освободила молодую

певицу от финансовых забот (её благодетели взяли все расходы по содержанию Монтсеррат на себя), но и принесла благосостояние её семье. Похоже, сбывались предсказания маленькой Кабалье. Филантропы похлопотали об образовании брата Карлоса и нашли работу для её отца. Все эти чудеса должны были, в случае, если карьера певицы удастся, в будущем оплачиваться ежегодными концертами Монтсеррат в Гран Театро дель Личео, принадлежащем её благодетелям.

Окончив консерваторию, Кабалье решила продолжить образование в Германии, однако её весёлому, любящему розыгрыши характеру немецкая рациональность показалась слишком серой, и она начала подумывать о том, что пора уже, наконец, приступить к штурму оперной Мекки — театров Италии. Однако двадцатитрехлетнюю самозванку на родине Верди и Пуччини ждало жестокое разочарование: какой-то мелкий импресарио разъяснил Монтсеррат, что сценическая карьера для неё исключена — с такой фигурой ей следует вернуться домой, найти себе мужа и растить детей. В слезах Кабалье помчалась домой, и тут «яростный» испанец, брат Карлос, встал на защиту семейного достояния. Он лично вызвался занять место импресарио Монтсеррат, чтобы впредь некомпетентные личности больше не мешали успешному взлёту «золотой» сестры.

Профессиональный дебют Кабалье состоялся 17 ноября 1956 года; она пела Мими в «Богеме» на сцене Базельского театра, небольшого, но известного. Успех дебюта открыл певице дорогу во все театры мира.

Говорят, беда не приходит одна, но и счастье, по-видимому, не «приваливает» малыми порциями. Вскоре Монтсеррат очень удачно вышла замуж за знаменитого в то время тенора Бернабе Марти. Познакомились молодые люди на спектакле все той же судьбоносной для Монтсеррат «Мадам Баттерфляй». Во время любовного дуэта партнёр, которого Кабалье обожала как старшего и более опытного товарища, проявил странную холодность и даже не прикоснулся к партнёрше. Огорчённая певица пожаловалась общему знакомому. На следующем представлении Марти, допев до положенной сцены, привлёк к себе Монтсеррат и прильнул к её губам. Страстный поцелуй длился так долго, что оркестр смолк. Все — и зрители, и артисты, и музыканты — в полном молчании ждали, когда же герой «оторвётся» от молодой певицы. Вероятно, такие страсти прощаются только на испанской сцене. Во всяком случае, Кабалье оценила находчивость Марти и тут же влюбилась в него. А на следующий день Бернабе предложил Монтсеррат руку и сердце. И вот уже более тридцати лет супруги счастливо живут вместе, не

ведая конфликтов и потрясений. Правда, карьера Бернабе постепенно сошла «на нет», но он совершенно лишён «комплексов» и спокойно уступает пальму первенства своей «звёздной» жене. Когда у Монтсеррат спрашивают, не завидует ли ей Марти, нет ли по этому поводу у них проблем в семье, она неизменно отвечает, что муж слишком умён для зависти. Впрочем, Марти умён до такой степени, чтобы понимать — несметное количество мужчин в мире завидует ему — он единственный обладатель сердца такой «жемчужины».

В 1960-е годы Монтсеррат прочно завоевала оперные сцены Испании, ей даже присвоили звучное и немножко странное звание «Дама Изабелла Католическая», но свой триумф Кабалье отсчитывает от конкретной даты, конкретного спектакля 1965 года. Его величество случай не переставал вести нашу героиню по жизни, и однажды певице пришла телеграмма из двух строк: «Приезжайте в Нью-Йорк. Вам предлагают партию в „Лукреции Борджиа“». Дело в том, что роль эту обычно в «Карнеги холл» исполняла Мэрилин Хорн, но она была на седьмом месяце беременности и плохо себя чувствовала.

Выходя на сцену, Монтсеррат от волнения едва не сломала каблук на туфлях, но зато по окончании спектакля овации и крики «бис» перешли в настоящий экстаз восторженных, покорённых зрителей. Ночью в номере отеля, где остановилась дебютантка, раздался телефонный звонок. Какая-то леди начала говорить по-английски, а затем перешла на итальянский. «Я — Мэрилин Хорн. Я слушала вас тайком. Я рада, что в тот день потеряла голос. Так, как вы пели Лукрецию Борджиа, я никогда не пела и не спою. Вы станете лучшей певицей мира». Газета «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком на первой полосе. «Каллас + Тебальди = Кабалье».

По роковой случайности или по мистическому гласу судьбы 1965 год стал последним в сценической карьере великой Каллас. Прима, словно незримо, передала оперный трон новой звезде. После блистательного исполнения партии Нормы (надо сказать, что эту роль сама Монтсеррат причисляет к своим высшим достижениям) в открытом амфитеатре Оранжа в 1974 году певица получила по почте небольшую посылку, в которой были серьги. Эти серьги великой Каллас преподнёс Лукино Висконти — крупный итальянский режиссёр — после того, как она исполнила партию Нормы в «Ла Скала». С 1955 года Мария надевала серьги всякий раз, когда ей доводилось исполнять арию «Каста дива». Теперь, чувствуя приближение смерти, Каллас красивым жестом подчеркнула: Монтсеррат нет равных на оперном небосклоне. Успех Кабалье в роли Нормы оказался столь значительным, что

после исполнения Монтсеррат беллиниевского шедевра на сцене «Ла Скала» администрация театра вот уже двадцать лет не решается повторить постановку оперы без певицы. Кабалье же скромно признает, что если сама она больше всего обожает музыку Рихарда Штрауса, то её голос жить не может без Беллини.

Гений Кабалье столь велик, что за многие годы сценической карьеры её голос ни разу не подвёл её. Как бы себя ни чувствовала примадонна, перед зрителями она — блистательна, она — во всеоружии, она — покорительница их сердец. При этом Монтсеррат — ни в жизни, ни на сцене не любит «лезть вон из кожи», она не старается демонстрировать себя, «перегружать» окружающих собственной значимостью. Кабалье справедливо считает, что жизнь гораздо проще, чем мы привыкли о ней думать, а значит, не стоит относиться к ней слишком серьёзно, да и себя не нужно оформлять, как центр Вселенной.

Примадонна не привыкла переживать по поводу собственного солидного телосложения. Много лет назад сеньора Монтсеррат попала в аварию, с тех пор часть мозга, прилегающего к гипофизу, атрофировалась и система, отвечающая за сжигание жира в организме, не работает. Поэтому, если Кабалье выпивает стакан воды, получается, будто бы она съела целый пирог. Но подобная проблема неспособна выбить из колеи оптимистичную женщину. Она решила, что раз уж так на роду написано, надо научиться с этим жить. Врачи подобрали сеньоре соответствующую диету, теперь она совсем не пьёт спиртного, питается фруктами и овощами и совершенно довольна и здорова. В конце концов, всё могло бы кончиться гораздо плачевней…

На сцене Монтсеррат не чурается розыгрышей и импровизаций.

Париж. Театр на Елисейских полях. Кабалье исполняет испанские песни. Зал рукоплещет. Вдруг во время очередной мелодии она замолкает, в наступившей оглушительной тишине проходит на авансцену, наклоняется и спрашивает у кого-то: «Всё в порядке? Можно продолжать?» Потом объясняет ошеломлённой публике: «Извините, здесь один мсье в первом ряду записывал меня на магнитофон, но у него кончилась плёнка, он её меняет, вот я решила прерваться!»

Только такая жизнерадостная, азартная женщина, как Монтсеррат, страстная футбольная болельщица, может позволить себе вовсе не академический концерт на открытии спортивных игр, только великая Кабалье может «купиться» на предложение Фредди Меркьюри, который, желая осуществить заветную мечту и спеть вместе с Монтсеррат, написал гимн её родному городу Барселоне. Знал хитрец, на каких чувствах звезды можно сыграть.

Благодушность толстушки, однако, вовсе не означает профессиональной аморфности и лености. У Монтсеррат железная сила воли. После все той же автокатастрофы, закованная в гипс певица, передвигаясь на костылях, не покидала концертных площадок. А на оперной сцене Вероны покалеченной приме пришёл на помощь костюмер Дамиано Дамиани. Он придумал широкие одежды с необъятными рукавами. Монтсеррат смогла спрятать в них костыли и медленно передвигаться по сцене перед ничего не подозревавшей публикой. А в костюмы придворных дам, которые должны быть при Елизавете Валуа, чью партию она исполняла, на всякий случай одели медсестёр из ортопедической лечебницы.

Свой голос Монтсеррат воспринимает как чудо, зато себя — как вполне заурядного человека и непременно протестует против особенного отношения к ней. Она, по-видимому, до какой-то степени тяготится собственным гением, и в отличие от многих-многих знаменитостей никогда не ставит карьеру выше личного счастья. Для Кабалье её семья — смысл существования. В 1973 году во время репетиций «Марии Стюарт» в Чикаго Монтсеррат узнала, что сын её заболел. Сначала она думала, что у мальчика банальная простуда, но состояние ухудшалось. Несмотря на то что билеты на ближайшие шесть представлений с участием певицы были проданы полностью, Кабалье немедленно вылетела в Испанию. И правильно сделала — матери и сыну пришлось пережить три страшных дня, пока мальчик не прошёл кризис и стал медленно поправляться. Администрация чикагского театра подала на певицу в суд, но дело проиграла.

О своих мечтах Монтсеррат говорит просто: она хотела бы дожить до третьего тысячелетия. Ну а о прожитой жизни — ещё проще: «У меня потрясающая, блистательная певческая судьба. Уверена, что с моей помощью люди соприкоснулись с настоящей музыкой, и эта уверенность дарит мне абсолютное удовлетворение, о котором художник только может мечтать. С материальной точки зрения у меня есть все. Но это мало что значит в моей жизни. Семья — единственное, без чего я не могу жить. Это для меня — самое важное, самое главное!»

ВИННИ МАНДЕЛА

(1934)

Политический лидер, бывшая жена президента ЮАР Нельсона Манделы, в настоящее время возглавляет женское движение партии Африканский национальный конгресс.

Карьера современного политического лидера, особенно столь одиозного, как Винни Мандела, как правило, связана со скандалами. Человек привыкает к популярности и нет для него страшнее наказания, чем покой, полное равнодушие прессы. Поистине, самый жестокий наркотик, не поддающийся лечению — слава. На Винни популярность обрушилась сразу, с неожиданным замужеством, но это была ещё не та слава, которой, по её предположениям, была достойна такая женщина, как она.

В детстве она воспитывалась в суровых условиях, рано потеряв мать. Девятилетней девочкой Винни вынуждена была ухаживать за трехмесячным братом. В семье царил культ силы и дисциплины. Отец, учитель истории, преклонялся перед немецкой аккуратностью и педантичностью настолько, что дочка получила своё имя от германского «Винифред», хотя настоящее её африканское имя — Номзамо. К семнадцати годам она была видной, замкнутой, чрезвычайно самолюбивой. Девушка отправилась из своей деревни поискать счастья в столицу — Йоханнесбург.

В университет она не поступила, зато сразу прибилась к землячеству, исповедовавшему политические взгляды троцкистского толка. Закончить ей пришлось училище работников социального обеспечения, после которого Винни получила работу в больнице ассистентом по социальному призрению. Её деятельность была связана с помощью нуждающимся людям, и девушка со всем пылом юности бросилась на защиту сирых и больных. Уже в те годы она умела действовать решительно; однажды доктор дал бюллетень пациентке на три недели. Хозяин предприятия, где та работала, был крайне недоволен и потребовал отменить освобождение. Винни, не раздумывая, написала письмо работодателю: «Вы обязаны считаться с мнением специалиста. Решение принято и отмене не подлежит». Хозяин вынужден был пойти на уступки службе призрения.

Застенчивая и необщительная, Винни уже в те годы обнаружила недюжинные организаторские способности: умела сплотить коллектив, добиться своего, дисциплинировать

окружающих. Ко времени знакомства Винни с будущим мужем имя Нельсона Манделы символизировало чаяния чёрного населения ЮАР, он был необыкновенно популярен, слыл народным любимцем, национальным героем. Естественно, девушка не верила своему счастью, когда после краткого знакомства известный всей стране вождь прислал за ней машину в больницу с приказанием немедленно явиться на предмет обсуждения денежной помощи от персонала больницы для его организации.

Первая встреча поначалу, как и полагается, проходила в ресторане, но Манделу постоянно атаковали какие-то люди, журналисты, прибегали друзья за советом. Индийские блюда, которые своей остротой были в диковинку деревенской девчонке Винни, не лезли в горло, тем более она оцепенела от такого количества любопытных глаз. В конце концов Нельсон увёз девушку за город. Они гуляли, а Винни с благоговением слушала вождя. На прощание Мандела поцеловал девушку, сказав: «Чудесный был день сегодня». С этого «чудесного дня» и начались их регулярные встречи, причём Винни никогда не знала, когда её призовут к «высочайшим очам». За ней присылали машину и везли на место встречи, обычно — на какое-нибудь собрание или в спортивный зал, где Винни должна была лицезреть тренировки Нельсона.

Предложение тоже последовало без всякого объяснения в любви и весьма своеобразно. Винни просто привезли к портнихе, где она должна была заказать себе подвенечное платье Видимо, если бы жених заранее смог снять мерки с невесты, то она узнала бы о свадьбе по принесённому платью. Следующим было распоряжение немедленно ехать в деревню к отцу и объявить о предстоящем торжестве. Винни долго не размышляла о своих чувствах к Нельсону, авторитет жениха подавлял все другие соображения. Вождь пожелал иметь у себя дома красивую молодую женщину. Какие могут быть сомнения. О прежней жене Манделы Винни ничего не знала, да и не желала знать. Нельсон развёлся, не посвящая невесту в тайны бывшей семейной жизни.

После свадьбы наступили долгие одинокие вечера, а иногда и ночи, когда жена не знала, где Нельсон. В их семье не полагалось задавать такие вопросы. Ясно, что муж работал на благо народа, скрывался от полиции. Сама Винни, включившись в политическую работу, вскоре была уволена. После процесса над его партией Мандела надолго ушёл в подполье. Первые недели и месяцы после исчезновения Нельсона были настоящим адом для Винни. Она была лишь тенью мужа, и внезапная потеря его лишила женщину всякой поддержки. Однако Винни была не из слабых.

Вскоре она научилась водить машину, восстановила контакты с прежними друзьями и занялась активной политической деятельностью. Постепенно она стала замечать, что приятно быть не только «женой Манделы», но и самой покорять публику, блистать перед толпой. При муже она редко решалась вставить слово в политической дискуссии, теперь в силу обстоятельств Винни стала авторитетом.

Встречи с Нельсоном случались время от времени. Порой у Винни появлялась неизвестная личность, которая без всяких разговоров увозила её в неизвестном направлении. Риск, что её увезут провокаторы или просто убийцы, был всегда, но ради свидания с мужем Винни решалась на неизвестные путешествия. К счастью, они заканчивались чудесно. Долгая томительная любовь, иллюзия домашнего уюта под крышей чужого дома и расставание… Две крошечные дочки везде сопровождали «жену-путешественницу».

В начале 1960-х Мандела всё-таки был арестован. Суд приговорил его к пожизненному заключению. Конечно, надежда оставляет человека последней, но Мандела слишком хорошо понимал, что как бы там ни было ему придётся провести в тюрьме долгое время, возможно, такое долгое, что связь с женой прервётся. Винни, молодая, красивая, знаменитая женщина, оставалась одна, и никто уже не смог бы её контролировать.

Прежде всего она постаралась сохранить ореол мученицы и верной подруги. Винни прекрасно понимала, что без этих атрибутов «святой» она не добьётся популярности. А её общественный статус и внутренняя сила позволяли женщине продолжать дело мужа. Вместе с женскими комитетами Винни занималась благотворительной деятельностью, выступала с политическими заявлениями и резко отвечала на всякое притеснение властей.

Самым тяжёлым периодом её жизни стало одиночное заключение, которое продолжалось 17 месяцев. Она вспоминала, что больше всего её мучило вынужденное безделье и ночные допросы. Однажды, страдая от одиночества, Винни поймала двух муравьёв и играла с ними до тех пор, пока насекомые не сбежали. Во время очередного допроса женщина упала в обморок от бессонницы. Кончилось тюремное заключение тем, что Винни оправдали, что дало вполне резонный повод её врагам заметить, что не зря всякое заключение жены Манделы завершается прекрасно. Не замешана ли она в предательстве своих сторонников?

Последующие тридцать лет Винни аккуратно навещала мужа в тюрьме, на острове Роббен. Свидания всякий раз происходили

через пуленепробиваемое стекло, а беседа велась по переговорному устройству. Только старшей дочери дозволялось обнять отца в силу того, что она стала женой короля соседнего государства и имела дипломатический иммунитет. Но «мученичество» закончилось, Нельсон благополучно был выпущен на волю, избран президентом страны и… со страшным скандалом расстался с бывшей верной подругой. Поистине, «медные трубы» обнажают суть человеческих отношений. Драма была сыграна. Началась новая пьеса — фарс.

Сегодня Винни обвиняют во всех смертных грехах: от клеветы и подлога до вымогательства и убийства. Череде скандалов вокруг Винни Манделы нет конца, пересудов так много, что в конце концов президенту пришлось уволить её с министерского поста. К тому же успешно перешагнувшая бальзаковский возраст Винни в 1992 году была уличена в любовной связи со своим молодым адвокатом. Вся страна читала попавшие в прессу её пылкие письма к любовнику, которые писались почти одновременно с благопристойными посланиями мужу-политзаключённому.

Но все эти шумные истории были лишь тенью шока, который пережила Южная Африка, когда выяснилось, что Винни причастна к убийству четырнадцатилетнего активиста освободительного движения, наказанного суровыми сообщниками за предательство — случай, как известно, давно изученный Фёдором Михайловичем в «Бесах».

В 1980-х годах Винни под благовидным предлогом воспитания беспризорных подростков организовала в чёрном пригороде Йоханнесбурга футбольный клуб. Позже стало очевидно, что «футболисты» всего лишь банда телохранителей «матери нации», почувствовавшей собственную безнаказанность. Убийство подростка взял на себя некий Джонсон, числившийся «тренером клуба». И хотя преступление произошло в доме Винни, она смогла отделаться денежным штрафом, сфабриковав себе алиби о том, что в день убийства её не было в городе.

Однако в конце 1997 года в Англии были опубликованы показания ещё одного «футболиста», который утверждал, что она не только присутствовала при казни юноши, но и самолично нанесла два удара ножом. Слушания по этому делу возобновились.

Трудно сказать, чем закончится очередной скандал вокруг Винни Манделы, но факты лжи и насилия буквально потрясли Южную Африку. Политическая и личная биография Винни не закончена — судя по поступкам, эта женщина не обременена строгими моральными принципами и средств для достижения

цели не выбирает. В заключение нам остаётся лишь вспомнить известную восточную сказку о героях, убивавших драконов и входивших в чертоги побеждённых. Как только герой бросал взгляд на «драконовские» богатства, у него самого начинали расти когти, ширится пасть, наливаться кровью глаза. На наш взгляд, нет в мировой культуре более зловещей, жуткой и безнадёжной сказки…

ФРАНСУАЗА САГАН

(1935—2004)

Французская писательница. Автор романов: «Здравствуй, грусть» (1954), «Любите ли вы Брамса?» (1959), «Немного солнца в холодной воде» (1969), «Потерянный профиль» (1974), «Нарисованная леди» (1981), «Уставшая от войны» (1985) — о любви, одиночестве, общей неудовлетворённости жизнью.

Почти каждая третья книга в сегодняшней Франции написана женщиной. Литературное творчество — поприще, на котором женщины наряду с любовным фронтом давно завоевали себе прочное место, но никогда ещё не мелькало на обложках самых разнообразных изданий столько имён представительниц прекрасного пола, сколько в конце XX века. Детективы, любовные романы, биографии… Объяснять это явление будут критики и философы. Возможно, мужчины просто освободили слабому полу периферию человеческой культуры, захватывая более современные средства коммуникации, чем литература. Возможно, растёт женский интеллект. Возможно, действует все вкупе. Ясно одно, сегодня каждый библиофил назовёт десяток писательниц, книги которых вызывают интерес. И нет никакого сомнения в том, что этот список откроет имя Франсуазы Саган. И не потому, что она самая значительная современная романистка, а потому, что именно на её долю выпал наиболее прочный и длительный успех. Плодовитость и доступность книг Саган словно символизируют общую тенденцию сегодняшней женской литературы — все для среднего читателя, никакой этой мужской зауми, называемой новаторством. Простые истории, понятные обывателю… Недаром Франсуаза, несмотря на солидный возраст, заявляет, что любит игру, ночь и когда отношения между людьми складываются просто.

Она родилась 21 июня. В один день со своим любимцем Сартром, только на тридцать лет позже. Никогда Франсуаза не упускает случая продемонстрировать окружающим ниточку, которая связывает её с великим писателем, и вполне возможно, что астрологи найдут неслучайное совпадение этих двух событий. Для Саган Жан-Поль стал «властителем дум», учителем, заводилой, выдернувшим своими манифестами юную благообразную католичку из традиционной буржуазной среды. Прочитав Сартра в 14 лет, Франсуаза неожиданно утратила веру в Бога и, как ни странно, во всякие чудеса, что, впрочем, никогда не мешало ей, чисто по-женски, обращаться к ясновидящим,

особенно если она влюблялась.

Как и Сартр, Франсуаза воспитывалась в обеспеченной семье, получила прекрасное книжное образование, как и он, в один прекрасный день восстала против скучного однообразного существования. Окончив школу, наша героиня, имея безумное пристрастие к литературе, не придумала ничего лучшего, как поступить на филологический факультет знаменитой Сорбонны — Парижского университета. Однако опьянённая свободой и предчувствием новых острых ощущений, она большую часть времени проводила не в аудиториях и читальных залах, а в маленьких уютных парижских кафе. Богема засасывала её целиком. Днём и по вечерам Франсуаза предавалась общению с писателями, художниками, артистами; влюблялась, спорила до хрипоты, напивалась, а ночами писала свою первую повесть. Провал экзамена по английскому вынудил её оставить Сорбонну, и теперь только литературные успехи могли спасти её от позора и презрения родителей.

Рукопись своего первого произведения «Здравствуй, грусть» она принесла в издательство, названное именем своего шефа — «Жюйяр». Сегодня в рассуждениях Саган нет-нет да и появляются стариковские нотки — дескать, высокие кресла издателей заполонили невежды и глупцы, оттого и хороших книг становится все меньше и меньше. Ей же, считает Франсуаза, повезло — она попала к издателю, у которого одновременно наличествовали и средства и талант. Ловкий Жюйяр вовремя почувствовал, что на этой худенькой, востроносой девчонке можно сделать хорошие деньги. Он организовал одновременно с выходом повести шумную рекламу, привлекая внимание читателей к необычному факту: писательнице ещё не исполнилось 19 лет, а она уже рассуждает далеко не на детскую тему. Жилка опытного шоумена подсказала издателю, что история о семнадцатилетней Сесиль, которая имеет любовника, вовсе не сгорая от страсти, вызовет у обывателя негодование. Тогда, в 1954-м, ещё не знали произведений литературы, в которых столь юную особу представляли бы с такой долей цинизма — бедных невинных «овечек», попавшихся в лапы к похотливым «животным» обычно принято было жалеть. Жюйяр потирал руки в предвкушении скандала, обещавшего пролить денежный дождь на его издательство.

Однако даже в самых смелых мечтах Жюйяр не мог предвидеть того оглушительного успеха, который обрушился на юную дебютантку. Книга стала бестселлером, и за год разошлась миллионным тиражом на многих европейских языках. Саган получила 5 миллионов франков и в одночасье стала богатейшей

девушкой страны. Каждый маститый критик считал своим долгом написать о новом таланте; большинство корифеев сходилось на том, что Саган — никакой вовсе не талант, а всего лишь нахалка, ворвавшаяся в литературу случайно. Доброхоты предсказывали, что Франсуаза больше не напишет ни одной книги, да и изданное произведение, мягко говоря, далеко от совершенства. Но тиражи росли, а одновременно множилось количество статей и исследований о дебюте Саган, появился даже термин «поколение Франсуазы Саган». Толпы французских и иностранных журналистов преследовали писательницу. Из неё сделали литературную «суперзвезду», наподобие тех, что сияют в кинематографе. Такое впервые произошло в области, которая исстари считалась не совсем публичной.

Надо сказать, что детище Франсуазы отражало характер его родительницы. Саган своим неукротимым нравом, своим стремлением «светиться» в обществе, своим скандальным поведением вполне подошла на роль «дивы», постоянно мелькающей в журнальных хрониках. Достаточно заметить, что любимым женским образом Саган ещё с детства стала Сара Бернар. Всю жизнь Франсуаза питала слабость к этой сумасбродной французской актрисе. Она даже купила в Париже дом, принадлежавший некогда Бернар, написала роман, в котором обменивается воображаемыми письмами со своим кумиром. «Сара Бернар одна из немногих знаменитых женщин, которая весело прожила свою жизнь и не закончила её в бедности, в каком-то приюте для сирых».

В 19 лет, разбогатев в одночасье, Франсуаза пришла к отцу и спросила, что ей делать с пятью миллионами франков, полученными за первую книгу. Тот, зная характер дочери, ответил: «Немедленно их истрать, ибо деньги для тебя — опасная вещь». Наверное, это был единственный родительский совет, которому наша героиня последовала с лёгкостью. Свою жизнь Франсуаза разогнала, как дорогую скоростную машину. Мгновенным острым ощущениям приносились в жертву собственное здоровье, покой близких, общественное мнение. «Когда я думаю о своём прошлом, то испытываю головокружение…» — заявляет сегодня Саган.

Она находилась на смертном одре пять или шесть раз. Первый раз она должна была умереть в 22 года в зените обрушившейся на неё славы. На сумасшедшей скорости её «мерседес» с откидным верхом перевернулся. Сами врачи не могли понять, каким чудом им удалось вернуть к жизни Франсуазу, у которой были переломаны чуть ли не все кости. Но даже эта катастрофа не охладила горячую натуру Саган.

Вернувшись к жизни, писательница не стала осмотрительней — снова начались опасные аварии, рискованные партии в казино, ночи в пьяных компаниях. Ей продолжало везти, словно её, неверующую, постоянно сопровождал ангел-хранитель. Он помог ей выкарабкаться и тогда, когда её положили на операцию с диагнозом «рак поджелудочной железы», и тогда, когда после трехнедельного плеврита она впала в кому. «Я смотрела смерти в глаза, которая предстала предо мной в виде чёрной дыры. После этого она утратила для меня всякий интерес… Я вас уверяю, что там, по ту сторону бытия, ровным счётом ничего нет. И слава Богу! Мне было бы неприятно, если бы моя неприкаянная душа в одиночестве витала в каком-то пространстве».

Первый раз Франсуаза вышла замуж в 1957 году за крупного издательского деятеля Ги Шеллера, который на 20 лет был её старше. Но размеренная семейная жизнь оказалась не для её буйного нрава. Сама она рассказывает, что однажды после нескольких месяцев супружества вернулась домой и застала мужа, мирно читающего на диване газету. Эта картина до такой степени поразила молодую женщину своей серостью и обыденностью, что она упаковала чемоданы и ушла навсегда без сцен и истерик. Справедливости ради стоит добавить — её поступок не особенно огорчил покинутого мужа. Личная жизнь с того достопамятного дня у Франсуазы не сложилась. Несмотря на бурные романы, она так и осталась одна. Правда, от второго брака у Саган в 1962 году родился сын, которого писательница обожает и считает самым близким человеком.

Этот личный жизненный опыт и множество «маленьких трагедий», разыгрывавшихся у неё на глазах в богемно-элитарной среде Парижа, определили характер произведений, последовавших после нашумевшей повести о Сесиль. Саган всегда пишет только о богатых, о тех, кто «на самом верху», кому не нужно «забивать себе голову» расчётами о доходах и расходах. Герои её новых книг мучаются поражениями в любви, предательством в дружбе, непонятной тоской от быстро уходящей молодости. Один критик написал о Саган, что её книги представляют собой светский коктейль цинизма, эгоизма, лиризма с большой долей «пофигизма». Но писательница по-прежнему остаётся законодательницей мод ладно скроенного чтива, которое не стыдно обсудить в приличном обществе. Её тема — проблемы отношений между людьми — всегда будет интересна и домохозяйке, и бизнесмену, и музыканту.

Сама Саган осознает несоразмерность своей славы и таланта. Она утверждает, что стремление сохранить своё место в истории — признак мужского начала, а её, как женщину, посмертное

признание не волнует. И всё же в её высказываниях, в поисках новых форм и литературных жанров едва проступает скрытое желание наконец-то превзойти себя. И окружающим, и критикам кажется — ещё чуть-чуть, ещё рывок — и гениальная книга окажется на столе у читателя.

В 1991 году Франсуаза опубликовала небольшой роман «Давид и Бетштабе» (всего 100 страниц). Он основан на эпизодах легенды о царе Давиде. Библейский сюжет призван был придать новой сагановской истории универсальный характер, застолбить место среди богов человеческой культуры. Роман открывается предисловием известного израильского политического деятеля Шимона Переса и вышла в специальном издании для библиофилов-коллекционеров: роскошные, редкие иллюстрации, пышное художественное оформление, тираж — всего 599 экземпляров и все пронумерованы, а некоторые лично подписаны автором. Каждый том стоил десятки тысяч франков. Книжное шоу Франсуазы Саган было отрежиссировано по всем законам рынка, однако знаменательным событием в литературной жизни роман не стал. Шедевр так и остался в будущем.

«Мой любимый писатель Пруст (кстати, настоящее имя нашей героини Франсуаза Куарез, а псевдоним Саган взят в честь героини её кумира из романа „В поисках утраченного времени“) перестал вести нормальный образ жизни из-за астмы и только писал. У меня нет астмы, это здорово мне мешает…» Ну что ж? Если дело в приоритетах, то литература ещё долго не потеснит у нашей героини страсть к острым ощущениям. Последний скандал, связанный с именем Саган, разразился в 1995 году. Писательницу приговорили к большому штрафу и тюремному заключению за употребление кокаина. Правда, уважая её возраст и заслуги, наказание она отбывала условно, однако возмущению Франсуазы Саган не было предела. «Если в Японии есть клубы… где меня встречают цветами и оркестром, то во Франции ко мне относятся как к маленькой преступнице. Я никогда не отрицала, что принимала наркотики. Но я взрослый человек и хочу иметь право разрушать себя, если мне того хочется».

Впрочем, талант Франсуазы особенный. Он — в её органичном отношении к жизни и к литературе. Она всегда делает то, что хочет, она по-настоящему свободный человек — свободный от надрыва, от непосильного труда, от диктата: будь то диктат общества или диктат любимого дела. «Я пишу инстинктивно, как живу или дышу». Наверное, поэтому её книги многим людям, погрязшим в обязательствах, долгах, суете, нужны как глоток свежего воздуха. Наверное, поэтому у Саган множество друзей.

Юношеский восторг перед Сартром у Франсуазы перерос в тёплые чувства к кумиру её молодости, в глубокое понимание его сложного творческого пути. В 1980 году Саган опубликовала открытое письмо к Сартру, в котором назвала его самым честным и умным писателем своего поколения. Помимо общих литературных интересов этих двух знаменитых французов связывали общие шалости. Однажды Франсуаза со смехом рассказала журналистам, что столкнулась с Жан-Полем нос к носу… в некоем «доме свиданий». Каждый пришёл туда со своим спутником. Они часто вместе обедали в ресторанах. И поскольку к концу жизни писатель почти ослеп, Франсуазе разрешалось резать для него на тарелке мясо.

Многолетняя интимная дружба связывала Саган и с бывшим президентом Франции Франсуа Миттераном. Писательница гордилась, что за годы их общения они никогда не говорили о политике.

Однажды Саган призналась, что её бабушка со стороны отца была русской, а потому свою склонность к игре и авантюрам она объясняет «русскостью». Возможно, и страстная любовь отечественного читателя к Франсуазе объясняется этим почти забытым фактом родства. Во всяком случае, на необъятных российских просторах Саган — имя популярное.

P.S. Франсуаза Саган ушла из жизни 24 сентября 2004 года.

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ТЕРЕШКОВА

(1937)

Первая в мире женщина-космонавт (1963), кандидат технических наук, герой Советского Союза, председатель комитета советских женщин (1968—1987). В 1987—1992 годах председатель Союза обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. С 1994 года руководитель Российского центра международного научного и культурного сотрудничества.

О ней ещё, наверное, многое будут писать и рассказывать, хотя Валентина Владимировна делает всё, чтобы осложнить жизнь своим будущим биографам — она старательно скрывает свою личную жизнь, отказывается от встреч с журналистами, не пишет мемуаров, не выступает со скандальными разоблачениями. Она стоит в стороне от «тусовки». Возможно, в её стыдливости сказалось то самое «народное» воспитание, которое пуще всяких пороков осуждает нескромность, неумеренное стремление быть в центре внимания. Оценивать тебя должны по делам твоим, а не по умению создавать себе рекламу — этот мудрый завет давно вызывает насмешки в мире, где правят бал деньги. Но Валентина Владимировна пока не сдаётся. Вероятно, характер у неё крепкий. Да и в отличие от многих звёзд-однодневок о поддержании славы ей беспокоиться нечего. Актрис, писательниц, художниц, даже политических деятелей — женщин — несчётное количество, а первая леди-космонавт всегда будет одна.

Трудно сказать, что было в её успехе от везения, а что входит в актив её личных достижений. Мы предпочтём диалектический вывод — есть и то, и другое. Например, трудно назвать везением рождение в охваченной сталинским террором стране, да ещё и в разоряемой коллективизацией глухой деревне Масленниково Ярославской области. Ещё сложнее назвать её голодное детство без отца счастливым. Лишить Валю кормильца тоже постаралось родное отечество — Владимир Терешков пал смертью храбрых в малоизвестную сегодня «финскую» кампанию. Зато это незатейливое происхождение без подмоченной, с точки зрения советских служб, репутации сыграло важнейшую роль при выборе кандидатки-первооткрывательницы. Так что, поди разберись в нашем абсурдном мире, «что такое хорошо, а что такое плохо».

Подросшая Валя покинула родную деревню, как делали многие, убегающие из разорённого гнезда, и отправилась в город.

И снова простое, но не самое лёгкое решение — Терешкова стала ткачихой. Возможно, лишь маленький зигзаг в прямой, изъезженной дороге определил её судьбу: Валентина увлекалась парашютным спортом и весь досуг проводила в аэроклубе. Отсюда её и зачислили в отряд космонавтов.

Соперниц по фортуне у Терешковой оказалось четверо — Валентина Пономарёва, Ирина Соловьёва, Татьяна Кузнецова и Жанна Еркина. Все красивые, молодые, здоровые. Как они мечтали о полёте — душа, переполненная энтузиазмом эпохи оттепели, рвалась к подвигам. После курса общекосмической подготовки осталось три кандидатки — Терешкова, Соловьёва, Пономарёва. Вот когда судьба должна была сказать своё веское слово. Окончательный выбор счастливицы сделал сам глава правительства Никита Сергеевич Хрущёв. Говорят, стрелка весов склонилась в пользу Терешковой благодаря её безупречному пролетарскому происхождению, но, возможно, были какие-то и другие аргументы, пока неизвестные, в одночасье превратившие девушку Валю в первую женщину-космонавта.

К слову сказать, дублёрши Терешковой тоже добились жизненного успеха. Валентина Пономарёва дослужилась до полковника авиации, защитила диссертацию и работает в Институте истории естествознания и техники. Ирина Соловьёва тоже кандидат наук. Она старший научный сотрудник испытательного центра подготовки космонавтов. В составе знаменитой женской команды «Метелица» Соловьёва участвовала во многих антарктических и арктических экспедициях.

И всё же единственной избранной оказалась она — «Чайка». По этим позывным мир 16 июня 1963 года услышал Валентину Терешкову из космического «далека». До «Чайки» лишь девять человек совершили путешествие вокруг земного шара на околоземной орбите. Женщина-космонавт пробыла в космосе почти трое суток, и все три дня газеты, радио, телевидение всего мира сообщали об этом событии. «Мисс Вселенная» — такой заголовок предпослала английская газета «Дейли экспресс» сообщению своего московского корреспондента. По-видимому, в именовании Терешковой таким званием гораздо больше смысла, чем назвать «мисс Вселенной» какую-нибудь несмышлёную длинноногую красавицу.

Триумф Валентины организовали по всем правилам. Торжественная встреча в аэропорту, шествие по красной ковровой дорожке, награды (Терешкова единственная в России женщина-генерал), официальные приёмы, разрешённые интервью и, конечно, бытовые удобства. Но за внешним фасадом благополучного баловня судьбы скрывались жизненные

проблемы. Власть с самодовольной улыбочкой стремилась поддержать миф, что советские люди летают в космос, как на прогулку, возвращаются из заоблачных высей окрепшими и весёлыми.

Но первые корабли серии «Восток» напоминали их пилотам консервные банки. Гагарин, Титов, Попович не то чтобы встать в полёте, но даже шевельнуть рукой не могли. Представьте себе трехдневное пребывание женщины на борту в таких условиях. Говорят, вернувшись на землю, Гагарин не смог вспомнить месяц, число, забыл имя конструктора Королева; всегда жизнерадостный и весёлый, он в течение недели адаптации пребывал в жесточайшей меланхолии.

По мнению доктора медицинских наук, специалиста по послеполётной адаптации космонавтов Виталия Воловича, женский организм оказался абсолютно неприспособленным к условиям полёта в безвоздушном пространстве. Эксперимент оказался явно преждевременным. Желание обогнать само время — этим пороком всегда страдали большевистские эмиссары — дорого обходилось человеку в советской стране. Если у мужчин-космонавтов кальций в организме восстанавливался за 10—12 дней, то Терешкова не могла встать на ноги около месяца. Всепроникающие космические лучи действовали на женщину иначе. Кости стали хрупкими, ломались от мало-мальской нагрузки, нередко возникали кровотечения. Тот же Волович утверждает, что «мисс Вселенная» всю жизнь живёт под угрозой на ровном месте сломать ногу или истечь кровью от крохотной ранки.

Впрочем, тревога о собственном здоровье обычно не может испортить счастья, когда тебе немногим за двадцать. Настоящие муки Валентины Владимировны начались в связи с рождением ребёнка. Терешкова и Андриян Николаев (космонавт-3) познакомились ещё до полётов в Звёздном городке Но шоу из их романа государство решило организовать уже после того, как Терешкова стала народной героиней «Космической свадьбой» руководил сам Хозяин — Никита Сергеевич Хрущёв. Дом приёмов на Ленинских горах был полон высокопоставленных личностей, тосты, подарки и поздравления должны были вызвать ликование молодых и восхищение всего мира, но мало кто знал, что настоятельный «совет» партии завести космической паре ребёнка вызывал у молодых супругов панический ужас. Они знали, что эксперимент с собаками-космонавтами закончился плачевно. Щенки рождались слепыми, один даже — трехногим, все очень скоро погибли. Можно себе представить ту перспективу, которую воображала будущая мать, побывавшая в космосе.

По словам все того же Воловича, беременность Терешковой протекала очень тяжело. Практически весь период Валентина пролежала в госпитале. И всё же она снова снискала милость судьбы — девочка Алёнка родилась хотя и слабенькой, но нормальной. Надо сказать и добрые слова о советском государстве — хотя бы ради собственного престижа, но оно не оставляло ребёнка «космических» родителей без медицинской опеки. Девочка постоянно находилась под наблюдением врачей. А когда в 1970 году Андриян Николаев во второй раз полетел в космос, шестилетняя Алёнка во время сеанса радиосвязи с укором говорила: «Папа, что же ты меня не взял с собой? У тебя такой большой корабль…» Сегодня дочь Терешковой имеет собственную семью, а Валентина Владимировна стала бабушкой. Это ли не женское счастье?

Правда, космическая семья оказалась не столь прочной, как сталь, из которой делаются космические корабли. Развод был неизбежен, но союз Николаева и Терешковой рассматривался как политический вопрос, и когда о разрыве узнал Брежнев, то страшно разволновался. Бывшим супругам, заложникам советского приличия, ещё долгое время пришлось поддерживать своим плечом развалившийся дом. И всё же в этом ханжестве государственного масштаба было нечто рациональное — когда наша «затюканная баба» видела подтянутую, всегда ровную в общении, спокойную Валентину Терешкову — председателя Комитета советских женщин, — то ей казалось, что собственные её беды всего лишь досадные ошибки, собственные промахи, которые запросто можно поправить.

Для целого поколения шестидесятников Терешкова стала любимым символом «правильной» жизни, в которой равномерно расставлены акценты в карьере и семье. Не зря ещё Юрий Гагарин писал о ней: «Когда Валя пришла к нам в отряд космонавтов, мы все её очень полюбили: не только лётчики, инструкторы, но и наши жены. Она вошла в нашу жизнь, как входят в родную семью, — просто, без рисовки, с твёрдым желанием усвоить уже сложившиеся традиции. И, если удастся, внести нечто новое, своё…»

Наверное, в этом достойном приятии окружающего, его плюсов и минусов, и заключается основная формула успеха Валентины Владимировны, и судьба поэтому благосклонно отводит от неё несчастья. Как в тот достопамятный день, когда киллер вместо машины Брежнева расстрелял колонну космонавтов. Пули прошли под сиденьем Валентины Терешковой, но саму её не задели. По-видимому, это и есть везение.

В 1987 году Валентина Владимировна возглавила Союз

советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Сейчас это Российский Центр международного и культурного сотрудничества при правительстве России. Иными словами, это уже не общественная организация, а государственная структура, а наша героиня в ней — вроде министра.

Её вторая семья — можно сказать, «вполне генеральская». Муж тоже генерал, только медицинской службы. Юрий Шапошников — директор Центрального научно-исследовательского института травматологии и ортопедии, в прошлом — заместитель главного хирурга вооружённых сил страны. Живут они в Звёздном городке, в четырехкомнатной квартире на седьмом этаже дома космонавтов. Рано утром каждый день уезжают на работу в Москву. И поныне жители Звёздного обращают внимание на ухоженную, подтянутую, красивую женщину, ни минуты не позволяющую себе расслабиться, спокойную и уверенную в себе. Её «звезда» расположилась так высоко, что не нуждается в подсвечивании.

ДЕВА МАРИЯ

Потребность в женском божестве, в поклонении матери, защитнице и помощнице сильна была в любых культурах и религиях. В Древней Греции почитали Деметру, в Малой Азии — Кибелу, в Древнем Египте — Исиду. Но в христианской Деве Марии впервые воплотилось реальное человеческое начало — женское и материнское, понимаемое, как божественное. Предназначение женщины впервые было осознано обществом как служение высшим целям, как соединение её с Абсолютом. Приход нового человека в мир признавался таинством, у истоков которого стояла Мать. Непорочное зачатие было исполнено глубокого смысла — материнская миссия женщины осуществляется при непосредственном участии Всевышнего, без вмешательства грубых материальных сил.

Господь, как известно, разыскивал Мать Иисуса, словно обычный земной мужчина выбирал Мать, которая продолжит его род. В канонических евангелиях образ Девы не слишком занимает воображение авторов, но в апокрифе «История Иакова о рождении Марии» главная героиня с самого начала выступает избранницей Божией. Для Отца оказались важными не только святость самой Марии, но и достоинства её семейного клана и даже её национальное происхождение. Поначалу Господь отметил своей печатью «израилев народ», потом в нём выделил ветвь Давида и долго ждал, пока это дерево не принесёт райский плод — достойную женщину для Его божественного Сына.

Евангелие от Иакова начинается с описания того, как будущие родители Марии, престарелые Иоаким и Анна, скорбят о своей бездетности. Иоаким удаляется в пустыню пасти стада, а жена его молит Бога послать ей ребёнка. Наконец появляется ангел, возвещающий, что у Анны родится дочь. Родители дают обет посвятить её Богу. Когда Марии минуло три года, Иоаким во исполнение обета отвёл дочь в Иерусалимский храм. В храме Мария оставалась до двенадцати лет. Как и положено святой Деве, она питалась не обычной пищей, а небесной, которую приносили ей ангелы — словом, принимала «витамины», положенные женщине, чтобы родить божественного младенца. Когда Мария вступила в пору отрочества, жрецы храма по велению все того же гонца Всевышнего — ангела — созвали вдовцов, чтобы выбрать среди них хранителя и защитника Девы. На этом необычном собрании из посоха плотника Иосифа вылетела голубка и села ему на голову, что сочли небесным знаком, и препоручили Марию этому почтенному старцу.

Дальнейшая судьба святой Девы известна по Новому Завету. Вездесущий ангел Гавриил, посланный в город Назарет, возвестил Марии, что она обрела благодать у Бога и вскоре родит Ему сына, и наречёт его Иисусом. Мария поинтересовалась, каким же образом это случится, если она девственница. И ангел ответил, что Дух Святой снизойдёт на неё и сила Всевышнего её осенит. Кротость и покорность, с какими Мария приняла свою судьбу, стали основным лейтмотивом иконных образов Богородицы, а женственность и материнство в западной культуре ассоциируются с терпеливостью и смирением святой Девы. Апофеозом её жизни стало Рождество Христово. В Вифлееме, куда Мария направилась вместе с Иосифом, чтобы принять участие в переписи, появился на свет божественный Сын. Собственно, вся последующая жизнь святой Девы — лишь служение Иисусу, причём на этом крёстном пути Мария соединила в себе все непорочные женские ипостаси — матери, сестры, спутницы. Недаром в апокрифическом Евангелии от Филиппа подчёркивается, что мать Иисуса, его сестра и Мария Магдалина носили одно и то же имя.

Однако святую Деву нельзя воспринимать как нечто похожее на сосуд, в котором перенесли на землю богочеловека. С появлением ребёнка для Марии началось осознание окружающего мира. Если её сын не нуждался в духовной эволюции — он пришёл к людям уже гармоничным и самодостаточным, — то для матери этот подъем к вершинам божественного бытия стал подвигом обретения личности. Чего стоят только эти бесчисленные пророчества о будущем Иисуса? Что должна была понимать мать, глядя на беспомощного младенца, когда благочестивый старец Симеон, взяв из её рук ребёнка, провозгласил, обращаясь к Марии: «Вот Он лежит на падение и на восстание многих во Израиле и в знамение пререкаемое, Тебе же самой душу пройдёт меч»? Какие чувства испытала бедная женщина, увидев волхвов в собственном доме, которые пали ниц перед её крохотным дитятей?

Конечно, Мария являлась существом богоизбранным, но избранность её вовсе не подразумевала лёгкости земного пути или дара от Всевышнего в виде абсолютной мудрости. Чтобы многое понять, Мария принуждена была страдать, а особая божественная печать означала лишь особую остроту этих страданий. Вот, Иосиф и его жена обнаружили на обратном пути из Иерусалима, что Иисус потерялся в большом городе. Они бросились его разыскивать и нашли на одной из галерей, окружавших храм, где обычно проводили время в богословских беседах и толкованиях Закона раввины и книжники. Иисус сидел с мудрецами, слушал их и задавал вопросы.

«Дитя Моё, — воскликнула Мария, — почему Ты с нами так поступил? Вот отец Твой и Я с болью Тебя ищем».

«Что же вы искали Меня? — ответил Иисус. — Не знали вы, что Мне надлежит быть во владениях Отца Моего?»

Ребёнок становился загадочным, его великая миссия все настойчивее проявлялась во внешнем мире, а вместе с взрослением росла и трагическая напряжённость вокруг Иисуса, приближался день Голгофы. Марии было открыто, что её сын — Помазанник Господень. Но невозможно себе представить, сколько духовных сил необходимо матери, чтобы сохранить веру в высокое предназначение рождённого тобой ребёнка. Будничная назаретская жизнь мало давала поводов для ожидания чуда. Франсуа Мориак, тонкий знаток человеческой души, писал: «Ребёнок становился юношей, взрослым человеком. Он не был велик, Его не называли Сыном Всевышнего; у Него не было престола, но лишь табуретка у огня в бедной хижине. Мать могла бы усомниться, но вот свидетельство Луки: „Мария сохраняла все в сердце Своём“… Она хранила пророчества в сердце и не говорила о них никому, быть может, даже Своему Сыну».

Евангелист Лука говорит, что односельчане любили Иисуса, но для них Он был всего лишь сельским юношей, одним из многих, может быть, только чуть-чуть странным, погруженным в свои, никому не ведомые думы. Когда же он начал проповедовать, это вызвало искреннее удивление у земляков. Многочисленная родня Марии и её Сына, мирок которых ограничивался улицей, работой, домом, тоже не восприняла Иисуса посланцем Божиим. Узнав о проповеди в Капернауме, Его братья сочли Сына Марии безумным.

Душевное одиночество Иисуса отражают и не записанные в Евангелии Его слова: «Те, кто рядом со Мной, Меня не поняли». Единственным близким существом оставалась Мать.

Обожествление Марии далеко не сразу было принято христианской церковью. В трех Евангелиях мать Иисуса даже не названа среди присутствовавших при распятии. Только в Евангелии от Иоанна Мария оказывается у креста и Сын поручает её своему любимому ученику. В Деяниях апостолов святая Дева упомянута пребывающей в молитве после казни Христа вместе с учениками и братьями его. Ещё в IV веке между отдельными группами верующих шла борьба по вопросу о том, как относиться к культу Марии. Епископ кипрский Епифаний, живший в середине IV века, осуждал тех почитателей Девы, которые «стараются ставить её вместо Бога и говорят о ней, увлечённые каким-то безумием и умоповреждением». В доказательство того, что Мария не является основным лицом в христианском культе, Епифаний

ссылался на отсутствие каких-либо сведений в священном писании.

Только в конце IV века появилось сочинение анонимного автора «Об успении Марии». В нём рассказывается о последних годах жизни Матери Иисуса, её смерти и вознесении на небо. Согласно этим данным, Мария после казни Сына некоторое время жила в Иерусалиме вместе с Иоанном. Затем она переселилась в малоазийский город Эфес, где активно проповедовала идеи Сына. Перед смертью она вернулась в Иерусалим. Кончина её сопровождалась различными чудесами: сам Иисус в окружении множества ангелов спустился на сверкающем облаке и принял её душу. К моменту успения Марии в Иерусалим прибыли все апостолы, кроме Фомы. Они и похоронили её. На третий день после смерти святой Девы пришёл Фома и захотел посмотреть тело умершей. Апостолы по его просьбе открыли гроб, но он оказался пустым. Вечером, когда ученики Иисуса, собравшись вместе, обсуждали это событие, «отверзлись небеса» и показалась Мария. Как и её Сын, она воскресла в своём человеческом облике.

В IV—V веках установился культ Марии. Её начали называть «Богородицей» и «Богоматерю», в честь неё учреждаются праздники, её образ становится для страждущих единственной отрадой среди непонимания и жестокости этого мира.

notes

Примечания

1

Дочь от первого брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской, расторгнутого в 1553 году, Мария (род. в 1510 году) могла быть наследницей престола только в том случае, если бы у Генриха не было бы детей мужского пола от второго брака (с Анной Болейн). Королева Мария I поддерживала папскую власть и реставрацию римского католицизма. При ней английские протестанты подвергались гонениям, около 300 человек были казнены. Из-за этого за ней закрепилось прозвище «кровавая».

2

Я из этого создала драму (фр.)